Т. П. ЛОМТЕВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Допущено Главным управлением университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР в качестве учебного пособия для государственных университетов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1956

От автора

Научная разработка исторического синтаксиса русского языка как самостоятельного предмета исследования находится в состоянии превоначального собирания материалов, обследования источников.

Предлагаемые читателю «Очерки по историческому синтаксису русского языка» содержат инвентаризацию грамматических средств в их историческом развитии. Попытка установления позиционных отношений между ними имеет весьма скромное значение. «Очерки» сложились на основе лекций по историческому синтаксису русского языка, читанных автором в МГУ. Эта книга не является учебником, не все важные вопросы в ней освещены; так, отсутствуют очерки по истории безличных предложений. Однако она может быть пособием для студентов-филологов, в особенности для тех, кто избрал своей специальностью языкознание, а также для аспирантов.

Приношу глубокую благодарность за ценные советы и указания товарищам по кафедре — проф. П. С. Кузнецову, доц. Д. Э. Розенталю и ныне покойному доц. В. К. Чичагову, рецензентам работы проф. В. И. Борковскому, доц. И. А. Василенко и всему коллективу кафедры русского языка Московского городского педагогического института.

Считаю своим приятным долгом назвать имена моих учеников — О. Н. Варваровой, В. А. Ивановой, Е. П. Калечиц, И. С. Криштофовой, Р. Лион, Н. В. Макарова, А. Б. Правдина, Е. А. Седельникова, А. М. Смирновой и др., совместная работа с которыми содействовала выяснению отдельных вопросов исторического развития синтаксиса русского языка.

Москва, 1956 г. *Проф.* Т. П. ЛОМТЕВ.

ВВЕДЕНИЕ

Предмет синтаксиса

Язык есть важнейшее средство человеческого общения, которым люди пользуются в их совместной работе во всех областях их деятельности. Специфические особенности языка как общественного явления заключаются в том, что он обслуживает общество как средство обмена мыслями.

С помощью языка люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. В составе языка выделяются словарный состав и грамматический строй. Словарный состав является лексическим материалом для языка. Грамматический строй выражает законы и правила использования лексического материала в целях обмена мыслями и достижения взаимопонимания, он представляет собой единство грамматических средств языка, которые со словарным составом служат для общения людей в обществе.

Грамматические средства имеют самобытную форму у каждого языка. Так, в индоевропейских языках имеется система предложных конструкций, а в тюркских языках — система послеложных конструкций. В индоевропейских языках глагол имеет только субъектное оформление. В русском языке, например, глагол содержит только показатели лица субъекта: *я ид-у, ты ид-ешь, он ид-ет*. В языках народов Севера глагол имеет не только субъектное, но и объектное оформление, он содержит показатели не только лица субъекта, но и лица объекта. В корейском языке глагол не содержит ни показателей лица субъекта, ни показателей лица объекта, но имеет показатель отношения говорящего лица к лицу, с которым или в присутствии которого происходит беседа.

В английском языке развились предложные конструкции и исчезли падежные окончания. В русском языке при наличии предлогов сохраняются падежные окончания; здесь произошла перегруппировка имен существительных по склонениям, но утрачены почти все прежние формы глагола. В литовском языке сохранились прежние типы склонений. В болгарском языке почти утрачены падежные окончания имен, но сохранились почти все прежние формы глагола и т. д.

Эти и подобные примеры неопровержимо доказывают, что каждый язык имеет свои особые, самобытные грамматические средства, вытекающие из природы языка как общенародной формы культуры отдельных народов.

Слова в русском языке обладают системой грамматических свойств. Имя существительное в русском языке представляет собой систему грамматических свойств рода, числа и падежа. Глагол представляет систему грамматических свойств вида, залога, наклонения и времени.

Грамматические свойства рода, числа и падежа имени существительного представляют собой грамматические категории рода, числа и падежа имени существительного как отдельного слова. Грамматические свойства вида, залога, наклонения и времени представляют собой грамматические категории вида, залога, наклонения и времени глагола как отдельного слова.

В русском языке одно слово может иметь разные формы, выражающие его разные грамматические свойства. Отдельную форму отдельного слова мы будем называть с л о в е с н о й ф о р м о й. Словесная форма *идет* представляет собой отдельную форму глагола *идти*, который имеет и другие словесные формы: *шел, будет идти, иди, шел бы, шла, идти* и т. д. Эти формы, как элементы глагольной системы, противопоставляются друг другу по категории времени (*иду — буду идти — шел*), наклонения (*иду — иди*), лица (*иду — идешь — идет*) и числа (*иду — идем*). Словесная форма *стену* представляет собой отдельную форму имени существительного *стена*, которое может иметь и другие формы: *стене, стены, стенами, стенах* и т. п. Эти формы как элементы именной системы противопоставляются друг другу по категории падежа (*стол — стола — столу* и т. д.), рода (*стол — стена*) и числа (*стол — столы*).

В грамматической системе русского языка есть и такие слова, которые имеют только одну форму. К числу таких слов относятся предлоги, частицы, а также большинство групп наречий. Слова, имеющие только одну форму, мы также будем называть словесными формами.

В каждом данном предложении одна словесная форма может представлять значения разных грамматических категорий.

Русская словесная форма *идет* представляет собой грамматические значения нескольких грамматических категорий, свойственных глаголу: значения настоящего времени, несовершенного вида, изъявительного наклонения, невозвратного залога, 3-го лица, единственного числа. Русская словесная форма *стену* представляет грамматические значения разных категорий, свойственных имени существительному: значения женского рода, единственного числа, винительного падежа. Одна словесная форма в каждом данном предложении не может представлять разные значения одной категории; словесная форма *идет* в предложении *он идет* представляет значения шести грамматических категорий: вида, залога, времени, наклонения, лица и числа. Из каждой грамматической категории она представляет только одно грамматическое значение — несовершенного вида, невозвратного залога, настоящего времени, изъявительного наклонения, единственного числа — и исключает другие грамматические значения той же грамматической категории — значения совершенного вида, возвратного залога, будущего или прошедшего времени, повелительного или условного наклонения и множественного числа.

Разные формы слова, принадлежащие одной грамматической категории, взаимно исключают друг друга в каждом отдельном акте общения. В предложении *он идет* в одном акте общения невозможна наряду с формой *идет* и форма *шел*.

В каждом отдельном предложении слово функционирует как отдельная словесная форма, а не как совокупность всех его возможных форм.

Отдельная словесная форма русского слова представляет собою элемент внутрисловесного противопоставления и потому является элементом языковой системы русского языка.

Отдельная словесная форма, как элемент языковой системы, служит грамматическим средством обеспечения взаимопонимания только в предложении. Только в системе предложения словесные формы функционируют как средства обмена мыслями. Следовательно, предложение с точки зрения его назначения в акте общения есть грамматическое средство, имеющее своим назначением добиться взаимопонимания при обмене мыслями. Это — общее назначение всех типов предложений и всех словесных форм, входящих в состав предложений. Задаем ли вопрос, побуждаем ли к действию, мы всегда стремимся достигнуть взаимопонимания. Каждый акт общения имеет назначением достигнуть взаимного понимания, но каждый акт общения, кроме этого общего назначения речи вообще, имеет еще добавочные назначения и цели. Эти добавочные назначения, имеющиеся в каждом отдельном акте общения, не безразличны для структуры и форм предложения. От

частных и добавочных назначений отдельных актов общения зависят особенности и свойства отдельных предложений.

Различные свойства предложений, вытекающие из частных назначений их в отдельных актах общения, называются их модальными свойствами. По характеру своих модальных свойств предложения распадаются на ряд групп.

Модальный характер повествования имеют предложения, которые в отдельном акте общения имеют только одно назначение — утверждение (или отрицание) чего-либо о чем-либо (ср.: *Четырехугольник с равными сторонами и равными углами есть квадрат*).

Модальный характер аффекта и восклицания имеют предложения, назначение которых, кроме утверждения чего-либо о чем-либо, выразить эмоциональное восприятие говорящим лицом того, что утверждается о чем-либо (ср.: *Пожар! Какая красота!*).

Модальный характер долженствования имеют предложения, назначение которых, кроме утверждения чего-либо о чем-либо, выразить необходимость или долженствование того, что утверждается (или отрицается) о чем-либо (ср.: *Вы сегодня должны быть на собрании; Быть бычку на веревочке*).

Модальный характер собственной речи имеют предложения, назначение которых, кроме утверждения чего-либо о чем-либо, выразить то, что речь говорящего точно воспроизводит речь другого лица (ср.: *Он сказал брату: «Я сегодня приду рано»*).

Модальный характер побуждения имеют предложения, которые в акте общения имеют назначением побудить кого-либо сделать что-либо (ср.: *Принеси воды!*).

Модальный характер вопроса носят предложения, которые в акте общения имеют назначение получить ответ на поставленный вопрос (ср.: *Когда будет профсоюзное собрание?*).

Предложения можно так или иначе группировать по их модальным свойствам. В связи с этим возникает вопрос о том, какие позиции[1] могут занимать разные словесные формы в предложениях разного модального плана. Рассмотрим сначала позиции словесных форм в повествовательных предложениях.

Отмечалось, что понятия членов предложения — не грамматические понятия и не должны иметь места в синтаксисе. Обращалось внимание на то, что члены суждения — субъект и предикат — имеют общечеловеческий характер; структура суждения одинакова у всех народов; между тем словосочета-

---

[1] Под позицией здесь и в дальнейшем понимается роль и назначение словесной формы в предложении.

ния, выражающие суждение и его члены, разные в различных языках. Из этого делается вывод, что предметом синтаксиса является изучение словосочетания, а не предложения и его членов.

Структура суждения, действительно, имеет общечеловеческий характер. Грамматические же средства в каждом национальном языке имеют самобытный характер. Однако грамматические средства служат не сами для себя, а для обмена мыслями в целях достижения взаимопонимания. Если субъект и предикат представляют собою члены суждения как выражения определенной мысли, то они не могут быть безразличными для грамматических средств, которые служат в процессе обмена мыслями делу достижения взаимопонимания.

Простейшим элементом в организации предложения являются словесные формы, взятые сами по себе и в сочетании с другими словесными формами.

У всякого элемента грамматической системы есть цель в процессе обмена мыслями. Целью предложения как грамматического средства является предмет общения, то есть мысли, которыми обмениваются в процессе общения.

В предложении словесные формы, имеющие назначением выражение субъекта и предиката, называются подлежащим и сказуемым. Они и являются главными членами предложения.

В предложении имеются также словесные формы, являющиеся второстепенными членами предложения, и формы, не являющиеся членами предложения вообще.

Назначение второстепенных членов предложения в процессе обмена мыслями — достигнуть полного и точного взаимопонимания путем дополнения и уточнения содержания словесных форм в позиции главных членов предложения. Такая функция словесных форм в предложении представляет собою второстепенную структурно-смысловую позицию в построении предложения. Словесные формы в этой позиции являются второстепенными членами предложения.

Поясним это на примере. В древнерусском языке имя существительное *зима* имело значение наиболее холодного времени года и холода, мороза. Выражение *умирает зимою* представляет собою предложение, и мысль, которая выражалась этим предложением, в общем была ясна; но точного и полного взаимопонимания у говорящих могло и не быть; предложение *умирать зимою* в древнерусском языке могло обозначать наступление смерти во время зимы (время года), во время холодной погоды и под влиянием холода (причина).

Потребности полного и точного взаимопонимания не обеспечивались таким грамматическим средством рассматриваемого предложения, как творительный падеж; в дальнейшей

истории языка обеспечение полного и точного взаимопонимания достигалось сохранением творительного падежа в значении времени действия (ср.: *умирает зимой* в смысле «во время зимы») и заменой его предложной формой «*от* плюс родительный падеж» в значении причины (ср. *умирает от зимы*, то есть от холода, от мороза).

Как указано было выше, в древнерусском языке форма творительного падежа употреблялась для обозначения действия сквозь проем, отверстие, ср.: *подавали пищу оконцем.*

Кроме того, в древнерусском языке творительный падеж употреблялся и для обозначения направления движения, например: :«Изыде съ вои берегомъ и моремъ» (Ип. л.).

В последующей истории языка на месте одной формы творительного падежа в пространственном значении было выработано несколько новых средств — разных предложных оборотов: *выскочил* ***в окно***, *проскочил* ***через окно*** вместо прежнего ***окном***; *смотрел* ***в дверцы***, *смотрел* ***сквозь дверцы*** и т. п., а не *дверцами.* Эти разнообразные средства более успешно обеспечивают максимальную точность взаимопонимания.

Таким образом, различие между главными и второстепенными членами предложения заключается в различии роли словесных форм в предложении. Словесные формы, являющиеся главными членами предложения, служат для раскрытия содержания субъекта и предиката и тем самым имеют прямое отношение к выражению мысли как предмета общения, между тем как словесные формы, являющиеся второстепенными членами предложения, служат для раскрытия содержания других словесных форм и тем самым имеют косвенное отношение к выражению мысли.

Различие между второстепенными членами предложения также зависит от их роли в предложении. Если общий характер второстепенных членов определяется тем, что они как словесные формы служат для раскрытия содержания других словесных форм, то различие внутри этих членов предложения должно определяться в зависимости от того, какие словесные формы они обслуживают. Словесные формы, нуждающиеся в целях обеспечения взаимопонимания в дальнейшем развитии своего содержания, могут представлять собою глагол и имя в широком смысле этих слов.

Из этого следует, что словесные формы, являющиеся второстепенными членами предложения, могут служить для раскрытия содержания глагольных форм и, следовательно, занимать позицию приглагольных грамматических средств, и для раскрытия содержания имен, и, следовательно, занимать позицию приименных грамматических средств.

Различие между приглагольными грамматическими средствами определяется тем, какую роль при глаголе они играют. Словесные формы могут раскрывать объект, на который переходит действие, выраженное глаголом, или относительно которого оно осуществляется; словесные формы могут раскрывать условия или обстоятельства, при которых осуществляется действие, выраженное глаголом.

Словесные формы, выступающие в роли грамматических средств объекта глагольного действия, называют дополнением; словесные формы, выступающие в роли разного рода обстоятельств глагольного действия или образа и способа его протекания, называют обстоятельством.

Различие между приименными грамматическими средствами определяется в зависимости от того, какое имя они обслуживают. Словесные формы, являющиеся приименными грамматическими средствами, могут обслуживать субстантивные и атрибутивные формы; в первом случае они развивают содержание грамматического предмета; во втором случае они развивают содержание грамматического атрибута. За словесными формами, выполняющими указанную роль в предложении, закреплен термин определение; этот термин в широком смысле слова имеет два значения: определение качества или свойства грамматического предмета и определение степени качества.

Таким образом, члены предложения — это словесные формы, занимающие те или другие позиции в построении предложения как средства обмена мыслями в процессе общения. С этой точки зрения одни и те же словесные формы могут быть разными членами предложения, то есть могут представлять одни и те же грамматические средства, выступающие в разной грамматической позиции; так, словесная форма *почти* в выражении «почти прокурор» является определением грамматического предмета, поскольку она обслуживает имя существительное, а в выражении «вошел почти неслышной походкой» является определением степени качества, поскольку она обслуживает имя прилагательное; предложная форма *в Ленинград* в выражении «поехал в Ленинград», является обстоятельством, поскольку она обслуживает глагол, а в выражении «поездка в Ленинград не состоялась» — определением грамматического предмета, поскольку она обслуживает имя существительное; предложная форма *на подносе* в выражении «принесли письмо на подносе» является дополнением, поскольку она, обслуживая глагол, обозначает орудие, посредством которого осуществляется действие, выраженное этим глаголом, а в выражении «письмо лежало на подносе» является обстоятельством, поскольку она, обслуживая глагол, обозначает ме-

сто действия-состояния, выраженного этим глаголом. Предложная форма *на подносе* в выражении «письмо — на подносе» также является обстоятельством, так как это выражение предполагает отсутствующий глагол существования.

В то же время разные словесные формы, занимая одинаковую позицию в предложении, могут представлять один член: так, родительный падеж имени существительного *дочери* и имя прилагательное *дочернин* в выражениях «платок дочери» и «дочернин платок», имя прилагательное *глиняный* и предложная форма *из глины* в выражениях «глиняный горшок» и «горшок из глины», имя прилагательное *сталинградский* и предложная форма *под Сталинградом* в выражениях «Сталинградская битва» и «битва под Сталинградом» представляют собою один член предложения, поскольку они обслуживают грамматический предмет, раскрывая его содержание с той или другой стороны, т. е. поскольку они занимают одну и ту же позицию в предложении — позицию присубстантивного грамматического средства.

Или еше: местоименная форма имени прилагательного в именительном падеже *добрый*, та же форма в творительном падеже *добрым*, именная форма того же имени прилагательного *добр* в выражениях «он был добрый», «он был добрым», «он был добр», имя существительное в именительном падеже *добряк*, то же существительное в творительном падеже *добряком* в выражениях «он был добряк» и «он был добряком» являются одним и тем же членом предложения, поскольку они служат для выражения предиката, следовательно, находятся в позиции сказуемого.

Словесные формы глагола употребляются обычно в позиции сказуемого. Приглагольные грамматические средства, обслуживая глагол, тем самым обслуживают сказуемое.

Словесные формы имени могут употребляться в разных грамматических позициях. Приименные грамматические средства сохраняют свою грамматическую роль независимо от грамматической позиции именных словесных форм, которые они обслуживают. В предложении «Туда я больше не ездок» словесная форма *туда* обслуживает имя существительное *ездок* в позиции сказуемого, в предложении «Поездка туда не состоялась» она обслуживает имя существительное *поездка* в позиции подлежащего, в предложении «Мы задумали поездку туда» та же словесная форма обслуживает имя существительное *поездка* в позиции дополнения. Во всех этих трех случаях словесная форма *туда* занимает одинаковую грамматическую позицию и является одним и тем же членом предложения. Учет грамматической позиции именной словесной формы имеет важное значение, так как степень распространения граммати-

ческих средств при именах, занимающих разные позиции в предложении, может быть разная; при именах в позиции сказуемого степень употребления обслуживающих грамматических средств выше, чем при именах в других позициях. Приименные грамматические средства остаются одним членом предложения независимо от того, в позиции какого члена предложения выступает та или другая обслуживаемая именная форма.

Можно было бы утверждать, что для определения обстоятельства как члена предложения не имеет никакого значения, находится ли данная словесная форма в приименной или приглагольной позиции, но имеет значение тот факт, что она раскрывает обстоятельство действия независимо от того, какою частью речи оно выражено; глагол *поехал* и имя существительное *поездка* выражают действие, и при них предложный оборот *в Ленинград* одинаково является обстоятельством. Однако следует отметить, что такое определение качества члена предложения как языкового элемента исходит из принципов понятийного, а не грамматического анализа. *Поехал* и *поездка* — одно понятие действия, но элементы в языковой системе разного качества. И если мы хотим остаться на позиции грамматического, а не понятийного анализа, то мы должны признать, что это различие в качестве данных элементов языковой системы не может не определять различие той позиции, которую занимают при них другие словесные формы.

Словесная форма, как член предложения, есть элемент языковой системы, обладающий своим качеством.

Кроме словесных форм, являющихся членами предложения, имеются словесные формы, не являющиеся членами предложении. Такие словесные формы не раскрывают содержания других членов предложения, а служат только для установления отношений между членами предложения. Положение словесных форм, не являющихся членами предложения, представляет собою их служебную роль в построении предложения как средства обмена мыслями.

Такова роль предлогов в предложении. По происхождению предлоги являются членами предложения, но поскольку они становятся предлогами, они перестают быть членами предложения и начинают обслуживать другие члены предложения, то есть превращаются в придаток другого члена предложения.

Предлог *о* в словосочетании «думал о брате» не раскрывает ни содержания глагола *думал*, ни содержания предложного падежа имени существительного *брате*, он служит только для установления отношения между словесными формами *думал* и *брате*; он является средством, обозначающим то, что

предмет, выраженный предложным падежом *брате,* является объектом действия, выраженного глаголом *думал.*

В науке о русском языке нашло широкое распространение разграничение двух типов предложений — двусоставных и односоставных. Предложение является двусоставным, если в нем имеются отдельные словесные формы в позиции двух главных членов предложения; предложение является односоставным, если в нем имеется словесная форма только в позиции одного главного члена. В связи с этим возникает вопрос о качестве главного члена предложения в односоставных предложениях. Определение качества главного члена односоставного предложения представляет некоторые трудности. Однако в полных односоставных повествовательных предложениях позиция главного члена всегда отождествляется с позицией того или другого главного члена двусоставного предложения. В безличных, обобщенно-личных и неопределенно-личных односоставных предложениях позиция главного члена может быть отождествлена с позицией сказуемого двусоставных предложений. «Например, — говорит акад. В. В. Виноградов, — предложение *Градом побило рожь* находится в синонимической грамматической связи с двусоставным предложением *Град побил рожь,* поэтому *побило* воспринимается как выраженное безличной формой глагола сказуемое односоставного предложения... Неопределенно-личные предложения (*Говорят, Просят не курить* и т. п.) и предложения обобщенно-личные (*Любишь кататься — люби и саночки возить*) также функционально-синтаксически (при наличии своеобразных семантических и стилистических оттенков) мало отличаются от двусоставных конкретно-личных глагольных предложений (ср. *Сижу и думаю — Я сижу и думаю; Ты видишь свои ошибки — Видишь свои ошибки*). В неопределенно-личных предложениях форма 3-го лица множественного числа глагола обозначает личное действие, осуществляемое неопределенным количеством, неопределенным множеством лиц; в обобщенно-личных предложениях форма 2-го лица выражает действие, связываемое с собирательным лицом, с любым человеком вообще» [1].

Позиция главного члена в повествовательных именных номинативных предложениях может быть отождествлена с позицией подлежащего двусоставных предложений, ср.: «*Серое осеннее утро.* Еще нет и восьми часов, а в Пятисобачьем переулке необычайное движение» (Чех.).

---

[1] **В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения, журн. «Вопросы языкознания» № 1, 1954, стр. 10.**

Предложение *Серое осеннее утро* соотносится с предложениями *Серое осеннее утро наступило, Серое осеннее утро было морозное, Серое осеннее утро было туманное* и т. п.

На фоне взаимоотношений этих предложений ярко выделяется тождество позиции главного члена односоставного номинативного предложения с позицией подлежащего повествовательных двусоставных предложений.

Свои особенности имеются при определении позиции словесных форм в вопросительных и побудительных предложениях; вопросительные и побудительные предложения не выражают суждения, в их составе не может быть логического субъекта и предиката. Однако и в этих предложениях качество членов предложения не отличается от качества членов двусоставных повествовательных предложений.

В вопросительных и повествовательных предложениях имеются разные словесные формы. В грамматической системе русского языка имеются особые словесные формы для постановки вопроса. Их вопросительный характер не имеет отношения к качеству позиции, которую могут занимать эти словесные формы в предложении. Позиция вопросительного местоимения *кто* в предложении *Кто был в театре?* тождественна с позицией личного местоимения *он* в предложении *Он был в театре*. Позиция вопросительного наречия *где* в предложении *Где ты был?* тождественна с позицией предложного оборота *в театре* в предложении *Ты был в театре*. Следовательно, вопросительное местоимение *кто* и личное местоимение *он* в указанных выше предложениях являются подлежащими, так как они занимают тождественную позицию в соответствующих предложениях. Вопросительное наречие *где* и предложный оборот *в театре* являются обстоятельствами, так как они занимают тождественную позицию в соответствующих предложениях.

С позициями словесных форм повествовательных предложений тождественны позиции словесных форм и в побудительных предложениях. Форма повелительного наклонения *принеси* является одной из парадигматических форм глагола *принести*, и ее позиция в предложении *Принеси воды* тождественна с позицией словесной формы *принес* в предложении *Он принес воды*. Эта позиция носит название сказуемого.

Соответствующие члены в предложениях разного модального плана тождественны по своему качеству.

В одной синтаксической позиции может объединиться многообразное содержание.

Отдельные словесные формы в одной и той же позиции как грамматические средства могут обслуживать разные задания в отдельных актах общения. Они могут, оставаясь одним

и тем же членом предложения, то есть занимая одну и ту же позицию в предложении, удовлетворять разные потребности в акте общения: они могут выразить вопрос, сомнение, восторг или возмущение, побуждение или пожелание и т. п. Все эти задания и требования, отражающиеся в модальном характере предложения, характеризуют один какой-нибудь член предложения, а не два.

Изучение субъекта и предиката есть предмет логики, но изучение позиций, которые могут занимать словесные формы в связи с их служебной ролью в предложении, есть предмет синтаксиса, а не логики.

Синтаксис является частью грамматики. Кроме синтаксиса, в грамматику входит морфология.

Для правильного решения вопроса о разграничении предмета синтаксиса и предмета морфологии необходимо расчленить значение словесных форм на две группы.

Первую группу составляют значения словесных форм как элементов внутрисловесного противопоставления, значения, подчиняющиеся правилам словоизменения слов в предложении; вторую группу составляют значения словесных форм в их сочетании с другими словесными формами, значения, подчиняющиеся правилам сочетания слов в предложении, правилам образования предложений.

Значения первой группы рассматриваются в морфологии. При изучении строения словесных форм морфология учитывает эти основные значения словесных форм и опирается на них.

Значения второй группы рассматриваются в синтаксисе. При изучении значения словесных форм синтаксис выделяет эти основные значения словесных форм и опирается на них при изучении всех отдельных значений данной словесной формы.

Морфология, изучая структуру винительного падежа в русском языке, отмечает тот факт, что винительный падеж, как элемент внутрипадежного противопоставления, есть падеж прямого объекта. Морфология винительного падежа это морфология форм прямого объекта в грамматической системе. Само выражение «формы винительного падежа» означает именно формы, основной функцией которых является выражение прямого объекта.

Таким образом, к морфологии относится изучение состава словесных форм и их строения, на основе учета тех их значений, без которых нет самих форм, то есть тех значений, которые имеют словесные формы, взятые как таковые.

Словесные формы имеют не только такие значения, которые принадлежат им как таковым, но и такие значения, кото-

рые принадлежат им в сочетании с другими словесными формами.

Форма винительного падежа имеет, кроме значения прямого объекта, и другие значения. Так, при глаголах, обозначающих воздаяние, возмездие, в сочетании с предлогом «за» винительный падеж обозначает причину действия, выраженного глаголом, например: *Награжден за заслуги* (воздаяние); *Оштрафован за халатность* (возмездие).

При глаголах, имеющих значение борьбы, винительный падеж с тем же предлогом *за* обозначает цель, например: *Они сражались за родину*.

Значения винительного падежа в сочетании с разными глаголами без предлогов также различны; при глаголе *писать* винительный падеж обозначает объект, ср.: *пишу письмо*; при глаголе *мстить* — причину (ср.: у Пушк. как архаическое выражение: «отмстить поруганную *дочь*»).

Эти значения винительного падежа свойственны ему не как отдельной словесной форме, а как словесной форме в сочетании с другими словесными формами; они зависят от условий контекста, сочетания слов, и их нельзя изучать в морфологии; их изучение является предметом синтаксиса.

Таким образом, в отношении падежных форм возникает задача отделения тех их значений, которые принадлежат им как таковым, т. е. как элементам внутрипадежного противопоставления, от тех значений, которые принадлежат им в сочетании с другими словесными формами.

В предмет морфологии входит учет того значения словесных форм, которые принадлежат им как таковым; но изучение значения словесных форм, которые принадлежат им в сочетании с другими словесными формами, входит в предмет синтаксиса.

Предмет синтаксиса должен быть также отграничен и от предмета лексикологии и семасиологии, так как слово, будучи носителем лексико-семантических значений, является вместе с тем носителем грамматических и лексико-грамматических свойств. Один и тот же падеж при одном и том же глаголе может иметь разные грамматические значения при разных именах существительных; так, при глаголе пребывания «жил» творительный падеж имени существительного «река» в сочетании с предлогом «за» обозначает место пребывания, ср.: *жил за рекой*; а творительный падеж имени существительного «помещик» при том же глаголе означал пребывание под властью помещика, ср.: *жил за помещиком*. В современном русском языке пережитком такой конструкции является оборот *была замужем*, то есть «жила за мужем».

Винительный падеж имени существительного *ночь* в выражении «проработал всю ночь» обозначает время, а винительный падеж имени существительного *глава* в выражении «проработал всю главу» обозначает объект.

Разные значения одного и того же падежа разных имен существительных связаны с разным характером самих существительных, а не их падежных форм. Такие свойства имен существительных, от которых зависит различие в значениях одной падежной формы, называются лексико-грамматическими. Лексико-семантические различия между существительным «конь» и «плуг» состоит в том, что первое относится к области животноводства, а второе — к области сельскохозяйственных орудий; но между этими словами имеется и лексико-грамматическое различие: первое обозначает одушевленный, а второе — неодушевленный предмет; различие между именами существительными, обозначающими одушевленные и неодушевленные предметы, не есть различия лексико-семантические; от этих различий может зависеть различие в значениях одной и той же падежной формы; можно сказать *пахал плугом,* но современный русский литературный язык не допускает оборотов *пахал конем, ехал конем.* Имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, в современном литературном языке не употребляются в творительном падеже в функции орудия; между тем в древнерусском языке такие обороты были употребительны.

Изучение употребления падежных форм имен существительных в связи с их лексико-грамматическими свойствами есть предмет синтаксиса, а не лексики и семасиологии.

Таким образом, изучение значений словесных форм в связи с другими словесными формами соответствующих частей речи относится к области синтаксиса, а не морфологии и лексикологии.

Предметом синтаксиса современного русского языка является изучение законов сочетания слов и образования предложений. Предметом исторического синтаксиса является изучение законов развития синтаксического строя языка, законов возникновения и постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества.

Исторический процесс отмирания элементов старого качества и накопления элементов нового качества

Синтаксический процесс развивается строго закономерно. Закономерный характер развития синтаксического процесса означает, что в синтаксической системе языка элементы но-

вого качества возникают в результате ее закономерного развития, а не в результате их привнесения извне.

В каждом языке элементы нового качества возникают по внутренним законам его собственного развития. Положение о том, что синтаксис представляет собою наиболее проницаемую область грамматического строя русского языка, что пополнение этой области элементами нового качества происходит за счет привнесения их из других языков, требует серьезного пересмотра.

В целом нельзя, конечно, возражать против возможности привнесения элементов языковой системы из одного языка в другой; однако было бы неправильно переоценивать эти возможности и делать из этого вывод о том, что один язык может быть источником образования элементов нового качества для другого языка. Правильнее было бы говорить не о «проницаемости» или «непроницаемости» языковой системы одного языка по отношению к элементам языковой системы другого языка, а о потребностях языковой системы в элементах нового качества и возможностях удовлетворения этих потребностей за счет иноязычных ресурсов. В этом смысле все области грамматического и фонетического строя языка развиваются строго закономерно, и привнесение в языковую систему элементов извне может иметь место только в тех случаях, когда она испытывает потребность в этих новых элементах и когда последние не могут быть образованы из собственных средств.

С этой точки зрения потребности заимствования и освоения системой одного языка элементов системы другого языка весьма ограничены во всех областях языковой системы.

Мы не знаем в русском языке падежных форм, заимствованных из других языков. В развитии славянского языка-основы не было процесса образования новых падежных форм и, следовательно, не было потребностей в новых элементах этого качества.

Однако процесс образования новых предлогов был, этот процесс развивается и в настоящее время; потребности в новых элементах этого качества были и есть; и все же предлоги не заимствуются в готовом виде из других языков. Во всяком случае, в русском языке нет заимствованных предлогов. Это объясняется тем, что для удовлетворения потребности русского языка в новых предлогах имеются неисчерпаемые возможности в его собственной системе, и они успешно удовлетворяются в ходе закономерного развития русской синтаксической системы.

Синтаксис считают таким разделом, который наименее устойчив и который наименее способен оказать сопротивление иноязычным воздействиям; такое понимание основных свойств

синтаксиса как части грамматического строя языка подрывает принцип строгой закономерности его развития. Между тем для обоснования такого понимания синтаксической системы нет сколько-нибудь достоверных фактов. Как показано выше, предложная система в русском языке развивается совершенно закономерно и не испытывает шатаний в разные стороны под влиянием разных иноязычных воздействий. Как на доказательство «уязвимости» синтаксиса обычно указывают на так называемые балканизмы в южных славянских языках. Однако это явление в действительности получает более удовлетворительное объяснение на почве самобытного развития славянских языков.

В древнерусском языке возможны были обороты «отець ми» и «мой отець». В русском языке утвердился оборот «мой отец», а оборот «отец ми» не закрепился. Эти два оборота были представлены и в общеславянском языке-основе. Если в болгарском языке утвердился оборот «сестра ми», а оборот «моя сестра» сохранился только при наличии особых условий, то это объясняется объективными потребностями развития общеславянского языка-основы; эти разные грамматические средства находились во взаимоисключающей позиции: одно из них неизбежно должно было или исчезнуть, или получить особое назначение в языке; в русском языке оборот типа «сестра ми» утрачен, в болгарском, наоборот, именно он утвердился, а оборот «моя сестра» сохранился постольку, поскольку он получил некоторые особенности в своем употреблении.

Не исключена возможность, что различие в судьбе оборотов «сестра ми» и «моя сестра» в русском и болгарском языках связано с влиянием балканского языкового субстрата на болгарский язык; возможно, что утверждение именно оборота «сестра ми» было поддержано влиянием балканского языкового субстрата; но необходимость отбора одного из альтернативных средств или дифференциации их использования была заложена в самом строе общеславянского языка-основы. Из этого следует, что употребление в современном болгарском языке дательного падежа кратких местоимений для обозначения принадлежности не есть балканизм, то есть не есть элемент грамматического строя, привнесенный извне. Распространенное мнение о том, что обороты типа «сестра ми» якобы привнесены в болгарский язык из балканского языкового субстрата, не имеет достаточных оснований.

Иноязычный субстрат может содействовать закреплению того, а не другого элемента нового качества в синтаксической системе победившего языка, может оказать влияние на образование состава значений этого элемента, но он не может привнести в этот язык и затем закрепить в нем иноязычные эле-

менты синтаксического строя, не отвечающие требованиям законов его развития.

Иноязычный субстрат может оказать влияние на темпы и своеобразие закономерного синтаксического процесса, но он не может вносить в жизнь победившего языка таких элементов, которые противоречат требованиям законов развития его синтаксического строя.

Как на доказательство того, что синтаксис «проницаем» для чужеродных элементов грамматического строя, часто указывают на то, что в одном языке может изменяться порядок слов под влиянием другого языка; при этом обычно ссылаются на тот факт, что в русских памятниках XVIII в. нередко встречается так называемый латино-немецкий порядок слов с глаголом на конце, ср. у Ломоносова: «Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшая нашея монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила»[1]. Однако вопрос о влиянии одного языка на другой в отношении порядка слов нельзя решать вне связи с грамматическим строем языка в целом. В английском языке порядок слов является средством выражения грамматических отношений; естественно, никакое влияние на порядок слов в английском предложении невозможно, если оно нарушает требования внутренних законов самого языка.

В русском языке порядок слов не является, как правило, средством выражения грамматических отношений; для этих последних в русском языке порядок слов является в значительной степени свободным. В этой области синтаксиса привнесение иноязычного порядка слов возможно; но без крайней на то необходимости оно не удерживается и не закрепляется в языке; как известно, латино-немецкий порядок слов, встречавшийся у отдельных писателей XVIII в., не оставил в современном русском языке никакого следа.

Где основной источник развития и совершенствования грамматических средств языка? В чем заключается объективная необходимость совершенствования и накопления элементов нового качества?

Как известно, процесс развития от низшего к высшему протекает в порядке раскрытия противоречий, свойственных явлениям, и борьбы на основе этих противоречий нового со старым при обязательной победе первого над вторым. Для того, чтобы правильно исследовать процесс развития языка, необходимо правильно определить и раскрыть главное проти-

---

[1] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII, 1952, стр. 9.

воречие, на основе преодоления которого осуществляется победа нового над старым и на основе которого одни явления могут быть охарактеризованы как элементы нового качества, а другие — как элементы старого качества.

В литературе, посвященной данному вопросу, уже имеются те или другие попытки найти и указать то противоречие, разрешение которого является источником развития грамматического строя языка. Высказывалась мысль о том, что такое противоречие представляет собою различие между мышлением и речью. Так, В. Колбановский в предисловии к книге Л. С. Выготского «Мышление и речь» писал: «Борьба и взаимное проникновение противоположностей, какими являются мышление и речь человека, служит основой их единства и источником их развития»[1].

Нам представляется, что источник развития грамматического строя языка заключается в росте потребностей взаимопонимания, поскольку грамматические средства служат для обмена мыслями с целью достижения взаимного понимания между говорящими.

Если язык представляет собою средство, которое возникает и развивается для обеспечения взаимопонимания людей в обществе, то соответствие наличных средств данного языка потребностям взаимопонимания при обмене мыслями в процессе общения является объективной необходимостью его развития. Из этого следует, что основным противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями и взаимопонимания в процессе общения людей.

Законы языка имеют объективный характер, изменения в грамматическом строе языка определяются объективными потребностями взаимопонимания.

Потребности обмена мыслями постоянно растут вместе с развитием производства и экономики, науки и техники, политики и культуры, общественной жизни и быта. Каждый данный язык утратил бы свою роль средства человеческого общения людей, если бы он постоянно не приводил свои наличные средства в соответствие с потребностями взаимопонимания между людьми, пользующимися этим языком.

Соответствие средств языка постоянно растущим потребностям обмена мыслями и взаимопонимания является объек-

---

[1] Л. С. Выготский, «Мышление и речь», предисловие В. Колбановского, М., 1934, стр. 6.

тивной необходимостью, общим законом развития языка. Это соответствие достигается непрерывным образованием и постоянным накоплением новых средств языка при постоянном отмирании элементов старого качества, постоянным совершенствованием и улучшением уже добытых наличных средств языка. Ранее накопленные грамматические средства служат историческим материалом для образования и накопления элементов нового качества языка.

Как было отмечено выше, языковой элемент в практике общения обслуживает определенное количество заданий в деле достижения взаимопонимания.

Эти задания и нагрузки могут в определенных размерах колебаться, но каждый элемент языковой системы не может бесконечно нагружаться новыми заданиями и назначениями в процессе обеспечения взаимопонимания между людьми. На известной ступени увеличения заданий на каждый элемент языковой системы обнаруживается невозможность дальнейшего сохранения этого элемента и необходимость более совершенных элементов языковой системы, которые могли бы успешно служить средством достижения максимально точного взаимопонимания между людьми в процессе обмена мыслями при достигнутой нагрузке на каждый элемент. Рост потребностей взаимопонимания в процессе обмена мыслями возлагает на каждый элемент языковой системы все новые и новые задания. Языковой элемент нового качества сохраняет все задания элемента старого качества, необходимые в практике обмена мыслями, и открывает возможности обслуживать новые потребности и принимать на себя новые задания. Переход от языкового элемента старого качества к языковому элементу нового качества есть диалектический скачок. Перерыв постепенности наступает потому, что рост и накопление заданий, возлагаемых практикой общения на данный элемент языковой системы, достигло такой степени, при которой этот элемент не в состоянии успешно обеспечить достижения цели общения — взаимопонимания. Перерыв постепенности заключается в том, что язык переходит к использованию элемента нового качества как нового языкового средства для обеспечения максимально точного понимания друг друга. Постепенное отмирание элементов старого качества и накопление элементов нового качества означает постепенную замену одного, менее совершенного средства другим, более совершенным средством, но каждая отдельная замена одного элемента языковой системы другим совершается в порядке перерыва постепенности.

Обратимся к примерам из области истории падежных форм имен существительных в русском языке. Глагол, выра-

жая действие или состояние субъекта, нуждался в грамматических средствах для дальнейшего раскрытия его содержания и уточнения его значений. Таким средством первоначально были падежные формы, которые возникли в древнейшую эпоху развития индоевропейских языков в ответ на определенные потребности и представляли собой основу грамматического строя имен в то время. Они призваны были уточнять и характеризовать действие, выраженное глаголом (поскольку он был оформлен) со стороны места его протекания, времени его осуществления, причины его возникновения, объекта, относительно которого осуществляется действие, и т. п.

Эти потребности не могли оставаться неизменными в течение многих столетий: они росли и множились по мере развития и усложнения общественной практики. Падежные средства принимали на себя все новые и новые задания, и естественно, что с течением времени они оказались перегруженными различными назначениями. Возникает несоответствие падежных средств языка потребностям, которым они должны удовлетворять в процессе общения людей. Все грамматические средства служат делу взаимопонимания в процессе общения людей, и они не могут не быть приведены в соответствие с этими потребностями. Установление соответствия средств языка потребностям взаимопонимания потому и является объективной необходимостью, что иначе язык не мог бы служить средством общения.

Возможность образования и расширения предложных конструкций становится неизбежностью, поскольку совершенствование грамматической системы имени путем дальнейшего закрепления новых возникших в практике общения значений за унаследованными падежными грамматическими средствами становилось невозможным. С течением времени предложные конструкции стали более точно и дифференцированно обозначать функции, прежде выполнявшиеся преимущественно падежными формами, поскольку на этой ступени развития система языка обогатилась возможностями, которых раньше у нее не было.

В общеславянском языке-основе, как теоретически можно допустить, местный падеж употреблялся в разных значениях без предлогов. Для обозначения места возможны были обороты «был саду» — без предлога, «был лесѣ», ср. соврем. *в саду, в лесу*; «работал поли», ср. соврем. — *в поле*; «варится котле», ср. соврем. — *в котле*; «лежит столе», ср. соврем. *на столе* и *в столе*.

Для обозначения времени возможны были обороты «Иде Всеволод на чудь *зимѣ* в говение», Синод. сп. I Новг. л., ср.

соврем. *зимой; «томь же дни* сотвори миръ», Пов. вр. л. по Лавр. сп., ср. соврем. *в тот же день.*

В последующей истории языка, по мере дифференциации разных значений, стали распространяться конструкции местного падежа в сочетании с предлогами. В современном русском языке местный падеж без предлогов уже не употребляется и потому получил название предложного.

В чем источник всех этих изменений грамматических средств, появления и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества?

Ясно, что не самодвижение, не взаимодействие структурных элементов грамматического строя является источником его развития, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, а необходимость привести в соответствие наличные средства языка с новыми потребностями взаимопонимания.

Именно нужды взаимопонимания в процессе общения, развивающиеся вместе с развитием производства, экономики, культуры и познания окружающей действительности, настоятельно предъявляли к языку требования усовершенствовать старые и найти новые грамматические средства, без которых язык не смог бы успешно продолжать служить орудием общения людей в процессе их производственной, экономической и всякой иной деятельности. Язык выработал вместо одной формы местного падежа несколько форм именно потому, что он должен был с помощью унаследованных форм языка найти средства для различения тех значений, в каких настоятельно нуждалась практика общения. Вследствие этого вместо одной возможности — *лежать столѣ* — развились две возможности: *лежать на столе* и *лежать в столе.* Словесные формы, представленные формами падежей, являются элементами старого качества, а сочетания падежных форм с предлогами есть элемент нового качества.

Развитие русского языка, как, впрочем, и других славянских языков, не могло протекать путем дальнейшего нанизывания новых значений на унаследованные падежные формы, которые и без того были перенасыщены значениями. Дальнейшее развитие русского языка неизбежно должно было пойти по пути развития для разных значений предложных конструкций. История управления в русском синтаксисе есть в основном история постепенного исчезновения из употребления падежных форм в том или другом значении и постепенного развития, распространения, закрепления и совершенствования предлогов с падежными формами в тех же и новых значениях,

Такой ход развития указанных сторон русского синтаксиса является объективной необходимостью развития языка как общественного явления.

Факт замены одной словесной формы местного падежа без предлога (ср. *«оставилъ столѣ»*) двумя сочетаниями словесных форм — сочетаниями предлогов в и на с местным падежом (ср. *оставил на столе* и *оставил в столе*) представляет собою переход от элемента старого качества к элементу нового качества.

В переходе от конструкции «оставилъ столѣ» к конструкциям *оставил на столе* и *оставил в столе* нет непрерывности в качестве. В этом суть вопроса. Расширение и умножение функций местного падежа, т. е. рост тех заданий, которые выпадали в языке на долю местного падежа, приводили к необходимости расширить и умножить средства языка. Переход к предложным формам местного падежа есть диалектический скачок, перерыв постепенности. Этот скачок совершается не в результате самодвижения элементов структуры языка, а в результате разрешения в ходе развития общества противоречия между растущими потребностями взаимопонимания и средствами языка как орудия общения.

Постепенность в этом процессе заключается в том, что элементы старого качества отмирают постепенно, один за другим, а элементы нового качества также накапливаются последовательно, один за другим. Так, предлоги при местном падеже распространялись постепенно; первоначально они распространились в местном падеже, как можно думать, при нарицательных именах существительных, обозначавших место, например, «былъ въ поли» вместо более раннего «былъ поли». Древнерусские памятники сохранили только единичные примеры употребления нарицательных имен в местном падеже без предлогов для обозначения места, например: «Дивъ кличет връху дрѣва» («Слово о полку Игореве»).

В этот период местный падеж собственных названий употреблялся еще во многих случаях без предлогов.

Сюда относятся собственные названия населенных пунктов, в частности городов. В древнерусских памятниках далеко не единичными являются примеры типа: «И посади Вышеслава Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ; умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмутаракани» (П. В. Л. по Лавр. сп., 118, в Радз. и Акад. сп. везде «в»).

Позже и названия городов перестали употребляться в местном падеже без предлогов. Такая постепенность и последова-

тельность в накапливании новых средств не может служить доказательством того, что переход от элемента старого качества к элементу нового качества постепенен.

В процессе распространения предложных форм мы действительно наблюдаем только постепенность, но эта постепенность не имеет отношения к вопросу о качественных скачках в развитии элементов языковой системы.

В этом отношении заслуживает особого внимания случай перехода отдельных частей речи с позиций члена предложения на служебную позицию предлога. Как известно, предлоги первоначально представляли собою члены предложения. Переход члена предложения на позицию предлога совершается не в порядке постепенности, а в порядке качественного скачка. Поясним это на примере.

Словесная форма *относительно* в выражении *Пароход шел* ***относительно*** *тихо* есть член предложения, поскольку она служит для раскрытия содержания словесной формы *тихо* и тем самым принимает косвенное участие в выражении всей мысли предложения. Та же словесная форма *относительно* в выражении *Они говорили* ***относительно*** *марксизма в языкознании* не является членом предложения, поскольку она не служит для дальнейшего раскрытия и развития словесной формы *марксизма;* она служит только для установления отношения словесной формы *марксизма* к словесной форме *говорили* как разных членов предложения.

Две словесные формы, объединенные по правилам словосочетания, могут выражать отношение двух членов предложения, занимающих разные структурно-смысловые позиции в предложении. Две словесные формы *относительно тихо* представляют собою два члена предложения, поскольку в одной из них раскрывается содержание другой. Две словесные формы *относительно марксизма* представляют один член предложения, поскольку ни одна из них не раскрывает содержания другой, поскольку только одна из этих словесных форм *марксизма* имеет содержание и является членом предложения, а другая словесная форма *относительно* занимает служебную позицию при родительном падеже имени существительного *марксизма.* Только словосочетание *говорили относительно марксизма* выражает отношение двух членов предложения.

Позиция, которую занимает словесная форма *относительно* в предложении *Они говорили* ***относительно*** *марксизма* есть служебная позиция предлога.

Было бы неправильно утверждать, что переход слова *относительно* с позиции обстоятельства на служебную позицию предлога содержит разные ступени, на которых оно обладает

разными степенями свойств служебной позиции и позиции члена предложения. Слово *относительно* либо является членом предложения, либо предлогом.

Член предложения, перейдя на позицию предлога и утратив тем самым роль члена предложения, постепенно закрепляется в своей новой позиции, постепенно изолируется от связанных с ним слов, но свое новое качество он получает не постепенно, а путем скачка.

Словесная форма, использованная в служебной позиции предлога, с самого начала является полнокачественным предлогом, а не полупредлогом. В образовании нового предлога постепенность имеет место только в его закреплении в новой позиции, но не в формировании самого качества предлога.

Итак, переход языка от использования в целях обеспечения взаимопонимания элемента старого качества к использованию в тех же целях элемента нового качества представляет перерыв постепенности.

Постепенное отмирание элементов старого качества и накопление элементов нового качества представляет собою постепенную замену элементов старого качества элементами нового качества.

Для обозначения причины действия, выраженного глаголом, в древнерусском языке употреблялась словесная форма творительного падежа, ср.: «изнемогоша гладомь» (от голода) (Син. сп. I Новг. л.); «гражени (из-за граждан) не бѣ льзѣ убити Ярополка» (Лавр. л.) и т. п.

Словесная форма творительного падежа, использовавшаяся для обозначения причины действия, выраженного глаголом, представляла собою элемент старого качества. Новые средства для выражения причины возникли не путем видоизменения творительного падежа, а путем его замены.

Средства, которые заменяли собою творительный причины и которые являлись элементами нового качества, не создавались заново, а представляли собою уже накопленные средства, использовавшиеся ранее для удовлетворения других потребностей; элементы нового качества, которые заменяли собою творительный причины, как элемент старого качества, представляют собою уже добытые грамматические средства, передвинутые на новую позицию с позиции, которую они обслуживали прежде.

Так, творительный падеж в значении причины действия, выраженного глаголом, заменялся конструкцией «*о* плюс местный падеж», например: «Володимир же прослави его о таковом чюдеси... и о помощи его» (Ип. л.); «Пророци же начаша обличати я о беззаконии их и служенье кумиром» (Лавр. л.).

Конструкция «*о* плюс местный падеж» передвинулась на позиции грамматического средства, обозначающего причину глагольного действия, с позиции грамматического средства, обозначавшего первоначально так называемый делиберативный объект, то есть объект чувства, мысли, речи, познания и т. п. Ср.: «плакал о сыне», а затем «прославлял его о помощи», то есть за помощь, которую он оказал.

В качестве замены творительного причины использовалась конструкция «*через* плюс винительный падеж». В просторечных стилях эта конструкция для обозначения причины употребляется и в современном русском языке; ср. у Даля: «через золото слезы льются», то есть «из-за золота». Данная конструкция получила причинное значение на основе значения средства: «передал деньги *через* мальчика».

Элемент нового качества используется в языке и для удовлетворения новых потребностей. Так, для обозначения положения лица, живущего независимо от других лиц или имеющего при себе зависимых лиц, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*за* плюс творительный падеж». Например: «Отец их умер за князь Тимофеем во крестьянстве» (Яковлев, Холопы и холопство в Московском государстве, стр. 345); «Отпустил на волю, да велел им жить за собою» (Повесть о Ерше Ершовиче). Эта конструкция получила объектное значение на основе пространственного значения. Раньше она функционировала в системе языка для обозначения пространственного пребывания предмета на заднем плане другого предмета, а затем потребности общения содействовали передвижке ее на позиции грамматического средства, обозначающего объект определенного характера.

Итак, отмирание элемента старого качества заключается не в изменении его в элемент нового качества, а в замене его элементом нового качества.

В связи с этим возник вопрос о том, каким образом утрачиваются элементы старого качества. Отдельные лингвисты пришли к выводу, что постепенное отмирание элементов старого качества осуществляется путем постепенного разрушения одного элемента этого качества другим.

Такого мнения придерживается профессор П. С. Кузнецов в своей работе «Историческая грамматика. Морфология». Он полагает, что отмирание старых типов склонения, утрата форм двойственного числа, изменения в формах времени древнерусского глагола и т. п. представляют собой их разрушение (§ 23, § 28, стр. 101, § 88). От разрушенных форм могут сохраняться отдельные обломки: форма 1 л. ед. ч. «вѣдѣ» — обломок старого простого перфекта (стр. 241); форма «будяше» — обломок имперфекта (стр. 217) и т. п. В действительности, однако.

история русского языка не знает случаев разрушения отдельных словесных форм как элементов старого качества. Отмирание этих элементов осуществляется не путем их последовательного разрушения, а путем постепенного сокращения их употребления. В древнейших русских памятниках формы двойственного числа употреблялись правильно и регулярно. Однако уже в памятниках XIII в. появляются отдельные случаи употребления форм множественного числа при обозначении двух предметов. В житии Нифонта 1219 г. мы находим такое выражение: «Помози рабомъ своим Ивану и Олексию написавшема книги сия» (А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, стр. 205). В этом примере словесная форма «рабомъ» представляет собою форму дательного падежа множественного числа, а относится она к двум лицам; по старым нормам мы должны были бы иметь в данном случае форму двойственного числа «рабома». Первоначально такие примеры были единичными. Долгое время формы двойственного числа продолжали употребляться с отдельными случаями нарушения общего порядка. В указанном выше примере наряду с формой множественного числа на месте двойственного числа мы находим правильное употребление причастия «написавшема» в форме двойственного числа. С течением времени встречаются в памятниках все более частые случаи употребления форм множественного числа на месте форм двойственного числа: употребление первых постепенно расширялось, употребление вторых постепенно суживалось; никакого разрушения словесных форм как элементов старого качества не происходило: происходило постепенное замирание употребления одних словесных форм и постепенное распространение на их месте других словесных форм. Постепенная утрата отдельных случаев употребления форм двойственного числа происходила на основе постепенного забвения смыслового содержания самой категории двойственного числа. Вместе с прекращением осмысления форм двойственного числа как форм, обозначающих два предмета, закончила свое существование в языке и категория двойственного числа.

В отдельных случаях сохранились былые формы двойственного числа, но они получили иное осмысление и назначение в речи: *берега* по происхождению является формою двойственного числа имен. п., а имеет значение множественного числа имен. п.

Процесс замены элементов старого качества элементами нового качества на одной стороне представляет собой процесс утраты элементов старого качества, а на другой стороне — процесс возникновения элементов нового качества. И как элементы старого качества, утрачиваясь, не разрушаются, так и

элементы нового качества, возникая, не создаются заново. Элементы нового качества — это унаследованные грамматические средства в новом качестве. Обратимся к примерам.

В общеславянском языке имена в функции сказуемого употреблялись в именительном падеже, ср. в древнерусском языке «Кий был перевозник»; в истории русского языка происходила постепенная замена второго именительного творительным предикативным. В позиции сказуемого творительный падеж есть элемент нового качества; в этой позиции мы имеем два структурных элемента — второй именительный и творительный предикативный, из которых каждый имеет свое особое назначение при выражении предикативного признака.

Творительный предикативный является элементом нового качества не как морфологическая категория, а как словесная форма в сказуемом; в синтаксисе в позиции сказуемого мы теперь имеем два языковых элемента, различающихся по качеству, но в морфологии качество творительного падежа сохраняется. Творительный предикативный как элемент нового качества в сказуемом не создается, не строится заново; это унаследованное грамматическое средство в новом качестве в синтаксической системе русского языка.

Форма на *-лъ* (ср. *ходил*) по происхождению является причастием прошедшего времени. Древнерусские памятники сохранили эту форму только в функции сказуемого (ср.: *«есмь ходилъ»*).

В настоящее время форма на *-лъ* является формой прошедшего времени глагола. Позиция этой формы в системе синтаксиса сохранилась; она употреблялась и употребляется в функции сказуемого, но качество ее как части речи изменилось: она была формою глагольного имени, теперь она — форма глагола. Форма на *-лъ* как форма прошедшего времени глагола есть элемент нового качества в системе глагола, но он не создан и не построен заново. Это унаследованное грамматическое средство в новом качестве в системе глагола.

Язык, отвечая на новые потребности обмена мыслями, может выдвинуть несколько грамматических средств на новые позиции. Они могут одновременно использоваться в системе языка для удовлетворения новой потребности. Так, для обозначения причины действия, выраженного глаголом, в древнерусском языке вплоть до XVII в. использовались разные грамматические средства. Назовем некоторые из них.

Конструкция *«про* плюс винительный падеж»: «Не можетъ бо погибнуть праведник про (из-за — *Т. Л.*) беззаконника»; «...Святополк про волость (из-за волости. — *Т. Л.*) чи

не уби Бориса и Глеба, а там чи долго поживе, но и здѣ лишен а онамо мучим есть вѣчно» (Ип. л.).

Конструкция *«для* плюс родительный падеж»: «А ты, Левонтей, для чего (почему. — *Т. Л.*) о том ко мне не писал» («Хозяйство крупного феодала XVII века», т. 1, стр. 24); «И тебе б с которых крестьян по моему указу для скудости (из-за скудости. — *Т. Л.*) тягла збавлена, и тебе б с тех збавленых тягал тягло велеть тянуть миром и зола жечь миром» (там же, № 14).

Конструкция *«из* плюс родительный падеж»: «Работа из Рахили» (Лавр. л.).

Во многих случаях выдвигались разные грамматические средства на позицию приглагольного употребления для удовлетворения одной и той же потребности общения. И тогда эти грамматические средства находились во взаимоисключающей позиции. Такие грамматические средства можно было бы обозначать термином «альтернанты». Если в системе языка одно из грамматических средств, обслуживающих глагол, имеет более прочные позиции, то это делает излишним другие грамматические средства при глаголе в том же значении.

Разные приглагольные грамматические средства, служащие для одной и той же цели, представляют собой элементы внутриграмматического противоречия. Внутриграмматические противоречия возникают и действуют на базе преодоления противоречий между потребностями взаимопонимания и унаследованными средствами языка. Наличие противоречащих грамматических средств является выражением того, что эти средства еще в недостаточной степени приведены в соответствие с потребностями взаимопонимания, что между потребностями взаимопонимания и имеющимися в данной области грамматическими средствами еще не преодолено противоречие. Только после отсеивания за ненадобностью одних средств, условия функционирования которых являются менее благоприятными, чем у других, внутриструктурное противоречие устраняется, новые грамматические средства языка приходят в максимальное соответствие с потребностями, которые они обслуживают.

Объективная необходимость соответствия средств языка потребностям, для удовлетворения которых они служат, требует устранения разнобоя в средствах языка при обозначении ими тех или других значений. Этим и объясняется тот факт, что не все предложные конструкции, использовавшиеся в системе языка для обозначения причины действия, выраженного глаголом, в дальнейшей истории закрепились в этой функции; некоторые не выдержали по разным причинам испытания временем и отсеялись. Такова была судьба конструкций

«*про* плюс винительный падеж», «*для* плюс винительный падеж».

Многие конструкции, закрепившись в системе языка, расширяли сферу своего применения. Если конструкция «бить не про дело» перестала употребляться, а ее место заняла и ранее употреблявшаяся конструкция «бить не за дело», то это и значит, что конструкция «*за* плюс винительный падеж» расширила сферу своего применения в качестве грамматического средства, употреблявшегося для обозначения причины.

Преодоление внутриструктурного разнобоя между грамматическими средствами, обслуживающими глагол, выражается в устранении одного из взаимно исключающих средств языка и в закреплении другого, которое имеет больше оснований для своего функционирования при глаголе.

Таким образом, разрешение противоречия между растущими потребностями и грамматическими средствами языка, выражающими эти потребности, приводит к образованию в них элементов нового качества, обслуживающих глагол, и к их совершенствованию — к отсеиванию одних и закреплению других средств.

Грамматическая система каждого языка настолько богата, что для удовлетворения новых потребностей она располагает не одной единственной возможностью, а несколькими. Добытые прошлыми поколениями грамматические средства языка дают широкую возможность для нового развития, для возникновения и совершенствования элементов нового качества, в том числе и в области грамматических средств, обслуживающих глагол. Вот почему положение о проницаемости синтаксиса в основе является неправильным.

Если же разные грамматические средства, выдвигавшиеся на новые позиции для удовлетворения новых потребностей взаимопонимания, получают разные оттенки одного основного значения, они становятся синонимами и служат дальнейшему обогащению, дифференциации и совершенствованию грамматического строя; если альтернанты находятся в позиции взаимного исключения, один из которых подлежит отсеиванию, то синонимы находятся в позиции взаимного дополнения и взаимной согласованности, каждый из которых находит свое специфическое назначение в системе языка.

В древнерусском языке грамматическим средством, выражавшим причину, как известно, был главным образом творительный падеж; в последующей истории языка накопились новые грамматические средства для выражения причины; конструкция «*из* плюс родительный падеж» стала обозначать причину такого действия, которое имеет оттенок преднамеренной деятельности, ср. «сделал что-нибудь из зависти»; кон-

струкция *«от* плюс родительный падеж» стала обозначать причину такого действия, которое имеет оттенок стихийности своего осуществления, ср.: «побелел от страха»; конструкция *«из-за* плюс родительный падеж» стала обозначать причину действия, как повод для его осуществления, ср.: «поссорились из-за пустяков».

Область применения взаимно дополняющих и взаимно ограничивающих синонимов в течение исторической жизни языка постепенно изменяется; изменяется состав лексики, вовлекаемой в ту или другую пару синонимических конструкций; сфера применения одних синонимов суживается, сфера применения других синонимов распространяется; так, в составе конструкции *«из* плюс родительный падеж» в древнерусском языке могли употребляться не только названия состояния человека, ср.: «из любви к сыну», но и названия лиц, ср.: «работал из Рахили»; в современном русском языке эта конструкция уже не имеет применения к области названия лиц.

Процесс изменения взаимоотношений синонимов и согласования сфер их применения представляет собой процесс совершенствования и шлифовки элементов грамматического строя языка.

В рассмотренном случае элементы нового качества представляют собою более дифференцированные средства; в соответствии с одной формой творительного причины в грамматической системе развились разные дифференцированные средства для выражения разных оттенков причины действия, выраженного глаголом.

В процессе развития языка могут развиваться элементы нового качества, которые представляют собою более обобщенные средства; так, для выражения будущего времени в древнерусском языке использовались сочетания инфинитива с глаголами *иму, хочу, начьну* и сочетания причастия прошедшего времени на *-лъ* с глаголом *буду*. Каждое из этих средств выражало разные оттенки; сочетания глаголов *хочу, иму, начьну* с инфинитивом совмещали значение будущего времени с разнообразными модальными оттенками долженствования, волеизъявления, необходимости и т. п.; сочетание глагола *буду* с причастием на *-лъ* обозначало такое действие, которое может совершиться в будущем ранее другого будущего действия.

В современном русском языке закрепилась форма *«буду* плюс инфинитив несовершенного вида», которая имеет одно обобщенное значение будущего времени.

Развиваемое здесь понимание противоречий, разрешение которых является источником развития и совершенствования

синтаксического строя, определяет основные черты метода исторического исследования синтаксиса.

Если основным противоречием является противоречие между наличными грамматическими средствами и постоянно растущими потребностями взаимопонимания, если преодоление этого противоречия является источником образования и постепенного накопления элементов нового качества и соответственно отмирания элементов старого качества, то установление того, какие грамматические средства являются элементами старого качества и постепенно отмирают и какие грамматические средства являются элементами нового качества и постепенно накапливаются, представляет собой первое требование метода исторического исследования синтаксических явлений.

На базе разрешения основного противоречия возникают и действуют противоречия внутриграмматические; так как внутриграмматические противоречия представляют собою противоречия между элементами одного качества, находящимися во взаимоисключающей позиции, из которых один имеет больше преимуществ, чем другой, то установление того, какие грамматические средства являются противоречащими, какие преимущества имеет одно из них по сравнению с другим, представляет собою второе требование метода исторического исследования синтаксических явлений.

Элементы нового качества, возникающие вследствие необходимости достижения более полного и точного взаимопонимания, могут находиться в позиции взаимного дополнения и согласования, т. е. в позиции синонимических отношений; установление того, какие грамматические средства находятся в позиции взаимного дополнения, то есть являются синонимами, какие области применения имеет каждый из синонимов, представляет собою третье требование метода исторического исследования.

3 Зак. 1278. Т. П. Ломтев

Глава I

ОТМИРАНИЕ ЛИЧНЫХ ФОРМ СВЯЗКИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИИ В ФУНКЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО

1. Система употребления связки настоящего времени и постепенное отмирание ее употребления при именах в сказуемом

§ 1. В древнерусских памятниках употребление личных форм связки настоящего времени не было обязательным.

Несомненным фактом является столь же частое в интересующих нас конструкциях неупотребление связки настоящего времени, как и ее употребление. Различные ученые по-разному объясняют это явление. Одни из них, как, например, Булаховский[1], считают связку настоящего времени *есть—суть* церковнославянизмом. Следовательно, этим самым, очевидно, предполагается отсутствие связи в древнерусском языке.

Другие, как, например, Карский, Истрина и другие, считают употребление связки настоящего времени исконным фактом древнерусского языка, а конструкции без связки объясняют последующей утратой ее. Названные авторы считают, что употребление связки настоящего времени в древнейших восточнославянских памятниках отражает собою состояние живого языка. Так, Е. Ф. Карский, отмечая, что в современном русском языке связка настоящего времени обыкновенно опускается, пишет: «Начало этому можно отметить уже в

[1] См. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, Харьков, 1950, стр. 378.

Древнейших памятниках русского языка». И дальше приводит примеры: «Вся земля наша велика и обильна, ты наш князь и т. п.»[1]. Следовательно, эти факты квалифицируются Карским, как отражение начала утраты связки в живом языке.

Е. С. Истрина в своей специальной работе «Синтаксические явления Синодального списка 1 Новгородской летописи», Пг. 1923, заявляет, что «при имени существительном в именной части составного сказуемого примеры со связкой наст. врем. наблюдаются почти в той же мере, как и без связки» (стр. 65). Для доказательства своего положения Истрина приводит ряд примеров: «Ты наш князь», «Язъ вамъ не князь» и целый ряд других. В итоге автор приходит к выводу, «что в Син. сп. связка наст. врем. обычно опускается...» (стр. 66). Следовательно, если Истрина полагает, что связка настоящего времени в Синодальном списке обычно опускается, то она этим самым утверждает, что случаи сохранения связки отражают исконное состояние языка.

Особую позицию занимает А. А. Шахматов. Он говорит: «Учение, утверждающее, что естественным и единственным способом выражения сказуемого является глагол... находится в противоречии с историей языка: с точки зрения латинского, греческого, современных западноевропейских языков, а также и некоторых новославянских языков русские предложения, как *Иванов портной, мать нездорова, моя лошадь хромая,* являются предложениями неполными; сопоставление с предложениями, как *мать была нездорова, лошадь была хромая,* еще более может укрепить во взгляде, что русский язык в таких предложениях утратил связку *есть,* но более внимательное отношение к историческим данным не подтверждает такого заключения; древнерусский язык представляет уже ряд предложений, где отсутствует связка настоящ. времени. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров из древнерусского языка, в которых отсутствует связка в настоящем времени. *Новгородьци прави, а Ярославъ виноватъ.* Син. сп. 1270. *А князь вашь, сынъ мои Святославъ, малъ.* Син. сп. 1205. *То вы, а то Новгородьци, а намъ не надобе.* Син. сп. 1228. *Страны ради, гради весели Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови.* Сл. о полк. Иг., 76. Уже это делает вероятным, что предложения бессвязочные восходят в русском языке к глубокой древности. В настоящее время, благодаря преимущественно исследованиям A. Meillet вполне установлено, что и в древнейшем греческом языке и в языке древнеиндийском тип бессвязочных предложений господство-

---

[1] **Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. «Известия ОРЯС», т. II, кн. 1, 1929, стр. 17.**

вал сравнительно с типом связочных предложений. В языке Гомера предложения с 'ἐστι так же часты, как и предложения без 'ἐστι. Такие же отношения в древнеидийских Ведах»[1]. На основании этих данных Шахматов выдвигает следующую гипотезу:

1) В индоевропейском языке-основе «исконно рядом с предложениями связочными (*esmi, *esti и т. д.) существовали и бессвязочные предложения; всего вероятнее первые из них выражали сочетания имени с названием признака в настоящем времени, а вторые — вне времени».

2) Чередование связочных и бессвязочных предложений в большей части индоевропейских языков ныне привело к вытеснению последних первыми.

3) В славянских диалектах в период их формирования и роста такое чередование продолжалось.

4) В древнерусском языке еще в доисторическую пору перевес получили бессвязочные предложения; связка стала вытесняться и там, где ею нарочито выражалось настоящее время.

Таковы основные положения гипотезы Шахматова.

Таким образом, основные концепции по вопросу употребления связки в древнерусском языке сводятся к следующему:

1. Связка настоящего времени в древнерусском не употреблялась, наличие связочных оборотов настоящего времени объясняется влиянием церковнославянского языка.

2. Связка настоящего времени в древнерусском языке употреблялась еще в начале исторической эпохи. Случаи опущения связки настоящего времени в древнерусских памятниках свидетельствуют, что связка стала иногда опускаться уже в эту пору, а в последующей истории почти совсем утратилась в восточнославянских языках.

3. Связка настоящего времени в период формирования славянских языков употреблялась в случаях, когда надо было выразить предикативное отношение в собственно настоящем времени, и не употреблялась в случаях, когда надо было выразить предикативное отношение вне времени. В древнерусском языке уже в доисторическую пору обороты первого рода стали вытесняться оборотами второго рода, и, следовательно, взгляд, согласно которому русский язык будто бы утратил связку, является неправильным, так как «более внимательное отношение к историческим данным не подтверждает такого заключения»[2].

Концепция А. А. Шахматова является наиболее правильной.

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 179—180.
[2] Там же, стр. 179.

Авторы изложенных выше точек зрения не учитывают того, что связка настоящего времени, поскольку она являлась личным глаголом, употреблялась различно в зависимости от характера выражения субъекта. Ввиду этого совершенно невозможно правильно анализировать материал, относящийся к употреблению связки настоящего времени, без учета особенностей употребления различных частей речи в подлежащем.

В современном русском литературном языке личные местоимения при личных глаголах изъявительного наклонения имеют широкое распространение. Иначе обстояло дело с употреблением личных местоимений в древнем языке: по общепринятому мнению, личные местоимения при личных глаголах изъявительного наклонения в древнем языке употреблялись значительно реже, чем в современном языке.

Имея в виду, что связка настоящего времени имела личные формы, необходимо допустить особые условия для употребления связки в именных предложениях в зависимости от характера выражения субъекта предложения, в зависимости от употребления или неупотребления тех или других частей речи, прежде всего местоимений, в подлежащем.

§ 2. Необходимо проанализировать с указанной точки зрения весь фактический материал, относящийся к нашей проблеме в одном из древнейших памятников, известном под именем «Русской Правды».

Рассмотрим относящиеся сюда случаи.

1. Аже кто познаеть челядинъ свои украденъ, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ и до третьяго свода, пояти же челядинъ въ челядина мѣсто, а оному дати лице, оть идеть до конечьняго свода, а то *есть* не скотъ, не лзѣ рѣчи: не вѣдѣ у кого есмь купилъ, нъ по языку ити до конча (Син. сп., 125—126).

Нас интересует здесь «а то есть не скотъ». Тот факт, что связка *есть* в этой статье «Правды» употребляется во всех списках, побуждает думать, что она является достоянием древнейшего оригинала. Такое мнение подкрепляется еще следующим соображением. В этом месте нашего списка имеется старая редкая форма *вѣдѣ* — «знаю». Как показывают другие списки «Правды», эта форма была уже непонятна позднейшим писцам, и они её заменяли другими формами, например, *вѣдаю, вѣмъ, вѣждь*. Связка же *есть* в рассматриваемом месте остается по всем спискам. Однако такой ход рассуждения встречает на своем пути серьезные препятствия. Против предложенного толкования этого места могут быть выдвинуты следующие соображения: во-первых, фраза «а то есть не скот» находится в окружении таких книжных форм, как, например,

третьяго, конечьняго, и, следовательно, может объясняться как отражение книжных традиций в нашем памятнике; во-вторых, к слову *скотъ* имеются варианты *скотина, свод,* что указывает на порченность этого места. Таким образом, если взвесить все эти соображения («за» и «против»), то едва ли следует сделать вывод, что связка *есть* в рассматриваемом месте нашего памятника не является достоянием первооригинала или что такое словоупотребление не свойственно было живым диалектам, отразившимся в названном памятнике. Глагольная форма *есть* в данном месте текста «Правды» употребляется не в функции связки, а в той функции, в которой в современном русском языке употребляется глагол *является.*

2. А оже будуть холопи татье любо княжи, любо боярьстии, любо черньчи, ихъ же князь продажею не казнить, зане *суть* не свободьни, то двоици платити истьчю за обиду (Син. сп., 126).

Употребление связки *суть* в этом месте текста не может быть относимо за счет книжного влияния: она встречается во всех списках «Правды» и потому не может быть отведена указанием на то, что она относится к порченному месту текста, она не окружена словами книжного происхождения. Употребление связки в этом контексте должно быть относимо к первооригиналу. Здесь употребление связки *суть* имеет место при неназванном субъекте, представляющем собою лицо.

3. Оже которыи купьць, шедъ кдѣ любо съ чюжими кунами, и истопиться, любо рать възметь любо огнь, то не насилити ему, ни продати его; нъ како почнеть от лѣта платити, тако же платить, зане же пагуба от бога *есть*, а не виноватъ *есть.* (Син. сп., 129).

В первом случае глагол *есть* не связка и имеет значение такого ряда: производится, совершается и т. п. Во втором случае связка *есть* употребляется при неназванном субъекте. Это свидетельствует о том, что связка настоящего времени в данном случае могла отражать действительное состояние живого языка.

4. [В] даче не холопъ, ни по хлѣбе роботять, ни по придатъцѣ; нъ оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ *есть.* Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, оже слышавъ кто или зная и вѣдая, оже *есть* холопъ, и дастъ ему хлѣба или укажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робоу 6 гривенъ (Син. сп., 133).

Здесь мы имеем в двух случаях *есть.* Во всех списках «Правды» связка *есть* в этих местах текста сохраняется. Книжных элементов в приведенном отрывке также нет.

Достойно замечания, что и здесь имеет место связка при неназванном субъекте, представляющем собою лицо.

5. Точно такого же характера нижеследующие примеры:

Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячеть, или вѣсти дѣеть, любо дьержить у себе, идеть от него, то ити ему ротъ, яко не вѣдалъ есмь, оже *есть* холопъ, а платежа в томь нѣтуть (Син. сп., 133).

6. В нижеследующих примерах глагол *есть* употребляется в качестве самостоятельного сказуемого:

Аже господинъ бьеть закупа про дѣло, то без вины есть; бьеть ли не смысля пьянъ без вины, то яко же въ свободнемь платежь, такоже и в закупѣ (Син. сп., 130). Аче же и отьцим [1] прииметь дѣти с задьницею, то тако же *есть* рядъ. А дворъ безъ дѣла отьнь всяко мьншемоу сынови (Син. сп., 132).

Анализ употребления связки настоящего времени в Синодальном списке «Правды» приводит к следующим выводам:

1. Связка настоящего времени при именном сказуемом встречается только при отсутствующем подлежащем. Случаи этого рода можно разбить на две категории:

а) об одних из них может возникать вопрос об относимости их за счет книжного влияния, за счет порченных мест;

б) о других такой вопрос не может возникать, и они должны быть приписаны первооригиналу и, следовательно, могут считаться в той или другой степени отражением живого языка своего времени.

Достоин внимания тот интересный факт, что в некоторых севернорусских говорах и теперь встречается употребление связки настоящего времени при неназванном местоименном подлежащем, например: «Один ское, что человек есь, а другой ское, что чорт есь» (= один говорит, что это — человек, другой говорит. что это — чёрт). О н ч у к о в. Северные сказки, 1935 г., стр. 220.

Если такие обороты являются исконными для данных говоров, то они несомненно проливают свет на соответствующие данные Син. сп. «Русской Правды».

2. В двусоставных предложениях с наличием подлежащего связка не употребляется, например: «не рьци се мое нъ поиди на сводъ» (267). Число примеров такого рода ничтожно.

Таким образом, данные такого важного для нашей проблемы памятника, как «Русская Правда», взятые изолированно от данных других памятников, не дают достаточного материала для широких обобщений.

§ 3. Однако сопоставление данных, извлекаемых из Сино-

---

[1] Отчим.

дального списка «Правды», с данными, извлекаемыми из известного нам списка «Слова о полку Игореве», приводит к определенным выводам.

Рассмотрим случаи употребления связки в нашем памятнике:

1. Одинъ братъ одинъ свѣтъ свѣтлыи ты, Игорю, оба *есвѣ* Святъславличя! (стр. 67). (=Один [ты у меня] брат, один свет светлый, ты Игорь. Оба мы — святославичи).

2. О, русская земле! уже за шеломянемъ *еси*! (оборот повторяется два раза; = О русская земля! уже ты за холмом).

3. *Суть* бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскими (72) (= Ведь есть у вас наперсные брони под шлемами латинскими).

В первом случае мы имеем связку в 1-м лице двойственного числа *есвѣ* при отсутствующем подлежащем, которое, если бы было, было бы выражено личным местоимением *вѣ*.

Этот случай употребления связки мы можем не относить за счет позднейших наслоений в языке Слова, так как подобные обороты обычны и для Синодального списка «Правды».

Во втором случае *еси* не связка, а самостоятельное сказуемое при отсутствующем подлежащем 2-го лица.

В третьем случае *суть* также не связка, а самостоятельное сказуемое. Эти последние два примера к нашей проблеме не имеют отношения.

Все остальные довольно многочисленные именные двусоставные предложения, встречающиеся в «Слове», связки не имеют, например:

Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конець копия въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени (67). Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити (70). Ваю храбрая сердца въ жестоцем харалузѣ скована, а въ буести закалена (71). Нъ се зло: княже ми непособие (72). Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? (= Где ваши золотые шлемы и сулицы ляцкие и щиты) (73). А самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ (73). Страны ради, гради весели (76).

Объявлять бессвязочные двусоставные именные конструкции в нашем памятнике результатом позднейших наслоений невозможно. Ввиду этого предложения названного типа должны быть приписаны первооригиналу «Слова о полку Игореве».

Таким образом, мы приходим к выводу, что связка в двусоставных именных предложениях при наличии имени в под-

лежащем в первооригинале «Слова» (относящемся к XII в.) не употреблялась.

Встречается связка при строго специфических условиях, а именно при отсутствующем подлежащем, которое, если бы было, было бы выражено местоимением 2-го лица двойственного числа («оба есвѣ святославичи»). Этот случай употребления связки, имея в виду данные Синодального списка «Правды», мы можем приписать первооригиналу «Слова».

Данные «Слова» по интересующему нас вопросу подкрепляются данными, извлеченными из других памятников этого времени. Так, автор «Моления Даниила Заточника», начитанный в византийско-болгарской литературе, всегда отмечает, когда он выражается не по-книжному, и так, как «глаголять в мирских притчах». Во всех таких местах «Моления» нередко встречаются двусоставные именные предложения при наличии имени в подлежащем и всегда без связки. Примеры беру из списка, опубликованного Зарубиным под именем академического списка в книге «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам», Ленинград, 1932 г.

Глаголеть бо в мирскых притчах: не скотъ въ скотѣх коза; ни звѣрь в звѣрех ожь; ни рыба въ рыбах ракъ; ни потка въ потках нетопырь; не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть; не робота в роботах под жонками повозъ возити (стр. 26). Глаголеть бо в мирскых притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока (стр. 35).

Первооригиналы «Русской Правды» и «Слово о полку Игореве» являются памятниками, ближе всего отражающими живой язык своего времени. Таким образом, совокупные данные всех трех памятников позволяют сделать следующие выводы:

1. Связка настоящего времени в двусоставных именных конструкциях при подлежащем, выраженном именем существительным, обычно не употребляется, и это должно быть квалифицировано как отражение особенностей живого языка раннего периода исторической жизни русского языка.

2. Связка настоящего времени в именном сказуемом при отсутствующем подлежащем, как правило, употребляется, и это должно быть квалифицировано как отражение живого языка того же времени.

§ 4. К таким же выводам приводит анализ соответствующих данных, извлеченных Е. С. Истриной из Синодального списка I Новгородской летописи.

В некоторых случаях употребление связки настоящего времени несомненно книжного происхождения, как это видно по отдельным словам, составляющим соответствующие предложения; эти примеры не могут быть квалифицированы как отра-

жение живого языка своего времени. Таковы предложения: «О великъ *е*, брате, промыслъ бжии». 172, 12. «И увѣдавъ Михаилъ, яко прияти *суть* посли новгородьстии». 214, 18. «И не вѣдуще, кака *есть* сила крстная». 290, 10. Это — предложения, взятые из переводных повестей о взятии Царьграда, а также из церковнославянских текстов. В других случаях связка настоящего времени употребляется в соответствии с употреблением в современном русском языке личных местоимений в подлежащем, т. е. в особых синтаксических конструкциях. К числу примеров, в которых связка употребляется в связи с некоторыми условиями конструкции предложения, относятся предложения: «Намъ *есте* не брата». 210, 15. «От поидемъ к нѣмечьскуму цсрю, отнеле же *есме* послани». 135, 11. В этих предложениях связка употребляется при неназванном подлежащем 1-го и 2-го лица. В связи с данными «Русской Правды» употребление связки в этих примерах не может быть относимо за счет книжных влияний.

Наконец, третья группа предложений, в которых встречается связка, является продуктом дальнейшей эволюции синтаксического строя; последняя состоит в распространении личных местоимений в подлежащем, после которого впоследствии наступает процесс падения личных форм от глагола *ес-*. Таковы предложения: «Азъ *есмь* церь».[1] 132,8. «Ты ми *еси* снъ, а язъ тъбе оць». 151, 18. «Ты *еси* бъ нашь». 307, 14.

В прочих случаях связка в Син. сп. 1 Новг. л. не употребляется. Е. С. Истрина прямо заявляет, что при сказуемом, выраженном именем прилагательным и причастием страдательного залога, связка обычно не употребляется, а при сказуемом, выраженном именем существительным, «примеры со связкой настоящего времени наблюдаются почти в той же мере, как и без связки; те и другие, впрочем, немногочисленны в Синодальном списке»:

«А кнзь вашь, снъ мои Стославъ малъ. 143, 13. Ано тамо измано вячьшие моужи. 165,7. Сватба пристроена, меды изварены, иевѣста приведена, кнзи позвани. 232, 19. Новгородци прави, а Ярославъ виноватъ. 297, 12. Кого дас митрополитъ, тотъ намъ оць. 217,1. Ты наш кнзь. 231,5. Язъ вамъ не кнзь. 267, 17. Язъ вашъ цсрь. 134, 12.

Последние три предложения принадлежат уже к числу таких, в которых связка первоначально употреблялась в связи с распространением личных местоимений. Эти предложения являются уже продуктом новых синтаксических процессов.

Таким образом, анализ данных, извлеченных из Синодального списка I Новгородской летописи, полностью подкрепляет

[1] Здесь и в дальнейшем титла не раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку.

выводы, сделанные нами на основании Син. сп. «Русской Правды» и известного списка «Слова о полку Игореве».

Итак, на основании анализа древнейших восточнославянских памятников мы приходим к выводу, что в древнерусском языке XI—XII вв. связка настоящего времени в именных конструкциях при наличии имени в подлежащем употреблялась редко, она употреблялась систематически только при неназванном субъекте.

Поскольку в предложениях с именем в подлежащем связка вообще, как правило, не употреблялась, постольку в этих предложениях нечему было утрачиваться в более позднее время. Речь может идти не о падении связки, а об ее употреблении в некоторых памятниках под влиянием тех или других литературных условий и обстоятельств, притом не под влиянием живого языка своего времени.

Поскольку связка первоначально систематически употреблялась в форме всех 3-х лиц только в предложениях с неназванным подлежащим, постольку вопрос о последующем падении связки может стоять по отношению к данному типу предложений.

Личные формы связки при имени в сказуемом в последующей истории языка перестали употребляться, а стали употребляться личные местоимения в подлежащем.

Формулированные здесь положения находятся в противоречии с принятым в литературе предмета взглядом, согласно которому связка первоначально употреблялась во всех типах предложений, а потом уже с древней поры стала постепенно падать.

2. Отмирание употребления связки настоящего времени при причастиях на *-лъ*

§ 5. Общепризнанным является мнение, что причастие прошедшего времени на *-лъ* для образования перфекта всегда употреблялось в сочетании с личными формами глагола от *ес-*, и если делались исключения, то только для 3-го лица.

Основные положения и выводы современной науки по изучаемому вопросу таковы:

1. Относительно употребления вспомогательного глагола 3-го лица мнения большинства ученых не расходятся: считают, что 3-е лицо вспомогательного глагола настоящего времени опускалось издавна. Так, Буслаев говорит: «Опущение вспомогательного глагола началось с 3-го лица и потом уже распространилось на прочие». «Нынешняя сокращенная форма, — продолжает Буслаев, — встречается уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности». «В собственно рус-

ской письменности эта форма была уже в большом употреблении в XIII веке» (Ист. гр., § 187). То же говорит и Потебня, в других отношениях принципиальный противник Буслаева; Потебня подчеркивает, что «в славянских наречиях отсутствие вспомогательного *ес-* вообще и в частности с прич. *-л* начинается с 3-го лица ед. числа» (Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 147). То же говорит и акад. А. И. Соболевский: «Первоначально вспомогательный глагол изменялся правильно по лицам и числам; но очень рано формы 3-го л. всех чисел прошедшего сложного стали употребляться без него. Формы без вспомогательного глагола мы встречаем в церковнославянском яз. Они не редки в древнерусских памятниках, как в текстах, списанных с церковнославянских оригиналов, так и в грамотах, записях и т. п....» (Лекции по истории русского языка, 1907, стр. 239).

2. Относительно употребления вспомогательного глагола 1-го и 2-го лица мнения большинства ученых также не расходятся: считают, что 1-е и 2-е лицо вспомогательного глагола употреблялось вплоть до XVI—XVII вв., по крайней мере в литературной речи. Так, Буслаев говорит, что эти описательные формы удержались в нашем языке до позднейшего времени (Ист. гр., § 187), а именно до XVIII в.

Употребление этих форм в XVI—XVII и даже в XVIII в. констатируют Потебня (назв. раб., стр. 247), Соболевский (назв. раб., стр. 242) и другие ученые.

Выше было показано, что вопрос об употреблении связки 3-го лица настоящего времени должен быть решен различно в зависимости от характера субъекта. Предыдущее исследование показало, что связка 3-го лица настоящего времени, как правило, не употреблялась, если подлежащее выражалось именем существительным или соответствующим ему словом и, как правило, употреблялась при неназванном субъекте.

Имея в виду, что причастия на *-лъ* в прошлом были именами действующих лиц, необходимо обследовать и изучить интересующий нас материал именно в этом направлении.

В дальнейшем мы будем особо анализировать примеры в каждом отдельном памятнике, учитывая отношение языка данного памятника к живому языку своего времени, историю сложения данного памятника, возможные наслоения в нем, возможную порчу списка, отношение фактов, извлекаемых из данного памятника, к фактам, извлекаемым из других памятников, и т. п.

§ 6. Начнем опять с Синодального списка «Русской Правды».

В статье о языке Синодального списка «Русской Правды» акад. С. П. Обнорский пишет: «Достойно замечания также вы-

держанное употребление в памятнике форм перфекта: для выражения 3-го лица формы постоянны без связки, напротив во всех случаях употребления 1-го и 2-го лица перфекта связка всегда налицо: «Не рьци се мое нъ поиди на сводъ кдѣ *еси* възялъ», 267. «Не льзѣ речи не вѣдѣ у кого *есмь* купилъ», 342. «А толко *еси* у мене положилъ», 749, «то рчи ему тако промиловалъ *еси* оже еси не ставилъ послоуховъ», 507, «яко не вѣдалъ *есмь*», 1173, «яко не вѣдая *есмь* коупилъ», 1194. С такой последовательностью в употреблении перфективных форм не всегда можно встретиться в позднейших русских памятниках» [1].

Акад. С. П. Обнорский подчеркивает здесь, что связка 3-го лица при причастиях прошедшего времени на *-лъ* не употребляется и что это следует поставить в связь с отсутствием связки 3-го лица в других древнейших документах вроде «Тмутороканской надписи», что связка 1-го и 2-го лица употребляется, свидетельствуя этим самым о том, что связка настоящего времени стала опускаться сначала в 3-м лице, а затем уже и в других лицах. Между тем для такой традиционной схемы материалы Синодального списка «Русской Правды» не дают никакого основания.

Мы уже знаем, что связка настоящего времени всех трех лиц употребляется в Синодальном списке «Русской Правды» в именных конструкциях в тех случаях, когда в неназванном субъекте предполагается лицо. То же самое мы имеем в случаях употребления связки при причастиях прошедшего времени на *-лъ*: связка 1-го и 2-го лица систематически употребляется при отсутствующем подлежащем. Таким образом, связка 1-го и 2-го лица при причастиях прошедшего времени на *-лъ* и при других именах в сказуемом употребляется аналогично. Что же касается связки 3-го лица, то ее объяснение требует дополнительных соображений. В Син. сп. «Русской Правды», как известно, связка настоящего времени в двусоставных именных предложениях не употребляется, если в подлежащем находится имя, если же субъект не назван, то в таких случаях связка употребляется. На первый взгляд кажется, что это положение относительно употребления связки 3-го лица при именах не находит себе аналогии в употреблении связки при причастиях прошедшего времени на *-лъ*. В действительности же картина оказывается несколько сложнее: если подлежащее находит свое особое выражение, то связка 3-го лица действительно не имеет места, как и в двусоставных именных предложениях.

---

[1] С. П. Обнорский. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка. Известия АН СССР, Отд. общ. наук, 1934, № 10, стр. 764.

Например: А кто и кльпалъ, а тому дати другую гривну. 124. А истьцю свое лице взяти; а что с нимь погыбло, а того ему желѣти. 125. Ити ротѣ у кого то лѣжалъ товаръ. 127. А се уставилъ Володимиръ Всеволодичь. 127. Нъ что еи далъ мужь, съ тѣмь же еи сѣдѣти. 129. Кто ю кърмилъ, то тому взяти. 129. Аже кто много реза ималъ, то тому не имати. 130. Нъ еже далъ ему господинъ плугъ. 130. Кто же его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ. 131.

Такого рода конструкции со связкой 3-го лица не встречаются.

Если же подлежащее не названо, то мы ожидали бы наличие связки, как это имело место в соответствующих конструкциях с именем в сказуемом. В действительности наш памятник не имеет в этих случаях связки 3-го лица. Чем объяснить названное расхождение в употреблении связки 3-го лица? Наблюдение над примерами показывает, что причастие прошедшего времени на *-лъ* обычно стоит в предложении в ряду с другими глаголами, имеющими форму, при которых может иметь место личное местоимение, но может и не иметь, например: «Аже начнеть не знати у кого купилъ, то ити по немь тѣмь видокомъ на търгу», 125. «А онъ възмѣть свое куны; зане же не далъ ему за много лѣтъ», 127. «Аже кто поклажаи кладеть у кого любо, то ту послуха нетуть; нъ оже начнеть болшимъ кльпати, тому ити ротѣ у кого то лѣжалъ товаръ, а толко еси у мене положилъ, зане же ему бологодѣлъ и хоронилъ товаръ его», 127. «А истыи товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кърмилъ и печаловалъся», 132 (по предыдущему контексту ясно, что речь идет об опекуне, который и «печаловался»). Во всех этих примерах нет связки 3-го лица, но не потому, что связка 3-го лица вообще не употреблялась никогда при причастиях прошедшего времени на *-лъ*, а потому, что подлежащее сигнализировалось другими членами предложения, имеющими форму лица.

Таким образом, в действительности нет никакого различия в употреблении связки настоящего времени по Син. сп. «Русской Правды» в предложениях, имеющих в сказуемом имя, и в предложениях, имеющих в сказуемом причастие прошедшего времени на *-лъ*.

§ 7. Рассмотрим теперь соответствующие явления из Синодального списка 1 Новгородской летописи.

Что касается употребления связки настоящего времени 1-го и 2-го лица, то мы имеем в основном ту же картину, что и в Синодальном списке «Русской Правды»:

Кланяюся стѣи Софии и гробу оця моего и всѣмъ новгородьцемъ; пришьлъ *есмь* к вамъ, слышавъ насилье от князь. 151, 3. Кланяюся стои Софьи... слышалъ *есмь*, аже Ярославъ

идеть. 279,2. И рче, яко не мыслилъ *есмь* до пльсковичь груба ничего же... а они мя обьщьствовали. 207,15. А зла до васъ *есмь* не мыслилъ нѣкотораго же; а тѣхъ ми выдаите, кто мя обадилъ къ вамъ. 209,3. И рекоша пльсковици... тобе ся, княже, кланяемъ..., а с рижаны *есме* миръ взяли. 209, 6. А далече *есте* шли, и вышли *есте,* акы рыбы на сухо. 169, 18. Отступися Волока и что *есть* новгородьскаго за тобою; силою *еси* зашьлъ; а крстъ цѣлоуи. 218, 7. А *есте* послушали половьчь, а послы наша *есте* избили. 194, 21.

Эти примеры находятся в полном соответствии с данными Син. сп. «Русской Правды». Рядом с такими предложениями, в которых имеются личные формы вспомогательного глагола, но не имеются личные местоимения 1-го и 2-го лица, встречаются предложения, в которых при наличии вспомогательных глаголов или без них имеются личные местоимения:

Ты *еси* мои дворъ хотелъ зажечи. 220, 15. Мы дани прошали тобѣ, и они нас выгнали, а инѣхъ избили, а домы наша розграбили, а Ярослава бешьствовали. 297, 18. Оже нѣту вины его, ты к намъ крстъ цѣловалъ без вины мужь не лишити. 181, 20.

Предложения подобного рода не находятся в соответствии с данными Синодального списка «Русской Правды», а также с предполагаемыми нами нормами употребления связки 1-го и 2-го лица с именным сказуемым типа «есмь, еси холопъ». Ввиду этого нельзя признать предложения подобного рода в их структурном типе исконными.

Имея в виду, что Синодальный список I Новгородской летописи складывался не одновременно и имеет сложные многообразные источники, можно думать, что предложения типа «ты еси хотелъ» или «ты хотелъ» являются продуктом позднейших наслоений и позднейших тенденций в развитии языка, например тенденции расширения употребления личных местоимений при личных глаголах.

Употребление связки настоящего времени 3-го лица соответствует нормам Син. сп. «Русской Правды».

Связка настоящего времени в нашем документе систематически не употребляется, как и в Син. сп. «Русской Правды», если в подлежащем находится имя существительное или соответствующее ему слово:

Яко, брате, страдали дѣди наши и очи за русьскую землю, тако, брате, и мы поидемъ по своемъ кнзи. 158, 5. Не хочемъ измерети на конихъ; нъ яко очи наши билися на кулачьскѣи, пѣши. 170, 3. Заложиша црквь камену стою Бориса и Глѣба, которая порюшилася. 306, 9. И положиша и въ црккви стыя бца, юже самъ началъ здати камену. 328, 5. Яко съступишася, быс страшно побоище, яко не видали ни оци

ни дѣди. 288, 16. Якуна яша на Плисѣ... обнаживъше, яко мти родила и съвер[го]ша и съ моста. 42, 8. И приде не успевъ ництоже; сильно бо възмялася вся земля руская. 31, 11. А тамо ѣздивъ Лазорь Моисиевичь водилъ всѣхъ ихъ къ крсту. 287, 12. А мостъ великыи огнь заялъ. 301, 14. А мьньшсе, они розидошася, а иное помьрло голодомъ. 165, 8.

Эти предложения находятся в полном соответствии с нормами Синодального списка «Русской Правды».

Связка настоящего времени в нашем документе, как правило, употребляется при неназванном субъекте:

А Нифонтъ тако мълвляше: не достоинѣ *есть* сталъ, оже не блгснъ *есть* от великаго сбора. 51, 4. Терпить о насъ, ожидая покаяния, яко же самъ реклъ *есть*. 264, 1. Не ими, княже, веры брати наю: *сут* на тя съвѣтали съ черниговьскыми князи. 146, 12. Съвѣдѣтельствуеть, яко си *суть* ишли ис пустыня етриевьскыя. 191, 3. И не съвѣдаемъ, откуду *суть* пришли и кдѣ ся дѣша опять. 198, 15.

В тех случаях, когда 3-е лицо подлежащего совершенно ясно из контекста, связка настоящего времени в нашем документе отсутствует, как и в Синодальном списке «Русской Правды»:

А темъ путь покажите прочь, откуду пришли. 230, 13. И разгнѣвася на ты, оже (ти) грабили Даньслава и Ноздрьчю. 19,1.

Конструкции первого и второго типа, засвидетельствованные Синодальным списком I Новгородской летописи, находятся в тесной связи друг с другом. Если в тексте того или другого древнейшего документа встречаются конструкции первого типа, то теоретически допустимы и конструкции второго типа в синтаксическом строе, отражающемся в данном документе, если даже в этом последнем соответствующих предложений и не будет. То же самое и наоборот.

В Синодальном списке «Русской Правды» предложений первого типа нет, но это не значит, что такие предложения не свойственны были тому синтаксическому строю, который отражается в данном памятнике. Таких предложений в Синодальном списке «Русской Правды» нет потому, что при изложении содержания этого памятника не встретилась ситуация, которая потребовала бы предложение такого рода.

Предложения второго типа находят, как известно, широкое отражение в Синодальном списке «Русской Правды».

Таким образом, мы думаем, что в употреблении связки настоящего времени 3-го лица в Синодальном списке «Русской Правды» и в Синодальном списке I Новг. л. существует известная аналогия.

Кроме того, в Син. сп. I Новг. л. рядом с такими предложениями, в которых имеется или не имеется вспомогательный

глагол 3-го лица, но в которых не имеется личное местоимение 3-го лица, встречаются предложения, в которых при обычном отсутствии связки — вспомогательного глагола — имеется личное местоимение 3-го лица:

Мы дани прошали тобѣ, и они нас выгнали, а инѣхъ избили, а домы наша розграбили, а Ярослава бещьствовали. 297, 18. И послаша новгородьци послы, зовуче его в Новъгород... и онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не да, поѣха прочь. 334, 8. И онъ ехавъ костры нарядилъ и приѣха в Новъгородъ. 336, 7.

Предложения этого рода не находят соответствия в Син. сп. «Русской Правды». Эти предложения, как и предложения типа «ты *еси* мои дворъ хотелъ зажечи», 220, 15, мы должны признать продуктом позднейших наслоений.

Таким образом, мы видим, что синтаксические нормы по изучаемому нами вопросу, отраженные в Син. сп. «Русской Правды», заметно отличаются от соответствующих норм, отраженных в Синодальном списке I Новг. л.

Если мы признаем первые более исконными, то вторые мы должны признать позднейшими, отличие которых состоит только в одном: в развитии тенденции к употреблению личных местоимений в подлежащем.

Употребление связки в Лаврентьевском списке летописи, насколько можно судить по скудным извлечениям Е. Ф. Карского [1], а также по не менее скудным извлечениям Е. Ф. Будде [2], не противоречит тем нормам, которые нами установлены по Син. сп. I Новг. л.

§ 8. Данные, извлеченные нами из «Моления Даниила Заточника» ред. XII в., по списку XVII в., находятся в соответствии с данными, извлеченными из других древних документов, в частности из Син. сп. «Русской Правды».

При наличии подлежащего, выраженного именем существительным, связка 3-го лица не употребляется:

Кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали. Ак. сп. IX. Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь. Ак. сп. XI.

При отсутствии подлежащего, которое предполагает в субъекте лицо, связка обычно имеет место:

Или ми речеши: от безумиа ми *еси* молвилъ. То не видалъ *есмь* неба полъстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: сългалъ *еси* аки песъ. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългалъ *еси* аки тать. Ак. сп. XXXII.

---

[1] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи.

[2] Е. Ф. Будде. Русский глагол сравнительно с церковнославянским. Р.Ф.В., т. XXVII, стр. 5—6.

Встречаются обороты с наличием местоимений при отсутствии вспомогательного глагола: «Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научихся». Ак. сп. XLVI [1].

§ 9. В «Слове о полку Игореве» порядок употребления связки настоящего времени в изучаемых конструкциях представляется в следующем виде:

а) При наличии подлежащего, выраженного именем существительным или соответствующим ему словом, связка обычно не употребляется:

Длъго ночь мрькнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. 67. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! 68. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля. 69. То было въ ты рати, и въ ты плъкы. 69. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна. 69. Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла! Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука. 69. И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила»... 71. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. 71. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань. 73. Уныли голоси, пониче веселие. 73.

б) Что касается употребления связки настоящего времени 1-го и 2-го лица, то мы не находим в нашем памятнике какого-либо строго выраженного однообразия. В памятнике встречаются предложения с наличием связки без местоимений: «Игорю и Всеволоде! Рано *еста* начала Половецкую землю мечи цвѣлити». 71.

Встречаются предложения без связки, но с наличием местоимения: «О, Бояне, соловию старого времени! абы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы». 67. «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ». 72.

Встречаются предложения с наличием связки и личных местоимений: «О! Днепре Словутицю! Ты пробилъ *еси* каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ *еси* на себѣ Святославли насады до плъку кобякова», 74 [2].

В связи с последним примером Буслаев писал: «Эти описательные формы (имеется в виду сочетание *-лъ есмь*. — *Л. Т.*) удержались в нашем языке до позднейшего времени потому, что 1-е и 2-е лица ед. и мн. чисел вспомогательного глагола, потеряв силу глагола, означали лица и употреблялись, таким образом, вместо местоимений 1-го и 2-го лица, то есть *есмь* вм. *я*, *еси* вм. *ты*. Потому в позднейших памятниках, при

---

[1] По изданию Н. Н. Зарубина. «Слово Даниила Заточника» по ред. XII и XIII вв. и их переделкам, 1932.

[2] То же мы наблюдаем в грамоте Мстислава около 1130 г., например: а) повелѣлъ есмь, велѣлъ есмь, б) язъ далъ, в) я Всеволод далъ есмь.

вспомогательном глаголе 1-го и 2-го лица, реже употребляется личное местоимение, нежели в древнейших: слич. напр. следующие отрывки из «Домостроя»: «дала есмь», «ночевала есми», «была есми...» — с отрывком из «Сл. о полк. Иг.»: «ты пробилъ еси...», «ты лелѣялъ еси...» (Ист. гр., § 187, пр. 1).

В ответ на это рассуждение Буслаева Потебня писал: «На это замечу, что примеры эти неудачны, так как причина употребления личного местоимения в «ты пробилъ еси» заключается в том, что на это слово падает сила речи, что оно знаменательно и его отсутствие изменило бы смысл выражения. В таком случае личное мест. стоит и в языке XVI—XVII вв., например: «се азъ продалъ есми» (Ак. отн. до Ю. Б. П., 402, 1666 г.), се язъ да язъ... продали есмя», а вместо этого: «се азъ № продалъ я» (1690—1, I в. 281, 405), «се азъ... да язъ... продали мы» (1680, в. 464)[1].

К этим замечаниям Потебни добавим еще, что утверждение Буслаева о том, что «в позднейших памятниках, при вспомогательном глаголе 1-го и 2-го лица, реже употребляется личное местоимение, нежели в древнейших» (Ист. гр., § 187, пр. 1), совершенно не соответствует действительности. Напротив, в древнейших памятниках, в частности, и в особенности в Син. сп. «Русской Правды», личные местоимения 1-го и 2-го лица при наличии вспомогательного глагола совсем не употребляются.

Случаи употребления местоимений в конструкциях с причастием в Син. сп. I Новг. л., в Лавр. сп. л., в «Слове о полку Игореве» являются продуктом позднейших тенденций в развитии синтаксиса.

§ 10. Представленные выше материалы из различных древнейших памятников позволяют установить следующий порядок употребления связки при причастиях прошедшего времени на *-лъ* в древнейшую эпоху. В целом связка настоящего времени при причастиях прошедшего времени на *-лъ* употреблялась по тем же нормам, по каким она употреблялась в конструкциях с другими именами в сказуемом, а именно:

1. Связка настоящего времени всех 3-х лиц обычно употреблялась при неназванном субъекте.

2. Связка настоящего времени 3-го лица может не употребляться в тех случаях, когда причастие прошедшего времени стоит в предложении в ряду других глагольных форм, имеющих признак лица, или если лицо подлежащего совершенно ясно по другим признакам контекста.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. 1888, стр. 246.

3. Связка настоящего времени 3-го лица при наличии подлежащего, выраженного именем существительным или другим соответствующим ему словом, употребляется редко.

4. В качестве позднейших тенденций возможно употребление личных местоимений при наличии или отсутствии связки — вспомогательного глагола.

3. Постепенное распространение личных местоимений в функции подлежащего

§ 11. Для древнерусского языка были характерны предложения без употребления личных местоимений в функции подлежащего типа: «Не деите мене днсь, а завтра поиду из города» (Син. сп. I Новг. л., 171, 17); «Не слышимъ, оже идете противоу насъ» (Там же, 194). Это — определенно-личные одночленные (бесподлежащные) предложения.

При отсутствии личных местоимений в подлежащем указанные предложения в древнерусском языке были неполными определенно-личными предложениями. В них словесно выраженным является лишь один главный член — сказуемое, но в форме сказуемого заключается определенное указание на подлежащее, которым может быть лицо 1-е, 2-е или 3-е.

«...Однако личное глагольное окончание указывает лишь на то, какое подлежащее может явиться, может быть восстановлено в этом предложении, но оно не является, само по себе, выразителем подлежащего и не заменяет этого последнего; подлежащим предложения может быть только особое слово, являющееся специальным его выразителем; там, где этого слова нет, нет грамматического подлежащего; сказуемое же предложения не обозначает никакого другого члена, кроме самого сказуемого. Таким образом, предложения «иду» и «азъ иду» представляют различные синтаксические конструкции, формальным различиям которых соответствуют и внутренние различия в значении» [1].

Для того, чтобы показать процесс распространения местоимений в истории русского языка, необходимо определить те закономерности, которыми определялось употребление или неупотребление личных местоимений в функции подлежащего в древнерусском языке.

Неоднократно отмечалось, что употребление местоимений в функции подлежащего имело место в тех случаях, когда на них в предложении падало логическое ударение, когда по

---

[1] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Син. сп. I Новг. л., стр. 33—34.

логическим или стилистическим условиям фразы они оказывались ударными. На это указывал А. И. Соболевский в «Лекциях по истории русского языка», стр. 240—241; А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка», вып. 1, стр. 48, 149, 150; А. И. Томсон в «Происхождении форм им. и вин. п. и грамматического рода в индоевропейском праязыке», Известия ОРЯС за 1913 г., т. XVII, кн. 4, стр. 155—156.

С. П. Обнорский и вслед за ним В. И. Борковский утверждают, что в соответствии со старым строем языка в русском литературном языке старшего периода личные местоимения при глаголе-сказуемом в 1-м и 2-м лице в роли субъекта не встречаются. Постановка личного местоимения вызывается особыми стилистическими условиями, необходимостью нарочитого подчеркивания субъекта действия [1]: «Для древнерусских памятников характерно отсутствие при глаголе-сказуемом, стоящем в 1-м или 2-м лице, личных местоимений. В постановке личного местоимения не было необходимости, так как сама форма сказуемого заключала в себе указание на определенное действующее лицо» [2].

Рассмотрим закономерности употребления личных местоимений в функции подлежащего в отдельных древнерусских памятниках.

§ 12. В «Русской Правде» при повелительном наклонении встречается лишь один раз местоимение *ты*, на которое падает логическое ударение:

Аще кто челядинъ поняти (пояти) хощеть, познавъ свои, то ко оному вести и, у кого то будет(ь) купилъ, а тои ся ведеть къ другому, даже и доидеть до третьяго, то рци третьему: «въдаи *ты* мнѣ свои челядинъ, а ты своег(о) скота ищи при видоци». Археогр. сп. П. Р., 80.

В краткой редакции «Правды» также отсутствуют личные местоимения 1-го и 2-го лица при глаголе-сказуемом в изъявительном наклонении. Местоимения 3-го лица употребляются в «Русской Правде» также при особом подчеркивании местоименной формы:

Аще не будет(ь) на немъ знамениа никоего же, аще ли приведет(ь) видокъ, а *онъ* не можеть, ино ту тому конець. Археогр. сп. П. Р., стр. 79. Аще гдѣ взыщеть на друзи проче, а *онъ* ся запирати начьнеть, то ити ему на изводъ пред 12 мужа. Археогр. сп. П. Р., стр. 79.

Местоимение *он* (близкое по смыслу к указательному *тъ*, *тот*) используется в противительных конструкциях. Разночте-

---

[1] См. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М., 1946, стр. 26.

[2] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, Львов. 1949, стр. 90—91.

ния в ст. 5 по Акад. сп., без местоимения *он*, можно объяснить отсутствием противительной конструкции в Акад. сп.

В пространной редакции «Русской Правды» в отличие от краткой редакции использовано один раз местоимение 1-го лица при глаголе-сказуемом в изъявительном наклонении:

Будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; нъ оже хочеть истьчь или иметь и, а река тако: по сего речи емлю тя, нъ *азъ* емлю тя, а не холопъ, и емети и на желѣзо. Син. сп., 132.

Местоимение 1-го лица употребляется в прямой речи.

Местоимение 3-го лица, встречающееся в статьях «Русской Правды», используется при необходимости подлежащего, без которого неясным было бы изложение:

Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а *онъ* ся начнеть запирати, то оже на нь вывед(е)ть послуси, то ти поидуть на роту, а *онъ* возметь своѣ куны. Тр. сп., 109. Не хотѣти ли начнуть дѣти еи ни на дворѣ, а *она* начнеть всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли. Тр. сп. 115. Аче же холопъ кдѣ куны вложить, а *онъ* будеть не вѣдая вдалъ, то господину выкупати али (вместо «али» — *а, не*) лишитися его; вѣдая ли будеть далъ, а кунъ ему лишитися. Тр. сп. 117.

§ 13. В «Слове о полку Игореве» личные местоимения при глаголе в изъявительном наклонении также не употребляются:

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много воя брата моего Ярослава. 71. Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити... 66. Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны. 74. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано. 74.

Личные местоимения в функции подлежащего употребляются при необходимости сделать на них логическое ударение, а также в обращении, в призывах к лицу или лицам.

Личное местоимение 2-го лица ед. и мн. ч. употребляется при подчеркивании субъекта [1].

Ярославе и вси внуце Всеславли!.. *Вы* бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. 73. Великый княже Всеволоде!.. *Ты* бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! 72. *Ты* бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти. 73.

В древнерусском языке местоимение 3-го лица (по своему

---

[1] См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 105—106.

происхождению указательное местоимение) употреблялось для указания на только что названное в предыдущем высказывании имя существительное.

Местоимение 3-го лица *онъ* в древнерусском языке и в фольклорных памятниках употребляется и в тех случаях, когда имя существительное есть налицо: «И они нѣмцы учали бить челом государю» (Пск. I); «Онъ же бояринъ прииде к царю» (Котош.); «А втапоры волх он догадлив былъ» (Сбор. Кирш.).

В таком значении употреблено местоимение *онъ* в следующем месте «Слова о полку Игореве»: «Они же сами княземъ славу рокотаху», 66. Местоимение *они* указывает на имя существительное, только что названное в предшествующем предложении («Своя вѣщиа пърсты на живая струны въскладаше...»).

Местоимения 3-го лица употребляются и в функции подлежащего: «Тому в Полотьскъ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша».

Однако уже в «Слове о полку Игореве» можно отметить случаи употребления личных местоимений, не вызванные потребностями противопоставления или логического ударения: «О, Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ушекоталъ», 67. «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ», 72.

В этих примерах следует видеть начало процесса распространения личных местоимений в функции подлежащего.

Таким образом, в «Слове о полку Игореве»:

1) преобладают односоставные определенно-личные предложения без местоимения в подлежащем;

2) встречаются единичные случаи употребления личных местоимений в функции подлежащего в соответствии с порядком их употребления в современном русском языке, т. е. случаи, в которых субъект действия не подчеркивается, местоимение могло и не быть, но тем не менее оно используется.

§ 14. В «Молении Даниила Заточника» при глаголе в повелительном наклонении два раза употреблено местоимение *ты* при наличии подчеркивания субъекта действия:

Княже мои, господине! Не остави мене, яко отецъ мои и мати моя остависта мя, а *ты,* господине, приими милостию своею. Чуд. сп. XXVIII. Яко же бо ряпъ, збирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнѣздъ приносит яица. Воспоет, рече, ряпъ, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и *ты,* княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца. Чуд. сп. LVIII.

Наличие обращения, которое является приложением к местоимению, подчеркивает субъект действия.

При глаголе в изъявительном наклонении местоимение используется для противопоставления или сопоставления различных субъектов действия:

Княже мои, господине! *Аз* бо не во Афинех ростох, ни от философ научихся, но бых падая аки пчела по различным цвѣтомъ и оттуду избирая сладость словесную, и совокупляя мудрость, яко в мѣхъ воду морскую. Чуд. сп. XXVII.

Вижю, господне, вся человѣки, яко солнцем, грѣеми милостию твоею, точию *аз* единъ яко трава, в застѣни израстущи, на нюже ни солнце сияетъ, ни дождь идетъ: тако *азъ* хожю во тмѣ, отлученъ день и нощь свѣта очию твоею. Чуд. сп. X.

Птенцы радуются под крылома матери своея, а *мы* веселимся под державою твоеи. Чуд. сп. XLVI.

Во многих предложениях местоимение употребляется в функции подлежащего для подчеркивания субъекта действия:

Зане руцѣ твои яко облакъ силенъ, взимая от моря воды — от богатства дому твоего, труся в руцѣ неимущих. Тѣмъ и *аз* вжадах милосердия твоего. Чуд. сп. LXXVII.

Тѣм же и азъ, мутноуменъ, охабихся: бояхся, господине, похуления твоего на мя, худъ разумъ имѣя. Чуд. сп. XXVII.

В ряде случаев характерным было наличие в первом предложении имени существительного в подлежащем, а в следующем предложении местоимения:

Тѣло крепится жилами, а *мы*, княже, твоею державою. Чуд. сп. LVII.

Княже мои, господине! Кораблю глава кормник, а *ты*, княже, людем своимъ. Чуд. сп. XXIX.

Княже мои, господине! Орел птица царь надо всѣми птицами, а осетръ над рыбами, а лев над зверми, а *ты*, княже, над переславцы. Чуд. сп. LVII.

Местоимение 3-го лица в «Молении Даниила Заточника», как и в «Слове о полку Игореве», употребляется в значении указания на только что названное имя существительное:

Тѣм и Езекия, царь Израилевъ, похвалися послом царя Вавилонскаго, показа имъ множество злата своего; *они* же рекоша: нашь царь богатѣе тебе не множеством злата, но множеством храбрых и мудрыхъ людеи. Чуд. сп. XXXII.

Местоимение *он* может употребляться в функции подлежащего без указательного значения:

Лучше ми слышет(и) прещения мудрыхъ, нежели наказания безумных. Рече: даи мудрому вину, а *он* премудрее явится; а безумнаго, аще и кнутьем бьешь. Чуд. сп. LIV.

При причастии на *-лъ* и при именах в сказуемом личные местоимения в функции подлежащего употребляются по тем нормам, что и при глаголах изъявительного наклонения.

1) При необходимости логического подчеркивания субъекта:

Азъ бо есмь, аки она смоковница проклятая. Ак. сп. IV.

Есмь бо яко древо сухо, стояще при пути, да вси мимоходящеи секутъ его; тако и *аз* всѣми обидимъ есмь, зане огражен есть страхом грозы твоея, аки оградомъ твердым. Чуд. сп. XII.

2) При противопоставлении или сопоставлении субъектов действия:

Княже мои, господине! Не возри на внѣшняя моя, но вонми внутренняя моя. *Аз* бо есмь одѣяниемъ скуденъ, но разумом обилен; юнъ возрастъ имыи, но стар смыслъ вложихъ вонь. Акад. сп. XXVIII, Чуд. сп. XIV.

Яко же бо паволока испестрена многими шолки красно лице являет, тако и *ты,* княже нашь, умными бояры предо многими людми честенъ еси и по многимъ странам славенъ явися. Чуд. сп. XXX.

Таким образом, в «Молении Даниила Заточника» личные местоимения в функции подлежащего употребляются только в особых условиях: при подчеркивании субъекта или сопоставлении (противопоставлении) субъектов.

§ 15. В сочинениях Владимира Мономаха личные местоимения употребляются при противопоставлении субъектов двух предложений, например:

Устрѣтоша бо мя слы от братья моея на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то *мы* собѣ будем, а *ты* собѣ». Поуч. Вл. Мои., 153.

И Святославъ умре и *язъ* пакы Смолиньску. Поуч. Вл. Мон., 159.

Личные местоимения употребляются в функции подлежащего в составе зачина, например:

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, наречный въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мыномахы. Поуч. Вл. Мон., 153.

То же самое находим в письме Мономаха Олегу Святославовичу: «О многострастныи и печалныи *азъ*», 163.

При причастии на *-лъ*, а также при именах в сказуемом местоимения употреблялись и при наличии логического подчеркивания субъекта или при противопоставлении субъектов:

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ... сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то, я творилъ есмь. Поуч. Вл. Мон., 163.

Да же еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», десятью *я* есмъ послалъ. Письмо Мономаха Олегу Святославовичу. 165.

Однако необходимо отметить случаи употребления местоимений в функции подлежащего при отсутствии противопоставления или сопоставления субъектов, а также при отсутствии логического ударения, например:

И разумѣйте и видите, яко *азъ* есмь богъ, испытаяй сердця и свѣдый мысли, обличаяй дѣла. Молитвенное обращение, 166.

Таким образом, и в сочинениях Владимира Мономаха личные местоимения употребляются в специфических условиях; употребление их без необходимости подчеркнуть субъект или при отсутствии противопоставления субъектов встречается в редких случаях.

В последующей истории языка происходило распространение личных местоимений в функции подлежащего при личных формах глагола во всех видах предложений. Неполные односоставные предложения с личной формой глагола в составе сказуемого постепенно заменялись двусоставными предложениями путем распространения употребления личных местоимений в функции подлежащего при личной форме глагола и связки. Закрепление двусоставности как грамматической нормы предложений с личными формами глагола или связки создало объективные предпосылки для падения связки настоящего времени.

Общепринятым считается мнение, согласно которому связка настоящего времени первоначально употреблялась при причастии на *-лъ*, но уже издавна связка 3-го лица стала опускаться. По аналогии с 3-м лицом связка стала опускаться затем в 1-м и 2-м лице; так образовалась форма прошедшего времени на *-лъ* в современном русском языке.

Однако эта традиционная точка зрения находится в противоречии с собранным и проанализированным нами выше материалом.

Процесс падения связки настоящего времени при причастиях на *-лъ* следует рассматривать как процесс вытеснения ее личными местоимениями. Употребление личных местоимений в функции подлежащего было явлением восходящим, развивающимся. Употребление личных форм вспомогательного глагола при причастях на *-лъ* было явлением отживающим, уходящим в прошлое.

Падение личных форм связки настоящего времени объясняется совокупностью разнозначимых причин, из которых одна — распространение личных местоимений в функции подлежащего при личных формах глагола — создает условия возможности падения личных форм связки настоящего времени, а другие же — влияние аналогии со стороны соответствующих конструкций, имеющих имя в подлежащем, — приводят к

осуществлению названной возможности в действительности.

Предложенная теория отмирания употребления личных форм связки настоящего времени и распространения личных местоимений в функции подлежащего находится в противоречии с высказываниями ряда ученых по этому вопросу. Так, акад. А. И. Соболевский пишет: «...формы 3-го л. оказали влияние на формы 1-го и 2-го л. и последние также стали превращаться в неполные формы, т. е. употребляться, подобно формам 3-го л., без вспомогательного глагола» [1]. Этого мнения придерживается проф. Будде [2], Е. С. Истрина [3] и многие другие. Употребление личных местоимений, по мнению этих авторов, могло только способствовать дальнейшему падению личных форм вспомогательного глагола 1-го и 2-го лица. Так, А. И. Соболевский пишет: «Такое употребление личных местоимений способствовало тому, что формы прошедшего сложного стали терять вспомогательный глагол и в 1-ом и во 2-м лице...» [4].

В результате изучения древнерусских памятников мы приходим к следующим выводам: во-первых, связка 3-го лица настоящего времени при наличии подлежащего, выраженного именем, первоначально употреблялась не систематично; во-вторых, связка настоящего времени во всех трех лицах систематически употреблялась первоначально только при неназванном подлежащем; в-третьих, в более позднюю эпоху личные местоимения стали более широко употребляться при личных формах глагола; это создало возможность падения личных форм вспомогательного глагола при причастии прошедшего времени на *-лъ*; данная возможность превратилась в действительность под влиянием аналогии со стороны соответствующих конструкций с именем в подлежащем; следовательно, основная причина падения личных форм вспомогательного глагола при причастии на *-лъ* состоит в распространении личных местоимений в функции подлежащего, а затем уже и во влиянии соответствующих конструкций.

---

[1] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 240.

[2] Р. Ф. В., т. XXVII, стр. 6.

[3] Е. С. Истрина. Синтаксические явления, стр. 112 и сл.

[4] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 241.

Глава II

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ИНФИНИТИВА

Инфинитив употреблялся при глаголах и именах; сообразно с этим рассмотрим изменения в употреблении инфинитива при глаголах и именах отдельно.

§ 16. Инфинитив при глаголах может употребляться субъектно и объектно; в первом случае производитель действия, выраженного инфинитивом, является одновременно и производителем действия, выраженного глаголом: *хочу идти* означает «я хочу» и «я буду идти»; во втором случае производитель действия, выраженного инфинитивом, не является одновременно производителем действия, выраженного глаголом; в качестве производителя этих двух действий выступают два разных предмета: *приказал (я) идти (ему)* — «я приказал, но идти будет он».

Сообразно с этим изменения в приглагольном употреблении инфинитива рассмотрим в двух разделах:

а) изменения в субъектном употреблении инфинитива,

б) изменения в объектном употреблении инфинитива.

Обозревая изменения в субъектном употреблении инфинитива, мы замечаем, что одни глаголы в сочетании с инфинитивом имели в древнерусском языке тенденцию к превращению в одну форму времени глагола, другие сохраняли свою самостоятельность и не имели тенденции к преобразованию в одну форму времени глагола. Сообразно с этим рассмотрим сначала отдельные глаголы, которые в сочетании с инфинитивом могли употребляться в значении одной формы времени глагола, затем рассмотрим прочие глаголы, допускающие субъектное сочетание с инфинитивом.

§ 17. Глагол *начну* сочетался обычно с инфинитивом от основ несовершенного вида; так как этот глагол имеет значение будущего времени, то тем самым и его сочетание с инфинитивом приобретает значение будущего времени. Глагол *начну* в сочетании с инфинитивом имел три значения: 1) значение начала действия, 2) значение начала и продолжения действия и 3) значение будущего времени глагола.

Значение начала действия можно видеть в следующих примерах:

Днесь и множество вѣрныхъ Кыянъ и населници ихъ болше потщание и любовь ко архистратигу Господню *имѣти начинають*. Ип. л., 154. И ту *начаша* Игоря *убивати*... Михаилъ же видѣ то искочи съ коня, хотя помочи Володимиру. Ип. л., 34. Почя убывати солнця... о, великъ страхъ, и тьма бысть..., и пакы *начя прибывати*...; и ради быша вси по граду. Син. сп. I Новг. л., лл. 10—11.

Значение начала и продолжения действия соответствует значению сочетания «*начну* плюс инфинитив» в современном русском языке. Это значение можно видеть в следующих примерах:

Аще будеть нога цѣла или *начьнеть храмати*, тогда чада смирять. П. Р., Ак. сп., § 6, 70. Аще гдѣ взыщеть на друзи проче, а онъ ся *запирати начьнеть*, то ити ему на изводъ. Там же, 79. Син. сп., § 47, 126; варианты: онъ ся *иметь запирати*. § 47, 306. Которая ли вьрвь *начнеть платити* дикую виру, колико лет заплатять ту виру. П. Р., Син. сп., § 4, 123.

Сочетание глагола *начьну* с инфинитивом *хотѣти* также означает зачин и продолжение действия по глаголу *хотеть*. Это действие представляется в несовершенном виде, хотя при переводе древнерусских примеров мы пользуемся глаголами *захочу, захочет:*

Пакы ли господинъ не *хотѣти начнеть* платити за нь, а продасть и..., а прокъ ему самому взяти собѣ. П. Р., Син. сп., § 64, 130 — «не захочет (начнет не хотеть) платить». Не *хотѣти* ли еи дѣти *начнуть* ни на дворѣ, а она (мать. — *Т. Л.*) *начьнеть хотѣти* всяко и *сѣдѣти*, то творити еи всяку волю. П. Р., Син. сп., § 102, 129 — «если дети ее не захотят (начнуть не хотѣти)... а она (мать) захочет (начьнеть хотѣти) сидеть, то быть по ее воле».

В ряде случаев глагол *начну* в сочетании с инфинитивом несовершенного вида выступал в роли отвлеченного глагола будущего времени в соответствии с современным глаголом *буду*:

Аще же убиют(ь) огнищанина в разбои, а убиица не изыщут(ь), то вирное платитѣ, в неи же вѣрнѣи голова *начнеть лежати*. П. Р., Арх. сп., Кр. сп., § 20, 80 — «вирное платить той верви, в которой будет лежать голова».

В редких случаях глагол *начну* сочетался с перфективным инфинитивом *дать,* который, возможно, в этом сочетании имел значение несовершенного вида, а все сочетание имело значение чистой формы будущего времени соответствующего глагола:

Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ *начнеть не дати* его, то холопа пояти. П. Р., Ак. сп. I, § 17, 71 — «...а господин не отдаст (начнеть не дати), то пояти холопа».

В функции вспомогательного глагола при образовании будущего времени глагол *начну* употреблялся в памятниках XVI в., ср. в Домострое: И тогда *начнеши* со студомъ посьлѣднее мѣсто *держати,* но егда званъ будеши, шед сяди на послѣднемъ мѣстѣ. Орлов. 9. Как богъ вразумить васъ я *начнете* дѣломъ *творити* вся си: будеть на вас милость божия. Там же, 5.

В сочинениях Котошихина наиболее часто в той же функции употребляется форма *учну,* ср.: Кто сегодни пожалованъ, наутрее по породе своей *учнетъ сидѣти* выше. 46. А будетъ кому дано помѣстье, а после того онъ *учнетъ бити* челом, чтобъ ему то помѣстье продано было ему жъ въ вотчину, и ему то помѣстье исъ царские казны продадутъ. 96.

Таким образом, сочетание «*начну* плюс инфинитив» в древнерусском языке было полисемантичным; оно обозначало начало и продолжение глагольного действия, а также выступало в значении грамматической формы будущего времени соответствующего глагола. Тем не менее оно не составляло единой грамматической формы будущего времени глагола.

Современный русский язык не сохранил того разнообразия значений глагола *начну* с инфинитивом, какое было свойственно древнерусскому языку; в современном языке это сочетание сохранило только значение начала глагольного действия (*начну писать*) и утратило значение продолжения глагольного действия (*начну и буду писать*), а также значение грамматической формы будущего времени.

§ 18. В древнерусском языке при глаголе *хочу* употреблялись инфинитивы от основ совершенного и несовершенного вида; инфинитив совершенного вида обозначал действие, следующее за действием глагола, которое представлялось относящимся к будущему времени, поскольку глагол означал настоящее время; инфинитив совершенного вида при глаголе *хочу* мог обозначать действие, относительно которого в настоящее время высказывается возможность наступления его в будущем времени:

Како азъ *хочю* инъ законъ *прияти* единъ? а дружина сему смѣятися начнуть. Лавр. л., 27 — «как я могу закон приняти один, а дружина начнеть смеятися». Въ правду ли идеши на

Изяслава? Гюрги же рече ему: како *хощю* не въ правду *ити?* Сыновець мой Изяславъ... волость мою повоевалъ. Ип. л., 42 — «как же я могу ити не вправду, если Изяслав действительно захватил мою волость?»

Инфинитив совершенного вида при глаголе *хочу* мог обозначать действие, относительно которого в настоящее время высказывается необходимость его наступления в будущем времени:

Аще не подступите заутра..., *предатись хотять* людье Печенѣгомъ. Лавр. л., 28 — «могут и должны сдаться печенегам». Се уже *хочемъ померети* отъ глада, а отъ князя помочи нѣту. Лавр. л., 55 — «(скоро) должны помереть от голода, а от князя помощи нет».

При имперфекте *хотѣаше* инфинитив несовершенного вида мог обозначать действие, долженствующее наступить после реализации глагольного действия:

Се же глаголааше знаменая, коею съмьрьтию *хотѣаше умрѣти.* Остр. ев. Ио. 12. 33 — «какою смертью должна была умереть».

Инфинитив несовершенного вида при глаголе *хочу* также мог обозначать действие, относительно которого в настоящее время высказывается необходимость его наступления в будущем времени:

Лютъ се мужь *хоче быти,* яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть. Лавр. л., 30 — «лют сей муж должно быть (лют теперь и вообще), если...».

Сочетание глагола *хочу* с инфинитивом несовершенного вида могло выступать в значении грамматической формы будущего времени соответствующего глагола:

Егда *хощеши судити,* не осуди мя въ огнь. Поуч. Вл. Мон., 167. — «когда будешь судить, не осуди меня в огонь». И рече ему: «то вѣси ли, что утро *хощеть быти,* и что ли до вечера?» Лавр. л., 176 — «знаешь ли ты, что скоро будет утро?» Идоша..., часто озирающеся, хотяще видити, что *хощеть быти* стму. Нест. Бор. Гл., гл. 24 — «шел, часто озираясь, желая увидеть, что будет».

Значение будущего времени мог иметь в сочетании с глаголом *хочу* и инфинитив совершенного вида, например:

Рѣша старѣйшина Фараоня: сей *хощеть смирити* область Еюпетьскую. Лавр. л., 16. — «сказал фараонов старейшина: этот унизит когда-нибудь Египет». (Ярославъ)... рекъ Изяславу: Аще кто *хощеть обидѣти* брата своего, то ты помагай. П. В. Л., 108 — «Ярослав сказал Изяславу: если кто-нибудь обидит брата твоего, помоги ему».

Таким образом, и сочетание «*хочу* плюс инфинитив» в древнерусском языке было полисемантичным; оно обозначало

возможность и необходимость наступления действия, а также выступало в функции будущего времени соответствующего глагола, не составляя, однако, единой грамматической формы будущего времени данного глагола.

Современный язык не сохранил описанных выше значений сочетания *«хочу* плюс инфинитив»; в последующей истории языка значения возможности и долженствования, а также значение будущего времени соответствующего глагола, выражавшиеся этим сочетанием, были утрачены.

В современном русском языке сочетание *«хочу* плюс инфинитив» означает действие как желаемое субъектом в настоящее время и долженствующее реализоваться в будущем времени.

§ 19. Первоначальным значением глаголов *имамь, иму* было «брать», «хватать»; позднейшим значением — «иметь». В сочетании с инфинитивом глагол *имамь, иму* уже в древнем языке имел, конечно, переносное значение, именно вспомогательное. При этом глаголе в древнем языке употреблялся инфинитив как от глаголов совершенного, так и от глаголов несовершенного вида. Инфинитив совершенного вида обозначал действие, следовавшее за действием, выраженным глаголом. Оно представляется относящимся к будущему времени.

Аще ли сего не сътворимъ, *погубити* ны *имать* Святославъ. Лавр. л., 28 — «если мы этого не сделаем, то погубит нас Святослав» (буквально: «имеет сейчас возможность погубить и погубит, если не сделаем сего»). Азъ же тя отрину... и не *имамъ* тя *помиловати* паки. П. В. Л., 69. Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не *имаши избыти* недуга. П. В. Л., 77.

Инфинитив несовершенного вида обозначал действие двоякое: во-первых, он обозначал действие, следовавшее за действием глагола; в таком случае оно также представляется отнесенным к будущему времени:

Си *имуть имати* дань на насъ и на инѣхъ странахъ. П. В. Л., введ. — «будут брать дань с нас». Погании *имуть радоватися,* и возмуть землю нашю. Лавр. л., 254 — «будут радоваться и возьмут землю нашу». Се ми здѣ близъ мене сынъ мой Шварно, а другий господинъ мой отець князь Василко; а тѣма ся *иму утѣшивати.* Ип. л., 204 — «и тем буду утешаться».

Во-вторых, он обозначал действие, одновременное действию глагола; в таком случае оно представляется относящимся к настоящему времени, а в значении глагола яснее выступает момент возможности — момент, который скрыто присутствовал и в рассмотренных выше предложениях.

А въ поли, где собѣ поорѣть нивы, то ихъ *имѣеть прислушати.* Жал. гр. Под. кн. 1375 г. — «кто в поле распашет себе

нивы, тот может их присвоить»; «имеет прислушати» в прямом смысле означает настоящее время: может их (нивы) присвоить в любое время, сейчас же, если он распахал.

Взяша и, мертва мняще, вынесше положиша и пред пещерою и узрѣша, яко живъ есть, и рече игуменъ Феодосий, яко се *имать быти* от бѣсовьскаго дѣйства. Лавр. л., 83 — «и сказал игумен Феодосий, что это может быть от бесовского наваждения», т. е. это, должно быть, происходит (теперь) от бесовского наваждения.

В некоторых случаях момент возможности в значениях этих сочетаний, скрыто присутствовавший уже в рассмотренных случаях, обнаруживается совершенно ясно.

Сребром и златомъ не *имамъ налѣсти* дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато. Лавр. л., 54 — «посредством серебра и золота не имею возможности найти, не могу и не смогу найти, не найду дружины, а посредством дружины найду серебро и золото».

В некоторых случаях в значении глагола выступает на первый план момент долженствования.

То штожь коли вси бояре и земляне будуть городъ твердити, тогды тии люди тако же *имѣють твердити* городъ Смотричъ. Жал. гр. Под. кн. 1375 г. Срезн. — «когда бояре... будут строить город, тогда те люди также должны строить город Смотрич».

В этом примере сочетание «имѣють твердити» относится к будущему времени, оно означает действие, одновременное действию, выраженному сочетанием «будуть твердить». Само же по себе сочетание «имеють твердить» не означает будущее время; поскольку оно соответствует выражению «должны строить», постольку имеет значение настоящего времени.

Таким образом, сочетание глагола *имамь, иму* с инфинитивом было полисемантично и не составляло единой грамматической формы времени соответствующего глагола; оно, кроме значения будущего времени, выражало еще значение возможности и долженствования. Известное в науке мнение о том, что сочетание «*иму* плюс инфинитив» являлось в древнем русском языке формою будущего времени соответствующего глагола, требует пересмотра.

Современный русский язык не сохранил сочетания глагола *иму, имамъ* с инфинитивом. В народных говорах, однако, отмечены случаи употребления глагола *иму* с инфинитивом несовершенного вида: *иму делать, имем есть, не му пахать.* Бусл., Ист. гр., § 186, прим. 2.

Обзор употребления глаголов *иму, начну, хочу* в сочетании с инфинитивом показал, что, во-первых, эти сочетания были полисемантичны, во-вторых, они могли выступать в

функции будущего времени глагола. Однако ни одно из этих сочетаний не было закреплено в функции будущего времени глагола и, таким образом, не образовало единой грамматической формы будущего времени соответствующего глагола.

§ 20. В отличие от ранее рассмотренных глаголов *буду* с самого начала выступает в одной функции — в функции вспомогательного глагола при образовании будущего времени: сочетания «*буду* плюс инфинитив» никаких других оттенков, кроме значения будущего времени, не имели. Наиболее ранние случаи употребления сочетания «*буду* плюс инфинитив» в значении будущего времени отмечены в памятниках XIV в. В произведениях Курбского это сочетание также представлено, ср.: «До скончания моего буду непрестанно воспияти со слезами на тя пребезначальной троице». Изд. Устрялова, 133. Однако более или менее часто случаи употребления сочетаний «*буду* плюс инфинитив» в значении будущего времени встречаются только в памятниках XVII в. Мы находим их в Житии Аввакума, ср.: «А брат мой... *будет* тебе *бить* челомъ», 144. В сатирических произведениях: «А есьли *буду жыть* у тебя, так и *служыть* тебе *буду»*, Кур. лис., 201. «*Ты* будешь *подпекать*, а мы *будем подъедать»*, Там же, 201. «Ладану да свечь не *будем жечь»*. Каляз. чел., 122.

В современном русском литературном языке в качестве формы будущего времени употребляется только «*буду* плюс инфинитив несовершенного вида».

Глагол *буду* вошел в сочетание с инфинитивом как показатель чистого будущего времени. В такой функции он должен был сложиться в составе других, ранее возникших конструкций. Такими в древнерусском языке были «буду -*лъ*», а также составное сказуемое будущего времени.

§ 21. Сочетание инфинитива с глаголами *иму, начьну, хочу, буду* в некоторых употреблениях имели значение одной формы будущего времени глагола. Прочие глаголы в сочетании с инфинитивом не приобретали значения одной формы будущего времени глагола. Примерный список таких глаголов представлен Потебнею в следующем виде: *колеблюсь, медлю, спешу, пренебрегаю, откладываю, опаздываю, желаю, изволю, благоволю, люблю, боюсь, стараюсь, гнушаюсь, смею, могу, умею, пытаюсь, стремлюсь, готовлюсь, думаю, замышляю, намереваюсь, силюсь, похваляюсь, соглашаюсь, присягаю, начинаю, кончаю, привыкаю, учусь, перестаю, удостоюсь, сподоблюсь.*

Эти глаголы характеризуются тем, что в сочетании с инфинитивом не имеют и не могут иметь при себе прямого дополнения в винительном падеже или косвенного дополнения в дательном падеже: *спешу съездить домой* содержит субъ-

ектное сочетание инфинитива с глаголом; *прошу съездить домой* содержит объектное сочетание инфинитива с глаголом; глагол *спешу* не имеет и не может иметь дополнения и в винительном падеже; глагол *прошу* не имеет в данном примере дополнения в винительном падеже, но может иметь его, например: *прошу его съездить домой; отказываюсь сказать* содержит субъектное сочетание инфинитива с глаголом; *приказываю сказать* содержит объектное сочетание инфинитива с глаголом; глагол *отказываюсь* не имеет и не может иметь дополнения в дательном падеже; глагол *приказываю* в данном предложении не имеет дополнения в дательном падеже, но может иметь его, например: *приказал ему сказать что-либо.*

Глаголы, сочетающиеся с инфинитивом субъектно, могут быть разделены на две группы.

I. Одни глаголы допускают инфинитив только от основ несовершенного вида и обозначают способ протекания инфинитивного действия, т. е.:

а) Начало или возникновение инфинитивного действия; таковы глаголы *стать, начать, броситься, кинуться,* ср.: «Взвод *начал отстреливаться»* (Фад.); «Многие *кинулись бежать* кто куда» (Фурм.); «Женщина *ударилась плакать* громче» (А. Н. Толст.).

б) Процесс протекания инфинитивного признака; таковы глаголы *продолжаю, привыкаю, отвыкаю* и т. п., ср.: «Неприятель на виду, он также неудержимо *продолжает двигаться* вперед» (Фурм.); «Население *продолжало развлекаться,* как могло» (А. Н. Толст.).

в) Прекращение или завершение инфинитивного действия; таковы глаголы *кончить, завершить, бросить, перестать* и т. п., ср.: «Морозка *перестал сопротивляться»* (Фад.); «Губернатор сразу *бросился тереть* щеки» (А. Н. Толст.).

При глаголах этой группы инфинитив, образуемый только от основ несовершенного вида, означает действие, одновременное действию глагола; действие инфинитива относится к тому времени, какое имеет глагол: *начну писать* (будущее время), *начинаю писать* (настоящее время), *начал писать* (прошедшее время).

В древнем русском языке инфинитив в таком употреблении чередовался с причастием настоящего времени: «Не *прѣста облобызающе»,* Остр. ев., Лк. — «не переставал лобызать»; *«коньчаша* церковь *пишюче».* Потебня. Из зап., 382 — «кончили церковь писать».

В современном языке на месте причастий настоящего времени в этих конструкциях употребляется инфинитив. Таким образом, употребление инфинитивов при первой группе глаголов в

исторической жизни языка не суживалось, но расширялось.

II. Другие глаголы допускают инфинитив как от глаголов несовершенного, так и от глаголов совершенного вида и обозначают внутреннее движение в субъекте, т. е.:

а) Желание, намерение, стремление; таковы глаголы *хотеть, желать, намереваться, собираться, готовиться, думать, стараться, пытаться, решаться, отказаться* и т. п., ср.: «Я *желал* поскорее с Вами *познакомиться*» (Пушк.); «Он *вызвался довести* ее до церкви» (Пушк.). «Неприятель *пытался удержаться*» (Фурм.); «Кого же мы *собираемся приглашать*?» (А. Н. Толст.).

б) Отношение субъекта к инфинитивному действию; таковы глаголы *любить, опасаться, бояться, ненавидеть* и т. п., ср.: «*Боялся я сделаться* пьяницей с горя» (Пушк.); «Мечик *любил его слушать*» (Фад.).

При глаголах этой группы инфинитив от основ совершенного вида означает действие, следующее за действием, обозначенным глаголом; действие инфинитива представляется относящимся к будущему времени: *думали получить* — «думали, что получат».

Такое употребление имело место и в древнем языке:

Петръ же тѣмъ (= от того) печаленъ бяше велми... *творяшеться прияти* муку пуще того. Ип. л., 72, — «готовился принять муку пуще того».

Такое употребление инфинитива имеет место без всякого ограничения и в современном языке: *собираюсь сказать, думали переехать, хотели выкупить* и т. п.

При тех же глаголах инфинитив от основ несовершенного вида означал действие в одних случаях как следующее за действием глагола, в других случаях — как одновременное с действием глагола.

Когда действие инфинитива от основ несовершенного вида следует за действием глагола, оно представляется относящимся к будущему времени: *обещаю писать* — «обещаю, что буду писать». Такое употребление имело место и в древнем языке:

К тобѣ хрестъ *цѣловалъ есмь имѣти* тя сыномъ собѣ. Ип. л., 80. — «что буду иметь тебя сыном». Не вѣдяшеть бо (Игорь Святославич) Божия промысла, но *творяшеться* тамо и долго *быти*. Ип. л., 133, 437 — «полагал, ожидал, что там (в плену) долго будет».

Такое употребление обычно и для современного языка: *сговорились идти вместе* — «сговорились, что пойдут (или будут идти) вместе».

Когда действие инфинитива от основ несовершенного вида одновременно действию глагола, то при глаголах настоящего

времени оно представляется относящимся к настоящему времени; в древнем языке инфинитив в таком случае чередовался с причастием настоящего времени и характеризовался сравнительно с последним большею глагольностью и близостью к особому, придаточному, предложению:

Мьнить ся службу *приносити* Богу. Остр. ев., Ио. — «думает, что приносит службу богу». Сдѣ бо *мнять* жилище *имѣти*. Лавр. л., 50 — «думают, что имеют жилище». Мстиславъ же поиде къ воротамъ водным, *творя биться*. Ип. л., 219, 409 — «показывая вид, что бьются».

В последующей истории языка такое употребление инфинитива было вытеснено оборотом с глаголом настоящего времени в сказуемом. В современном языке во всяком сочетании глагола, означающего внутреннее движение в субъекте, с инфинитивом от основ несовершенного вида инфинитивное действие представляется наступающим после глагольного действия: «собираюсь говорить» означает, что говорение наступит тогда, когда закончится собирание к говорению, а не в настоящее время, т. е. не «собираюсь и говорю»; «готовлюсь писать» означает, что писание будет иметь место после завершения подготовки к писанию, а не сейчас, т. е. не «готовлюсь и пишу» и т. п.

Таким образом, инфинитив при глаголах, обозначающих способ протекания инфинитивного действия, употреблялся в древнем языке и продолжает употребляться в современном языке; при этих глаголах употребляется инфинитив несовершенного вида, который чередовался с причастием настоящего времени. В последующей истории языка причастия в указанном положении были вытеснены инфинитивом.

При глаголах же, означавших внутреннее движение в субъекте, употреблялся инфинитив совершенного и несовершенного вида; инфинитив совершенного вида при указанных глаголах употреблялся в древнерусском языке и продолжает без ограничения употребляться в современном русском языке; употребление же инфинитива от основ несовершенного вида сохраняется в современном языке частично: инфинитив от основ несовершенного вида сохраняется, если он обозначал действие, следующее за действием глагола: *сговорились идти вместе;* если же инфинитив в древнерусском языке обозначал действие, одновременное действию глагола, то в последующей истории языка он был вытеснен придаточным предложением с глаголом настоящего времени в сказуемом: *мнять жилище иметь* (настоящее время) — «думают, что имеют жилище».

§ 22. Глаголы, сочетающиеся с инфинитивом объектно, имеют или могут иметь при себе винительный прямого объекта или дательный косвенного объекта: *прошу вас переписать это*

письмо (*вас* является вин. падежом, управляемым глаголом *прошу*); *приказал ему переписать это письмо* (*ему* является дат. пад., управляемым глаголом *приказал*).

Во всех подобных случаях производитель глагольного действия не является одновременно и производителем инфинитивного действия: инфинитивное действие имеет своего особого производителя. В приведенных примерах вин. *вас* или дат. *ему* выражают прямой или косвенный объект глагольного действия; эти же падежи вместе с тем выражают производителя инфинитивного действия.

Инфинитивы, сочетающиеся с глаголами объектно, могут в свою очередь иметь при себе винительный прямого объекта или дательный косвенного объекта: *прошу вас передать ему это письмо* (*ему* — дат. косвенного объекта, управляемый инфинитивом, *это письмо* — вин. прямого объекта, управляемый инфинитивом).

Глаголы, управляющие винительным прямого объекта и сочетающиеся с инфинитивом объектно, распадаются на две главные группы: а) глаголы вещественного движения и пребывания («...в шесть *садились* за стол *делать* крендели», Горьк.), б) глаголы, выражающие направление волеизъявления субъекта (*просить, заставить, допустить* и т. п.).

§ 23. При глаголах вещественного движения и пребывания в древнем русском языке употреблялся так называемый с у п и н — форма на *-тъ*, имевшая достигательное значение. Например: «*Посла*... сына своего Ярослава в Переяславль въ Русьскыи *княжитъ*». Лавр. л., 397.

Однако уже издавна при указанных глаголах спорадически встречались и формы инфинитива на *-ти, -ть*: «*Пусти*... брата своего въ Володимерь Володимиря *блюсть*». Ип. л., 54. «*Посла* Олегъ мужи своя *построити* мира и *положити ряды межи* Грѣкы и Русью». Ип. л., 19.

С XV в. формы супина полностью были вытеснены формами инфинитива.

§ 24. При глаголах, выражающих направление волеизъявления субъекта, инфинитив обозначал действие, производителем которого был косвенный объект в винительном падеже, управляемом глаголом:

А вы плотници суще, а *приставимъ вы* хоромъ *рубити*. Новг. I л., 1. *Учашеть его* мати *креститися*. Лавр. л., 40.

Управление инфинитива при этих глаголах с винительным является обычным и для современного языка, ср.: *уговорили кого-либо прийти, просили его выступить с речью* и т. п.

Инфинитив при указанных глаголах с винительным мог выступать в качестве связки между винительным, управляемым глаголом, и винительным, зависящим от такого инфинитива;

последний (вин. пад.) в науке носит название *accusativus cum infinitivo*. Ср. «И *молиша* его *быт заступника* бедамъ ихъ». Казан. л., 220. «Такожде и ныне *уповаем* его *способники быти*..., еже иноческое одеяние свергше и на християнъ воевати». Р. И. Б., т. 31, 29[1]. Переп. Курб. с Гроз. «Игуменъ Трифонъ *увѣща* его *быти мниха*». Ин. сказ., 17. Впоследствии *accusativus cum infinitivo* в данных конструкциях был вытеснен творительным предикативным: *он просил меня быть первым, он посоветовал мне стать мастером.*

«Вы дочь свою королевну Амбриотосу *учредили быть* мне *женою*». Ист. кор. Ар., 106. Ср. у Пушк.: «Немцы *просили* Его Величество *быть уверену*...» Бусл., Ист. гр., § 244, 3.

§ 25. В древнем русском языке глаголы чувства, мысли, называния, познания и восприятия, управляющие винительным падежом, не сочетались, как правило, с инфинитивом в отличие от греческого и латинского языков, в которых при указанных глаголах употреблялся инфинитив в объектном значении. Инфинитиву древнегреческого и латинского языков при этих глаголах с винительным в древнерусском языке соответствовало причастие настоящего времени: *увѣдаша князя идуча* (= что идет); славянский язык не допускает оборотов типа: *вижу дом гореть* (= что дом горит), *слышу птицу петь* (= что птица поет), т. е. не допускает инфинитива при винительном, дополняющем названные выше глаголы.

Исключение представляет инфинитив *быть*; его употребление при таких глаголах засвидетельствовано Остр. ев., летописями и другими древнерусскими памятниками. Инфинитив *быть* в рассматриваемых конструкциях управляет винительным падежом, который имеет свойство предикативного падежа по отношению к винительному падежу, управляемому глаголом; он также носит название accusativus cum infinitivo.

Вы же *кого* (вин., управляемый инфинитивом) глаголете *мя* (вин., управляемый глаголом) *быти*. Остр. ев. Мат., 16, 15 (*кого* = кем).

Такие обороты засвидетельствованы в сочинениях Ивана Грозного:

Мняше *насъ* яко *безплотныхъ быти*. Р. И. Б., т. 31, Переп. Курб. с Гроз., 13. Или мниши *сие быти свѣтлость* благочестивая, еже обладатися царьству отъ попа невѣжи. Там же, 47.

Такие обороты засвидетельствованы в произведениях XVII в. высокого слога.

Егда же слышавше послание сицево, Московстии народи и вси Рустии людие мнѣвше то правду быти, егда Господь по

---

[1] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в., стр. 281.

неизреченнымъ судбамъ своимъ прешедрою своею десницею изъятъ того отъ Борисова погубления. Ин. сказ., 47. И зря его юнна и велерѣчива, мнѣвъ той его быти прямаго царевича и обѣшася ему помогати. Ин. сказ., 26. Онъ учалъ прелщати его именуючи себя сущаго быти царевича Дмитрея. Ин. сказ., 22.

Рядом с винительным приинфинитивным употреблялся творительный приинфинитивный, например:

Почувствовал быть себя оному достойным. Ист. кор. Ар., 100. Того ради каждой себя пред другим щастливейшим быти мнил. Ист. Ал. рос., 168. Ср. творительный предикативный на месте второго именительного при инфинитиве *быть* в сочетании с другими глаголами: А ты назвался быть цесарем. Рим. д. Помощницами нарекутся быт(ь). Ист. Ал. рос., 174.

В последующей истории языка рассматриваемые обороты вышли из употребления. Любопытно отметить, что Барсов считал допустимым для языка своего времени обороты типа: «Я... считаю сего чѣловека вамъ быть друга». Бусл. Ист. гр., § 276, пр. 2.

§ 26. Глаголы, управляющие дательным косвенного объекта и сочетавшиеся с инфинитивом объектно, обозначали направление волеизъявления субъекта. Ср. в современном русском языке: *они не дадут погибнуть нашему десанту.*

Инфинитив при указанных глаголах мог выражать действие; в таком случае дат. пад., управляемый глаголом, обозначал производителя действия, выраженного глаголом:

Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьниць кунами. Лавр. л., 123. Даша (куны, деньги) купцемъ крутитися на войну. Новг. I л., 8.

Такие обороты сохранились и в современном языке: *приготовь мне пить, велел ему говорить, предложил ему поесть* и т. п.

Инфинитив при дательном, управляемом глаголом и выражающем производителя инфинитивного действия, мог иметь при себе второй дательный, управляемый им самим; этот второй дательный выражал в таком случае косвенный объект инфинитивного действия: «Не дасть имъ (Северянам) Козаромъ дани платити». Лавр. л., 10(23); в этом предложении *имъ* (Северянам) — дат. п., зависящий от глагола *дасть* и обозначающий производителя действия, выраженного инфинитивом *платити; Козаромъ* — дат. п., зависящий от инфинитива *платити* и обозначающий косвенный объект действия, выраженного инфинитивом.

В последующей истории языка сочетание инфинитива с зависящим от него дательным косвенного объекта перестало употребляться, если глагол, выражающий направление

волеизъявления субъекта, имел при себе управляемый им дательный косвенного объекта; в современном языке сочетание инфинитива с зависящим от него дательным косвенного объекта в таком случае заменяется придаточным предложением с личным глаголом в сказуемом. Обороты типа «Приказал Ивану передать письмо Петру» допустимы в современном языке, но фактически не употребляются. Они заменяются оборотами типа «Приказал Ивану, чтобы он передал письмо Петру».

В древнерусском языке инфинитив мог выступать в качестве связки между дательным, управляемым глаголом, и дательным, зависящим от инфинитива; последний (дат. п.) в науке носит название второго дательного:

А намъ дай Богъ за крестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти. Ип. л., 98.

Второй дательный при инфинитиве, выступавшем в функции связки, впоследствии был вытеснен творительным предикативным: *дай нам... быть причтенными.*

§ 27. При личных формах глаголов формальной категории *ес-*, *бы-*, *буде-* в их определенно-личных функциях инфинитив, как известно, почти не употреблялся; сочетания типа «буду писать» засвидетельствованы относительно поздно; причем инфинитив в тех редких случаях, когда он сочетался с такими глаголами, имел субъектные связи с последними.

При тех же формах тех же глаголов в безличной функции инфинитив в древнерусском языке употреблялся широко; причем инфинитив входил в объектное сочетание с названными безличными формами.

Рассмотрим изменения в употреблении инфинитива в сочетании с отдельными формами глаголов бытия в их безличной функции.

Будеть плюс инфинитив:

Аще ли вы *будеть* (= случиться) крестъ *целовати* къ братьи или к кому, а ли управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте. Лавр. л., 102. Онъ пойдеть передъ тобою ко Рси, а тобѣ *будеть* (= придется) оставяче своѣ пѣшьцѣ *поѣхати* же по немъ. Ип. л., 60.

Такие обороты засвидетельствованы в фольклорных записях; они обозначают неизбежность действия, выраженного инфинитивом: «Как ни крыться, а *будет повиниться*; Как ни жаться, а *будет признаваться;* Ешьте, дорогие гости, все одно *будет* собакам *выкинуть*». Даль, Посл.; «Вдоль по каменю скакати — сложить будет буйну голову». Др.-рус. ст., 17.

Буди плюс инфинитив:

Не *буди* мнѣ *възняти* рукы на брата своего старѣйшаго. Лавр. л., 129. Не *буди* ему отъ Бога мира *узрѣти* на ономъ свѣтѣ души его. Лавр. л., 245.

В современном русском языке оборот «*буди* плюс инфинитив» не засвидетельствован.

Будяше плюс инфинитив:

Аще *поѣхати будяше* Обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу. Лавр. л., 11.

Бѣаше плюс инфинитив:

Когда *бяше* брани *быти* на поганыя (когда предстояло быть брани), тогда ся начаша бити межи собою. Новг. I л., 37.

Бѣ плюс инфинитив:

Данилови же и Василкови *съѣхати бѣ* (предстояло) со высокихъ горъ. Ип. л., 172.

Бысть плюс инфинитив:

Не *бысть* имъ мимо онь (мимо каменного столпа) *пойти* къ городу, побивахуть бо со столпа того. Ип. л., 207.

Сочетания глагольных форм *будяше, бѣаше* и *бысть* с инфинитивом в последующей истории языка были утрачены.

Было плюс инфинитив:

Аже учинить Русинъ насилье въ Ризѣ или на Готьскомь бърѣзѣ надъ вольною женою, а дотоле не *слышати было* до нее лихого урока, за то 10 гр. сърѣбра. Посл. 1230 г. Срез. Пам. рус. п., 224. Тобѣ *было* (следовало) въѣхавши в Киевъ, брата моего *яти*. Ип. л., 41.

Оборот «*было* плюс инфинитив» засвидетельствован и в фольклорных записях: «*Быть было* ненастью, да дождь помешал». Посл. «А и чуть *было спустить* калену стрелу, провещатся лебедь белая». Др.-рус. ст., 217.

Есть плюс инфинитив.

Отъ чего ми *есть умрети*? Лавр. л., Радз. сп., 37. В горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и *есть не разумѣти* языку ихъ (нельзя понять языка их). Лавр. л., 107. Съ тобою могу быти, а съ братомъ твоимъ Гюргемъ *не управити* ми *есть*. Ип. л., 50.

Во всех приведенных примерах глагол бытия *есть* имел вещественное значение и выражал неизбежность наступления признака, обозначенного инфинитивом.

В качестве чистой связки форма *есть* при инфинитиве часто не употреблялась, как свидетельствуют древние памятники:

Оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? Ип. л., 73 Оже къ нама хрестъ цѣлуеши, ако ти на наю лиха не замыслити, а вѣ всяко поѣдевѣ къ тобѣ. Ип. л., 99.

Инфинитив плюс инфинитив.

В древнерусском языке в безличной функции выступало сочетание двух инфинитивов, из коих один выполнял функцию вещественного назначения, а другой — функцию формального назначения. Инфинитив с функцией формального назначения

выражал неизбежность возникновения признака, выраженного инфинитивом с функцией вещественного назначения:

Не умѣть имъ (нищим) горою *владати, не умѣть* имъ золотыя *поверстати,* промежду собою раздѣляти. Кал. пер., I., 5. Потебня.

На месте инфинитива в функции формального назначения мог употребляться инфинитив *быть:*

А гостьи коли лучится, или самой гдѣ *быти* за столомъ *сѣсти,* лучши платье переменить. Дом., гл. 34; *быть сести* — «придется сесть».

В народных говорах в формальной функции встречаются два инфинитива — *быть* и *стать,* например: «Сколько ни плакать, а *быть перестать».* Даль. Посл. 136. «Сколько ни браниться, а *быть помириться».* Даль, Посл. 272. «Рожей хорош, да не *лизать* ее *стать».* Даль, II, 26. «У вас, я думаю, *не занимать стать* этого добра». Писем. Ипох.

Конструкции с инфинитивом *быть* в формальной функции распространены главным образом в северорусских говорах; по мнению С. И. Ожегова, распространение их ограничивается старой новгородской метрополией (Новгород, Старая Русса, Валдай) [1].

С. И. Ожегов приводит пример из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: «Грустно мне будет, но *быть терпеть.* Ванюха мой хочет ити на бараках в Питер на работу, а не воротится, покуда не выработает ста рублей для своего выкупа» (Из речи крестьянской девушки, глава «Едрово»). Он и приурочивает этот пример к селу Ям-Едрово, расположенному в 25 километрах от г. Валдая. Исследователь приводит примеры распространения этой конструкции из района Старой Руссы: *бегом бежишь, а быть опоздать; быть иссохнуть с тоски; быть к весне помереть; быть ему век служить; быть пропасть ни за что.*

Таким образом, рассматриваемая нами конструкция, имеющая в своем составе два инфинитива, из которых один выполняет формальную функцию, а другой — функцию вещественного значения, и употребляющаяся в значении долженствования, имеет давнее происхождение. В современном русском языке эта конструкция сохраняется в качестве реликта и имеет диалектальное бытование.

§ 28. А. А. Шахматов выделил в особую группу так называемые двусоставные несогласованные предложения. Так, автор назвал «те двусоставные предложения, один из составов которых содержит в качестве главного члена

---

[1] С. И. Ожегов. Об одной форме долженствования в русском языке. «Докл и сооб. филолог. ф-та МГУ», в. II, М., 1947.

инфинитив. В другом члене может быть или **безличная форма** глагола, или наречие (или существительное)»[1].

К этой группе предложений А. А. Шахматов отнес сочетания инфинитива со словами *некогда, нечего, не к чему, не на что* и т. п. Автор привел только несколько примеров для иллюстрации этих предложений, не высказав никаких соображений относительно их происхождения. Из числа примеров, указанных для данного случая А. А. Шахматовым, можно привести следующие: «Устал я, *нечего сказать*!» Тург., Холост.; «Ну, вот, стало быть вам теперь и *нечего беспокоиться*». Там же; «Впрочем, *тревожиться* много *нечего*». Дост. Прест. и нак., III, 5.

В современном русском языке сочетания инфинитива с наречиями *некогда, нечего, негде* являются конструкциями отрицания и закономерно чередуются с утвердительными конструкциями, которые имеют совершенно иное синтаксическое строение; утвердительные конструкции, чередующиеся с отрицательными конструкциями типа *нечего делать*, образуются путем сочетания глаголов формальной категории в их безличной функции с инфинитивом при посредстве соединительных слов, например: *есть что делать, есть где делать, есть когда делать*. Эти конструкции такое же образование имели и в древнерусском языке, например: «А жена моя пострижется въ чернице, есть ей, чимъ ся пострици». Дух. Новг. 1270 г. «Аже будеть близь торгъ, гдѣ купити, то недостоить». Впраш. Кюр., Калайд., 194.

В древнем языке такое же синтаксическое строение имели и соответствующие отрицательные конструкции, например:

Бысть тоѣ ночи тепло и дождь рамянъ, ...и не бысть имъ куда перѣхати. Ип. л., 127; Не имуть, чесо ѣсти. Остр. ев. Матф., 15, 32; уже намъ нѣ камо ся дѣти. Лавр. л., 30.

В этих конструкциях агент глагольного действия, если он находил выражение, обозначался дательным падежом; точно так же и агент инфинитивного действия, если он находил выражение, обозначался дательным падежом; первый дательный выражал только агента глагольного действия, второй дательный выступал одновременно в двух функциях: функции агента инфинитивного действия и соединительного слова, соединяющего инфинитив с глаголом, например: *мне есть кому написать письмо* — «я имею того, кто мог бы написать письмо»; дат. п. *мне* здесь выражал агента глагольного действия, а дат. п. *кому* обозначал агента инфинитивного действия, являясь одновременно формой, соединяющей инфинитив с глаголом; эта же конструкция допускает и другое толкование: «я имею

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 145.

того, для кого написать письмо»; в этом последнем случае дат. п. функционирует как *dativus commodi*.

В последующей истории языка конструкции типа «мне есть кому написать» изменились в двух направлениях в зависимости от выражаемого смысла; дат. п. в функции агента глагольного действия стал заменяться предложной формой «*у* плюс род. п.», а дат. п. в функции *dativus commodi* стал иногда заменяться предложной формой «*для* плюс род. п.»: «у меня есть кому написать письмо» и «у меня есть для кого написать письмо».

Современный русский язык знает следующие образцы рассматриваемой конструкции, состоящей из глагола формальной категории в безличной функции и инфинитива:

Утвердительные обороты:

а) в настоящем времени: *есть куда ехать; есть где сидеть; есть чему удивляться* и т. п.

б) в прошедшем времени: *было куда ехать; было где сидеть; было чему удивляться* и т. п.;

в) в будущем времени: *будет куда ехать; будет где сидеть; будет чему удивляться* и т. п.

Отрицательные обороты:

а) в настоящем времени: *некуда ехать* (не есть, куда ехать); *негде сидеть* (не есть, где сидеть); *нечему удивляться* (не есть, чему удивляться) и т. п.

Сообразно с этим мы ожидали бы:

б) в прошедшем времени: *не было, куда ехать; не было, где сидеть; не было, чему удивляться* и т. п.

в) в будущем времени: *не будет, куда ехать; не будет, где сидеть; не будет, чему удивляться* и т. п.

Такое построение отрицательных оборотов с инфинитивом мы, действительно, наблюдаем в белорусском языке, например:

а) в настоящем времени: *няма, куды ехаць* (не имеется, куда ехать); *няма, дзе сядзець* (не имеется, где сидеть) и т. п.

б) в прошедшем времени: *не было, куды ехаць; не было, дзе сядзець; не было, чаго рабіць* и т. п.

в) в будущем времени: *не будзе, куды ехаць; не будзе, дзе сідзець; не будзе, чаго рабіць* и т. п.

Однако подобные отрицательные конструкции в современном русском языке не встречаются: они заменены новообразованиями вторичного происхождения, например:

а) в прошедшем времени: *некуда было ехать, негде было сидеть, нечего было делать, нечему было удивляться* и т. п.

б) в будущем времени: *некуда будет ехать, негде будет сидеть, нечего будет делать, нечему будет удивляться* и т. п.

Для объяснения этих форм современного русского языка А. Потебня предположил первообразные формы. По мнению Потебни, предположенные им формы в своем дальнейшем изменении закономерно должны были преобразоваться в современные формы; эти первообразные формы по реконструкции Потебни имели такой вид: «было есть не есть, чего дѣлать» → «было не есть, чего делать», откуда «было нечего делать»; «будет не есть, чего дѣлать», откуда «будет нечего делать»; затем происходила якобы перестановка глагола, в результате чего образовались современные формы: *было нечего делать нечего было делать; будет нечего делать → нечего будет делать.*

Однако это объяснение Потебни вызывает сомнение в главном — в достоверности реконструируемых им первообразных форм, из которых якобы развились современные формы.

В самом деле, если утвердительная форма предложения имела «было (есть), чьто дѣлать; будеть, чьто дѣлать», то отрицательная форма того же предложения закономерно должна была бы иметь вид «не было (есть), чего дѣлать», «не будеть, чего дѣлать». Именно это строение рассматриваемых отрицательных предложений и засвидетельствовано белорусским языком. Вместо тех первообразных форм, которые являются простыми, совершенно необходимыми и засвидетельствованными живыми говорами, Потебня предложил сложные, произвольные и не засвидетельствованные ни памятниками, ни живыми говорами первообразные формы. Для того, чтобы объяснить из них современные формы, Потебне пришлось опять прибегать к произвольным предположениям относительно изменения первообразных форм; так, принимая сочетание «было есть не есть, чего дѣлать» в качестве первообразной формы, Потебня выставил само по себе спорное положение о том, что связка настоящего времени искони обязательно должна была употребляться и затем обязательно должна была падать; в результате осуществления этого процесса должна была получиться форма «было не есть, чего дѣлать». Затем отрицание *не* и связка настоящего времени *есть* слились в одну форму *нѣ*; получилось сочетание «было нѣчего дѣлать». Для того, чтобы объяснить из этого сочетания современную форму, Потебне потребовалось выставить предположение о перестановке глагола: *было нечего делать нечего было делать.*

Спорность этой концепции доказывается сомнительностью предполагаемой первообразной конструкции и тех сложных и произвольных ее изменений, в результате которых могла бы явиться современная конструкция.

В качестве первообразной конструкции необходимо предположить такую форму, которая должна опираться на какие-либо достоверные факты. Такими достоверными фактами

является, во-первых, наличие соответствующих отрицательных конструкций в белорусском языке, имеющих форму «ня было, чаго рабіць», «ня будзе, чаго рабіць»; во-вторых, наличие в современном русском языке утвердительных конструкций, имеющих форму «было что делать», «будет что делать», которые по нормам выражения отрицания предполагают соответственно конструкции «не было, чего делать», «не будет, чего делать»; в-третьих, наличие аналогичных конструкций, подтвержденных древнейшими русскими памятниками, ср.: «не бысть имъ, куда перѣхати». Ип. л., 127.

Учитывая то, что эта предполагаемая конструкция закономерно отражает имеющуюся в современном русском языке утвердительную конструкцию, что она подтверждается наличием соответствующей отрицательной конструкции, имеющейся в современном белорусском языке, мы можем в качестве первообразных форм предположить сочетания «не было (есть), чего делать», «не будеть, чего дѣлать».

С этой утраченной современным языком отрицательной конструкцией была соотносительна реально существующая доныне утвердительная конструкция типа «было (есть), что дѣлать», «будеть, что дѣлать». Вероятность первой подтверждается фактом существования последней.

Дальнейшее изменение отрицательных конструкций прошедшего и будущего времени объясняется влиянием сложившейся отрицательной конструкции настоящего времени. Когда образовались конструкции настоящего времени «некогда делать», «негде делать» и т. п., в которых «некогда, негде», сложившиеся путем слияния отрицательной частицы «не», формы «есть» и соответствующего соединительного слова, стали осознаваться как наречия, тогда эти отрицательные конструкции настоящего времени стали в один ряд с конструкциями настоящего времени, имеющими инфинитив при предикативных наречиях: *хорошо гулять, полезно читать, приятно знать* и т. п. Такое преобразование и переосмысление отрицательной конструкции настоящего времени повлекло за собой преобразование отрицательных конструкций прошедшего и будущего времени.

Прежние формы этих конструкций «не было (есть), чего дѣлать», «не будет, чего дѣлать», «не было, когда дѣлать», «не будет, когда дѣлать» и т. п. стали не соотносительны с преобразовавшимися и переосмыслившимися формами конструкций настоящего времени «нечего делать», «некогда делать», «негде делать» и т. п. Первые представляются предложениями, имеющими в своем составе глагол, с которым инфинитив сочетается посредством соединительных слов; вторые представляются предложениями, имеющими в своем составе безличное сочетание предикативного наречия с инфинитивом. В этом со-

четании настоящее время представляется выраженным отрицательно, т. е. опущенной связкой: «некогда (есть) делать», как «полезно (есть) читать». По образцу отрицательной конструкции настоящего времени типа «нечего делать» строились конструкции прошедшего и будущего времени: наречные образования были перенесены из конструкций настоящего времени в конструкции прошедшего и будущего времени; это имело следствием перестройку всей конструкции в целом, в том числе перестройку выражения категории времени в ней; при выражении категории прошедшего или будущего времени в этих конструкциях необходимо было иметь положительные показатели этих времен (*будет* или *было*) на месте, где при выражении категории настоящего времени наличествует отрицательный показатель в соответствующих конструкциях; так сложились соотносительные формы одной и той же конструкции по категории разных времен: *нечего (есть) делать, нечего было делать, нечего будет делать; некогда (есть) делать, некогда было делать, некогда будет делать; негде (есть) делать, негде было делать, негде будет делать и т. п.*

§ 29. При именах также следует различать субъектное и объектное употребление инфинитива. Введенное Потебней в научный оборот различение субъектного и объектного употребления инфинитива имеет важное значение как для установления правильной систематики употребления инфинитива в современном русском языке, так и для уяснения происхождения отдельных типов синтаксических конструкций, имеющих в своем составе инфинитив.

Субъектное употребление инфинитива при именном сказуемом предполагает в качестве производителя инфинитивного действия тот же предмет, какой является и субъектом имени, выступающим в качестве предиката. Объектное употребление инфинитива при именном сказуемом предполагает в качестве производителя инфинитивного действия не тот предмет, который является субъектом имени, выступающим в качестве предиката. Субъект именного предиката и производитель действия инфинитива, находящегося при данном имени, являются различными предметами.

Субъектное употребление инфинитива при именах прилагательных и сказуемом, относящегося к тому же подлежащему, к которому относятся и имена прилагательные, можно видеть в следующем примере: «Хытри суть зъло сътворити, а еже добро сътворити не разумѣша». Изб. 1073, 56.

Субъектное употребление инфинитива при именах существительных в сказуемом, относящегося к тому же подлежащему, к которому относятся и имена существительные, можно видеть в следующем примере: «Мастеры... олову льяти». Лавр. л., 173.

Объектное употребление инфинитива при именах прилагательных, не относящегося к тому же подлежащему, к которому относятся и имена прилагательные в сказуемом, можно видеть в следующих примерах: «Вода же его (Иордана) мутна и сладка вельми пити и нѣсть сыти пиющимъ воду ту святую». Хожд. Дан. иг. Норов., 55. «Служитъ попъ Воложский, а я смотрю, гдѣ у нихъ каноны-та дѣлись? Знать-то в окно улетѣли! Легка-та-су, хороша эдакъ служба-то говорить, да знать легко спасение-то будетъ». Пут. в св. з. Лукьян., 19.

В этих предложениях имя прилагательное как предикат имеет свой субъект, а инфинитив, примыкающий к имени прилагательному, предполагает особого производителя инфинитивного действия, который, если бы был, был бы выражен дательным падежом. Например: *Сладка вода пити*: *сладка* что? — *вода*; *сладка пити* кому? — в с я к о м у. *Служба хороша говорити*: *хороша* что? — *служба*; *хороша говорити*, т. е. когда «отделываешься только говорением».

§ 30. Сочетания инфинитива с именем, в которых именительный падеж имени существительного выступает в функции подлежащего, а инфинитив в функции сказуемого, составляют особую группу. Здесь также надо различать субъектное и объектное употребление инфинитива. Субъектное употребление инфинитива-сказуемого с именем-подлежащим обычно выражает действие в известной интенсивности, производимое предметом, который выражен именительным падежом имени существительного; например: «Те пригласили их молчать. Наша братия ругаться. Бурсаки отдули казаков на обе корки». Помял., Очер. бурсы. «Он драться, а я сейчас с дуру-то — виноват. Потому — сробел, ни на что не похоже». Слепцов, На жел. дор.

«(Лиса говорит дрозду): «Если не накормишь (меня), я детей твоих поем». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу ему накормить... (Лиса продолжает): «Напои меня». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лису ему напоить... «Вытащи меня из ямы». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу вынимать...» Афан. Рус. сказ.

Для выяснения характера этого оборота, говорит Д. Н. Овсянико-Куликовский, нет надобности прибегать к мысли, что ради краткости здесь пропущен личный глагол «стал»: *Дрозд стал горевать*. «К этому предположению можно обратиться только для объяснения п р о и с х о ж д е н и я данного оборота: весьма вероятно, что он в самом деле возник этим путем. Но раз уж возник, и если, говоря: «дрозд горевать», мы не держим в мысли ни пропущенного личного глагола, ни даже представления о его пропуске, о сокращении выражения, то, значит, оборот уже очень далеко отошел от своего источника и превра-

тился в особую синтаксическую форму, в которой инфинитив несет все обязанности сказуемого»[1].

А. А. Шахматов безоговорочно высказывается в том смысле, что «нет основания думать об эллипсисе глагола *начал, начали* в подобных русских предложениях»[2].

Объектное употребление ифинитива-сказуемого с именем подлежащим может обозначать действие, не производимое предметом, который выражается именительным падежом имени существительного, сочетавшимся с инфинитивом. Производитель действия, если бы был налицо, был бы выражен дательным падежом; в подлежащем в таких случаях употребляется имя, означающее неодушевленный предмет; инфинитив при этом подлежащем выражает не его действие, а его назначение или характеристику; например: «Лиха беда — начать». «Вы сами знаете, что самая лучшая увертка преступнику — по возможности правду говорить». Дост., Прест. и нак., IV, 5.

В рассматриваемых конструкциях действие, выражаемое инфинитивом, дается или безотносительно к его производителю, или относительно такого производителя, который, если бы был налицо, был бы выражен дательным падежом. В этих предложениях имя-подлежащее и инфинитив-сказуемое являются двумя членами одного тождества: *Главная задача — начать* и *Начать — главная задача; Мое дело — приказывать, а твое дело — исполнять* и *Приказывать — мое дело, а исполнять — твое дело* и т. п.

В этом отношении рассматриваемые предложения по своему значению приближаются к предложениям тождества с именем в сказуемом: *Квадрат — четырехугольник с равными углами и равными сторонами* и *Четырехугольник с равными углами и равными сторонами — квадрат.*

§ 31. Особую группу объектного употребления инфинитива составляют те случаи, в которых имя, являясь субъектом предложения при инфинитиве в сказуемом, представляет одновременно с этим объект восприятия обобщенного лица, восприятия, выраженного инфинитивом; таковы предложения типа «деревня видать», засвидетельствованные в южнорусских говорах, украинском и белорусском языках. Сочетание «деревня видать» значит «деревня видна» и одновременно «деревню видать» всякому. Эти предложения не безличны: в них имя существительное в именительном падеже не является выражением прямого объекта инфинитивного воздействия, а инфинитив не является выражением активного действия, предпола-

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, СПб., 1912, стр. 91.

[2] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 205.

гающего прямой объект. В этих предложениях имя существительное — грамматический субъект, следовательно, они личные; в них инфинитив, грамматически являясь сказуемым, выражает восприятие предмета, обозначенного именительным падежом подлежащего. Являясь сказуемым этого последнего, инфинитив предполагает производителем действия лицо, которое может быть выражено дательным падежом.

В южнорусских говорах в таком употреблении известны инфинитивы *видать* и *слыхать*: «деревня отсюда видать», «откуда возня слыхать». Буслаев привел пример из «Древних Российских стихотворений» (по изд. Калайдовича): «знать-де полетка соколиная, видать-де поступка молодецкая», стр. 154, а также пример из пословиц XVII в.: «знать сова по перью, знать сокол по полету, ленивой по платью знать».

Инфинитивы *слыхать* и *чувать* в таком употреблении известны и белорусскому языку: «Тут праходзіць дарога з вескі, і сама веска відаць адгэтуль», Я. Кол. «На шурпатам лёдзе відаць былі белыя мецiны», Лыньк. «За парусамі папыхваў белы дымок, жаўцелі на берегу новыя будыніны, відаць лесапільня», Лыньк. «Там і з гармонікам чуваць нехта», К. Крапива. «Чуваць была гаворка», К. Крапива. «Ад Дняпры чуваць легкія ледзь-ледзь далетаючыя рыпы», Лынк.

Такое употребление инфинитива известно было и древнерусскому языку. Инфинитив присоединялся к имени без посредства личной формы вспомогательного глагола и посредством личной формы этих глаголов.

Примеры с глаголом *бяшеть*:

Бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видити, а человѣк бяшеть не видити. Ип. л., 59.

Примеры с глаголом *бысть*:

Феофанъ же сустрѣте я (Русь) в олядехъ (в оледех) со огнем и пущати нача трубами огнь на лодьѣ Руския, и бысть видѣти страшно чюдо. Лавр. л., 144. Бысть знаменье в солнци и морочно бысть, яко и звѣзды видѣти. Лавр. л., 167.

Пример с вспомогательным глаголом *есть*:

Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до днешняго дни. Хожд. иг. Дан. Норов., 27—28.

Примеры без вспомогательного глагола:

Видѣхомъ храбраго воина Илию Муромца въ нетлѣнии... рука у него лѣвая пробита копиемъ, язва вся знать на рукѣ. Пут. в св. з. Лукьян., 14. А то мѣсто..., сказываютъ, было позлащено, а нынѣ позолота не знать, слиняла. Там же, 76. А во Псковѣ видѣть дымъ и огонь. Пск. л., 154. Бусл. хрест., § 196, прим. 2.

§ 32. Объектное сочетание инфинитива с именем находим в конструкциях «именит. пад. имен существительных жен. рода в ед. ч. плюс инфинитив переходных глаголов». В современном языке в этих конструкциях имен. п., как известно, выступает в функции винительного падежа, а все сочетание представляется безличным с инфинитивом в главном члене и с имен. п. жен. р. ед. ч. в функции прямого объекта: *трава косить* значит «траву косить».

Конструкции этого типа засвидетельствованы в самых древнейших русских памятниках, например:

Такова правда узяти Русины. См. гр. 1229 г. Аже будѣть холъпъ оубитъ, 1 гривна серьбра плати. См. гр. 1229 г. А съ поручниковъ порука свести. Дог. гр. Дм. с вел. кн. Тв. Мих. Алек. 1368 г. Луче бы мы видети нога своя в лычницы, нежели в черлене сапозе. Сл. Д. Зат.

Широкое распространение эта конструкция имела в средние века и притом в памятниках самых разнообразных жанров: многочисленные примеры этой конструкции приведены М. А. Спринчаком из «Судебника Ивана Грозного» (Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. XX), а также П. Бицилли из разнородных источников (См. в честь на проф. Л. Милетич, София).

Приведем примеры из памятников других жанров.

Из деловых документов:

И тебе б та рыба прислать к Москве. Хоз. Мор., I, № 16. И тебе б и ныне коим бедным крестьяном дать еровова хлеба на семена, чем земля осеменить. Хоз. Мор., I, № 30.

Из обличительно-сатирической литературы:

Что мне с тобою, куре, и беседа продолжати, время уже живот твои скончавати. Кур. лис., 224. Говорят без дениг вода пити. Ярыж., 77.

Из памятников церковно-славянской ориентации эпохи Смутного времени:

Сии же незлобиви быша и вѣру ему яша, и положиша вѣру со укрѣплениемъ промежъ себя, что имѣти любовь и доброта, якоже и преже. Ин. сказ., 5.

Из произведений протопопа Аввакума:

Не пить чаша — в огонь посадят, а пить чаша... в неугасимый огнь ввержену быть. Авв., Кн. Толк., 232. И так и сяк ищет... чтобы благодать та отгнать от человека. Авв., кн. Бес., I, 207.

Рассматриваемые обороты, как уже отметил Потебня, свойственны не только севернорусским говорам и памятникам севернорусского происхождения, но и белорусским говорам и древним белорусским памятникам; ср. пример из фольклорных записей: «якую яму даць долю? Даць половина Маркового

богатьця». Ром. Белор. сб. 3, 338; таковы далее примеры из древних белорусских памятников: «холопу и робѣ вѣры неняти, а обадѣ исправа дати»; «Витблянину вся татьба лицомъ вернути», 1503 г., А. З. Р., I, 352.

Ввиду этого едва ли можно считать правильным мнение акад. С. П. Обнорского о том, что рассматриваемая особенность является новгородской по своему происхождению[1].

Им. пад. жен. р. ед. ч. уже с древнейшей поры употреблялся не только при независимом инфинитиве, но и при личных формах глагола в сочетании с инфинитивом или без него, а также при сочетании причастия в безличной функции с инфинитивом.

Им. пад. жен. р. ед. ч. при сочетании инфинитива с причастием в безличной функции:

И ему Ивану Гавриловичу велено во крестьянех и во всяких делах с сторонними людьми чинить расправа. Хоз. Мор., II.

Им. пад. жен. р. ед. ч. при сочетании инфинитива с личным глаголом:

Умилосердит ли ся владыка и даст ли нам та же чаша пить. Авв., Кн. бес., 202. Прежде всех подобает ему держати кафолическая вера. Авв., Жит., 69. А онъ зломысленный обѣщался королю отдати Росийския области... да и вѣра съ нимъ едина вѣровати. Ин. сказ., 26.

Древнейший пример такого употребления им. пад. жен. р. ед. ч., указанный Потебнею, относится к XIV в.: «Слюбуемъ держати цѣлую правду и чиста вѣра». Гр. Дм. Ольгерд., 1388 г. Срезн., Свед. и зам., III, 211.

Им. пад. жен. р. ед. ч. при личных формах глагола без наличия инфинитива:

Видех под алтарем душа избиенных за слово божие. Авв., Кн. Бес., 203. Выпросил я... целая коврига мягкова хлеба. Авв., Кн. Толк., 265.

Древнейший пример такого употребления им. пад. жен. р. ед. ч., указанный Потебнею, относится также к XIV веку: «а далъ есмь двѣмъ своимъ сыномъ болшимъ... кобылка гнѣд(а) лонская; а Доронкѣ кобылка гнѣд(а) да коров(а) пестрая болшая... а женѣ моей кобылка голуба да двѣ коров(ѣ) черная да бурая да волъ редръ». Ак. до юрид. быта, I, 543.

Употребление им. пад. жен. р. ед. ч. после личных глаголов или сочетания личных глаголов с инфинитивом, как «вопросил я... коврига», свидетельствует, что указанная форма уже

---

[1] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшей поры, стр. 279.

издавна диалектально осознавалась как выражение прямого объекта и, следовательно, выступала в функции винительного падежа[1].

Конструкция «им. пад. жен. р. ед. ч. плюс инфинитив» употреблялась вплоть до начала XVIII в.

Вместе с тем необходимо отметить примеры, в которых встречаются колебания в употреблении при инфинитиве именительного и винительного падежей:

Одна жена понять по закону, а другую понять для детей. Кур. лис., 193. Дабы в одном свидетеле можно бы правду и неправду сыскать. Чтобы вразумил его, как ему правда сыскать и как неправда познать (примеры из соч. Посошкова «О скудости и богатстве» по статье Спринчака в т. XX Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена).

Наряду с колебанием в употреблении форм винительного и именительного падежей наблюдается несогласованность определения с определяемым: Взять всю та скотина на государя. Посош. И вольно ему ту вотчина продать. Посош.

Едва ли может быть принята мысль, высказанная Спринчаком, о том, что наблюдающиеся в памятниках XVII и начала XVIII вв. колебания в употреблении винительного и именительного падежей и несогласованность определения с определяемым свидетельствуют о распадении к указанному времени интересующих нас конструкций.

Колебания винительного и именительного падежей наблюдаются не только в памятниках XVII и XVIII вв., но и в памятниках несравненно более раннего времени. Древнейшие случаи такого колебания были отмечены уже Буслаевым в рижской грамоте 1229 г.: «такова правда узяте Русину у Ризе и на Гочком березе» — «таку правду взяти Руси и у Ризе и на Гочком березе». Потебня отметил такого рода примеры из памятников начала XVI в. Таким образом, указанные колебания наблюдаются почти на всем протяжении истории русского языка. Эти факты свидетельствуют о том, что конструкции типа «вода пить» стали осознаваться аномалиями с того времени, когда они приобрели безличный характер, а формы на *-а* стали выступать в функции прямого объекта инфинитивного действия.

Таким образом, различаем:

а) субъектное присказуемостное употребление инфинитива: 1) при именительном падеже имен прилагательных в сказуе-

---

[1] Ф. П. Филин привел большое собрание примеров такого употребления имен женского рода на *-а* в аккузативной функции из некоторых севернорусских говоров (см. Ф. П. Филин. Об употреблении формы имен. п. жен. р. на *-а* в значении аккузатива. Диалектологич. сб. АН СССР, № 1).

мом: *он хитер придумывать всякие каверзы;* 2) при именительном падеже имен существительных в сказуемом: *он мастер обрабатывать дерево;*

б) объектное присказуемостное употребление инфинитива: 1) при именительном падеже имен прилагательных в сказуемом: *вода Иордана сладка пить*; 2) при именительном падеже имен существительных в сказуемом: *он молодец поглядеть;*

в) субъектное сказуемостное употребление инфинитива при именительном падеже подлежащего: *дрозд горевать, дрозд тосковать;*

г) объектное сказуемостное употребление инфинитива при именительном падеже подлежащего: *деревня видать,* по первоначальному смыслу — *вода пить.*

Такой представляется нам группировка фактического материала, относящегося к субъектному и объектному употреблению инфинитива при именах в качестве сказуемого и при именах в качестве подлежащего.

Глава III

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДВУХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО

§ 33. По вопросу изменений в употреблении имен существительных и местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого в науке существует точно установленный взгляд, согласно которому творительный предикативный развивается на месте второго именительного, т. е. предложения типа *Иван был мастером* являются позднейшими сравнительно с предложениями типа *Иван был мастер*.

Относительно природы грамматических различий между творительным предикативным и вторым именительным и причины развития первого за счет и на месте второго именительного в науке не существует точно установленного взгляда.

Одни утверждали, что грамматическое различие между вторым именительным и творительным предикативным состоит в существенности или несущественности предикативного признака. Например, в предложении *Он был писатель* второй именительный *писатель* выражает признак существенный, а в предложении *Он был писателем* творительный предикативный *писателем* выражает признак несущественный.

Буслаев писал: «Падежи именительный и творительный при глаголе *быть* во всех наклонениях и доселе во многих случаях заменяются один другим без всякой видимой причины. Впрочем, для руководства в практическом отношении следует заметить, что творительным имени существительного означается... признак несущественный, при котором вм. *быть* можно поставить *сделаться, стать, казаться*. Напр. «Ломоносов был *рыбаком*» (т. е. некоторое время), «Карамзин был *историографом*»

(т. е. сделан). Именительным же падежом имени существительного означается признак существенный, напр.: «Ломоносов был *великий человек*»[1].

Другие ученые полагали, что грамматическое различие между вторым именительным и творительным предикативным состоит во вневременности и временности предикативного признака. Например, второй именительный *писатель* в предложении *Он был писатель* обозначает признак вневременный, а творительный предикативный *писателем* в предложении *Он был писателем* обозначает признак временный. Такова точка зрения Пешковского. По его мнению, значение второго именительного «можно было бы определить как отношение постоянного тождества (или, может быть, лучше «вневременного тождества») того предмета, который обозначен именительным предикативным, с тем предметом, который обозначен именительным подлежащего. Значение это мы извлекаем из сравнения этого именительного с творительным предикативным. Этот последний тоже обозначает тождество одного предмета с другим (*он оказался Иваном Ивановичем Сургучевым; всякий элемент бывает газом, жидкостью и твердым телом; земля была когда-то расплавленной массой*), но тождество непостоянное, временное. Эти два оттенка — постоянства и временности — мы можем уловить, если попеременно будем сосредоточиваться на сочетаниях с одним и тем же словарным содержанием, например *он был комиссар* и *он был комиссаром*. В первом случае «комиссарство» представляется нам чем-то совпадающим с «ним», адекватным «ему», так что представление наше о «нем» как будто бы исчерпывается представлением о его комиссарстве (он — комиссар). Во втором случае мы сознаем комиссарство как нечто внешнее, случайное, временное. От этого случая неотделимо сознание, что он мог бы быть и чем-нибудь другим помимо комиссарства».

«Ясно, — продолжает Пешковский, — что именительный обозначает вневременное тождество, а творительный — временное»[2].

Наконец, по мнению третьих, второй именительный выражает постоянный признак, а творительный предикативный — переменный признак. Такова точка зрения Л. А. Булаховского и ряда западных славистов. Так, Л. А. Булаховский писал: «Пути развития в литературном русском языке творительного предикативного отражают, повидимому, тенденцию при соотношениях «именительный подлежащего — именительный сказуе-

---

[1] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, § 246, 2.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении 1938, стр. 228—229.

мого» или «именительный приинфинитивный» — специфизировать часть сказуемого или приинфинитивную, использовав различения постоянного и переменного признака, — тенденцию, имевшуюся уже в древнейшем славянском (если даже не в балтийско-славянском)»[1].

Ян Лось, Розвадовский еще раньше указывали, что второй именительный употребляется тогда, когда необходимо выразить устойчивое состояние, а творительный предикативный развивается в связи с необходимостью обозначить непостоянный предикативный признак как признак становления[2].

В последнее время эту точку зрения повторил Мазон[3], а также Вондрак[4].

Различие между вторым именительным и творительным предикативным как различие между существенным и несущественным признаком было подвергнуто резкой критике Потебней. Он писал: «Переходя к тому, что называют существенностью и случайностью в согласуемом предикативном падеже, с одной стороны, и творительным, с другой, мы видим, что эти оттенки, в чем бы они ни состояли, взаимно обусловлены, так что, где нет возможности сравнения их в наличном языке или она затруднена, там для научного сознания эти оттенки почти не существуют»[5]. «Необходимость их разграничения, — продолжает Потебня, — чувствуется там, где к одной и той же, по видимости, глагольной форме, по произволу присоединяется то именительный, то творительный того же слова: «Он был храбрый офицер» и «он был офицер» и «он был офицером такого-то полка»[6]. С этой точки зрения ни существенность или случайность, ни постоянство или переменность, ни вневременность или временность не может характеризовать различие между вторым именительным и творительным предикативным и, следовательно, не может служить основанием для возникновения и развития творительного предикативного на месте второго именительного.

По мнению Потебни, Востоков наметил верный путь к определению разницы между творительным предикативным и вторым именительным. По Востокову, когда глагол *был* составляет связку, тогда существительное ставится в именительном падеже как предикат, согласующийся с подлежащим; когда

---

[1] Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к литературному русскому языку, 1937, стр. 198; в новом издании это место опущено.

[2] Zoś. Funkcye narzędnika w języku polskiem, 19J1, стр. 47.

[3] Mazon. Grammaire de la langue tcheque, 1931, стр. 126.

[4] Vondrak. Vergl. sl. Sprache, II[2], стр. 192.

[5] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1888, стр. 521.

[6] Там же.

же *был* обращается в сказуемое, тогда существительное служит дополнением к нему и полагается в падеже творительном [1].

Потебня утверждает, что творительный предикативный выражает соподчиненность предикативного признака чему-то другому, а второй именительный — безотносительно к этому моменту. В чем состоит названная выше соподчиненность? «Рассматривая творительный предикативный согласно с происхождением его от творительного образа, можно сказать, что он вызван предчувствием соподчиненности данного состояния другим состоянием, еще не вошедшим в сознание, но близким к этому. Упомянутая соподчиненность должна быть отличаема от более объективной временности, случайности, неважности признака, как явление чисто личное» [2].

Итак, творительный предикативный вызван личным предчувствием соподчиненности данного состояния другим состоянием.

В предложениях же со вторым именительным между «подлежащим и предикативным падежом устанавливается такая тесная связь, что в момент речи нет побуждения приискивать к подлежащему другой признак, кроме данного в согласуемом падеже. В этом последнем признак представляется не непременно несменяемым, существенным, «прирожденным», «независимым от дел» подлежащего, а лишь без отношения к соподчиняемости. «Он был офицер», конечно, говоря объективно, он был и многим другим более существенным, например, человеком; но в «он был офицер» мысль обо всем этом от говорящего далека» [3].

Потебня утверждает, что есть разница не только в падеже, но и в функции глагола между *он был рыбак* и *он был рыбаком*. Разница эта состоит в том, что в первом случае *был* есть связка, а во втором *был* — сказуемое.

Ни одна из этих точек зрения не может быть принята.

§ 34. Нельзя принять взгляд, согласно которому различие между вторым именительным и творительным предикативным сводится к различию между постоянным или переменным, существенным или несущественным, вневременным или временным предикативным признаком. Любой из этих предикативных признаков может быть выражен вторым именительным и творительным предикативным; можно сказать: *Ломоносов был великий человек* и *Ломоносов был великим человеком, Ломоносов был рыбак* и *Ломоносов был рыбаком* и т. п.

---

[1] См. А. Х. Востоков. Русская грамматика, § 121.
[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 521.
[3] Там же, стр. 522.

Нельзя также принять взгляд, согласно которому различие между вторым именительным и творительным предикативным сводится к различию между сказуемым, при котором глагол бытия является связкой, и дополнением, при котором глагол бытия является не связкой, а сказуемым. В предложениях *Ломоносов был великий человек* и *Ломоносов был великим человеком* второй именительный и творительный предикативный одинаково являются формами сказуемого, а глагол *был* — формою связки прошедшего времени.

Совершенно неприемлемым является утверждение Потебни о том, что творительный предикативный вызван якобы личным субъективным предчувствием соподчиненности данного состояния другим состоянием. Если различие между вторым именительным и творительным предикативным есть грамматический факт, то он должен быть результатом длительного исторического развития, а не результатом личного субъективного предчувствия говорящего.

Предложения, имеющие в своем составе второй именительный и творительный предикативный, различаются в двух отношениях: по характеру связи сказуемого с подлежащим и по функции связки.

Предложения со вторым именительным в функции сказуемого выражают мысль говорящего, в которой предикативный признак утверждается в качестве готовой принадлежности субъекта. В этих предложениях высказывается мысль о тождестве субъекта и предиката в определенном отношении: *Ломоносов был великий человек*. Предложения с творительным предикативным в функции сказуемого выражают мысль говорящего, в которой предикативный признак утверждается в качестве возникшего свойства субъекта. В этих предложениях высказывается мысль не только о тождестве предиката с субъектом в данном отношении, но и о том, что предикат является результатом проявления свойств субъекта в течение времени его существования и развития: *Ломоносов был* (и выявил себя) *великим человеком*[1].

Предложения со вторым именительным в функции сказуемого обозначают предикативный признак как готовое свойство субъекта безотносительно к развитию субъекта и изменению его состояния и свойств во времени. В этих предложениях функция связки заключается не в том, чтобы относить предикативный признак к определенному времени в существо-

---

[1] Само собой разумеется, что единство субъекта и предиката представляет собою выражение объективных свойств предмета, явления, если мысль, представленная в данном единстве субъекта и предиката верна. Но вопрос соответствия мысли с действительностью не является предметом лингвистических исследований.

вании субъекта, а в том, чтобы относить существование данного субъекта с данным предикативным признаком к определенному времени безотносительно к другому времени; предложение *Иванов был писатель* утверждает факт наличия в прошлом субъекта Иванова с данным предикативным признаком, а не факт принадлежности этому субъекту данного предикативного признака в прошлом и отсутствия его у данного субъекта в настоящее время. Предложения *Иванов был писатель* и *Иванов — писатель* отличаются друг от друга не тем, что первое утверждает принадлежность указанного предикативного признака субъекту Иванову в прошлой его деятельности, а второе — в настоящей его деятельности, а тем, что первое утверждает наличие, факт существования субъекта Иванова с данным предикативным признаком в прошедшем грамматическом времени безотносительно к настоящему времени, а второе утверждает то же самое в плане настоящего времени безотносительно к прошедшему.

Предложения с творительным предикативным в функции сказуемого обозначают предикативный признак не как готовое свойство субъекта, а как возникающий в течение существования, развития и изменения свойств данного субъекта. Функция связки в этих предложениях заключается не в том, чтобы относить существование данного субъекта с данным предикативным признаком к тому или другому грамматическому времени, а в том, чтобы относить данный предикативный признак к определенному времени в существовании, развитии данного субъекта; предложения *Иванов был писателем* и *Иванов будет писателем* отличаются друг от друга не тем, что одно из них утверждает факт существования субъекта Иванова с указанным предикативным признаком в прошедшем времени, а другое — в будущем, а тем, что первое утверждает наличие у субъекта Иванова указанного предикативного признака в прошедшем времени, а не в настоящем и не в будущем, а второе утверждает наличие у субъекта Иванова указанного предикативного признака в будущем времени, а не в настоящем и не в прошедшем.

По вопросу о причинах развития творительного предикативного на месте второго именительного наибольшее распространение получили взгляды школы Потебни.

По мнению Потебни и его комментаторов, творительный предикативный развился по аналогии с творительным образа действия. Это значит, творительный предикативный распространялся на месте второго именительного под воздействием творительного образа действия, который имел место при других глаголах. Овсянико-Куликовский утверждал, что причину замены второго именительного именно творительным предика-

тивным приходится видеть во влиянии (в аналогии) других оборотов, именно с творительным образа действия и сравнения.

В результате указанного процесса при одном и том же глаголе стали употребляться два падежа: именительный и творительный. Функционирование при одном и том же глаголе двух падежей в роли сказуемого имело следствием размежевание их значений.

Потебня писал: «Необходимость их разграничения (т. е. разграничения значений творительного предикативного и второго именительного. — *Т. Л.*) чувствуется преимущественно там, где к одной и той же, по видимости, глагольной форме, по произволу, присоединяется то именительный, то творительный того же слова: «он был храбрый офицер» и «он был офицер» и «он был офицером такого-то полка». Подобным образом, если бы из двух существительных м. р. ед. числа одно имело родительный только на *-а*, местный только на *-ѣ*, а другое — оба падежа только на *-у*, как это было в древнем языке, то при забвении первоначального смысла тематических гласных родит. на *-а*, местн. на *-ѣ* по значению ничем бы не отличались от род.-местн. на *-у*. Но одновременно с появлением в одном и том же существительном, или, точнее говоря, в двух однозвучных и ближайшим образом сродных, обоих окончаний, появляется и известная разница: «берега Дона» и «с Дону»; «о Доне реке» и «на Дону»; «духа» и «духу»; «в духе, о духе» и в «духу, на духу» [1].

Из этого рассуждения Потебни совершенно ясно вытекает, что граматическое различие между творительным предикативным и вторым именительным оформляется уже после того, как явилась возможность при одном и том же глаголе употреблять два предикативных падежа. С точки зрения Потебни различие в семантике второго именительного и творительного падежа происходит под влиянием оформившегося употребления при одном глаголе двух предикативных падежей.

Точно так же объяснял возникновение грамматического различия между вторым именительным и творительным предикативным и Овсянико-Куликовский. Указав на обычность второго именительного в древнем языке и на его наличие в современном языке, Овсянико-Куликовский замечает: «Но употребление этих форм, унаследованных от глубокой старины, значительно ограничено в современном русском тем, что во многих случаях вместо второго именительного ставится т в о р и т е л ь н ы й. Например: «он был *купцом*». Этим нарушается

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 521.

согласование предикативного атрибута с подлежащим, вследствие чего уже нельзя смотреть на эту форму (творит. п.) как на часть, входящую в состав сказуемого. Становясь частью предложения, несогласуемою с подлежащим, предикативный атрибут тем самым перестает быть атрибутом и превращается в род дополнения или же, пожалуй, — обстоятельства, и, как все дополнения (относящиеся к сказуемому) и обстоятельства, уже не входит в состав сказуемого, а только состоит при нем. Другим следствием этой перемены является превращение связки в самостоятельное, простое глагольное сказуемое: раз нет второй части сказуемого (т. е. нет второго именительного), то первая часть сказуемого — связка — по необходимости перестает быть связкой и становится настоящим глагольным сказуемым» [1].

«Чем дальше в древность, — продолжает Овсянико-Куликовский, — тем больше форм со вторым именительным, из которых многие в современном русском исчезли; вместе с тем видно, что творительный предикативный все более распространяется. Этому выводу нисколько не противоречит то, что обороты с творительным предикативным встречаются уже в древнейших памятниках. Они стали появляться в отдаленной древности, но развивались постепенно; вторые именительные употреблялись рядом с творительными предикативными, но последние, с течением времени, получили преобладание и стали вытеснять и ограничивать форму составного сказуемого со вторым именительным... С течением времени, когда оборот с творительным предикативным распространился настолько, что сделался одною из обычных и излюбленных синтаксических форм, — в распоряжении языка оказались две формы (1, со втор. имен. и 2, с твор. предик.), которые отличались одна от другой сперва только формально-синтаксически (одна — состав. сказуемое, другая — простое), по смыслу же, по материальному содержанию фразы, были равнозначны: «он был купец» значило (говорило) то же, что и «он был купцом», тогда-то и случилось здесь то, что всегда случается, когда в языке оказываются две равнозначные формы: одна из них была применена к выражению одного оттенка, другая — к выражению другого. А именно, оборот со вторым именительным стал выражать по преимуществу те признаки (подлежащего), которые представляются (правильно или неправильно, это уже другое дело) постоянною, характерною, необходимою, обычною и т. д. принадлежностью подлежащего; напротив, оборот с творительным предикативным был приспо-

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, стр. 154—155.

соблен к обозначению того, что представляется непостоянным, нехарактерным, изменчивым, временным, случайным признаком подлежащего»[1].

Таким образом, согласно этим объяснениям, творительный предикативный развивался на месте второго именительного не вследствие потребностей взаимопонимания, а вопреки потребностям общения и взаимопонимания. А когда он уже получил распространение в языке, то размежевание функций между вторым именительным и творительным предикативным определялось не объективными потребностями различить и выразить разные предикативные признаки субъекта, а внутриструктурной необходимостью наделить ранее и по другому поводу возникшую форму каким-либо значением, иначе бесполезную в системе языка. Ошибочность такого объяснения возникновения и развития творительного предикативного совершенно очевидна.

Две предикативные формы — второй именительный и творительный предикативный — представляют собою элемент нового качества. Постепенная дифференциация этих форм путем ограничения употребления второго именительного и расширения употребления творительного предикативного и закрепления за первым одного предикативного значения, а за вторым другого предикативного значения сопровождалась постепенной утратой формы второго именительного падежа, безразличной по отношению к этим выявившимся и закрепившимся предикативным значениям. Таким образом, развитие творительного предикативного и преобразование предикативных функций второго именительного для выражения двух предикативных значений определяются потребностями общения, потребностями различить необходимые для правильного взаимопонимания предикативные значения. В синтаксисе возникают новые формы, элементы нового качества при наличии объективной необходимости.

§ 35. Современный русский язык знает два предикативных падежа имен существительных: именительный, например: «Вы были тогда *ребенок*». Тург., Двор. гн., VII, и творительный, например: «Он у меня в роте был *сержантом*». Пушк., Кап. д., I.

Именительный падеж в функции предиката называется вторым именительным падежом; первый именительный — это падеж подлежащего; творительный падеж в функции предиката называется творительным предикативным падежом.

Первичным падежом в предикате исторически является второй именительный; творительный падеж является вторич-

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. стр. 164—165.

ным; он возникает и развивается на месте второго именительного; в течение исторического развития русского языка употребление второго именительного в предикате постепенно ограничивалось за счет расширения употребления творительного падежа. При этом процесс распространения творительного предикативного на месте второго именительного протекал неравномерно в зависимости от характера глагола, при котором первоначально употреблялся второй именительный падеж.

Различаем следующие группы таких глаголов:

1. Глаголы бытия, т. е. глаголы, обозначающие время и модальность (*есть, был, буду, будь*).

2. Глаголы преобразования (*учинитися, стати, творитися сделаться* и т. п.).

3. Глаголы выявления и называния (*являться, показаться, мьнитися, наречься, прозватися*).

4. Глаголы вещественного движения и пребывания (*сѣдѣти, лежати, жити, иду, плыву* и т. п.).

5. Глаголы в форме страдательного залога типа *поставлен, назначен, избран, прозван* и т. п.

§ 36. При глаголах бытия в древнерусском языке почти безраздельно господствовал второй именительный падеж. Так, в Синодальном списке «Правды Русской» засвидетельствован только второй именительный, творительный предикативный не встречается. В других древнейших памятниках творительный предактивный отмечен в единичных случаях; приведем примеры второго именительного при разных формах глагола бытия.

При форме *есть*:

Аще ли обрящутся Русь, работающе у Грекъ, аще *суть плѣньници*, да искупають е Русь по 10 златник. Лавр. л., 49. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска *уродьство есть*. Лет. Нест., 32.

При отсутствии связи настоящего времени:

Добра жена *вѣнець* мужу своему и *безпечалие*, а зла жена лютая *печаль*. Сл. Д. Зат., 25. Печалнаго утѣши; терпѣливъ въ напастѣхъ и недосадитель; всякому человѣку щедръ и милостивъ и нищимъ *кормилецъ* и *страннопримникъ*. Дом. Яковл. 10.

При форме *бысть*:

Посемь же перея власть его (Мстислава) всю Ярославъ, и *бысть самовластець* Русьстѣй земли. Лет. Нестора, 68. Феодосей преставися, и *бысть* Стефанъ *игуменъ* и по Стефанѣ Никонъ. Никон. л., 104. И *бысть* Казань *столныи градъ*, вмѣсто Бряхова. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 13.

При форме *быхъ*:

И ина много повѣдаху о немъ (св. Антонии), а другое и *самъвидѣцъ быхъ*. Никон. л., 106.

При форме *бѣ*:

Св. же Котянь *бѣ тьсть* Мьстиславу Галицьскому. Син. сп. I Новг. л., 192. *Бѣ* Каинъ *ратаи,* а Авель *пастухъ*. Лавр. л., 29 об. Сего безаконного Зосиму оубиша в городѣ Ярославли, *бѣ* тѣло его *ядь* псом и вороном. Сузд. л., сп. Лавр. л., 168. *Бѣ* бо Михайло *шуринъ* Юрью. Воскр. л., 133. Мудръ же *бѣ,* но и *женолюбецъ,* и наконець погибе. Никон. л., 41.

При форме *былъ*:

Послемся къ Васильеви попови на Щьковицю, абы *былъ* намъ *игуменъ* и *управитель* стаду черноризиць. Ип. л., 126. А в то время *былъ посолъ* в Литвѣ пъсковъскии Киприянъ намѣстникъ Лодыжкиничь. Пск. I л. Тихан. сп., 28. Ерденевъ сынъ крестился, *былъ владыка* во Твери..., а звали его Андрѣемъ. Воскр. л., 165.

При форме *есть былъ*:

Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кий *есть перевозникъ былъ*. Лет. Нестора, 4.

При форме *будемъ — будеть*.

Глагол в форме изъявительного наклонения 3-го лица:

И да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да *будуть раби* въ весь вѣкъ в будущий. Лавр. л., 47. Дасть Бохъмить комуждо по семидесятъ женъ красъных. и изберееть едину красну. и всѣхъ красоту възложит на едину и та будеть ему жена. Ип. л., т. II, в. I, 72.

Глагол в форме изъявительного наклонения 2-го лица:

Не дость (достоить) кртснмъ. за поганыя посягати. и даяти. аще ли ся крстиши. то приимеши се. и получиши цртво нбсное. и с нами *единовѣрникъ будеши*. Ип. л., т. II, в. I, 95.

Глагол в форме изъявительного наклонения 1-го лица:

Двдъ затворися в градѣ чая помочи в Ляховъ. на Стополвъ[1]. бѣша бо рекли ему яко на тя приидуть Русьскии князи. то мы ти *будемъ помощници* и солгаша. Ип. л., т. II, в. I, 241. Не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами *единовѣрникъ будеши*. Лет. Нест., 50.

Глагол в форме повелительного наклонения 2-го лица:

Реч князь Печенѣжьскыи Претичу. *буди* ми *другъ*. онъ же реч тако буди. и подаста руку межю собою. и вдасть Печенежьскыи князь Претичу конь саблю. стрѣлы. Ип. л., т. II, в. I, 56. А за кормилця 12, тако же и закорми[ли]цю, хотя си *буди холопъ,* хотя си роба. П. Р. Тр., 105. Боже Рускии... Вижь ныне скорбь и бѣду мою, и помози ми, и *буди* намъ истинны *судя*. Ист. каз. цар., сп. Солов., 17.

Глагол в форме повелительного наклонения 3-го лица:

---

[1] Варианты: на стополкъ.

Не я почахъ избивати братью, но онъ; *да будеть отместьникъ* Богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную. Лавр. л., 138. Володимиръ. посла послы своя по всему граду гля. аще не обрящеться кто заоутра на рѣцѣ. батъ ли оубогъ. или нищь. или работенъ. *противникъ* мнѣ *да будеть*. Ип. л., т. II, в. I, 102. И рече имъ (Антоний); «кто болий въ васъ, акъ же Федосий, послушьливыи, кроткыи, смѣреныи; *да* сь *будеть* вамъ *игуменъ»*. Лет. Нестора, 74. И послушавъ ихъ, дасть (отец Феодосий) имъ Стефана, *да тъй будетъ* имъ *игуменъ*... Никон. л., 102. Богъ *да будетъ* ти *помощникъ* и (*заступникъ*). Сказ. Мам. поб., 23.

При форме причастия действительного залога:

Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, *сущая Словѣны*. В списке Троицком: «суща въ словѣнехъ». Лавр. л., 11. Осталъ-же-ся Орестъ сынъ Агамемноновъ младъ зѣло, сестра же его Илектра, *дѣвица сущи*, отпустила его ко иному царю. М. Грек, 47.

При некоторых сочетаниях глагола с инфинитивом *быть* в древнем русском языке также был употребителен второй именительный, например: Помысли *быти мнихъ*. Лавр. л., 82; Научися, вѣрный человѣче, *быти* благочестию *дѣлатель*. Лавр. л., 101. Се же створи хотя *самовластець быти* всей Суждальской земли. Ип. л., 91. Не мози стыдѣвся лица лжи *послухъ быти*. Злат. чепь, XIV в., Бусл., Хрест., 491.

Второй именительный при инфинитиве может иметь место только в том случае, если последний употреблен субъектно, т. е. если он относится к тому же подлежащему, к которому относится и глагол, и вместе с глаголом составляет одно целое в смысле выражения предикативного содержания, например; *хочет быть* (учителем), *может быть* (столяром), *научился быть* (слесарем) и т. п.

При глаголе с инфинитивом *быть* засвидетельствован и творительный предикативный падеж, например: «Племянникъ твои... хощет *царем быти*, в тебѣ мѣсто». Пск. I л. Обол. сп., 125.

Творительный предикативный при глаголах бытия в древнейших памятниках встречается исключительно редко. В Синодальном списке I Новгородской летописи можно отметить случай употребления творительного предикативного при повелительном наклонении глагола *будет* в 3-ем лице: «*Да не будет* новый търгъ *Новогородомъ*, а Новогородъ Тържькомь», 165.

В Синодальном списке I Новгородской летописи, а также в других летописях можно отметить случай употребления творительного предикативного падежа имен существительных *черница* и *грекиня* при форме плюсквамперфекта, например: «Понеже *была бѣ* мати его *черницею»*. Никон. л., 40. «Бѣ бо у Ярополка жена грекинѣ, *бяше была* преже *черницею»*. Син. сп. I

Новг. л., 29. Ср. то же в Ипатьевской летописи: «У Ярополка жена Грѣкини бѣ и *бяше была черницею*». Ип. л., т. II, в. I, 64. То же в Лавр. л.: «Жена Грѣкини бѣ. и *бяше была черницею*», 23; понеже *бѣ была* мти его *черницею*», 28. То же в Никоновской летописи: «Володимеръ же поя за себе жену братню грекиню и бѣ непраздна, отъ нея же родися Святополкъ. Отъ грѣховнаго бо корени золъ плодъ бываетъ, понеже *была бѣ* мати его *черницею*», 40.

Случай употребления творительного предикативного можно отметить при глаголе *бысть* в Лаврентьевской летописи, в творительном предикативном падеже засвидетельствованы имена существительные *чернец, епископ*, например: «Въ а лѣт вон же *быс епискомь*». Лавр. л., 159; «Изяслав и Всеволод высадили стрыя своего Суднелава из поруба... и *бысть чьрньцемь*». Лавр. л., 206.

Случаи творительного предикативного отмечены при причастиях действительного залога, образованных от глагола бытия:

Преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимѣра. положена быс у цркви стго Андрѣя, юже бѣ создалъ оць ея; ту бо ся бѣ и постьригла у цркви тоя, *дѣвою сущи*. Ип л., т. II, в. I, 270. В се же лѣто (1108) кончаша верхъ стыя Бца Влахѣрны на Кловѣ. заложенѣи Стефаномъ епспомъ *бывшу* ему прѣже *игуменомъ* Печерьскаго монастыря. Ип. л., т. II, в. I, 257.

Таким образом, наблюдения над главнейшими древнерусскими памятниками письменности показывают, что при глаголах бытия творительный предикативный падеж в XII—XIV вв. употреблялся исключительно редко.

Такое положение продолжалось и в более позднее время. Иван Грозный не употребляет творительный предикативный при глаголах формальной категории, в том числе при инфинитиве *быть*: «сподоблешася быти мати христа бога», 171. У Курбского при глаголе *был* 12 раз употребляется второй именительный и только 2 раза творительный предикативный: «иже былъ у отца его великимъ земскимъ маршалкомъ», 7; «...Артемий ...тогда былъ игуменомъ Сергиева монастиря», 116[1].

§ 37. При глаголах преобразования, т. е. при глаголах *учинитися, стати, творитися* и т. п., второй именительный уже в древних памятниках не является единственным предикативным падежом. Наряду с формой: «Онъ же нынѣ ворогъ ми ся учинилъ» (Ип. л., 150) довольно часто встречается при этих глаголах творительный предикативный падеж, например:

---

[1] Патокова. К истории развития твор. пред. в русском литературном языке. Slavia, 1929, Ročnik, XIII, sešit I.

, Съгна отця съ престола и самъ *царемь ста*. Новг. I л., 1, 27; Коли Богъ дасть, *стану митрополитомъ*. А. З. Р., I, 27. Поча по миру ходити (Исакий) тако *уродомъ ся творя*. Лавр. л., 84. Приѣха Самсонъ к митрополиту *ставитися владыкою*. Новг. I л., 106.

Таким образом, факт вытеснения второго именительного творительным предикативным при глаголах преобразования свидетельствуется уже древнейшими памятниками русского языка.

§ 38. При глаголах выявления и называния, т. е. при глаголах *являтися, показатися, мьнитися, наречься, прозватися* и т. п., господствует второй именительный и только изредка встречается творительный предикативный.

Примеры со вторым именительным. При глаголе *явиться*: Вышегородъ... вторый *Селунь явися* въ Русьстѣй земли. Срезн. Сказ. о Бор. и Гл. *Побѣдникъ явися* противнымъ его (диавола) стрѣламъ. Ип. л., 165.

При глаголе *показатися*:

Сии бо бѣ князь не точию храбрьствомъ показанъ от бога, но *боголюбець показася*. Пск. I Тихан. сп., 4.

При глаголе *наречися*:

Взятъ Бъ едино ребро оу Адама и створи ему жену... реч Адамъ се кость от кости моея. и плот от плоти моея. си *наречться жена*. Ип. л., т. II, в. I, 76. Не словомъ *нарицающеся хрестьяни*, а поганьскы живуще. Лавр. л., 73. *Царь нарицашеся* Романъ всѣми языки; а Константинъ никакоже, но и въсхищение чти покрываше его, якоже звѣзды облакъ. Никон. л., 27. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и *нарекошася Поляне*. Лет. Нест., 2.

При причастии страдательного залога, образованного от этого глагола, также господствует второй именительный, например:

Отъ тѣхъ же седмидесятъ и двою языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, *нарицаемии Норци*, еже суть Словене. Никон. л., 3. Преставися благовѣрный христолюбивый великий князь Всеволодъ, *нареченный* во святомъ крещении *Дмитрий*. Воскр. л., 117. И *выиде* печенегъ исъ полку татарскаго... Видѣвъ его Александръ, *рекомый Пересвѣтъ*. Сказ. Мам. поб., 42.

При глаголе *именоваться*:

Иже *именуется Снѣтнаа Гора*. Уст. гр. Сузд. арх. Дион. ок. 1382 г. Срезан., Мат. Павелъ рече: «аще нѣкии братъ *именуется блудникъ*, или *лихоимецъ*, или *идолослужитель*, или *ругатель*, или *пияница*, или *хищникъ*, съ таковымъ ни ясти ни пити». Дом. Яковл., 26.

При страдательном причастии того же глагола:

И отъ того острова (о. Кой) приплыхом на Хио островъ или *Сакызъ именуемо,* въ немъ же родится мастика. Хожд. Ионы в Иерус., 4.

При глаголах *зовется, зваться, назовется, называется, прозовется, прозывается*:

А Словѣнескъ языкъ и Рускыи одинъ, от Варягъ бо прозвашася Русью. а пѣрвѣе бѣша Словѣне. аще и *Поляне звахуся.* Ип. л., т. II, в. I, 22. Се же написахъ и положихъ, въ которое лѣто почялъ быти монастырь и что ради *зовется Печерьский монастырь.* Никон. л., 85. И *прозвашася Ляхове.* Лавр. л,. 5. Сѣдяше Кий на горѣ... а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже *прозвася Хоривица.* Лавр. л., 8.

При причастии страдательного залога, образованного от этих глаголов, также господствует второй именительный, например:

Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже прияше Угри, и Морава, [и] Чеси, и Ляхове и Поляне, яже нынѣ *зовомая Русь.* Лавр. л., 25. Ярополкъ ходи на Половьчскую землю к рѣцѣ *зовомѣи Донъ.* Сузд. л., Лавр. сп., 291. Мсца. марта. въ. 19. том же лѣт. преставися. блговѣрныи князь Михаилъ. *зовомыи Стополкъ.* Сузд. л., Лавр. сп., 290. Тои бо острогъ стары, *Арескъ зовомъ,* здѣланъ аки градъ твердъ. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 127.

При глаголе *слыть*:

Есть же могила его и до сего дни, *словеть могыла Ольгова.* Лавр. л., Радз. сп., 38. Князи Мьстиславъ и Володимеръ. и Констянтинъ и Всеволодъ. поставиша полкы своа на... горѣ. еже *словеть Юрьева гора.* Сузд. л., сп. Ак., 496.

Примеры с творительным предикативным при тех же глаголах встречаются весьма редко, главным образом при глаголах *прозваться, называться, зваться*:

Прочии *прозвашася Русью.* Син. сп. I Новг. л., 180; И пришедше Словѣне съ Дуная и сѣдше у езера Ладожьскаго, и оттолѣ прииде и сѣдоша около озера Илменя, и *прозвашася инымъ именемъ.* Воскр. л., 262. И преже бо никто же отъ прадедъ его (кн. Ивана Васильевича) словяще въ Руси царь и никто же не смеяша отъ нихъ поставитися царемъ и *зватися новымъ* тѣмъ именемъ. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 43.

В памятниках XVI в. можно отметить случаи творительного предикативного при глаголах *именоваться, слыть*:

Сивила Халдея, яже и Еврея именуется и Персида, яже *особымъ именемъ именуется* Самвифи и считаемая отъ колѣна блаженнѣйшаго Ноя. М. Грек, 281. Но того бы мнѣ лутче было — гдѣ царствова съ мужемъ моимъ, и лутчи бы ми прияти горкую смерть, нежели къ Москвѣ свѣденѣ быти..., и отъ всехъ

людей горкую *пленницею слыти*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 83.

Приведенный материал показывает, что при глаголах наименования и выявления творительный предикативный падеж получал распространение уже в памятниках древнейшей русской письменности, причем не при всех глаголах названной группы, а только при глаголах наиболее характерных для живого русского языка, к числу которых относятся глаголы *называться, прозываться,* а также *слыть*.

При страдательном причастии этих глаголов, а также при других глаголах, например *наречися, мьнитися,* творительный предикативный в памятниках древнейшего периода не отмечен.

§ 39. При глаголах вещественного движения и пребывания, т. е. при глаголах *сѣдѣти, лежати, жити* и т. п., второй именительный падеж имен существительных в древнерусском был редкостью. Например:

Смѣхъ есмь унотамъ, укаряющимъся мною, и старцемъ же лежю *притъча* (= как притча) къ наказанию. Кир. Тур., Калайд., Пам. XII в., 46.

Другие примеры такого рода известны из старославянских памятников:

На что *образъ* сьвьпльчению *устръмилися есте* (= по образу рати, подобно полку). Супр., 19, Потебня. И посрѣдѣ аггелъ и чловѣкъ... *камень* ѫгъльнъ *лежѧ* (= камнем, как камень). Супр. 340, Потебня.

Изредка такие примеры встречаются и в памятниках устной словесности:

Не убоитесь-ко родители... Не *огонь иду* (= не как огонь), не обожгу, не *змея плыву* (= не змеей), не оклюю; Я иду бедна горюшиця, Сам-друг иду со обидушкой. Барс. Прич., 1, 53. Я не *гость пришелъ* (= не в качестве гостя), не гостить к тебе, Пришел, душечка, к тебе проститися. Якушк., 304.

Я не *вор иду,* не *разбойничек,*

Не разбойничек, вдалой *молодец,*

Гулять к девушкам охотничек (= прихожу не как вор-разбойник, а как удалой молодец). Шейн, Р. н. п., 313.

Однако обычно при глаголах вещественного движения и пребывания уже в древнем русском языке употребляется творительный падеж, который во многих случаях обозначал образ действия; ср. в «Слове о полку Игореве»: «Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяже пѣснь творити, то *растѣкашется мыслию* (полагают «мысью, белкой») по древу, сѣрым *вълкомъ* по земли, шизымъ *орломъ* под облакы, 66; *полечу,* рече, *зегзицею* (кукушкой) по Дунаеви, 74; (Игорь) *скочи* съ него (с коня) босымъ *влъкомъ,* 75; коли Игорь *соколомъ* полетѣ, тогда Влуръ *влъкомъ потече,* труся собою студеную росу, 75; Гзакъ *бѣжитъ* сѣрымъ *влъкомъ,* 68.»

Творительный падеж имен существительных мог иметь и предикативное значение:

Приеха князь Данило Александровичъ во Псков от великаго князя Василия Дмитреевича *намѣстником*. Пск. 1-я л., Тихан. сп., 26. ...идемъ ко царю Шигалѣю съ молениемъ и смирениемъ..., — дабы *царемъ* на Казани *сѣлъ*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 73.

Володимеръ же... посла къ царемъ... глаголя: «се градъ вашь славный Корсунь взяхъ; но и болшему вашему граду сотворю, въ немъ же вы живете, якоже и сему сътворихъ, аще не дадите за мя сестры вашеа Анны, яже у васъ *дѣвою пребываеть*». Никон. л., 53. Преставися блаженная княгини Глѣбова Всеславича... и *сѣдѣвши* по князи своемъ *вдовою* 40 лѣтъ, а всѣхъ лѣтъ ея 80 и 4. Никон. л., 211.

И в памятниках устной словесности обычен при рассматриваемых глаголах творительный падеж:

Приходила тут скорая смерётушка,
Она крадчи *шла* злодейка душегубица,
По крылечку ли она *молодой женой*,
По новым ли шла сеням да *красной девушкой*
Аль *калекой* она *шла* да *перехожею*,
Со синя ли моря шла да все голодная,
Со циста ли поля шла да все холодная.
Барс. Прич., I, 2.

При этих глаголах творительный падеж является вторичным, первичным же, исконным является второй именительный; на это указывают как те примеры со вторым именительным, которые были приведены выше из древней письменности и устной словесности, так и данные родственных языков; так, в сербском языке и до сих пор при этих глаголах употребителен второй именительный: «она се *прометну овца*» (= оборотилась овцою).

То же находим в латышском: «эс, аугдама сêрдѣните, нецерею гôдâ тапт» (= я ростучи сирота, т. е. сиротою, не думала стать в чести) (Потебня, 179).

В средневерхненемецком при глаголах gehen, sterben и некоторых других встречается второй именительный имен существительных на месте современных форм с als: diu gêt noch mêgetîn; des starb er mensche und starb nicbt got (Потебня).

§ 40. При причастиях страдательного залога, образованных от глаголов, которые обозначают назначение, избрание, производство лиц в какую-либо должность, типа *поставлен, избран, назначен* и т. п., употреблялся второй именительный и творительный предикативный; причем второй именительный уже в древнейших памятниках русского языка представлен менее значительным слоем.

Примеры со вторым именительным:

Послаша и (Добрыну Ядрейковича) въ Русь ставить ся и приде (он же) *поставленъ архиепископъ* Антоний. Новг. I л., 31 (= назначен архиепископом. Потебня, 179). Того же лѣта (1262) *поставленъ* быс Иоан. *епспъ*. Сузд. л., сп. Ак., 524. В лѣт. (1283) *поставленъ* быс Максимъ *митрополит* Суздалю. Сузд. л., сп. Ак., 526. Поставленъ бысть *епископъ* Меглину граду Болгарскому. Никон. л., 145.

Примеры с творительным предикативным:

Поставленъ бысть Алексѣй *архиепископомъ* Новугороду. Новг. I л., 87; *Поставленъ* Романъ *царемъ* въ Грецѣхъ. Лавр. л., 18; *Поставленъ* бысть Никола Гречинъ *епископомъ*. Ип. л., 127 (Потебня, 511); *Поставленъ* бысть *епископомъ* Новугороду Никита митрополитомъ Ефрѣмомъ Киевскимъ и всея Руси. Никон. л., 125.

В памятниках XVII в. при причастии страдательного залога мы находим только творительный предикативный:

Зачел сына и по рождении *назван Архилабономъ*. Ист. кор. Ар., 90. И как сам в Цесарии был *назван* от цесаря *братом* родным. Ист. Вас. Кор., 127. Хотя твое царское величество, как то твоего царского величества покойный государь отец после Московского государства всецелого и всеконечного от злых людей разорения, от бога и всего народа был *поставлен и избран государем и великим князем*. Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 15.

§ 41. Имена существительные, обозначающие лицо по должности или сану, уже в древнерусском языке могли употребляться в предложной форме, то есть в предложном сочетании «*в* плюс винительный падеж имен», например:

Того же лѣта игуменъ Еоуфимии поиде къ Смоленъску к митрополиту Герасиму... *ставитися во архиепископы* на владычество в Великии Новъгород. Пск. I л., Тихан. сп., 42. (епископ гор. Владимира)... не восхотѣ бо благословения и удалися отъ него, не восхотѣ бо послушати христолюбиваго князя Андрѣя, велящу ему ити въ Киевъ къ митрополиту и *поставитися во епискупы*. Воскр. л., 85.

Подобное явление мы наблюдаем и в памятниках более позднего времени, например в памятниках XVII в.:

Живый в попех осмь лет, и потом *совершен в протопопы*. Авв., Жит., 72. И я то помышляю: иной *станет в попы* те, а душею о старине той горит. Авв., Всем. гор., 354. И по произволению... архимарита Пафнотия *поставленъ* бысть *во дияконы* рукоположениемъ святѣйшаго Иова. Ин. сказ., 18.

Замена второго именительного предложными конструкциями широко представлена в современных русских говорах, а также в говорах украинского и белорусского языков.

§ 42. Иная картина употребления творительного предикативного имени существительного наблюдается в западнорусских памятниках, отражающих белорусский язык.

В грамотах XIII—XV вв. творительный предикативный имен существительных встречается исключительно редко. В древнейшей грамоте 1229 г. встречается только один пример такого рода с вспомогательным глаголом *был:* «Та два *послъмь* у ризѣ».

Во всех других случаях засвидетельствован второй именительный имени существительного, например: «То *были горожане*; Кто былъ ту, то *будѣте послух»*. Ред. В., 440, ред. А., 440.

Изредка встречается творительный предикативный имени существительного и в других грамотах, например: «Тимоха, который *будучи* зъ земли Сиверскоѣ отъ Новогородка, роду зацного, великого, *человекомъ рицерским...»* Гр. 1438 г.

В летописях творительный предикативный имени существительного распространен весьма широко при различных глаголах. При глаголах бытия, как правило, находим творительный предикативный имен существительных.

Творительный предикативный при глаголе *был*:

И вбачил оное дитя обличем хорошо и возросту подобног и взял его к собе и *был* у него *коморником.* Лет. Археогр., 256; Которыи *был маршалком* у отца моего. Лет. Археогр., 256; И *был* тот Лиздеико у кнзя Кгиндимина *ворожбитом* и навышшим потом *попом.* Лет. Археогр., 261; Коли *гсдремъ был* на Литовьской земли. кнзь великии Олгирдъ и шедъ в поле с Литовьским воискомь. побилъ Татаръ. Лет. Увар., 99.

Творительный предикативный при причастии *будучи*:

И *будучи* ему *Русином* был велми набоженъ. Лет. Археогр., 245. *Будучи* в тот час црем Заволским именем Булаклай, и прислал послов своих. Лет. Археогр., 247; Минкгаило... град Полческъ (так!) возметъ и *остал* великимъ кнзем Полотцкимъ. и *будучи* ему *великим кнземъ Новгородцкимъ* и *Полоцкимъ* и пановал много лѣтъ. Лет. Археогр., 245.

При глаголах преобразования, выявления также находим, как правило, творительный предикативный имен существительных на месте былого второго именительного, хотя встречается и этот последний при известных глаголах более узкого значения.

Творительный предикативный при глаголе *стал*:

И начаша Ляхове слати с Кракова. ко кнзю великому Ягаилу дабы принялъ. крщения старого Рима. и понялъ бы в них королевну именемъ Ядвигу. собѣ женою и *сталъ бы* в них *кролемь.* Лет. Супр., 77, ср. Увар., 90, ср. Крас., 162, ср. Арх., 27. В тыя лѣта кнзь великыи Витовтъ. *гсдремь сталъ.* на *Литовскои земли.* Лет. Супр., 82, то же, Увар., 100. А пани Спыткова *стала вдовою.* Лет. Супр., 84, то же Увар., 101.

При глаголе *называется, зовется* одинаково употребительны и творительный предикативный и второй именительный.

Примеры со вторым именительным:

И паны тое Латыголское земли *называлис Выфлянты*. Лет. Археогр., 252. Потом пошли рекою Неманом в верхъ аже (в) море зовомое Малое которое *называется море Немновое;* а с тое причины етое морѣ *Немновое называется*. иж в то море Немон впадает. Лет. Археогр., 241. Мужики мешкают без гсдря а *зовутся Дручане*. Лет. Археогр., 243.

В указанных случаях мы имеем второй именительный, независимый именительный названия или прозвища, который остается в именительном и в современном языке. По отношению к этому падежу не стоит проблема замены его творительным предикативным, поскольку он является именительным независимым.

Примеры с творительным предикативным:

Троидень... зарубит город и назовет его Раигород, *и прозовется князем Ятвезским и Доновским*. Лет. Археогр., 254. В то море Немон впадает дванадесятма устьи и кождое *зовется особным именемъ* межи которыми дванатцетма устьи одно *зовется* устье *именем* Скилия. Лет. Археогр., 241. А брата его Довмонтъ сядет на отчизне своеи на Утене и *назовется кнзем Утенским*. Лет. Археогр., 253.

Как видно из примеров, творительный предикативный при глаголах *называется, зовется* имеет место только в соответствии со вторым именительным согласуемым, предикативным.

Творительный предикативный имен существительных находим и при глаголах п р е б ы в а н и я. Так, творительный предикативный отмечен при глаголе *остаться*:

И он *оставши* им (то есть у них. — *Т. Л.*). *гсдрем*. и вземши их дал брату своему Троиденю за вдел. Лет. Археогр., 253. Минкгаило... градъ Полческъ (так!) возметъ и *остал великимъ кнземъ... Полоцкимъ*. Лет. Археогр., 245.

Творительный предикативный отмечен и при словосочетании, состоящем из глагольной формы плюс инфинитив: «А сам Домонтъ... потягнул до Литвы *хотячи быти кнзем Литовскимъ*». Лет. Археогр., 255.

Таким образом, в летописях почти при всех категориях глаголов отмечен только творительный предикативный падеж. Это значит, в таком роде памятников, как летописи, уже в XV—XVI вв. процесс вытеснения второго именительного имени существительного творительным предикативным получил широкое распространение.

К тем же выводам о преимущественном употреблении творительного предикативного приводит и наблюдение над употреблением второго именительного и творительного предика-

тивного в памятниках церковного содержания, большею частью переводных. В них употребление творительного предикативного преобладает над употреблением второго именительного[1].

Наблюдения над древними белорусскими памятниками светского содержания также приводят к заключению о широком распространении творительного предикативного за счет второго именительного.

В бессвязочных именных предложениях, как правило, употребляется второй именительный, например:

А батько дей безъ ногъ, *калека*. Р. И. Б., Л. М. А што есмо казали, все — *правда*. Прам. Мял., 39. Добри то наш годинник — *петух*. Прам. Мял., 38. Лукапер великого солъдана *сын*, Гвидон, 139.

Встречается, однако, в таких предложениях и творительный предикативный, например: «Сам *урадникомъ* у Жосляхъ» Р. И. Б., Л. М., XXXIII, 1567.

При глаголе *есть*, как правило, употребляется второй именительный, например:

Рек Трыщан: Если я милую Ижоту, то не дивно: она есть *намильная речъ* на свете, лѣпшое бых не мог найти, а я если ее вывелъ и мнѣ ест дана, а милость наша скрыта может быти. Тристан, 67—16. Который зъ отъцовъ и зъ родичовъ своихъ *суть* тамошние *обаватели* оседлые и то за прычыною старосты, тивуновъ, шляхъты. Р. И. Б., Л. М., XXX, кн. 4, 257.

Реже встречается творительный предикативный при глаголе *есть*, например:

Хоружиная Ошменская... которая *есть вдовою*. Р. И. Б., Л. М., XXXIII, 1567, 571 (113). А того што *даром божымъ естъ*, не маете для чого силам моим привлащать. Атила, 208. Але аренъдою, што ему заборонено и аренъдовати заказано быти не можеть, поки *естъ владыкою*; а ведьже, въ чомъ бы ся онъ не слушне справовалъ, о то, прыпозвавъшы его мовити можете. Р. И. Б., Л. М., XXX, кн. 4, 267 (127).

При глаголе *был* вытеснение второго именительного творительным предикативным в этих памятниках получило такое же широкое распространение, как и в других памятниках; второй именительный встречается при глаголе *был*, но реже, чем творительный предикативный.

Примеры со вторым именительным при глаголе *был*:

Короля Клевдаса сын *былъ* велми добрый *юнак*. Тристан, I. И Трищан был у страху, и они оба *были великие человѣки*. Тристан, 81. Тот Кгвидонъ храбрый *конник былъ*, але одну реч

---

[1] Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Уч. зап. БГУ, серия филолог., вып. II, 1941.

зле вчинил. Гвидон, 129. Надъ Охматомъ царомъ такъ ся стало; вмеръ. Нам *брат* онъ *былъ*, а вам *пріятель былъ*. Р. И. Б., Л. М., XXVII, 1481, 340 (93).

Примеры с творительным предикативным при глаголе *был*:

Былъ на тот часъ в том мѣстѣ *бискупомъ* благословеный Никазый. Атила, 206. У Недведичах *был урядником* пан Василей Рогачевский. К. Ст., 139. *Был* ми то великим *неприятелем*. К. Ст., 145. Причину замешканья показалъ на листехъ, ижъ *былъ приставомъ* у бортей. Р. И. Б., XXXIII, 1567, 557(101). Я хочу с ним умрети и мовлю то, абы он не *был витязем*. Гвидон, 143. А то не ест речъ здорожная вѣрыть, же он вже в тот час *был человѣком дорослымъ и статочнымъ*. Атила, 233.

При глаголе *будет* одинаково употребителен как второй именительный, так и творительный предикативный.

Примеры со вторым именительным при глаголе *будет*: Коли король Мелиядуш сгибъ и королевая мертва, убимо мы тое дитя а *будемо (гос)подары* Елионосу. Тристан, 6. Поедмо у Францыю... там ся навчыш мужеству и *будешъ человѣкъ знаменитыи*. Тристан, 13—19.

Примеры с творительным предикативным при глаголе *будет*:

И полетилъ вси тыи дела духовъным въ архіепископъ Полоцкіи въ моцъ архиепіскопа Полоцкого и Витебъского, кто коли *будеть архіепископомъ*, тыхъ, которіи суть под архіеписко(ъ)ею вышейречоною Полоцъкою. Р. И. Б., Л. М., XXVII, 1502, 831 (112). А смотрачи на то, хотели бы такую жъ речъ поднести передъ правомъ и взрушити, того имъ не допускаемъ нарушивать: кому будеть иному Биряло, *будетъ войтом*, сказалъ и въ книги записалъ. Р. И. Б., Л. М., XXVII, 1486, 405(123).

Творительный предикативный находим при причастии *будучи*:

Ижъ бы онъ, *старостою* Берестескимъ *будучи*, судилъ его зъ Жидовою Берестескою, зъ Волчкомъ а зъ Дашкомъ, а шкоды которыи жъ ся имъ от розбою, и тыи шкоды ихъ на немъ присудил. Р. И. Б., XX, 1507, 964.

При глаголах п р е о б р а з о в а н и я, в ы я в л е н и я находим творительный предикативный. Так, творительный предикативный отмечен при глаголах *учинитися, казатися, нарядитися, ставитися*:

Витезь Бово взялъ тотъ листъ и *учынили ся* с Терызом *пелгрымами*. Гвидон, 165. И взела гусли... и повела зъ собою оба сыны и пошла з города, *вчинившы ся скоморошницою*. Гвидон, 168. А Дружненъна почала поведати все по раду, якъ ее Бово украл у. Маркобруна, *нарадившы ся палгрымом*. Гвидон, 157. Але не дал знати магушу мысли своеи и *ставил ся* лѣпшым

рыцэромъ, нижли Трыщан. Тристан, 43. И в третий день зъ мертвых еси встал и *вказалъ ся ученикомъ.* Гвидон, 155.

Творительный предикативный находим и при глаголе *называтися*:

А которыи зъ васъ усхочетъ *назвати ся* пану Анцолоту *слугою,* а мною Трыщаном данъ, хочу того вчынити тому замку и тому пристанищу паном. Тристан, 105—34. Был там один господар великии, именем Кгвидон..., а *звал ся великим князем...* Гвидон, 162—34. Штожъ мужъ ее Григорей *назвался* имъ *дяд(ь)комъ,* и они дали ему на хлебокормленье отчины своее чотыри сел(ь)ца, до его живота. В. И. Б., Л. М., XXVII, 1496, 663.

Творительный падеж находим и при глаголах вещественного движения и пребывания. Так, творительный предикативный отмечен при глаголе *ехать*:

И *поехалъ... гетманомъ* Дан Албрыго, брат Додонов муж удалыи. Гвидон, 131. Александер на сеим *послом ехал.* К. Ст., 152.

Творительный предикативный находим и при глаголах типа *жить, служить* и т. п., например:

Почонъ здавна и до сего часу што *служили есмо царем, господарем* нашим. Р. И. Б., Л. М., XXVII, 356 без. д. А онъ не яко *слугою живетъ,* але яко надъ паны панъ. Р. И. Б., XIX, 1124.

Творительный предикативный находим при сочетании краткой формы имени прилагательного с инфинитивом, например:

Третея мерка зъ млива и волоку одъну давати, а дъве мерки на пожитокъ скарбу нашого, и съ тое третее мерки *повинен* млынаръ до работы млына и спустовъ *мистромъ быти,* и спъравовати и кгвалтовъ стеречы. Л.—М., XXX, 1557, 559(8).

Таким образом, и обследование памятников светского содержания показало в целом преимущественное употребление творительного предикативного по сравнению с употреблением второго именительного при всех категориях глаголов. Памятники религиозного содержания в указанном отношении также не стоят одиноко.

Обозревая в целом приведенный выше материал, можно заметить, что грамоты до XV в. мало дают материала для суждения об отмирании употребления второго именительного. В летописях творительный предикативный уже явно преобладает над вторым именительным. Большинство списков летописей относится к концу XV в. и к XVI в.

Как смотреть на творительный предикативный на месте второго именительного в летописях? Отражает ли столь обильное употребление творительного предикативного в летописях живой язык своего времени?

Имея в виду, что летописи ближе отражают язык, чем религиозно-полемические сочинения, что по другим особенностям языка (например, по употреблению связки) летописи более или менее правдоподобно отражают живой язык своего времени, что то соотношение, которое существует в летописях между творительным предикативным и вторым именительным, в основном отвечает данным современных говоров, — имея все это в виду, можно думать, что закономерности употребления творительного предикативного и второго именительного в летописях отражают данные живого языка своего времени.

Можно было бы выдвинуть предположение, что употребление творительного предикативного имен существительных в летописях является продуктом влияния польского языка. Такое предположение вполне возможно, но в обоснование его мы не можем привести сколько-нибудь важные факты из текста летописей. В обоснование же противоположного мнения можно извлечь некоторые факты из текста летописей; здесь прежде всего необходимо обратить внимание на факт отсутствия творительного предикативного при *есть*. В памятниках, отражающих польское влияние, в таких случаях нередко встречается творительный предикативный.

Что касается закономерностей употребления творительного предикативного и второго именительного в прочих древних памятниках, то также следует думать, что они в общем и целом отражали состояние живого языка, за исключением творительного предикативного при *есть*, который является отражением иноязычного влияния, а не особенностей живого языка своего времени.

Правда, некоторые случаи творительного предикативного в переводах с польского отражают влияние польского языка; но в целом нельзя объяснить влиянием польского языка всю совокупность случаев употребления творительного предикативного во всех древнебелорусских памятниках. Если мы отнесем известные случаи употребления творительного предикативного за счет польского влияния, то все же должна остаться компактная масса случаев употребления творительного предикативного, необъяснимая иначе как отражение живого языка своего времени.

В связи с выяснением вопроса о размерах влияния польского языка необходимо учесть следующие соображения.

В древних белорусских памятниках нередко бывает так, что в тех из них, которые не связаны с западною книжностью, а сохраняют в себе традиции восточнославянской книжности, преобладает второй именительный, а в тех из них, которые связаны с западною книжностью, довольно широко отражается творительный предикативный.

Этот факт можно было бы объяснить тем, что в народном языке не употребляется творительный предикативный, а потому в памятниках, связанных с восточнославянской книжностью, он редко встречается, а в памятниках связанных с западной книжностью, он встречается довольно часто и является отражением иноязычного влияния, но такое объяснение неприемлемо. Нельзя объяснить иноязычным влиянием громадное количество случаев употребления творительного предикативного в самых разнообразных памятниках без поддержки со стороны родного языка. Кроме того, отмеченное наблюдение допускает и другое, более удовлетворительное объяснение, а именно: факт отсутствия творительного предикативного в памятниках (немногочисленных самих по себе), связанных с восточнославянской книжной традицией, объясняется не тем, что творительный предикативный не употребляется в живом языке того времени, а тем, что он не находил отражения в литературе, поскольку в традициях восточнославянской книжности не имело места употребление творительного предикативного.

В памятниках, не связанных с восточнославянскою книжностью, творительный предикативный употреблялся, ибо этому не мешали старые литературные традиции.

Кроме того, польские исследователи [1] показали, что еще в XIV в. творительный предикативный имен существительных весьма редок. Так, во Флорианской псалтыри (конец XIV в.) почти всегда употреблялся второй именительный имен существительных; только в более поздний период творительный предикативный имен существительных начинает употребляться более широко. Так, из семнадцати случаев со вторым именительным, засвидетельствованных в Флорианской псалтыри, в более поздних переводах, например в библии Вуйка, в пяти случаях уже встречается творительный предикативный.

При таком положении дела с употреблением творительного предикативного имен существительных в древних польских памятниках было бы неправильно объяснять обильное употребление творительного предикативного имен существительных в древних белорусских памятниках только влиянием польского языка.

Сравнение данных, извлекаемых из источников, характеризующих современное состояние белорусского языка, с данными, извлекаемыми из источников, характеризующих его древнее

---

[1] Zoś. Funkcje narzędnika w języku polskim, 1904, стр. 47. Klemensewicz. Składnia jęszyka polskiego, Kraków, 1934. Benni, Zos, Rozwadowski, Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego, стр. 323.

состояние (XV—XVI вв.), показывает, что древний белорусский язык (XV—XVI вв.) отличается от современного наличием элементов незавершенности того процесса, итоги которого даны в современном состоянии языка.

Таким образом, памятники XV—XVI вв., отражающие белорусский язык, и памятники XV—XVI вв., отражающие русский язык, существенно различаются друг от друга по характеру употребления творительного предикативного на месте второго именительного. В русских памятниках он почти не употреблялся, в белорусских памятниках он употреблялся весьма широко при разных группах глаголов.

Имея в виду, что в современном русском языке творительный предикативный употреблялся на месте второго именительного не менее, если не более часто, чем в современном белорусском языке, можно думать, что различие древних белорусских и русских памятников в отношении употребления второго именительного и творительного предикативного зависело от большей устойчивости литературно-книжных традиций киевского периода общего древнерусского литературного языка на территории Московского государства, чем на территории Великого княжества Литовского, в состав которого входили белорусские земли. Литературно-книжные традиции киевского периода общего древнерусского литературного языка не поддерживались с такой силой на белорусских землях в составе Великого княжества Литовского, с какой они поддерживались на русских землях в составе Московского государства. Естественно, что особенности живого народного языка, к числу которых относился творительный предикативный на месте второго именительного, легче находили отражение в белорусских памятниках XV—XVI вв., чем в русских памятниках того же времени.

Из этого мы делаем вывод, что в живом общенародном русском языке XV—XVI вв. творительный предикативный на месте второго именительного имел более широкое распространение, чем это находит отражение в русских памятниках этого периода. Нет никаких оснований утверждать, что в общенародном русском языке процесс дифференциации второго именительного и творительного предикативного шел медленнее или позднее, чем в общенародном белорусском языке [1].

§ 43. Коренные изменения в сторону распространения творительного предикативного на месте второго именительного намечаются в памятниках XVII в. Процесс внедрения твори-

---

[1] См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 199.

тельного падежа в область сказуемого был неодинаковой интенсивности при разных вспомогательных глаголах.

Рассмотрим изменения в соотношении употребительности второго именительного и творительного предикативного при глаголах бытия. В бессвязочных конструкциях попрежнему сохранялся второй именительный падеж, например:

Давно я святых книг охотны *читатель* и вечные жизни я *искатель*. Кур. лис., 211. Сказали бы про меня началные зверове лев и львица, что я их премудрая *лисица*, всякого добра *делателница*, а воистину никакая *прелестница*. Кур. лис., 217.

Однако уже в памятниках XVIII в. в бессвязочных конструкциях, т. е. в предложениях с отсутствующим глаголом существования, встречаются случаи творительного падежа в функции сказуемого:

Сестры ли в том *виной*? Богд., Душ., кн. II. Ты это слышал, что *графом* Верхолен? Княжн., Хвастун.

При глагольных формах *есть* и *суть* по преимуществу употреблялся второй именительный.

Примеры со связкой *суть*:

Я де *суть поп* Савва, да не малая про меня и слава. Савв., 235. Расколы и ереси науки *суть дети*. Кант., К уму своему, сат. I, ст. 24. Имя и Глагол *суть части* человѣческого слова. Ломон., Рос. грам. В луне усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно *суть тѣни* ея высоких горъ. Кант., Прим. к сат. I. Оные способы *суть части* слова знаменательныя. Ломон., Рос. грам.

Примеры со связкой *есть*:

...Мы *есть* разных земель *люди*... Ист. Яроп. Купидон мой мне сказал..., что то *есть случай*... Трет., Езда в ост. любви. Фракия... *есть* сильнейшая *область* из всех народов. Тат., Ист. Рос. ...И потому первое полстишие *есть не полстишие, но член* Прозаического Периода. Тред., Письмо. Суеверие же *есть* истое невежества *порождение*. Кант., Прим. к сат. I. Великая часть физики, и полезнейшая роду человеческому наука *есть Медицина*. Ломон., Из Слова о пользе химии.

Таким образом, в памятниках XVII и XVIII вв. при глагольных формах *есть, суть* употреблялся почти исключительно второй именительный падеж. Однако при глаголе *есть* имеются случаи употребления творительного предикативного падежа, например:

Аз раба есмь Олифреенова, он же ми *есть* милостивым *господином и повелителем*. Сим. Пол., Юдифь. Не вем, который из вас *есть цесарем государем* моим. Рим. д.

Употребление творительного предикативного известно белорусским памятникам XVI—XVII вв., в которых отразилось влияние польского языка, например:

Тые *есте надеею* моею. Псал. XVI в., 46 об.; поневаж и вѣх оных *есть учеником.* Е. К., 148; ты ти *ест капланом* нашим. Р. И. Б., XIX, 1176 и т. п.

Во всех этих примерах связка употребляется в значении глагола существования или становления. При глаголе *есть* в функции становления или существования в польских памятниках XVI и XVII вв., а также в современном польском языке употребляется творительный предикативный; между тем ни в белорусских и русских говорах, ни в белорусском и русском литературных языках творительный предикативный в рассматриваемой конструкции не употребляется.

Таким образом, употребление творительного предикативного при связке *есть* в белорусских памятниках следует считать отражением влияния польского языка. Примеры из «Юдифи» Симеона Полоцкого, выходца из Белоруссии, доказывают, что творительный предикативный при глаголе *есть* такого же происхождения и в русских памятниках XVII в.

В более поздних памятниках глаголы *есть* и *суть* в функции связки становятся все более редкими. В современном русском языке они отмечены преимущественно в высоких стилях речи, например: «Известно воззрение: преступление *есть протест* против ненормальности социального устройства». Дост., Прест. и наказ., III, 5. «Брак это *есть такое дело*... это не то, что взял извозчика да поехал куда-нибудь». Гоголь, Женит., II, 19.

Шахматовым отмечены примеры и со связкой *суть:* «Люди, житье-бытье которых составит предмет этого рассказа, *суть* жители Старгородской соборной поповки». Леск., Соб. «В исторических событиях так называемые великие люди *суть ярлыки,* дающие наименование событию, которые так же как и ярлыки менее всего имеют связи с самим событием». Толст., В. и М., III, 1.

После союза *и* связка *есть* приобретает значение глагола утверждения, например: «Я догадался, что это и *есть доктор* Устин Анисимович». Перв., Честь смол., 19. «Вот это и *есть* настоящее *благородство души!* — вслух сказал Лось». Сем., Ал. ух., 233.

При глаголе *был* творительный предикативный в памятниках XVII в., а в особенности в памятниках XVIII в., стал более интенсивно использоваться для выражения сказуемого.

Котошихин при глаголе *был* чаще употребляет творительный предикативный, чем второй именительный: «А на Москве *был добрым порутчикомъ.* 25. И отъ Федора родился Михайло... которой *былъ царемъ.* 4. Многие люди узнали, что он... воръ Гришка Отрепъевъ, которой *былъ черньцемъ. 3».*

Творительный предикативный при глаголе *был* часто употреблялся и в других памятниках, например:

И нынѣ мы... хотимъ того, чтобы православное християнство было нашимъ царскимъ доброопастнымъ *правительствомъ*. Ин. сказ., 72. Как пришел к разбойникам и *был атаманом*. Ист. Вас. Кор., 120. Опосле на Москве у Павла митрополита *ризничим был*. Авв., Жит., 85.

С творительным предикативным встречается и архаическая форма *бысть*:

Егда еще я *попом бысть*, духовник царев... благословил меня. Авв., Жит., 140. По немъ остася жена его царица Мария, да сынъ его Феодоръ, да дщи его сущи дѣвою Ксения; *царемъ* же *бысть* 7 лѣтъ и пять недѣль. Ин. сказ., 39.

Однако, в общем, второй именительный при глаголе *был* продолжал еще употребляться более часто, чем творительный предикативный. Например:

И посылают их (стряпчих) во всякие ж посылки, кроме воеводств и посолств, чтоб сами *были послы*. Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 64. Истец Осип слался в послушество, а сказал: тот де поп Филип отцу ево Осипову *был отец* духовный... Яков., Хол. Моск. г-ве, 392. А старой атаман *был дурак*. Ист. Вас. Кор., 115. А брату моему меньшому бояроня Васильева и *дочь* духовная *была*. Авв., Жит., 76. Судил большеи боярин и воевода осетр, околничеи *был сом* з болшим усом. Ерш., 147.

Со вторым именительным продолжали употребляться и глаголы *быша, бысть*:

И ляхи... до конца *враги быша* християном. Авв., Жит., 129. Кто свѣсть умъ Господень и кто *совѣтникъ Ему бысть?* Ин. сказ., 63.

При глаголе *будет* творительный предикативный у Котошихина не встречается. Однако в других памятниках XVII в. творительный предикативный встречается, например:

При всех случаях *будут* тебѣ верными *рабами*. Ист. кор. Ар., 98. И тогда *будет* племянник мои *царем* империи престол отца своего. Яр. цес., 161. Зане *будешь* паки истиным *цесарем*. Рим. д., 9.

Тем не менее второй именительный при этом глаголе продолжает еще господствовать, например:

На судище десныя ти страны *причастник буду* со всеми избранными твоими. Авв., Жит., 64. И прочих заповедей божиих *будете причастницы*. Авв., Кн. Толк., 260. Они же, его видя желание великое о семъ... сказующе ему, яко родися въ ту звѣзду царскую и *будешь царь* великой Росии. Ин. сказ., 10. *Друг* ми *будеши*. Сим. Пол., 447. Дадон *будет* нашему граду *содержатель*. Про Бову. И *буде* твоя обрученная *невеста!* Яр. цес., 199.

Второй именительный продолжал употребляться и при повелительной форме глагола *быть*, например:

Того ради покорно прошу, *буди врач* болезни моея; ибо не коим дохтуром отятой быти не может. Ист. Ал. рос., 131. *Буди* нам ты *атаман*. Ист. Вас. Кор., 113. Ты наш *буди царь*. Цар. Орк., 298. Онои вам *буди царь* и управитель граду. Яр. цес., 182. Не прелщаися, чадо, на злато и сребро, не збирай богатства неправаго, *(не) буди послух* (свидѣтель) лжесвидѣтелству. О гр. зл., 3.

Творительный предикативный отмечен при причастии будущего времени, например:

А кто, *будучи* регистровым *казаком*, будет переселяться, такому каждому вольно будет продать свое имущество... Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 126.

В произведениях XVIII в. творительный предикативный при глаголе *был* становился все более частым, например:

Во оной (в Государственной канцелярии) два до трехъ статских министров управление имѣли, из которых старшей *президентом былъ*. Акты Петра I, 542. Сенаторы *были* королевскими *совѣтниками*. Там же, 275. Если бы он потонул, то бы он *был* нашим *убийцею*. Рад., Пут., Чудов.

Однако второй именительный при глаголе *был* в произведениях XVIII в. еще употреблялся в таких случаях, в каких он в современном языке не употребляется, например:

Краса и добродетель
Из веков имели спор.
Сын нередко *был свидетель*
Их соперничеств и ссор. Богд., Душ.

И тако помянутые 5 министровъ *были* королевское *око и руки*, чрез которых всѣ дѣла королю докладываны. Акты Петра I, 276.

Точно такой же порядок взаимоотношений между вторым именительным и творительным предикативным был и при глаголе *буду — будет*.

Примеры с творительным предикативным:

Хто *будет секретарем* из таких, чтоб дават шлехетство, как и в воинской службѣ, хто в прапорщики пожалован. Акты Петра I, 264. Ты *виною будешь*, если запустеет нива. Рад., Пут., Спас. пол. И кто в пути ей *будет провожатым*. Богд., Душ.

Примеры со вторым именительным:

Но слезы сии *будут слезы* обновления во благо. Рад., Пут., Зайц. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему не судило, есть и *пребудет* всегда *человек*. Там же.

При повелительной форме глагола *быть* также употреблялся уже творительный предикативный, например:

Будь свидетелем, чувствительный путешественник, *будь свидетелем* мне пред светом. Рад., Пут., Крест.

То же и при причастии прошедшего времени от этого глагола:

Я, нижайший ваш слуга, *быв регистратором...* имел случай употребить место мое себе в пользу. Рад., Пут., Тосна.

При сочетании глаголов намерения или форм долженствования с инфинитивом *быть* примеры второго именительного в памятниках XVII—XVIII вв. весьма редки:

Потащимся, *не обленимся* и мы *причастницы быти* со святыми. Авв., Кн. Толк., 265. Яко родихся, святымъ крещениемъ просвѣтихся, и *нарекохся быти сынъ дневи,* и нынѣ *изволихся* самъ *быти сынъ* погибели! Ин. сказ., 59. Аз же тя избавлю от бѣды сея, *хощеши ли быти монах?* Грудц., 37.

При указанных сочетаниях уже в памятниках XVII—XVIII вв. господствовал творительный предикативный:

А сему злому губителю *супругою быть желаешь.* Ист. Вас. Кор., 127. Или *желаешь убийцей мнѣ быти?* Ел., 250. Он *достоинее* других *быть* мне здесь наследником. Сув., 127. *Желала быть* сама *начальницей* в раю. Богд., Душ. Гражданин, становясь гражданином, не *перестанет быть человеком,* коего первая обязанность есть собственная сохранность. Рад., Пут., Зайц. Хто *похочет быт приказным,* також учитца определенным в Колегии молодым дворяном. Акты Петра I, 242.

В литературе XIX в. второй именительный при глаголе *был* продолжал еще употребляться наряду с творительным предикативным; ср.: «Словом, он *был* коренной русский *барин;* по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранить обычай любезной ему старины». Пушк., Арап Петра Вел. «Пугачев не знал, что она была *дочь* капитана Миронова; озлобленный Швабрин открыл ему все; Пугачев мог проведать истину и другим образом». Пушк., Кап. дочка. «И кто б подумать мог, что та ж луна, которая *была* немой *свидетель* минуты первой... у ручья в горах, ты помнишь... Что та ж луна свидетель будет разлуки, нежная Эмилия!» Лерм., Испанцы. «Все *будет золото,* в суму что попадет». Крыл., Форт и Нищ.

С глаголом *будь:* «*Будь я подлец и анафема,* если я сяду еще когда-нибудь играть с этою севрюгою». Чехов, Иванов.

В современном русском литературном языке второй именительный при глаголах *был — буду* употребляется главным образом в конструкции, в господствующем составе которой стоит указательное местоимение *это* и *то.*

Второй именительный при глаголе *был:*

Это *была тайна,* неразгаданная до конца, но волнующая до слез. Перв., Честь смол. Это *был коммунист,* из бывших

партизан. Там же. Это *была* замечательная *карта.* Сем., Ал. ух. Это *был* самый настоящий *Петька.* Кат., За вл. сов. То *была* тяжкая *пыль* горя, смешанная с грозной сажей пылающих наших жилищ. Гонч., Зл. Пр.

Второй именительный при глаголе *буду*:

Для него это *будет* такая *рана.* Кат., За вл. совет. Это *будет* орел. Каз., Зв.

При подлежащих, выраженных всеми частями речи, за исключением указательных местоимений *это* и *то,* с глаголом *был — буду* сочетается в сказуемом преимущественно творительный предикативный.

Творительный предикативный с глаголом *был* при подлежащих, обозначающих одушевленные предметы, выраженных личным местоимением:

Я *был* твоим *учителем*, я читал вам русскую историю. Кат., За вл. сов. В его танке я *был радистом-пулеметчиком.* Баб., Кав. зол. зв. Я до этого еще и *минометчиком был.* Некрас., В окоп. Стал. Я не против мужа выступаю, а против того, чтобы он *был звеньевым* в колхозе. Мал., От вс. серд. Она ходила так, будто она *была хозяйкой* всей этой деревянной яранги. Сем., Ал. ух.

Творительный предикативный с глаголом *буду* при подлежащем, выраженном личным местоимением:

Я *буду* у тебя *мотористом,* — согласился Русаков. Сем., Ал. ух. Приехал инженер, а ты *будешь* у него *организатором* труда. Баб., Кав. зол. зв. Только ты имей в виду, Петушок, что после этого ты уже больше не *будешь* моим *сыном.* Кат., За вл. сов.

Творительный предикативный с глаголом *был* при подлежащем, выраженном именем существительным:

Для сведения экипажа: Герой Советского Союза Тутаринов совсем еще недавно *был командиром* этого же полка. Баб., Кав. зол. зв. И разве не *был преступником* царь Николай Второй — маленький, бездарный тиран, погубивший Россию? Кат., За вл. сов. *Хозяином* этого стойбища *был* Андрей Михайлович Жуков. Сем., Ал. ух.

Творительный предикативный с глаголом *буду — будут* при подлежащем, выраженном именем существительным:

Прохор Афанасьевич, знакомьтесь, эти дедушки *будут* вам *помощниками.* Кат., За вл. сов.

Сравнение употребительности двух предикативных падежей в произведениях советской эпохи и в произведениях XIX в. показывает, что второй именительный имен существительных в современном русском литературном языке в значительной мере вытеснен творительным предикативным. Конструкции с подлежащим, выраженным именем существительным, лич-

ным местоимением, неопределенным местоимением, определительным местоимением, в которых с глаголом *был, буду* в произведениях XIX в. еще употреблялся второй именительный имен существительных, в настоящее время употребляются с творительным предикативным.

§ 44. При глаголах преобразования уже в памятниках XVII в. второй именительный употреблялся реже, чем творительный предикативный. Примеры со вторым именительным:

И погашу славу его и *ковалер* ковалеров содѣюся. Ист. Ал. рос., 157. Сведал он, что мне *учинилися дочери* духовные, осердился на меня опять пуще старова. Авв., Жит., 96. Молодец *стал* в поле *ковыл(ь) трава*. О гр. зл., 12.

Примеры с творительным предикативным:

При времяни надобнасти я тебѣ *слугою обязуюсь!* Ист. кор. Ар., 98. А Архилабон королевич *стался* настоящим *королем*. Там же, 107. И *друзьями* мне *обратили(сь)*. Ист. Ал. рос., 166. Чрез краткое время мухи *оборотятся орлами*, а соколы *воронами!* Яр. Цес, 202. Да как *учинился попенком*, так по боярским дворам научился блюды лизать. Авв., Кн. Бес., VII, 221. Великий князь... учинилися есмя... на Росийскомъ государствѣ *царемъ* и *великимъ княземъ*. Ин. сказ., 71. *Остался* на Московскомъ государствѣ *царемъ* братъ нашъ Феодоръ Ивановичь. Там же, 23. Паче моею *повелительницею сталась*. Сим. Пол., Юдифь.

В произведениях XVIII в. второй именительный при глаголах преобразования продолжал еще употребляться:

Я твой *губитель сталъ*. Ломон., т. III, 249. А было это село боярское, что *стало Преображенское*. К. Дан. Никит. Р., 319. Уж я *стала* у него и *свинья*, и *дура*. Фонв.

Однако обычным был творительный предикативный:

А как король *сталъ самодержцомъ*, то Сенатъ в таких дѣлахъ (в дела управления государством) ничего не дѣйствовалъ. Акты Петра I, 275. Когда ей командир *стал другом* из тиран. Майк., Ел. Из ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 *становятся повесами*. Рад., Пут., Крест. *Я стал жанихом ея*. Фонв.

При глаголах преобразования второй именительный продолжал сохраняться еще и в произведениях XIX в.

Примеры с глаголом *стать*:

И храм священный *стал жертва* бури и дождей. Лерм., Демон. Ну, а люди *стали* нынче тоже ох, какие *не дураки*. Писем., Тыс. душ.

Примеры с глаголом *сделаться*:

И мой пьяненький столоначальник *сделался* почти *подчиненное* мне *лицо*. Герц., Б. и д. Однакож, право, как поду-

маешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь *птицы сделались.* Гоголь. Ревиз.

В современном русском литературном языке при глаголах преобразования второй именительный отмечается только в отдельных случаях, например:

Ну, братцы, видите, какие мы *стали* легендарные личности? Баб., Кав. зол. зв. Или ты и в самом деле *стал* такой кругленький огурчик? Там же.

В современных литературных произведениях при глаголах преобразования употребляется почти исключительно творительный предикативный.

Примеры с формой прошедшего времени глагола *стать*:

А ведь правда, товарищ комиссар, — сказал он, — и я словно *другим человеком* на этой войне *стал.* Сем., Ал. ух. Здесь я *стал коммунистом* и отсюда увидел грядущее. Перв., Честь смол. Хоть ты и *стал героем,* слава у тебя великая, а все же ты не солнце и всех обогреть не сумеешь, а беспокойства будет много. Баб., Кав. Зол. зв. Однако ты, братец мой кролик, *стал* за последнее время настоящим *воякой.* Кат., За вл. сов. Не забывай меня, комиссар, — сказал он, — за эти дни ты *стал* мне *другом.* Грос., Нар. бес.

Примеры с формой будущего времени глагола *стать*:

Как бы там ни было, а скоро ты *станешь героем* романа. Баб., Кав. Зол. зв. Для противника ты *станешь большой опасностью.* Гонч., Зл. Пр. Ты *станешь заведующим,* я сменным монтером за механизацию опять возьмусь. Мал., От вс. серд.

Примеры с формой настоящего времени глагола *становиться*:

Тогда ты тоже радовался, что я *становлюсь передовым* человеком. Сем., Ал. ух. Вначале не мешает очертить несколькими штрихами свое детство... чтобы читатель не подумал, что мальчишка сразу *становится ангелом.* Перв., Честь смол. Омрытаген *становится настоящим человеком.* Сем., Ал. ух.

Примеры с формой прошедшего времени глагола *становиться*:

Люся *становилась... девочкой-подростком,* непосредственной и милой своим чисто ребяческим угловатым озорством. Перв. Честь смол. Ей было приятно, когда муж останавливал свой взгляд на какой-нибудь молодой чукчанке: Чарли *становился* тогда *человеком.* Сем., Ал. ух. Катакомбы *становились* туманной поэтической *легендой города.* Кат., За вл. сов.

Примеры с глаголом *прикидываться*:

И чего ты *дурачком прикидываешься,* — стараясь быть спокойным, негромко проговорил Сергей. Баб., Кав. Зол. зв.

§ 45. При глаголах выявления памятники XVII в. свидетельствуют как второй именительный, так и творительный предикативный.

Примеры со вторым именительным:

Их *побѣдитель явился* и поверже его на землю. Ист. Ал. рос., 157. Се бо вам... *подражатель явися,* голоду терпитель. Ярыж., 63. Родися... царевичь Дмитрей Ивановичь, иже тезоимянитъ *явися страдалецъ* великому мученику Дмитрию Солунскому, отъ матери царицы Марии Феодоровны Нагого. Ин. сказ., 2.

Примеры с творительным предикативным:

А в чернцах орач *является* злым *псом*. Орач., 108. Однакож Александр дал ему две тяшкие раны, *победителем явился.* Ист. Ал. рос., 153.

В произведениях XVIII в. второй именительный при глаголах выявления встречается, главным образом, в речи с высоким слогом:

...И аще *невеста явится* расколнича дщерь, то... Посош. Июня 30 вся армия въ лагерь вступила отъ залива морскова, что *слыветъ Лиманъ*. Зап. В. А. Нащок., 292.

В произведениях, не связанных с высоким слогом, при глаголах выявления господствует творительный предикативный.

При глаголе *являться*:

Во всех (нарядах) *являешься* прекрасным *божеством*. Богд., Душ.

При глаголе *слыть, прослыть*:

В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел, а я *прослыл копотким*. Рад., Пут., Зайц.

При глаголе *казаться*:

Сие *досадою казалося герою.* Майк., Ел.

При глаголе *сказаться*:

И думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣком, то убьютъ; ежели *сказать разбойникомъ,* то... Ист. Вас. Кор., 112.

При глаголе *рядиться*:

Она же взорами сердцам творит изъян, *Богиней рядится* и носит хвост в три пяди. Богд., Душ.

Второй именительный при глаголах выявления продолжал изредка встречаться и в произведениях XIX в.

При глаголе *считаться*:

Я *грубиян считаюсь:* за что ж он меня держит? Остр., Гроза, 1. У кажного капиталу может тысяч пятьдесят есть, а все *хресьяне считаются.* Слепцов, Отр. из дор. зам.

При глаголе *казаться*:

Хозяин, родом яицкий казак, *казался мужик* лет шестидесяти. Пушк., Кап. д., II.

Еще более редко отмечается второй именительный при глаголах выявления в произведениях современной литературы.

Приведем пример:

Министр электропромышленности *оказался* такой *внимательный,* просто на редкость *приятный человек.* Баб., Кав. Зол. зв.

В произведениях современной литературы при глаголах выявления засвидетельствован творительный предикативный.

При глаголе *являться.* Примеры с подлежащим, обозначающим одушевленные предметы:

Дружинин знал, что Гаврик *является* коренным *одесситом...* Кат., За вл. сов. Это был равнобедренный треугольник, в котором Травкин *являлся центром основания,* а Аликанов — *вершиной.* Каз., Зв.

Примеры с подлежащим, обозначающим неодушевленные предметы:

Для него единственной *реальностью являлись* квадраты двухкилометровки... Грос., Нар. бес. Первый же вражеский фонарь во владениях Гаврика *явится* отличной *мишенью.* Кат., За вл. сов.

При глаголе *считаться.* Примеры с подлежащим, обозначающим одушевленные предметы:

Ведь восхищал он всегда туляков-оружейников сметкой и неукротимой трудовой силой, ведь *считался* он в деревне первым *косарем.* Грос., Нар. бес. Недаром же он всегда *считался счастливчиком,* везучим. Кат., За вл. сов. У него были две медали, и он *считался человеком справедливым, рассудительным.* Павл., Степ. сол.

Примеры с подлежащим, обозначающим неодушевленные предметы:

Зала хотя и *считалась агитпунктом* и была предназначена для собраний, но внешним своим видом напоминала аудиторию агрономического техникума. Баб., Кав. Зол. зв. Разве он забыл, что рождение девочки *считается удачей* только наполовину? Сем., Ал. ух.

При глаголе *казаться.* Примеры с подлежащим, обозначающим одушевленные предметы:

В этом шлеме он *казался* былинным *богатырем.* Сем., Ал. ух. Эти две пожилые женщины *казались сестрами.* Кат., За вл. сов. Ветер свирепо свистел ему в лицо, а кони *казались птицами.* Каз., Зв.

Примеры с подлежащим, обозначающим неодушевленные предметы:

Он смотрел долго, и теперь город, укрытый жаркой дымкой, почему-то *казался* ему белой *птицей,* плывущей по синему

простору. Баб., Кав. Зол. зв. Мешки росли и *казались* настоящими живыми *тюленями* с ластами, только без головы. Сем., Ал. ух. Действия полка были направлены именно к этой цели, а поэтому приказ, отданный полку, *казался* Казакову его собственным *приказом*. Гонч., Зл. Пр.

При глаголе *оказаться*. Примеры с подлежащим, обозначающим одушевленные предметы:

Хозяева машин, энергичные, симпатичные юноши, *оказались участниками* прежнего восстания. Гонч., Зл. Пр. Какая-то Анка *оказалась* у них *агитатором*. Павл., Степ. сол. Фатых-то *оказался дурным человеком*. Перв., Честь смол.

При глаголе *показаться*. Примеры с подлежащим, обозначающим одушевленные предметы:

Вдруг я *покажусь* себе таким ничтожным *мальчишкой, заморышем*. Перв., Честь смол. Пусть он *покажется* им страшным кошмарным *сном* и только! Мал., От вс. серд.

Примеры с подлежащим, обозначающим неодушевленные предметы.

Появление русского начальника, о котором накануне говорил Айе, *показалось* им *сновидением*. Сем., Ал. ух.

Ср. «Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, *показалась* мне тяжким *несчастьем*». Пушк., Кап. д. «Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая *показалась* мне *верхом* поваренного искусства». Пушк., Пут. в Арз.

При глаголе *представляться*. Примеры с подлежащим, обозначающим неодушевленные предметы:

Дофиновка *представлялась* тонущим горящим *кораблем*, раскачивающимся на длинных волнах зыби, как змеиная чешуя. Кат., За вл. сов. Кубань *представлялась* мне просторной *степью*. Перв., Честь смол. Поездка *представлялась* им красивой *прогулкой* в горах. Баб., Кав. Зол. зв.

§ 46. При глаголах н а з ы в а н и я творительный предикативный в памятниках XVII в. был представлен шире, чем второй именительный.

Примеры с творительным предикативным:

За то от умных *вороном прозовется*. Орач., 107. Кормился идучи по болотом... *назывался незнаемым крестьянином*. Ерш., 151. То от премудрых *мышью наречется*. Орач., 107. А Гришка въ Гощеѣ у него и зимовалъ... и *сказался* князю Адаму *царевичемъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ Углецкимъ*. Ин. сказ., 22. По умертвии же Борисовѣ на Московскомъ царствѣ *назвася государемъ* сынъ его Феодоръ. Ин. сказ., 39. Ты смел еси *назватися цесарем*. Рим. д. И впредь тем всем людем, которые взяты будут за государя, ни за каво в заклатчики не запи-

сыватися, и ни чьими крестьяны и *людьми* не *называтися.* Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 41. В казачьих списках он, Титко, чьим *человеком писался.* Яков., Хол. в Моск. г-де, 332.

Примеры со вторым именительным:

Есть на небеси пять звезд заблудных, еже *именуются луны.* Авв., Жит., 66. Я грешница аще и *духовница нарицаюся,* а по вся посты в году каюся. Кур. лис., 218. Не впрямь вы еще на Руси *богатыри* святорусския *нарицаетес.* Азов. сид., 132, 2-я ред. Пришел он, ерш, с Кубенского езера, прошался у меня начевать на одну нощ, а *сказывался крестьянин человек добрый,* а иду де мимо ваш дом. Ерш, 154.

При инфинитиве от глаголов называния, сочетавшимся с глаголами долженствования, возможности и желания, отмечен второй именительный:

Цесарь тот (=цесарем тем) *может нарещися* всяк человек. Рим. д. Истинно *богиня* некая еврейская та *нарещися может.* Сим. Пол., Юдифь. Несмь бо *достоин сын* твой *нарещися.* Сим. Пол., 450. *Не смею нарещися богомолец* твой. Авв., Чел. Фед. Ал., 299. Ср. творительный предикативный: Но и *дворянином назватися* не буду *достоин*! Ист. Ал. рос., 130.

Употребление второго именительного в указанных контактах следует квалифицировать в качестве литературно-книжной традиции.

В произведениях XVIII в. второй именительный при глаголах называния продолжал употребляться широко, особенно в научных стилях речи, которые более устойчиво хранили традиции литературной речи прошлого.

Второй именительный при глаголе *называться, зваться*:

Изображения словесныя вещей *называются Имена.* Ломон., Рос. грам., 28. И поехалъ в одну землю, которая *называется Роскошь.* Тред., Езда в ост. любви, 151. Те, которые ниже прапорщиковъ свое место имеють, *называютца ундеръ офицеры.* Другие же... *называютца оберъ офицеры.* Офицеры... от маеора до полковника *называютца штап офицеры.* Артик. воин. 1715 г.

Примеры второго именительного при глаголах *называться, зваться* могут быть отмечены и в художественных произведениях:

Короче я скажу: меньшая царска дочь,
О коей многие вздыхали день и ночь,
У Греков потому *Психея называлась.*
В языках же других, при переводе слов,
Звалась она *Душа,* и толку мудрецов,
А после, в повестях старинных знатоков,
У русских *Душенька* она *именовалась.* Богд. Душ.
А *зовется он рыба сельд.* Ерш.

Второй именительный при глаголе *именоваться.* Большинство примеров в именной части сказуемого содержит абстрактные имена существительные, так или иначе характеризующие субъект:

...сие *имянуется домоводство...* Разг., 83, л. 84 об., л. 86 об. Чертежъ у живописцовъ... *именуется начертание* намеренной работы. Лекс. Р., 92.

Во втором именительном могут употребляться названия лиц:

И паки, в немецком языке извощикъ *имянуется* въ единственном *фурманъ*, во множественном фурлейте, а телега вагенъ. Письмо Т. к. Т., л. 94—97, 88.

Однако в целом творительный предикативный при глаголах называния в произведениях XVIII в. употреблялся более часто, чем второй именительный.

Творительный предикативный падеж при глаголе *называться*:

Огонь, который въ уверенной своей силе теплотою *называется.* Ломон., Из слова, 272. Епанча изъ шолковой парчи... которую сверхъ всего платья архиереи надевают, обыкновенно *мантиею называется.* Кант., Пр. сат., 135, 123.

Многочисленны примеры, в которых именная часть сказуемого характеризует субъект по роду его деятельности:

Ученые люди фигурально *парнасскими жительми называются.* Кант., Пр. сат., 20, 119. Я могу *назваться* первымъ *примечателемъ.* Тат., Разг., ч. III, § 322, 192. Многие испытатели не желали себе почтеннѣйшего именования, какъ *философами... назваться.* Ломон., Из слова, 272.

При глаголе *писаться*:

Дьяку Гаврилу Окункову велѣно быть при управлении сенатских дел и *писатца секретаремъ.* Акты Петра I, 246. Или что он *писался царем* всея России. Рад., Пут., Новг.

При глаголе *почесться*:

Тогда владыка народов *почтется* простым *гражданином,* и общество узрит свою кончину. Рад., Пут., Зайц.

В современном русском языке при глаголе *зваться* второй именительный имеет значение независимого названия или прозвища, как падеж несогласуемый. Согласуемый же второй именительный вытеснен в современном русском языке творительным предикативным. «После глагола среднего или страдательного, — говорит Потебня, — разница между таким независимым именительным названия и именительным, согласуемым в древнем языке, не может быть выражена иначе, как тоном живой речи и кавычками на письме: нарекошася Чеси (именит. в сказуемом) и нарекошася «Чеси» (именит. независимый). В новом русском на месте согласуемого именит. — тво-

рительный (назвались чехами), а независимый пад. остается: назвались „чехи...”» [1].

Следовательно, поскольку второй именительный при глаголах называния употребляется в предикативной функции, постольку он заменяется творительным предикативным; поскольку второй именительный удерживает значение именительного прозвища или названия, постольку он не вытесняется творительным предикативным. Например:

Была та же самая бухточка, был тот же самый камень, был даже тот самый Петя; правда, он теперь назывался Петром Васильевичем, вернее *«мужичок»,* но все же это был именно он. Кат., За вл. сов. Петя уже знал, что креветки *называются «рачки».* Там же. Этот стиль *называется кроль.* Некрас., В окоп. Стал. Чарли мне сказал: такое ружье *называется «саваджж»,* и оно всегда бьет без промаха. Сем., Ал. ух.

Второй именительный согласованный отмечен в специфической для него конструкции, в которой подлежащее выражено указательным местоимением:

И это *называется* казачий *обычай.* Баб., Кав. Зол. зв. Это *называется трусость и дезертирство.* Кат., За вл. сов.

На месте второго именительного согласованного употребляется творительный предикативный. При подлежащем, выраженном указательным местоимением:

Это у него *называется выходом* из трудного положения. Баб., Кав. Зол. зв.

При подлежащем, обозначающем неодушевленные предметы:

Некогда весь юг Украины, то, что раньше *называлось Малороссией,* было дном моря. Кат., За вл. сов. Эти скалы и *назывались черными парусами.* Перв., Честь смол. Этот процесс *называется творчеством.* Грос., Нар. бес.

При подлежащем, обозначающем одушевленные предметы:

Вот такие люди, которые борются за правду, за справедливую жизнь, *коммунистами называются.* Сем., Ал. ух.

С глаголом *зваться* отмечен также творительный предикативный имен существительных:

Тот утес *Сталинградом зовется.* Перв., Честь смол.

§ 47. При глаголах пребывания в памятниках XVII — XVIII вв. господствовал творительный предикативный падеж:

Которая тепер(ь) *находится* при нашем дворе мнимою *фрелиною.* Ист. кор. Ар., 95.

Бывала Душенька веселостей *душою,*

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 180.

Бывала Душенька большою *госпожею*. Богд., Душ. Великолепные оных остатки *служат убежищем* блеющему скоту. Рад., Пут., Новг.

Однако в отдельных фразеологических сочетаниях второй именительный продолжал употребляться, например:

С истиннымъ преданством и высокопочитанием *пребываю* Вашего Превосходительства всепокорно послушной *слуга*. Кант., Письмо, 175. *Остаюсь* верный неотменный до гроба непременный ко услугамъ готовъ к послушанию скоры всегдашни *слуга*. Ист. Ал. рос., в. I, 242. Я *бывал*, так сказать, весь *внимание*. Дмит., Взг. на м. ж., 93.

Рядом творительный предикативный:

Кажется ни батюшка, ни дедушка *пьяницами не бывали*. Пушк., Кап. д.

При глаголах движения второй именительный в памятниках XVII в. уже не отмечается:

Полетѣл молодец ясным *соколом*, — а горе за ним бѣлым кречатом; молодец *полетѣл* сизым *голубем*, — а горе за ним сѣрым ястребом; молодец *пошел* в поле сѣрым *волком*, а горе за ним з борзыми вѣжлецы. О гр. зл., 12. *Пошел* молодец в море рыбою. Там же. Седмь лет *быком походил* по дубраве. Авв., Кн. Толк., 239. Лучче бы смерть принял, нежели *уродом ходил*. Азб. гол., 24.

Творительный падеж при глаголах движения и пребывания может иметь значение образа действия и значение предикативное. Последнее он имеет только в том случае, если глагол движения выполняет две функции — функцию сказуемого и функцию связки; например, в предложении *Он пошел в Советскую Армию неграмотным, а пришел офицером* глагол *пришел* имеет не только функцию сказуемого (действие прихода), но и принимает на себя также функцию вспомогательного глагола преобразования: *пришел, став офицером;* в предложении *Он служит бухгалтером* глагол *служит* (факт службы) имеет не только функцию сказуемого, но и принимает на себя также и функцию вспомогательного глагола бытия: *служит, будучи бухгалтером*. В предложении *Он сидел два года председателем* — глагол *сидел* имеет не только функцию сказуемого (факт отправления службы), но принимает на себя и функцию вспомогательного глагола выявления: *сидел, являясь председателем.*

Творительный предикативный может иметь место при ряде глаголов пребывания и движения.

При глаголе *состоять*:

Членом этого колхоза *состоит* мой отец, а стало быть, и я!. Баб., Кав. Зол. зв. Помимо крупного научного значения, которое могли иметь эти заметки для кружка юных натурали-

стов, *вице-президентом* которого состоял Петя, в них еще была... Кат., За вл. сов.

При глаголе *работать*:

Сережа, он хочет, чтобы я *работала диспетчером* на *гидростанции,* и взялся меня обучить. Баб., Кав. Зол. зв. У Лелюкова *работал начальником штаба* известный мне Кожанов, бригадой командовал Семилетов. Перв., Честь смол. Ниловна, пожилая женщина, *работала* на «Совете» *судомойкой,* но по просьбе Лося капитан списал ее на берег. Сем., Ал. ух.

При глаголе *служить*:

Наш гость *слу́жил минером* на миноносце «Керчь». Перв., Честь смол.

Ср. у Тургенева: «Дядя мой у него *дворецким служил»*. Однод. Овсян.; у Герцена: «Свирепые наказания мальчиков 16, 17 лет *служили* грозным *уроком* и своего рода закалом». Б. и д.; у Л. Толстого: *«Доказательством тому служит* то, что большинство голосов на совете было подано в этом смысле и, главное, известный разговор после совета главнокомандующего с Ланским, заведывавшим провиантскою частью». В. и М.

При глаголе *жить, прожить, зажить*:

И завтра ей предстояло сесть на подводу среди узлов с торопливо собранным скарбом, покинуть дом, где *прожила хозяйкой* пятьдесят лет, где растила детей, куда приехал к ней тихий, понятливый, жалостливый внучек. Грос., Нар. бес.

Ср. у Крылова: «Чай в селах, говорят, *живет* она *царицей»*. Под. и Паук.; у Тургенева: «Со всем тем Михалевич не унывал и *жил* себе *циником, идеалистом, поэтом»*. Двор. гн.

При глаголе *держаться*:

Витька *держался вожаком.* Перв., Честь смол.

Ср. у Тургенева: «И более чем когда-либо *держался англоманом, брюзгой и государственным человеком»*. Двор. гн.

При глаголе *находиться*:

Отец Варвары Павловны... *находился,* по бедности, *адъютантом* при двух-трех невзрачных генералах. Тург., Двор. гн.

При глаголе *сидеть*:

У него племянник в барской конторе *сидит конторщиком.* Тург., Льгов. Мужик он был умный, бывалый... и лет двадцать *сидел старостой* небольшой оброчной деревеньки. Герц., Б. и д. И в заключение всего, *кучером сидел* уродливый Гаврилыч. Писем., Тыс. душ.

При глаголе *остаться*:

Теперь я вижу, что ты *остался настоящим человеком* земли. Сем., Ал. ух. За время своего отсутствия товарищ Дружинин приказал мне передать вам, что вы *остаетесь* здесь *заместителем.* Кат., За вл. сов. И мечты твои так и *останутся* беспочвенными *мечтами.* Там же.

В произведениях XIX в. при глаголе *остаться* зафиксирован и второй именительный; ср. у Чернышевского: «Анна Петровна и теперь осталась дама видная». Что дел.

При глаголе *оставаться*:

Прославленный разведчик Травкин *оставался* тем же тихим и скромным *юношей*, каким был при их первой встрече. Баб., Кав. Зол. зв. Он все еще *оставался мальчиком*, а она уже сделалась невестой другого. Кат., За вл. сов.

При глаголе *идти*:

Но так как Валя была старше Пети на два класса, всегда *шла отличницей*, и обладала прекрасной памятью... Кат., За вл. сов.

Ср. у Пушкина: «Я *вошел невидимкой*». Пут. в Арз.

При глаголах *вернуться, возвратиться*:

Вернулся Сергей в свой батальон *командиром* танка. Баб., Кав. Зол. зв. За время пребывания в армии Казаков вступил в партию и теперь *возвращался коммунистом*. Сем., Ал. ух.

Ср. у Дмитриева: «Он *возвратился* в новом чине статского советника и *кавалером ордена* святой Анны первого класса». Взгл. на м. ж., 144.; у Тургенева: «Иван Петрович *вернулся* в Россию *англоманом*». Двор. гн.

При глаголе *приезжать*:

В прошлом году он *приезжал юнкером* в Москву. Герц., Б. и д.

При глаголе *расстаться*:

Мы *расстались* большими *приятелями*. Пушк., Пут. в Арз.

При глаголе *встать*:

И мы *встали* из-за стола совершенными *приятелями*. Пушк., Кап. д.

Творительный предикативный находим при ряде глаголов действия, которые, кроме своего прямого значения, одновременно выполняют функцию вспомогательного глагола выявления или преобразования.

При глаголе *погибать*:

Он *погиб* под кинжалом персиан *жертвой* невежества и вероломства. Пушк., Пут. в Арз.

При глаголе *расписаться*:

Что ж, он *невидимкой расписался*, что ли? Чехов, Тайна.

При глаголе *смотреть*:

Он *смотрел победителем*. Кат., За вл. сов.

Ср. у Писемского: «*Аспидом посмотрел* ему вслед чиновник». Тыс. душ.; у Тургенева: «Он вообще *смотрел чудаком*». Ерм. и мельн.

В ряде случаев глаголы действия, кроме своего прямого значения, выполняют еще функцию вспомогательного глагола, указывающего на тождество сказуемого с подлежащим. При

таких глаголах действия сохраняется второй именительный падеж.

Примеры с глаголом *дался*:

Что я вам *дурак,* что ли, *дался*? Пис. Ипох. Что я вам как *пешка дался*: то ступай, то не езди. Сух.-Коб., Св. Креч. Что я тебе *мальчик дался* за виски драть? Толст., Вл. тьмы.

Примеры с глаголом *достаться*:

Ну, только Мавра-то, кажется, не пойдет: не *девочка* она вам *досталась* ходить, — ответила сиделка (сама про себя). Слепцов, Сц. в больн. Погоди, не такую дуру нашел: я не *раба* тебе *досталась!* Гонч., Слуги ст. в., III.

Примеры с глаголом *выходить*:

А кто ж *барин-то выходит теперь?* — вопросил, едва выговаривая слова, дьякон. Леск., Соб.

Глава IV

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРЕХ ФОРМ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО

§ 48. Имя прилагательное, как и имя существительное, может выступать в функции сказуемого. Во всех таких предложениях, как *он добрый, он добр, он был добрый, он был добр, он будет добр* — сказуемым является имя прилагательное.

Современный русский язык знает три формы имени прилагательного в сказуемом: 1) именную, например: «Лица совещавшихся были *бледны* и *взволнованы»*, Толстой, В. и М.; 2) местоименную во втором именительном падеже, например: «Ночь была *тихая и свежая»*. Толст., В. и М.; 3) местоименную в творительном предикативном падеже, например: «Был я *молодым, горячим, искренним, неглупым»*. Чехов, Иванов.

В древнем языке употреблялась в функции сказуемого одна форма имени прилагательного — именная. Она была единственной формой имени прилагательного в функции сказуемого, и в качестве атрибута она выражала предикативный признак не как состояние субъекта, а как характерное для субъекта свойство вообще в данное время: выражение «она добра» означало тогда то же, что теперь означает выражение «она добрая». В последующей истории в функции сказуемого стали употребляться и местоименные формы имен прилагательных: *она хорошая, счастливая* и т. п. В более позднее время развился творительный предикативный имен прилагательных в функции сказуемого: *он стал хромым, он был первым* и т. п.

Чем объяснить возникновение и распространение употребления местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого?

Известно, что имена существительные и имена прилагательные в именной форме в генезисе восходят к одному архетипу, что употребление такого архетипного слова как имени существительного или как имени прилагательного зависело от синтаксических условий; то, что в одних условиях являлось именем существительным, в других условиях могло являться именем прилагательным. С выработкой и оформлением грамматической категории определения и определяемого начинают функционировать так называемые местоименные формы имен прилагательных, которые получили специфическую функцию быть определением к определяемому.

Таким образом, местоименные формы имен прилагательных стали формой атрибутивного признака предмета, а именные формы имен прилагательных стали формой предикативного признака субъекта. Это имело в языке далеко идущие последствия. Во-первых, были утрачены формы косвенных падежей именных прилагательных; во-вторых, именительный падеж именных прилагательных утратил атрибутивные свойства и приобрел свойство выражать состояние субъекта: если раньше выражение «есть была добра» означало то же, что в настоящее время означает выражение «она была добрая», т. е. означало существование в прошлом субъекта с данным предикативным признаком, то теперь оно стало обозначать определенное состояние субъекта в прошедшем времени.

По мере утраты именными формами имен прилагательных атрибутивных свойств и по мере переосмысления их в форму выражения состояния субъекта нарастала потребность привлечения местоименных форм имен прилагательных к участию в функции сказуемого для образования синтаксических конструкций, которые могли бы обозначать существование субъекта с данным предикатом в определенное время.

В современном русском языке четко дифференцировалось противоположение предикативного признака субъекта в качестве состояния субъекта в определенное время, например *она хороша (красива), она была хороша (красива)*, и в качестве его атрибута как такового, например *она хорошая (добрая), она была хорошая.*

Грамматическое различие между синтаксическими конструкциями, имеющими в функции сказуемого местоименную форму и именную форму имени прилагательного, весьма существенно. Оно состоит в том, что имя прилагательное в функции сказуемого в именной форме выражает предикативный признак как состояние субъекта в определенное время при определенных обстоятельствах, например *он добр*, а имя прилагательное в функции сказуемого в местоименной форме выражает предикативный признак как свойство, характерное для

субъекта вообще, почему оно и может быть выражено как его определение, например *он добрый.*

Дифференцировались и функции связки при именных и местоименных формах имен прилагательных: связка при именных формах имен прилагательных стала указывать время, к которому относится данное состояние в существовании субъекта: *она хороша (красива)* — теперь, в настоящее время ее существования; *она была хороша (красива)* — в прошлом, в прошедшем времени ее существования; *она будет хороша (красива)* — когда будет в театре, когда будет в бальном платье, т. е. в ее предстоящем существовании.

Связка при местоименных формах имен прилагательных стала указывать время существования субъекта с данным атрибутом в сказуемом: *она хорошая (добрая)* стало обозначать наличие субъекта с данным свойством в настоящее время; *она была хорошая (добрая)* стало обозначать наличие того же субъекта с тем же свойством в прошедшем времени и т. п.

Выражение «она стала хороша» предполагает, что теперь или после она стала не такова; выражение «она была хорошая» не предполагает ни того, какова она теперь, ни того, существует ли она вообще теперь.

Обозначая предикативный признак как атрибут субъекта, местоименные имена прилагательные тем самым придают особый характер категории времени сказуемого соответствующих предложений; эти последние, таким образом, обозначают существование субъекта с определенным свойством в настоящем, будущем или прошедшем времени, а не принадлежность предиката субъекту в настоящем, прошедшем или будущем времени.

Предложение *Она была добрая* утверждает не факт принадлежности субъекту его предиката в прошедшем времени, а факт существования субъекта с его предикатом в прошедшем времени, предложение *Она была добра* обозначает не факт существования субъекта с его предикатом в прошедшем времени, а факт принадлежности субъекту его предиката в прошедшем, а не в настоящем времени.

Предложение *Она добрая* утверждает не факт принадлежности субъекту его предиката в настоящее время, а факт существования субъекта с его предикатом в настоящее время; предложение *Она добра* утверждает не факт существования субъекта с его предикатом в настоящее время, а факт принадлежности субъекту его предиката в настоящее время, а не в прошедшее или будущее время.

Вот характерные иллюстрации этого явления из литературных произведений. Примеры с именными формами имен прилагательных в функции сказуемого.

Кто проклял тебя, Илья? Что ты сделал? Ты *добр, умен, нежен, благороден...* и гибнешь! Гонч., Обломов. Он был чрезвычайно *опытен* в делах. Герц., Кто вин. Славный был малый, смею вас уверить, только немножко *странен.* Лерм., Герой н. в. Сильвио был слишком *умен* и *опытен.* Пушк., Пов. Белк. Егорушка был не по-детски *серьезен.* Помял., Мещ. сч.

Примеры с местоименной формой имен прилагательных в функции сказуемого:

Еще я халат вам достала из чулана ,— продолжала она, — материя такая *славная*! Гонч., Обломов. Погода *славная*, сеном и сухой земляникой пахнет. Тург., Накануне. Погода будет *славная.* Тург., Зап. ох. Обед был *славный.* Пушк., Пов. Белк.

По свойствам категории времени конструкции с местоименными формами имен прилагательных в сказуемом совпадают с конструкциями, имеющими в сказуемом имя существительное, а конструкции с именными формами имен прилагательных в сказуемом совпадают с конструкциями, имеющими в сказуемом глагол.

В конструкциях «он был *добрый*» и «он был *добряк*» одинаково указывается на существование в прошлом данного субъекта с данным предикатом. Разница между этими конструкциями заключается не в характере грамматической категории времени, а в характере предикативного признака субъекта: одна конструкция выражает данный предикативный признак как атрибут субъекта (*он добрый*), а вторая — как предмет, тождественный в определенном отношении с данным субъектом (*он добряк*).

В конструкциях «он был умен» и «он поумнел» одинаково указывается на принадлежность данному субъекту данного предикативного признака в прошедшем времени. Разница между этими конструкциями заключается не в характере грамматической категории времени, а в характере предикативного признака субъекта; одна конструкция выражает данный предикативный признак как состояние субъекта в данное время, а другая — как его деятельность в то же время.

§ 49. В связи с расширением употребления членных имен прилагательных в сказуемом стоит развитие творительного предикативного за счет второго именительного имен прилагательных.

Творительный предикативный имен прилагательных исторически развился на месте былого второго именительного; исконным и первичным в предикате является именительный падеж имен прилагательных.

По свидетельству Потебни, «в древних славян. наречиях прилагательное в именительном при *есмь* и пр. в большинстве

случаев стоит в бесчленной форме: Да видящеи *слѣпи* бѫдѫть. Остр. ев. Иоан., 9, 39)» [1].

По свидетельству акад. Обнорского, в Синодальном списке «Русской Правды» прилагательное в нечленной форме обязательно, если оно служит частью предиката, при этом безразлично, будет ли в составе предиката глагол связочного типа (кто будеть *виноватъ*. 269, 620, 765, 1129; аже кто многымъ *долженъ* будеть 778; аже будуть въ дому дѣти *малы*. 1070; зане суть не *свободьни*. 442), или иной глагол реального значения (оже придеть *кръвавъ мужь*... или *синь*. 201, 202, 203, 204, бьють ли не смысля *пьянъ* без вины... 858) [2]. Само собой понятно, что творительный предикативный имен прилагательных в этом памятнике не имеет места, поскольку в нем не употребляются членные имена прилагательные в функции сказуемого.

То же самое мы находим в Лаврентьевском списке летописи, в котором имя прилагательное в функции сказуемого «обыкновенно употребляется в краткой форме; которое согласуется с подлежащим в роде, числе и именительном падеже. «Совлокуться и будуть *нази*. л. 3 об.; Азъ *погана* есмь. л. 17 об.; Бѣ *несытъ* блуда. л. 25 об.; Бѣ бо Болеславъ *великъ* и *тяжекъ* яко и на кони не могы сѣдѣти. л. 48 об.; Бѣ мятежь *великъ* и голодъ по всеи тои странѣ. л. 50; Бѣ гроза *велика* и сѣча *силна* и *страшна*. л. 50 об.». [3]

Само собою понятно, что и в этом памятнике творительный предикативный имен прилагательных не имеет места, поскольку в нем также не употребляются членные имена прилагательные в функции сказуемого [4].

То же самое мы находим в Синодальном списке 1 Новгородской летописи. Творительный предикативный имен прилагательных в этом списке не встречается; в функции сказуемого употребляются нечленные формы имен прилагательных.

По свидетельству Потебни, «в древнейших летописных русск. сборниках (Новг. I, Лавр. Ип.) творит. предикативн. прилагательных даже в тех случаях, где твор. существительных обычен, составляет еще большую редкость: «куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите уне ина, и болѣ же чтите гость... ти бо мимоходячи прославять человѣка любо

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 149.

[2] Акад. С. П. Обнорский. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка. Известия АН СССР, ООН, 1934, № 10, стр. 761.

[3] Акад. Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, 1929, стр. 20.

[4] А. А. Потебня («Из зап. по русск. грам.», стр. 517) привел один пример творительного предикативного из Лаврентьевской летописи.

добрымъ любо *злымъ* Лавр., 102. В ст. сл. примеров мне неизвестно»[1]. Приведенный здесь Потебнею пример не относится к изучаемому вопросу, так как в нем творительный предикативный на месте второго винительного. Другого материала относительно развития творительного предикативного в древних русских памятниках Потебня не приводит.

Задача дальнейшего изложения состоит в том, чтобы проследить по древнерусским памятникам взаимоотношение между членными и нечленными формами имен прилагательных в сказуемом, с одной стороны, и, с другой, — взаимоотношение между вторым именительным падежом членных имен прилагательных и творительным предикативным этих же прилагательных.

Как сказано выше, в древнейших русских памятниках засвидетельствован в предикате исключительно именительный падеж имен прилагательных большею частью в нечленной форме.

Рассмотрим синтаксические конструкции с именем прилагательным в функции сказуемого в зависимости от характера глаголов, принимавших участие в образовании этих именных предложений.

§ 50. Имена прилагательные в функции сказуемого при глаголах бытия, т. е. при глаголах *есть* (а также в отсутствии *есть*), *былъ, бѣ, бѣхъ, будеть* и т. п.

Имена прилагательные в именной форме в отсутствии связки настоящего времени:

Благословена ты (в женах) Рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Лавр. л., 59. Мы *недужи* противу вамъ стати. Лавр. л., 68. Рече Давыдъ: мужь въ крови *льстивъ* не приповить дний своихъ. Лавр. л., 75. Яко стрѣлы твоя уньзоша во мнѣ, яко азъ на раны *готовъ*, и болѣзнь моя предо мною есть. Лавр. л., 130. Паволока бо испещренна многими шелки красно лице являетъ. тако и князь многими людьми *честенъ* и *славенъ* по всѣмъ землямъ. Сл. Д. Зат., 12. Еще мѣсто то *тѣсно* межи Доном и Мечею. Сказ. Мам. поб., 43.

Имена прилагательные в именной форме при связке настоящего времени:

А оже будуть холопи татье любо княжи, любо боярьстии, любо черньчи, ихъ же князь продажею не казнить, зане *суть не свободьни*, то двоици платити истьчю за обиду. П. Р., Син. сп., 619 об. Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и *едина харатья есть* у царства нашего. Лавр. л., 51. Ркоша Деревляни (Ольге)... мужа твоего оубихомъ. бяшеть бо мужь

---

[1] А. А. Потребня. Из аписок по русской грамматике, стр. 516—517.

твоп яко волкъ... а наши князи *добри суть*... Ип. л., т. II, в. 1, 45. Царь бо, не имый войска и сокровища, ничимъ же *разнъ есть* от поселянъ. Никон. л., 112. Противу величьству мышца твоея кто равниться. ты *всемощенъ еси*. Сузд. л., Лавр. сп., 357. Зане князь *щедръ* отецъ *есть* всѣмъ: слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Сл. Д. Зат., 17. Мы мнимъ, яко *живъ есть,* уязвленъ велми, егда въ трупи мертвыхъ будетъ. Сказ. Мам. поб., 46.

Из связочных форм прошедшего времени в сочетании с именными формами имен прилагательных были наиболее употребительными *бысть, бѣ*, менее употребительными — *бѣше, быша, бяше* и *былъ.*

Примеры со связкой *бысть*:

Бысть в Новѣгородѣ голод *золъ* велми. Пск. I л., Тихан. сп., 11. И *бысть* радость *велика* вездѣ. Пск. I л., Тихан, сп., 9. Исаку... роди два сна. Исава. и Якова. Исавъ же *быс лукавъ*. а Яков правдивъ. Ип. л., т. II, в. 1, 80. Посла князь Андрѣй сна своего Мстислава на Болгары. и Муромскыи княз сна своего... *быс не любъ* путь всѣм людем симъ. Сузд. л., Лавр. сп., 364. *Быс* же сь мужь *молчаливъ... смѣрен* же и *кротокъ,* рѣчью и дѣломъ... Сузд. л., Лавр. сп., 391. Михаилъ митрополитъ Киевский и всеа Руси. *Бысть* же сей митрополитъ *учителенъ* зѣло, и *премудръ* премного. Никон. л., 57. *Бысть* святая плоть та *нетлѣнна, безсмертна, безстрастна,* а не и несозданна и неописуема. М. Грек, 72. Царь Казанский *веселъ бысть* и *невеселъ*, чуяша бо сердце его, и по сномъ разсужаше себѣ, и по всему познаваше взяту быти граду. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 151.

Примеры со связкой *бѣ*:

Бѣ же Глѣбъ *милостивъ* убогымъ. Лавр. л., 193. Языкъ Словѣньскыи *бѣ* имъ (славянским племенам) *единъ*. Ип. л., т. II, в. 1, 22. Князю Стославу възрастьшю. и възмужавшю. нача воя съвокупляти. многы и храбры. *бѣ* бо и самъ *хоробръ* и *легокъ*. Ип. л., т. II, в. 1, 53. Братъ именемь Матфѣи тои *бѣ* *прозорливъ*. Ип. л., т. II, в. 1, 179. Бѣжащимъ имъ (Ольговичам) чресъ Рутъ. много дружины потопе въ Руту. *бѣ* бо *грязокъ*. Сузд. л., Лавр. сп., 334. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, *бѣ* бо *превеликъ* зѣло и *страшенъ*. Лет. Нестора, 54. *Бѣ* бо Ярославъ, якоже и отецъ его, *христолюбивъ,* и *нищелюбивъ*. Никон. л., 75. И *бѣ* тои Александръ (князь) *силенъ* и *славенъ* въ Руси и во многихъ странахъ. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 4.

Примеры со связками *бѣша, бяше, быша*:

Бяху мужи *мудри* и *смыслени,* и нарицахуся Поляне. Лет. Нестора, 4. И прииде Стополкъ Кыеву съ Давыдомъ и радѣ быша людье вси токмо дияволъ *печаленъ бяше* о любви сѣи. Ип. л., т. II, в. 1, 229. На ту зиму (1222) выиде князь Всеволодъ из Новагорода. Новогородци же *печални быша*. Сузд. л.,

сп. Ак., 503. И поиде Изяславъ къ Киеву. Пришедшу же ему, и *ради быша* людие. Воскр. л., 46.

Примеры со связкой *был*:

Сама бы государыня всегда была устроена во всякомъ обоходѣ, таковы бы у нея и слуги *были вѣжливы*, по прежеписанному. Дом., 84. Стѣны же вавилонстии *превысоки* и *превелики были*. М. Грек, 45. А гостю бы нашему по вашей земли путь бы *был чистъ*, а от лихихъ бы людѣи на пути пакости имъ не было... Пам. ист. вел. Новг.

Второй именительный имен прилагательных при сочетаниях глагола с инфинитивом *быть* в древнерусском имел место в тех случаях, в каких употреблялся второй именительный имен существительных; ср.: хочеть *быти цѣлъ* — хочеть *быти послухъ*; хочеть *быти мудръ* — мьнитися быти *мудрьць* и т. п. Примеры:

Быти добръ тъщашеся, XI в. Будил. 33. Хошеши *цѣлъ быти*. Остр. ев., Ио., V, 6. Кто убо отъ тѣхъ трии *ближьнии* мьниться *быти* въпадшууму въ разбоиникы. Остр. ев., Ак., X, 36 (здесь имя прилагательное *ближьнии* имеет членную форму). Да взыскуемъ же паче, аще весьма желаемъ *мудри быти* предъ Богомъ, а не предъ человѣки... М. Грек, 273.

Ср. при инфинитиве от других глаголов:

А человѣкъ *золъ* ни креста *ся боить*. Лавр. л., 132. Како домъ украсити образы и храмы *чистъ имѣти*. Дом. Яковл., 24.

Для отнесения предикативного признака к будущему времени употреблялась связка *буду*:

А матери которыи сынъ *будеть добръ*, тому же дасть свое (часть наследства отца). П. Р. Син. сп., л. 622 об. Кто *будеть виноватъ*, на того татба снидеть... П. Р. Тр., л. 334. Совлокуться и *будуть нази*. Лавр. л., л. 3 об. Рече ему (Святополку) Володимеръ. то ти брате велико добро створиши Русьскои земьли. и посласта къ Двдви и к Олгови глща. поидита на Половци. а любо *будемь живи* любо *мртви*. Ип. л., т. II, в. 1, 250. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду глаголя: «аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, *противенъ мнѣ да будеть*». Лет. Нестора, 52. Ащели *буду богатъ* гордость восприиму аще ли *буду убогъ* помышляю на татьбу и на разбои. Сл. Д. Зат., 9. А *будет* ищеа *виноват*, и ему (наместнику) имати на ищее с рубля по тому же... Судеб. 1550 г., § 62, 161.

Второй именительный именных форм прилагательных отмечен при повелительной форме *буди*:

Праведенъ буди и *истенъ* и *смиренъ*; *умиленъ* къ Богу, и къ человѣкомъ *привѣтливъ*. Дом. Яковл., 10. *Алченъ буди* отъ объядения и *жажденъ* отъ пиянства. Дом. Яковл., 11.

§ 51. При глаголах преобразования, т. е. при глаголах типа *стать, учинитися, творитися* и т. п., также находим только

второй именительный именных форм прилагательных, например:

По семъ вземше Глѣба въ рацѣ камянѣ и въставиша й на сани, и емше за ужа везоша; и якоже бысть въ дверехъ, и *ста рака неподвижна.* Никон. л., 100. Изяславъ... передъ вами не *творится правъ* (=не выдает себя за правого), но кланяеться и милости ваю хочеть. Ип. л., 48. Не разумѣша правды божья исправити Ростовци и Суждальци давнии *стварящеся старѣшии.* Лавр. л., 160 (местоименная форма).

§ 52. При глаголах выявления, обнаружения и познавания, т. е. при глаголах типа *являтися, познатися, видѣтеся, слышатися, мьнѣтися, сказатися* и т. п., точно так же засвидетельствован второй именительный именных форм прилагательных, например:

И ко преставлению своему въ болѣзни тяжьцѣ *познася худъ.* Ип. л., 135 (познал себя плохим, т. е. почувствовал, сознал, что плох). И убужься отъ сна, *видѣся здравъ.* Срезн., Сказ. Бор. Гл., 73 (увидел себя здравым). Убужь же ся, *видѣся простъ* отъ оковъ. Там же (увидел себя свободным от оков). Мы не *слышимъся* ни въ чомъ *винни* передъ тобою. А. З. Р. 1. 234, 1501—1503 гг. (не сознаем себя виновными). Оже съгренеть чюжее женѣ новои... *явится простоволоса.* Мир. гр. Новг. п. 1199 г. Царь же князь великии преиде часть поля того, прилежащую хъ Казанскимъ улусомъ, пятию недели до новаго града Свияжского, и *тяжекъ явися* ему путь тои. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 115. Въ Понетьское море, еже море *словеть Руское.* Лавр. л., 3 (слывет русским, форма местоименная). 262. Кто въ чемъ *скажется виноватъ,* то на немъ взяти. Судеб. 1550 г., Ак. ист., I, 225.

§ 53. Второй именительный засвидетельствован при глаголах называния, наименования, т. е. при глаголах *наречися, прозватися, именоватися* и т. п., причем относительные прилагательные отмечены в местоименной форме, например:

Угри прогнаша Волъхи, и наслѣдиша землю... оттолѣ *прозвася* земля *Угорьская.* Лавр. л., 25 (прозвалась Угорскою). Иже бо разорить едину заповѣдии сихъ малыихъ... мьнии наречеться въ цѣсарьствии нѣбесьнѣемь, а иже сътворить... сь *великъ наречеться.* Остр. ев., Мат., V 19. Мало пошедъ противъ Святая Святыхъ врата въ нихъ же вшелъ Господь Богъ наш во святый градъ Иерусалимъ... та врата *нарицаются Давидова...* Хожд. Ионы М. Иерус., 7.

§ 54. Второй именительный в именной форме употреблялся при глаголах пребывания и вещественного движения.

При глаголе пребывания *бывать*:

Аще бо князи *правьдиви бывають* в земли, то многа отдаются согрѣшенья (земли). Лавр. л., 136. Къ смрти

совращаються праваго пути и погыбають. а друзии *развращено пребывають.* Ип. л., т. II, в. 1, 116. Володимеръ же поя за себе жену братнюю грекиню, и *бѣ непраздна,* от нея же родися Святополкъ. Отъ грѣховнаго бо корени *золъ* плодъ *бываеть,* понеже была бѣ мати его черницею. Никон. л., 40. Юность орла разумнаго, великаго... и всѣхъ праведныхъ единою бываетъ и *пребываетъ* во вѣки *жива, ядрена* и *необетшаема.* М. Грек, 25.

При причастии прошедшего времени от глагола *пребыть*:

И по томъ въремени мало *здравъ пребывъ* благовѣрныи князь Тимофеи, и нача болѣти... Пск. I л., Тихан. сп., 4.

При повелительной форме глагола *бывать*:

Соломонъ же реч. брате в бѣдахъ *пособиви бываите.* Ип. л., т. II, в. 1, 192.

При глаголе *сидеть*: Молодец на пиру *невесел сѣдит, кручиноват, скорбен, нерадостен.* О гр. зл., 6.

При глаголе *остаться*: *Осталъ-же-ся* Орестъ сынъ Агамемноновъ *младъ* зѣло, сестра же его Илектра, дѣвица сущи, отпустила его ко иному царю. М. Грек., 47.

При глаголе *стояти*: И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоять* и до днешняго дне *пусты.* Лавр. л., 30. Въ лѣто 6651 *стояше* вся осенина *дъждева.* Новг. I л., 9. *Стояше крѣпокъ* въ пѣньи, донде же отпояху утренюю. Лавр. л., 82.

При глаголе *лежати*: Угре же *лежахуть пьяни,* яко мертви. Ип. л., 65. *Нѣмъ и глухъ лежа* за два лѣта. Лавр. л., 83. Князь велики Киевский Вячеславъ Владимеричь Маномашъ, вчера веселилси, и ѣлъ и пилъ з бояры, и ляже спати, и успе, и не воста, и нынѣ *лежитъ мертвъ.* Никон. л., 200.

При глаголах движения:

Пасти: И паде мертвъ. Лавр. л., 78.

Придти: А и въ доми (-ы) *придоша здорови.* Новг. I л., 6. Владимеръ... *пришедъ* къ Чернигову *печаленъ зѣло.* Никон. л., 121. Мнози *пѣши придоша* съ тоѣ войны. Ип. л., 338.

Поити: Оставь намъ Ляхы, а самъ *поиди миренъ* изъ землѣ нашеѣ. Ип. л., 186.

Идти: Иде пѣшь 11 денъ до города Донця. Ип. л., 438.

Отъити: Пришли бо бяху высокомысляще, а *смирении отъидоша* въ домы своя. Ип. л., 110 (в этом примере имя прилагательное *смирении* имеет членную форму).

Возвратитися: (Андрей) *възвратися* опят *невреженъ* и *схраненъ* Бгмь. Сузд. л., сп. Лавр., т. I, в. 2, 333. И вышедше мужи суздальцы побѣдиша новогородцовъ; и *возвратишася посрамлени.* Пск. I л., Тихан. сп., 9.

Встати: Поклонився, напишеть крестъ на земли и цѣлуеть, и, *вставъ простъ,* станеть на немъ ногами. Лавр. л., 49.

При прочих непереходных глаголах, например:

И *слѣпъ родися.* Микл. Гр. IV, 136. Мьстиславъ Ростиславичь *преставися унъ.* Ип. л., 414. Отчи наши *билися* на Кулачьскѣ *пѣши.* Новг. I л. Се *оставляеться* вамъ домъ вашь *пустъ.* Остр. ев., Мат., XXIII, 39.

При некоторых страдательных причастиях в сказуемом, например: Адамъ бо *пръвъ съзьданъ бысть,* потомъ Евга. Супр. л., 368.

Таким образом, имена прилагательные употреблялись в древнерусском языке во втором именительном падеже при всех группах глаголов, принимавших участие в образовании двусоставных именных предложений. При этом местоименные формы имен прилагательных отмечаются исключительно редко.

Древнерусские памятники XI—XVI вв. не дают сколько-нибудь надежных материалов о распространении в функции сказуемого местоименных форм имен прилагательных, а также формы творительного предикативного на месте второго именительного падежа.

§ 55. Совершенно иной материал представляют белорусские памятники XV—XVI вв. Белорусские деловые документы во многом сохраняли формы древнерусского литературного языка, но и в этих памятниках имена прилагательные относительные весьма часто употребляются в функции сказуемого в местоименной форме.

Примеры с членною формою имен прилагательных в роли сказуемого без связки настоящего времени:

А ныне есмь увѣдалъ любовь ваша *правая* съ сыномъ моимъ съ Витенемъ. Такоже, дети, была любовь ваша первая съ Полочаны, съ дѣтми моими. Р. Л. А., XXXVIII, 20. Просилъ въ насъ окольничий Смоленъский, князь Олехно Глазыничъ, села, на имя Букина, што держали Шемяка з братомъ, а поведалъ намъ, ижъ то село *служебное,* а не *тяглое,* а ни *данъное.* Р. И. Б., Л. М., XXVII, 402 (111). А поведалъ намъ, што жъ то изъ века именье *боярьское,* а не *тяглое,* и просилъ насъ, абыхмо то именье ему потвердили нашим листомъ. Р. И. Б., XXVII, Л. М., 406 (123).

Во всех приведенных выше случаях местоименные формы имеют имена прилагательные относительные, а не качественные. Местоименные формы имен прилагательных качественных встречаются весьма редко, например: кляча *хромая.* Л. М. XXXIII, 1219 (747).

Примеры с местоименной формой имен прилагательных при глаголе *был*:

Абы корол *был беспечнѣйший* оу нашей службѣ. Гр. 1388. Срезн. Свед. и Зам., III, 213. Августъ юж *былъ хорый.* К. Ст., 133. Мой зась сынъ *здоровый был.* К. Ст., 158. *Былем* тае *нещастный.* К. Ст., 135.

Примеры с местоименной формой имен прилагательных в функции сказуемого при глаголе *будет*:

А тотъ листъ его *будеть моцный*, яко и съкарбный квитъ въ той речы. Р. И. Б., Л. М. XXX, 1557, 562, 10. Ино если будеть такъ, какъ онъ намъ поведалъ, *будуть* ли тые селища *не тяглые*, а ни *данъные*, и мы ему тые селища дали. Р. И. Б., Л.-М., XXVII, 1486, 403/122. Ино если тое сельце *будеть панъцерное, а не данъное*, а ни *тягълое*, а намъ будеть не шкодъно, и мы ему тое сельцо произволили купить. Л. М., XXVII, 1487, 413.

Понятно, что при наличии относительно немногочисленных случаев употребления местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого не могла развиваться потребность в употреблении творительного предикативного имен прилагательных, поскольку последний встречается лишь на месте второго именительного местоименных форм имен прилагательных.

В договоре от 1229 г. в редакции С находим при глаголе *будет* творительный предикативный членного имени прилагательного: Кто биеть друга дѣревомь, а *будеть снимь*, любо кровавъ, полъторы серебра платит ему. Р. Л. А., Прил. I, Ред. С, 427.

В других редакциях этот творительный предикативный не встречается, например: Кто биеть друга дѣревъмь, а *будѣте синь*, любо *кровавъ*, полуторы гривни серебра плотити ему. Гр., 1229 г.

Таким образом, изучение белорусских деловых документов, главным образом грамот, показывает, что в этих памятниках имена прилагательные употребляются гораздо чаще в местоименной форме, чем в древнерусских памятниках: отмечен даже случай употребления творительного предикативного на месте второго именительного.

§ 56. Памятники религиозного и религиозно-полемического содержания в значительной степени не были так тесно связаны с древнерусскими литературными традициями. В них более свободно могли отражаться формы живого языка.

В этих памятниках неизмеримо более широким слоем отражается употребление в функции сказуемого местоименных форм имен прилагательных; гораздо более многочисленными становятся случаи употребления творительного предикативного падежа. Приведем относящийся сюда материал.

Примеры с членною формою имен прилагательных в сказуемом со связкой настоящего времени:

Я *чужая есми*, 32, Библ., кн. XVI в. Бо *милосердый естем*. Е. К., 185. Бо то есть *речъ великая й высокая*. И не мовъ, же *славый естъ*, для того его занедбываю. Е. К., 114. Мужъ двое-

душный *не естъ справный* во всѣхъ дорогахъ своихъ. Е. К., 140 об.

Примеры с творительным предикативным на месте второго именительного членных имен прилагательных при глаголе (связке) настоящего времени *есть*:

Не мовилъ там Петр: я *естемъ старшимъ*, я естемъ княжатемъ, я естемъ головою. Р. И. Б., XXX, 424. А *таковыми сутъ* лихвяръ, лакомцы й драпежникове. Е. К., 192 об. Богатый, поки *естъ богатымъ*, не можетъ быти збавленъ: если богатства не зложитъ, збавленъ быти не может. Е. К., 184. Тый *порожными соутъ*, й неоукорененое мают благочестие. Е. К., 124 об. *Готовшими* до вѣры погане *сутъ*. Е. К., 175 об. Самою речью и учинкомъ правдиве *суть гневливыми*. Уст. монаст., 204.

Конечно, именные формы имен прилагательных в сказуемом и в белорусских памятниках господствуют сравнительно с местоименными формами, однако эти последние образуют уже более значительный массив. Обращает на себя внимание наличие значительного количества примеров с творительным предикативным при глаголе *есть*. Совершенно очевидно, что явление этого рода в данных памятниках ни в какой степени не отражает живой язык и представляет собой результат наслоения польского текста при переводе его на белорусский язык.

Примеры с именем прилагательным в сказуемом при глаголе *был* тоже свидетельствуют о большом количестве случаев употребления именных форм имен прилагательных в сказуемом, рядом с которыми, однако, уже значительное место занимают примеры с местоименными формами имен прилагательных, представленных частью в виде второго именительного, частью — в виде творительного предикативного.

Примеры с членною формою имен прилагательных в сказуемом в именительном падеже при глаголе *был*:

Иерихонъ мѣсто *было столечное* краины Хананейской, мѣсто *было знаменитое поганское*. Е. К., 188. Онъ зась оуслышавши зафрасовался: бо *был* велми *богаты*. Е. К., 181. Аза *не была лѣпшая* въ тотъ час та невзгода и посвар ихъ. Р. И. Б., XIX, 403. Члвкъ нѣкоторый *былъ богатый*. Е. К., 124.

Примеры с творительным предикативным членных имен прилагательных при глаголе *был*:

Не *былиж* бысмо над дикий звѣръ *суровейшими* й *акрутнѣйшими*. Е. К., 108 об. Абысмо *были щодрыми, литосливыми*, й до даваня *охотными*. Е. К., 128 об. И *не были годными* вѣрити ему. Е. К., 109. Бо *были оубогими*. Е. К., 72 об. Абы есте *спокоиными были*. Устав монаст., 224. (Петр) *был старшимъ*. Р. И. Б., XIX, 416.

Примеры с членною формою имен прилагательных в сказуемом при глаголе *будет*:

Буде злостный члвкъ. 19 об., Сб. XV в. Публ. б., № 391.

Примеры с творительным предикативным членных имен прилагательных при глаголе *будет*:

Боудмо й мы до нихъ *такимижъ*. Е. К. 108. *Таковыми* до ближнихъ *боудмо*, яковыми ихъ до нас быти хочемо. Е. К., 108. *Будмо* прето *милосердными*. Е. К., 106 об. *Боудте* прето *млсрдными* якъ й отецъ ваш милосердъ. Е. К., 109.

Все эти примеры с творительным предикативным при глаголах *был, будет* вполне приемлемы с точки зрения грамматических норм современной белорусской речи, которую отражают рассматриваемые памятники.

§ 57. При глаголах преобразования, выявления, каковы *учиниться, зрабиться, стать, называться, слыть* и т. п., во всех жанрах древней западнорусской письменности, отражающей белорусский язык, употреблялся по преимуществу творительный предикативный имен прилагательных, хотя иногда встречается и второй именительный.

При глаголе *стал* имена прилагательные встречаются иногда в нечленной форме в именительном падеже, например:

И отъ тыхъ хоробъ заразомъ *стали здрови*. Р. И. Б., XIX, 61. А домкнулъ ли се который... *здоровъ сталъ*. Жит. Алекс., 111. И розмешавши одно зѣлье и намазала ся им и *стала чорна*, якъ уголь. Гвидон, 168. И *сталъ* с того Теryз велми *веселъ* и рече: Брате, тепер же ти его вкажу. Гвидон, 164.

Как видим, второй именительный падеж имен прилагательных отмечен в именной форме, но в громадном большинстве случаев имена прилагательные при глаголе *стал* употребляются в творительном предикативном падеже, например:

Тое што намъ неможно *можнымъ ся станетъ* Е. К., 184 об. Што многий по одержаню доброго чинити звыкли, не оуважаючы доброчинности, й противъ добродѣемъ своимъ *незначными ставячися*. Е. К., 190. Звани бывши княжата й книжницы й фарисеове а не оувѣривши *откинеными* й *выгнаными сталися*. Е. К., 169 об. Претожъ и маемной вечѣре *годными не стали*. Е. К., 69. Кгдысмо абовѣмъ *оумерлыми сталися* грѣховъ. Е. К., 177. *Стался* насъ *близшимъ*, прироженя нашего на себе принятемъ. Е. К., 122.

Творительный предикативный имен прилагательных употребляется и при глаголе *ставается*, например:

Речи неподобный *ставаются подобными* его стою волею й поспѣхомъ. Е. К., 72 об. *Милосерднѣйшими* й *ласкавшими* же жебракови бѣдному *ставятся*, нѣжли *богач*. Е. К., 129. А кгды до тысячи копъ прийдутъ, азажъ не *оубожшими* еще тогды

ставаются. Е. К., 180. А еслисмо охотни, *ставаемося охотнѣйшими.* Е. К., 127.

При глаголе *вчынился* отмечена нечленная форма имен прилагательных в именительном падеже, например:

А коли Бово виделъ Додона, иступилъ з лица а *вчынил ся блѣдъ,* якъ пупава. Гвидон, 156. Бово мѣлъ достатокъ ести и пити и *вчынилъ ся* опят *хорош.* Гвидон, 135.

При глаголе *оказался* отмечен творительный предикативный имен прилагательных:

Девять абовѣмъ *невдячными оказавшися,* якъ небачны й нерозумны осуждаются. Е. К., 174.

При глаголе *оказуется* отмечен второй именительный:

А Петръ якъ в иншыхъ разѣхъ *дерзокъ показуется,* такъ й тутъ чинитъ, а мало оуважаючи пытане мовитъ хви. Е. К., 144.

При глаголе *называется* немногие примеры известны только с именем прилагательным в творительном предикативном падеже:

Ближнимъ кождый члвкъ *называется.* Е. К., 70. И приехавши до местечка, што *се зове добрым.* К. Ст., 132.

Однако при глаголе *словет* отмечен пример с членной формой имени прилагательного в именительном падеже:

Верху того, про ту пакость, што ся в розмирьи отворило, какъ имъ отъ обою сторону отступити, што Руськая земля *словетъ Полочькая.* Р. Л. А., XXV в.

Это, собственно, второй именительный названия.

Второй именительный нечленной и членной формы имен прилагательных отмечен и в страдательной конструкции от глагола *звать*:

Аж тамо оуличка *накрита звана.* Пов. о 3-х кор., 28. Хто оучинитъ и научитъ, той *знаменит* в царствѣ... *названъ будетъ.* Е. К., 190 об.

§ 58. При глаголах пребывания или вещественного движения во всех жанрах древней письменности употреблялся по преимуществу второй именительный падеж имен прилагательных в нечленной и членной форме, чаще всего в первой, хотя встречается иногда и творительный предактивный.

При глаголе *бывает* имена прилагательные в роли сказуемого встречаются в нечленной форме и в членной форме именительного падежа, а также и в форме творительного предикативного этих имен. По этому вопросу мы располагаем только материалами из памятников религиозного содержания.

Примеры с нечленной формою имен прилагательных в сказуемом при глаголе *бывает*:

Члвкъ который ся до добра приспоряжаетъ *добръ бываетъ.* Е. К., 69. Поневажъ такъ *славленъ бываетъ.* Е. К., 119 об. Всѣ за тый три способы спасаючыхся йнакъ от нѣкоторыхъ *розумѣны бываютъ.* Е. К., 120 об.

Примеры с членною формою имен прилагательных в сказуемом при глаголе *бывает*:

Много бовемъ кроть и покой *бываетъ шкодливый.* Р. И. Б., XIX, 401. Але иж... далеко *приемнѣйшая* часом *бывает* незгода, нижли згода. Р. И. Б., XIX, 396. Якъ болото, доброволне знаковъ печати не приймуючи, *горшая* й *твердѣйшая бываетъ,* й до погибели себе приводитъ. Е. К., 187.

Примеры с творительным предикативным при глаголе *бывает*:

Зачимъ й вы *подобными* грѣшникомъ *бываете.* Е. К., 101. Люде, который пилно а оусиловне працуютъ, *здоровѣйшими* тый й на тѣлѣ й на души *бываютъ.* Е. К., 162 об.

Второй именительный имен прилагательных при глаголе *ехать*:

И ваши купцы *поехали добры здраво,* куды хто хочетъ. Грам. кон. XV в. Року 1528 его милость... сам з войскомъ *ехалъ* до Лифлянтъ, барзо *хорый.* К. Ст., 140. И мы ихъ милость ради того хотимъ штобы ихъ милость къ намъ *ехали здорови,* а и *същастьни.* Р. Л. А., CCLXIX,. 232.

Второй именительный имен прилагательных при глаголе *ходить*:

А ажъ й сей *нагъ* якъ бѣснуючыйся *ходитъ.* Е. К., 141 об. *Нагъ пришолъ* члвкъ оный, а не вѣдалъ же нагъ былъ. Е. К., 139. Не имея поста *нагъ входит* на брань и удоб побеждаемъ бываеть. Р. И. Б., XIX, 160. А Трыщан мыслилъ не малый часъ соромеючы ся о тыхъ речахъ, и *шолъ* до господы велми *сердитъ* и почал вбирати ся в зброю велми барздо. Тристан, 47—8. А не богъ Бово *пошелъ пѣшъ* день и другии и дошелъ города Зодонии. Гвидон, 145. А николи на коня не вседалъ, завжды *пѣшъ хожывалъ.* Гвидон, 154.

Второй именительный имен прилагательных при глаголе *лежать*:

Што жъ дей тые селища, а ни данъные, а *пусты* дей *лежать* вжо давно. Ино если будеть то такъ, какъ онъ намъ поведалъ, будутъ ли тые селища пусты естъ, а не тяглые, ни данъные, и мы ему тые селища дали. Р. И. Б., Л. М., XXVII, 404/122.

Второй именительный имен прилагательных при глаголе *пасть*:

И вдарылъ Кгвидона копемъ у перси... же отъ такого вдару *палъ мертвъ* на землю. Гвидон, 131. И прышло ему копе въ сердце и *спалъ* съ коня *мертвъ*. Гвидон, 133.

Второй именительный нечленных имен прилагательных при глаголах *остался, обретаются*:

И тотъ Пилип передъ Ждановою въ томъ и *осталъ виненъ.* Л. М., XX, 41, 44. *Живъ зосталъ.* К. Ст., 137. О том доме ни-

кто не печалился але *засталъ* вес *поустъ*. Пов. о 3-х кор., 11. Братиа *супротивни обретаются* истине. Р. И. Б., XIX, 402.

Второй именительный членных имен прилагательных при тех же глаголах: Или ктось послѣ *живый останется*. Гр. 1229 г.

При глаголе *засталъ* встречается и творительный предикативный имен прилагательных, например:

Ласкавшим й литостившимъ не сталъся, але еще *окрутнейшимъ зоставалъ*. Е. К., 129 об. Таи вѣра *вдячною зостала*. Устав монаст., 95. Овый на муки *осужеными зостали*. Е. К., 134.

Мы думаем, что творительный предикативный имен прилагательных при этих глаголах является потому, что они в данных примерах имеют значение глаголов преобразования, выявления и означают *стали, стал*.

Сюда же относится и следующий пример с творительным предикативным имени прилагательного при глаголе *придет*:

Коли который отець умретъ тогды снъ его перворoдный которыи перво придеть къ летомъ *придетъ розумнымъ* съ тыхъ добръ учинятъ его рытеромъ. Пов. о 3-х кор., 54.

Глагол *придет* здесь не является глаголом вещественного движения и означает *станет*: «к летомъ придетъ розумнымъ» означает «к летам станет разумным».

Второй именительный имен прилагательных при глаголе *родиться*:

А за тыми сторонами и землями *родятся* люди велми *малы*. Пов. о 3-х кор., 30.

§ 59. При сочетании «глагол плюс инфинитив», как правило, имеет место творительный предикативный имен прилагательных.

Примеры из памятников религиозного содержания:

Але теперь сами одни особно боудучи бѣдоуютъ й трвожатъся абы *научилися* моуско зносити припадки й *терпливыми быти*. Е. К., 66. *Здалъ быти противнымъ законови*. Е. К., 69 об. Бо хто любитъ ближняго, *богатшимъ* над него *быти не хочет*. Е. К., 70. И ровной тяжкости речи *неровными быти здаются* на неровныхъ шаляхъ важеный. Е. К., 165. Не маючнымъ абовѣмъ розсудку оуважного многий речи добрыи *здаются быти не добрыми*. Е. К., 165. Таковыми до ближних будмо, *яковыми ихъ до нас быть хочемо*. Е. К., 111.

Примеры из памятников светского содержания:

Дай вашѣ милости *жити здоровымъ*, а и същастънымъ, а въ насъ далъ также... у Полоцком мѣсте добро здорово, и мы вашеи милости здоровью радуемъ ся слышачѣ. Р. Л. А., CCL, XIX, 232. Павелъ... *поведялся быть хорымъ*. Р. И. Б., Л. М.,

XXXIII, 1567. *И мает* онъ намъ *вѣрнымъ быти.* Гр., 1438 г. А. З. Р., I, № 37.

Реже встречаются при этом сочетании второй именительный имен прилагательных, чаще всего в нечленной форме, а иногда в членной форме, например:

И онъ насъ *не хотелъ послушенъ быти.* Л. М., XX. Бо розумел ижъ его мѣлъ научити, й способовъ ему подати, якъ бы мѣлъ вѣчно *живъ быти,* роскоши богатства й золота заживаючи. Е. К., 181.

§ 60. Таким образом, изучение употребления имен прилагательных в функции сказуемого в древних западнорусских памятниках, отражающих белорусский язык, приводит к следующим выводам:

1. При глаголах б ы т и я в древних белорусских памятниках светского содержания употребляется по преимуществу именная форма имен прилагательных, местоименная форма имен прилагательных употребляется редко, но в общем гораздо чаще, чем в древнерусских памятниках.

В древних белорусских памятниках религиозного содержания, наряду с именными формами имен прилагательных, весьма широко употребительны и местоименные, притом в творительном предикативном. В современном языке творительный предикативный имен прилагательных при глаголе бытия употребляется довольно широко.

2. При глаголах п р е о б р а з о в а н и я и в ы я в л е н и я во всех жанрах древних белорусских памятников творительный предикативный имен прилагательных преобладает над вторым именительным. То же в основном наблюдается и в современном белорусском языке.

При глаголах в е щ е с т в е н н о г о д в и ж е н и я и п р е б ы в а н и я во всех жанрах древних белорусских памятников употреблялся по преимуществу второй именительный имен прилагательных в именной и местоименной форме, чаще всего в первой, хотя встречается иногда и творительный предикативный.

Таким образом, закономерности употребления отдельных форм прилагательных при глаголах преобразования и выявления и при глаголах вещественного движения и пребывания, какие в общем свойственны и современному белорусскому языку, засвидетельствованы в памятниках самого разнообразного содержания, начиная уже с XV в.

Было бы неправильно видеть в случаях употребления творительного предикативного имен прилагательных при глаголах преобразования и выявления только отражение польского влияния, если закономерности употребления этого падежа в древних белорусских памятниках в основном соответствуют

закономерностям употребления этого падежа в современном белорусском языке, если тенденция к употреблению творительного предикативного вырастала из самого хода развития восточнославянских языков.

Извлеченные нами из древних белорусских памятников факты, относящиеся к употреблению творительного предикативного имен прилагательных при глаголах преобразования и выявления, отражают развитие живого языка. Правильность такого вывода подтверждается тем, что преимущественное употребление второго именительного имен прилагательных при глаголах вещественного движения и пребывания, засвидетельствованное древними памятниками, в основном отражается и в современном языке, как отражается в современном языке и преимущественное употребление творительного предикативного при глаголах преобразования и выявления, также засвидетельствованное древними памятниками.

Как смотреть на поразительный факт почти полного отсутствия творительного предикативного имен прилагательных при глаголах бытия во всех памятниках, кроме обследованных памятников религиозного и религиозно-полемического содержания, и на факт широкого распространения творительного предикативного в этих последних?

Легче всего предположить, что творительный предикативный имен прилагательных в обследованных памятниках религиозного и религиозно-полемического содержания является отражением польского литературного влияния, поскольку эти памятники складывались в атмосфере влияния польского языка. Это в некоторых случаях и не было бы неправильно; ср., например, творительный предикативный при глаголе *есть*, но в целом эта точка зрения едва ли может быть принята.

Белорусские памятники, литературное сложение которых было мало связано с польским языком, испытывали на себе влияние древнерусского литературного языка, который на первых порах был литературным языком на белорусских землях.

Естественно, что употреблявшиеся в живом языке местоименные формы имен прилагательных в функции сказуемого не могли проникнуть широким фронтом в письменные памятники указанных жанров, хотя эти формы встречаются в рассматриваемых памятниках несравненно чаще, чем в древнерусских памятниках. Тем самым не могло получить сколько-нибудь заметного отражения и употребление творительного предикативного на месте второго именительного падежа в рассматриваемых белорусских памятниках.

Итак, предполагаем, что в живом белорусском языке эпохи XV—XVI вв. членные имена прилагательные во втором именительном и замена этого последнего творительным предика-

тивным имели место, но это не находило отражения в белорусских памятниках, испытывавших влияние древнерусского литературного языка.

Памятники, литературное сложение которых имело место вне сферы старых литературно-книжных традиций, более полно отражали особенности живого белорусского языка. Этому могло способствовать наличие местоименных имен прилагательных во втором именительном и замена этого последнего творительным предикативным в польском языке, под влиянием которого происходило литературное сложение данных памятников, а таковыми и были памятники религиозного и религиозно-полемического содержания, слагавшиеся частью в порядке переводов с польского, частью в порядке борьбы с католицизмом и, следовательно, с полонизацией.

Итак, предполагаем, что наличие творительного предикативного имен прилагательных и местоименных форм этих имен во втором именительном при глаголах бытия в древних белорусских памятниках религиозного и религиозно-полемического содержания является отражением живого языка того времени, поддержанным польским литературным влиянием.

Относить за счет польского влияния творительный предикативный имен прилагательных во всех случаях или хотя бы при глаголах бытия в древних белорусских памятниках религиозного и религиозно-полемического содержания затруднительно по следующим соображениям:

1. Такое объяснение творительного предикативного имен прилагательных основывается только на внешних факторах и совершенно игнорирует внутренние законы развития языка.

2. Такое объяснение находилось бы в противоречии с данными современных живых говоров, в которых широко известен творительный предикативный имен прилагательных на месте второго именительного.

3. Такое объяснение вообще находилось бы в противоречии с реально существующими фактами. По свидетельству исследователей истории польского языка, творительный предикативный имен прилагательных развивался позже творительного предикативного имен существительных и употреблялся в древних польских памятниках не очень часто.

Сравнивая данные, извлеченные из древнерусских памятников XV—XVI столетий и из белорусских памятников того же времени, мы замечаем, что первые почти не содержат местоименных форм второго именительного имен прилагательных; совершенно нет примеров с творительным предикативным на месте второго именительного; между тем как вторые изобилуют примерами употребления местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого, а также примерами упо-

требления творительного предикативного на месте второго именительного. Это различие нельзя объяснить различием в употреблении этих форм в русских и белорусских говорах того времени. Такое предположение необходимо отвести потому, что современные русские говоры по характеру употребления в них имен прилагательных в функции сказуемого существенно не отличаются от современных белорусских говоров.

Из этого следует, что незначительное употребление местоименных форм имен прилагательных в древнерусских памятниках и отсутствие творительного предикативного при глаголах всех типов объясняются действием древней общерусской литературной традиции, а не фактом отсутствия этих форм в живом русском языке того времени.

§ 61. Литературная традиция продолжала сказываться и в произведениях XVII и XVIII вв. При глаголах бытия по-прежнему продолжали употребляться в функции сказуемого чаще всего именные формы имен прилагательных.

Примеры именных форм имен прилагательных в функции сказуемого без связки:

Лошедь та... всегда *мокра, заезжена,* и еле жива стала. Авв., Жит., 141. Тем ты не *люп* (мне), что всячески бесчестиш, за то я тебя съем. Кур. лис., 199. Человѣческое сердце *несмысленно и неуимчиво,* — прелстилъся Адамъ со Еввою, позабыли заповѣдь божию, вкусили плода винограднаго от дивнаго древа великого. О гр. зл., 2.... якобы онъ (Алексей) от насъ и в животе своемъ не *безопасенъ*. Акты Петра I, 166.

Примеры именных форм имен прилагательных в функции сказуемого со связкой настоящего времени:

Аз *есмь*... дидаскалства и логофетства *неискусен*. Авв., Кн. Толк., 264. Как в дверь небесную вместитися хощешь! *Узка* бо *есть,* и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Авв., Кн. Бес., V, 217. И наш господь на небеси *жив есть*. Ск. Вас., 290. Уста твоя *полны суть* неправды. Кур. лис., 191. Всякому своя обида *горка есть* и несносно. Акты Петра I, 66.

Примеры именных форм имен прилагательных в функции сказуемого со связкой прошедшего времени *был*:

Ревнив был миленькой покойник. Авв., Сл. на без., 268. Никодим сперва *добр* до меня *был*. Авв., Жит., 124. Зело мор *велик был*. Авв., Жит., 67. Тот де человек у... князь Григорья *женат был*, и жена де того человека (крепостного) збежала. Яков, Хол. Моск. г-ве, 387. Чтено, чтобы то все уложенье впредь *было прочно* и *неподвижно*. Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 30. Ахти мнѣ, злочастие горинское! до бѣды меня молотца домыкало: уморило меня, молотца, смертью голодною,— уже три дни (молодец) мнѣ *были нерадошны*. О гр. зл., 10.

Московского государства всякихъ чиновъ людемъ... росправя *была* во всякихъ дѣлехъ всѣмъ *равна*. Акты Петра I, 32.

Примеры именных форм имен прилагательных со связкой будущего времени *будет*:

Да вечно *живи будут*. Авв., Кн. Толк., 233. Яко мы во граде *живы будем*. Яр. Яр., 228.

Ср. причастие действительного залога в функции сказуемого при форме повелительного наклонения *будь*:

Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Сув., 70.

Однако и местоименные формы уже проникают в литературные произведения этого времени, хотя в очень ограниченном объеме:

А се друг мне *тайной был* и страдал за меня. Авв., Жит., 103. *Бывал* де человек он (Ондрюшка) *старинной* и *кабальной* вдовы княгини Олены Хамавнетевы. Яков., Хол. Моск. г-ве, 387. И понеже сие дѣло необходимо *нужное есть* государству. Акты Петра I, 74.

Изредка можно встретить при глаголах бытия и форму творительного предикативного, например:

Кто еси ты и для чего пришел зде, *будучи нагим*. Рим. д. О боже! колико бы нам Пиемонтская армия *полезною была*. Сув., 95.

При инфинитиве от глагола *быть* в сочетании с глаголами или отглагольными именами второй именительный в именной форме отмечается относительно часто, например:

Хощеши ли впредь *цел быти*? Авв., Жит., 77. И как ты бездельник *хощеш жив быти*, достоин ты и с телом во ад снити. Кур. лис., 220. И сам *учал рад быть*. Ер. Лаз. И меж нами пря *велика стала быть*. Авв., Жит., 100. Писал: *стала*-де ты *скупа быть*. Авв., Пис. Мор, 320. *Познает* себе вовсе *быть права*, голова его сыщетца здрава. Лечеб., 249. *Изволиш(ь)* ты сам *быть извѣстен*, чем мнѣ жить. Фр. Скоб., 69. Когда ты *хочешь быть* здесь *весел и счастлив*, так ты не *должен быть*, детушка, *болтлив*. Майк, Ел. *Старайся быть искусен* и в том, чтоб никогда твоему войску не было недостатка в пропитании. Сув., 73.

Однако и творительный предикативный в указанном положении представлен весьма обширно, например творительный предикативный имен прилагательных при сочетании имени существительного с инфинитивом *быть*:

Неискореняемая *привычка битыми быть*. Сув., 124.

Творительный предикативный имен прилагательных при сочетании глагола с инфинитивом *быть*:

Оракул ей давно супруга описал
Страшилищем ужасным,

Супруг с Оракулом *казался быть согласным*. Богд., Душ. Вам *обѣщаюсь* господом богом до смерти моеи *быть вѣрною* и во всем *послушною*. Ел., 251. Також *имѣетъ* Коллегиюм о всѣх годовых окладныхъ росходах Е. Ц. В. (благо) *извѣстным быть* (оповещенным). Акты Петра I, 560.

§ 62. В литературных произведениях XIX в. дифференциация трех форм имен прилагательных стала гораздо более сложной.

Более четко разграничились предикативные признаки по линии выявления их в качестве атрибута субъекта и состояния субъекта, например: *она была добрая* и *она была добра*.

Закрепились в функции сказуемого местоименные формы целого ряда имен прилагательных. К их числу относятся прежде всего относительные прилагательные, которые в древних памятниках могли употребляться в именной форме, а в современных произведениях встречаются только в местоименной форме.

Предложения с относительными прилагательными в функции сказуемого и нулевой связкой:

Кожаное кресло Ильи Ивановича... в самом-то деле... не то *мочальное,* не то *веревочное.* Гонч., Обломов. Подушки белели, как снег; одеяла *шелковые, стеганые.* Там же. Нет, я *господская*. Тург., Зап. ох. А ружье *важное, крымское.* Толст., Казаки.

Предложения с относительными прилагательными в функции сказуемого и связками прошедшего и будущего времени:

Собравшиеся казаки *были рядовые*. Толст., Казаки. Нумер газеты *был прошлогодний*. Гонч., Обломов. *День был воскресный.* Пушк., Пов. Белк. Одежда на нем *была немецкая.* Тург., Зап. ох. Хлеб, как видно, *был господский.* Гоголь, Мерт. д., 167.

В местоименной форме употребляются в функции сказуемого уменьшительные имена прилагательные с суффиксами *-еньк-, -оньк-,* например:

Они на том стоят, чтобы дети *были толстенькие, беленькие, здоровенькие.* Гонч., Обломов. Как у вас царица была, я уже не *махонький был.* Толст., Казаки. Давно все прожили, я еще *маленькая была*. Помял., Мещ. сч. Она *хорошенькая,* очень хорошенькая. Тург., Накануне. На нем мундир был такой *новенький.* Лерм., Герой н. в., 191. Голосок... у ней такой *тоненький...,* как у жабы. Тург., Зап. ох.

В народных говорах уменьшительные имена прилагательные с суффиксами *-еньк-, -оньк-* могут употребляться в функции сказуемого и в именной или усеченной форме. Это явление может находить отражение в речи персонажей и в литературных произведениях, например:

Скажете, что *грязненьки* они, ну это другое дело. Толст., Казаки. Да у ней деревушка не *маленька,* — сказал он. Гоголь, Мерт. д.

Имена прилагательные в превосходной степени с суффиксом *-ейш-* также представлены в местоименной форме:

Правда, ярмарка была *отличнейшая.* Гоголь, Мерт. д.

Имена прилагательные с суффиксом *-ш-,* который по происхождению является суффиксом сравнительной степени, употребляются только в местоименной форме; к числу таких имен прилагательных относятся *старший, младший, больший, меньший, большой, лучший, горший* и т. п. Например:

В эти оглобли нашу лошадь не впряжешь, наши лошади *большие.* Тург., Зап. ох. Ступня ноги *была большая.* Помял., Мещ. сч. Хата дяди Ерошки *была* довольно *большая.* Толст., Казаки.

Порядковые имена числительные употребляются также в местоименной форме, например:

Это наш Нимврод египетский, — сказал он, указывая на старика. — *Первый* у нас на всякие руки. Толст., Казаки.

В местоименной форме употребляются имена прилагательные, обозначающие масти, например: *лошадь **пегая, рыжая***; сюда же относятся имена прилагательные карий: *глаза были **карие**.*

В ряде случаев местоименные и именные формы имен прилагательных разошлись лексически: первые стали выражать одно значение, а вторые другое. Так, имя прилагательное *хороший* в значении «добрый» употребляется в функции сказуемого в местоименной форме, а в значении «красивый» в именной форме.

Имя прилагательное *хороший* в смысле «добрый», «подходящий» и т. п.:

Хороший у вас дом? Больше нашего? — добродушно спросил Лукашка. Толст., Казаки. Купцам-то жизнь *хорошая,* да и те в бородах. Тург., Зап. ох. Как сидеть весело, право, место *хорошее,* — сказал он. Толст., Казаки.

Имя прилагательное *хорош* в значении «красив» в функции сказуемого:

Как хороша была Елецкая! Пушк., Пик. д. Он думал, что он *хорош*... но это было несправедливо. Толст., Казаки. Вдова была молода, *хороша* собой. Герц., Кто вин. *Хороши* также летние туманные дни. Тург., Зап. ох.

Имя прилагательное *хорош* в именной форме встречается с оттенком иронии, например:

А старый-то нехристь *хорош!* — заметила одна мать. Гонч., Обломов. Да и ты *хорош,* — продолжал мой охотник. Тург., Зап. ох.

Имя прилагательное *великий* употребляется в местоименной форме в значении «гениальный», ср. *великий* Гете, и в именной форме в значении «чрезвычайно большой»:

Круг вопросов, возбужденных в ней, *был не велик*. Герц., Кто вин. Все лицо его *было* худо, *невелико*. Тург., Зап. ох.

Имя прилагательное *худой* в применении к состоянию организма может иметь именную и местоименную формы, например: *он был худ* и *был худой*, а в значении «старый», «плохой», «изношенный» имеет только местоименную форму, например:

Я думаю, оттого, что жизнь моя *худая*. Помял., Мещ. сч. Вот я разобрала сегодня ваши чулки, — сказала она, — пятьдесят пять пар, да почти все *худые*. Гонч., Обломов.

Имя прилагательное *чистый* в значении морального качества может употребляться в именной форме, например:

Каких гонений... не испытал он... за то, что *был чист* на своей совести. Гоголь, Мерт. д.

В значении «несмешанный», «незасоренный», «незагрязненный» это имя прилагательное употребляется в местоименной форме, например: *зерно было чистое; платье было чистое; пол был чистый* и т. п.

§ 63. Значительную группу составляют имена прилагательные, которые в одном и том же значении могут иметь и местоименную и именную формы.

Предложения с именными формами имен прилагательных в сказуемом обозначают принадлежность субъекту того или другого состояния, ограниченную одним из трех грамматических времен, т. е. в одном из трех грамматических времен относительно двух других.

Для выражения большей кратковременности нахождения субъекта в данном состоянии, чем пределы грамматического времени, используются вспомогательные слова, например: *она молода* и *она еще молода; она была молода* и *она еще была молода; она весела* и *она еще весела; она была спокойна* и *она уже была спокойна* и т. п.

1а. Предложения, в которых предикативный признак субъекта утверждается в рамках грамматической категории настоящего времени безотносительно к кратковременности его существования в указанном грамматическом времени:

Он довольно *остер*... эпиграммы его часто забавны... Лерм., Герой н. в., 242. Он *худощав*, щек у него почти вовсе нет. Гонч., Обломов. *Стар* я, батюшка, чтобы лгать. Гоголь, Мерт. д. Подумайте, вы *стары;* жить вам уже недолго. Пушк., Пик. д. Андрей Петрович, вы *добры*, как ангел. Тург., Накануне, 345. И не *застенчив* он? — спросила... Елена. — Нет, не

застенчив. Одни самолюбивые люди застенчивы. — А разве вы *самолюбивы?* Там же. Герман немец: он *расчетлив,* вот и все! Пушк., Пик. д. Или он очень *ревнив?* Лерм., Герой н. в. Он ужасно *упрям.* Тург., Накануне.

1б. Предложения, в которых предикативный признак субъекта утверждается в рамках грамматической категории настоящего времени как кратковременное состояние или свойство субъекта в указанном грамматическом времени; в одних предложениях этот оттенок подчеркивается словами *уже, еще, сейчас* и т. п., в других он очевиден по контексту.

Разве я теперь не *равнодушна*! Тург., Накануне. В те минуты, когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий *мил* и *забавен.* Лерм., Герой н. в. А что Лукашка, *весел*? Не зайдет ли он ко мне? — спросил Оленин. Толст., Казаки. Ты *равнодушна,* ты *покойна?* — говорил он... — Не *равнодушна,* но *покойна.* Гонч., Обломов. Он посмотрел в зеркало: *бледен, желт.* Там же. Вот поехал Ермил за поштой, а едет назад, уж он *хмелен.* Тург., Зап. ох.

2а. Предложения, в которых предикативный признак субъекта утверждается в рамках грамматической категории прошедшего времени безотносительно к кратковременности его существования в указанном грамматическом времени:

Бабушка всегда *была строга* к шалостям. Пушк., Пик. д. Попадья *была* непроходимо *глупа.* Герц., Кто вин. Нельзя сказать, чтоб они *были* очень *глупы.* Помял., Мещ. сч. Тогда еще он *был молод.* Гонч., Обломов. Ведь и я *была молода.* Тург., Накануне. Оленин в толпе девок, которые все без исключения *были красивы,* рассмотрел Марьянку. Толст., Казаки.

2б. Предложения, в которых предикативный признак субъекта утверждается в рамках грамматической категории прошедшего времени как кратковременное состояние субъекта в указанном грамматическом времени; этот оттенок в значении предикативного признака выражается различными обстоятельственными словами:

Она *была бледна* в то утро, когда открыла это. Гонч., Обломов. К утру я *был желт,* как померанец. Лерм., Герой н. в., 288. Он *был* очень *красив* в это мгновение. Тург., Зап. ох. Глафира Львовна *была* особенно *очаровательна* в этот день. Герц., Кто вин. В эту минуту он *был* право *ужасен.* Пушк., Пов. Бел. Инсаров *был* очень *молчалив* и *пасмурен* в течение всего вечера. Тург., Накануне. Этот человек *был жалок* в настоящую минуту. Помял., Мещ. сч. Всю дорогу он *был весел* необыкновенно. Гоголь, Мерт. д.

3а. Предложения, в которых предикативный признак субъекта утверждается в рамках категории будущего вре-

меня безотносительно к кратковременности его существования в указанном грамматическом времени:

Предоставьте человека самому себе и... человек *будет* очень *требователен*. Помял., Мещ. сч. Не знаю... *буду* ли я через год *сыт*, или буду нищий. Гонч., Обломов. Цель *будет прекрасна*. Гоголь, Мерт. д. Даже легкая рана *будет смертельна*. Лерм., Герой н. в.

3б. Предложения, в которых предикативный признак субъекта утверждается в рамках грамматической категории будущего времени как кратковременное состояние в указанном грамматическом времени:

Правда, правда! — отвечала она: — я *буду* сегодня *весела*. Лерм., Герой н. в. Она никогда не знала накануне, *будет* ли *сыта завтра*. Тург., Зап. ох. Что-то она ему скажет?.. о чем спросит, *будет довольна* или нет? Гонч., Обломов.

§ 64. Предложения с местоименными формами имен прилагательных в сказуемом утверждают субъекта с данным предикативным признаком в одном из трех грамматических времен не относительно двух других, а безотносительно к ним.

Предложение *Она была весела* утверждает, что она была весела в прошедшем времени и не является таковой в настоящее время, а предложение *Она была веселая* утверждает только то, что она была веселая в прошедшем времени, а какая она в настоящее время, остается необозначенным.

Обстоятельственные слова, уточняющие время, ограничивают или делают неограниченным предикативный признак в рамках одного из трех грамматических времен: *вчера она была веселая, она всегда была веселая; сегодня она веселая, она всегда веселая* и т. п.

Уточняющие и ограничивающие слова указывают не на кратковременность пребывания субъекта в данном состоянии или с данным свойством, а на то́, что говорящему известен данный субъект с данным свойством только в границах, указанных уточняющими словами. Слово *вчера* в предложении *Вчера она была веселая* ограничивает высказывание пределами этого времени. То же слово *вчера* в предложении *Вчера она была весела* ограничивает принадлежность предиката субъекту пределами этого времени.

1. Предложения, в которых предикативный признак утверждается в рамках грамматической категории настоящего времени безотносительно к ограничению его в этом времени и безотносительно к другим грамматическим временам:

Говорят, Саша Песоцкая и *умная*, и *хорошая*. Помял., Мещ. сч. Ерошка мигнул Оленину на Белецкого: — Да что, он *гордый*. Толст., Казаки. Вы *злой!* За это я вас и упрекала. Гонч., Обломов. У тебя все *добрые*. Тург., Зап. ох. Мы не

слепые, мы видим, что около нас происходит. Тург., Накануне. Старуха *злая, полубезумная.* Герц., Кто вин.

Предложения с местоименными формами в сказуемом употребляются весьма редко, если предикативный признак в действительности является кратковременным у данного субъекта:

Ну, вот, встал бы утром, — начал Обломов. — Погода *прекрасная,* небо *синее-пресинее,* ни одного облачка. Гонч., Обломов. Солнце не *огнистое,* не *тускло-багровое,* но *светлое* и приветно *лучезарное.* Тург., Зап. ох.

2. Предложения, в которых предикативный признак утверждается в рамках грамматической категории прошедшего времени безотносительно к ограничению его в этом времени и безотносительно к другим грамматическим временам:

Девка *была простая,* да такая *злющая.* Тург., Зап. ох. Товарищ... *был вертлявый,* с белейшими зубами. Толст., Казаки. И то, *умная была* бабушка. Помял., Мещ. сч. Лысина *была круглая* — и лоснилась. Гонч., Обломов. День *был сырой и холодный.* Лерм., Герой н. в. Волос на нем *был черный, густой.* Гоголь, Мерт. д. День *был* сегодня *удушливый.* Герц., Кто вин.

То же находим у современных писателей, например:

Сено нынешний год *будет хорошее.* В. Пан. Винт можно покрасить синькой — *будет голубой.* В. Пан. Пальцы у него *были* очень *тонкие.* В. Пан. Лицо у него *было некрасивое,* худое, с длинным носом. К. Сим. Глаза у него *были усталые,* но *внимательные.* К. Сим. Он вышел со склада, и лицо у него *было удовлетворенное, таинственное и довольное.* Г Ник. Глаза у ней *были красивые и разные:* один ярко-голубой, другой ярко-желтый. Г. Ник. Они (Василий и Андрей) *были свежевыбритые.* Г. Ник. Все трое *были рослые, плечистые, степенные.* Г. Ник.

Предложения с местоименными формами в сказуемом употребляются весьма редко, если предикативный признак в действительности был кратковременным у данного субъекта:

Коли бы *пьяный был,* тогда бы еще понятно было. Толст., Казаки. Лицо Леночки *было.... кроткое и спокойное.* Помял., Мещ. сч. Иные утверждали, что прежде порох *был сырой.* Лерм., Герой н. в. Однажды тишина... в доме *была идеальная.* Гонч., Обломов.

Творительный предикативный имен прилагательных при глаголах бытия встречается весьма редко и в произведениях XIX века. Например:

Разговор *был общим.* Лерм., Герой н. в.

У современных писателей творительный предикативный местоименных имен прилагательных употребляется при глаголах бытия гораздо более широко. Например:

Походка его (Андрея) *была* такой *спорой,* что длинноногий Василий едва поспевал за ним. Г. Ник. Потери с обеих сторон за первые сугки *были* примерно *равными.* К. Сим. Письмо Маши тоже, в сущности, *было недлинным.* К. Сим. Недоброжелательность по отношению к Тане... *не была случайной.* Э. Казак. *Была* она (Маланья) *некрасивой, неловкой* в работе. Г. Ник. Изорванная повесть *была* тем *единственным,* о чем не надо было говорить даже Маше. К. Сим.

§ 65. В произведениях XVII—XVIII вв. имена прилагательные продолжали употребляться в функции сказуемого чаще всего в именной форме также при глаголах преобразования. В этом сказывалась сила литературной традиции.

Приведем примеры употребления именительного падежа именных форм имен прилагательных при разных глаголах преобразования.

При глаголе *стать*:

Таков уж и *стал темнообразен,* валяется на земли. Авв., Пис. Сим., 340. И я поднял и положил его на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть (=стал) *здрав.* Авв., Жит., 77. А как всѣ *пьяни стали*... Ист. Вас. Кор., 123. И он по-старому *хорош стал.* Авв., Жит., 148. И оне до меня *и добры стали.* Авв., Жит., 113. Большую половину Московского государства выжгли... и от тово в миру *стал* всякой хлеб *дорог.* Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 20. Скоро наместник *известен стал* о моем по сему делу мнении. Рад., Пут., Зайц.

При глаголе *становиться*:

От него *виден становился* ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости. Рад., Пут., Едрово. Но он (человек)... *становится послушен* велениям себе подобного, словом, становится гражданином. Рад., Пут., Зайц.

При глаголе *учиниться*:

А опосле *учинились добры* до меня. Авв., Жит., 76. И он на меня *учинился печален.* Авв., Жит., 78. И Уруслан свету тому добре *рад учинился.* Ер. Лаз.

При глаголе *деятися, делаться*:

И ста близ меня по праву руку... и *мил ся* мне *дея.* Авв., IV, Чел. Ал. Мих., 297. А ныне зрит издалеча и *мил ся деет* ко Аврааму. Авв., Кн. Бес., X, 229. 'С трепетом молю и *мил ся делаю.* Авв., Чел. Фед. Ал., 300.

При глаголе *творитися*:

Пьющему потакаеш, льстиш, *вежлив ся твориш* пред ним. Ярыж., 73. Вижду тя, сын мои, что ты меня боишися, а во гресех своих *неразсужден творишися.* Кур. лис., 212.

Местоименные формы имен прилагательных при этих глаголах отмечаются весьма редко и притом в творительном предикативном падеже:

Конь... стал есть корм попрежнему и *делаится* господину своему *готовым*. Ист. кор. Ар., 104. Одново желаю — перед богом *стати* вам *непостыдным*. Авв., IV, Чел. Ал. Мих., 290. И тем *подобнюю* Дидоне *учинилась*. Майк., Ел.

§ 66. В литературных произведениях XIX в. уже можно отметить значительное количество случаев употребления творительного предикативного местоименных форм имен прилагательных при отдельных глаголах преобразования; однако при глаголе *стал* попрежнему господствует употребление именных форм имен прилагательных, например:

Столичная жизнь *стала* слишком *дорога*. Герц., Кто вин. Я *стал искусен* в науке жизни. Лерм., Герой н. в. Шли годы, а они не уставали жить... кривизны жизни *стали понятны*. Гонч., Обломов. И то, *ловок стал* Лукашка твой, — прибавил урядник, обращаясь к старику. Толст., Казаки. Люди, прежде близкие, *стали* ему *чужды и далеки*. Помял., Мещ. сч. Андрей Петрович пришел: я заметила, что он *стал худ* и *бледен*. Тург., Накануне. Или я *глуп стал*, состарился что-ли, — не понимаю. Тург., Зап. ох.

Местоименные формы имен прилагательных в именительном падеже при глаголе *стать* представлены в литературных произведениях XIX в. единичными примерами.

Он... смолол однажды... фунта три кофе с таким усердием, что у него лоб *стал мокрый*. Гонч., Обломов. Он здоров, слава богу, — возразил Влас: — *Красный* такой *стал*. Тург., Зап. ох. Вот вы какие *нехорошие стали!* Гонч., Обломов. Какой же я *стал гадкий*. Гоголь, Мерт. д.

Еще более редко употреблялся творительный предикативный местоименных форм имен прилагательных:

И вот письмо *стало* ему *заветным*. Помял., Мещ. сч.

У современных писателей при глаголе *стал* свободно употребляется как второй именительный, так и творительный предикативный местоименных форм имен прилагательных.

Примеры с вторым именительным:

Сема, ох, Семочка, — твердила она растерянно и радостно... — Возмужал, *интересный стал*. В. Пан. И такой ты *стал большущий* и такой *симпатичный*, что я просто горжусь, что я твоя сестра! Г. Ник. Вот ты какой *рассудительный стал*, — сказал Соенко. К. Сим.

Примеры с творительным предикативным:

Больше всего постарели руки — *стали жилистыми, некрасивыми*. В. Пан. Он вдруг *стал* совсем *близким, своим*. А. Рыб. Мы не учли, что наши рамки, рамки автобазы, *стали*

для конторы *тесными*. А. Рыб. Она смяла платок, взглянула и покачала головой: платок *стал черным*. В. Пан.

При глаголе *становиться* у писателей XIX в. представлена как именная форма имен прилагательных в именительном падеже, так и местоименная форма имен прилагательных в творительном падеже.

Примеры с именной формой в функции сказуемого:

Лето подвигалось, уходило. Утра и вечера *становились темны* и *сыры*. Гонч., Обломов. Подошедшие к ним три дамы... прервали разговор, который *становился* мучительно *любопытен*... Пушк., Пик. д. Он *становился угрюм*. Герц., Кто вин. Как он тревожился, когда... взгляд ее *становился сух, суров*, брови сжимались. Гонч., Обломов. Но как несказанно *великолепен и ясен становится* день, когда свет, наконец, восторжествует. Тург., Зап. ох.

Примеры с творительным предикативным местоименных форм в функции сказуемого:

Он *становился... капризным, чужим* всему. Герц., Кто вин. Руки всякого касавшегося *становились похожими* на перчатки. Гоголь, Мерт. д.

При глаголе *сделаться* употреблялись по преимуществу именные формы в именительном падеже, а местоименные в творительном предикативном; во втором именительном эти последние употреблялись весьма редко.

Примеры с именными формами имен прилагательных в функции сказуемого:

Она не настолько привыкла к книгам, чтобы они ей *сделались необходимы*. Герц., Кто вин. Хорошенькое личико *сделалось* совсем *нехорошо*. Помял., Мещ. сч. Он *сделался бледен*, как полотно. Лерм., Герой н. в. На втором стакане *сделался* он *разговорчив*. Пушк., Пов. Бел., 88. Мы полюбили друг друга так внезапно, так быстро, как будто оба вдруг *сделались больны*. Гонч., Обломов.

Примеры с творительным предикативным местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого:

Когда он бывает в бане, то руки у него из черных *сделаются* только *красными*, а потом опять *черными*. Гонч., Обломов. Скоро веселость его *сделалась общею*. Пушк., Пов. Белк., 23. Лицо ее, всегда непривлекательное, *сделалось отвратительным*. Герц., Кто вин. Сухощавый и длинный дядя Митяй *сделался похожим* на деревянную колокольню. Гоголь, Мерт. д. Собака *сделалась сивою* из черной. Толст., Казаки.

Единичными являются примеры употребления второго именительного местоименных форм имен прилагательных при этом глаголе:

То улыбка — и глаза *сделаются масляные,* то вздох — и глаза *сделаются медовые.* Герц., Кто вин. Бледные щеки впали, глаза *сделались большие, большие.* Лерм., Герой и. в.

У современных писателей творительный предикативный употребляется очень часто, ср.:

Хозяйство *сделалось* сразу таким *многосторонним* и *сложным,* что уже невозможно стало за всем «доглядеть» самой. Г. Ник. Темносиниее небо вдали *делалось зеленоватым.* К. Сим. Лицо его при этом *делалось хмурым.* А. Рыб. *Суровым сделался* ее характер. Г. Ник. Степанида *сделалась маленькой и далекой.* Г. Ник.

При глаголе *делаться* можно отметить творительный предикативный местоименных прилагательных:

При этом глаза его *делались* чрезвычайно *сладкими.* Гоголь, Мерт. д. Самое светлое чувство *делается острым, жгучим, делается темным.* Герц., Кто вин.

С глаголом *выйти* в смысле «стать» отмечена местоименная форма в именительном падеже:

Есть на свете много таких вещей, которые... если на них взглянет одна дама, *выйдут* совершенно *белые,* а взглянет другая — *выйдут красные, красные,* как брусника. Гог., Мерт. д.

§ 67. При глаголах выявления и называния в памятниках XVII—XVIII вв. имена прилагательные продолжали употребляться в силу литературной традиции в именной форме.

При глаголе *явитися*:

Гнев ваш кротостию *побежден явился.* Ист. Ал. рос., 151. Кто *явится* от вина весь *шумен* и *безумен,* да пивом он обзадорится. Ярыж., 84. Чего ради *жестокосерд* толико *явишися,* и чрез многое время ко мне не умилишися? Кур. лис., 218. Спрятался (Адам) бедной под куст, как *подъявитца наг.* Авв., Кн. Толк., 259. Иоанн же живяше у купца того немалое время и во всем ему *послушив являшеся* и пребываше тих и кроток. Ел., 243. Ты не был столько строг въ гневе и троям, колико *лют теперь являешися* мне. Майк., Ел. В особой комнате *явился* столь *готов.* Богд., Душ.

При глаголах *казаться, показаться, сказаться*:

Исперва *будет казатися* людем *кроток,* и *смирен,* и *милостив,* и *человеколюбив.* Авв., Кн. Толк., 235. Однако она ему для любви *сносна показалась.* Ист. кор. Ар., 99. Планета *показалась* велми *удивленна!* Яр. цес., 200. Хто пьян, то всяк *сказывается богат* велми. Ярыж., 78. И тот... Василей... сам к Москве не поехал... (и) *скозался болен...* Яков., Хол. Моск. г-ве, 341. Одежды мои столь блестящие, *казались замараны* кровью и *омочены слезами.* Рад., Пут., Спас. пол. Слушаючи

оное (уложение), которыя пунктъты *покажутца несходны* к нашему народу, то протиф оных и старого Уложеня, или новыя пункты дѣлат. Акты Петра I, 74.

При глаголе *нарещися*:

Тогда аз *счастлива нарекусь*. Сим. Пол., Юдифь. Если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, *блаженны наречемся*. Рад., Пут., Подбер.

При глаголе *называться*:

А ныне того *чуждь называешься*? Ист. Ал. рос., 173.

При глаголе *зрится*:

Мне *зрится* он с долбней на мосту *стоящ*. Рад., Пут., Новг.

В памятниках XVIII в. уже заметным становится употребление при глаголах выявления и называния местоименных форм имен прилагательных в творительном падеже, например:

Король сему *показался непротивным*. Ист. кор. Ар., 107. Природа *завистливою* нам на сей раз *оказалася*. Рад., Пут., Чудово. Хотя Амуры в том, по правде *жадными* отнюдь не *почитались*. Богд., Душ. Не *приличится* ли *виновною* она. Майк., Ел.

Ср. творительный предикативный местоименной формы имени прилагательного при сочетании глагола с инфинитивом *называться*:

Счастливыми называться мы *можем*. Рад., Пут., Подбер.

Можно отметить случай употребления местоименной формы относительного прилагательного в именительном падеже при глаголе *нарицатися*:

И пришедшу ему въ нутренний градъ, и поставленъ бысть на мѣсто горнее, еже *нарицается Лобное*, и ту нача многа чюдеса творити просящимъ съ вѣрою. Ин. сказ., 61.

§ 68. В литературных произведениях XIX в. при глаголах в ы я в л е н и я и н а з ы в а н и я, кроме именной формы имен прилагательных, был широко представлен творительный местоименной формы.

Примеры с именной формой имен прилагательных при глаголе *казаться*:

Если моя выходка вам *кажется смешна* — пожалуйста, смейтесь. Лерм., Герой н. в. Только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц, одни *кажутся недвижны*. Гог., Мерт. д., 356. *Любопытен кажется* ему всякий сказанный ими вздор. Гонч., Обломов. Девки... почти с испугом смотрели на него, когда он пил. Это им *казалось странно* и *неприлично*. Толст., Казаки. Они ей *казались обыкновенны*. Герц., Кто вин. В этом наряде она *казалась* мне *ужасна* и *безобразна*. Пушк., Пик. д.

Примеры с творительным предикативным местоименной формы имен прилагательных при глаголе *казаться*:

Елена *казалась покойной,* но ничего не могла есть. Тург., Накануне. Картежная игра и офицерские кутежи... *казались* ему *непривлекательными.* Толст., Казаки. Ему стало понятно то, что прежде *казалось ужасным.* Толст., Казаки. Инсаров *казался* им очень *грозным...* Тург., Накануне. Если он *казался нездоровым,* она была больна. Герц., Кто вин. Все *казалось* ему *неприязненным, чуждым.* Герц., Кто вин. Память его *казалась священною* для Маши. Пушк., Пов. Белк. Вначале Егорушке... дико было среди комнат профессора, которые *казались* ему уж очень *чистыми* и *громадными.* Помял., Мещ. сч. Многим вообще все эпитафии *кажутся смешными.* Лерм., Герой н. в. Она была несколько томна, когда он взглянул на нее, но *казалась покойною и неподвижною,* как будто каменная. Гонч., Обломов.

У современных писателей при глаголе *казаться* господствует творительный предикативный местоименных форм имен прилагательных, ср.:

У него исчезло и *казалось странным* даже в воспоминаниях былое чувство, что он новичок в этой танковой бригаде. К. Сим. Оттого, что зубы оставались стиснутыми, улыбка *казалась жестковатой и озорной.* Г. Ник. Речь его *казалась резковатой,* хотя он почти всегда бывал вежлив. К. Сим. Люди, теснившиеся вокруг, *казались* особенно *хорошими.* Г. Ник.

Примеры с именной формой имен прилагательных при глаголах *показаться, оказаться*:

Иногда Антипка что-то *сомнителен покажется:* пьян не пьян, а как-то дико смотрит. Гонч., Обломов. Я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе *покажется маловажна.* Лерм., Герой н. в. Местность *показалась* ему совершенно *незнакома* и *непохожа* на ту, которая окружала станицу. Толст., Казаки. Деревня *показалась* ему довольно *велика.* Гог., Мерт. д. Адриану лицо его *показалось знакомо.* Пушк., Пов. Белк. Им вдруг все *показалось* очень *забавно.* Тург., Накануне. Климат Петербурга *оказался* для него *гибелен.* Герц., Кто вин.

Примеры с творительным предикативным местоименных форм имен прилагательных при глаголах *показаться, оказаться*:

Обе талии ему *показались* очень *похожими* на искусственные. Гог., Мерт. д. Это *показалось* ей довольно *странным.* Пушк., Пик. д. Последнее обстоятельство *показалось* очень *важным* советнику. Герц., Кто вин. Она побоится пойти дальше от дома, своротит, завидя мужика, который ей *покажется подозрительным.* Гонч., Обломов. Не отвечайте мне, ради бога, если мой вопрос вам *покажется нескромным.* Тург.,

Накануне. В миг кораблекрушения вода нам *показалась* чрезвычайно *холодной*. Тург., Зап. ох. Некоторые черты в его характере *показались* мне *замечательными*. Лерм., Герой н. в.

Таким образом, при глаголах *показаться, оказаться* творительный предикативный местоименных форм и второй именительный именных форм имен прилагательных в литературных произведениях XIX в. одинаково распространены.

При глаголах *называться* и *считаться* отмечены местоименные формы имен прилагательных в творительном падеже:

Кожаное кресло Ильи Ивановича только *называется кожаным*. Гонч., Обломов. Кто бишь в истории *считается* особенно *великодушным?* Тург., Накануне.

§ 69. Под влиянием литературной традиции в памятниках XVII—XVIII вв. имена прилагательные продолжали употребляться в именной форме при глаголах пребывания, вещественного движения, а также при некоторых глаголах действия.

Приведем примеры со вторым именительным именных форм имен прилагательных при глаголах пребывания.

При глаголе *бывать, пребывать*:

И пришедши любезно зрю на вас, *каковы пребываете*, и здраво ли вы почиваете. Кур. лис., 214. Ты, ерш, хоробро живеш, благо баеш, лишь судеи матаеш, *прав не бываеш*. Ерш., 159. Днесь *пьян бывает* и богат вельми, а как проспитца, перекусить нечего. Ярыж., 63. Всяк, крестивыйся тремя персты, *изумлен бывает*. Авв., Пис. Сим., 336. И *пребыл* я несколько мгновений *отриновенен* окрестных мне предметов. Рад., Пут., Брон. Но яко же часы *различны бываютъ*, понеже иные болѣе, иные меншеѣ колес требуют, тако и государства в семъ различны, и невозможно подлинное число тѣхъ Колегии определить. Акты Петра I, 270.

При глаголе *предстоять*:

Не знали они, что *трепетен* всегда *предстою* собственному моему суду. Рад., Пут., Зайц.

При глаголе *остаться*:

Той же Юшка *остася* послѣ отца своего *младъ* зѣло съ матерею своею и наученъ бысть отъ нея божественному Писанию. Ин. сказ., 17. Кто *остался жив*, тому честь и слава. Сув., 44.

При глаголе *жить*:

Там снегу не живет, морозы *велики живут*, и льды толсты замерзают, — близко человека толщины. Авв., Жит., 115.

При глаголе *сидеть*:

И Лазарь поп *наг* же *сидит* в земле. Авв., Кн. Бес., I, 201. И ныне я сирота твой *сижу ск(кован)* в кайдалах. Хоз.

Мор., № 43. Молодец на пиру *не весел сидит*... зачѣм ты на пиру *не весел сѣдишь? кручиноват, скорбен, нерадостен?* О гр. зл., 6.

При глаголе *лежать*:

А я *лежу* под берестом *наг* на печи. Авв., Жит., 101. Нищ же бе некто именем Лазарь, иже *лежаше* пред враты его *гноен*. Авв., Кн. Бес., X, 228. И тако *наг* нужно *лежит* в суетах мирских. Рим. д. И Бова *лежал мертв* три часа. Про Бову. А кучер *лежит* в корете жестоко *пьян*. Фр. Скоб., 64. И после сам *лежит повержен*, яко скот. Майк., Ел.

При глаголе *стоять*:

Ажно по конец мосту *стоит* паробочек *молод* добре. Ер. Лаз. *Толстехунек* миленькой *стоит*. Авв., Кн. Бес., IV, 211.

Примеры со вторым именительным именных форм имен прилагательных при глаголах д в и ж е н и я:

При глаголах *ходить, идти, поити, прийти, сойти* и т. п.:

Да и рубахи надобно: часто *наг хожу*. Авв., Пис. семье, 322. *Идет весел, не кручиноват*. О гр. зл., 11. В трудѣх и в посту чуть *жива ходит*. Ск. Вас., 288. А кто всяк день *пьян ходит*, сие лекарство с похмелья в здравие приводит. Лечеб., 250. Сам я Савушка хотя и *наг поиду*, а вас шта бубнов поведу. Поп. Сав., 235. *Пошел пеш* и, куды идет, не ведает. Ист. Ал. рос., 155. И *поидоша пеши* во град. Яр. цес., 209. Тужил я об вас много и *пошел пеш*. Ист. Ал. рос., 164. И домой *пришол* добре *не весел*. Ер. Лаз. Цесар *пошол наг* до замка. Рим. д. *Пошел* в дом свой зело *скорбен*. Авв., Жит., 73. Всегда муж тои *пьян приходит*. Ярыж., 88. Однако *сошел* с коня *оружен*. Ист. кор. Ар., 97. Кто ли... изпив вина гораздо, не *шален отидет?* Ярыж., 84. А я была единожды к вам пришла, и тут от тебя насилу з бесчестием *жива* чуть *ушла*. Кур. лис., 223. От царя *прихаживал весел и радостен*, а ныне домой *пришел* если *не весел*. Ер. Лаз.

При глаголе *бежать*:

И наперед перед стадом *бежит* жеребец *велик* добре. Ер. Лаз.

При глаголе *брести*:

А сам и протопопица *брели пеши*. Авв., Жит., 98.

При глаголе *прилететь*:

Сей тотчас *прилетел* к нему *несом*, как ветром. Майк., Ел.

При глаголе *встать*:

Потом с радостию *здравы* и *веселы* встали, по любѣзном союзѣ. Ел., 250.

При глаголе *приехать*:

Какие ты орды человек таков *прыток приехал* ко мне. Ер. Лаз. И все люди радуяся говорят: *«богаты приедем!»* Авв., Жит., 102.

При глаголе *волочиться*:

Оба бражники... *волочатся ни сыты, ни голодны.* Авв., О бож. и тв., 276.

При глаголах *пасть, свалиться*:

И Лукапер *свалился* с коня *мерт.* Про Бову.

Пад на землю *мертв.* Про Бову. Кто *пал мертв* или *обезоружен,* тот и виновен. Рад., Пут., Новг.

При глаголе *плавать*:

Двадесять два лета *плаваю* и так и сяк, иногда *наг,* иногда *гладен.* Авв., Кн. Бес., IX, 225.

При глаголе *скакать*:

И в тот час у быстри рѣки *скоча* Горе из-за камени, *босо, наго,* нѣт на горе ни ниточки. О гр. зл., 10.

При глаголе *отступить*:

Приими от меня дары, или какои град желаеш и *отступи* от моего государства *жив* и *здрав!* Яр. цес., 206.

При глаголе *возвращаться*:

Но в сем пути никто *не возвращался жив.* Богд., Душ.

При глаголе *рыскать*:

Ту ища не устали, А сласть се познали, Вскач и *пеши* к той *рыщем.* Тред., Прош. любви.

При разных глаголах д е й с т в и я:

Многие люди в кампании *пьяны напиваютца* и оттого тяжело воздыхают. Лечеб., 249. И под конец пира я бы, как и другие, *напился пьян.* Рад., Пут., Новг. Таковое детище или *бесно родится,* или *безумно,* или инако *развращенно* и *недостаточно.* Авв., Кн. Толк., 262. Человек *родится* в мир *равен* во всем другому.· Рад., Пут., Зайц. А кто *обрящется противен,* того осуждай. Авв., Кн. Толк., 235. Друг наш и брат *обретается жив* и *не удавлен* от еретиков. Авв., Отцу, 369. Потом мати моя овдовела, а я *осиротел молод.* Авв., Жит., 72. На Устюге пять лет беспрестанно *мерз* на морозе *бос.* Авв., Жит., 128.

Только в единичных случаях отмечен творительный предикативный при глаголе п р е б ы в а н и я:

И за ту науку на кораблях *старшим пребывал.* Ист. Вас. Кор., 109.

Таким образом, можно сказать, что при глаголах пребывания, вещественного движения и при некоторых глаголах действия в памятниках XVII—XVIII вв. почти исключительно употребляется именная форма имен прилагательных в именительном падеже.

§ 70. В литературных произведениях XIX в. при глаголах пребывания и вещественного движения попрежнему продолжали употребляться в большом количестве именные формы имен прилагательных. Однако наряду с этими формами стал

употребляться и творительный предикативный местоименных форм имен прилагательных.

Представляется целесообразным изложить материал по отдельным глаголам или их группам, так как удельный вес в употреблении тех или других форм имен прилагательных колеблется в зависимости от характера указанных выше глаголов.

При глаголе *бывать* засвидетельствованы именные формы имен прилагательных:

В такие дни жар *бывает* иногда весьма *силен*. Тург., Зап. ох. Но дружба, основанная на этих законах, редко *бывает прочна*. Помял., Мещ. сч. Пожар *бывает* очень *продолжителен* там, где много жирных веществ. Герц., Кто вин. Нравственные поговорки *бывают* удивительно *полезны*. Пушк., Пов. Белк. Эпиграммы его иногда *бывают не метки*. Лерм., Герой н. в. Жизнь есть жизнь, долг, — говорила Ольга, — обязанность, а обязанность *бывает тяжела*. Гонч., Обломов.

В единичных случаях можно отметить местоименные формы второго именительного при этих глаголах, например:

Днем сосны *синеватые бывают*. Дост., Прест. и наказ.

При глаголах *остаться, оставаться* употребляются второй именительный именной формы и творительный предикативный падеж местоименной формы имен прилагательных. При этом второй именительный именных форм имен прилагательных употребляется едва ли менее интенсивно, чем творительный предикативный местоименных форм имен прилагательных.

Примеры со вторым именительным именных форм прилагательных при глаголе *остаться:*

Обломову нужды... не было, являлась ли Ольга Корделией и *осталась* ли бы *верна* этому образу или пошла бы новой тропой. Гонч., Обломов. Вы не *остались равнодушны* ко мне. Герц., Кто вин. Наконец ей удалось написать несколько строк, которыми она *осталась довольна*. Пушк., Пик. д. Он *остался* несколько *угловат* и *неловок*. Помял., Мещ. сч. *Бесплодны остались* все письма, запросы. Тург., Накануне. Сердце *осталось пусто*. Лерм., Герой н. в.

Примеры со вторым именительным именных форм прилагательных при глаголе *оставаться:*

Везде нам хозяева наши *благодарны оставались*. Толст., Казаки. И Ольга не справлялась... бросится ли он для нее в бездну, лишь бы он *оставался верен* идеалу мужчины. Гонч., Обломов.

Местоименная форма имен прилагательных во втором именительном падеже отмечается при этих глаголах в единичных случаях, например:

Он *остался* тот же *простой, благородный, юный.* Герц., Кто вин.

Широко представлено употребление творительного предикативного местоименных форм имен прилагательных при этих глаголах.

Примеры с творительным предикативным имен прилагательных при глаголе *остаться:*

Что же касается до рядчика, судьба которого... мне *осталась неизвестной,* то он показался мне... городским мещанином. Тург., Зап. ох. Купцы и духовные *остались верными* Круциферскому. Герц., Кто вин. А теперь мне даже нравится, что я в первый раз *осталась равнодушною.* Тург., Накануне. И в этих близких встречах она *осталась* в моих глазах все столь же *чистою, неприступною и величавою.* Толст., Казаки. Но воспоминание о ней *останется неприкосновенным* в душе моей. Лерм., Герой н. в.

Примеры с творительным предикативным имен прилагательных при глаголе *оставаться:*

Выражение губ *оставалось презрительным.* Тург., Зап. ох. То, что было грязно, так и *оставалось грязным.* Гог., Мерт. д. Всякое противоречие было бесполезно, и он *оставался правым* без аппеляции. Гонч., Обломов. Инсаров *оставался* попрежнему *спокойным* и *ясным.* Тург., Накануне.

При глаголах, обозначающих пребывание субъекта в том или другом состоянии, имена прилагательные засвидетельствованы по преимуществу в местоименной форме второго именительного падежа; однако иногда отмечается именная форма второго именительного.

Примеры употребления именной формы имен прилагательных при глаголах, обозначающих пребывание субъекта в том или другом состоянии, встречаются в единичных случаях:

Громады дворцов, церквей *стоят легки и чудесны.* Тург., Накануне.

Примеры употребления при этих глаголах местоименной формы второго именительного падежа засвидетельствованы в более многочисленных случаях:

Погода *стояла прекрасная.* Тург., Зап. ох. Погода *стояла ясная и прохладная.* Герц., Кто вин. С час она *лежала неподвижная, бледная.* Лерм., Герой н. в. Егор Иванович *сидел измученный* и *угрюмый* в своей комнате. Помял., Мещ. сч. Ергушов был тот самый казак, который *пьяный спал* у избы. Толст., Казаки.

При глаголах, обозначающих движение субъекта в том или ином направлении или безотносительно к направлению, имена прилагательные засвидетельствованы по преимуществу в двух формах: в местоименной форме второго именительного и

именной форме второго именительного. Однако встречаются случаи употребления творительного предикативного при рассматриваемых глаголах.

Местоименную форму второго именительного падежа едва ли можно считать наиболее распространенной формой имен прилагательных при этих глаголах, хотя в живом языке она является, несомненно, наиболее распространенной:

Он *приходил* домой морально *свежий, сильный* и совершенно *счастливый.* Толст., Казаки. Хозяйство *пошло* такое же *грубое, простое,* но *жирное* и *обильное.* Гонч., Обломов. Иногда *придет* отец сильно *пьяный, злой, непокладный.* Помял., Мещ. сч. Вишь дождик *реденький пошел.* Тург., Накануне. Он *явился веселый, радостный,* Гог., Мерт. д. Он *воротился* поздно и *нетрезвый.* Герцен, Кто вин. А только с тех пор он все *невеселый ходит.* Тург., Зап. ох.

Ср. у современных писателей:

Дети у нее *ходят драные, неухоженные.* Г. Ник. Сейчас две маленькие вазы *стояли пустые.* В. Пан. Праздник был испорчен Нонной: она опоздала и Андрей *сидел скучный,* как день осенний. В. Пан. Они *сидели* друг против друга... совсем *разные* и в то же время чем-то *похожие* друг на друга. Г. Ник.

В литературных произведениях XIX в. широко представлена при рассматриваемых глаголах именная форма второго именительного падежа имен прилагательных; в этом факте нельзя не видеть отражения литературных традиций. Приведем примеры:

Гробовщик *пришел* домой *пьян* и *сердит.* Пушк., Пов. Белк. Из горнила их я *вышел тверд и холоден,* как железо. Лерм., Герой н. в. Я *вышел* из ванны *свеж* и *бодр.* Там же.

В отдельных случаях именная форма лексически отделилась от местоименной, например:

Пускай бога молит, что сам *цел ушел,* — сказал Лукашка, смеясь. Толст., Казаки.

В данной фразе именная форма прилагательного *цел* означает «невредим», а местоименная форма *целый* означала бы «не разбитый на части».

При глаголах, обозначающих движение субъекта, уже и в литературных произведениях XIX в. засвидетельствован творительный предикативный имен прилагательных, например:

А я... *шляюсь чужим, ненужным* по разным странам. Герц., Кто вин. Он первый перед ними *явился мрачным.* Пушк., Пов. Белк. Часу в седьмом вечера он *возвращался усталым, голодным,* с пятью-шестью фазанами за поясом. Толст., Казаки.

Такие примеры находим и у современных писателей, ср.: *Последним прибыл* подполковник Сизых. Э. Каз. Василий *приехал* домой *веселым* и *молодым.* Г. Ник. Мысленно ли думать, что мир *останется прежним,* если в нем больше нет Сонечки и Ляли? В. Пан.

При глаголах, обозначающих действие субъекта, в результате которого изменяется положение субъекта, засвидетельствованы в литературных произведениях XIX в. все три формы имен прилагательных.

Примеры с именной формой второго именительного имен прилагательных:

Бельтов сделал опыт увезти Софи... и, вероятно бы, увез, если б кучер не *нарезался пьян.* Герц., Кто вин. Хоть бы он *напился пьян.* Гог., Мерт. д. Или он *пьян надуется,* да и напьется не как человек, а так что-то. Толст., Казаки.

Примеры с местоименной формой второго именительного имен прилагательных:

Сны *снились* такие *смутные.* Гонч., Обломов. Иной и вовсе *мертвенький родится.* Помял., Мещ. сч. А иногда он *проснется* такой *бодрый, свежий, веселый.* Гонч., Обломов.

Примеры с местоименной формой творительного предикативного падежа:

Абреки засели в яме, стреляли и грозили, что не *отдадутся живыми.* Толст., Казаки.

Глава V

ОТМИРАНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЧАСТИЙ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ИХ МЕСТЕ ФОРМ ГЛАГОЛА

§ 71. По мнению Потебни, изменения в употреблении причастий в функции сказуемого определяются фактом сосредоточения предикативности в глаголе за счет предикативности имени и причастия. Это имеет следствием замену причастного сказуемого глагольным. «В древнем языке, — говорит Потебня, — употребление причастия, формы промежуточной между именем в тесном смысле и глаголом, было гораздо обширнее, чем в новом, и причастие могло иметь такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая в новом возможна лишь в личном глаголе и отчасти в неопределенном наклонении»[1]. Итак, все изменения причастий в сказуемом выражают собой стремление сосредоточить предикативность в глаголе, вследствие чего причастия теряют свою предикативность или вытесняются. На этой точке зрения стояли в последующем все комментаторы Потебни. Однако эта точка зрения является неверной.

Верно, что причастия от ряда глаголов, превращаясь в деепричастия, теряют некоторые свои свойства; верно также, что они вытесняются из области сказуемого при других глаголах. Но эти процессы не являются результатом сосредоточения предикативности в глаголе. Что дело здесь состоит не в сосредоточении предикативности в глаголе, доказывается следующими соображениями:

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 534.

1. Так как на достигнутой нашими языками ступени развития предикативность есть категория предложения, а не части речи, то идея о сосредоточении предикативности в глаголе означает вытеснение глаголом других частей речи из области сказуемого. Никакого другого смысла идея о сосредоточении предикативности в глаголе по отношению к нашим языкам не может иметь.

2. Имена существительные и имена прилагательные функционируют в качестве предиката, и ничто не подтверждает, что это их свойство является регрессирующим, отживающим или что оно является пережиточным и т. п., не соответствующим современному состоянию языка. Более того, нечленные формы имен прилагательных специализировались только в функции предиката, и ничто не предвещает, что они должны быть вытеснены из этой области. Одно из двух: или мы переживаем эпоху сосредоточения предикативности в глаголе — тогда функционирование имен в сказуемом есть элемент отмирающего качества, явление уходящее, отживающее, или мы не переживаем эпохи сосредоточения предикативности в глаголе, и тогда функционирование имен в сказуемом есть элемент существующего, функционирующего качества, явление современное, не отживающее, не отмирающее. Принимая это последнее, мы должны отвергнуть первое.

3. Некоторые категории причастий в исторической жизни наших языков действительно вытеснялись из области сказуемого, и притом большею частью глаголом; это как будто бы подтверждает тезис о сосредоточении сказуемости в глаголе. В самом деле, если первоначально говорили «конь бѣ стоя», а потом стали говорить «конь стоит», то действительно напрашивается вывод о сосредоточении предикативности в глаголе. Такому выводу противоречит тот несомненный факт, что не все причастия вытесняются из области сказуемого, а только некоторые; например, страдательные причастия прошедшего времени совершенного вида нормально функционируют в роли предиката, и ничто не предвещает, что они будут вытеснены из этой области.

Одно из двух: или употребление имен в сказуемом есть явление отмирающее, отживающее, и тогда действительно этот факт мог бы служить доказательством того, что предикативность сосредоточивается в глаголе, или употребление имен в сказуемом не есть явление отмирающее, отживающее, и тогда о сосредоточении предикативности в глаголе нет оснований говорить. Принимая первое, мы должны отвергнуть второе, то есть сосредоточение предикативности в глаголе.

Следовательно, факт вытеснения некоторых причастий из области сказуемого должен быть объяснен не как результат

сосредоточения предикативности в глаголе, а как результат каких-то иных процессов.

4. Факт видоизменения причастий в деепричастия не может быть понят как результат сосредоточения предикативности в глаголе, ибо деепричастия не потеряли способность выступать в функции сказуемого, а только специализировались на такой предикативной функции, которая отличается от предикативной функции глагола. В предложении *Сидя за столом, он писал* предикативную функцию имеет не только глагол *писал,* но и деепричастие *сидя;* ср. диал. *он выпимши.*

Итак, теория, согласно которой причастия подвергаются тем или другим изменениям в функции сказуемого под влиянием сосредоточения предикативности в глаголе, совершенно неверна.

§ 72. Прежде чем говорить о причинах изменений в употреблении причастий в сказуемом, необходимо установить, в чем собственно эти изменения состоят. Обычно дело представляется так: действительные причастия настоящего и прошедшего времени вышли из употребления в области сказуемого; страдательные причастия настоящего времени также вышли из употребления в области сказуемого, а если и употребляются, то под влиянием книжных традиций. Такое представление не указывает на единство этих процессов, а сами процессы представляются существующими параллельно.

Так представляют себе дело Овсянико-Куликовский [1], Грунский [2], Шахматов [3] и многие другие. На такой же точке зрения стоял и Потебня. Говоря о сочетании причастий действительных (кроме причастий на *-лъ*) с *есмь, буду* и пр. [4], он указывает на вытеснение их в известном порядке. Говоря о сочетании причастий страдательных с *есмь, бѣхъ* и пр. [5], он выясняет их природу, но только в отдельных случаях указывает на вытеснение некоторых из этих причастий из области сказуемого. Совершенно очевидно, что при таком понимании процессы изменений в употреблении: а) действительных причастий, б) страдательных причастий представляются самостоятельными и параллельными.

В действительности же разные процессы изменений в употреблении причастий в функции сказуемого представляют собою одно явление: как основное изменение в употреблении вторых падежей имен состоит в замене их творительным

---

[1] «Синтаксис русского языка», стр. 57 и сл.

[2] «Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков», т. I, вып. 3, стр. 27 и сл.

[3] «Синтаксис русского языка», 1925, вып. I, стр. 182 и сл.

[4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 128.

[5] Там же, стр. 141.

предикативным (или предложным оборотом), так и основное изменение в употреблении причастий, кроме форм на *-лъ* в сказуемом состоит, как это будет показано в дальнейшем изложении, в замене причастий несовершенного вида глаголом или именем в собственном смысле.

Следовательно, изменение причастий, кроме форм на *-лъ*, в сказуемом состоит не в отдельных процессах, например: а) вытеснения действительных причастий настоящего времени, или б) вытеснения действительных причастий прошедшего времени, или в) вытеснения страдательных причастий настоящего времени и т. п. Изменение причастий в сказуемом состоит в вытеснении одних из них независимо от категории времени и залога, но в зависимости от категории вида и в преобразовании грамматической природы других из них, т. е. тех, которые остались функционировать в роли сказуемого.

Итак, основное изменение в употреблении причастий в сказуемом состоит в том, что все причастия, за исключением причастий на *-лъ*, разделились в своей дальнейшей судьбе на два разряда: а) причастия несовершенного вида полностью вытеснены из области сказуемого, б) причастия совершенного вида сохранились в области сказуемого.

Предложенное понимание отдельных процессов изменения причастий в сказуемом находится в полном противоречии с установкой Потебни, выразившейся в следующей формулировке:

«До тех пор, пока оба страдат. причастия сохраняют способность входить в сочетании с глаголом для образования сказуемого, в этом последнем всегда явственно различается изображение двух событий и двух времен, почему такое сказуемое и не может считаться одною формою. В этом отношении нынешний русский литературный язык, развившийся из древнего языка без перерывов и поэтому проникнутый консервативными стремлениями, мало чем отличается от старославянского и древнерусского, так как сохраняет оба причастия. Он лишь слегка отмечает некоторые сочетания прич. наст. страд., как более архаические, менее употребительные, но удерживает их. Может показаться, что неловко сказать «был ругаем», но все-таки это по-русски и отличимо без всяких объяснений от вполне обычного «был руган» [1].

Из этого рассуждения Потебни с совершенною очевидностью вытекает, что употребление в сказуемом причастий страдательного залога прошедшего времени несовершенного вида есть явление закономерное, что употребление страдательных причастий настоящего времени также возможно, с тою только

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. 1888 стр. 143—144.

разницею, что они отмечаются печатью архаичности. Следовательно, никакой мысли о вытеснении причастий несовершенного вида из области сказуемого у Потебни нет. Правда, Потебня не может не отметить тот факт, что «причастие прошедшее страд. от глаголов несовершенных более длительных как бы начинает выходить из употребления, по крайней мере в отдельных случаях: можно сказать: «был укоряем, упрекаем, обвиняем, распространяем, устраняем, оберегаем», «было приобщаемо, сообщаемо к сведению», но нельзя сказать «был укорян, упрекан», «было приобщано»[1]. Однако дальше Потебня подчеркивает, что хотя употребление страдательных причастий ограничивается, но оба они в языке сохраняются.

В действительности рассматриваемое явление заключалось в том, что из области сказуемого были вытеснены не отдельные причастия, а причастия несовершенного вида как настоящего, так и прошедшего времени.

При этом сочетания с действительным причастием в сказуемом в роде «бѣ обладая Олегъ поляны» стали заменяться частью конструкциями с глаголом в сказуемом от того же корня, что и причастия, например: *Олег обладал полянами*, частью — конструкциями с именем в сказуемом от того же корня, что и причастия, например: *Олег был обладателем полян*. Некоторые древние обороты с действительным причастием в сказуемом с точки зрения норм современной речи могут быть переданы только оборотом с глаголом в сказуемом, например: «суть кони тамъ стояче» в современном языке может быть передано — *кони там стоят*.

Сочетания с страдательными причастиями несовершенного вида в сказуемом вроде «поле засевано» стали заменяться частью конструкциями с действительным глаголом в сказуемом вроде *поле засевали*, частью конструкциями с возвратною формою глагола в сказуемом вроде *поле засевалось*.

Таково основное изменение в употреблении причастий в сказуемом, которое прослежено в подробностях в дальнейшем изложении.

§ 73. Установить причины этих изменений — значит установить те условия, при которых они м о г л и произойти, а также те условия, при которых они д о л ж н ы были произойти.

Рассмотрим те условия, которые сделали возможным устранение причастий несовершенного вида из области сказуемого.

Как известно, причастия как грамматическая категория занимают промежуточное положение между глаголом и име-

[1] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 144.

нем: с глаголом их связывает то, что они обозначают действие и образуются от глагольных основ, например: *чита-ти* — *чита-въ* или *чита-въши; читај-у* — *читај-а* или *читај-учи; мог-у* — *мог-а* или *мог-учи.*

С именем, т. е. с именем прилагательным, их связывает то, что они обозначают действие как атрибут другого предмета и изменяются по родам и падежам сообразно с родом и падежом имени существительного, к которому они относятся, например: *ида, мога* (форма муж. рода, ед. ч., им. падежа); *идучи, могучи, плетучи* (форма женск. рода, ед. ч., им. падежа); *ведуча* (форма род. падежа муж. рода); *ведучу* (форма дат. падежа муж. рода) и т. п.

Конструкции с причастиями в сказуемом в общеславянском языке-основе сближались, несмотря на различие внутри их, с конструкциями, имеющими, с одной стороны, глагол, с другой — имя в сказуемом. Конструкции с причастием в сказуемом сближаются в одном отношении с конструкциями, имеющими в сказуемом имя существительное. «Причастия, — говорит Потебня, — несмотря на свое различие, вносят в такие сочетания один общий оттенок, сходный с тем, какой сообщают составному сказуемому имена существительные, сохранившие свой признак, и прилагательные, причем разумеется само собою, что это сходство не простирается до тождества» [1].

В другом отношении конструкции, имеющие в сказуемом действительные причастия, сближались с конструкциями, имевшими в сказуемом глагол. Причастия сообщали синтаксическому сочетанию, в котором они функционировали в качестве сказуемого, общий оттенок, сходный с тем, какой сообщает такому сочетанию глагол как грамматическое выражение действия некоего подлежащего.

В этом смысле идет речь о промежуточности конструкций с действительным причастием в сказуемом. Когда для понимания сущности древних сочетаний с причастиями в сказуемом мы интерпретируем их средствами современного языка, заменяя причастия именем в собственном смысле слова или глаголом, то этим увеличиваем в первом случае отличие сочетаний с причастием от сочетаний с простым глаголом, а во втором случае увеличиваем различие сочетаний с причастием от сочетаний с именем в сказуемом. Интерпретируя древние выражения «суть дань дающе» и «суть хитро сказующе» средствами современного языка как *они дают дань* и *они искусно говорят,* с одной стороны, и как *они данники* и *они искусные рассказчики* — с другой, мы разрушаем тем самым специфичность этих конструкций: в первом случае мы отдаляем их от

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 138.

конструкций с именем в сказуемом, а во втором случае — от конструкций с глаголом в сказуемом.

В последующей истории языка причастия в функции определения и причастия в функции сказуемого стали все более отдаляться друг от друга; нечленные формы причастия в функции определения в косвенных падежах стали выходить из употребления; нечленные формы причастий действительного залога, сохранив формы именительного падежа, продолжали употребляться только в функции сказуемого. Утратив формы косвенных падежей и перестав употребляться в функции определения, они тем самым утратили свою атрибутивную природу. Сохраняясь только в функциях сказуемого, они оказались по своему грамматическому назначению в одном ряду с глаголами.

Утратив те свойства, которыми они отличались от глагола, причастия действительного залога утратили и необходимость своего употребления в функции сказуемого. Теперь они уже могли быть вытеснены глаголом из области сказуемого, так как их роль в языке перестала отличаться от роли глагола.

Так возникла та совокупность условий в языке, без наличия которой причастия действительного залога не могли бы быть вытеснены из области сказуемого.

Возможность вытеснения причастий действительного залога, благодаря наличию в языке определенных условий, превращается в действительность. Глаголы по сравнению с причастиями действительного залога имели то преимущество в функции сказуемого, что они имели формы лица. В общеславянском языке-основе личные местоимения в функции подлежащего не употреблялись. Ввиду этого наличие форм лица у глаголов и отсутствие их у причастий при тождественности их грамматической роли в системе языка делали неизбежным отмирание употребления причастий действительного залога в функции сказуемого и замену их в этой области глаголом. И действительно, причастия действительного залога настоящего времени на *-а, -я, -учи, -ючи* и прошедшего времени на *-въ, -въши* вышли из употребления в области сказуемого.

Что касается причастий прошедшего времени действительного залога на *-лъ*, то они имели другую судьбу: еще раньше они были втянуты в систему глагольных времен и функционировали в языке не как именное сказуемое, а как элемент в глагольном формообразовании. Однако история показывает, что перестали употребляться в функции сказуемого не только причастия действительного залога, но и причастия страдательного залога несовершенного вида; причастия страдательного залога совершенного вида употреблялись в функции сказуемого и про-

должают без всякого ограничения употребляться и в современном языке.

Чем объяснить такую разницу в судьбах причастий страдательного залога совершенного и несовершенного вида?

Причастия страдательного залога несовершенного вида обозначали в сказуемом действие в процессе его протекания, т. е. как деятельность. А всякая деятельность действующего предмета, данная в процессе ее протекания, находила свое нормальное выражение путем функционирования глаголов в сказуемом. Причастия же несовершенного вида, поскольку они функционировали в этой же роли, не могли сохранить свое существование, так как не обладали тем преимуществом, которым обладали глаголы, следствием чего и явилось их вытеснение из области сказуемого глаголом.

Причастия совершенного вида, каковыми были только причастия прошедшего времени, не могли разделить судьбу причастий несовершенного вида: они выражали действие лица не как протекающий процесс, а как действие в его готовом результате безотносительно к процессу его протекания. Это — во-первых. Во-вторых, функциональная роль этих причастий в сказуемом определялась, ограничивалась, формировалась не соотношением с функционированием собственно глагола в сказуемом, а соотношением с функционированием причастий на *-лъ* в сказуемом, которые вытесняли собою прошедшие времена глагола. Следствием этого и является особая судьба причастий совершенного вида в сказуемом: о них нельзя сказать, что они выполняли в системе языка ту же роль, что и глагол.

Итак, причастия несовершенного вида не могли удержаться в языке потому, что их грамматическая роль в системе языка совпала с грамматическим назначением глагола, а средства для выполнения этого назначения были беднее, чем у глагола: причастия же совершенного вида должны были сохраниться в языке потому, что их функционирование в сказуемом, их грамматическая роль в системе языка не совпадала с грамматическим назначением в языке глагола.

В каком же отношении находится функционирование причастий совершенного вида к функционированию глагольных форм в сказуемом?

С точки зрения категории вида отношение между страдательными причастиями совершенного вида и глаголами прошедшего времени совершенного вида равно отношению между страдательными и действительными причастиями несовершенного вида и соответствующими глаголами настоящего и прошедшего времени несовершенного вида. Если во втором случае причастия несовершенного вида были вытеснены из области

сказуемого, то нет основания думать, что причастия совершенного вида не должны были разделить судьбу причастий несовершенного вида, если бы дело зависело только от категории вида.

Следовательно, приходится предполагать, что в грамматической природе причастий совершенного вида произошли какие-то сдвиги между этими причастиями и соответствующими глаголами по сравнению с соотношением между причастиями несовершенного вида и соответствующими глаголами.

Необходимость фиксации этого сдвига уже отмечалась в литературе предмета. Так, Есперсен в своей книге «Философия грамматики» указывает на необходимость учитывать факт утери страдательными причастиями сочетаемости с падежом реального производителя действия. На этом основании некоторые ученые [1] делят страдательные причастия в русском языке на сочетающиеся с творительным производителя действия и не сочетающиеся с этим падежом. Однако это деление не соответствует действительности: любое страдательное причастие, если оно не превратилось в прилагательное (а такие не должны учитываться при решении поставленного вопроса) может сочетаться с падежом реального производителя действия, при любом причастии может быть поставлен творительный субъекта. Дело, следовательно, не в том, что есть причастия, сочетающиеся с падежом реального производителя, и есть причастия, не сочетающиеся с этим падежом, а в том, что в большинстве случаев, во всяком случае в художественной литературе, когда во фразе нет падежа реального производителя действия, страдательные причастия выражают действие безотносительно к его реальному производителю.

Таким образом, предполагаемый нами сдвиг в грамматической природе страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида не может выражаться в разделении причастий на группы в зависимости от сочетаемости или несочетаемости с падежом реального производителя действия.

Мы думаем, что предполагаемые нами сдвиги в грамматической природе причастий совершенного вида состоят в редуцировании, дезактуализации момента выражения действия и сообразно с этим в редуцировании, дезактуализации категории залога.

Отметим, что причастия несовершенного вида сохранялись и не вытеснялись глаголом в той мере, в какой они функционировали не в качестве слов, означающих в сказуемом действие, например, *он любимый, первоначальные законы неписанные* и т. п. И причастия совершенного вида членного образования,

---

[1] И. П. Мучник. О залогах русского глагола. «Ученые записки» кафедры русского языка Москов. пед. ин-та, 1939, стр. 165.

теряя свои глагольные свойства, т. е. свойства выражать действие в сказуемом, сохраняются и не вытесняются глаголом.

Синтаксические конструкции с причастием страдательного залога прошедшего времени совершенного вида в членной форме в функции сказуемого грамматически находятся в ряду таких конструкций, которые в сказуемом имеют атрибут. Это основано на том, что названные причастия в членной форме в функции сказуемого в русском литературном языке теряют свои глагольные свойства и переходят в разряд обычных атрибутов, на что совершенно справедливо указал Шахматов [1], а также и Пешковский [2]. Последний категорически заявляет, что причастия страдательного залога прошедшего времени, приобретая членную форму, «обязательно переходят в непричастное прилагательное» [3].

Не представляют исключения в смысле выражения действия нечленные причастия страдательного залога совершенного вида. Они также в большинстве случаев функционируют в современном языке не как выразители действия в сказуемом; в таких предложениях, как *дети были сыты, обуты и одеты,* причастия не функционируют как формы выражения действия какого-то производителя, и в данном случае совершенно неуместен был бы творительный действующего лица; выражение *дети были сыты, обуты и одеты родителями* является необычным, и эта необычность состоит в необязательном для данного случая сдвиге в функционировании причастий в сказуемом в сторону сообщения им большей действенности. Вообще нечленные причастия прошедшего времени совершенного вида утрачивают в своей семасиологической природе момент действенности. Грамматическая природа страдательных причастий состоит, как известно, в том, что они обозначают действие, оформляя его в виде атрибута такого предмета, который не является производителем этого действия, предполагая производителя действия, который обычно выражается творительным действующего лица. Так как момент действия в грамматической природе страдательных причастий совершенного вида редуцируется, то естественно редуцируется в природе этих причастий и момент предположения действующего лица: получаются конструкции вроде *нога вывихнута,* в которых выражается действие в его готовых результатах безотносительно к процессу его протекания и безотносительно к производителю этого действия. Нормальным функциональным назначением нечленных страдательных причастий совершенного вида в ска-

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 55.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 1937, стр. 205.

[3] Там же.

зуемом является не выражение так называемого «страдательного залога», а выражение действия в его готовых результатах безотносительно к процессу его протекания, безотносительно к его агенту, в форме свойства такого предмета, который не является производителем этого действия, но который испытывает на себе результат этого действия. Подавляющее число примеров с названными причастиями в сказуемом, встречаемые в литературной практике, являются ярчайшей иллюстрацией к описанной грамматической функции страдательных причастий совершенного вида в сказуемом.

Только в особых стилях, например в актовом, юридическом, нечленные страдательные причастия совершенного вида в сказуемом иногда сочетаются с творительным падежом действующего лица, и тогда оживает в этих причастиях и момент действенности, и, соответственно, момент залоговости.

Все вышеизложенное имело целью показать, почему нечленные страдательные причастия совершенного вида не были вытеснены из области сказуемого глаголом: они не были вытеснены глаголом потому, что не находились в соотношении с последним по моменту выражения действия, потому, что они нашли себе особое место в структуре грамматических функций сказуемого. Это место не совпадает с местом кратких прилагательных, ср. *ребенок мал и обут*; здесь *мал* и *обут* (нечленное прилагательное и нечленное причастие) функционируют в разных планах; это место не совпадает с местом имен существительных, ср. *ребенок умница* и *ребенок обут;* здесь *умница* и *обут* также функционируют в разных планах; это место не совпадает с местом действительных глаголов совершенного вида; ср. *ребенка обули* и *ребенок обут;* это место не совпадает с местом возвратного глагола совершенного вида, ср. *ребенок обулся* и *ребенок обут;* в первом случае выражается действие, во втором состояние предмета, безотносительно к агенту этого состояния. Ни один из этих планов не находится в одной плоскости с функционированием страдательных причастий совершенного вида в сказуемом, и потому не может быть противоречия между функционированием этих причастий и других предикативных форм в сказуемом.

Причастия несовершенного вида функционируют в сказуемом в одной плоскости с функционированием соответствующих глаголов, поскольку и первые и последние обозначают действие в процессе его протекания, и потому возникает противоречие между функционированием глагола и причастия в сказуемом, которое разрешается путем устранения одной из противоположных сторон.

Причастия же совершенного вида не находились в одной плоскости соотношений с глаголом по категории выражения

действия, и потому не возникло противоречия между функционированием глагола и этих причастий в сказуемом и не произошло вытеснения первым последних.

§ 74. Кроме имени существительного и имени прилагательного, в древнерусском языке функционировали в качестве сказуемого и действительные причастия настоящего времени на *- учи, - ячи, - а, - я* и прошедшего времени на *- въши, - ъши.*

Употребление причастий настоящего времени действительного залога при глаголах бытия.

При разных формах связки настоящего времени:

Есть: И есть церки та *стоящи* въ Корсунѣ градѣ. Лавр. л., 109. Бъ *есть сѣдя* на нбсѣхъ и на престолѣ славимъ от англъ. Ип. л., т. II, в. 1, 165.

Суть: Суть же (Грьци) хитро *сказающе,* и чюдно слышати ихъ. Лавр. л., 104. Послахъ отрокъ свои въ Печеру, люди, яже *суть* дань *дающе* Новугороду. Лавр. л., 107.

Есмы: Намъ же укоренымъ сущимъ ... отъ безаконыхъ тѣхъ Агарянъ, а *чающе есмы* Божия благодати и лика преславна. Ип. л., 135.

Без связки настоящего времени:

Князь Петръ на Пскове был преже того князем, и псковичь всѣх знаша, а псковичем онъ *знающ*. Пск. I л., Погод. сп., 97. Не воръ бы былъ, ни бражникъ, ни зерншикъ, ни тать. ни разбойникъ, ни блудникъ, ни всякому зло *творящъ*. Дом., 61.

При разных формах связки прошедшего времени:

Бысть: Бысть Иоанъ *крьстя* въ пустыни и *проповѣдая* крьщение покаянию. Остр. ев., Марк, I, 4 (явился Иоан крестителем и проповедником); и прозрѣ, и *бысть видя*. Срезн., Сказ. Бор. Гл., 80 (стал зрячим) и *бысть* (имя его. — *Л. Т.*) *побеждая,* а не побѣдимы. Пск. I л., Тихан. сп.

Быша: Егда же несяхуть и къ гробу, предивно знамение бысть на небеси: *быша* три солнца *съяюче* межи собою, а столпи трие *стояще* отъ земля до небеси. Ип. л., 18.

Быхомъ: Опустѣша села наша и городи наши, *быхомъ бѣгаючи* (вм. -че) предъ врагы нашими. Лавр. л., 95 (мы стали беглецами или мы стали бегать).

Бѣ: И бѣ обладая Олегъ Поляны... а съ Уличи и Тѣверци имяше рать. Лавр. л., 24 (был обладателем). А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и *бѣ володѣя* единъ в Руси. Лавр. л., 74. Послаша Деревляне лучьшии мужи свои. числомъ... къ Ользѣ. и приста подъ Боричевом въ лодьи. *бѣ* бо тогда вода *текущи* возлѣ горы Кыевьскыя. Ип. л., т. II, в. 1, 45.

Бяху: Бяше около града лѣсъ [1] и боръ великъ, и *бяху ловяща* (-ще) звѣрь. Лавр. л., 9 (были звероловы). И приѣха на

---

[1] В памятнике «сѣсъ» — описка.

мѣсто, идеже *бяху лежаще* кости его (коня) голы. Ип. л., т. II, в. 1, 31.

При связке будущего времени:

Буди: Вѣда буди, благородныи княже: божественымъ вдохновениемъ сотворена бысть душа. Посл. митр. Никиф. Русск. Дост. I, 64.

Будеши: Будеши стеня и *трясася* до живота своего. Лавр. л., 38. И *будуть блудяще* въ языцѣхъ. Лавр. л., 96.

Таким образом, причастия настоящего времени действительного залога широко употреблялись в функции сказуемого при глаголах бытия, являющихся связками.

§ 75. В памятниках, отражающих белорусский язык, причастия действительного залога употреблялись сравнительно редко в простых предложениях и более часто в придаточных предложениях.

Примеры употребления причастий действительного залога настоящего времени в роли сказуемого в простых предложениях:

Насѣне естъ слово Бжее, а который при дорозѣ, *суть слухаючий,* потомъ приходитъ диаволъ, й беретъ слово от срдца йхъ, абы вѣрячы не были збавлены. Е. К., 120. *Были дрыжача* и *скрыжтаюче.* Сб. XV в. Публ. биб., № 391, 20. *Были есмо веселячес.* Псалт. XVI в.

Примеры употребления причастий действительного залога настоящего времени в роли сказуемого в придаточных предложениях:

Воленъ панъ Войтехъ и его пани, и его дети, и напотомъ будучымъ его счадкомъ тотъ вышейписаный дворъ отдати и продати, и заменити и розширити, и к своему вжиточъному и лепъшому оберънути, как самъ налепей *розумеючи;* а паней Миколаевой и ее детем, и ближнимъ ее в тотъ дворъ вже не надобе вступатисе. Р. И. Б., Л. — М., XXVII, 829 (III—IIIб), 1502. Што *мога* угожал. Сб. XVI в. Позн. Маеть платити як *могучи.* Грод. акт кн. Да яси, что *хотя.* Тайна, т. XVI. Колко хто *хотечи* и *могучи.* Сб. XVII в.

Памятники XV—XVI вв., отражающие белорусский язык, указывают на то, что причастия действительного залога настоящего времени уже в значительной степени были вытеснены из области сказуемого глаголом.

§ 76. Если причастия настоящего времени действительного залога относительно широко употреблялись в древних памятниках, то причастия прошедшего времени действительного залога почти не встречались уже в древнейших памятниках. Судя по обилию примеров, как вышеприведенные «бѣ любя» и пр., можно бы, — говорит Потебня, — ожидать такого же обилия примеров сочетания, как «есмь (бѣ, бяше и пр) судивъ».

Однако в Остр. ев. таких сочетаний вовсе нет, а в других цсл. памятниках они редки»[1]. В древнерусских памятниках они также редки. Потебня привел только два следующих примера из древнерусских летописных сборников:

Аще ли *покаявшеся* будемъ, всѣхъ грѣхъ прошени будемъ. Лавр. л., 72. Наѣхаша пещеру непроходну, въ ней же бяше множьство Чуди *влѣзше*. Новг. I л., 59.

Таким образом, в древнерусских памятниках отсутствуют указания на сколько-нибудь значительное употребление в функции сказуемого причастий прошедшего времени действительного залога, кроме причастий на *-лъ*, при глаголах бытия. Только в единичных случаях встречаются примеры такого рода в белорусских памятниках:

Ино мы съ паны радами нашими того *досмотревшы:* колижъ пани литаровая на тыи роки сама ся не становила, и тыхъ привилеевъ перед нами не покладала, — мы тым Лебедевичомъ тое именье дали въ держанье до права. Р. И. Б., Л.-М., XX, 972. Богатыи теды збавленъ бываетъ, все свое штоколвекъ маетъ *отдавши*. Е. К., 184 (*мает отдавши* — «отдаст»).

§ 77. Изменения в употреблении разных причастий действительного залога были неодинаковы. Причастия прошедшего времени на *-лъ* в сочетании с глаголами бытия уже в общеславянском языке-основе втягивались в систему глагольных времен, и их дальнейшая судьба должна быть рассмотрена в связи с историей глагола.

Причастия прошедшего времени на *-в-*, *-ъши* и в последующей письменности не засвидетельствованы в функции сказуемого при глаголах бытия. Между тем по говорам эти причастия употребляются в функции сказуемого весьма широко.

Причастия настоящего времени действительного залога встречаются в функции сказуемого и в памятниках более позднего времени. Употребление этих причастий в функции сказуемого имело место в произведениях высокого слога даже в XVII в. и не отражало особенностей живого народного языка, например:

Он же на ложе в тосках *мечущеся* и *биющеся* и *стонуще* и *кричаще* люте зело, яки зверь под землею и желая отца духовного. Скоп.-Ш., 328. От стреляния же пищального смутися воздух и стемне облак, и не видяше друг друга и не *знающе*, хто бе от кою страну. Кат. -Рост. А от крови человеческих *бегуще* ручья и потоки. Яр. цес., 208. И в таковом ненасытном блужении и иное долгое время яко скот *пребывая*. Груд., 24.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 132.

Случаи употребления причастий настоящего времени действительного залога в функции сказуемого можно отметить и в произведениях XVIII в.

Праволов (Кривосудову): А за себя, чтоб Вас не разлучить, Позвольте моего мне друга посадить. Кривосудов: По мне вы как *хотя*. Кап., Яб., д. III.

§ 78. В ряде случаев засвидетельствованы примеры, в которых действительное причастие сочетается со вторым именительным падежом имени и относится к тому же подлежащему, при котором в сказуемом употребляется и глагол.

Андрей же князь толикъ *умникъ сы*, во всихъ дѣлѣхъ, добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаниемъ. Ип. л., 109 (будучи умником и т. п.). Преставися епископъ Володимерскый Стефанъ... *бывъ* преже *игуменъ* Печерьскому монастырю. Лавр. л., 96.

Примеры такого употребления отмечаются и в памятниках XVII в.: «Он же, аще и *млад сыи*... уязвлен бысть». Грудц., 24.

§ 79. Действительные причастия как настоящего, так отчасти и прошедшего времени употреблялись и при глаголах других категорий, принимавших участие в образовании именных предложений. Наиболее многочисленны случаи употребления причастий действительного залога настоящего времени. Они отмечаются при разных группах глаголов.

При глаголах выявления:

Явитися: Но аще потщимся заповѣди его сохранити, тогда *явимся* Бога *любяще*. Лавр. л., 129 (выявим себя любящим — окажется, что любим). Да не *явишися* человѣкомъ *постяся*. Остр. ев., Мат., 6, 18.

При глаголах пребывания:

Пребывати: Слугы не даша ему ничто же и тъ *пребысть неяды*. Срезн., Сказ. Бор. Гл., 34 (пребыл не ядящим, остался неевшим).

Непрестояти: Ростиславъ Пиньскый не *престаяше клевеща* (не переставал клеветать). Ип. л., 167 (507).

Сѣдѣти: Стославъ... *сѣде княжа* (= сел княжущим, т. е. сел княжить) ту въ Переяславци. Лавр. л., л. 19 об.

При глаголах движения:

Придти, идти: Шьдъ же и умыся и *приде видя* (= пришел видящим). Остр. ев., Ио., 9, 7. *Идяста видуче* зарю велику. Лавр. л., л. 70 об.

Ступити: Ступиша Половци *воюючи*. Лавр. л., л. 72 об.

Обрящатися: Аще ли *обрящются* Русь *работающе* у Грекъ. аще ли суть плѣньници. Лавр. л., л. 13.

При других глаголах:

Скончити: И яко *сконча зижа* (=окончил строить), украси ю (церковь) иконами. Лавр. л., 52.

Мьнити: Мьняаху духъ *видяще* (=думали, что видим дух). Остр. ев., Лк., 27, 37.

Что касается причастий прошедшего времени действительного залога, то они и не при глаголах бытия также редко отмечаются древними памятниками. Приведем некоторые примеры;

Повѣдатися: Повѣдаше бо ся изъ иного града *пришедши* (= сказывались пришедшими). Срезн., Сказ. Бор. Гл., 38.

Творити: Творять инии *слышавъше* отъ иныхъ епископъ (= показывают слышавшими). Въпраш. Кюрик. по сп. XII в. Калайд., Пам., 191.

Створити: Егда же си услыша старецъ, *сътвори ужегыися.* Срезн., Пам. Юс. п., 221. Причастие *ужегыися* имеет здесь местоименную форму (= показался обжегшимся).

Сожалѣти: Данило... *сожалиси отъславъ* сына си Лва и воѣ (= сожалел, что отослал). Ип. л., 190.

Причастия действительного залога при рассматриваемых глаголах встречаются и в памятниках более позднего времени, например в произведениях XVII в.:

В день за печью *лежишь свернувся,* яко пес голодом мрешь. Ярыж., 71. Останетеся вы тут и подождите мя, дондеже аз *шед искупаюся.* Рим. д. А *хожу* я *не етчи,* спать *ложуся не кушавши.* Азб. гол., 25.

§ 80. Совершенно иная картина открывается при изучении этих причастий в функции сказуемого в народных говорах. Прежде всего, если причастия настоящего времени в древних памятниках употреблялись в функции сказуемого относительно часто, т. е. чаще, чем употреблялись в соответствующих случаях причастия прошедшего времени, то в живых современных говорах, наоборот, причастия настоящего времени в функции сказуемого даже в придаточных предложениях почти не встречаются. Те случаи, которые мы находим в публикациях народной речи, по форме причастия представляют собой архаизм глубокой давности, когда известные категории причастий настоящего времени имели еще форму на *-а*, например; *голóсит як мога; кто кого смога, тот того в рога.*

Несравненно шире употребляются в диалектах причастия прошедшего времени в функции сказуемого, при почти полном отсутствии такого употребления этих причастий в старых памятниках.

Как известно, формы глагола прошедшего времени являются по происхождению причастием прошедшего времени на *-лъ.* В некоторых же диалектах наряду с причастием на *-лъ* иногда употребляется форма на *-вшы, -ши,* являющаяся по

происхождению причастием прошедшего времени действительного залога: *У яго дух* ***замерши***. ***Бывшы*** (была) *одна дяревня. Мацъ* ***памершы*** (умерла). *Каб я* ***увидевшы*** (увидел) *был бы* ***спросившы***, *чаго он приходил. Мая ж Машка туды замуж* ***вышовшы*** (вышла).

Употребляются иногда причастия на *-ушы* (*-шы*) в сочетании с вспомогательным глаголом *был*, например: *у Пятра была* ***наняушы*** *квартэра; они были* ***неделемшысь***; *наша свиння ужо* ***апарасившыся***; *карова была* ***атяливши***.

Из приведенного материала следует, что действительные причастия прошедшего времени в функции сказуемого употребляются в народных говорах относительно широко, во всяком случае намного шире, чем соответствующие причастия настоящего времени.

Но сказанное прежде всего относится к причастиям прошедшего времени совершенного вида. Следовательно, причастия несовершенного вида прошедшего времени и причастия настоящего времени, поскольку они несовершенного вида, имели в общем одинаковую судьбу: они почти в одинаковой мере вытеснены из области сказуемого.

§ 81. Факт наличия незначительного количества примеров употребления действительных причастий прошедшего времени в древних русских и старославянских памятниках Потебня объясняет следующим образом.

«Если взять во внимание, — говорит он, — что такие сочетания (*есмь судивъ* и проч.) обычны в литовском и латышском, что они известны в немногих примерах в ст.-чешском, что они оставили некоторые следы в нынешних влр. говорах, то будет вероятно, что их отсутствие или редкость в ст.-сл. и других русских памятниках — сравнительно позднего происхождения. Между тем, сочетания того же причастия прош. с другими глаголами, кроме *ес-, бы-, буде-*, напр., «мьниться слышавъ», как мы увидим, в старинном языке довольно обычны... Прямую противоположность этому составляет причастие на *-лъ*: сочетания его с гл. *ес-, бы-* чрезвычайно распространены во всех славянских наречиях, между тем как сочетания *-лъ* с другими глаголами, если и встречаются, то чрезвычайно редко, так что если бы встретилось выражение «мьниться слышалъ», то вероятнее было бы счесть его за два сказуемые «мьниться слышалъ есть», чем за одно, каково «мьниться слышавъ».

«Отсюда можно заключить, что языки славянские стремились избавиться от излишества двух сходных причастий прошед. действ. (*-ъ, -въ* и *-лъ*) и успели в этом, давши им различное назначение: первому — сочетаться с глаголами менее наклонными к формальности, а второму — с *ес-, бы-*, которые уже в древнем языке, по крайней мере в сочетаниях с прич.

на -лъ, хотя и не вполне формальны, но ближе первых к формальности»[1].

Основную мысль Потебни можно было формулировать так: две формы действительных причастий прошедшего времени на *-ъ, -въ*, с одной стороны, и *-лъ* — с другой, употреблявшиеся в общеславянском языке-основе в функции сказуемого, находились в позиции взаимного исключения; первые были вытеснены при глаголах *ес-, бы-, буде-* вторыми еще в доисторическую пору, во всяком случае до появления памятников письменности. Употребление действительных причастий прошедшего времени в функции сказуемого в некоторых диалектах служит доказательством былого употребления их в этой функции в древнерусском языке вообще. У нас нет основания отказываться от этого предположения, если с несомненностью доказано функционирование всех прочих имен в качестве сказуемого. Было бы неосновательно делать исключение для действительных причастий прошедшего времени на основании незначительного количества примеров их употребления в функции сказуемого в памятниках старой письменности. Этому противоречило бы как функционирование всех имен в качестве сказуемого, так и функционирование названных причастий в качестве сказуемого в некоторых диалектах.

Приведенные выше материалы позволяют установить следующий ход развития названного процесса в русском языке. Причастия действительного залога несовершенного вида выходили из употребления в функции сказуемого в разное время. Причастия действительного залога прошедшего времени несовершенного вида вытеснялись из употребления в функции сказуемого в древнерусском языке еще в доисторическую пору, и притом, как правильно подметил Потебня, причастиями прошедшего времени на *-лъ* (т. е. собственно перфектом). Что этот процесс надо отнести еще к доисторической поре, доказывается тем, что причастия действительного залога прошедшего времени несовершенного вида почти не встречаются в функции сказуемого уже в древних памятниках, в то время как причастия действительного залога настоящего времени еще продолжали по отражениям в памятниках нормально функционировать в роли сказуемого.

Таким образом, мысль Потебни о вытеснении причастий на *-въ, -въши* причастиями на *-лъ* еще в доисторическую пору является правильной только по отношению к причастиям на *-въ, -въши* несовершенного вида. Что же касается совершенного вида этих причастий, то они вытеснились причастиями на

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 132—133.

-лъ не повсеместно. В этом отношении мысль Потебни требует поправок; указанный процесс надо квалифицировать, как диалектальный: он имел место, может быть, в большинстве диалектов, легших в основание образования русского языка, но во всяком случае не во всех. В некоторых диалектах причастия действительного залога прошедшего времени совершенного вида продолжали функционировать в роли сказуемого долгое время, что и находило иногда редкое спорадическое отражение в памятниках. Диалектально такое положение сохранялось до последнего времени. В ряде диалектов причастия прошедшего времени на *-въ, -въши* совершенного вида продолжают функционировать в роли сказуемого наравне с причастием прошедшего времени на *-лъ.*

Причастия же настоящего времени действительного залога, напротив, еще функционировали в роли сказуемого в историческое время, что и нашло обильное отражение в древнерусских памятниках. Примеры употребления таких причастий в роли сказуемого встречаются как в главных предложениях, так и в особенности в зависимых предложениях. В последующей истории русского языка эти причастия были вытеснены из употребления в роли сказуемого как в главных предложениях, так и в зависимых предложениях. В некоторых современных диалектах мы находим случаи употребления причастий действительного залога настоящего времени в роли сказуемого главным образом в зависимых предложениях.

§ 82. В функции сказуемого наравне с другими именами выступают и причастия страдательного залога. Предложения, которые в функции сказуемого имеют причастия страдательного залога, образуют собой особый разряд синтаксических конструкций, противопоставляемый конструкциям с действительным глаголом в сказуемом. Первые из них можно было бы назвать страдательными конструкциями, вторые действительными. «Не знаем, — пишет А. А. Потебня, — была ли когда-либо в славянском языке другая возвратно-страдательная форма глагола, кроме до-ныне употребительной, предполагающей винительный падеж *ся,* и поэтому относительно поздней. Здесь история этого языка начинается для нас с факта присутствия в нем двух причастий страдательных, общих ему с литовским и латышским: настоящего с основною формою окончания темы *-ма,* и прошедшего с ос. оконч. темы *-та, -на.* Славян. язык, не прибегая к возвратному глаголу, может выразить страдательность в сказуемом лишь посредством сочетания одного из двух названных прич. страдательных с глаголом. Оттенок страдательности, вносимый причастием в сказуемое, не зависит от того, будут ли сочетаться с этим причастием формы *есмь, бѣхъ, быхъ* и пр., или другие глаголы, как

бываю, являюся и пр. При этом всякое сочетание выражает явление в виде двух событий: одного, означенного глаголом, другого — причастием» [1].

В современном русском литературном языке употребляются только причастия прошедшего времени совершенного вида.

Причастия страдательного залога настоящего времени относительно широко употреблялись в роли сказуемого в старославянском языке, например: «Знаеми были», Савв. «Строужемъ бѣаше». Супр. «Несомъ бяаше». Гр. Бог. «Вѣдоми бѣахъ». Гр. Бог. «Гонимъ бывааше». Акт., VIII, 29. Остр. ев. «Моучими боудоуть». Панд. Ант. «Спасаеми сутъ». Супр. «Биемъ бѫдеть». Гр. Бог. «Въздвижемъ бываеть». «Вѣдомъ бѣаше». Супр. (Миклошич, Сравнит. морф. сл. яз., 1889 г. стр. 169); те же примеры у Вондрака, Verg. Sl. gr. II [2], стр. 156; некоторыми из этих же примеров воспользовался и Мейе, а также добавил следующий пример: «Вьсѣко убо дрѣво посѣкаемо бываетъ и въ огнь вымѣтаемо». Мт. III—10.

Широко употреблялись причастия настоящего времени страдательного залога в древнерусских памятниках. Причем в древнерусских памятниках эти причастия встречаются в функции сказуемого чаще всего при глаголах бытия и иногда при глаголах движения.

Рассмотрим употребление причастий настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого по отдельным глагольным группам.

§ 83. Весьма часто причастия настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого употреблялись при связке *есмь — суть:*

Видѣвъ же Ярославъ. яко *побѣжаемь есть.* и побѣже сь Якуномъ княземь. Ип. л., т. II, в. 1, 135. Аще кто умреть отъ вашихъ людии то *възносимъ есть* на нбо. Лавр. л., л. 60 об. Согрѣшихом и *казними есмы.* Лавр. л., л. 74 об. Тѣмже вопию къ тебѣ, княже мой, *одержимъ есмь* нищетою помилуй мя, сыне великаго царя Владимера! Сл. Д. Зат., 9. А образы святыя поставляются, иже въ началѣ свято *почитаеми суть.* Дом. Яковл., 24. И есть градъ Казань, стоитъ доныне, всѣми Рускими людми *видимъ* и *знаемъ есть,* а не знающимъ *слышимъ есть.* Ист. Каз. цар., сп. Солов., 12.

Также многочисленны примеры употребления настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого при отсутствии связки настоящего времени:

Они же начаша пророки избивати, *обличаеми* отъ нихъ. Лавр. л., 95. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много *мучима* чистъ хлѣбъ подаетъ а в печали

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 141—142.

обрѣтаеть человѣкъ умъ совершенъ. Сл. Д. Зат., 11. Яко долготерпѣливыи Иовъ и нищии Лазарь, иже предъ враты богатаго на гноище лежалъ *гноемъ* и червми ядомъ. Дом. Яковл., 18. Окоянныи же се варваръ (кн. Чапкун), живъ на Москвѣ и служа самодержцу 5 лѣтъ, въ велицеи чести и любви, и отъ всѣхъ велможъ его, князеи, боляръ *любимъ* и *почитаемъ,* яко друг. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 89. Есть же путь до горъ *непроходимъ* пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмже не доходимъ ихъ всегда. Воскр. л., 10.

Разные формы связки прошедшего времени неодинаково употреблялись с причастиями настоящего времени страдательного залога; наиболее часто в сочетании с указанными причастиями употреблялась глагольная форма *бѣ,* отчасти *бысть,* менее употребительны формы *бяше, былъ.*

Малая употребительность связки прошедшего времени *бяше* объясняется, повидимому, тем, что формы имперфекта рано пали, вследствие этого форма *бяше* употреблялась в памятниках как отражение литературных традиций. Большая употребительность связки прошедшего времени *бѣ*, чем связки прошедшего времени *был,* в древнерусских памятниках объясняется книжным характером тех текстов, в которых мы находим употребление причастия настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого.

Приведем примеры употребления этих причастий при других формах связки прошедшего времени.

При связке *бѣ*:

Ярославъ же сей, якоже рекохомъ, *любимъ бѣ* книгамъ, (и) многы написавъ положи в святѣй Софьи, церкви, юже созда, самъ. Лавр. л., 149. *Бѣ любимъ* всѣми. за премногую его добродѣтель. Сузд. л., сп. Лавр., 348. Олегъ... нача молвити: Елико недостоитъ человѣку мудрости, всуе чюжую мудрость требуетъ, николи же Литва отъ Рязани *учима бѣ*. Сказ. Мам. поб., 30.

При связке *бысть*:

Яко овца на заколенье *ведомъ бысть*. Лавр. л., 98. И увѣданъ *бысть* всѣми великый Антоний и *чтимъ*. Лет. Нестора, 73. *Бысть* же тогда Казань *владеема* отъ Москвы. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 97.

При связке *быша*:

Быша обидимы Древлями и инѣми околними. Лет. Нестора, 7. Намъ же грѣшнымъ на большее мучение, яко праведницы *казними быша* всякими скорбми за наше беззаконие. Дом. Яков., 17.

При связке *бяше*:

Нѣкыи волхвъ именемъ. Аполоня Тянинъ. *знаемъ бяше* шествуя и творя всюду... чюдеса... пришедъ въ Оузантию.

оумоленъ быс от живущих ту створити сия. Ип. л., т. II, в. 1, 31.

При связке *был*:

Видѣлъ еси чадо, како въ житии семъ жихомъ во благословении и страсѣ Божии... и како *были* Божиею милостию отъ всѣхъ *почитаемъ,* и всѣми *любимъ*... Дом. Яковл., 149.

Для отнесения действия, выраженного причастиями настоящего времени страдательного залога к будущему времени употреблялась связка *буду — будут*:

Аще убьеть крстьянинъ Русина. да *дѣржимъ будеть* створивыи убиство. от ближнихъ убьенаго. Ип. л., т. II, в. 1, 41. А *будут* оба исца того города или волости *судимы,* и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны. Судеб. 1497 г., § 37.

Очень широко употреблялись причастия настоящего времени страдательного залога при глагольной форме *бывать,* главным образом в форме настоящего времени:

Бѣси бо на зло *посылаеми бываютъ.* Ип. л., т. II, в. 1, 120. Не отъ князеи и воеводъ или отъ простыхъ людеи *строима бываетъ* Казань, но отъ цареи. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 96. Злоначальный змий, сирѣчь ... попираемъ есть и, аки худая птица, удобь *поругаемъ бываетъ.* М. Грек, 30.

Многочисленные случаи употребления причастий настоящего времени страдательного залога в сочетании с глаголом *бывать* объясняются тем, что как причастие настоящего времени, так и глагол *бывать* означают длящееся действие.

Причастия настоящего времени страдательного залога при глаголах д в и ж е н и я в древнерусских памятниках употреблялись весьма редко, например:

Глѣбъ... *побѣже гоним* Бжьимъ гнѣвом. Сузд. л., сп. Лавр., 384. Како сие глаголеши, о... пророче? ибо лѣта довольна *бѣгалъ еси, гонимъ* отъ *Саула.* М. Грек, 10.

Уже в древних русских памятниках употребление причастия настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого в значительной степени поддерживалось литературными традициями. В грамотах употребление указанных причастий было весьма мало распространено. Однако это не означает того, что причастия страдательного залога настоящего времени не были свойственны русскому языку на древнейшей ступени его развития. Это доказывается тем, что в современном русском языке известны имена прилагательные, которые по происхождению являются причастиями настоящего времени страдательного залога, например *знакомый.*

Кроме того, в русском языке имеются имена существительные, которые истолковываются как субстантивированные причастия настоящего времени страдательного залога, например *отчим, подхалим* и т. п.

§ 84. Причастия страдательного залога настоящего времени засвидетельствованы не только в древней русской письменности, но и в так называемой западнорусской письменности, отражающей белорусский язык, например:

Еже у ветхомъ законе почитано и *покланяемо* было. Была почитана и *покланяема*. Р. И. Б., XIX, 55. Яко *учими* есмо Евангелием. Р. И. Б., XIX, 79. Приятна бо ему суть *приносима*. Р. И. Б., XIX, 125. Кроме жъ поста и воздеръжания и удаления от мира неудоб *справляемо есть*. Р. И. Б., XIX, 153. Не *похуляемо* велико имя безъмолвно. Р. И. Б., XIX 155. Розуму и обычаев и стану его вже давно так вы сами *свѣдоми* естесте. Атила, 194.

Употребление причастия страдательного залога настоящего времени стало сокращаться уже в дописьменную эпоху. В XV—XVI вв. причастие страдательного залога настоящего времени в функции сказуемого уже было мало употребительно в живом языке. Об этом свидетельствуют некоторые высказывания Ю. Крижанича. «У греков, — говорит он, — страдательное прич. настоящ. времени образуется от 1-го л. мн. ч., наст. вр.: от φιλοῦμεν — φιλούμενος. Так как это причастие у греков в очень большом употреблении, то и наши переводчики выдумали такое же... и от того же 1 л. мн. ч. *лю́бим* творят новую, никогда в людях неслыханную речь *люби́м* и производное имя *любимец*... Такого причастия и не было, и не будет в славянском... Обычны только два слова: *видом* в русской общей... и *знаком* в лешской отмене, но и те суть простые прилагательные, ибо не означают ни настоящего, ни какого-либо иного времени, и несогласны с сим числом (т. е. с 1 л., мн. ч. *видим, знаем*); *знаком* происходит от имени *знак* (Грам., стр. 102)»[1]. Совершенно очевидно, что во время Ю. Крижанича страдательные причастия настоящего времени не употреблялись или мало употреблялись в народном русском языке.

§ 85. Однако в порядке продолжения литературных традиций причастия настоящего времени страдательного залога употреблялись в памятниках XVII в., а отчасти и в памятниках XVIII в. Об этом свидетельствует тот факт, что случаи употребления указанных причастий в функции сказуемого мы обычно находим в произведениях высокого слога, вроде «Иного сказания», или в книжных контекстах в окружении архаических форм, как, например, в отдельных местах жития Аввакума или сатирических произведений. Любопытно отметить, что и в этих случаях употребление причастий настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого в настоя-

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 144.

щем времени не сопровождается употреблением связки *есть — суть:*

А прочии... вси побегоша, *гоними* духом святым. Авв., Жит., 84. Хвалимся и радуемся в скорбех своих, *мучими* от вас, никониян, в темницах. Авв., Кн. Бес., IX, 225. Им же Христова *содержима* плоть. Авв., Пис. Сим., 339. О люди Божии Царя небеснаго, никим вы в пустыняхъ *водимы* или *посылаеми.* Азов. сид., 342, 132, 2 ред. В бездне кабацкой *одержим* похмелями неизбытныя пропасти твоя, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел. Ярыж., 44. Отъ всѣхъ *проклинаемъ* и *попираемъ* и отъ всякого всяко *поругаемъ* за злохитреныя своя и суровыя обычая. Ин. сказ., 58.

Употребление причастий настоящего времени страдательного залога с связкой настоящего времени засвидетельствовано в единичных случаях:

Любим бо есть им. Авв., Кн. Бес., VII, 221. И християне *суть свидетельствуемы.* Авв., Жит., 65. И ныне великою бедою *одержим есмь.* Ярыж., 82.

Из форм связки прошедшего времени в памятниках XVII в. по преимуществу употребляется уже форма *был:*

Она ж в то время за ковалера от всех *почитаема была.* Ист. Ал. рос, 164. Чтобы... впредь... истинная християнская вѣра *была нерушима.* Ин. сказ., 71. Стрелецкие приказы *угощаемы были* водкой в доме князя Якова во второй раз. Мат. и док. по ист. СССР, вып. 5, 25. Чтобы тѣ всѣ дела по нынѣшнему его, в. г. указу и Соборному Уложению впредь *были* ничемъ *не рушемы.* Акты Петра I, 32.

Однако сохранялись еще формы связки прошедшего времени *бяше* и *бысть:*

И рекши то *не видим бысть* от очию их. Рим. д. И того ради от тетки много *сварима бѣ.* Юл. Лаз., 334. Мнози и приставы приставлены *быша принуждаеми* от нихъ съ великимъ воплемъ вопити и слезы точити. Ин. сказ., 14.

Причастия настоящего времени страдательного залога употреблялись в памятниках XVII—XVIII вв. и при связке будущего времени:

Тогда ни жена, ни другиа будет знать твоего спасения, сего деля *будешь влачим* у хвоста конского привязан. Рим. д. Тот *будет* от меня *почитаемъ!* Яр. цес., 215. И умертвят от вас, и *будете ненавидимы* всеми имени моего ради и власть главы вашея не погибнет. Авв., Пис. семье, 327. Правда, *наполняемы будут* отпускаемыми гарнизонами нечто из замков. Сув., 97.

Причастия настоящего времени страдательного залога могут быть отмечены и при инфинитиве *быть* в сочетании с формами долженствования:

Но они *должны быть руководствуемы* правилами, порядком и строгостью, а *управляемы* неусыпностью и прозорливостью. Сув., 75.

В памятниках XVII в. причастия настоящего времени страдательного залога продолжали еще употребляться и при глаголе *бывает:*

Многожды человек *убиваем бывает*. Рим. д. Суббота и неделя да *хранима бывает*. Авв., Кн. Толк., 260.

Однако при глаголах движения они отмечаются только в единичных случаях:

Да *отнесет* богом *храним* до рук сына моего. Авв., Пис. Мор., 303. До восстаннаго дни *лежат* благодатию *содержими*. Авв., Пис. Сим., 340.

§ 86. В литературных произведениях XIX в. причастия настоящего времени страдательного залога в единичных случаях также употреблялись, например:

Я знал, что матушка *была обожаема* крестьянами. Пушк., Кап. д̃. Он вел себя неосторожно, виделся в Москве с товарищами, *был* ими *угощаем*. Герц., Б. и д. Знал только, что он в отрочестве своем *обучаем был* немецкому языку тамошним пятидесятилетним врачом. Дмитр., Взгл. на м. ж.

Все эти примеры несомненно носят на себе отпечаток книжного происхождения. Случаи употребления страдательных причастий настоящего времени в современном русском литературном языке в функции сказуемого представляют собою отражение многовековой книжной традиции.

В современном белорусском литературном языке такие причастия неупотребительны: вместо *непереводимо, непоправимо, непередаваемо* и т. п. говорят — *неперекладальна, непапраўна, неперадавальна* и т. п. Причастие *любимый* имеет место и в белорусском языке: *любимы* или *любы*. Следует отметить, что ни в польском, ни в чешском, ни в сербском, ни в современном болгарском языке страдательные причастия настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого в настоящее время не употребляются.

§ 87. Замена причастий настоящего времени страдательного залога происходила частично путем вытеснения их в функции сказуемого возвратным глаголом, частично — путем вытеснения их действительным глаголом.

При сохранении страдательности синтаксической конструкции страдательное причастие настоящего времени в функции сказуемого вытеснено возвратным глаголом, например: *Верховный Совет СССР* ***избирается*** *сроком на четыре года. Совет Союза* ***избирается*** *гражданами СССР по избирательным округам. Сессии Верховного Совета СССР* ***созываются*** *Президиумом Верховного Совета СССР*

Другим путем преобразования этих конструкций был путь замены их действительными конструкциями; в таком случае страдательные причастия заменялись действительными переходными глаголами вроде: *она любима мною — я люблю ее, книга читаема мною — я читаю книгу, весна любима мною — я люблю весну* и т. п.

В современном литературном языке при необходимости выразить в сказуемом переходное действие в настоящем времени чаще всего используется действительная конструкция с переходным глаголом настоящего времени в сказуемом, например: *Люблю тебя, Петра творенье.* Пушк.

§ 88. Рассмотрим теперь изменения в употреблении причастий страдательного залога прошедшего времени.

В старославянском языке названные причастия употреблялись в сказуемом чаще от совершенных и реже от несовершенных глаголов.

Примеры с причастиями совершенного вида в сказуемом:

Растеженъ бываетъ. Рад. прол. *Възведенъ* бысть. Остр. ев. *Прѣданоу* бывъшоу. Супр. *Изгънанъ* бываетъ. Гр. Бог. Прѣданъ имать быти. Остр. ев.

Примеры с причастиями несовершенного вида в сказуемом:

Вѣнчанъ бѫди. Остр. ев. *Биенъ* бѫди. Гр. Бог. *Веденъ* бы. Супр., 215, 29.

Обратимся к анализу материалов древнерусских памятников.

Употребление причастий прошедшего времени страдательного залога совершенного вида в функции сказуемого без связки настоящего времени имеет широкое распространение во всех жанрах древнерусской письменности, и иллюстрация их употребления может быть ограничена несколькими примерами:

Правда *уставлена* руськои земли. П. Р., сп. Ак., 71. Ты *поставленъ* еси отъ Бога на казнь злымъ. Лавр. л., 124. В то же лѣт (1154) приде Ростиславъ г Кыеву *повабленъ* к стрыевѣ своему. Сузд. л., сп. Лавр., 345. Сѣдлай, брате, свои бръзыи кони, а мои ти готови, *осѣдлани* у Курьска. Сл. о полк. Иг., 67.

Употребление причастий прошедшего времени страдательного залога несовершенного вида в функции сказуемого без связки настоящего времени имело менее широкое распространение. Важно, однако, отметить, что употребление этих причастий имело место вплоть до XVII в. и отражалось в памятниках самых разнообразных жанров.

Примеры из древнейших памятников:

Игуменъ стаго Андрѣя Григории, любимъ бо бѣ преже Володимеромъ, *чтенъ* же ото Мьстислава и ото всихъ людеи.

Ип. л., т. II, в. 1, 287. Деньги имъ (мастерам) *даваны* на рукодѣлье напередъ, по рублю, по два... и болше, а многи были чмуты и бражники. Дом., 153.

Примеры из литературных произведений XVII в.:

Некоторого короля ливкуса *ведена* одна девица. Ист. кор. Ар., 98. И иное там *говорено* многонько. Авв., Жит., 135. В тюрьме за православие же *пытан* в прошлом году. Авв., Кн. Бес., 1, 201.

Примеры из деловых документов XVII в.:

Купленой ржи *отвезено* из села Троецкова..., коя была рожь *покупана* по боярскому указу. Хоз. Мор., № 12. И будет тем крестьяном ссуда моя *давана*, и тебе б на них тое мою ссуду имать. Там же, № 5. Ты тое вотчину принял, опричь моево яровова хлеба, что *сеян* в земле. Там же. Ждана Пересветова за то ево слово велели бити батоги нещадно. И пристав Ждан Пересветов батоги *бит*. Яков., Хол. Моск. г-ве, 347.

Употребление причастий прошедшего времени страдательного залога несовершенного вида может быть отмечено и в памятниках XVIII в.:

В Синодѣ надлежит здѣлат выписку о денежных доходах... кромѣ тѣх, которые всегда отдаваны в государственной розход. Акты Петра I, 96.

§ 89. Сравнительно редко употреблялась связка настоящего времени при причастиях прошедшего времени страдательного залога с о в е р ш е н н о г о вида.

Кленутся о всемь, яже *суть написана* на харатьи сей. Лавр. л., 52. Рабы и рабыни Богомъ *созданы суть*. Дом. Яковл., 39. Кодак город, который *есть зделан* на рубеже от Крыму. Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 135.

Точно так же редко употреблялась связка настоящего времени при причастиях прошедшего времени страдательного залога н е с о в е р ш е н н о г о вида:

А благословенъ *еси*, господи, и *хваленъ* зѣло! Поуч. Вл. Мон., 125. Лет. Нестора. Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но *суть дѣлани* руками в деревѣ (из дерева). Лавр. л., 80—81.

Из форм связки прошедшего времени при причастиях прошедшего времени страдательного залога совершенного вида была наиболее распространенной *бысть*, наименее распространенными были *бѣ, быша* и *был*.

Примеры со связкой *бысть*:

Семеонъ иде на Храваты и *побѣженъ быс* Храваты. Лавр. л., л. 10 об. Того же лѣта церковь святѣй Троицы свинцемъ новымъ *побита бысть*. Пск. I л., Тихан. сп., 34. А в понедѣлник *вложена быс* (дочь Владимира) в гробъ. Сузд. л., сп.

Лавр., 315. Женою... прадѣдъ нашь Адамъ *изгнанъ бысть* изъ рая, жены ради Иосифъ прекрасный въ темници *затворенъ бысть*. Сл. Д. Зат., 27.

Примеры со связкой *бѣ*:

Царь же, яко звѣрь худъ, *бѣ окруженъ*. Никон. л., 111. Тои бо острогъ стары, Арескъ зовомъ, здѣланъ аки градъ твердъ... и не *бѣ взиманъ* ни отъ коихъ же ратеи никако же. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 127.

Примеры со связкой *быша*:

Князь Ярославъ с Новогородци. постиже Литву на Дубровнѣ. И отяша у них... конь. и с товаромъ... а сами побѣгоша на лѣс. а инии ту *побьени быша*... Сузд. л., сп. Акад., 513. Леонъ же философъ повелѣ всѣмъ изыти, и не послушаша его, *побиени быша* вси. Никон. л., 11.

Примеры со связкой *былъ*:

Чръна земля подъ копыты костьми *была посѣяна*. Сл. о полк. Иг., 69. И повседневное всякое платие верхнее и нижнее и сапоги всегда *было* бъ *изомыто,* а ветчаное *иззоплачено* и *изшито*. Дом. Яковл., 76.

Причастия прошедшего времени страдательного залога совершенного вида могут быть отмечены при причастии *бывъ* в функции связки:

Нѣкий волхвъ, именемъ Аполоний... отъ Рима бо пришедъ въ Византию, *умоленъ бывъ* отъ живущихъ ту, сотвори сиа. Лавр. л., 38—39.

Что касается употребления причастий прошедшего времени страдательного залога несовершенного вида с формами связки прошедшего времени, то оно может быть отмечено только в единичных случаях:

Вѣнчанъ быс блгородныи княз Василко. с своею княгынею. в цркви стыя Бца Блговѣщенья. Сузд. л., сп. Лавр., 450. По чьему научению *был колан*. Ист. кор. Ар., 106. Потом ко мне комнатные люди многажды *присыланы были*. Авв., Жит., 132.

Для отнесения к будущему времени действия, выраженного причастием прошедшего времени страдательного залога совершенного вида, употреблялась одна связка *буду — будутъ:*

Да *будеть отлученъ* отъ церкве, донде ся исправить. Лавр. л., 27. (Ольга) поклонившися патриарху глаше. млтвами твоими влдко да *съхранена буду*. Ип. л., т. II, в. 1, 50. Глаголетъ бо писание: просящему у тебе даи, толкущему отврьзи да не *лишенъ будеши* царства небеснаго. Сл. Д. Зат., 5.

Со связкой будущего времени употреблялись те же причастия и несовершенного вида.

Примеры из памятников древнего периода:

Аше украдеть что Русинъ любо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у Русина, и *ятъ будеть* в томъ часѣ тать. Лавр. л., Радз. сп., 34. Рабъ, увѣдѣвый волю господина своего, и не сотворь ея, *биенъ будетъ* много, сирѣчь многими горкими муками пострадати будетъ. М. Грек, 14.

Примеры из памятников XVII—XVIII в.:

И дияком... велеть выписати ис кормовых книг: он, Титко Володимеров, к Москве приезжал ли, и государев корм ему даван ли; и *будет даван,* и по чему на день давано корму. Яков., Хол. Моск. г-ве, 334. А ежели хто пощадит, тот сам тою казнью *кажнен будет*. Акты Петра I, 38.

Тот факт, что причастия прошедшего времени страдательного залога несовершенного вида засвидетельствованы в памятниках разного времени и разных жанров, в том числе в грамотах и деловых документах, свидетельствует о том, что их употребление в функции сказуемого было свойственно не только литературному, но и общенародному языку, по крайней мере до XVII в.

При вспомогательном глаголе *бывать* широко употреблялись в функции сказуемого причастия прошедшего времени страдательного залога совершенного вида, например:

Но и мужи *прелщени бывають* отъ бѣсовъ иевѣрнии. Лавр. л., 175. Санъ свѣтлостью не *умалена бывает* смерть: на всѣх вынизает многоядьныя своя зубы. Пск. I л., Тихан. сп., 22. И скоро *побеждени бываху* Казанцы, яко трава посецахуся. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 160.

Причастия прошедшего времени страдательного залога несовершенного вида при глаголе *бываетъ* засвидетельствованы в единичных примерах:

И потомъ оные (письма) от секретарей *чтены бывают*. Акты Петра I, 426.

§ 90. Таким образом, изменения в употреблении страдательных причастий прошедшего времени в функции сказуемого происходили в сторону ограничения сферы их употребления.

Вытеснение страдательных причастий прошедшего времени несовершенного вида из области сказуемого проходило главным образом посредством действительных глаголов. Если мы сопоставим приведенные выше предложения, имеющие причастие несовершенного вида в сказуемом, с их современными заместителями, то увидим, что почти во всех случаях страдательным конструкциям древней поры соответствуют в современном языке действительные конструкции, например: *они были допусканы — их допускали; она была хвалена — ее хвалили; мыто было брано — брали мыто; стадо было пасено — пасли стадо; он был каран — его карали; справедливость была чинена — чинили справедливость; рожь была покупана — рожь*

покупали; корабль метан был волнами — волны метали корабль; они мучены — их мучили; земля была давана — давали землю; и на том крест целован — и на том крест целовали и т. п.

В более редких случаях страдательным конструкциям древней поры с причастиями несовершенного вида в сказуемом в современном языке соответствуют страдательные же конструкции с возвратною формою глагола в сказуемом, например: *мы хотим, чтобы пашни были засеваны — мы хотим, чтобы пашни засевались; товары были пускаемы водою — товары пускались водою* и т. п.

Таким образом, страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида в функции сказуемого были вытеснены в последующей истории русского языка глаголом.

Факт замены страдательных оборотов действительными отметил В. М. Истрин еще для древнейших славянских переводов.

«Известно, — пишет Истрин, — что в старославянском и в древнерусском языках страдательный залог выражался или через присоединение к форме действительного залога возвратного местоимения «ѧ» — «ся», или описательно — через соответствующее причастие страдательного залога с вспомогательным глаголом. Тот и другой способ передачи страдательного залога обычно наблюдается и в хронике Георгия Амартола. Но, очевидно, ввиду отсутствия настоящих форм страдательного залога, славянские переводчики старались, где было возможно, избегнуть описательного перевода обращением всего страдательного оборота в действительный. Это наблюдается довольно часто например в хронике Иванна Малалы... Такой же способ передачи страдательного оборота через действительный наблюдается и в хронике Георгия Амартола, причем надо заметить, что фактическая верность текста при этом обыкновенно не страдала» [1].

Замена предложений с страдательным причастием несовершенного вида в сказуемом предложениями с глаголом в сказуемом в широкой степени отражается в древних русских грамотах. Как указано было выше, названные причастия в сказуемом встречаются главным образом в деловых документах, а также иногда в произведениях высокого стиля.

§ 91. Причастия прошедшего времени страдательного залога засвидетельствованы при глаголе *явиться:*

Како убо сие уразумѣимъ и правѣ разсудимъ, да явимся истинствующе, а не лжуще? аще бо сицѣ простѣ приемлемъ, лжа *явится проявлена.* М. Грек, 15.

---

[1] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. II, 1922, стр. 172—173.

Эти причастия были отмечены и при глаголах преобразования, например:

Страшно бо судище, брате мой, на нем же вся *обнаженни станем.* Авв., Пис. Сим., 338. Без всего имения *стал скован* и *изувечен.* Ярыж., 86.

Причастия прошедшего времени страдательного залога употреблялись при сочетании глаголов с инфинитивом *быть.*

Причастия при глаголе *начать* с инфинитивом *быть*:

Слышавъ же безбожный царь отъ своихъ агарянъ, *начи подвиженъ быти,* дьяволомъ хвалимъ, (иже) непрестанно ратуя на христианство. Сказ. Мам. поб., 14.

Причастия при глаголе *надлежать* с инфинитивом *быть*:

Книги при канторах *надлежат* також чисты и порядочны, какъ в канцеляриях, *держаны быть.* Акты Петра 1, 444.

Причастия при глаголе *иметь* с инфинитивом *быть*:

Кто... государственыя деньги в руках имѣя, из оных нѣсколко утаит, украдет и к своей ползѣ употребитъ... *имѣет быт повешенъ.* Акты Петра I, 49.

Причастия прошедшего времени страдательного залога употреблялись также и при глаголах вещественного движения и пребывания. Примеры употребления указанных причастий в нечленной форме засвидетельствованы в памятниках вплоть до XVII в.

Примеры из памятников древнего периода:

Изяславъ же *лежаше раненъ.* Ип. л., 64 (303). Митрополитъ *поѣха* изо Пскова *одаренъ.* Пск. I л., 216. Преже сего было при великомъ князѣ Киевскомъ Изяславѣ... высѣкше Кияне великого князя Полотцкаго Всеслава... иже *седѣлъ поиманъ* въ Киевѣ въ темницѣ и з дѣтми. Никон. л., 175.

Примеры из памятников XVII в.:

В то же время родился сын мой Прокопей, которой *сидит* с матерью в земле *закопан.* Авв., Жит., 75. Посем свезли меня... *скована держали* год без мала. Авв., Жит., 124. У оного столника Нардина Нащекина *имѣлас(ь)* сестра *пострижена* в девичьем монастыре. Фр. Скоб., 63.

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы относительно употребления страдательных причастий в функции сказуемого в древних памятниках.

Причастия настоящего времени страдательного залога употреблялись в функции сказуемого при связках *есть, был, бысть, бяше, бѣ, будеть* или без связки настоящего времени при глаголе *бывать*, а также в редких случаях при глаголах движения.

Причастия прошедшего времени страдательного залога употреблялись в функции сказуемого при связках *есть, был, бысть, бяше, бѣ, будеть* или без связки настоящего времени

при глаголе *бывать*; кроме того, они систематически употреблялись при глаголах д в и ж е н и я и иногда отмечаются при глаголах в ы я в л е н и я и п р е о б р а з о в а н и я.

Из всех глаголов выявления и преобразования представлены в роли связки при причастиях прошедшего времени страдательного залога только глаголы *являться* и *стать*. При большинстве глаголов названной группы страдательные причастия прошедшего времени в сказуемом не встречаются.

Следовательно, при глаголах выявления и преобразования страдательные причастия прошедшего времени либо вытеснены из области сказуемого, либо подверглись преобразованию и, став обыкновенными прилагательными, употребляются обычно в творительном падеже.

Причастия настоящего времени страдательного залога отмечены главным образом в книжных стилях; причастия прошедшего времени как совершенного, так и несовершенного вида засвидетельствованы в функции сказуемого памятниками всех жанров древнерусской письменности.

Анализируя предложения, которые в сказуемом имеют страдательное причастие прошедшего времени, можно сделать вывод о том, что в некоторых из них страдательное причастие прошедшего времени заменило собой страдательное причастие настоящего времени вроде: «сбираны бывают», «оповеданы бывают», «взываны бываемъ» и т. п. В этом отношении характерны следующие выражения: «Все... почитано и покланяемо было; было почитано и покланяемо на памятку чудес». Р. И. Б., XIX, 55; сочетание «почитано и покланяемо» предполагает, видимо, первоначальное «почитаемо и покланяемо».

Или еще: те (добрые) чада... отъ священнаго чина благословени, и отъ добрыхъ людей хвалимы. Дом Яковл., 41. Сочетание «благословени и хвалимы» предполагает первоначальное «благославляемы и хвалимы». Точно так же и выражения «сбираны бывают», «взываны бывают», «не умолена бывает смерть» первоначально должны были иметь вид «сбираемы бывают», «взываемы бывают», «не умолима бывает смерть». Сравнение старославянских форм с соответствующими формами других славянских языков подтверждает высказанную мысль. Так, в соответствии с старославянскими предложениями, имеющими в сказуемом страдательное причастие настоящего времени, в других языках находим предложения, имеющие в сказуемом страдательное причастие прошедшего времени, например: «Не дъвѣ ли пътици цѣнимѣ есте». Остр. ев., Мат., 10, 29; а в чешском: zdaliž ne bývaji prodávání dva vrabečkove. «Страхъмь великъмъ одрьжими бѣаху». Там же, Лука, 8,37; а в чешском: bazni naplneni byli и т. п. «Гонимъ бывааше». Лука, 8,29, а в чешском: býval puzen и т. п. То же

в современном польском, например: Kochany jesteś «ты любим» и т. п.

Таким образом, в факте более или менее широкого распространения в старых памятниках страдательных причастий прошедшего времени в функции сказуемого при глаголе *бывает* следует видеть отражение процесса частичного вытеснения страдательных причастий настоящего времени страдательными причастиями прошедшего времени. Из этого следует, что страдательные причастия настоящего времени вытеснялись в функции сказуемого как возвратными глаголами, так и частично страдательными причастиями прошедшего времени.

§ 92. Совершенно иная картина наблюдается в употреблении причастий страдательного залога прошедшего времени в функции сказуемого в современном русском литературном языке. В этом последнем страдательные причастия употребляются в функции сказуемого только в совершенном виде.

Различаем три вида конструкций с причастием совершенного вида в сказуемом: конструкции настоящего времени (перфекта) типа *книга написана*; конструкции прошедшего времени типа *книга была написана*; конструкции будущего времени типа *книга будет написана*.

В конструкциях первого типа действие, выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени, представляется совершенным до момента речи, но сохраняющимся в своих результатах в момент речи, т. е. в настоящем времени (*книга написана, дело сделано* и т. п.).

В конструкциях второго типа действие, выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени, представляется совершенным до момента речи, а также и до момента времени, выраженного вспомогательным глаголом (*книга была написана, дело было сделано* и т. п.).

В конструкциях третьего типа действие, выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени, представляется совершенным после момента речи, но все же до момента времени, выраженного вспомогательным глаголом (*книга будет написана, дело будет сделано* и т. п.).

«Причастие прошед. страд. в слав. и лит., — пишет Потебня, — означает действие прошедшее по отношению к тому, которое означено сочетаемым с ним глаголом...» [1]

§ 93. Касаясь хронологической последовательности постепенного отмирания употребления причастия страдательного залога в функции сказуемого, следует сказать, что раньше всего вышли из употребления страдательные причастия настоящего

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 142.

времени: они были заменены частью глаголами, частью страдательными причастиями прошедшего времени несовершенного вида. Позже были вытеснены из употребления в функции сказуемого страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида. Эти причастия были употребительны в актах, грамотах вплоть до XVII в. В говорах практика употребления страдательных причастий несовершенного вида прошедшего времени в функции сказуемого сохраняется частично до последнего времени. Следовательно, факт употребления их в древних памятниках должен быть квалифицирован как отражение состояния живого языка соответствующей поры.

§ 94. До сих пор мы изучали динамику употребления страдательных причастий в функции сказуемого в связи с их отношением к функционированию глаголов в сказуемом. Теперь мы рассмотрим изменения в употреблении страдательных причастий в функции сказуемого в связи с их отношением к функционированию имен прилагательных в сказуемом.

Как показало предыдущее изложение, в древних памятниках страдательные причастия функционировали в нечленной форме. В современном русском литературном языке иногда употребляются причастия в членной форме, но в таком случае они теряют свои глагольные свойства и становятся простыми атрибутами, именами прилагательными. Ввиду этого в русском языке страдательные причастные конструкции имеют в сказуемом только нечленные формы причастий. В белорусском языке членные причастия употребляются в функции сказуемого часто, и такие конструкции не теряют свойств причастных страдательных конструкций, например: *Конь увесь замылены.* З. Бяд., Набл., 199. *Голас Ганули устрывожаны. Левин адварачваецца ад яе вачэй-азер.* Там же, 43.

В разных славянских языках причастия страдательного залога прошедшего времени употребляются в функции сказуемого по-разному. В украинском языке эти причастия обычно имеют только членную форму и в функции сказуемого, и в функции атрибута. То же мы имеем в западнославянских языках, например, в польском, чешском, словацком. В последнем причастие среднего рода единственного числа страдательного залога иногда имеет нечленную форму, например, zbožie bude zožato (членная форма zožaté).

В южнославянских языках изучаемые причастия имеют обычно в функции сказуемого нечленную форму, например, в сербском: хвальен сам био; в словинском: sъm krmljen и т. п. То же наблюдаем и в болгарском языке.

В русском литературном языке в функции сказуемого употребляются главным образом нечленные формы причастий прошедшего времени страдательного залога. Имея в виду, что в

белорусском и украинском языках указанные причастия в функции сказуемого употребляются по преимуществу в членной форме, следует думать, что употребление нечленной формы этих причастий в русском языке объясняется влиянием многовековой литературной традиции.

§ 95. В диалектах современного русского языка известно употребление кратких причастий страдательного залога в среднем роде при подлежащем не среднего рода, например: *Таксама не запильновали. Ему* ***билет*** *белый* ***дато***. Чердин, Прогр. 258. ***Саханица*** *куды-то* ***девано***. Там же. *Денег у него* ***нагружено*** *полный* ***карман***. Вят. Зелен., 118.

В связи с этим явлением мы должны поставить и употребление в диалектах глагола прошедшего времени в среднем роде при подлежащем не среднего рода, например: *Да и нога по старому* ***стало*** *на старом мести.* Сев. ск., Онч., 28. ***Сделалось*** *на море сильная буря, погода.* Там же, 183. ***Прошло*** *год* и т. п.

Рассматриваемое явление широко представлено в белорусских говорах: *Стог* ***украдено***. Ром. Белор. сб. VI, 287. *У его* ***украдено*** *грошы.* Мат. Б., № 10. Маз. *А с сыном из вашым будеть* ***поступлено*** *закон.* Ром. Белор. сб. VI, 41. *На семдзесят сажений калодзяж* ***удзелалось***. Ром. Белор. сб. VI, 46.

Употребление причастий прошедшего времени страдательного залога и глаголов прошедшего времени в среднем роде при подлежащем не в среднем роде известно и древним памятникам.

Примеры с причастием прошедшего времени в функции сказуемого:

Аж ей привилей *выдано* шестого дня чирвица в онем же року. К. Ст., 131. Там же з под Кгданска з обозу *принесено* ми листы короля. К. Ст., 140. И банкет великий ве дне и в ночы с танцами *чинено*. Там же.

Примеры с глаголом прошедшего времени в функции сказуемого:

Остаток будет *святковало*. Псалт. XVII в., 77. Пулькан шел до ложницы, где княже *спало* из своею женою. Гвидон, 160—6. Такъ ся *стало* и тая окрутная смерть. Тристан, 1—23.

Конструкции с формой сказуемого в среднем роде при подлежащем не среднего рода в современной литературной речи отражаются в единичных примерах:

Пустяки *осталось*. Чех., Юбил. Я уже тебе говорил сейчас, что эти серебряные часы, которым грош цена, единственная вешь, что после отца *осталось*. Дост., Прест. и наказ.

Все исследователи, имевшие повод высказываться по данному вопросу, всегда ставили в связь образование интересующих нас конструкций с развитием безличных глаголов.

Н. Я. Марр утверждал, что генезис безличных конструкций связан с трансформацией доиндоевропейского эргативного строя речи в индоевропейский номинативно-активный строй речи. Он считал, что показатели безличных форм в языке первоначально представляли элементы, которые согласовывались с отсутствующим в предложении «субъектом-тотемом». Однако это положение Н. Я. Марра должно быть полностью отвергнуто. То, что мы знаем об интересующих нас причастиях, с несомненностью доказывает относительно поздний характер конструкций с такими причастиями в сказуемом. Известно, что причастия прошедшего времени на *-лъ*, ставшие теперь глаголом прошедшего времени, были раньше именами действующих лиц.

Таким образом, относительно причастий прошедшего времени на *-лъ* приходится констатировать, что всякая возможность квалифицировать их формативы как согласуемые с «субъектом-тотемом» элементы отпадает. То же мы должны сказать и относительно формативов причастий страдательного залога прошедшего времени.

Все это с несомненностью доказывает, что изучаемые конструкции нельзя ставить у истоков безличных конструкций, нельзя считать пережитком эргативного строя речи, что их следует квалифицировать как вторичные конструкции.

В этом отношении более правильной является точка зрения Шахматова. Шахматов заявляет, что его «объяснение исключает само собою мысль о древности, исконности двусоставных несогласуемых предложений» [1].

«История индоевропейских языков в общем показывает, что такие предложения происхождения нового, причем часть их развилась из двусоставных согласованных предложений. Ввиду этого признаем двусоставные несогласованные предложения все вообще возникшими в индоевропейских языках позже согласованных двусоставных предложений» [2].

Процесс развития взаимоотношений между личными и безличными конструкциями шел в направлении развития их чередуемости. В результате развилась такая грамматическая норма, согласно которой личная конструкция находилась в коррелятивной связи с безличной конструкцией, развилась возможность следующих двух рядов: *лодку унес ветер — лодку унесло ветром*; *солнце сожгло траву — траву сожгло солнцем*; *меня ранила стрела — меня ранило стрелою*; *он хочет — ему хочется* и т. п.

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, ч. I, стр. 119.
[2] Там же, стр. 118.

В процессе развития, закрепления и грамматического установления этих рядов отношений могли создаваться переходные случаи, случаи контаминации этих двух синтаксических конструкций; продуктом этого сложного и противоречивого процесса и являются так называемые двусоставные несогласованные конструкции.

«Чередование таких личных и безличных предложений, — говорит Шахматов, — повело к замене личной формы глагола в двусоставных предложениях безличною...; так возникли предложения типа — *меня ранило стрела*; *лодку унесло ветер* и т. п.» [1].

§ 96. Собранные нами материалы доказывают, что многие категории именных предложений в дальнейшей истории рассасывались, будучи либо заменяемы глагольными конструкциями, либо втягиваемы в систему таких конструкций. В этом состоит общий характер изменения двусоставных именных предложений в исторической жизни русского языка.

Итоги этого развития таковы:

1. В известную эпоху жизни древнерусского языка произошла утрата действительных причастий прошедшего времени на *-въ, -въши* в роли сказуемого при глаголах б ы т и я.

Так утратилась одна категория именных конструкций.

2. В более позднюю эпоху произошла утрата причастий на *-лъ* в роли сказуемого при глаголах б ы т и я путем преобразования их самих в глагол.

Так утратилась другая категория именных конструкций.

3. Позднее произошла утрата причастий настоящего времени действительного залога в роли сказуемого.

Так утратилась третья категория именных предложений.

4. Приблизительно в этот же период произошла утрата причастий настоящего времени страдательного залога в роли сказуемого.

Так утратилась четвертая категория именных предложений.

5. В новое время (приблизительно после XVI в.) произошла утрата причастий прошедшего времени страдательного залога несовершенного вида.

Так утратилась пятая категория именных предложений.

6. Наконец, поскольку второй именительный имен существительных и имен прилагательных членных при известных глаголах, участвующих в образовании двусоставных именных предложений, вытеснен творительным предикативным, постольку видоизменилась и эта категория именных предложений с именем существительным и именем прилагательным в сказуемом.

---

[1] А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка, ч. I, стр. 121.

Из всего многообразия именных конструкций русский язык в его литературно-обработанной форме сохранил только следующие их типы:

1) именные предложения с причастием страдательного залога прошедшего времени совершенного вида в сказуемом;

2) именные предложения с именем существительным или членною формою имен прилагательных в сказуемом при отсутствии связки *есть* или при глаголах бытия, выступающих в роли связки;

3) именные предложения с нечленною формою имен прилагательных в сказуемом в той мере, в какой она не вытеснена членной формой.

Глава VI

ОТМИРАНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВТОРЫХ КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ИХ МЕСТЕ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПРЕДИКАТИВНОГО

1. Отмирание употребления второго винительного падежа имен существительных и распространение на его месте творительного предикативного

§ 97. **В** древнерусском был употребителен так называемый второй винительный падеж имен существительных и имен прилагательных. Первый винительный, употребляемый и в современном языке, — это падеж прямого объекта, например: *назвали* ***его***, *назначили* ***его***, *знали* ***его***, *видели* ***его*** и т. п. Второй винительный имен существительных — это падеж приложения к первому винительному, например: *назвали* ***его*** ***старѣйшину*** (=старшиной) *намъ; поставили его* «***старѣйшину***» *намъ*; в приведенных примерах местоимение в винительном падеже *его* обозначает прямой объект, — это первый винительный, а имя существительное в винительном падеже *старѣйшину* обозначает приложение к прямому объекту, выраженному первым винительным падежом, — это второй винительный падеж. На месте второго винительного имен существительных в современном языке употребляется по преимуществу творительный предикативный, например: *назначили его* ***старшиной***, *выбрали его* ***старостой***, *выдвинули его* ***депутатом*** и т. п.

В древнерусском языке второй винительный имен существительных употреблялся весьма широко; однако, наряду со вторым винительным имен существительных, употреблялся и творительный предикативный на месте второго винительного.

По свидетельству Потебни, «в ст.-русск. пам. употребление здесь творит. существительного (но не прилагательного) сначала почти лишь столь же обыкновенно, как и употребление согласуемого падежа» [1].

При глаголах со значением назначения, избрания, «делания кого-либо чем-либо» второй винительный употреблялся в древнейших памятниках менее интенсивно, чем творительный предикативный.

Примеры со вторым винительным имен существительных при глаголах *назначения*.

При глаголе *поставити*:

Постави Мефодья *епископа* (-омъ) в Панонии. Лавр. л., 11 (27). Тѣми епископы *постави* Киеву *митрополита* (-омъ) Григория Болгарина. Новг. I л., 106. Кто тя *рукополагателя поставu,* яко учительскии санъ восхищающи? Переп. Курб. с Гроз., 43. Митрополитъ *постави* Амфилохия *епископа* Володимерю. Воскр. л., 20.

При глаголе *посадити*:

Ярополка *князя посадиша* Володимирци с радостью в городѣ Володимери на столѣ. Сузд. л., сп. Лавр., 374.

При глаголе *положити*:

Олегъ *вину положи* (представил виной, т. е. основанием) матерню болѣзнь и нача ся просити у Ростислава Чернигову къ отцю. Ип. л., 89.

Примеры с творительным предикативным имен существительных при глаголах назначения.

При глаголе *сотворити:*

Володимиръ же великомь *мужемь створи* того (юношу одержавшего победу в единоборстве с печенегами) и оца его. Ип. л., т. II, в. 1, 108. Иде къ великому Антонью въ печеру, моляся ему, дабы и *створилъ чернорuзцемъ*. Кир. Тур. Ст., XIII в., Калайд., 82.

При глаголе *поставити*:

Того же лѣта (1123) *поставиша* Семеона *епспомъ* Володимерю. Ип. л., т. II, в. 1, 283. *Поставиша игуменомь* Саву. Новг. I л., 13. В то же лѣт. *поставиша епспмь* Семеона Володимерю. Сузд. л., сп. Лавр., 293.

При глаголе *посадити*:

Князь великии *посади* Махметемина на Казани *царемъ*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 22.

При глаголе *хотѣти*:

Кого отъ мене къ себѣ *намѣстникомъ* а къ себѣ *князем*ъ *хотите*. Пск. I л., 244.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 508.

При глаголе *благословити*:

Благословилъ мя патриярхъ Филофей *митрополитомъ* на всю рускую землю. Новг. I л., 91.

При глаголе *послати*:

Того же лѣта (6905) *послаша* псковичи *посломъ* в Великии Новъгород князя Григория. Пск. I л., Тихан. сп., 25.

§ 98. В древнейших русских памятниках при глаголах называния имена существительные употреблялись одинаково свободно как во втором винительном, так и в творительном предикативном.

Примеры со вторым винительным имен существительных при глаголах называния.

При глаголе *нарицати*:

Володимеръ..., заложи городъ на бродѣ томъ и *нарече* и *Переяславль*. Лет. Нест., 55. Родися у Всеволода снъ и *нарекоша* и въ стѣмь крщньи *Гергии*. Сузд. л., сп. Лавр., 408. Та же убо не стыдяся тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ *предстатели нарицати*. Переп. Курб. с Гроз., 72.

При глаголе *звать*:

Поя (же) множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь... си вси *звахуться* отъ Грекъ *Великая Скуфь*. Из Радз. сп. Лавр. л., 29. И приводной человек в роспросе сказался: *зовут* ево *Ондоюшка* Осипов сын. Яков., Хол. Моск. г-ве, 387.

При глаголе *именовати*:

В бѣломъ море островъ есть, *Родосъ* именуемъ. М. Грек, 45.

При глаголе *называти*:

Еретика мене (М. Грека) *называютъ*. М. Грек, 61.

При глаголе *изгласити*:

Исъгласивше [свершена *бога* и] свершена *человѣка* [Господа] нашего Иса Христа. Лавр. л., 111 (свершенным богом и пр.).

При глаголе *глаголати*:

Друзии же глаголють *сыны* Амоновы. Лавр. л., 266 (глаголют сынами Амоновыми).

Примеры с творительным предикативным имен существительных при глаголах называния:

При глаголе *наречи*:

Отпусти ю, *нарекъ ю дщерью* собѣ. Лавр. л., 26. Родися у Всеслава снъ. и *нарекоша именемь* Ростиславъ. Ип. л., т. II, в. 1, 162.

При глаголе *глаголати*:

Землю *глть мтрью*. Ип. л., т. II, в. 1, 100.

При глаголах *звати, называти*:

Дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же *звашеть* самъ *раемъ*. Ип. л., 81. Родися великому князю Юрью Долгорукому... сынъ Дмитрей, и отець его *прозва* его *Всеволодомъ*.

Никон. л., 198. Ерденевъ сынъ крестился, былъ владыка во Твери..., а *звали* его *Андрѣемъ*. Воскр. л., 165.

При глаголе *именовати*:

Болшия Орды Золотыя именемъ царь Улуахметъ... посла моление и смирение къ великому князю Василью Васильевичю Московскому... не *рабомъ*, но *господиномъ* и любимымъ и *братомъ* себѣ *имянуя* его. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 14.

§ 99. Точно так же относительно меньшее распространение имел в древнейших памятниках второй винительный по сравнению с творительным предикативным при глаголах со значением принятия, владения.

Примеры со вторым винительным при глаголах принятия, владения.

При глаголе *имети*:

Имѣя поспешника Констянтина, брата своего, и с нимь диявола (имея поспешником брата). Син. сп. I Новг. л., 89.

При глаголе *приняти*:

Сына моего... *приимите* собе *князя* (князем). Син. сп. I Новг. л., 21.

При глаголе *пояти*:

Святополкъ *поя* собѣ *жену* (женой) дщерь Тугортоканю князя Половецьскаго. Ип. л., 157.

Примеры с творительным предикативным имен существительных при глаголах принятия, владения.

При глаголах *имати*, *имѣти*:

Слышю же се, яко сестру *имата дѣвою*. Лавр. л., 107. Ты мя *имѣй отцемъ* и честь на мнѣ держи, якоже и братъ твой Изяславъ честь на мнѣ держалъ и *отцемъ имѣлъ*. Ип. л., 75.

При глаголах *приняти*, *поняти*:

Володимеръ... посла к Рогволоду..., глаголя сице: «хощу *поняти* дщерь твою *женою* собѣ». Никон. л., 39. Аще *прииметъ* тя князь великий *митрополитомъ* всей руской земли, и намъ еси, митрополитъ. Новг. I л., 91.

§ 100. Оценивая степень употребления творительного предикативного на месте второго винительного, Потебня привел громадное количество примеров из древних старорусских памятников со вторым винительным и гораздо меньшее количество примеров с творительным предикативным на месте второго винительного.

Однако в памятниках XVI в. уже явно преобладает употребление творительного предикативного на месте второго винительного.

Еще более широко было распространено употребление творительного предикативного на месте второго винительного в западнорусских памятниках, отражающих белорусский язык.

При глаголах назначения, делания, избрания кого кем по преимуществу употребляется творительный предикативный падеж.

При глаголе *учинить* засвидетельствован только творительный предикативный падеж:

И *учинит* первшим *воеводою* оу Вилни, гетмана своего Кгаштолта. Лет. Археогр., 262. Который перво придет к летом придет розумным с тых добр *учинят* его *рытером.* Пов. о 3-х кор., 45. И небесного своего црства *оучастниками оучинитъ.* Е. К., 119 об.

При глаголе *поставить* чаще всего употребляется творительный предикативный имен существительных, но встречается и второй винительный.

Примеры с творительным предикативным имен существительных на месте второго винительного:

Король... *поставилъ* насъ *опекальникомъ* мужемъ и людемъ Великого Новогорода. Гр. 1389 г. Она, злочастница, *поставила* Бова въ тотъ часъ *витеземъ.* Гвидон, 151.

Примеры со вторым винительным имен существительных:

Князь великии Витовтъ... тыми епспы *постави* Киеву *митрополита.* Григорья Болгарина. Цамивлака. Лет. Увар., 93. *Постави епспа* к Турову. Еуфимия. Там же, 98.

При глаголе «посади кого кем» засвидетельствован только творительный предикативный имен существительных, например:

И *посадили* собе у Смоленьску *воеводою* князя Андрея Дорогобужского Дмитриевича. Лет. Увар., 108. И *посадить* братанича своего на Вилни. *кнзем* великим Якгаила Олкгирдовича. Лет. Крас., 155.

При глаголе «обрали кого кем» засвидетельствован также только творительный предикативный имен существительных, например:

Року ит нароженья сына божого чотыриста первого *обрали королем.* Атылю. Атила, 173.

При глаголах *взять, осадить, признать, «держать* кого кем» засвидетельствован только творительный предикативный имен существительных, например:

Псковичи видевши его мужа честна и разумна и *узяли* его собе *гсдрем* и назвали его великим кнзем Псковским. Лет. Археогр., 255. И хотел за него дочку дати. а по своемъ животе *королемь осадити.* Лет. Увар., 100. Чорныи люди *призвали* собе. *гсдремь* кнзя Юрья Лыквеньевич. Лет. Увар., 108. А мне вамъ *держати* у себе *воеводою.* Лет. Увар., 107.

То же при глаголе *послать*:

Ныне пакъ братъство то естъ: *царемъ* коли посла *пошлете*, а насъ коли братомъ собе наречешъ. Р. И. Б., Л. М., XXVII, 356/100.

Таким образом, анализ приведенного материала показывает, что творительный предикативный имен существительных на месте второго винительного был обязателен уже в древнем белорусском языке.

Сравнивая данные древнерусских памятников и западнорусских памятников, отражающих белорусский язык, мы замечаем, что в первых позиции второго винительного были более сильны. Имея в виду, что распространение творительного предикативного в древнерусских памятниках сильно тормозилось влиянием старославянского языка, можно думать, что творительный предикативный падеж на месте второго винительного в народном русском языке XV—XVI вв. был шире распространен, чем это отражается в памятниках соответствующего времени. В белорусских памятниках полнее отражалось употребление творительного предикативного на месте второго винительного, так как эти памятники в меньшей степени испытывали влияние старой книжности.

Об удельном весе творительного предикативного падежа на месте второго винительного в живом народном русском языке XV—XVI вв. можно судить по данным западнорусских памятников, отражавших особенности тех народных говоров, которые представлены в белорусском языке.

Это значит, что в живом народном русском языке творительный предикативный в значительной степени вытеснил собой второй винительный уже в XVI в. В литературных произведениях соответствующей эпохи эти процессы находили только частичное отражение; употребление второго винительного в них было представлено еще значительным слоем.

§ 101. В памятниках XVII в. употребление второго винительного имен существительных еще более суживается; более широкое распространение получает творительный падеж; начинают распространяться предложные замены второго винительного падежа имен существительных.

При глаголах н а з н а ч е н и я второй винительный отмечается только в единичных случаях, например:

Постави перваго *митрополита* Кииву Леона, а Новугороду Иоакима. Уст. св., л. 69 об.

В то же время творительный предикативный имен существительных при этих глаголах представлен весьма широко в памятниках разных жанров, например:

Нѣкоторого велможу, зовомаго Борисъ Годуновъ, перваго конюшего боярина, *учинилъ* надъ государствомъ своимъ во всякихъ дѣлахъ *правителемъ*. Котош., 2. То же осени лѣта 6971

мѣсяца в 13 день *поставили* архимарита спасково Василия Нарыла *архиепископом* в Ростов. Уст. св., л. 288. По многим рыданием и плача Владимера, вместо Александра, *наследником учинил(и)*. Ист. Ал. рос., 179. Обѣщался... яко родного сына, *наслѣдником учинить*. Ист. Вас. Кор., 109. И того вышепомянутого воина и *сотворил* над всеми *начальником* и *управителем*. Яр. цес., 208.

При глаголах называния второй винительный встречается, главным образом, в памятниках высокого слога и отчасти в деловых документах, например:

И поимают сего мятежника, *прозванного царя Дмитрия* и предадут в руце его... Кат.-Рост. А *зовут* его *рыба сих*... а *зовут ево рыба лодога*. Ерш., 148. *Нарицают* его *патриарха* и облагают всѣми священными ризами. Сказ. Авр. Пал., 358 об.

В памятниках других жанров второй винительный при глаголах называния встречается редко; во всех памятниках XVII в. господствует употребление творительного предикативного, например:

И онъ мнѣ сказалъ... что... *зовутъ* меня *Григорьемъ*, а по прозвищу Отрепьевъ. Ин. сказ., 19. Никонияня *еретиком* (Аввакума) *зовут*, дети духовныя еретиком же зовут! Авв., Посл. к вер., 353. И оного философа *нарек* древним *дедом* своим Агарем. Яр. Яр. 238. Какого при своих сестрах *называют дураком* и протчим с таковым знатца запрещает. Ист. Ал. рос., 173. Станут вас, казаков *называт*... святорускими *багатырями*. Азов. сид., 134, 2 ред. Бражника *вором назовут* крепким... наготы ради. Ярыж., 75. Да у меня ж был на Москве бешаной, — *Филиппом звали*. Авв., Жит., 146.

При глаголах принятия, владения в памятниках XVII в. отмечен творительный предикативный имен существительных на месте второго винительного, например:

...И в ыныхъ государствахъ обычай писати господину къ господину, *отдаючи* себя *слугою* поволнымъ. Котош., 39.

Таким образом, материалы, извлеченные из памятников XVII в., свидетельствуют о том, что в живом народном языке творительный предикативный уже полностью вытеснил второй винительный имен существительных. Случаи употребления второго винительного в памятниках XVII в. носят яркий отпечаток литературно-книжных традиций.

В литературных произведениях XVIII в. второй винительный имен существительных уже не употреблялся; он был вытеснен творительным предикативным.

При глаголах назначения.

При глаголе *учинить*:

Апрѣля въ 14 день *учинилъ* (князь Иван Васильевич) *наслѣдником* сына своего Василия Ивановича, и вѣнчанъ былъ онымъ же митрополитомъ Симоном. Акты Петра I, 175.

При глаголе *сделать*:

Непрестанное упражнение, как все обнять одним взглядом, *сделает* тебя великим *полководцем*. Сув., 71.

При граголе *определить*:

И *опредѣляемъ* и *обявляемъ* по насъ помянутого престола *наслѣдникомъ* другаго сына нашего, Петра. Акты Петра I, 169.

При глаголах н а з ы в а н и я.

При глаголе *звать*:

Другие ж *божеством*
Царевну *называли*... Богд., Душ.

При глаголе *считать*:

Другие и теперь на свете обитают,
Которых *жительми* парнасскими *считают*. Майк., Ел.

При глаголах в о с п р и я т и я:

Но уже здесь я его *вижу злодеем*. Сув., 137.

В современном русском литературном языке на месте второго винительного употребляется только творительный предикативный, ср.: *избрали депутатом; назначили директором; его называют мастером высоких урожаев* и т. п.

§ 102. Кроме творительного падежа на месте второго винительного имен существительных распространялось употребление предложных конструкций. В памятниках отмечено употребление конструкций «*за* плюс винительный падеж» и «*в* плюс винительный падеж».

Примеры с конструкцией «*за* плюс винительный падеж» на месте второго винительного имен существительных:

Котораго велѣл во всей Цесарии *за роднаго брата почитать*. Ист. Вас. Кор., 120. Князь великии Василии Василиевичь того не возлюби, и сведе его с митрополии и *за приставы* его *посади*. Пск. I л., Тихан. сп., 46. ...от нас назначенного в наслѣдство, сына нашего Петра, *за* законного *наслѣдника признавали* и *почитали*. Акты Петра I, 169.

Примеры с конструкцией «*в* плюс винительный падеж множ. числа»:

Въ учители выбираютъ учителныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ. Котош., 17. Митрополитъ Феогиастъ *постави* намѣстника своего Алексѣя *въ епископы* Володимерю. Воскр., л. 217. Милетием *в чтецы поставлен*. Авв., Пис. Сим., 333.

Пример с конструкцией «*в* плюс винительный падеж един. числа»:

Прими мя ноне (по крайней мере) *в наемника* себе. Сим. Полоц., Ком. пр. о блуд. сыне, 450.

2. Отмирание употребления второго винительного имен прилагательных в предикативной функции и распространение на его месте творительного предикативного

§ 103. Второй винительный имен прилагательных — это падеж определения к первому винительному падежу, например: *нарекли суть Володимера* ***старѣйшего*** (они назвали Владимира старшим); *видѣли суть Володимера* ***нага*** (они видели Владимира нагим).

В приведенных примерах имя существительное в винитель. падеже *Володимера* обозначает прямой объект, а имя прилагательное в винительном падеже (здесь совпадающем с формою родительного падежа) *старѣйшего* или *нага* обозначает определение к прямому объекту, выраженному первым винительным падежом. На месте второго винительного в современном русском литературном языке употребляется по преимуществу творительный падеж имен прилагательных, например: *знал его* ***умного*** *— знал его* ***умным***, *выдвинули его* ***первого*** *выдвинули его* ***первым***, *видели его* ***усталого*** *— видели его* ***усталым*** и т. п.

По свидетельству Потебни, «в древнейших летописных сборниках творительный предикативный имен прилагательных даже в тех случаях, в каких творительный существительных обычен, составляет еще большую редкость»[1]. Далее Потебня приводит только один пример из «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку с творительным предикативным имени прилагательного на месте второго винительного: «прославлять человѣка любо добрымъ любо злымъ».

Таким образом, в древнерусском языке господствует почти без исключения второй винительный имен прилагательных. В нижеследующем приводим примеры со вторым винительным имен прилагательных. Располагаем примеры в зависимости от характера управляющего глагола.

Глаголы, управлявшие вторым винительным имен прилагательных, могли обозначать действие, результатом которого является признак, указанный в объекте именем прилагательным.

При глаголе *сотворити*:

Си (князя) акы *не свою* волость *творита*. Ип. л., 117 (406) (как будто считают волость чужою). Имше же за сухую ногу и трижды ю прекрестивше, *цѣлую створиста*. Сказ. Бор. Гл., 78 (сотворил целою).

Пример с причастием страдательного залога:

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 517.

Кто взглаголеть силы господня и *слышаны створить* вся хвалы его. Сказ. Бор. Гл., 78.

При глаголе *положить* (в смысле «сделать»):

За то богъ на нас поганыя навѣдѣ, и землю нашю *пусту положиша*. Син. сп. I Новг. л., 111.

При глаголе *наметати*:

Поставиша скудельницю, и *наметаша полну*. Син. сп. I Новг. л., л. 81 об.

При глаголе *доспѣти*:

И самъ отъѣхалъ, не учиня ничего же, только землю Литовскую *пусту доспѣлъ*. Пск. I л., 289.

Глаголы, управлявшие винительным падежом имен прилагательных, могли обозначать действие, которому подвергается объект, имеющий свойство, указанное именем прилагательным, например:

А человѣка оже кто *иметь живого* (живым), то самъ будеть убитъ. Троиц., 213. Бяше буря велика..., стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва *переимаша живы*. Син. сп., I Новг. л., 11. О земле мати, раздвигни уста своя ныне скоро, *пожри* насъ чадъ своихъ *живыхъ*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 156.

Пример с причастием страдательного залога:

Соблюсти: и тако Богъ *соблюде й невережена*. Ип. л., 122.

Глаголы, управлявшие винительным падежом имени прилагательного, могли обозначать восприятие, познание объекта с качеством, указанным именем прилагательным.

При глаголе *мнити* (думать):

Хотѣша й (Изяслава) Кияне пѣшци убити, *мняще ратного* (думая, что он неприятель), не знаюче его. Ип. л., 64 (303). Пришедше взяша и, *мертва мняще* (думая, что он мертв), вынесше положиша й предъ пещерою и узрѣша, яко живъ есть. Лавр. л., 83.

При глаголе *чаяти* отмечен творительный предикативный.

Наидоша Михаила Онърѣевича Бренка убита въ приволоки великого князя и въ шоломи; инѣи же наидоша Федора Семеновича..., *чающе великимъ князем*ъ, зане прилѣченъ бѣ ему. Сказ. Мам. поб., 46.

Глаголы восприятия могли управлять винительным падежом имен прилагательных в сочетании с винительным падежом причастий настоящего времени действительного залога, например:

Видѣши ли мя *болну сущу*. Комис. сп. I Новг. л., л. 38 об. Бысть жалостно зрѣти на нь, *видячи* его *болна суща*. Ип. л., 214.

Примеры с причастием страдательного залога при глаголах *видѣти, слышати*:

Игорь же *видѣвъ* Половцѣ *побѣжены*... и бѣжа. Ип. л., 125. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и *видѣ* отъ него тьмою вся своя воя *прикрыты*. Сл. о полк. Иг., 66. *Услышавъ* же Всеволодъ *полонену* жену и съ дѣтми и имѣнье взято, печаленъ бысть велми. Лавр. л., 169.

Винительным падежом имен прилагательных могли управлять глаголы н а з ы в а н и я, например:

Вы *есте нарекли* мя во своемъ племени во Володимерѣ *старѣйшаго*. Ип. л., 144 (т. е. назвали старшим). Свѣта же во тьму прелагати не тщуся, и сладкое *горькое не прозываю*. Переп. Курб. с Гроз., 67.

Винительный падеж имен прилагательных мог употребляться после переходных глаголов, обозначающих пребывание или движение прямого объекта, определением к которому является винительный падеж имени прилагательного.

При глаголе *оставить*:

Посмѣяся дружинѣ своеи: *«остависте* мя *единаго»*. Комис. сп. I Новг. л., 162, ...а епископа *оставиша жива*. Воскр. л., 144.

При глаголе *пустити, отпустити*:

Аще, княже, не убиеши Якова Прокшинича и *пустиши* его въ Новъгородъ *живого* (=живым), то тому ти, княже, опять вои привести сѣмо и землю твою пусту створить. Новг. I л., 21. Аще сего Дужа *отпустиши съдрава*, тъ много зла створить твоему царству. Син. сп. I Новг. л., 71.

При глаголе *держати*:

Княже!.. нынѣ ворогы свои *держишь просты* (=свободными, на свободе), а казни ихъ, любо слѣпи. Ип. л., 119. Храм тоть *чистъ держати*. Дом. 12.

При глаголе *соблюсти*:

А самихъ всѣхъ Богъ *соблюлъ добры-здоровы*. Пск. 1 л., 224. Богъ *неврежена* мя *съблюде*. Поуч. Вл. Мои., 132.

При глаголе *повести*:

Овы изби, овы извязавъ *поведе босы* по леду. Пск. I л., 180.

При глаголе *привести*:

Аще богъ *приведеть* мя *сдоровового* дни сия, то не могу никакоже Руской землѣ забыти. Ип. л., 120.

При глаголе *привезти*:

Привезоша и въ Новгородъ *мертвъ* (мертвым). Новг. I л., 36.

При глаголе *въвергати*:

Убиша Пруси Овъстрата и сынъ его Луготу и *въвьргоша* и въ греблю *мьртвъ* (мертвым). Новг. I л., 33.

Таким образом, в русских памятниках вплоть до XVI в. почти не встречается употребление творительного предикатив-

ного имен прилагательных на месте второго винительного. Как и в других аналогичных случаях, мы не считаем, что творительный имен прилагательных в соответствии со вторым винительным не употреблялся и в живом народном языке. Об этом свидетельствуют западнорусские памятники того же времени, в которых широко отражается распространение творительного предикативного на месте второго винительного.

При глаголах называния имя прилагательное засвидетельствовано в наших материалах только творительным предикативным, например:

Маловѣрными зоветъ всѣхъ. Е. К., 61. *Зови* мя *добрымъ,* а не якъ члвка простого: а если за простого мене члвка маєшъ, й за одного з многих, анъ мя добрымъ зови. Е. К., 181. Онъ зась реклъ ему, што мя *мовишъ добрымъ.* Е. К., 69.

При глаголе «чинить кого каким» засвидетельствован только творительный предикативный имен прилагательных, например:

Пыха своего коханка *брыдкимъ чинить й мерзскимъ.* Е. К., л. 142 об.

Приведенные примеры показывают, что творительный предикативный на месте второго винительного в той или другой степени уже имел место в живом белорусском языке. Это дает основание считать, что отсутствие творительного предикативного на месте второго винительного имен прилагательных в русских памятниках соответствующей поры отражает собой факт влияния литературно-книжных традиций и не служит доказательством того, что творительный предикативный имен прилагательных невозможен был в живом языке.

§ 104. В памятниках XVII в. уже более или менее часто употребляется творительный предикативный на месте второго винительного имен прилагательных. Однако второй винительный сохраняет еще значительные позиции. В винительном падеже чаще всего употребляется нечленная форма имен прилагательных.

Винительный падеж имен прилагательных мог обозначать признак прямого объекта, возникающий в результате глагольного действия:

А у Микитки Кузнеца насеки не удаются, *делает худы.* Хоз. Мор., № 295. Сию же дѣвицу оскверниъ блудомъ и *убогу учини* и въ пустыню заточи. Кат.-Рост., л. 10 об.

В том же значении в памятниках XVII в. употреблялся и творительный предикативный имен прилагательных на месте второго винительного:

Отец не моглъ *здоровымъ* его *учинити,* отъ смерти не моглъ уволѣнити. Ал. бож. чел., 45. И к приношению отвѣту

здѣлать себя *достойной?* Ист. кор. Ар., 93. *Учините* мя равно *сподобными* мне. Ист. Ал. рос., 130.

Винительный падеж имен прилагательных мог обозначать свойство подвергающегося воздействия прямого объекта, независимое от указанного воздействия:

Царь... велѣлъ... тѣхъ людей бити и рубити до смерти и *живыхъ ловити*. Котош., 103. *Погреб* Бова мать свою *живу* в землю. Про Бову.

Винительный падеж имен прилагательных продолжал употребляться при глаголах в о с п р и я т и я, например при глаголах со значением «видеть»:

Тварь рыдает, своего владыку *видя бесчестна*. Авв., I чел. Ал. Мих., 280. Преже даже пред очима не *видел* Лазаря *гнойна*, а ныне зрит издалеча. Авв., Кн. Бес., X, 229. Отец, *видев* сына своего *обучена* книжной науке, възял его от учителя. Ел., 243.

При глаголах восприятия продолжали употребляться в пародических стилях два винительных падежа, из которых один был представлен именем прилагательным, а другой причастием настоящего времени действительного залога от глагола *быть*, например:

И виде ево кура *печална суща*, слез полны очи *имуща*. Кур. лис., 202. Вижду бо тя зверя не *проста суща*, но великаго разума *имуща*. Кур. лис., 203.

При тех же глаголах в памятниках XVII в. отмечаются и случаи употребления творительного предикативного на месте второго винительного:

Королевич, *усмотря* место сие при море *хорошим*, вздумал до время тут зделать себѣ... жалищѣ. Ист. кор. Ар., 96.

Винительный имен прилагательных продолжал употребляться при глаголах г о в о р е н и я, например:

Назвал он *высока* себя, бутто он выше всѣх земских царей. Азов. сид., 106, 1 ред. Како тя ныне, кабаче, *призовем*, *умна* ли или *безумна*, всякие беды от тебя приходят. Ярыж., 89.

При глаголах говорения в памятниках XVII века весьма широко употреблялся и творительный предикативный падеж на месте второго винительного:

А къ царицѣ посолства править и еѣ видеть не допустили, а отговорилися тѣмъ, *назвали* царицу *болною*. Котош., 57 Себя велел в лице *святым звать*. Авв., Кн. Толк., 239. Жива человека в лице *святым называй*. Авв., Кн. Толк., 238. Тех бранят и *непотребными называют*! Ист. Ал. рос., 171.

Широко употреблялся второй винительный при переходных глаголах, управляющих объектом пребывания, свойство которого указано именем прилагательным:

И прияша его съ честью, а цесаря *нага оставиша*. Рим. д. Ни единаго человека *не оставил* в том доме *жива*. Ист. Ал. рос., 163. А их же *живыхъ оставимъ*, можемъ оных къ службѣ твоей правдою принудити. Сим. Пол., Юдифь, 88—89.

При тех же глаголах находим и творительный предикативный имен прилагательных на месте второго винительного:

Уруслану то слово полюбилось, и с той царевны головы не сшиб, *оставил* ее *живою*. Ер. Лаз.

Второй винительный имен прилагательных продолжал употребляться и при переходных глаголах, управлявших объектом в движении, свойство которого указано именем прилагательным:

Отнял меня Дионис Крюков еле *жива*. Авв., I чел. Ал. Мих., 281. Только сотвори со мною милость, *отпусти* меня *жива*. Ист. кор. Ар., 97. Смирной, государь, Гольцов писал, что *принял* жеребца *здорова* и *целоножна*. Хоз. Мор., № 173.

При тех же глаголах засвидетельствован и творительный предикативный на месте второго именительного:

А села Кузьмина Усаду, Замятнина и Перегалей гуси и утки и поросята *прислать мерзлыми*, а *не живыми*, и потрохи да и перье, и пух, и крылья все прислать именно. Хоз. Мор., № 17.

В произведениях XVIII в. второй винительный имен прилагательных в функции предикатного определения употреблялся еще нередко:

Посмотри на русского человека; *найдешь* его *задумчива*. Рад., Пут., София. Мне лестно, что меня она и *сонна видит*. Кап., Яб.

Однако более широкое распространение имел творительный предикативный имен прилагательных на месте второго винительного.

При глаголе *сделать*:

Сделай Душеньку *постылою* вовек
И столь *худою*,
И столь *дурною*,
Чтоб каждый от нее чуждался человек. Богд., Душ.

Где то, что жизнь твою *делало* тебе *приятною*. Рад, Пут. И *сделал* бы его *похожим* на осла. Майк., Ел.

При глаголе *закрашивать* (в смысле «делать»):

Друг друга обманывают, ...товары худые *закрашивают добрыми*. Посош., О ратн. повед., 50.

При глаголе *почитать*:

Таковою ее *почитали* все те, которые ездили по ней вслед государя. Рад., Пут., Тосна.

При глаголе *назвать*:

Но втайне часто унывала,

Себя *несчастной называла.* Богд., Душ.

При глаголе *ставити, поставляти*:

Котору в черноте *дурною* он *не ставил.* Богд., Душ. Ябедники ябедничеством своим и многословесием и самую правду заминают и праваго *виноватым поставляют*, а виноватого *правым.* Посош., О скуд., л. 57 об.

В современном русском языке творительный предикативный имен прилагательных обязателен, если признак, обозначенный прилагательным, имеет предикативную функцию, ср.: я *знал его молодым*, если признак, обозначенный именем прилагательным, является простым определением, то сохраняется второй винительный, ср.: *я знал его молодого*.

В памятниках XVIII в. иногда и причастия употреблялись в творительном предикативном падеже на месте второго винительного:

При глаголе *видеть*:

Видел я решения мои *осмеянными* в том самом, что их изящными делало; *видел их оставляемыми* без действия. Рад., Пут., Зайц.

При глаголе *почесть*:

Введенное повсюду вексельное право... *почитал я доселе охраняющим* доверие законоположением, *почитал счастливым* новых времен изображением. Рад., Пут., Новг.

В современном русском языке причастия действительного залога мало употребительны в творительном предикативном падеже; на месте второго именительного причастий развились придаточные предложения, ср.: *я видел, что он спал*.

3. Отмирание употребления второго дательного падежа и распространение на его месте творительного предикативного

§ 105. Наряду со вторым винительным в древнерусском языке употреблялся и второй дательный.

Второй дательный имен существительных мог непосредственно присоединяться к первому дательному; в таком случае второй дательный выражал простое приложение; второй дательный имен существительных в качестве простого приложения употреблялся в древнем языке и употребляется в современном языке, например: *ему, пьяному дураку, море по колено.*

Второй дательный имен существительных мог зависеть от инфинитива и относиться к первому посредством этого последнего; в таком случае второй дательный выражал предикативное приложение и, следовательно, имел предикативное значение; в соответствии со вторым дательным приинфинитивным в современном русском языке употребляется творительный

предикативный, например: *ему хочется быть* ***учителю***, где *ему* первый дательный, а *учителю* второй дательный, который являлся предикативным приложением к первому дательному и который в современном русском языке заменяется творительным предикативным: *ему хочется быть* ***учителем***.

Исторически первоначальной формой был второй дательный; творительный предикативный или предложные конструкции развивались на месте первоначального второго дательного. В древнейших русских памятниках употреблялся, главным образом, второй дательный имен существительных, например:

Дасть имъ область *чядомъ* божиемъ *быти*. Остр. ев., Ио. 1, 12. Она же учаше сына своего *быти християну*. Уст. св., л. 34 об. Убиенъ бысть отъ Болгаръ Оско́лдовъ сынъ. Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко *быти* намъ *рабомъ*, и мног зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Никон. л., 9.

Второй дательный имен существительных продолжал употребляться и в памятниках XVII в.

При инфинитиве в безличном обороте:

Быть ему *чернцу*. Авв., Всем гор., 356. *Быть* ему сих львов *господину*. Ист. кор. Ар., 104.

Примеры со вторым дательным имен существительных можно отметить и в памятниках. XVIII в., ср. у Посошкова:

Мое, государь, намерение то, чтобы мне *тунеядцу* у великого государя *не быть*, и зато б мне ответу богу не дать. О ратн. повед., л. 33 об.

Рядом со вторым дательным имен существительных уже в памятниках XVI в. употреблялся творительный предикативный:

Князь великый... обратився къ Волынцу, рече: Воистину, Дмитрее, не ложь твои примѣты, подобаетъ ти всегда *воеводою быти*. Сказ. Мам. поб., 47.

В западнорусских памятниках, отражающих белорусский язык, второй дательный имен существительных также часто заменялся творительным падежом, например:

А маммона неволником своимъ росказуетъ всѣм *быти неприятелями*. Е. К., л. 68 об. Тое злочинцомъ *участниками быти* зрядило. Е. К., л. 80 об.

Данные русских и белорусских памятников свидетельствуют о том, что замена второго дательного имен существительных творительным предикативным имела место в живом языке уже в XV—XVI вв.

§ 106. В памятниках XVII в. уже преобладает употребление творительного предикативного имен существительных на месте второго дательного.

Примеры с творительным предикативным при инфинитиве в безличном предложении:

Борисъ... нача испытовати многими волхвы и звѣздословцы... и вопрошая, мочно ли ему доступити престола царскаго и *быти царемъ.* Ин. сказ., 10. А *петь* бы мне у него на омбоне *дишкантом* тонко и высоким *гласом.* Кур. лис., 196. Государь царь! Одно взяти: любо корыстоватися или *богатырем слыти.* Ер. Лаз. В правду подобает тебе *быть дохтором.* Сим. Пол., Юдифь, 184.

Примеры с творительным предикативным при инфинитиве в составе личного предложения:

Коли есть изволил Бог и мнѣ *бысть* у себѣ *царем*! царь же именуеца слуга Божиею. Цар. Орк., 299. Митрополиты, и архиепископы... и всякие люди Московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, кому Богъ изволитъ *быти* на Московскомъ государьствѣ *государемъ.* Ин. сказ., 69.

В литературных произведениях XVIII в. второй дательный имен существительных почти не встречался; он заменялся, как правило, творительным предикативным:

Приказали: *быть* сержанту Н. Н. *прапорщиком.* Рад., Пут., Спас. Пол. Не дай бог *быть* писцу военным *командиром.* Майк., Ел. Иначе *быть* мне здесь главным *командиром* обоих императорских войск. Сув., 138. Не писав, летящи дни века проводиши, Можно, и славу достать, хоть *творцем не слыть.* Кант., К уму своему. Чтоб *намѣсником быт* в тѣх монастырѣх, гдѣ из которых в Синодѣ. Акты Петра I, 138.

§ 107. Второй дательный имен существительных в истории языка мог заменяться предложными конструкциями; в памятниках отмечена конструкция «*в* плюс местный падеж множ. числа», например:

Написав челобитную за руками, подали царю и царице о духовнике Стефане, чтоб ему *быть в патриархах.* Авв., Жит., 79. Вели, г., у нас в том монастыре *быть в черных попех* старцу Веньямину. Хоз. Мор., № 426.

Конструкция «*в* плюс местный падеж множ. числа» встречается и по говорам.

§ 108. Во втором дательном падеже употреблялись и имена прилагательные.

Второй дательный имен прилагательных мог непосредственно присоединяться к первому дательному, например: *мне бедному все чужие,* в таком случае второй дательный выражал простое определение; второй дательный имен прилагательных в качестве простого определения употреблялся в древнем языке и употребляется в современном языке.

Второй дательный имен прилагательных мог зависеть от инфинитива и относиться к первому посредством этого последнего; в таком случае второй дательный выражал предикативное определение и, следовательно, имел предикативное значение; в соответствии со вторым дательным приинфинитивным в современном языке употребляется творительный предикативный, например: *ему хочется быть* ***умному***, где *ему* — первый дательный, и *умному* — второй дательный, который являлся предикативным определением к первому дательному и который теперь заменяется творительным предикативным: *ему хочется быть* ***умным***.

В древнерусском языке употреблялся почти исключительно второй дательный имен прилагательных, например:

Луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ *славну быти*. Ип. л., 155. *Быти* намъ отъ васъ отъ Великихъ Князей *неотступнымъ* ни хъ кому. Пам. вел. Новг., 46. Всеволодъ же посла ко братии своей и повелѣ имъ *готовымъ быти*. Воскр. л., 35.

А *вѣчнымъ* граматамъ *не быти*. Дог. гр. Новг. с кн. Вас. Вас.

Таким образом, в древнерусских памятниках до XVI в. включительно творительный предикативный падеж имен прилагательных на месте второго дательного почти не встречался. Не располагаем данными об употреблении творительного предикативного имен прилагательных на месте второго дательного и в белорусских памятниках.

§ 109. В древнерусских памятниках XVII в. продолжает господствовать употребление второго дательного падежа имен прилагательных.

Примеры со вторым дательным падежом имен прилагательных в именной форме:

Не подобает сваритися, но *кротку быти* ко всем. Авв., IV Чел. Ал. Мих., 291. И никако тебе *живу быть* невозможно. Кур. лис., 222. Тебѣ *живу не быть*. Ист. Вас. Кор., 114. Тогда уже и *живу не быти*! Яр. цес., 214.

Примеры со вторым дательным падежом имен прилагательных в местоименной форме:

Не им было, а *быть* же было *иным*. Авв., Жит., 123. Такъ же ежели случится по смерти его *быти* всѣмъ *живымъ*, или еще вновь прибудутъ. Котош., 19. Минувшу бо пять дней, или *свободнымъ* намъ *быти*, или неприятелю въ неволю ся предати. Сим. Пол., Юдифь, 148.

Творительный предикативный имен прилагательных на месте второго дательного в памятниках XVII в. встречается в единичных случаях, например:

А приговорено войску *быти* всегда *готовымъ* противъ его царскихъ неприятелей, и для оберегания городовъ. Котош, 111. Хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя *здравой быть*. Кур. лис., 197.

В произведениях XVIII в. второй дательный имен прилагательных продолжал употребляться часто. Дательный падеж в именной форме:

Я пью и ем не для того только, чтоб *быть живу*, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. Рад., Пут., Подб. Солдату надлежит *быть здорову, храбру, тверду, справедливу, благочестиву*. Сув., 60.

Дательный падеж множественного числа в местоименной форме:

...определит, каким лицам *судимым быт*. Акты Петра I, 125.

Однако творительный предикативный имен прилагательных на месте второго дательного в произведениях XVIII в. встречается уже очень не редко:

Всегда *быть умным* невозможно. Рад., Пут., Новг. До издыхания *быть верным*... отчеству. Сув., 16.

§ 110. На месте второго дательного имен прилагательных могла распространяться конструкция «*в* плюс местный падеж един. числа имен существительных», например:

Тебе от меня *быть в кручине* и *в* жестоком *наказанье*. Хоз. Мор., № 437.

§ 111. Во втором дательном падеже употреблялись наряду с именами прилагательными и причастия страдательного залога. В древнейших памятниках отмечен только второй дательный, например:

Луцежъ бы *потяту быти*, неже *полонену быти*. Сл. о полк. Иг., 66. Аще ли ключить ся кому отъ лодьи *убьену быти* отъ насъ Руси. Лавр. л., 35 (из Радз. сп.). Грѣхъ ради моихъ случи ми ся *плененну быти* варвары и *сведену быти* въ Казань. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 3.

В памятниках XVII в. господствует употребление причастий страдательного залога во втором дательном падеже.

Второй дательный в именной форме:

А хто от вас... впред будет, тому у нас под стеною города *быт убиту*. Азов. сид., 142, 2 ред. Бысть же умрети нищему и *несену быти* на лоно Авраамле. Авв., Кн. Бес., X, 228. За то тебе *быть снедену* от меня. Кур. лис., 195. Убояшася, чтоб от них *не быть* и в правду *убиту*. Ист. Вас. Кор., 114.

Второй дательный причастий страдательного залога в местоименной форме:

...Яко *довлемым быти* им и чрез потребу. Вр. Ив. Тим., 18. Понеже таковъ пророкъ еси, иже прорещи можешь, яко из-

раилевымъ людемъ отъ бога ихъ *защищеннымъ быти*. Сим. Пол., Юдифь, 120. Видитъ душа моя, что имъ *побитымъ быть*. Авв., Жит., 13.

Творительный предикативный причастий страдательного залога отмечается в памятниках XVIII в. в единичных примерах: Никая же честь быти можетъ по всѣхъ земляхъ посмѣятельного позорища *волочимымъ быти*. Сим. Пол., Юдифь, 130.

Глава VII

ОГРАНИЧЕНИЕ И ОТМИРАНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ БЕЗ ПРЕДЛОГА ПРИ ГЛАГОЛАХ

1. Ограничение и отмирание употребления падежных форм в пространственных значениях

§ 112. Для обозначения пространства древнерусский язык унаследовал употребление родительного, дательного, винительного, творительного и местного падежей.

Родительный падеж употреблялся для обозначения места достижения при глаголах движения:

Не добро бо есть *преступати предѣла* чюжего. Лавр. л., 178. Рекъ: «яко немощнии и болнии не могуть *долѣсти двора* моего». Там же, 123. Всеславъ князь... изъ Кыева *дорискаше до куръ Тмутороканя.* Сл. о полк. Иг., 74. Изяславъ же Давыдовичь *доиде Игорева броду,* и ту постиже и вѣсть изъ Чернигова. Воскр. л., 72. И *недошедъ* тое *горы* былъ монастырь Феодосия великаго. Хожд. Ионы М. Иерус., 20.

Ср. переносно у писателей XVIII в.: «Когда *приближаешься степени возмужалости,* стремление его обратилося к познанию вещей». Рад., Пут., Чер. грязь. «Ты *дожил старых лет».* Ломон., Анакр., ода XI. Ср. также у Пушк.: «Вот *Углича достиг* я». Бор. Год.

В древнерусском языке при глаголах движения в переносном смысле в родительном падеже могли употребляться имена существительные, обозначающие временные понятия; и в этом случае родительный падеж грамматически обозначает предмет достижения, например:

Феодосьеви же пришедшю по обычаю братью цѣлова, и празднова с ними недѣлю Цвѣтную, и *дошедъ велика дне Вскресенья*, по обычаю празднова свѣтло, (и) впаде в болѣзнь.

Лавр. л., 181. Багрянородный царь Констянтинъ *дошедъ мужескаго възраста...* къ себѣ скнпетрърдръжание припасти сотвори. Никон. л., 27.

§ 113. Употребление дательного падежа для обозначения предмета, по отношению к которому направлено движение, или места, куда направлено движение, было известно и старославянскому языку.

Значение предмета, относительно которого или к которому направлено движение:

Стрѣлы *ему не касааху*, идетъ тебѣ кротъкѣ. Сав., кн. 72. *Послѣдоваше иму* народъ многъ. Остр. ев., Марк, V, 24.

Значение места, куда направлено движение:

Шьдъши домови, пусти себе *долу*; *долу проникъше*; господь *придеть дому*. Микл., IV, 580.

В древнерусском языке дательный падеж также употреблялся в указанных двух значениях. В дательном падеже употреблялись почти только названия городов; наиболее часто дательный падеж встречался при аористе *иде* и *приде*; причем при аористе *иде* дательный падеж обозначал пункт без захода в него, к которому направлено действие, а не пункт, в который направлено действие с заходом в него, например:

Иде Ярославъ *Новугороду*. Лавр. л., 147. В Радз. и Ак. сп. «к Новугороду». Прочии же *идоша Царюграду* въ Греки. Лавр. л., 77. В сп. Радз. и Ак. «ко Царюграду». Андрѣи же... *иде* от оца своего *Суждалю*.Užд. л., сп. Лавр., 335. Р. А. — «к Суждалю». Прииде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сотвори миръ съ Володимеромъ; и *иде* Володимеръ *Чернигову*, а Ярополкъ сѣде въ Володимери. Воскр. л., 4.

Только в единичных примерах можно усматривать в дательном падеже значение пункта, в который направлено движение с заходом в него:

И *иде Киеву* и творяше требу кумиромъ с людми своими. Лавр. л., 80. В сп. Радз. и Ак.: «приде к». В то же лѣт. (1135) ис Турова иде Изяславъ в Мѣнескъ оттолѣ же *иде Новугороду* к братьи. Сузд. л., сп. Лавр., 302.

Таким образом, утверждение Л. П. Якубинского о том, что дательный беспредложный в древнерусском языке всегда обозначал только пункт, в который направлено движение с заходом в него, не подтверждается фактами [1].

Что касается дательного падежа при аористе *приде*, то он мог обозначать как место, к которому направлено движение, так и место, в которое направлено движение. Первый оттенок устанавливается в контекстах, которые дают указания на то,

---

[1] См. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, М. 1953, стр. 176.

что пункт направления движения или не достигнут, или он достигнут, но пришедшие люди не вошли в него; второй оттенок устанавливается в контекстах, которые дают указания на то, что пункт направления достигнут и люди уже находятся в нем.

Первый оттенок значения дательного падежа при глаголе *приде* можно видеть в следующх примерах:

...Ярославъ же... *приде Волыню*, и сташа оба полъ рѣкы Буга. Лавр. л., 139. В Радз. и Ак. сп.: «к Волыню». *Прииде* Стославъ *Переяславцю*, и затворишася Болгаре. в городѣ. и изълѣзошаша Болгаре на сѣчу противу Стославу. Ип. л., т. II, в. 1, 58. Ярославъ събра вои многы, Варягы и Словѣни, *приде Кыеву* и вниде в городъ свой. Лавр. л., 147. В Ак. сп.: «к Кыеву».

Во всех приведенных примерах более поздние списки летописи дают конструкции дательного падежа с предлогом *к*.

Второй оттенок значения дательного падежа при глаголе *приде* можно видеть в следующих примерах:

Котопанъ же *пришедъ Корсуню* повѣдаше. Лавр. л., 162. В сп. Радз. и Ак.: «в Корсунь». Яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда *придоша Кыеву*. Лавр. л., 57. Слышавъ же Ярославъ волхвы, *приде Суздалю*... Лавр. л., 144. Приде Мьстиславъ ис Тъмутороканя *Кыеву*, и не прияша его Кыяне. Лавр. л., 143—144. В Радз. и Ак. сп.: «к Киеву».

В приведенных примерах более поздние списки не всегда дают конструкции дательного падежа с предлогом *к*; во многих случаях дательный падеж или остается без предлога, или заменяется винительным падежом с предлогом *в*.

Дательный падеж пункта, в который направлено движение, можно видеть в следующих оборотах с дательным самостоятельным:

И *пришедшу* ему (к) *Кыеву* и пребывьшю 4 лѣта. Лавр. л., 38 (из Радз. списка; «к» из списка Моск. Дух. акад.). Самому же болну сущю и *пришедшю Вышегороду*, разболѣся велми. Лавр. л., 157. В Радз. и Ак. сп.: «к».

В некоторых случаях употребление дательного при глаголе *приде* остается недифференцированным относительно указанных двух оттенков, например: «Иде Ольга въ Греки, и *приде Царюгороду*». Лавр. л., 59. В сп. Радз. и Ак.: «ко Царюгороду».

Дательный падеж названий городов в значении направления действия встречался в единичных случаях и при других глаголах, как переходных, так и не переходных, например при непереходных глаголах *итти, пойти, ходить:*

Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний *шелъ Чернигову*, шедъ с братьею взя Исакия и принесе й к собѣ в кѣлью.

Лавр. л., 188. В других списках есть «к». Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы *ходилъ Царюгороду*. Лавр. л., 9.

При непереходных глаголах *бежать, убежать, побежать, прибежать*:

Бѣжа Ростиславъ *Тмутороканю*. Лавр. л., 159. А Изяславъ събравъся с женою и з дѣтми *бѣжа Лучьску*. Сузд. л., сп. Лавр., т. I, в. 2, 322. Р. А. — «к Луцку». Ярославъ же *убѣжа* съ 4-ми мужи *Новугороду*, Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь. Лет. Нестора, 65.

При непереходных возвратных глаголах *возвратиться, отступиться*:

Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, *възвратишася Кыеву*. Лавр. л., 168. В Радз. и Ак. сп.: «к». Праздновавъ князь дний 8, и *възвращашеться Кыеву* на Успенье святыя Богородица. Лавр. л., 122.

При переходном глаголе *воротить*:

И побѣди Ярославъ Брячислава, и Новгородцѣ *вороти Новугороду*, а Брячиславъ бѣжа Полотьску. Лавр. л., 143. В сп. Радз. и Моск. Дух. акад. в обоих случаях: «к».

При переходном глаголе *принести*:

И положиша тѣло его, *принесше* отай *Вышегороду*, у церкве святаго Василья. Лавр. л., 132. В Радз. и Ак. сп.: «к Вышегороду».

При переходном глаголе *везти*:

Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани *везоша* й *Кыеву*. Лавр. л., 158. В Радз. и Ак. сп.: «к».

При переходном глаголе *привести, вести:*

Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и *приведоша* я *Цесарюграду*, и слѣпиша Руси много. Лавр. л., 151. В Радз. и Ак. сп.: «ко Царюграду». А не *води* Ляховъ *Кыеву*. Лавр. л., 169. В Радз. и Ак. сп.: «к».

При переходном глаголе *послать*:

Посла же пред (собою) сына своего Мьстислава *Кыеву*. Лавр. л., 169. В Радз. и Ак. сп.: «к».

При переходном глаголе *поять*:

И прославъ (Святославъ), в ночь *поя* Антонья *Чернигову*. Лавр. л., 188. В Радз. и Ак. сп.: «к».

При сочетании переходного глагола с супином:

Посла Володимеръ снъ свои другыи Андрѣя *княжитъ Володимерю*. Сузд. л., сп. Лавр., 292.

Из приведенных примеров некоторые дают ясные указания на то, что дательный падеж, особенно при переходных глаголах, обозначает пункт, в который направлено движение с заходом в него, например: *поя Антония Чернигову* (= в Чернигов), *посла княжить Володимерю* (= во Владимир) и т. п.

Из несобственных имен, обозначающих место, в дательном падеже отмечены только отдельные слова при отдельных глаголах, например:

Пусти я домовь. Син. сп. I Новг. л., л. 9 об. *Воротишася домовь.* Там же, л. 57 об. Тѣмъ же *припадаю* честныхъ ногъ вашихъ *стопамъ* и милъ ся дѣю, Бога ради, престаните отъ таковаго начинания. Посл. Гроз. Бусл., Хрест., 849.

В современном русском языке остатки такого былого употребления беспредложного дательного падежа отражаются в наречии *домой,* например: *пошел домой*; эта форма восходит к дательному падежу основ на *-ŭ*: *домови.* Сюда же относится слово *долой* из *долови.*

§ 114. В старославянском языке местный падеж употреблялся для обозначения места, в котором осуществляется действие:

Яко сѫтъ съхранены кости наша семь *мѣстѣ.* Супр., 81. Жена лежит *ногахъ* ему. По̀ что на выи, а не иномъ *мѣстѣ.* Супр., 269.

В древнерусском языке в местном падеже без предлога для обозначения места действия употреблялись, главным образом, названия городов. Наиболее часто местный падеж в пространственном значении встречается при непереходных глаголах:

А Святославъ *сѣде Кыевѣ,* прогнавъ брата своего. Лавр. л., 178. В Радз. и Ак. сп.: «в». В се же лѣто *Новѣгородѣ иде* Волховъ вспять дний 5. Лавр. л., 159. В Радз. и Ак. сп.: «в». *Преставися* Володимеръ, сынъ Ярославль старей, *Новѣгородѣ.* Лавр. л., 156. В Радз. и Ак. сп.: «в». Володимеръ приведе Мстислава сна своего из Новагорода а *Новѣгородѣ* сѣде Мстиславичь. Сузд. л., сп. Лавр., 291.

Менее часты случаи употребления местного падежа в пространственном значении при переходных глаголах:

Посади сына своего Мьстислава *Полотьскѣ.* Лавр. л., 169. *Заложи* Володимеръ святую Софью *Новѣгородѣ.* Лавр. л., 151. В Радз. и Ак. сп.: «в».

Встречаются случаи употребления местного падежа при сочетании глагола с инфинитивом:

Святополкъ же *нача княжити Кыевѣ.* Лавр. л., 140. В сп. Радз. и Ак.: «в».

Засвидетельствовано употребление местного падежа без предлога в конструкции дательного самостоятельного, например:

В се же лѣто основана бысть церкы Печерьская игуменомь Феодосьемь и епископомь Михаиломь, митрополиту Георгию тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу *Кыевѣ сѣдящю.* Лавр. л., 178. В сп. Радз. и Ак.: «в». Посла к ним (к новго-

родцам) снъ свои и *бывшю* ему *Черниговѣ*. Сузд. л., сп. Лавр., 308.

Нарицательные имена в местном падеже для обозначения места отмечены только в единичных случаях, например:

Князь же с Новогородци быша *верху Волгы*. Сузд. л., сп. Ак., 492. Дивъ кличеть *връхи древа*. Сл. о полк. Иг., 67.

§ 115. В местном значении винительный падеж засвидетельствован в памятниках старославянского языка, причем винительный падеж имел два значения:

1) значение определенного количества места или размеров пространства, охваченного действием, например:

Македонию проиду. Объхождаше *градьце* усѣ. *Грады* обътечеши. Обидоше всю *страну*. Проидеши *грады*. Микл. IV, 378. Иде с нею дѣвѣ, три *стопы* ступивъ. Бругм., II, ч. 1, 626.

2) значение места или пункта, в который направлено движение, например:

Афонъ въсходить. Савв., 2. Сама *прѣисподняя* доити. Супр., 354. Прѣходиште *домы* и т. п.

В тех же двух значениях употреблялся винительный падеж и в древнерусском языке, а именно: винительный падеж мог обозначать количество места или размеры пространства, в котором осуществляется действие, например:

Глаголемыя пустинникы... проходят *грады*, межю простыми мужи и женами живуще. Ефр. Корм. Обыдша *Русь* обыполы. Микл., IV, 380—381.

При этом в древнерусском языке еще не было дифференцировано употребление винительного падежа в смысле движения на определенном пространстве и в смысле движения через определенное пространство. Винительный падеж употреблялся и в этом последнем случае, в особенности после глаголов с приставкой *пере-*, например:

Переидоша рѣку. Ип. л., 20. По малехъ днихъ и по глаголехъ сихъ *перевезеся* великую рѣку *Волгу* съ всими силами. Сказ. Мам. поб., 14. Почаша *перевозитися* всѣ полцы великую реку *Волгу*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 116. Князь Мстиславъ Галицькии *пребродися Днѣпръ*. Сузд. л., сп. Ак., 506. Во утрии же самъ (великий князь) *перебродися Оку* и поиде ко Проньску со сынми своими. Воскр. л., 115.

Ср. в старославянском языке: «Повелѣ рабомъ прѣвести е *рѣку*. Саву *рѣку* прѣвезеть и. Савв., 159. Прѣвезе ихъ рѣку». Микл., IV, 390.

Современный русский язык сохранил употребление винительного падежа в смысле движения в определенном по количеству и размерам пространству, например: *объехал все города, проехал всю страну, объездил весь мир, занял три места, сделал два шага вперед* и т. п. Однако в смысле

движения через определенное пространство винительный падеж употребляется, как правило, с предлогом *через,* например: *переправиться через реку, перейти через мост, перепрыгнуть через канаву* и т. п.

При переходных глаголах предлог *через* обязателен, например: *танки пошли через мост, переправить войска через мост* и т. п. При переходных глаголах предлог *через* употреблялся уже в древнем языке, например: «переправить полки свои черезъ мостъ». Ип. л., 56.

Винительный падеж употреблялся в древнерусском языке и для обозначения пункта, в который направлено движение:

Поидучи же (домовь, в) *Русь,* да емлють у царя нашего (на путь) брашно. Лавр. л., 30. Из Радз. сп. И пробѣже (Святополк) *Лядьскую землю* гонимъ гнѣвомъ Биимъ. Ип. л., т. II, в. 1, 131. Володимеръ же приступи ко граду къ восточнымъ вратомъ, и отняша врата, людие же бѣжаша внѣшний *градъ.* Воскр. л., 2.

В этом значении винительный падеж засвидетельствован в памятниках более позднего времени:

Доспѣша *палату.* Тихон. Пам. отреч. рус. лит., т. I, 239. Поступили *Констентинъ град.* Сказ. Вас., 289.

Подобные конструкции отмечены в былинной речи, например: «Идет он княжеский *двор*». Рыбн., т. I, 135.

В последующей истории языка в соответствующих конструкциях винительный падеж стал вводиться в сочетание с глаголом посредством предлога *в: вошел в Киев, приехал в СССР, уехал в Ростов* и т. п.

В современном языке остатки такого употребления беспредложного винительного падежа отражаются в наречных выражениях: *иди вон, ступай прочь* (ср. древнерусское: иди прочь, гряди вънъ).

В древнерусском языке винительный падеж без предлога употреблялся для обозначения конца пространства, где совершается действие:

Сташа *обаполъ* рѣкы Буга. Лавр. л., л. 48 об. (оба + + полъ — вин. п. двойствен. числа). Хощу бо, рече, копие приломити *конець поля Половецкаго.* Сл. о полк. Иг., 66.

В последующей истории языка винительный падеж в указанном значении вытеснен предложной конструкцией, состоящей из предлога *в* или *на* и местного падежа.

Распространенная манера переводить винительный падеж в выражении «конець копия вскормлени» творительным падежом — «концом копья вскормлены» совершенно извращает смысл соответствующего места в тексте «Слова о полку Игореве».

При глаголах пространственного передвижения с приставкой *на-* винительный падеж места употреблялся без предлога *на:*

Съвокупишася вси князи, князь великий Дмитрей Александровичь и прочии вси князи съ нимъ, и поидоша къ Раковору... И вшедше въ землю ихъ, раздѣлишася на 3 пути...; и ту наѣхаша *пещеру* глубоку и непроходну. Воскр. л., 167.

Аналогичные конструкции находим в былинной речи, например: «И наеду я *богатыря* в чистом поле». Рыбн. I, 73.

§ 116. Творительный падеж также имел два значения. В старославянском языке творительный падеж употреблялся:

1) для обозначения определенного ограниченного пространства, через которое осуществляется действие, например:

Дврьцами смоштраахѫ долу. Супр., 137. *Усты* изливаеть се. Кровь ринусѧ *ноздрьма*. Проиде тѣсныими *дверьми*. Супр., 108. Мрьтвыими *враты* извлѣкъше тѣлеса. Матф., 15, 17. Не въходят *дверьми* въ дворъ. Остр. ев.

2) для обозначения неопределенного пространства, на котором действие осуществляется как линейное движение, например:

Минѫти пѫтемь тѣмь. Матф., 8, 28. Простаныимь *моремъ* въходя въ пагубѫ. Супр., 258. *Землеѭ* и *моремъ* объсѣдьшихъ насъ. Микл. IV.

В названных двух значениях творительный падеж засвидетельствован и в древнерусских памятниках.

1. Значение определенного пространства, через которое осуществляется действие:

Приносяшеть же ему великый Антоний, и подаваше ему *оконцемъ,* яко ся вмѣстяше рука, тако приимаше пищю. Лавр. л., 186. Приходящии Русь... да входять в городъ одиными *вороты* съ цсревымъ мужемъ безъ оружья. Ип. л., т. II, в. 1, 24. Князь же Болгарьскый выбѣже инѣми *вороты* и утече на конехъ въ малѣ дружинѣ. Воскр. л., 127. А Днѣпръ течетъ въ Понтское море *треми устьи*. Никон. л., 3.

Употребление творительного падежа в рассматриваемом значении имело место вплоть до XVII в. включительно, например:

Аз подлинно слышу, что от мене живот отступил... и правым *ухом* вышла душа. Сим. Пол., Юдифь. Она же абие от сна возбнув (пробудилась), увиде яве мужа из храмины *дверьми* изыдоша скоро аки молния. Юл. Лаз., 365. Я (ерш) в матице не заживусь и *ечеей* (через ячею в бредне) прошибусь. Ерш., 159.

2. Значение неопределенного пространства, на котором осуществляется действие как линейное движение:

Изиде *брегомъ* на Блъгары. Лет. Переясл. Суздал. Посла братью свою *четырми пути*. Руск. хрон. Микл. IV, 686. Михаилъ цсрь изыде с вои *берегом* и *моремъ* на Болъгары. Ип. л., т. II, в. 1, 14. И у Новгородских купцов, прибывшихъ *водою*, не должно колотить воск. Память ист. вел. Новг., 85. Града же того некто житель веде *рвом* в баню отца своего мыти. Шем. суд, 410.

В этом значении творительный падеж широко употребляется в фольклорных произведениях, например: *шел путем-дорогою, поехал раздольицем* и т. п.

В дальнейшей истории русского языка употребление творительного падежа в значении определенного пространства, внутри которого осуществляется действие, все более ограничивалось, и в современном литературном языке мы его находим только в специальных выражениях: *кровь пошла горлом*. Однако см. в украинском: *заступи чорта дверима та вiн тобi окном*.

Употребление творительного падежа для обозначения неопределенного пространства, на котором действие осуществляется как линейное движение, продолжало сохраняться, например:

Пастух стада гоняет в луг,
И *лесом* без боязни ходит. Ломон. На вз. Хотина.

А вас, сударь, прошу я толком,
Туда не жаловать ни прямо, ни *проселком*. Гриб., Гор. от ума.

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные изменения в употреблении падежных форм в пространственных значениях:

1. Утрачено употребление родительного падежа в значении места, до которого направлено движение: *дойти «двора» моего — «до двора» моего*.

2. Утрачено употребление дательного падежа в значении места, к которому направлено движение: *иде Новогороду, приде Новогороду — «к Новогороду»*.

3. Утрачено употребление местного падежа в значении места, в котором осуществляется действие или имеет место пребывание: *Ярославъ сѣде Кыевѣ (в Киеве)*.

4. Утрачено употребление винительного падежа в значении места, в которое направлено движение: *въниде Чернигов — «в Чернигов», перевезеся рѣку — «через рѣку»*.

5. Утрачено употребление творительного падежа в значении определенного пространства, через которое осуществляется действие или движение: *Подавали пищу оконцем; Смотрел дьверцами*.

2. *Ограничение и отмирание употребления падежных форм в значении времени*

§ 117. Для обозначения времени древнерусский язык унаследовал употребление родительного, винительного, творительного и местного падежей. В древнерусском языке встречается и употребление дательного падежа в значении времени.

Употребление в древнерусском языке родительного и местного падежей в значении времени свидетельствуется старославянским языком, ср.: р о д п. — коньчахъ тогоже *лѣта мѣсѧца декабря;* яждь *сего лѣта* и т. п.; м е с т. п. — *томь лѣтѣ, томь дьни,* исцѣлѣ отрѫкъ *томь часѣ.*

В древнерусском языке р о д и т е л ь н ы й падеж имени употребляется для обозначения количества времени, не полностью занятого действием. В родительном падеже времени употреблялись названия дня, частей суток, времен года, месяцев и чисел месяца, например:

Тог же *дне* дождавъше ночи. Син. сп. I Новг. л., 134, 18. *Тои весны.* 219, 4; *Тои* же *зимы.* 255, 11; *Тои* же *осени* да ему оць волость.Užд. л., Лавр. сп., 329. Въгна Торкы в городъ *тое ночи.* Там же, 295. *Тог* же *мсца.* Син. сп. I Новг. л., 259, 21. *Мсця марта.* Там же, 94. *Третьяго дни* к полуднию падоша стязи Игоревы. Сл. о пол҃к. Иг., 69.

Примеры такого употребления родительного падежа имеют место во всех древнерусских памятниках старшего периода.

Такое употребление родительного падежа систематически продолжалось вплоть до XVI—XVII вв.:

А *часа того* Обрам толмач отделаетца, и мы его тогды к тебе отпустили. Грам. Иоан. IV швед. кор., 1558 г. *Того* же *дни* на вечер... прислали... толмачей... Азов. сид., 342. И тако *дня поставленного* оный живый име на друзей пирование. Вел. зерц.

В современном русском языке употребление родительного падежа в значении времени весьма ограничено; в современном языке на месте формы род. падежа употребляются предложные конструкции: *в то лето* вм. *того лѣта; в ту же зиму* вм. *той же зимы* и т. п. Старый родительный времени сохранился ныне в виде родительного даты: *5 января; месяца 25 числа; тысяча девятьсот тридцатого года* и т. п.

§ 118. М е с т н ы й падеж в древнерусском языке также употреблялся в значении времени, не полностью занятого действием, например:

Иде Всеволодъ... на чюдь. *зимѣ* въ говение. Син. сп. I Новг. л., 25, 3. *Томь же дни створи миръ.* Сузд. л., Лавр. сп., 312.

А въ Русу ти, княже, ездити на третию зиму; а *лѣтѣ*, княже, єздити на озвадо звери гонить. Памят. ист. вел. Новг., 13. *Утрѣ* же вознзи стрикусы, отвори врата Новуграду. Сл. о пол. Иг., 73.

Употребление местного падежа для обозначения времени сохранялось в памятниках XVII в., например:

Вчера был пьян, денег было в мошне много, *утре* встал, хватился за мошну, ничего не сыскал. Ярыж., 79.

В последующей истории местный падеж в значении времени полностью вышел из употребления в литературном языке. Однако как отражение диалектных особенностей он еще встречается, например, у Бажова: ты, Гане, *утре* ступай-ко к новым перекладам. Бажов, I, 158.

§ 119. В значении времени употреблялся в древнерусском языке и дательный падеж, например:

Тако бо Мефодий глаголеть, яко *скончанию* временъ, явитися темъ я же загна гедеонъ и попленять всю землю. Син. сп. 1 Новг. л., 91.

Возможно, что дательный падеж следует видеть в предложении: «И тако единои нощи сотворилось». Яр. Яр., 236 (из памятника XVII в.).

Однако употребление дательного падежа в значении времени не оставило значительного следа в древнерусских памятниках; в современном литературном языке дательный времени не известен.

§ 120. Древнерусский язык унаследовал также употребление винительного и творительного падежей для обозначения времени. Оба эти падежа употреблялись как для обозначения времени, в пределах которого осуществляется действие, выраженное глаголом, так и для обозначения количества времени, полностью занятого глагольным действием.

В и н и т е л ь н ы й падеж в обоих указанных значениях употребляется в старославянском языке, например:

И прѣбысте у него *дьнь*. Яко бо бѣ Иона въ чрѣвѣ китовѣ *три дьни* и *три ношти* (время, полностью занятое глагольным действием); пришьдъшу ему *вечеръ* (время, не полностью занятое действием).

Для обозначения тех же временных значений винительный падеж употреблялся и в древнерусском языке.

В значении времени, полностью занятого действием:

В лѣто 6768. Бысть тишина *все лѣто*. Син. сп. I Новг. л., л. 138 об. Хочю имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая *вся лѣта*. Лавр. л., 71.

В значении времени, не полностью занятого действием: Азъ *утро* послю по вы. Лавр. л., 55. *Осень* умре Половечьскыи князь. Лавр. л., л. 68 об.

Винительный в этом значении отмечен и в древнерусских грамотах, например: «А в Русу ти княже ездити *осень*, а лете не ездити». Новг. IV[1].

Современный русский язык сохранил употребление винительного падежа для обозначения времени, полностью занятого действием. Тот факт, что весь период времени, названный в существительном, охвачен действием, названным в глаголе, подчеркивается обычно определяющими словами *весь, целый* и т. п., например:

Гляди же, — предупредил Валек, — я за тобой *всю ночь* следить буду. Горьк., В людях. Он мог говорить столь красноречиво *целый час*. Там же.

Винительный падеж в рассматриваемом значении может употребляться и без определяющего слова, например:

Так одну свечку, бывало, *год ставит*. Шол., Подн. цел. Он помолчал *минуту*. Горьк., В людях. Ворчун! — огрызнулась Стешка. — Чего *день* и *ночь* ворчит? Панф., Бруски.

С наречиями *назад* и *спустя* винительный падеж обозначает количество времени, прошедшее от момента совершения действия, выраженного глаголом, например:

Остальные восемь двадцатипятитысячников приехали *три дня назад*. Шол., Подн. цел. *Спустя несколько лет* он пришел на работу, но вскоре снова исчез. Горьк., В людях.

Иначе сложилась судьба винительного падежа во втором значении. Винительный падеж, означающий, что только одна часть времени, названного в существительном, охвачена действием, названным в глаголе, в дальнейшей истории языка все более суживался в своем употреблении; в современном языке только при определении *каждый* винительный падеж употребляется в рассматриваемом значении, например:

Шумно и весело прошли святки, почти *каждый вечер* у матери были ряженые. Горьк., Детство. *Каждое воскресенье* они, бывало, являлись в кухню. Горьк., В людях.

В других случаях винительный падеж вытеснен творительным: в соответствии с древнерусским оборотом «Аз *утро* пошлю по вы» в современном языке закрепился оборот «*я утром* пошлю за вами».

§ 121. Творительный падеж также употреблялся в указанных двух временных значениях. Примеры такого употребления творительного падежа засвидетельствованы в старославянском языке, ср.: *трьми дьньми* съзьдати ѭ, *четырьми десеты и шестью лѣтъ* създана бысть црьковь сѩ; сътворъшааго вьсь миръ *шести(ю) дьньми*. Микл. IV, 687 (значение времени, полностью занятого действием). Отъведе воины

---

[1] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 375.

ноштиѭ (значение времени, не полностью занятого действием).

В древнерусском языке круг имен, которые могли употребляться в творительном падеже для обозначения времени, в пределах которого совершается действие, был весьма обширным: в него входили не только названия частей суток и времен года, но и названия месяцев и дней недели, например:

Приде... *мртмь мьцемь.* Син. сп. I Новг. л., 116. Два лета в водах бродили, а *зимами* чрез волоки волочилися. Авв., Жит., 91.

Весьма распространенным было также употребление творительного падежа для обозначения количества времени, которое полностью занято действием, например:

И тако идыи *трьми недѣлями* (= в течение 3 недель) доиде прежереченаага (Кыева). Жит. Феод., XII. Бяшеть серенъ великъ, акоже вои не можахуть зрѣима перейти *днемъ* (= в течение дня) до вечера. Ип. л., 129. Есть в отцове стаде жеребец *третьим летом.* Ер. Лаз. Что силы было — *единымъ днем* побиша! Яр. Яр., 227.

В последующей истории употребление творительного падежа времени все более ограничивалось; ограничивалось употребление творительного падежа в значении времени, в пределах которого осуществляется дйствие: постепенно отмирало употребление названий месяцев, дней недели в творительном падеже для обозначения времени, не полностью занятого действием; теперь уже невозможно сказать: «придет *мартом месяцем»,* можно сказать только «придет *в марте месяце».*

В современном русском языке в творительном падеже един. числа для обозначения не полностью занятого времени употребляются главным образом названия частей суток и названия времен года. Эти слова употребляются с определяющим словом, без него они приобретают смысл наречия (утром, днем, зимой и т. п.).

Однажды *лунною ночью* он разбудил меня. Горьк., В людях. *Раннею весною,* в дождливую ночь, его нашли у ворот дома на лавке. Горьк., Детство, 36.

Названия временных единиц в творительном падеже единственного числа менее употребительны в значении времени, чем названия частей суток и времен года. Существительное *время* в твор. пад. ед. числа употребляется только с определяющим словом *(тот, этот)*:

Тем временем Ванюша Найденов, выждав время, продолжал. Шол., Подн. цел.

Такие временные единицы, как *час, минута,* употребляются редко и, очевидно, также только с определяющим словом.

Она всё видит, все знает, знает и то, что живет в моей душе *этой минутою*. Горьк., В людях.

От слов, обозначающих названия праздников, творительный падеж в значении времени не употребляется, за исключением выражения *великий пост:*

Великим постом меня заставили говеть. Горьк., В людях.

В творительном падеже множественного числа названия времен года не употребляются, а названия частей суток употребляются в большинстве случаев с определяющим словом:

Стешка *целыми вечерами* просиживала над Аннушкой. Панф., Бруски. *Жаркими ночами,* под раскаленным за день железным тентом — душно. Горьк., В людях.

Имена существительные *ночь, вечер* могут употребляться в творительном падеже множественного числа и без определяющего слова, например:

Ночами он до кочетов просиживал в своей комнатушке. Шол., Подн. цел. *Вечерами* над заводом колебалось мутное красное зарево. Горьк., Детство.

Существительное *время* в отличие от ед. числа во множ. числе употребляется без определяющего слова:

Временами между корягами и глыбами скользила мелкая рыбешка. Панф., Бруски.

Если глагол наряду с формой несовершенного вида имеет форму совершенного вида, то при творительном падеже множ. числа всегда употребляется форма несовершенного вида со значением длящегося действия:

Ночами меня окутывал холодным облаком страх. Горьк., В людях. (Ночами *окутывал,* но не *окутал*).

Глаголы со значением длящегося действия могут придавать смысл повторности и форме творительного падежа ед. числа, если эта форма приобретает адвербиальное значение, например:

Утром, перед тем как встать в угол к образам, он долго умывался. Горьк., Детство. (То есть умывался каждый раз утром).

Помимо названных категорий слов в творительном падеже множественного числа употребляются и другие существительные, например:

Летом, *вечерними зорями,* на вершину его слетает из поднебесья степной беркут. Шол., Подн. цел.

Раньше круг имен, употреблявшихся в творительном падеже, был обширнее, например:

Туда *зарею* поспешаю с смиренным заступом в руке. Пушк. О, коль *ночною темнотою* приятен вид твой при луне. Держ. Поди-ка, сын мой, *добрым часом*. Дмитр. *Часом* с квасом, а *порою с водою*. Поговорка.

Еще более ограничивалось употребление творительного падежа для обозначения определенного времени, в течение которого совершается действие. Такое употребление творительного падежа встречалось в литературном языке еще в XVIII в., а отчасти и в начале XIX в., например:

Она в три часа напроказить может столько, что и *веком* (= за век) не пособить. Фонв. Получив *одним годом* (= за один год) изрядный барышок, я жене построил здесь дом. Рад. Я в сорок пять часов, глаз *мигом* (= на миг) не прищуря, верст боле семисот пронесся. Гриб.

Такое употребление творительного падежа засвидетельствовано в фольклорном творчестве: «Впервые *годом* (= за весь год), да и то с горем». Даль, Посл., 47.

В литературном языке более поздней поры творительный падеж определенного времени, в течение которого совершается действие, почти полностью перестал употребляться. В значений полностью занятого действием времени в творительном падеже единственного числа в современном языке употребляются имена существительные *год, минута, час,* но только в сочетании с наречиями *раньше, позже,* например:

Это случилось *годом раньше.* Он пришел *часом позже.* Не останови он поезд *минутой раньше,* произошло бы крушение.

Во множественном числе эти имена существительные в указанном значении могут употребляться вне сочетания с наречиями *позже, раньше,* например:

Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я *минутами* спрашиваю себя... Горьк., Детство.

Множественное число этих имен содержит указание на неограниченную повторность действия в течение всего времени, выраженного именем существительным.

В единственном числе имена существительные *час, минута* вне сочетания с наречиями *раньше, позже* приобретают адвербиальное значение и диалектно продолжают употребляться, например: *сею минутою приду, часом сходи по воду;* ср.: *выпить одним махом, одним духом.*

В этих примерах творительный падеж в действительности не является падежом времени, а является формой наречия: *выпить одним махом, одним духом* означает действие, совершенное не в определенную единицу времени, а сразу; *прийти сею минутою, часом* означает действие, совершенное не за одну или в одну минуту, не за один час, а моментально, сейчас.

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные изменения и ограничения в употреблении падежных форм в значении времени:

1. Значительно ограничено употребление родительного падежа в значении времени. В современном русском языке сохранился только родительный даты: *15 января 1955 года.*

2. Утрачено употребление местного падежа в значении времени: *иде «вѣснѣ» — «весной».*

3. Утрачено употребление дательного падежа в значении времени: *«скончанию» времени — «по истечении» времени.*

4. Винительный падеж почти утратил значение времени, не полностью занятого действием: *«аз утро» (утром) послю по вы,* но сохранил значение времени, полностью занятого действием: *работал год.*

5. Творительный, наоборот, утратил значение времени, полностью занятого действием *(заработал «годом» — «в течение» года)* и в основном сохранил значение времени, не полностью занятого действием *(работал «утром»).*

Творительный и винительный падежи, употреблявшиеся первоначально альтернативно для обозначения одних и тех же временных значений, в последующей истории получили каждый в отдельности специфические временные функции: винительный стал падежом времени, по преимуществу полностью занятого действием, творительный — падежом времени, по преимуществу не полностью занятого глагольным действием.

3. Ограничение и отмирание употребления падежных форм в значении причины

§ 122. Падежные формы использовались для обозначения причинноследственных отношений в системе простого предложения. Раньше других падежей был использован для обозначения причины творительный падеж; об этом свидетельствует тот факт, что творительный причины был известен старославянскому языку, например: *«гладъмь* мьрѣахѫ, Самьпсонъ *женоѭ* погыбе, *женоѭ* Адамъ въ породѣ потопе, жаждоѭ съхнѫти». Микл., IV, 705.

Для обозначения причины или основания творительный падеж широко употреблялся и в древнерусском языке, например: «и яко изнемогоша *гладомь».* Син. сп. I Новг. л. (от голода) и т. п.

Грамматический объект в творительном причины отличается от грамматического объекта в творительном орудия тем, что он не служит средством выявления действия субъекта *(вертеть «головою»)* или средством, через которое действие субъекта достигает прямой объект *(рубить дерево «топором»),* но является основанием, мотивом для совершения субъектом действия, которое выявляется, совершается и достигает

прямого объекта или цели независимо от указанного объекта и без его участия: «Ярополку бо бяше нельзѣ перевезтися *крами*». Ип. л., 13 (из-за ледохода) означает «нельзя перевезтись не посредством крам» — это был бы тв. орудия, а «ввиду наличия крам» — это творит. причины. Ср. в старославянском: «не можѣахѫ бесѣдовати къ нему *народомь*» (из-за народа).

От объекта в твор. образа объект в твор. причины отличается тем, что он не служит средством характеристики действия, а является основанием для его совершения: «И разъиде ны съ ними рѣка, и нельзѣ бы ны ся съ ними тою рѣкою (тв. причины — «из-за реки») биться *полкомъ* (тв. образа — «в строю, строем» и т. п.). Ип. л., 37.

Во многих случаях творительный падеж допускает двоякое толкование в зависимости от понимания древнерусского контекста; так, в выражении «паче *женами* бѣсовьская волъшвения бывают». Лавр. л., 60, тв. п. *женами* можно толковать как тв. причины, если фразу понимать так: «волъшвения бывают из-за жен», или как тв. средства, если фразу понимать так: «волъшвения совершаются посредством жен».

В творительном причины употреблялись в древнерусском языке имена, обозначавшие 1) физические предметы и явления; 2) собственные или нарицательные названия лиц; 3) отвлеченные явления; употреблялись также местоимения.

1. Творительный причины имен, означающих физические явления и предметы. Названия физических явлений и предметов могли обозначать в творительном падеже внутреннюю причину действия и внешнюю причину действия.

Внутреннюю причину действия характеризуют следующие примеры:

У се же лѣто (1092) умре Рюрикъ. с҃нъ Ростилавль. у си же веремена мнози члвци умираху. различными *недуги*. Ип. л., т. II, в 1, 204. Половци же начаша налегати и отъимати воду, и изнемогати начаша людие водною *жажею* и *гладомъ*. Никон. л., 121. Тое же зимы мнози человѣци умираху различными *недугы*. Воскр. л., 174. И начаша мрети *гладомь*. Син. сп. I Новг. л. Яко нѣльзѣ бяше поити *смрады* (=из-за смрада) никудыже. Там же. *Гладом* и *хладом* весьма помираю. Сим. Пол., 450.

Внешнюю причину действия характеризуют следуюшие примеры:

Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим *пропастьми. снѣгом* и *лѣсом*. Лавр. л., л. 85а (из-за пропастей, снега и лесов). Ярославъ же заутра. исполчивъ. дружину противу свѣту перевезеся. и высѣдше на брегъ... и быс сѣча зла. не бѣ лзѣ *озеромъ* помогати Печенѣгомъ. Ип. л., т. II, в. 1, 128. Еспп. и

княгини з дѣтми. и со снохами. и со внучаты *огнемь* скончашася. Сузд. л., сп. Лавр., 464. И вси людие *мечем* погибоша за него. Кат.-Рост.

В современном языке творительный причины имен, означающих физические предметы и явления, употребляется весьма ограниченно.

2. Творительный причины собственных или нарицательных названий лиц:

Мьстилъся быхъ Всеволоду, но нелзѣ *Ростиславичи* (= из-за Ростиславичей). Ип. л., 122. Понеже исперва радъ человѣчский *женою* съгрѣши. Лавр. л., 102.

Собственные и нарицательные имена в творительном падеже для обозначения причины употреблялись еще Ломоносовым, ср.:

Что *Ярославом* мы и Храбрым *Мономахом*
Достигли, как враги взирали к нам со страхом.

Имена существительные, являющиеся названиями лиц, в современном языке не употребляются в творительном падеже для обозначения причины.

3. Творительный причины имен, означающих процессы и отвлеченные явления:

Льстько убьенъ бысть... *Святополкомъ Одовичемъ* (тв. действ. предмета) *съвѣтомъ* (твор. причины — «по совету») бояръ невѣрныхъ. Ип. л., 168. Въ сеже лѣто ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю *повелѣниемъ Ярополцѣмь*. Новг. I л., 6 (по повелению Ярополка). Уныша цвѣты *жалобою*, и древо с тугою къ земли прѣклонилось. Сл. о полк. Иг., 75. И тако волхвують *наученьемъ* бѣсовьскымъ. Лавр. л., 77. Приидоша Михайло Пинящинъ изъ Низу въ Новгородъ лживымъ *посолствомъ*. Воскр. л., 162. Обри... изомроша вси *гнѣвомъ* Божиимъ. Никон. л., 5. Правильною *виною* ево, Струну, на чепь посадил за сие. Авв., Жит., 85. И летось твоим *нераденьем* и *обленкою* много у меня поташу пропало. Хоз. Мор., 31. Чужая сторона от тебе *неволею* познавается. Ярыж., 73. А вы про насъ, государя своего прироженнаго, не знали и крестъ ему цѣловали *невѣдомостью*. Ин. сказ., 27. И *диявольским омрачением*... ты княгиня Марья... подносила чару пития куму. Скоп.-Ш., 237. И *молитвою* ея бысть хлеб сладок. Юл. Лаз., 338. Уже тако жалость вселилас(ь) в сердце Аннушкино, что великою *нуждою* отстала от Фрола Скобеева. Фр. Скоб., 62. *Премудростию* своею какие вредные случаи изводит! Яр. Яр., 232. И *попущением* божим наехали на них нападут разбойники. Ист. Ал. рос., 163. Чтоб сказат нынѣ, что лутче б *охотою* шли (на службу), неже потом будут *неволею* брат. Акты Петра I, 91.

Употребление такого рода имен широко практиковалось и у писателей XVII в.; ср. например. у Ломоносова.

Имена существительные, обозначающие свойства и качества:

Теряет славу всю *свирѣпством* побѣдитель.

Имена существительные, обозначающие психическое, душевное состояние:

Иль *волею* въ другой обманъ себя отдамъ?

У Майкова:

Но *сщастием* его, иль *действием* чудес,
Сей тягости гайтан тогда не перенес. Ел.

У Богдановича:

Что Душенька перед сим,
Летя с горы на низ, повытрясла булавки,
Чудесным *действием*, иль *случаем* простым. Душ.

У Крылова:

Осел мой *глупостью* (благодаря глупости) в пословицу вошел. Осел.

У Капниста:

Есть сущей истины Иуда и предатель,
Что и *ошибкой* он дел прямо не вершил. Ябеда.

У Чулкова:

Попечением и *трудами* канцеляристовскими имела я на себе платьица уже почище. Приг. повар.

У Радищева:

Природа, обветшав лет *дряхлостью*, падает. Пут., Брон.

У Суворова:

Общее благо совестит вас их *неисполнением*, не только чтоб у меня не благоразумно отторгать Ребиндера. Сув., 121.

Ср. у Грибоедова:

Случалось ли, чтоб вы, смеясь или в печали, *ошибкою* добро о ком-нибудь сказали. Горе от ума.

У Пушкина:

...Нет нелепицы такой, которой бы Ваш друг с улыбкой не повторял стократ *ошибкой*.

В современном литературном языке имена такого типа уже не употребляются в творительном падеже для обозначения причин.

4. Творительный причины, выраженный местоимением.

Местоимения в древнерусском языке употреблялись в творительном падеже для обозначения причины а) в качестве указаний на лица и б) в качестве указаний вещей или отношений:

Благословенъ еси, Христосе Боже, яко *тобою* проидохомъ сквозѣ огнь и воду. Ип. л., 103. (благодаря тебе прошли сквозь огонь и воду). У Киева бо бяше перевозъ тогда... *тѣмь* (=и потому) глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Лавр. л., 9.

Личные местоимения в качестве названий лиц и в качестве названий вешей и отношений употреблялись в твор. причины еще у писателей XVIII в.:

Вспомни, что *тобой* злой рок меня унес и вырони о мне хоть каплю слез. Сумар., Песня XXXII. Я кровь твоя, *тобой* (= благодаря тебе) я жизнь мою имею. Майк., Ел. Им в глаза плевал бы всяк, *ею* (бородою, т. е. благодаря бороде) цел и здрав их зрак. Ломон. Гимн бороде.

В современном литературном языке творительный причины от местоимений весьма ограничен:

Кого тебе еще нужно? *Чем* он тебе не муж? Тург., Двор. гн. А *чем* я не гость? За что меня гонят! Остр., Бед. не пор.

Ср. в украинском: «*Тим* (=потому) я тебе не займаю, що сватати маю, *тим* (=потому) до тебе не горнуся, що слави боюся». Потебня. Из зап., 459.

Таким образом, употребление творительного падежа для обозначения причины в истории русского языка постепенно отмирало; формы творительного падежа почти полностью устранены его в этой функции; раньше всего творительный причины перестал употребляться от имен, обозначающих явления и предметы действительности (*погибоша гладомь — «от голода», нельзя проити смрады — «из-за смрада»*), а также от имен, являющихся названиями лиц: *гражени не бѣ льзѣ убити Ярополка — «из-за граждан»*.

В то же время отвлеченные имена существительные, а также местоимения употреблялись в творительном падеже для обозначения причины весьма долго (*ср.: Осел мой глупостью в пословицу вошел. Крылов*).

§ 123. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялся при некоторых глаголах и винительный падеж имен, например, при глаголе *мстить*:

Мьшю *Русьскую землю* (= за русскую землю). Лавр. л., л. 89. об. Игорь совокупи воя многы... поиде на Грѣкы в лодьяхъ и на конехъ. хотя мьстити *себе* (=за себя). Ип. л., т. II, в. 1, 36. Самъ же великий князь Александръ поклонися святѣй Троици, и поиде на землю Нѣмецкую, хотя мстити *кровь християньскую*. Воскр. л., 150. Янъ же рече имъ: «мстите *своихъ*». Никон. л., 98. То оставшеи должен *смерть* брата своего тому убиицу отмстит(ь). Ист. Ал. рос., 155. Нынѣ яро будет и отмстит сие твое *смеяние* и *ругателство*. Яр. Яр., 224.

В древнерусском языке при глаголе *мстить* предмет, за который осуществляется месть, мог обозначаться местным или родительным падежом, например:

Мьсти отъ крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси *крове* Авелевы. Лавр. л., 141.

Винительный падеж после глагола *мстить* в значении предмета, из-за которого происходит мщение, широко употреблялся в литературе XVIII в. Такое употребление винительного падежа в XVIII в. представляет собою отражение грамматических традиций старой литературы:

Готовы всегда на твое поражение, если оно отмстить *порабощение* человека. Рад., Пут., Спас. пол. Сии злодеи, желая отмстить свою *обиду*, пошли прямо отцу и сказали ему. Рад. Пут., Зайц.

Такое традиционное употребление винительного падежа встречается в единичных случаях и в XIX в., например, у Пушкина в «Полтаве»: *Отмстит поруганную дочь.*

Таким образом, высказанное в литературе мнение о том, что винительный падеж в этом значении представляет собой отражение французского влияния, не может быть принято[1].

Малочисленность примеров, в которых винительный падеж может быть истолкован как винительный причины, доказывает, что обнаружившаяся тенденция к использованию винительного падежа для обозначения причины не имела сколько-нибудь серьезного значения в истории русского языка и не оставила следов в современном русском языке.

§ 124. Такой же слабой и неустойчивой была тенденция к использованию родительного падежа для обозначения причины. В нижеследующих примерах первичное отложительное значение родительного падежа еще не полностью тускнеет от наслоившегося на него причинного значения:

А я отцовских моих *вотчин* и ныне живу (=от отцовских вотчин). Ерш., 152. И ныне плачуся своего *неразумия* (=от своего неразумения). Ярыж., 82.

§ 125. Более устойчивой была тенденция к использованию дательного падежа для обозначения причины; примеры с дательным падежом причины в древнерусских памятниках встречаются при разных глаголах и в памятниках разновременного происхождения, например:

Чему к намъ идеши. Лавр. л., л. 129 об. О, вѣтрѣ, вѣтрило! *Чему*, господине, насильно вѣеши? *Чему* мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Сл. о полк. Иг., 74. Не судиши и не мстиши крови нашея (=за кровь нашу) от живущих на земли. Авв., Кн. Бес., 203. Вси бо живы Христу (=благодаря Христу), хотя и сожжены и повешены. Авв., Пис. М. Фед., 347.

В современном русском литературном языке дательный причины не сохранился, но в белорусском языке дательный

---

[1] В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка, 1938, стр. 168.

падеж местоимения *что* (бел. *што*) в значении причины употребляется в качестве литературной нормы; ср. *«чаму гэта здарылася?»* — «почему это случилось?»

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные изменения падежных форм в значении причины:

1. Почти полностью утрачено употребление творительного падежа для обозначения причины действия, выраженного глаголом (*сделал неведением — по неведению*).

2. Утрачено употребление винительного падежа в значении предмета, являющегося причиной действия, выраженного глаголом (*мстить обиду*).

3. Не закрепилось употребление родительного падежа в значении причины (*живу отцовских вотчин — от отцовских вотчин*).

4. Не закрепилось употребление дательного падежа в значении причины (*мстить крови нашей — за кровь нашу*).

4. Ограничение и отмирание употребления падежных форм в значении цели

§ 126. Для обозначения цели действия, выраженного глаголом, употреблялась, главным образом, форма дательного падежа. Дательный падеж в значении цели использовался в старославянском языке, например: «Положил ны еси *смѣху* въсѣмъ чловѣкомъ. Отдати дъштеръ *браку*». Бругм., II, 2, 560.

Это указывает на то, что использование формы дательного падежа для обозначения цели действия, выраженного глаголом, имело место уже в общеславянском языке-основе. Такое употребление дательного падежа сохранил и древнерусский язык, например:

А другия *работѣ* предастъ мужемъ своимъ. Лавр. л., 17. Хощю тя пояти собѣ *женѣ*. В Радз. и Ак. сп. «жену». Лавр. л., 60. И отвращю отъ вас гнѣвъ мой, дондеже все обилуеть *вамъ*. Лавр. л., 164. Новгородци же послашася на Киевъ ко Всеволоду Олговичю по брата его Святослава, заходивше ему *ротѣ*. Воскр. л., 32. И полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди *завтроку* и *обѣду* и *ужинѣ*. [1] Сл. о полк. Иг., 75. Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно *обидѣ* порождено, ни *соколу*, ни *кречету*, ни *тебѣ*, чрьный воронъ, поганый Половчине! Там же, 68.

Дательный падеж цели широко употреблялся в произведениях М. В. Ломоносова, например:

[1] Форма *ужинѣ* представляет собой форму местного падежа. Это дает основание и форму *женѣ* (пояти собѣ *женѣ*) рассматривать как форму местного падежа.

В знак бессмертия *себе* воздвигнул. Из Горация. Толь страшну бурю *им* на пагубу воздвигла. Петр. В. *Вам*, красавицы, хранят себя в убор. О пользе стекла.

Подобные примеры находим и у других писателей XVIII в.:

Боги царем его не *ему* сделали в пользу. Тред., Тилем. Имел случай употребить место мое *себе* в пользу. Рад., Пут., Тосна.

Ср. при устарелом глаголе *воздвигнуть* у Пушкина:

Я памятник *себе* воздвиг нерукотворный.

В последующей истории языка употребление дательного падежа цели и назначения постепенно отмирало.

§ 127. В древнерусском языке употреблялся и дательный eticus, названный Шахматовым в его «Синтаксисе русского языка» дательным заинтересованного лица. Например:

Сѣдлай, брате, свои бързыи кони, а мои *ти* готови. Сл. о полк. Иг., 67. А Святополкъ сѣдить *ти* Кыевѣ. Лавр. л., 137. Борису же възвратившуся съ войны, не обрѣтшу Печенѣгъ, вѣсть бо прииде къ нему: «отець *ти* умерлъ». Никон. л., 71.

Употребление такого дательного можно в редких случаях встретить и в современном языке: «А он себе и в ус не дует» (пословица). «Может, далеко очень, ни проходу, ни проезду?— Оно не близко, это самое дело, значит, Пал Митрич, а только тут *тебе* сейчас и лес и сплавная река». Мам.-Сиб., Миллионы.

Дательный заинтересованного лица нельзя смешивать с дательным косвенного объекта. В отличие от дательного косвенного объекта дательный интереса не так тесно связан с глаголом, который им управляет. Дательный объекта настолько тесно связан с глаголом, который им управляет, что этот глагол без дательного падежа имеет неполный смысл. При дательном же интереса глагол имеет полный смысл и без объекта в дательном падеже.

Акад. Шахматов даже считает, что дательный заинтересованного лица «представляется как бы вводным словом, не вызываемым прямым значением предложения» [1].

В современном русском языке в той или другой мере сохраняется употребление дательного падежа для обозначения заинтересованного лица; для обозначения цели действия, выраженного глаголом, он употребляется весьма ограниченно, ср.: *сделал что-либо «себе»* в смысле «для себя»; *приготовил что-либо «себе»* и т. п.

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные утраты и ограничения в употреблении падежных форм в значении цели:

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 339.

1. Утрачено употребление дательного падежа в значении цели (*избивая гуси завтраку*).

2. Значительно сокращено употребление дательного заинтересованного лица (*А мои ти куряне готови*).

5. Ограничение и отмирание употребления падежных форм в значении образа и способа

§ 128. Характеристика глагольного действия со стороны его содержания, т. е. со стороны способа или образа его протекания, выражалась творительным падежом. В этой функции творительный падеж имеет тенденцию к утрате субстантивности имени существительного и превращению в наречие. На позиции грамматического средства, раскрывающего способ и характер протекания действия или пребывания, творительный падеж передвигался с разных позиций. Потебня писал: «Для творительного образа характеристична именно его разносоставность по происхождению: в него втекают различные творительные при легком изменении своего значения по направлению к потере субстанциональности; он есть момент, предшествующий переходу дополнения в наречие» [1].

Функцию творительного образа или способа принимал на себя творительный сопроводительный, ср.: «Побѣгоша на лѣсъ, а инии ту *костью* падоша». Новг. I л., 30. Творительный *костью* в выражении «падоша костью» первоначально имел сопроводительное значение (с чем?); затем на это значение наслаивается значение образа действия (как?).

«Князь же Юрьи... ѣхавъ на Волгу съ сыновци своими, съ Василкомъ, и Всеволодомъ, и Володимеромь, и ста на Ситѣ *станомъ*, ждучи к себѣ брата Ярослава и Святослава съ полкы...» Воскр. л., 140. Творительный *станом* в выражении «ста на Ситѣ станомъ» означал сопроводительность («со своим домом»), затем способ пребывания: как? — «станомъ».

Функцию творительного образа или способа принимал на себя творительный, обозначавший объект, пределами которого ограничивается глагольное действие, ср.: «упасть вниз *головою*» (а не *боком*), «сесть *спиною*», а затем «того самого *головой* возьметъ», т. е. самого лично. Бусл., Грам., § 246, 4, 6.

Функцию творительного образа или способа принимал на себя творительный орудия, ср.: «Добиться чего-либо *ложью*» — средство, а в выражении «а что есть сего зла злѣе, еже ходити *лжею* предъ Богомь» Новг. I л., 89 — образ действия.

Употребление творительного падежа в функции образа

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. 1—2, стр. 484.

в последующей истории языка суживалось. В ряде случаев происходило полное отмирание употребления творительного падежа в функции образа или способа. Так, в древнем языке употреблялся творительный падеж от относительных имен прилагательных на *-ьски*, в мн. числе для обозначения образа действия:

Бѣ бо умѣя *Печенѣжьски*. Лавр. л., л. 19 об. (форма творит. падежа мн. числа — «по-печенежски»). Живяху *скотьски* члвци. Там же, л. 29 об. (по-скотски). Княже! *потьскы* (=по-птичьему) не можешь перелетѣти. Ип. л., 129. По сем канун, творение хто без ума и без памяти пьет, не *крестиянски* скончаетца. Ярыж., 80. Да аще бы и *ангельски* говорили. Авв., Кн. Толк., 248.

В современном языке такое словоупотребление мало распространено: прилагательные в творительном падеже множественного числа обычно получают предлог *по* по аналогии с дательным падежом; образованная таким образом предложная форма функционирует как наречие; ср.: *дружески* и *по-дружески*.

В творительном падеже множественного числа со значением образа действия употреблялись прилагательные и другого типа, например:

Малы (тв. мн. ч.) бо насъ не взяша Печенѣзи. Лавр. л., 28. *Малы* не до смерти убиша. Новг. I л., Син. сп., 9. Единъ же изъ нихъ, *тихы* шедъ, послушааше. Жит. Феод.

Творительный падеж множественного числа этих имен прилагательных в современном языке сохранился только в форме фразеологических сочетаний, например: *давным-давно, черным-черно* и т. п.

Широко употреблялся в значении образа действия творительный падеж единственного числа имен существительных:

Живяху *звѣриньскымъ образомъ*. Лавр. л., 6. Бѣ жива Володимеръ съ князи околними *миромъ* (=мирно). Там же, 51. Они же (Русь) оплошишася и *небреженьемъ* хожаху (=небрежно), доспѣхи своя складоша на телѣгы, а иныи въ сумы. Новг. IV л., II (Потебня, Из запис., 486). Предъ княземъ же паче бойся *лъжью* (=лживо) глаголати. Бусл. хрест.

Творительный образа действия имен существительных употребляется и в современном языке, но более ограниченно, например:

Он *выступкой* пошел игривой,
Как будто теша седока. Крыл., Конь и Всад.

Он хочет жить своей *семьей*. Горьк., Мещане.

В древнерусском языке творительный употреблялся для обозначения с п о с о б а п р е б ы в а н и я. В творительном падеже обыкновенно употреблялись имена существительные, обо-

значающие сооружения или группировку людей в процессе пребывания на том или другом месте, например:

Новгородци *вѣчемъ* сташа на Ярославлѣ дворѣ. Новг. I л., 90. Сташа *пълкомъ* на княжи дворѣ. Там же, 38. И они, стоявъ 5 дней *шатромъ* на поли. Пск. I л., 250. А котораа вдова не от церкви божии питается, а живет своим *домом*, то суд не святительской. Судеб. 1497, § 59. Сын де мой Захарей живет у меня в отделе *двором* и *поместьем*, а не вместе. Яков., Хол. Моск. г-ве, 341.

Выражение «живет своим домом» употребляется в диалектном обиходе и в современном языке. Сюда же относится, по терминологии Шахматова, творительный количества и совокупности: *шли толпой, птицы летели стаей; пошли ловить рыбу всем обществом; работают бригадой* и т. п.

6. Ограничение и отмирание употребления падежных форм в объектных значениях.

а. Ограничение и отмирание употребления винительного падежа

§ 129. В древнерусском языке глаголы чувства, познания, мысли, речи нередко управляли винительным падежом в значении прямого объекта (предмет мысли, чувства, речи и т. п.); эти же глаголы в древнерусском языке управляли и предложной формою «*о* плюс мест. п.» или «*про* плюс винит. п.» в значении делиберативного объекта. Строгой дифференциации этих двух объектов древнерусский язык не знал: винительным падежом выражался не только объект прямой, ближайший, который испытывает на себе действие субъекта, но и непрямой объект, дальнейший, который не испытывает на себе действие субъекта, но который находится лишь в сфере интересов субъекта. В современном языке мы строго различаем объект прямой и объект делиберативный: *слышать «песню», узнать «счастье»* и *слышать «о песне», узнать «о счастье»*. В первом случае объект имеет непосредственную связь с субъектом; эту связь осуществляет глагол: глагол выражает действие субъекта, которое имеет назначением и целью прямой объект, с которым субъект через действие, выраженное глаголом, имеет прямое общение и связь. Во втором случае — объект не имеет непосредственной связи с субъектом; глагол не имеет назначения установить такую связь: глагол выражает действие субъекта, которое имеет назначением ввести объект в поле интересов субъекта без установления непосредственной связи последнего с первым.

В древнерусском языке, как сказано выше, строгой дифференциации этих двух объектов не было, и винительный употреблялся в значении делиберативного объекта, т. е. в случаях, в каких современный русский язык допускает только предложную форму или какую-либо другую замену винительного; например:

Слышати: *Слышавъ насилье* (=о насилии) отъ князь. Син. сп. I Новг. л., 154, 4. Половци же *услышавше* всю *землю Русскую идуще* (=что вся земля Русская идет). бѣжаша за Донъ. Сузд. л., Лавр. сп., 399. Пошелъ бѣ Дюрги въ Русь *слышавъ смерть* (=о смерти) Изяславлю. Ип. л., 77. Они же *слышавше Александра идуща* на ся ратию. Пск. I л., Тихан. сп., 16. Слыша такое *дело* и *несчастие* себѣ. Яр. Яр., 233.

Почюти: *Почютиша Ярополка* идуча (=слышали, что Ярополк идет). Лавр. л., 113.

Увѣдати, повѣдати: Михаилъ же *увѣдѣвъ приятее Киевьское* (=узнавши о взятии Киева), и бѣжа. Ип. л., 177. Князь же Герденъ погонися по нихъ, и яко *увѣдаша* Пльсковичи *погоню* (=о погоне), отслаша полонъ. Син. сп. I Новг. л., 59. Придоша опять ко царю, и *повѣдаша* ему *вся бывшая*. Лавр. л., 69, 70. Вся ему *поведал случившееся* с ним. Ист. Ал. рос., 164.

Сказать: Ать (пусть) мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ и *скажеть льсть* Черниговьскихъ князий. Ип. л., 32. В то же лѣт (1175). убьенъ быс. великыи князь Андрѣи. снъ великаго князя Георгия. внукъ Мономаха Володимера. *убьенье* же его послѣди *скажем* (=об убийстве его после скажем). Сузд. л., сп. Лавр., 367.

Повествовать: Небеса *повѣствуютъ славу* Божию (из евангелия). М. Грек, 25.

Помянути: Онъ же *помянувъ* на собѣ *крестъ* (=вспомнил, что на нем крест), и отшедъ постави кромѣ храмины тое. Лавр. л., 174.

Вспомнить: Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда *воспомянут родители* своя и *наказание* их. Ярыж., 92.

Мьнѣти: *Мнѣша* ту *Святослава* и *Рюрика* (=думали, что Святослав и Рюрик тут). Ип. л., 128.

Узреть, видеть: Господине мой! *не зри внѣшняя* моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяниемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ. Сл. Д. Зат., 19. Стефанъ Новоселскый... рече: Азъ *видихъ его* (великого князя) передъ самимъ приходомъ (твоимъ), *пѣша идуща* съ побоища, уязвлена велми. Сказ. Мам. поб., 46.

Объявить: Друзя его унимали, отцово меня смертное *сокрушение объявили*. Ром. в стих.

Размышлять: Аз от страха возбнувся от сна и *размышляя видение* сие. Скоп.-Ш., 333.

Спорить: И хотя бы кто и стал *сие спорить* (=о сем), не слушать, но чинить по сему указу. Письма и бум. Петра Вел., III, 283.

Знать: *Знаю* твое за Адама *пострадание*. Кир. Тур.; Калайд., Пам., 30.

Клеветать: А яко не порчю священныя книги, якоже *клевещутъ мя* враждующии ми всуе... М. Грек, 62.

Петь: *Поютъ время* Бусово. Сл. о полк. Иг., 71.

Глагол *внимать*, ныне устарелый, мог управлять, наряду с дательным, и винительным падежом, например:

Просьбу мою *внемли* ты. Сумар., 63. *Внемли* с улыбкой *голос* мой. Пушк.

В литературном языке старшей поры некоторые глаголы названного типа могли управлять винительным падежом в значении делиберативного объекта; в более позднюю эпоху эти глаголы стали уже по преимуществу управлять предложным падежом:

Узнать: Раевский послал *узнать причину* тревоги. Пушк., Пут. в Арз.

Рассказывать: Здржинский *рассказывал поступок* Раевского, который вывел на плотину своих двух сыновей под страшный огонь и с ними рядом пошел в атаку. Толст., В. и м.

Петь: Он пел разлуку и печаль и нечто и туманну даль. Пушк., Е. О.

Просить: Рассказывают о положении семьи, *просят пересмотр* дела и возвращение имения. Герц., Б. и д.

Забыть: Губернатор сказал, что он *забыл разрешение*, данное мне. Герц., Б. и д. Как будто бы *забыл* от ее сестер *обиду*. Богд., Душ.

Напомнить: Я принял смелость *напомнить* ему его *молодость*, еще малую *опытность*. Дмитр., Взгл. на м. ж.

Решить: На сей седьмице *вас* (=вопрос о вашем деле) потщимся мы *решить*. Кап., Яб.

Диалектно встречается и при других глаголах дополнение такого типа:

Сказать: А зачем сразу мне *погреб не сказал*. Сев. ск., Онч., 61.

Подумать: И ен *подумаў воўка* серого и воўк набежаў и его взяў. Сев. ск., Онч, 236.

Таким образом, употребление винительного падежа для обозначения делиберативного объекта в истории русского языка постепенно отмирало и закончилось полным устранением вини-

тельного падежа и заменою его в указанном значении предложными конструкциями.

§ 130. В древнерусском языке винительный падеж употреблялся для обозначения объекта владения, управления, руководства со стороны субъекта, например:

Сам же Изяслав князь *правляше стол* отца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новогороду. Срезн. 1345. Кончакъ ему *слѣдъ править* къ Дону великому. Сл. о полк. Иг., 68. Человек сѣдить в доспесѣ промежу ушей (слона), да крюк у него железной великы, да темь *его править*. Хожд. Аф. Ник. Ср. легко кормнику *правити корабль*. Ио. Злат., XIV. Во царьство же Михаила и Феодоры царицы благочестивыхъ *градъ Иеросалимъ* и *Палестинскую землю* и *страны финическия* и персы *изобладаша*. Переп. Курб. с Гроз., 53.

Винительный объекта управления мы находим у писателей XVIII в., например:

Кто вел его на Геликон
И *управлял* его *шаги*. Держав.

Я *правлю солнце, землю, море,*
Кто может стать со мною в споре? Ломон.

В современном русском языке на месте винительного объекта управления, руководства и владения употребляется творительный падеж с тем же значением, например: *управлять трактором, управлять хозяйством, руководить организацией.*

§ 131. Следует отметить употребление винительного падежа в значении среды, внутрь которой проникает действие, например: «Радость *проникла сердце* всех быстротечно». Рад., Пут., Спас. пол.

В современном русском языке на месте винительного падежа в указанном значении употребляется предложный оборот: *радость проникла в сердца людей.*

Отметим употребление винительного падежа без предлога в выражении «принимать уши» в смысле «слушать», «принимать в уши», например:

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть й мати креститися, и не брежаше *того* ни (во) *уши приимати*; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому («во» из Радз. и Ак. сп.). Лавр. л., 61.

В более поздних списках летописи, как видим, появляется уже предлог *в* (*во*).

Аналогичное употребление винительного падежа можно видеть в следующем выражении из «Слова о полку Игореве»:

Спалъ князю *умъ* по хоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону великого. 66.

Здесь форму *князю* можно толковать в качестве дательного при существительном *ум* (впала в ум князя).

§ 132. Винительный падеж засвидетельствован в древнерусском языке в значении объекта, на который направлено действие, выраженное глаголом, например:

И *попусти* Богъ 10 казний *Фараона*. В Радз. и Ак. сп. «на фараона». Лавр. л., 93. Готово сердце его *уповати Господа*. В Радз. и Ак. сп., «на господа». Лавр. л., 67.

В современном языке на месте более древнего винительного падежа употребляется предложная форма «*на* плюс винит. падеж», которая была представлена уже в Радзивилловском и Академическом списках летописи.

§ 133. В древнерусских памятниках находим употребление винительного падежа в значении объекта, в защиту которого осуществляется действие, например:

Возрастом мал бѣ... гладныя питая, *обидимыя заступая*. Авв., Пис. Сим., 333.

Такое употребление подтверждается примерами из сочинений Радищева, ср.: «Если закон или не в силах *его* (человека) *заступить* (=заступиться за человека), или того не хочет..., тогда пользуется гражданин природным правом». Рад., Пут., Зайц.

§ 134. В древнерусском языке глагол *воевать* управлял винительным падежом прямого объекта; в винительном падеже употреблялись как названия земель, так и названия племен и народов, их населявших, например:

Въ лѣто 6391. Поча Олегъ *воевати Деревляны*. Лавр. л,. 23. Глѣбъ бо бяше *воевалъ Дрѣговичи* и Случескъ пожегъ. Ип. л., т. II, в. 1, 279. Новгородци приведоша к собѣ Володимера Стославича. а Ярополку даша Торьжекъ. он же сѣдя на Торжку поча *воевати Волгу*. Сузд. л., Лавр. сп., 388.

И не восхотѣша Половци мира, и поидоша Половци *воюючи землю Русскую*. Никон. л., 120.

В последующей истории языка в глаголе *воевать* развивалась дифференциация свойств управления: имена существительные, обозначающие территорию, продолжают употребляться в винительном падеже, но управляет этим падежом приставочный глагол *завоевать*: *завоевать колонии*; то же и в переносном смысле: *завоевать доверие* и т. п.

Имена существительные, обозначающие народы, при глаголе *воевать* в винительном падеже не употребляются. На месте винительного падежа современный язык употребляет предложную конструкцию «*против* плюс род. падеж имени»: *воевать «против фашистов»*, то же и в переносном смысле: *воевать «против предрассудков»* и т. п.

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные изменения и ограничения в употреблении винительного падежа:

1. Утрачено употребление винительного падежа в значении делиберативного объекта при глаголах ощущения, познания, думания и изъяснения (*увѣдаша погоню — о погоне*).

2. Утрачено употребление винительного падежа в значении объекта управления (*управлял шаги — шагами*).

3. Утрачено употребление винительного падежа в значении среды или предмета, в который проникает действие (*проникла сердце — в сердце*).

4. Утрачено употребление винительного падежа в значении объекта, против которого или в защиту которого осуществляется глагольное действие (*воевати древляны, заступить обидимые*).

б. Ограничение и отмирание употребления родительного падежа

§ 135. В древнерусском языке родительный падеж употреблялся для обозначения предмета, относительно которого происходило действие удаления. При этом действие удаления могло реализоваться как удаление от предмета путем передвижения в пространстве или путем отделения от него, например: «Пищаньци *Волъчья Хвоста* бѣгають (= бегают от Волчьего Хвоста)». Лавр. л., 27. Или как удаление от предмета в переносном смысле, т. е. в смысле поведения, например: «отступитися езера» (= отказаться от озера). П. В. Л.

Родительный падеж с первым и вторым оттенком удаления употреблялся в старославянском языке, например, с первым оттенком: «никътоже того мрѣжь гонезнѫ». Супр., 238. «Обнажити се одѣяния». Микл., IV, 452. «Отъбѣживѣ владычьня рѫкы». Супр., 358. «Отъбудеть человѣчьскаго строения. Зракъ мѫжьскыихъ отъ бѣгая. Корабля твоего изиду». Микл., IV, 454.

Со вторым оттенком: «бѣжимъ *кычения* (= удалимся высокомерия)». Супр., 340. «Лишати мя хотя *славы*». Супр., I, 21.

Родительный пространственного удаления в древнерусском языке употреблялся сравнительно редко, хотя и сохранялся очень долго, например:

Бежи *Вавилона*. Воронц. сб. рус. дух. стих., 188, Бругм., т. II, ч. 2, 496. Любо далече *страны* своея будуть. Лавр. л., 14. Не могли *меня горя* (= от меня, горя) уѣхати. О гр. зл., 8. Мы, сироты, живем, свету не видаем, *подворьев* (=от подворьев) своих бегаем, и вотчины отстали, и такова вора не знаем. Ерш., 154. Того *берега* отплыхомъ, а другаго не хватихомся, и стали есмя яко среди пучины морстѣи. Ин. сказ., 35.

Такое употребление родительного падежа в качестве архаизма встречается у писателей XIX в., например:

Даже в смысле эгоизма надобно каждому бежать этого *Петербурга* за один его отвратительный климат. Писем., Тыс. душ. Но зачем, как, с какого повода появляется здесь бежавший *храма* учитель. Леск., Соб. Беги *меня*, дитя мое. Чернышевск., Что дел.?

Более обширным было употребление родительного падежа в смысле уклонения от чего-либо, избежания, лишения и т. п. чего-либо, например:

О т х о д и т и: ... рече ему Феодосий: «се отхожю *свѣта* сего». Лавр. л., 182. Се язъ Магнушъ, король Свѣйский... *отходя* сего *свѣта,* пишу рукописание при своемъ животѣ. Воскр., л., 216.

О т р и н у т и: Вы же чада Божия послушаите учения. и не отринете *наказания* црковнаго. Ип. л., т. II, в. 1, 21.

О т б и т и с я: Отбися *ихъ*. Син. сп. I Новг. л., 167, 4.

О т п а с т и: Испѣрва родъ члвчьскыи женою съгрѣши. дьяволъ прелѣсти Евгою Адама. и отпаде *рая*. Ип. л., т. II, в. 1, 91.

О т с т а т ь: Отставъ *родителеи* своихъ. Переп. Курб. с Гроз., 58.

О с т а т и с я: Луче того останися *высокоумья* своего и проси си мира. Ип. л., т. II, в. 1, 297. Первии же сынъ, ныне нами нареченъ князь великии Иванъ, остася *отца* своего 4 лѣтъ 3 мѣсецъ. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 42.

О т с т у п и т и с я, с ъ с т у п и т и с я: Отстоупися *Волока*. Син. сп. I Новг. л., 218, 5. А за рубежь изъ Новгородской волости твоимъ Дворяномъ суда не водити и ни судити; а *свобод* ти и *селъ* съступитися. Пам. ист. Вел. Новг., 22.

О т л у ч и т и с я: ... Псковъ отлучися *Московского государства*... Псков. I л., Обол. сп., 126.

О т в е р г а т и с я: Отвьржеся... *Новагорода*. Син. сп. I Новг. л., 25, 14. *Насъ* же отвергшеся. Переп. Курб. с Гроз., 13.

О т р е к а т и с я, о т р е ч ь с я: воеводскихъ юношъ, въ Казань пустивше, и яша всѣхъ, и понудиша ихъ преже ласканиемъ отрѣщися *вѣры христьяньския* и прияти вѣру бусурманъскую... Ист. Каз. цар., сп. Солов., 95. Ученицы... и пребогатии юноша... отрекошася единомыслиемъ *всѣх житейских печалей*. М. Грек, 182.

О т м е т а т и с я: И ты убо судию Христа приводишь, *дѣлъ* же его отметаешися. Переп. Курб. с Гроз., 88.

У к р ы т и с я: Ста подъ мостомъ, одва укрыся *противныхъ*. Лавр. л., 122.

Б е г а т и: Дѣти бѣгаютъ *урода*, а Господь *пьянаго человѣка*. Сл. Д. Зат., 21.

Избавитися: Да сладостный и радостный гласъ услышу отъ Господа Бога въ день онъ суда великаго, и избавленъ буду безконечныхъ *мучений*. Никон. л., 149.

Свободитися: Аще не приметъ твоего словеси и еще въ ненависть положитъ, и ты свободенъ того *грѣха*, а онъ самъ о себѣ отвѣтъ дастъ предъ Богом. Дом., 91.

Утаитися: Утаивъся *всѣх мужии* (=от всех мужей). Лавр. л., 137. А князь Чапкунъ утаися *царя*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 92. *Отца* нашего утаимся, да не възвратить насъ студно. Сказ. Мам. поб., 32.

Совращатися: Къ смрти совращаються *правого пути* и погыбають. а друзии развращено пребывають. Ип. л., т. II, в. 1, 116.

Усумнѣтися: Тогож лѣт (1228) Ярославъ усумнѣся *брата* своего Юргя слушая нѣкыихъ льсти. Сузд. л., сп. Лавр., 451.

Охабитися (пренебрегать). *Своея (земли)* ся охабивъ. Лавр. л., 20.

Трепетати: ... вси боахуся и трепетаху *его* (кн. Ярополка Киевского). Никон. л., 163.

Добитися: Возмуть на ся прутье младое, (и) бьють ся сами, и *того* ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи. Лавр. л., 8.

Грешить: Сотона же грѣшивъ *помысла* своего. Лавр. л., л. 28 об.

Родительный удаления широко представлен в памятниках XVII в., например:

Удаляться: И удаляются *ея*. Авв., Раб., 360.

Отбегать. Того ради отець *любезного* отбѣгал. Ром. в стих., 48.

Избавлять: Работницы в дом не нанимал, *убытковъ* себе избавлял. Там же, 48.

Отойти: Сего *суетного света* отыде. Авв., IV чел. Ал. Мих., 29.

Убежати: И в них (церквах) затворишися и тамо уповаху убежати *смерти*. Кат.-Рост.

Уклоняться: *Еретика* и *наветника* душевнаго уклоняйся. Авв., Кн. Толк., 253.

Отвергаться: Ради моего безделья родители *мене* отвергошася. Ярыж., 82.

Отступаться: Да притом судьи говорят: «И ты, ерш, отступайся *езера*, либо пути кажи». Ерш., 155.

Отложиться: *Бориса* отложихомся, тебе же не удержахомся, да не вѣмы, что сотворимъ. Ин. сказ., 35.

Отстать: В те поры хотела я госпожа *головы* отстать, а ты, бес, ...меня такую госпожу осрамотил. Кур. лис. 199. Ты же отстани *гордыни* своеи и смири сердце бѣз бою и без кровополития! Яр. цес., 202.

Отлучаться: Никако же первых *обычаев* отлучишася. Ярыж., 91.

Освободить: Благодарю тя..., что свободил меня *таковыя напасти*. Кур. лис., 209.

Освободиться: Лутче бы не родитися, когда *смерти* не свободитися. Кур. лис., 222.

Отрицаться: Отрицайся *его* и душею и телом. Авв., Кн. толк., 253.

Отрекаться: И *гордости* диавольского отреклся. Рим. д.

Испадать: Коли уж *истины* испали, тут и сущаго отверглися. Авв., Жит., 65.

Отступаться: Не отступай ты старова тово *благочестия*. Авв., Жит., 122.

Уступить: И нехотя иной омрачится и уступит *спасения* своего. Авв., Пис. Сим., 337.

Оставить: Мы же вси любящеи тя и *отцов* и *матери* оставихомся. Ярыж., 90.

Избыть: А как мы *архимандрита* избудем и доброго добудем. Каляз. челоб., 122.

Отвергаться: И *разума* разумных отвергуся. Авв., Кн. Бес., V, 215.

Блюстись: Блюдися ты, государыня, *лестьцов чернцов, и попов, и черниц*. Авв., Пис. Мор., 308.

Исповедаться: Прежде исповедайся *грехов* твоих. Вел. Зерц.

Храниться: Иже кто хощет спастися, тот *сего* да хранися. Ром. в стих., 58.

Укрываться: Полно укрыватися *того* (=от того). Авв., Кн. Бес. I, 204.

Родительный удаления представлен также и в произведениях XVIII в., например:

Устраниться: Христианское общество... устранилось своего *пути*, вдалося суеверию. Рад., Пут., Подб.

Возгнушаться: Возгнушался я моего пышного *тщеславия*. Рад., Пут., Спас. пол.

Отстоять: Стихотворство... далеко еще отстоит *величия*. Рад., Пут., Тверь.

Отстать: *Мирской жизни* уже отстали, поместия и вотчины весьма не пристали. Рад., Пут., Хот.

Удалиться: Невозмогши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился *жестокосердия*. Рад., Пут., Зайц.

Отриковенны: Вы отриковенны моего *присутствия*, слабое ощутите согрение моея дружбы избавить. Рад., Пут., Крест.

Избавить: Избавь меня *скорби*, избавь землю поносныя *тяжести*. Рад., Пут., Крест.

Убегать, бежать: Убегать *роскоши, праздности, корыстолюбия*. Сув., 16. Со стыдом невежда бежит *его*. Кант., К уму своему.

Мерзить: Душа ваша мерзит *его*. Рад., Пут., Крест.

Морщиться: Веселья *морщатся*, Амуры плачут сиры. Богд., Душ.

Следует отметить родительный отложительный при членной форме сравнительной степени, например: «О, день, избраннейших всех *дней*». Рад., Пут., Тверь.

В последующей истории языка употребление родительного отложительного со вторым оттенком значительно сократилось; в современном русском литературном языке рассматриваемый оборот возможен только при некоторых глаголах, например:

При глаголе *лишиться*: «Вот ты выходишь... а тут человек едва *жизни* не лишил себя». Горьк., Мещане.

При глаголе *бояться*: «Да ты чего робеешь, *чего* боишься». Тург., Уезд. лек.

При глаголе *устыдиться*: «Он устыдился *раздражительности* своего самолюбия». Пушк., Егип. ночи. То же при некоторых других глаголах.

§ 136. В древнерусском языке родительный падеж употреблялся для обозначения предмета желаний, чувств, стремлений. В этом случае родительный падеж грамматически обозначает предмет достижения.

При глаголах, обозначающих желания и стремления, родительный падеж для обозначения предмета желания или стремления употреблялся в старославянском языке, например: «*жрътвъ* трѣбуетъ». Супр., 121.

То же в древнерусском языке:

А он беспрестанно *смерти* мне искал. Авв., Жит., 95. Отец же мои прилежаше *пития* хмельнова. Там же, 71. И мы бедные об том прибрели к Москве просить и плакатца *милости* у тебя государя боярина. Хоз. Мор., I, № 36. И довелся ты за то (за оплошку) жестокова *наказанья*. Хоз. Мор., I, № 18.

При рассматриваемых глаголах родительный падеж употребляется и в современном языке, например:

Ждали *боя*. Лерм., Бородино. *Милости* прошу к нашему шалашу. Остр., Бед. не пор. Савельич внес за мною погребец, потребовал *огня*, чтобы готовить чай. Пушк., Кап. д.

§ 137. Родительный падеж в значении предмета достижения тесно связан с родительным в значении предмета, который охватывается глагольным действием только в одной своей части. Родительный падеж в названном значении называют родительным неполного объективирования. Он за-

свидетельствован в старославянском языке как при (1) глаголах действия, так и (2) при глаголах восприятия.

1. Никътоже *пивъ ветъха* (вина) абие хоштетъ новууму. Мар. Лук., 5., 39. Въкуси... *вина* бывъшаго отъ воды. Зогр., Ио., 2, 9. *Бисъра* достоинъ бысть приѩти. Клоуц., 940.

2. Свѧтыихъ *словесъ* да слышимъ. Супр., 452. 26. Овьцѧ моѩ *гласа* моего слушаѭтъ. Ио., 10, 27. Видѧште дѫбъ облиствьнѣвъша. Супр., 18. 16—17. Да зьрѭ *красоты* гн ѩ Псал., 26, 4. Зьрѧ *свѣта*. Супр., 78. 8—9.

Родительный неполного объективирования при тех же глаголах употреблялся и в древнерусском языке.

Да 4 крестьянина поехали на сергацкие мойданы *дров* возить. Хоз. Мор., I, № 34. Престани-де, государь, проливати *крови* неповинных. Авв., Кн. Толк., 243. И жил Костентин три мѣсяца и взял Констентин *казны* и *карет* и повес собою царевну. Ск. Вас., 293. Вкусили *плода* винограднаго. О гр. зл., 2. Ср. у Радищева: «Любопытствовал испытать Кронштадту *плана*». Пут., Чудово.

В последующей истории языка при глаголах действия родительный неполного объективирования был утрачен, если он употреблялся для обозначения нераздельного предмета: пить воду, есть хлеб, носить воду, рубить дрова, пролить кровь, испытать план и т. п.

В местных говорах сохранились выражения типа «дайте топора», «одолжите ножичка» в значении временного пользования. Подобное словоупотребление может проникать и в литературу, хотя оно не свойственно современному русскому литературному языку. Ср.: «Дай *шаечки*, когда вымоешься». Помял., Очер. бурсы.

Однако родительный неполного объективирования сохраняется, если он употребляется в значении части, выделенной из совокупности, массы вещества или предметов, например:

1. При глаголах действия:

Что ради боятся его, егоже се носимъ на собѣ *креста*? Лавр. л., 174. А любо испити шеломомь *Дону*. Сл. о пол. Иг., 66. А мурашкинские и лысковские крестьяне ездеть *золы* жечь и *дров* рубить далеко. Хоз. Мор., I, № 156. *Воды* холодной маменьке, — сказала она человеку. Писем., Тыс. душ. К ужину я велела *простокваши*. Чехов, Три сестры. Лаврецкий отведал *супу*. Тург., Двор. гн.

Употреблению родительного падежа в этом значении частично содействует усилительная семантика глагольных приставок, например:

Пожалуй, эта сумасбродная девчонка *наделает скандалу*. Писем., Тыс. душ. *Наделала* синица *славы*, а моря не зажгла. Крыл., Син. Я *накупила* им разных *книжек*, дала в каждую

камеру шашки, карты. Горьк., Мещане. Вот *колоколов навесила.* Сух.-Коб., Свад. Креч.

2. Глаголы восприятия:

А всядемъ, братие, на свои бързыя комони, да позримъ синего *Дону.* Сл. о полк. Иг., 66. Глядай *взора,* и *лица его* и *смысла* его. Лавр. л., 69. Ни слухъмь хотяше *того* слышети. Нест., Жит. Феод., 26. Ср. у Радищева: Если вы не наскучаете слышать моей *повести,* то я вам скажу. Пут., Город. И всего того *добра* примечати и внимати. Дом., 34. Господа мои, слушаите *приказу* моего. Яр. цес., 180. Послушаи *учения* родительскаго. О гр. зл., 3. Будите во всем *меня* послушны. Ист. Вас. Кор., 114. Поиду и посмотрю *Елеоноры.* Ел., 243. Приказал... и *скотья двора* присмотрить, чтоб телят в хлев загнать. Калязчелоб., 119. А у торговых людей смотрят *товаров.* Больш. чертеж, 6.

В последующей истории языка при глаголах восприятия употребление родительного неполного объективирования все более суживалось. В современном русском литературном языке при объектных (переходных) глаголах восприятия родительный падеж вытеснен винительным, например: *посмотрим синий Дон; слушайте мой приказ; примечайте все признаки* и т. п.

При объектных глаголах восприятия, которые в сочетании с частицей *-ся* получают безобъектное значение, родительный неполного объективирования сохраняется, например: *послушал совет брата,* но *послушался совета брата; наслушался всяких слов; насмотрелся всяких вещей.* Ср.: «Нет, уже я теперь не увижу, *чего* в молодости *насмотрелся».* Тург., Однод. Овсян. «Так вот уж *страху навидалась,* умру, кажется, а не забуду». Писем., Ипох. «Это мы, говорит, от того полагаем, что он *книг зачитался».* Горб., Смотр. и сгов.

В древнерусском языке родительный неполного объективирования употреблялся и при глаголах душевного движения и состояния, например:

Двдъ затворися въ градѣ чая *помочи* в Ляховъ. на Стополкъ. бѣша бо рекли ему яко на тя придуть Русьскии князи. то мы ти будемъ помощници и солгаша. Ип. л., т. II, в. 1, 241. Новогородци же не радя *товаров,* бъяхуться а Смоляне наподаша на товары. Сузд. л., Ак. сп. Забывше *благодѣянии* нашихъ, Переп. Курб. с Гроз., 65.

В современном русском языке употребление родительного падежа при глаголах душевного движения значительно ограничено, ср.: *ожидал денег.*

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные ограничения в употреблении родительного падежа:

1. Значительно ограничено употребление родительного падежа в значении предмета, относительно которого происходит действие удаления (*укрытися противных — «от противных»*).

2. Значительно ограничено употребление родительного падежа в значении объекта действий, желаний, чувств, стремлений (*поехали «дров» возить; испити шеломомъ «Дону»; слушайте моих «словес»*).

в. Ограничение и отмирание употребления дательного падежа

§ 138. В древнерусском языке дательный падеж употреблялся для обозначения косвенного объекта — предмета или лица, к которому направлены были и с которым непосредственно были связаны совершающиеся в субъекте переживания, одобряющие или осуждающие оценки, положительные или отрицательные действия.

Глаголы, выражавшие эти переживания, оценки и действия субъекта, имеющие своим назначением достичь косвенного объекта, должны были в сочетании с дательным падежом иметь косвенно-объектное значение, например: *негодовать «ему»* (=на него). В дальнейшей истории языка судьба этих глаголов была неодинакова в зависимости от изменения их семантики относительно объекта, а в связи с этим развивались различные замены дательного падежа другими падежами и главным образом предложными конструкциями.

1. Невозвратные глаголы, имевшие косвенно-объектное значение и управлявшие дательным падежом косвенного объекта, изменяли свое значение относительно объекта по разным направлениям.

а) Часть этих глаголов утратила косвенно-объектное значение и стала обозначать действие, имеющее направление к объекту. Эти глаголы утрачивали старое свойство управлять дательным падежом и развивали новое свойство управлять предложными конструкциями, например:

Негодовать: Негодовахуть бо *ему* Новогородьци. Син. си. I Новг. л., 90. Нача *еи* негодовати. Сузд. л., Лавр. сп., 300; ср. в современном русском языке: *негодовать «на него, на нее»* и т. п.

Пенять: А после пеняешь *мне*. Авв., Пис. Мор., 320.

Работать: *Бешенству* работати изволил еси, и от всех человек посрамлен был еси. Ярыж., 80.

Восстать: Вси нещасти *намъ* востали. Ист. Ал. рос., 177.

Лаять: Яко в век *скупому* лают и хотят вси с одного ограбити. Ярыж., 77.

б) Часть этих глаголов, утратив косвенно-объектное значение, утратила и направленность действия к объекту. Эти гла-

голы получили значение действия, принадлежащего лицу или совершающегося у лица, и стали управлять предложной конструкцией «*у* плюс падеж имени». Таковы глаголы:

Умирать: *Нѣкоему* же умрѣ жена зла, онъ же по смерти ея начатъ дѣти продавати. Сл. Д. Зат., 27.

Быть: *Царю* же *Михаилу* не бысть ни сына, ни дщери. Никон. л., 10.

Гостить: И гостившимъ *намъ* въ Патриарховѣ домѣ три дни, и прииде къ намъ Протосингелъ и возвести: кто хощетъ писатися у гроба Господня въ вѣчное поминание въ сенодикъ и отъ единаго имени по пяти яфимковъ даютъ. Хожд. Ионы в Иерус., 7.

в) Часть этих глаголов утратила косвенно-объектное и получила прямо-объектное значение; эти глаголы утратили свойство управлять дательным падежом косвенного объекта и стали управлять винительным падежом прямого дополнения:

Разуметь: Еже есть разумѣти *добру* и *злу*. Лавр. л., 29. Отдатчики рекрутские, вразумев моей *речи*... говорили. Рад., Пут., Город.

Знать: Живáли мы преж сего, не зная *латыне*. Кант., К уму своему. Ср.: «И не зная *грамоте*, никогда не забывал ни одного счета денег и пудов муки по огромным обозам, которые он продавал». Толст., В. и м.

Удовлетворить, удоволить: Но желая удовлетворить моему *любопытству*, я спросил его... Рад., Пут., Город.

Уметь: А ты ащс умеешь *грамоте*-той, но и нонеча хмельненек от Никонова тово напоения. Авв., Кн. Толк., 247.

Одолеть: Бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одоляя *имъ*. Лавр. л., 119. Одолѣ Стославъ *Козаром*. и городъ ихъ Бѣлу Вежю взя. Ип. л., т. II, в. 1, 54.

Приветствовать: Вси друзи его *ему* приветствуют. Сим. Пол., 427.

Оскорблять: О лукавый Борисе... кую ти досаду сотворилъ, или чимъ *тебе* оскорбилъ. Ин. сказ., 10.

Учить: А мнѣ псу смердящему *кому* учи́ти, и чему наказати и чѣмъ просвѣтити? Посл. Гроз., Бусл., хрест., 849.

Благодарить: *Тебе* благодарить. Срезн. Ср.: И станешь *старости* моей благодарить. Ломон. Тамара и Селим.

Насиловать: Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на Дунайския, (и) сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ *имъ*. Лавр. л., 5.

Ждать: Оже ли пропьетьс(я) или пробиеться, въ безумии чюжь товаръ испоръти́ть, то како любо тѣмъ, чье то куны, жьдуть ли *ему* (=его), а своя имъ воля или продадять ли, своя имъ воля. Р. П., Син. сп., 130, § 54.

Известить: И азъ грѣшный *вамъ* извѣстихъ желание свое о пострижении... И вы извѣстисте *ми* о Бозѣ крѣпостное житие. Посл. Гроз., Бусл., хрест., 850.

Поздравить: С сею новизною *им* (=их) поздрафь. Письма и бум. Петра Вел., IV, 8.

Терпеть: Виждь, слышателю, яко терпит *им* бог, яко и бесом, до суднаго дни. Авв., Кн. Бес. IV, 211.

Судить: Суди *имъ*, Боже, да отпадуть от мыслии своихъ... Лавр. л., 75. Таже сядет господь на престоле славы своея судити *праведным* и *грешным* и воздаст комуждо по делом его. Авв., Пис. Сим., 341.

Ласкать: Но не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати *царям*, нередко недостойным не токмо похвалы стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елизавете. Рад., Пут., Чер. гр.

В современном литературном языке такой дательный еще был употребителен при некоторых глаголах в произведениях писателей XIX в., например:

Шутить: И оттого-то Ростов сердился, когда *ему* шутили о княжне Болконской. Толст., В. и м.

Осмеивать: И он, глумясь над цивилизацией, порицал патриотизм и начала национальные, и дома осмеивал *детям* благопристойность, представляя ее во многих отношениях даже безнравственною. Леск., Соб.

Праздновать: А пока что лебезят; *трусу* празднуют. Е. Карпов, Зарево.

Благодарить: Но пищу принял русский пленник и знаком *ей* благодарил. Лермон., Кав. пл.

г) Часть этих глаголов, утратив косвенно-объектное значение, получила значение, которое предполагает объект, участвующий наравне с субъектом в реализации действия. Эти глаголы стали управлять предложной конструкцией «*с* плюс творительный падеж имени», например:

Дружить: И те, государь, порутчикн, дружа *ему*, Роману, тое девку мою отдали ему, Роману. Яков., Хол. Моск. г-ве, 395.

Беседовать: Послушай, державне, побеседаю *ти*, яко лицем к лицу. Авв., V чел. Ал. Мих., 295.

Согласовать: И Златоуст *тому* же согласует. Авв., Кн. Толк., 263.

Ср. в современном русском языке: *беседовать с кем, согласовать с кем*.

д) Часть этих глаголов, утратив значение косвенно-объектной направленности, стала обозначать действие, совершающееся перед объектом и против объекта, например:

П о с т о я т ь: Кто постоит *ему,* иѣсть равна... величеству ево силами на свѣте. Азов. сид., 133, 2 ред. Ср. в современном языке: *постоит «против него».*

П р и к л о н и т ь: Приклонитѣ свои главы сему *королевичю* и ему служитѣ так верно. Ист. кор. Ар., 98.

Р а б о л е п с т в о в а т ь: Пускай другие раболепствуя *власти,* превозносят хвалою силу и могущество. Рад., Пут., Чер. гр.

П о д л и ч а т ь: Терка на этот раз не подличал *Калиновичу.* Писем., Тыс. душ.

П р и с е с т ь: Она с какою-то надменностью подала руку Полине, едва присела *князю,* генеральше кивнула головой. Писем., Тыс. душ., II, 3.

Ср. в современном языке: *раболепствовать перед кем-либо; приседать «перед князем».*

е) Часть глаголов сохранила свое прежнее косвенно-объектное значение, и эти глаголы продолжали управлять дательным падежом, например:

В е р о в а т ь: Веровати... *лжи...* не веровавшии *истине.* Авв., Жит., 66.

Н а в ы к н у т ь: А всякому *дѣлу* навыкайте. Дух. и дог. грам. кн. вел. и удельн., 46.

П о с л е д о в а т ь: Уже не послѣдуем *бѣсом,* но ясно славим Хса бо нашего. Иллар. Зак. благ., Сборн. 1414 г.

В р а з у м и т ь: Како... *молитве* и *посту* и иным *добродетелем* вразумить. Авв., Кн. Толк., 258.

П о з а в и д о в а т ь: Как мне позавидех *красоте* моеи, по слабости своеи! Яр. цес., 200.

При глаголе *последовать* дательный объекта, относительно которого направлено движение, находим у писателей XVIII в., например у Ломоносова: *«Диане* я прекрасной уже последую в лесах». Благод. Имп., 1750 г.; у Радищева: «Мы последуем *тебе».* Пут., Спас. пол.

В современном русском языке глагол *последовать* в пространственном значении управляет предложной конструкцией *«за* плюс творительный падеж имени», например: *боец последовал «за командиром»,* в объектном значении продолжает управлять дательным падежом, например: *последовал своему «товарищу».*

Некоторые из таких глаголов для современного языка являются устарелыми, например:

Внимает славе смертных ум. Ломон., На рожд. Павла. Когда монарх *насилью внемлет.* Сумар., 52. Уже *гласу* твоему *внемлют.* Рад., Пут., Спас. пол.

Ср. у Пушкина: «Нечего сказать: *добру наставил,* собачий сын». Пушк., Кап. д.

Дательный объекта-адресата употреблялся при глаголах говорения; в древнерусском языке они управляли дательным падежом косвенного объекта и предложной конструкцией «*к* плюс дательный падеж имени».

Глаголы говорения с дательным падежом:

Си слышавъ Володимеръ, *рече посланнымъ* отъ царю... Лавр. л., 107. *Млъвитъ* Гзакъ *Кончакови.* Сл. о полк. Иг., 75.

Глаголы говорения с предложной конструкцией «*к* плюс дательный падеж имени»:

Отвѣщавши Ольга, и *рече къ сломъ.* Радз. и Ак. сп. Лавр. л., 61. И *рече* Володимеръ *къ гражаномъ.* Лавр. л., 106.

Позже такие глаголы сохранили только управление дательным падежом, ср., например, у Ломоносова: «*Герою молвил* тут Герой». На вз. Хот. «Каков, *скажи нам,* Полидор». Полид. «И Россов *плеску отвещает*». На вз. Хот. У Сумарокова: «Что *вещаю я себе,* Только то *другим вещаю*». 78. «Панин на это *ответствует* от Невы пришедшу *голосу*». 154.

ж) Часть глаголов, утратив косвенно-объектное значение, обозначает действие, предполагающее делиберативный объект, например:

В о с п л а к а т ь: Восплакали и возрыдали *погибели* его. Авв., Пис. Сим., 332.

Х о х о т а т ь: *Чему* все малы ребята хохотали. Майк., Ел.

з) Глаголы *руководствовать, повелевать* управляли дательным падежом адресата, в современном языке эти глаголы управляют творительным падежом, например:

Ломоносов вознамерился *руководствовать согражданам* своим в стезях тернистых Гегликопа. Рад., Пут., Черн. Гр. Сефирным скипетром *водам повелевает.* Ломон., Петр В.

Глагол *повелеть* мог сочетаться с инфинитивом и управлять дательным падежом имен существительных, означающих неодушевленные предметы:

Ты *повелел водам* парами *всходить.* Ломон., Прелож. к пс., 103. И *повеле предстати бою* и с каменных людеи вытти. Яр. цес., 208.

и) Наконец, некоторые глаголы или вышли совсем из употребления, или настолько изменили значение, что оно стало не соотносительно с их прежним значением, например:

П р е р е к о в а т ь: Писание повелевает повиноватися женам к мужам своим и не пререковати *им.* Авв., Кн. Толк., 263.

Д о в л е т ь: Се довлеет *нам,* братие, отбегати, яко ото лва, снедающа человека. Ярыж., 63.

У с п е т ь: Что *ти* успеет во грядущий век? Авв., Кн. Толк., 249.

Поревновать: Поревновал я *тому* и начал проискивать. Ист. Ал. рос., 167.

Враждовать: А яко не порчю священныя книги, якоже клевещутъ мя враждующии *ми* всуе. М. Грек, 62.

Соревновать: Он соревновал *Д. И. Фонвизину.* И. Дмитр., Взгл. на м. ж.

к) Дательный падеж находим в некоторых фразеологических сочетаниях, ныне утраченных языком, например:

Имите ми ся по дань. Из Радз. сп. Лавр. л., 30. И бысть мятежь в градѣ, и вси *яша ему* вѣру, и хотяху погубити епископа. Лавр. л., 176.

2. В древнерусском языке дательным падежом косвенного объекта-адресата управляли также и глаголы в возвратной форме. Как правило, в невозвратной форме они имели прямообъектное значение. В сочетании с частицей *-ся* они приобретали косвенно-объектное значение, например: *стыдить кого-либо* и *стыдиться кому-либо.* Однако не все возвратные глаголы употреблялись в невозвратной форме, ср.: *радовать* и *радоваться,* но *надѣяться.*

а) В дальнейшей истории языка одна часть возвратных глаголов сохранила косвенно-объектное значение и удержала свойство управлять дательным падежом адресата, например:

Радоватися: Дьяволъ радуется злому убийству и крови *пролитью.* Лавр. л., 163.

Дивитися: Дивятся из дали в стенах градских *пожару.* Ломон., Петр. В.

Удивляться: И *славе* свет да удивится. Ломон., На день восш. Ел. 1748.

Чудиться: Безгласны *красоте* чудимся. Ломон., На день восш. Ел.

Ср.: «Весь народ *чудился* этому *диву*». Даль. В современном литературном языке этот глагол не употребляется.

Улыбаться: Он улыбнулся *воспоминаниям* того времени и своей любви к Наташе. Толст., В. и м.

Нравиться: Есть *чему* и нравиться: кошка ободранная. Писем., Ипох.

б) Другая часть глаголов, утратив косвенно-объектное значение, получила другие оттенки в значении относителыю объекта. Некоторые глаголы получили оттенок направленности движения на объект без непосредственной связи с ним; это имело следствием замену дательного адресата предложной конструкцией «*на* плюс винительный падеж имени» или «*к* плюс дательный падеж имени», например:

Надеяться: Онъ же надѣявъся *цѣлованью* креста, переѣха в лодьи чересъ Днѣпръ. Лавр. л., 163. Но надѣюся твоему *млсрдию.* Нест. Бор. Гл., I, Срезн.

Ср. в современном русском языке: *надеяться на успех*; *на него надеялся*.

Глагол *надѣятися* в древнерусском языке управлял также и местным падежом, например: «надѣющеся *богатствѣ* и *благородствѣ*, а истового богатства не радяще». Пск. I л., Срезн. «Вѣрую въ Бга и стѣмъ *Климентѣ* надѣюся». Жит. Конст. Филос., Срезн.

Прилепитися: Послѣди же горчае золчи обрящеши; прилепляющиися *ей* (вънидутъ съ) смертью въ вадъ. Лавр. л., 78.

Привязатися: Старець же сей ветхый Никифоръ юностными облогается вешьми, *женѣ* Михаиловѣ привязается закономъ брака, паче же и старъ сый младѣи, и сѣдъ юннѣи. Никон. л., 113.

Ср. в современном русском языке *прилепился к ней, привязался к жене*.

в) Некоторые глаголы, утратив косвенно-объектное значение получили безобъектное значение, например:

Ругатися: И утомивше и́, оставиша и́ оле жыва, и отъидоша, поругавшеся *ему*. Лавр. л., 187. Аще кто хотяше крститися, не браняху, но ругахуся *тому*. П. В. Л., 6463 г., Срезн. Ср. у Ломоносова: «И Прометея тем безбедно подражаем. Ругаясь *подлости* нескладных оных врак». О пользе стек. У Жуковского: «Они ругаются *богам*».

Огрозитися: Слышахъ, господине, хощеши ити на Русь, (на своего служебника) на великого князя Дмитрия Ивановича московскаго и огрозитися *ему*. Сказ. Мам. поб., 15.

г) Некоторые глаголы, утратив косвенно-объектное значение, осложнились добавочным значением, которое предполагает объект, участвующий вместе с субъектом в осуществлении действия, например:

А я и паки *вам*, бедненьким, поделюсь, сколько бог даст. Авв., Кн. Толк. 264.

Ср. в современном русском языке: *поделюсь с вами*. В таком значении употребляется в современном языке и глагол *ругаться*, например: *он ругается с соседом*.

д) Некоторые глаголы, утратив косвенно-объектное значение, получили значение направленности действия от объекта; в связи с этим рассматриваемые глаголы утратили свойство управлять дательным адресата и стали сочетаться с родительным отложительным или с предложным оборотом «*от* плюс родительный падеж имени», например:

Стыдиться: Стыдитеся сами *себе*. Златостр., XII в. Стыдись *реки* сей, *дерев, долин* и *гор*. Сумар., 190. Стыдиться *истине* велел. Рад., Пут., Тверь. Ср. в современном русском языке: *стыдиться «чего-либо»*.

Отвергаться: Блудницами расточих все свое имение... родители *мне* отвергошася. Ярыж., 30. Ср. в современном русском языке: *родители отвернулись «от меня»*.

е) Некоторые глаголы, утрачивая косвенно-объектное значение, приобретали значение ненаправленного действия, которое, однако, предполагает объект в поле зрения субъекта, но без непосредственной связи последнего с первым в глагольном действии, например:

...повѣдаше Нои яко быти потопу, посмѣхахуся *ему*. Ип. л., т. II, в. 1, 78. Гсь же посмѣется *ему*. Лавр. л., л. 78 об.

Примеры из памятников XVII—XVIII вв.:

А тот ерш выскочил заднею клещею, и сам *мне* насмеялся: ужели ты, братец осетр, рыбы наелся? Ерш., 150. А толко лиш он *мне* насмеялся. Азб. гол., 21. Он неверным *царем* смѣялся. Ск. Вас., 291. И оной цесаревичь прочет, а сам расмеялся *писанию* ево. Яр. цес., 207. Смеется скачущим *волнам*. Ломон., На день рожд. Анны. Ты смеешься *нищете*. Кант., Фил. и Евг. Хоть знает, что *ему* смеется всяк. Сумар., 180. Ср. у Лермонтова: «И говорят, что даже он своим *злодействам* не смеется». Демон. Ср. в современном русском языке *смеяться над кем-нибудь*; «*Над кем* смеетесь? *Над собой* смеетесь». Гоголь [1].

Такой же характер носят изменения в значении глагола *пещися* относительно объекта, например: «Обѣщася пещися *манастыремъ*». Лавр. л., 63.

Ср. в старославянском языке: «Идоша же съ нимь в монастырь и многу пугу имѣаху, въсѣчьскы пекуштесе им цѣлити раны». Супр. рук., 37. Ср. в современном русском языке: *печется о своих друзьях*.

ж) Следует отметить употребление дательного падежа при глаголе *прикасатися*, например:

...Явися Господь Марии Магдалини, ей же рече: Мария, не прикасайся *мнѣ*. Хожд. Ионы М. Иерус., 12. Ср. у протопопа Аввакума: Еще же *коленам* вашим касаюся. Пис. помор., 367; не омывся, не касатися *святыне*. Кн. Толк., 262.

---

[1] Буслаев в «Опыте исторической грамматики» (1848 г.) отмечает, что глагол *смеяться* обычно управляет предложной конструкцией с предлогом *над* плюс творительный падеж имени. С дательным этот глагол употребляется в переносном значении как в старинной, так и в новейшей литературе (346).

Греч в «Русской грамматике» (1860 г.) указывает, что глагол *смеяться* управляет дательным падежом, когда управляемым именем обозначается предмет не личный, вещественный или отвлеченный, и творительным падежом с предлогом *над*, когда управляемым именем обозначается лицо: *смеяться беде, не смеяться над стариком* (129).

Однако, как видно из примеров, у писателей XVIII века глагол *смеяться* управлял дательным падежом не только при обозначении им предметов или явлений, но и лиц.

Дательный объекта находим у ряда писателей XVIII в.:

У Ломоносова: Коснись *горам* и воздымятся. Прилож. к псал.

У Сумарокова: Касалась Алктона *храму.* 54.

У Крылова: И вырвал с корнем вон того, кто *небесам* главой касался. Дуб и трость.

Буслаев в «Опыте исторической грамматики» (1848 г.) указывает, что глагол *касаться* может управлять дательным падежом без предлога (*касаться «дну» морскому*); дательным падежом с предлогом (*к стеблю рукой коснулся.* Ломон., из Овидия); родительным падежом без предлога (*здесь касающийся Атлант.* Сумар., 185); родительным падежом с предлогом *до* (*прикоснуться бы лишь телом до кровати*).

В современном русском языке глагол *касаться* управляет родительным падежом без предлога, а иногда с предлогом *до.*

з) При глаголе *родитися* употреблялся дательный падеж лица в соответствии с современным предложным оборотом «*у* плюс родительный падеж имени лица», например:

И в се время родися *Ярославу* сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Лавр. л., 147. Того же лѣта родися *Юрью* сынъ Дмитрий. Воскр. л., 60.

В последующей истории языка дательный падеж при глаголе *родиться* вышел из употребления.

и) Дательный в значении объекта-адресата в древнерусских памятниках употреблялся и при непереходных глаголах, обозначающих направленное передвижение в пространстве; объектное значение имели в дательном падеже названия лиц, например:

Остатокъ бьеных тѣх. бѣжаша *дружинѣ* своеи. Сузд. л., Лавр. сп., л. 398 об. Изяславъ... иде *шюрину* своему в руцѣ. Ип. л., т. II, в. 1, 289.

Таким образом, уже в древнейших русских памятниках дательный падеж имен существительных, обозначающих лица, редко употреблялся в значении предмета, к которому направлено движение, выраженное непереходным глаголом.

При переходных глаголах направленного движения дательный падеж имен существительных, обозначающих лица, употреблялся как в значении лица, к которому направлено движение и для которого предназначается объект переходного глагольного действия (*привез подарок брату*), так и в значении лица, к которому направлено движение, но для которого не предназначается объект переходного глагольного действия (*привез вещи к брату,* но не *для брата*).

Первое значение дательного падежа названий лиц при переходных глаголах можно видеть в следующих примерах:

Везлъ быхъ *имъ* в коробьях дары. Комис. сп. I Новг. л., л. 148 об. Привезоша *ему* ризы крестъцаты. Там же, 217. Послаше *ему* мечь. Там же, л. 40 об.

Второе значение дательного падежа названий лиц при переходных глаголах можно видеть в следующих примерах:

Самого князя Рослава изима и приведе *князю* Витовту. Там же, 241. Послаша послове... *князю* великому. Там же, л. 235 об.

В последующей истории языка дательный падеж названий лиц при непереходных глаголах был вытеснен предложной конструкцией «*к* плюс дательный падеж имени»: *приехал «к брату»;* при переходных глаголах дательный падеж сохранился, если он обозначал лицо, для которого предназначен объект переходного глагольного действия (*привез подарок «брату»*), и был вытеснен предложной конструкцией, если он обозначал лицо, для которого не предназначен объект переходного глагольного действия (*перевез вещи «к брату»*).

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные ограничения в употреблении дательного падежа:

1. Значительно ограничено употребление дательного падежа при невозвратных и возвратных глаголах, обозначающих внутреннее движение субъекта в сторону объекта-адресата: *негодовать «ему» — «на него»; смеяться «ему» — «над ним»; поздравить «им» — «их»; надеяться «силѣ» — «на силу».*

2. Значительно ограничено употребление дательного падежа в значении объекта-адресата при глаголах движения: *поѣха «брату» — «к брату»; послаша послове «великому князю» — «к великому князю».*

г. Ограничение и отмирание употребления творительного падежа

§ 139. Древнерусский язык унаследовал употребление творительного падежа для обозначения сопровождающего предмета. Творительный сопроводительный мог обозначать сопровождающий предмет как самостоятельный по отношению к главному, так и несамостоятельный.

Употребление творительного сопроводительного в обоих указанных оттенках засвидетельствовано в старославянском языке:

а) Нужда ему бѣаше ити *вои* («с воинами»). Супр., 215. Радоваша ся вьсѣмъ *домомъ*. Там же, 537. *Къмотрами* своими не съмѣшати сѧ. Клоц. I, 101. Иже аште поиметь сестру своѭ сущтую разно *отьцемъ* или *материю*. Микл., IV, 758. Аште *двѣма братома* на бракъ съчетаеть ся. Там же, 723.

б) Не *пърты* лежашчь. Ио., 207, Мтф., 15; рядом: съ ризами лежашче; бысть человѣкъ *нечистымь духомь*. Микл., IV, 724.

В древнерусском языке употребление творительного падежа для обозначения сопровождающего предмета, самостоятельного по отношению к главному, встречается относительно редко:

Ходи князь Дмитрии *ратью* ко Тфѣри. Комис. сп. I Новг. л., л. 188 об. *Двѣма конема* воевахъ. Срезн., Пам. русск. п., 674. Ср. в фольклорных произведениях: «*солею* и *квасом* и *водою* муку месим».

В древнерусских памятниках немногим более часто встречаются примеры творительного падежа в значении сопровождающего предмета, несамостоятельного по отношению к главному:

Се азъ одиною худою своею *головою* ходя, удержалъ всю Галичкую землю. Ип. л., 136. И тутъ судно наше болшее взяли и 4 головы взяли Рускые, а насъ отпустили голыми *головами* за море. Хожд. Аф. Никит., П. С. Р. Л., VI, 331. Ср.: Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма *очима*. Лавр. л., 65.

В древнерусских грамотах творительный сопроводительный не отмечен [1].

Таким образом, употребление творительного падежа для обозначения сопровождающего предмета отмирало уже в древнем русском языке. В последующей истории употребление творительного падежа в указанном значении совсем прекратилось; в современном языке для выражения сопроводительных отношений в соответствии с древним творительным падежом без предлога употребляется творительный падеж с предлогом *с*: *шел с товарищем;* ср.: *дом с двумя окнами; мужчина с приятным лицом* и т. п.

§ 140. Древнерусский язык унаследовал употребление творительного падежа для обозначения орудия. В этом значении творительный падеж употребляется в старославянском языке, например: «потрясти *ржкоіж*; аште ударимъ *ножемь*». Лк., 22. «И идѫ въ пусто мѣсто *кораблемь*». Мар. Мр., 632.

В древнерусском языке творительный орудийный также употреблялся весьма широко, а в отдельных категориях продолжает употребляться и в современном языке.

Орудийное значение в творительном падеже связано со значением глагола и имени. Следовательно, при разграничении групп в употреблении творительного падежа в орудийном значении необходимо основываться на учете особенностей глаголов и имен.

---

[1] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 378 и сл.

Изменения в употреблении творительного орудийного распадаются на две группы: в первой рассмотрим употребление творительного при переходных глаголах в значении предмета, посредством которого переходное действие достигает прямого объекта или своей цели *(рубить дерево топором);* во второй рассмотрим употребление творительного в значении предмета, посредством которого осуществляется непереходное действие безотносительно к объекту *(крутить пальцами от нечего делать).*

1. При переходных глаголах, означающих материальное действие субъекта, имя, означающее физический предмет в творительном падеже, может иметь значение орудия, которым субъект достигает прямого объекта: *рубить дрова «топором», косить траву «косой»* и т. п. В подобных случаях творительный падеж орудия употреблялся в древнем языке и без ограничения употребляется и в современном языке.

Творительный падеж соответствующих имен полностью сохраняет орудийное значение при преобразовании действительного оборота в страдательный с соответствующим причастием в сказуемом: *дрова были расколоты топором; трава была скошена косою; лист бумаги был исписан карандашом* и т. п.

В древнерусском языке в творительном падеже со значением орудия употреблялись и имена существительные, обозначающие лиц, например:

выпусти ты свои мужь, а я свои, да ся борета; да аще твои мужь ударить *моимь,* да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта. Лавр. л., 120.

В выражении «твой мужь ударить моимь» творительный падеж «*моимь* (мужем)» означает орудие; смысл фразы заключается в следующем: «твой мужь ударить (о землю) моимь», т. е. один муж бросит, свалит другого на землю.

При возвратных формах глагола (с частицей *-ся*), образованных от переходных глаголов со значением материального действия, имя, означающее предмет, также может иметь значение орудия: *умываться мылом, чесаться гребнем, завиваться щипцами;* в подобных случаях творительный падеж орудия употреблялся в древнерусском языке и употребляется без ограничения и в современном языке, например:

Да неущитяться *щиты* своими. Лавр. л., 20. Се передъ тобою рѣка, но еще зла, како на нь хочеши поѣхати? а еще стоить заложивъся (= закрывшись) *лѣсомъ.* Ип. л., 55.

В древнем языке при указанных глаголах могли употребляться в творительном падеже в орудийном значении и имена, не обозначавшие физические предметы:

Давыдъ же заложися *ночью* и бѣжа Смоленьску. Ип. л., 124. Олговичи же не могущи ся съ ними бити, заложившеся *нощью* идоша прочь. Там же, 141.

В современном русском языке имена существительные, не обозначающие физические предметы, при указанных глаголах не употребляются в творительном падеже для обозначения орудия. В этом состоит ограничение в употреблении творительного падежа в орудийном значении при возвратных формах глагола, образованных от переходных глаголов.

В древнерусском языке при глаголах возведения, создания, образования, производства и пр. творительный падеж от имен, обозначающих материал или вещество, из которого сделан предмет, имел значение средства возведения, создания, производства и пр., например:

Церкъвь... бяшеть бо создана бѣлымъ *каменьемъ* тесанымъ. Ип. л., 199. Створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, сставленъ *костьми* и *жилами*, отъ крове. Лавр. л., 76.

В последующей истории творительный падеж вещества или материала, из которого сделан предмет, был вытеснен предложной формой «*из* плюс родительный падеж»: *церковь сделана из камня* и т. п.

При ряде глаголов, обозначающих нематериальное переходное действие субъекта, в древнерусском языке употреблялся творительный падеж со значением орудия, посредством которого указанное действие субъекта преобразует, осложняет свой прямой объект; так, при глаголе *женить, жениться* имя жены употреблялось в творительном падеже; последний имел в данном случае орудийное значение:

Овии бо поповѣ одиною *женою* оженився служать, а друзии до семи женъ. поимаиюще служать. Ип. л., т. II, в 1, 101. Оженися Володимеръ. снъ Всеволожь... *Глѣбовною* Черниговьского князя. Сузд. л., сп. Лавр., 438. Ср. в современном языке: *«женился на...»*

Творительный орудийный от имени жены объясняется первоначальным значением глагола *женить, жениться; женить* первоначально означало «снабдить женою, согласно с чем твор. орудия при этом глаголе стоит на том же основании, на каком тв. при млр. *окóнити*»[1]. *Оженить женою* значило сделать семейным посредством жены. В связи с утратой творительного орудийного от названий лиц утрачен творительный орудийный и от названия жены при глаголе *женить, жениться.*

Аналогично с *оженить (женить), ожениться (жениться) женою* употреблялись обороты с глаголами:

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 462.

О п о л о н и т и с я: и ополонившеся *челядью* и *скотомъ*, и возвратишася восвояси. Ип. л., 120.

О б л о в и т и с я: Ту ловы дѣявша и обловишася *множеством*ъ звѣрей. Ип. л., 139.

П о д а р и т и: Сваты подари великими *дары*. Там же, 136. Ср.: «Не подарите ли вы нас этим *месяцем* и не погостите ли у нас в деревне?» Писем., Тыс. душ.

Сюда же можно отнести аналогичные обороты с глаголами *оклеветать, клепать, обличить, обвинить* и т. п. к о г о ч е м, например:

Любодѣяниемь оклеветанъ есть. Микл., IV, 691. Оже начнеть *болшимъ* кльпати. П. Р., Син. сп. Дарую единому *царством долмацким*, а другому — *царством ханским*. Сказ. Вас., 291. А крылошан и старцов жалуеш темною *темницею*. Ярыж., 74.

Во всех указанных случаях творительный орудийный означает орудие, посредством которого транзитивное действие субъекта, выраженное глаголом, осложняет объект.

В современном русском языке творительный падеж в этом значении употребляется весьма ограниченно, например: *наградить орденом, медалью, одарить чем-либо* и т. п.

При ряде глаголов, обозначающих нематериальное переходное действие субъекта, в древнерусском языке употреблялся творительный падеж со значением орудия, посредством которого указанное действие приводит к результату, являющемуся целью действия субъекта, например: *говорить русским языком*, а не *на русском языке*, как теперь.

В творительном падеже указанного значения употреблялось имя существительное *язык* при глаголе *говорить* или при глаголах, выступающих в качестве синонимов глагола *говорить*, например:

Он же изиде изъ града со уздою, ристаше сквозѣ Печенѣгы, глаголя имъ: не видѣсте ли коня никто же? бѣ бо умѣя велми *Печенѣжьскымъ языкомъ*. Новг. I л. Умеешь *многи языки* говорить. Авв., Кн. Толк., 247. И поставили над ними (могилами) признаки многия босурманския и подписали *языки* многими разними. Азов. сид., 147, 2 ред.

При глаголе *говорить* творительный орудийный встречается и в современном литературном языке старшей поры:

Воображая, что мы не умеем говорить *иностранными языками*... Карамз., Пис. рус. путеш. Говорят *языками*, не мало сходными между собою. Ломон. Слепой говорил со мной *малороссийским наречием*, а теперь объяснялся по-русски. Лерм., Тамань. Ср. разговорное: «тебе говорят *русским языком*».

И при глаголе *слышать* имя существительное *язык* употреблялось в творительном падеже, например:

Начаста (Мефодий и Константин) съставляти писмена. азъбуковная Словеньскы... и ради быша Словѣнѣ. яко слышаша величья Бия *своимъ языком.* Ип. л., т. II, в. 1, 20.

Сюда же могут быть отнесены обороты типа *мыслить мыслию, думать думою* и т. п., ср.:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни *мыслию смыслити, ни думою сдумати,* ни *очима съглядати.* Сл. о полк. Иг., 70. И плакашася по немъ вси людие *плачем* великом. Ип. л., т. II, в. 1, 31.

Творительный орудия, посредством которого переходное действие субъекта приводит к результату, находим при глаголах *поразить, казнить, умирать, радоваться, дать, продать, купить, нанять* и т. п., ср.:

Поразить: И поразихъ вы *зноемъ* и различьными *казньми.* Сузд. л., сп. Лавр., 386.

Казнить: Бъ бо казнить *напастми* различными. Сузд. л., Лавр. сп., 468.

Умирать: Аще кто оца или мтрь не слушаеть *смртью* да оумреть. Ип. л., т. II, в. 1, 53. И ныне... те мои крестьянишка... помирают *голодною смертью.* Яков., Хол. Моск. г-ве, 376. Выражение «помирают смертью» первоначально, как можно думать, обозначало не причину, а средство.

Радоваться: (Глеб) прия вѣнѣць вшед в небесныя обители. и узрѣ желаемого брата (Бориса) своего. и радовашес с нимь. неизреченьною *радостью.* Ип. л., т. II, в. 1, 122.

Веровать: Первое убо отъ всея души и оть всего помышления и всѣми чувствы, теплою *вѣрою* вѣровати во имя Отца и Сына и св. Духа въ нераздѣлимую Троицу. Дом. Яковл., 8.

Стенати: и нача (Дмитрий) з братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ и со иными князми оставшими (по) побоищу ѣздити и *сердцемъ* стеняше и слезами умываася. Сказ. Мам. поб., 47.

Оскверняти: (и) Оскверняху землю *требами* своими. и осквернися *кровьми* земля Руска. Лавр. л., 77.

Изодѣтися: Самъ же царь одѣяся златосиающими *ризами,* и *чрьвленицами* златотканными, и бисеромъ обнизаными *одежами.* Никон. л., 113.

Дать: Аще кто дасть имъ ножь ли, ли секиру, дають *скорою* противу (= платят шкурою). Лавр. л., 107.

Продать, купить: Мы бы их и купили *дорогою ценою.* Яр. цес., 185. Ср. в Остр. ев.: *Чимь* купимъ хлебы. Ио., 6, 7.

Нанять: А нанять было негде и *нечем.* Хоз. Мор., № 35.

Пожаловать: А его де Ивана пожаловал я в том же селе Рожественом *пашнею.* Хоз. Мор., № 9.

В современном русском языке творительный падеж в этом значении употребляется весьма ограниченно, например:

Дать: Себе он взял заведение, а мне дал *деньгами*, да *билетами*, да *векселями*. Остр., Бед. не пор.

Брать: Я говорю вам открыто, что беру взятки, но *чем* взятки? *Борзыми щенками*. Гог., Ревиз.

2. При непереходных глаголах, обозначающих материальное действие субъекта, имя существительное, называющее физический предмет, в творительном падеже указывает на средство выявления глагольного действия безотносительно к объекту или цели, а не на орудие, которым субъект достигает прямого объекта или своей цели.

При глаголах переходных, означающих физические действия, имена, называющие части человеческого тела, в творительном падеже указывают на орудие; при этом наличие творительного падежа превращает глагол из переходного в непереходный: *вертеть «головою», двигать «ногою», шевелить «губами»* и т. п. Как заметил Потебня, творительный может здесь значить не то, посредством чего обнаруживается переходное движение (как в «рубить дерево *топором*»), а то, в чем становится заметным движение непереходное.

«Если при этом глагол может быть сочетаем и с винительным, то между глаголом с творительным и глаголом с винительным возникает та разница, что в первом случае внимание сосредоточено на самом действии, которое может быть бесцельно, а во втором — на дополнении, в котором выражена ближайшая, вполне определенная цель движения. Отсюда может возникать лексическое различие между глаголами. Ср. напр., *вертеть, крутить пальцы*, причиняя им боль, и *вертеть пальцами*, напр., от нечего делать; *двигать ногу* с тем, чтоб ступить и — *ногою* (напр., во сне); *ворочать голову, глаза*, направляя их на что-либо, и *ворочать глазами* (напр., в сильном гневе)» [1].

Сюда же: и *«ухом»* не ведет (= не обращает внимания).

В указанной здесь категории случаев творительный падеж орудия употреблялся в древнем языке и употребляется без ограничения в современном языке.

При непереходных глаголах, обозначающих обнаружение физического свойства вещества, творительный падеж имени, выражающий указанное свойство, имеет в качестве основы орудийное значение, а в качестве наслоения — значение содержания: *пахнет гарью, тянет сыростью, повеяло холодом, несет дымом, вонью* и т. п. Такое же значение творительный падеж

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 457

имеет при переходных глаголах, означающих отправление физиологических функций организма: *плевать, харкать кровью, отрыгаться маслом, обрасти волосами* и т. п.

Значение содержания наслаивалось на орудийное значение творительного падежа имени и в следующих случаях: *дорога кипела народом; дорога заросла терном, лесом* и т. п.; *сердце пылало любовью; яма кипела червями* и т. п.

Во всех этих случаях творительный падеж употреблялся в древнем языке, употребляется и в современном языке.

При непереходных глаголах пространственного передвижения в древнерусском языке в творительном падеже употреблялись в орудийном значении имена существительные, являющиеся названиями скаковых или упряжных животных, например: «Куряне... придоша *коньми,* а выгонци галичькыя придоша по Днѣпру». Ип. л., 164.

В белорусском и украинском такое словоупотребление и теперь имеет место, например, укр.: *їхати «бовкуном»* (т. е. одним волом), *«конем» поїжджае: пустилісь «кіньми», як дрібен дощик;* бел.: *ехаць «канём»* и т. п.

В современном литературном языке творительный орудийный от имен, означающих скаковых или тягловых животных, при глаголах передвижения в пространстве не употребляется; он заменяется предложною формою: *приехали на конях, на лошадях, пашут на волах, а* не *конями, лошадьми, волами.*

При тех же глаголах употреблялись в творительном падеже с орудийным значением и имена существительные, означающие неодушевленные предметы, орудия или естественные средства передвижения, например:

А пречистая (Богородица)... ходила съ апостоломъ Иоанномъ во святую гору *кораблемъ.* М. Грек, 111. Три тысящи верст недель с тринадцеть волокли *телегами* и *водою* и *саньми* половину пути. Авв., Жит., 83.

Творительный падеж от имен существительных, означающих средства передвижения, употребляется при указанных глаголах в современном языке, но он утратил орудийное значение и приобрел новое значение — значение образа действия, ср.: *ехать возом, плыть лодкою, ехать поездом* и т. п.; ехать к а к? — *возом, поездом*; идти к а к? — *пешком*; плыть к а к? — *лодкою* и т. п.

В древнерусском языке при ряде глаголов, указывающих психические переживания субъекта, имена, означающие предмет, которым вызваны к жизни указанные переживания субъекта, иногда употреблялись в творительном падеже; этот последний в рассматриваемых случаях имел в своей подоснове

орудийное значение: *радѣти нами; печися ими; льстить ими; лъгати ими* и т. п. *Печися ими* — это первоначально как бы отягощать себя опекою «посредством их», в современном языке — «о них»; *лъгати ими* — это первоначально как бы производить ложь «посредством их», в современном языке — «лгать о чем-либо или кому-либо». На это первоначальное значение наслаивалось значение делиберативного объекта. Примеры:

Печися: Аще имамъ коня или скотину, то печемся *ими.* Златостр., 1200 г.

Радѣти: Онъ *нами* радѣлъ, спаси его Богъ, а мы *имъ* радѣли (т. е. при свидании). Пут. в св. з. Лукьян., 49.

Пъвати: Египтѣне пъвааху *помощию* их. Иез. XXX, 9.

Лъгати: Имеши ему вѣру, а онъ *тобою* лжеть. Бусл., Ист. Хр., 481.

Льстити: Черный Клобукъ *нами* лестить. Ип. л., 101.

Измясти: Тобѣ было не лѣпо измясти (= помешать) *нами.* Ип. л., 135.

Обѣщатися: *Чимъ* ся бяшеть ему обѣчалъ, и того не исполнилъ. Ип. л., 150.

Печаловатися: Како печалуется *нами,* своею братьею молодшею. Новг. I л., 6875 г. (по Ак. сп.). Срезн.

Ятися: Тако живяста у любви и *сватьствомъ* обуемшеся. Ип. л., 125.

Порадеть: Одноличнo б тебе мойданным *делом* порадеть и прибыли мне поискать. Хоз. Мор., № 33.

Опоздать: А однолишно бы тебе *пашнею* не опоздать. Там же, № 54.

Поклепать: Поклепал тот Иван женишку мою напрасно воровскою *рухледью* твоему приказному человеку Воину Михайлови[чу]. Там же, № 26.

Грозиться: На них мокшанские крестьяне грозятца *убойством...* и всяким *разореньем.* Там же, № 5.

Лукавить: Се бо лукавьствоваше на князя своего *лестью.* Лавр. л., 75.

Играть: Пьет и бражничает безобразно и *зернью* и *карты* играет и жену свою бьет и мучит не по закону. Рыж.

Наскучить: Теперь наскучив *оною...* оставил место...; наскучив *жестокостями* онои службы, перешел в статскую. Рад., Пут., Зайц.

Приведенные здесь глаголы, как видно из примеров, в старом языке могли управлять творительным падежом; в современном языке эти глаголы утратили свойство управлять творительным делиберативного объекта; это связано с изменением значения названных глаголов: глаголы *пещися чем, обѣщатися чем, печаловатися чем* первоначально были прямо-возвратными,

т. е. переходно-возвратными, и могли означать «опекать себя чем-либо», т. е. посредством чего-либо (*женою* — «посредством жены», *монастырем* — «посредством монастыря», *конем* — «посредством коня»); *обѣщати себя чем-либо*, т. е. обязать себя чем-либо (*дарами* — «посредством даров», *волостями* — «посредством волостей»); *печаловати себя чем-либо*, т. е. опечаливать себя чем-либо (*вотчиною* — «посредством вотчины», *дѣтьми* — «посредством детей» и т. п.); глаголы *радѣти, пъвати* (уповати), *лъгати, льстити* первоначально обозначали нематериальное действие, а творительный падеж при них обозначал средство выявления этого действия: *радѣть нами* (теперь *о нас*) — это первоначально как бы посредством нас выявлять радение; *уповать богатством* — это первоначально как бы посредством богатства выявлять надежду; *лъгати, льстить ими* — это первоначально как бы посредством их выявлять ложь, обман.

Преобразование значения рассматриваемых глаголов привело к замене творительного падежа другими формами; так, одни из этих глаголов утратили значение действия переходно-возвратного (*печься, печалиться* и т. п.) или нематериального (*радеть*) и приобрели значение состояния акта мысли или чувства: предмет, который раньше осознавался как средство и выражался творительным падежом, стал осмысляться как предмет акта мысли или чувства, т. е. как делиберативный объект: *печалиться «о ком», печься «о ком»* и т. п.; другие как *уповать, лгать, льстить*, не утратив значения действия, стали осознаваться безотносительно к своему выявлению и осуществлению, но относительно своего направления: имя существительное, которое употреблялось в творительном падеже и обозначало предмет как средство или орудие, получило значение предмета, на который направлено действие, и стало употребляться в предложной конструкции, например: *лгать «на них», уповать «на силу»*, или получило значение предмета-адресата и стало употребляться в дательном падеже, например: *льстить «ему»*.

К категории рассмотренных случаев относим обороты: «Стыдятся *мною*». Кир. Тур. Калайд. Пам., 126; «Не стыдися *нищетою*. понеже болшая часть мира сего в нищетѣ есть». Зат. цепь, XIV в. Бусл. хрест., 491; ср. в современном: *стыдятся «меня»; стыдятся «нищеты»*. У Пушкина находим: «Оставь меня, не *мною* торжествуй». Эклога. Ср. у Державина: «Не уважать *отцом*, ни *матерью*» — не уважать отца и мать.

Ряд глаголов, относящихся к рассматриваемой группе, и в современном литературном языке старшей поры управлял творительным падежом, например:

Гнушаться; ср.: «Что же, я *родителем* не гнушаюся». Толст., Вл. тьмы, ср. также *гнушаться родителей;* здесь родительный удалительный, засвидетельствованный уже исстари: «Гнушаются *мене*». Кир. Тур. Калайд. Пам.

Презреть; ср.: «Когда бы ты не презрел *мною*». Крыл., Орел и крот.

Нуждаться; ср.: «Не больно *тобою* нуждаются». Толст., Вл. тьмы.

Скучать; ср.: «Не скучаете ли вы вашей провинциальной *жизнью*, которой вы так боялись». Писем., Тыс. душ.

Страдать; ср.: «Сколько лет *тобой* страдал я». Пушк., Воевода.

Бредить: «Кто этот Скалозуб? Отец *им* сильно бредит». Гриб., Гор. от ума.

В современном языке при глаголе *презреть* употребляется не творительный, а винительный падеж, ср. *презрел старуху;* при глаголе *страдать* в смысле чувства употребляется предложный оборот, ср. *страдать о ком-либо,* но *страдать астмой; бредить* можно *чем-либо* и *о* чем-*либо* и т. д.

Творительным падежом управляют глаголы *волноваться, тревожиться, мучиться, хвалиться, величаться, чваниться, потешаться* и др. Глаголы *волноваться, тревожиться, мучиться* могут управлять и предложной конструкцией, ср. *волноваться о деле, беспокоиться о судьбе сына* и т. п.

§ 141. Древнерусский язык унаследовал употребление творительного падежа для обозначения средства достижения цели или осуществления действия. В творительном средства управлялись имена разных категорий.

1. При переходных глаголах в творительном падеже для обозначения средства могли употребляться личные местоимения, а также имена существительные, являющиеся названиями лиц. В этом случае творительный падеж обозначал средство осуществления действия, например:

Глть бо къ намъ *пррkмь*. Син. сп. I Новг. л., 250, 13. Сольстилъ еси *нами*. Лавр. л., л. 25 (= посредством нас). Оже ти не угодно дьржати Новгородъ *сыномъ*, а вђда ны братъ Син. сп. I Новг. л., 38. Паче же *женами* бѣсовьская волъшвенья бывають (= посредством жен). Лавр. л., л. 60 об.

И ежели бы о имени ея испытать не покусился, давно бы я *ею* потребился. Кур. лис., 209. Да славитца имя твое *нами*. Ярыж., 76. *Тобою* хощет весь мир просветитися. Авв., Чел. Фед. Ал., 299. Мати моя мнѣ младой обявила, *отцом* устрашевает. Ром. в стих., 46.

Творительный орудийный от личных местоимений широко был представлен у писателей XVIII и начала XIX вв.

У Ломоносова:

Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить. Ода, 1742 г.

У Майкова: *Тобой* я все напасти прекращу,
Тобой откупщикам я грозно отомщу. Ел.

У Державина: *Тобою* скорбь терплю; *тобой блаженство* мы вкушаем; все будут счастливы *тобою*.

У Богдановича: Не *ею* ль рай имели бытность и начало? Душ.

У Крылова: Не правда ли... Что *нами* дерево так пышно и кудряво, раскидисто и величаво. Листы и Корни.

У Капниста: *Им* живы; кормит нас, и дом наш, и весь скот; И словом: *им* живем без нужды, без хлопот. Яб.

В современном литературном языке творительный средства от личных местоимений, а также от имен, означающих название лиц, не употребителен; он заменяется оборотом «*посредством* плюс родительный падеж названия лица».

2. В древнем языке весьма широко употреблялся при переходных глаголах творительный средства от имен существительных, имеющих отвлеченное значение; в этом случае творительный падеж имел значение средства, которым субъект достигал своей цели, например:

И вси злодейшики познали бога внешнею *хитростию*. Авв., Кн. Бес., V, 215. Уличяю ево, господа, божиею *правдою*... и вами праведными *судями*. Ерш, 148. Захотѣлося молотцу женитися: средил молодец честен пир *отчеством* и *вѣжеством*. О гр. зл., 8. *Несытством* своим все приобрел еси. Ярыж., 82. Своим ты *пьянством* и *нераденьем многую* у меня ты казну пропил. Хоз. Мор., № 14. Борисъ на Москвѣ восхищаетъ царство *лукавствомъ* и *неправдою*. Ин. сказ., 14. А на царствующий град возведут *мощию* своею (= посредством силы своей) сына его, королевича Владислава. Кат.-Рост. Суд имѣт нелицемѣрный и непъраведных судей наказывает *отнятием* чести и въсего имѣния. Акты Петра I, 199.

Творительный средства от имен существительных, имеющих отвлеченное значение, широко был представлен у писателей XVIII в.

У Сумарокова: Я в мужестве хотел иметь и честь и славу, но *тщанием* тогда я их не получил. Сонеты.

У Богдановича: Ее пришествием натура обновлялась... Я вас должна спасать *нещастием* моим. Душ.

У Радищева: О мой друг! *Исполнением* моея должности источу слезы родителей о чадах. Пут., Брон. Они питались его *трудами.* Пут., Чудово.

У Капниста: А этот наконец за поземельный спор *обманом* заведен к помещику на двор.

У Державина:

Не столько я благополучен,
Желанием частей разлучен,
Зовет, я слышу шум. Ода на см. Мещерск.

В современном русском литературном языке употребление творительного средства отвлеченных имен существительных при переходных глаголах весьма ограничено.

3. В древнерусском языке широко употреблялся творительный падеж отвлеченных имен при непереходных глаголах материального и нематериального действия. В этих случаях творительный падеж имел значение средства, коим осуществляется глагольное действие безотносительно к объекту или цели действия:

А целовалники неправым *богатством* возбогатеша. Ярыж., 83. А мы, господа, *збоиством* жить не умеем. Ерш., 148. Московское же воинство даша хребет (= повернуло спину) *пособием* бегства (=посредством бегства) и побеждени быша людие. Кат.-Рост.

В современном русском литературном языке употребление творительного средства отвлеченных имен существительных при непереходных глаголах материального и нематериального действия также весьма ограничено, ср. *жить своим умом.*

§ 142. В древнерусском языке употреблялся творительный падеж для обозначения объекта, пределами которого ограничивалось действие, выраженное глаголом, например:

Разболѣлся Володимиръ. *очима.* и не видяше ничтоже. Ип. л., т. II, в. 1, 96. Володимеръ же боляаше *очима,* и присла к нему царица, рекущи: избыти болѣзни сея толко крестишися. Пск. I л., Тихан. сп., 8. ...И велели того человека описать и *рожей* и в приметы. Яков., Хол. Моск. г-ве, 427.

Творительный объекта, пределами которого ограничилось глагольное действие, употреблялся еще в произведениях М. В. Ломоносова, например:

Наместница всевышней власти,
Что *родом, духом* и *лицем*
Восходишь выше смертных части. Ода.

Есть ли в скудости рожден,
Либо *чином* ие почтен. Гимн бороде.
О Боже, кто тебѣ сравнится
Великим *множеством* чудес. Петр. В.

В последующей истории языка употребление творительного падежа в указанном значении было значительно ограничено; однако, оборот «заболел глазами» в качестве архаизма возможен. Ср.: *пополнеть лицом, станом; походить на кого-либо манерами, взглядом, лицом; окрепнуть духом, волей, характгром, нервами,* и т. п.

Таким образом, утрачено употребление творительного падежа без предлога:

1. В значении сопровождения (*иду братом* — *иду с братом*).

2. В значении орудия, выраженного именем существительным, не обозначающим физические предметы, при возвратных глаголах (*покрыться ночью,* т. е. спастись посредством наступления ночи).

3. В значении средства, выраженного именем существительным, обозначающим материал, при глаголах возведения, соединения, образования, создания, производства (*крыши цинен*ѣ *соломою* — крыши, сделанные *из соломы*).

4. В значении орудия, выраженного именем существительным, означающим скаковых или тягловых животных, при глаголах пространственного передвижения (*приидоша коньми* — *пришли на конях*).

5. В значении орудия, выраженного именем существительным, означающим неодушевленный предмет, при тех же глаголах (*приехали санями* — *на санях; приехали поездом* означает приехали к а к? — *на поезде*).

6. В значении средства, выраженного именем существительным, означающим лицо, или соответствующим местоимением (*глаголеть пророком* — *посредством пророка; вся пустыня мною красится* — *посредством меня*).

Ограничено употребление творительного падежа без предлога.

1. В значении орудия, посредством которого нематериальное переходное действие субъекта осложняет свой прямой объект (*оженить женою; обловиться множеством зверей; одарить златом и серебром* и т. п.).

2. В значении орудия, посредством которого нематериальное действие субъекта приводит к результату, являющемуся целью действия субъекта (*говорить «печенежским языком», мыслить мыслью, думать думою* и т. п.; ср.: *по которой реке плыть, тою славою и слыть*).

3. При глаголах, означающих психические переживания субъекта, в значении орудия, выраженного именем существительным, означающим предмет, посредством которого вызваны к жизни указанные психические переживания субъекта (*пещися ими — о них, радети ими — о них, печаловаться ими — о них* и т. п.).

4. В значении средства, выраженного именем существительным, означающим отвлеченное понятие, при переходных глаголах (*Несытством своим все приобрел еси. Ее пришествием натура обновлялась*).

5. В значении средства, выраженного именем существительным, означающим отвлеченное понятие при непереходных глаголах (*живет своей силой*).

6. В значении ограничения (*заболел глазами*).

Глава VIII

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЯХ

§ 143. Для обозначения той или другой территории и вообще места, на котором развертывается действие субъекта или осуществляется его пребывание, в древнерусском языке употреблялись разнообразные конструкции. Все эти конструкции сложились в доисторическую эпоху; некоторые из них в последующей истории языка отсеялись; большинство же сохранилось и в современном русском языке и служит для обозначения тех или других пространственных значений.

Для обозначения места, о к о л о или п о з а д и которого осуществляется действие, в древнерусском языке использовалась конструкция «*о, объ* плюс местный падеж», например:

Около: Стоял *объ Окѣ рѣкѣ*. Пск. I. л. (Море)... не больно *о том месте* широко. Авв., Жит., 110.

Позади: Видѣвъ же Фараонъ, погна по нихъ, сыиове же Израилеви преидоша по суху; яко излѣзоша на брегъ, и съступися море *о Фараонѣ* и *о воихъ* его. Лавр. л., 93. Въставъ вечеръ и деи въ храмъ тъ, и затворивъ двьри о *себѣ,* ту же пребысть въ немь до утрьняя. Нест., Жит. Феод., 22, Срезн.

Эта конструкция в указанных значениях не получила распространения в дальнейшей истории языка; в современном русском литературном языке она неизвестна.

§ 144. Для обозначения пребывания двух предметов рядом друг с другом в древнерусском языке употреблялась конструкция «*о* плюс винительный падеж», например:

По глѣхъ же сихъ вънесеся на нбса и седе о *десну* Ба Оца. Нест. Бор. Гл., 4, Срезн. Сташа *об ону страну* Окѣ. Новг.

I л., 6717 г., Срезн. Ста Володимеръ *об онъ полъ городи.* Лавр. л., л. 37 об.

В дальнейшей истории языка круг имен, употреблявшихся в этой форме, резко сузился.

Изредка форма «*о* плюс винительный падеж» в пространственном значении употреблялась и в литературном языке XVIII в., ср.: «Двор *обо двор* с ним жил охотник до огородов и садов». Крыл., Огор. и Философ.

В современном литературном языке оборот «*о* плюс винительный падеж» в рассматриваемом значении сохранился только в виде отдельных фразеологических оборотов: *работали бок о бок; шли рука об руку* и т. д.

Диалектально эта форма имеет большую употребительность, т. е. круг имен, которые употребляются в этой форме, многообразнее:

Речка протекает вплоть *об усадьбу; о кладбище* идет канава; соседи *об стену*. Даль, II, 581; побежал *о реку*, т. е. «по берегу реки». Подвыс., Сл. обл. арх. нар., 104; проезжай *о верх* оврага; добро не лихо, бродит *о мир* тихо; мы с ним земляки *о две версты* всего, поля наши *о пря́сла* (смежны). Даль, II, 580. Подвыс., Сл. обл. арх. нар., 104.

§ 145. В древнерусском языке широко употреблялись формы винительного и родительного падежей с разными предлогами для обозначения осуществления действия, пребывания предмета около другого предмета. Такими предлогами были — *возле, подле, мимо*. С этими предлогами употреблялся для выражения указанного значения как родительный, так и винительный падеж.

Предлог *возлѣ*. Примеры с винительным падежом:

И воевода нача Святополчь, ѣздя *възлѣ берегъ*, укаряти Новгородцѣ, глаголя... Лавр. л., 138. Ставити рядом бочку *возле бочку*. Яр. цес., 211.

В севернорусских говорах винительный падеж при предлоге *возле* иногда встречается и теперь: *возле печь*. Даль, I, 232.

Примеры с родительным падежом:

Дали посадники... землю кончанскую Савѣ старцу, а ободъ тое земли по сей грамотѣ отъ медвѣжьи головы отъ ручья *возли рѣки* въ верхъ по Вѣшерѣ... съ верховей ручья на лѣво въ мохъ мхомъ недошедъ Пасной горки... Пам. ист. Вел. Новг. О учене рабят грамотѣ *возлѣ манистирей*. Акты Петра I, 54.

Предлог *подлѣ*. Примеры с винительным падежом:

От моря *подлѣ рѣку* Иерданъ. Чис. XIII, 30, по сп. XIV в. Загорѣся на княжи дворѣ *подлѣ Нѣмечкои дворъ*. Новг. I л., 6783 г., Срезн.

Эта форма употреблялась вплоть до XVII в.;

Так питаемся *подле море Черное.* Азов. сид. Ерш вел брата моего *подле берег.* Ерш., 156.

В северноруcских говорах она известна и теперь: «Ребенок сидит *подле мать; подле гору, подле реку».* Даль, III, 189.

Примеры с родительным падежом:

Поидошя къ Кыеву и сташа *подле Лыбеди.* Переяс. л., 6659, Срезн. Погрѣбоша й у стго Георгия въ манастыри *подъле очя.* Новг. I л., 6717 г., Срезн.

Предлог *мимо.* Примеры с винительным падежом:

Увороти коня направо *мимо Глѣбовъ дворъ.* Сузд. л. Лавр. сп., 317. Поѣха *мимо Новъгородъ.* Новг. I л., 6790 г., Срезн. Иду де *мимо* ваш *дом.* Ерш., 154.

Примеры с родительным падежом:

Идучи жъ отъ святои Софии *мимо столповъ Юстиниановыхъ* и *мимо малыхъ трехъ* и *мимо святаго Феодора,* на гору поидти великою улицею царевымъ путѣмъ. Стеф. Новг., 1347 г. Срезн.

В последующей истории формы винительного падежа при рассмотренных предлогах были вытеснены формами родительного падежа; в результате этого процесса локальные предлоги *возле, подле, мимо* стали употребляться только с формою одного падежа — родительного.

Требование закона максимального соответствия грамматических средств языка нуждам взаимопонимания приводит к устранению тех средств языка, в функции которых другие средства имеют преимущества. Таким средством был родительный падеж; преимущество его перед винительным падежом заключалось в том, что он был употребительнее при формировавшихся предлогах, управлявшихся глаголами ненаправленного движения, тогда как винительный падеж был употребительнее при глаголах направленного движения: *въехал в «город»; бросил «под стол»; стал «под душ»* и т. п.

§ 146. В значении осуществления действия около предмета употреблялась в древнерусском языке конструкция «*около* плюс родительный падеж».

И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убииство сотвори *около града* Грекомъ. Из Радз. сп. Лавр. л., 29. И собрашася... здати столпъ до небесе и градъ *около его* Вавилонъ. Лавр. л., 4.

Эта конструкция в том же значении сохраняется и в современном русском языке.

В том же значении пребывания одного предмета около другого предмета в древнерусском языке употреблялась конструкция «*прямо* плюс родительный падеж»:

Братья же вземше й на сани, поставиша й *прямо церкви.* Лавр. л., 181. Изъгна Гсь Бъ Адама из рая, и сѣде *прямо раю* плачася и дѣлая землю. Ип. л., т. II, в. 1, 77.

В последующей истории языка наречие *прямо* не закрепилось в функции предлога, тем самым отсеялась конструкция «*прямо* плюс родительный падеж» в указанном значении.

§ 147. Для обозначения пребывания одного предмета вблизи другого предмета в древнерусском языке употреблялся предлог *поровень* в сочетании с родительным падежом, ср.: «А река Розумница вытекла близко, *поровень реки* Корсия». Больш. чертеж.

Однако слово *поровень* в дальнейшей истории языка не закрепилось в функции предлога.

В том же значении употреблялись предлоги *близ* и *близко*. Пример с предлогом *близ*:

Самъ же царь князь великии превезеся Волгу реку... подступи *близъ* самого *града Казании*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 117.

Примеры с предлогом *близко*:

Украли двои твои боярские пчелы в дуброве на большой дороге *блиско* нашей *деревни*. Хоз. Мор., I, № 36. Вели поставити полату каменную *близко моря*. Ер. Лаз. Ср. у Богдановича: «Толпился *близко колесницы*». Душ.

В последующей истории слово *близко* не закрепилось в функции предлога, продолжая удерживать свое наречное значение.

В древнерусском языке слово *близ* могло употребляться и в функции предлога, и в функции члена предложения, например:

Мы, Русь, допроводимъ с куплею ихъ поздорову, ти аще ключиться *близъ земля Грецкаа*. Из Радз. сп. Лавр. л., 34. Яко *близъ* погибель хотяше быти ему. Лавр. л., 81.

В последующей истории языка употребление слова *близ* в других функциях, кроме предлога, было утрачено. Это имело следствием переход слова *близ* в разряд грамматического средства при других членах предложения, т. е. в разряд предлогов.

§ 148. В древнерусском языке имели место попытки использовать имя существительное *круг* в значении предлога *вокруг*, например:

Круг ведра с пивом... в кельях сидим. Каляз. челоб., 119. Оклали мы *круг города* (убитых) выше пояса. Азов. сид., 146, 2 ред.

В дальнейшей истории языка эта попытка не имела успеха; в литературном языке слово *круг* в роли предлога не закрепилось, хотя по говорам оно в этой роли встречается. Ср. у Даля: «*Круг нас* нет лесу. Не ходи *круг няго*».

§ 149. Для обозначения места, около которого совершается действие, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*при* плюс местный падеж», например:

Стояаше Иис *при езерѣ Генисаретьсцѣ*. Остр. ев., Лк., V, 1, Срезн.

Вооружився крепко на пиющих, кабаче недостоины, веселы, яко неки зверь *при горах,* такожде и ты. Ярыж., 89. Канцеляристы и копеисты могутъ, ежели и мѣсто тѣсно, по два *при одномъ ящикѣ* сидѣть. Акты Петра I, 503.

Конструкция «*при* плюс местный падеж» употребляется и в современном русском языке для обозначения того, что действие осуществляется или предмет пребывает непосредственно около другого предмета, ср.: *Жить «при станции». Битва «при Бородине».* Ср. у Пушкина: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно, ногою твердой стать *при море».*

Для обозначения места, около которого совершается действие, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*у* плюс родительный падеж», например:

Ини же... рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, *у Киева* бо бяше перевозъ. Лавр. л., 9. Въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море *у Дону*. Сл. о полк. Иг., 69—70.

Конструкция «*у* плюс родительный падеж» в указанном значении полностью сохранилась и в современном русском языке.

§ 150. Для обозначения пребывания предмета вдоль другого предмета в древнерусских памятниках употреблялся предлог *подългъ,* сочетавшийся как с винительным, так и с родительным падежом. Пример с винительным падежом: Чернець, аще ляжет въ цркви, а не внѣ *подолгъ стѣну* црквную, да поклонится. Корм. Моск. Дух. Ак., 91, Срезн.

Примеры с родительным падежом:

Акы кѣдры *подългъ воды.* Пал. 1406 г., 145, Срезн.

Как видно из примеров, формы с предлогом «подолг» засвидетельствованы в переведенных памятниках. В последующей истории языка предлог «подолг» не закрепился в функции грамматического средства для обозначения нахождения или движения одного предмета вдоль другого.

§ 151. В древнерусском языке слово «вънъ» употреблялось и как предлог. В форме винительного падежа оно употреблялось в качестве наречия, например:

Изгънана бысть *вънъ.* Изб. 1073 г., Срезн. Выведоша Новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша *вонъ.* Новг. I л., 6763 г., Срезн.

В форме местного падежа это слово употреблялось в функции предлога, например:

И помыслиша поставити *внѣ печеры* манастырь. Лавр. л., 154. Бѣ бо тогда поле *внѣ града.* Там же, 147. И постави кумиры на холму *внѣ двора* теремнаго. Там же, 77.

В последующей истории языка формы *вънъ* и *вънѣ* расщепились, перестали осознаваться формами одного слова. В современном русском языке *вне* функционирует уже только в качестве грамматического средства другого члена предложения, т. е. в качестве предлога. Конструкция «*вне* плюс родительный падеж» обозначает пребывание или движение предмета вне пределов того места, которое выражено именем существительным, ср.: *вне дома, вне круга, вне города* и т. п.

В значении «*вне* плюс родительный падеж» употреблялась в древнерусском языке и конструкция «*кроме* плюс родительный падеж», например:

Не добро есть лежати оцю нашему Феодосьеви *кромѣ манастыря цркве* своея. П. В. Л., 6599 г., Срезн. Он же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави *кромѣ храмины* тое. Лавр. л., 17.

Слово *кромѣ* употреблялось и как член предложения, ср.:

(И) яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде *кромѣ,* и повелѣ дружинѣ (своей) сѣчи Деревляны. Лавр. л., 56.

В современном русском языке оборот «*кроме* плюс родительный падеж» в пространственном значении не употребляется.

§ 152. Для обозначения понятия «середина» в древнерусском языке использовались три формы: срѣда, срѣдъ и срѣдь. Местный падеж от этих слов имел следующие формы: *срѣдѣ и срѣду, срѣди.* Формы *срѣда, срѣдъ и срѣдь* употреблялись в качестве членов предложения, например:

Вь среду словесъ не вьлагаи слова. Панд. Ант., 76. Срезн. Ставъ архиерѣи *на средъ,* впрашааше Иса. Мр., XIV, 60. Нов. зав., Срезн.

В форме местного падежа они могли употребляться и в качестве предлогов в сочетании с родительным падежом для обозначения середины того места, которое выражено именем существительным.

Форма *срѣдѣ* (ср. им. п. *срѣда*): «Обрете островъ *срѣдѣ моря».* Нест. Жит. Феод., 9, Срезн. «И поставиша й *срѣдѣ двора* къняжа». Лавр. л., 167. Форма *срѣду* (ср. им. п. *срѣдъ*): «Корабль же бѣ *срѣду моря».* Ев. 1270 г., Мф., XIV, 60, Срезн. Форма *срѣди* (ср. им. п. *срѣдь*): «Трещатъ копиа харалужныя в полѣ незнаемѣ, *среди земли Половецкыи».* Сл. о полк. Иг., 69.

В последующей истории языка формы *срѣдъ* и *срѣдь* в значении «середина» были утрачены. Форма *срѣда* получила новое значение. Это привело к вычленению форм местного падежа этих слов в самостоятельные формы; они получили значение только предлогов; так образовались предлоги *срѣду, срѣдѣ,*

срѣди. В функциональном отношении они оказались простыми альтернантами; возникшее между ними как альтернантами внутриструктурное противоречие было разрешено за счет отсеивания форм *срѣдѣ* и *срѣду* и закрепления формы *срѣди*; фонетическою разновидностью этого предлога стала выступать форма *средь*, которую можно отметить уже в «Слове о полку Игоревс», ср.: «Печаль жирна утече *средь земли»*, 70. В современном русском литературном языке употребляются обе формы предлога.

Форма *среди*: «Высокий дом вытянулся во двор, заросший дерном, чистый и пустынный, с колодцем *среди него»*. Горьк.

Форма *средь*: «Мирно живу *средь полей»*. Некрас. «Страшно, страшно поневоле *средь* неведомых равнин». Пушк.

Для обозначения середины того места, которое указано существительным, в древнерусском языке употреблялись с родительным падежом и формы *посрѣду, посрѣдѣ, посрѣди*, например:

Разумѣи, яко *посреду сѣтии* ступаеши. Изб. 1073 г., 182, Срезн. Сыплюще *посредѣ града*. Лавр. л., 107. Опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи *посреди главы* въбивахуть имъ. Там же, 43.

Первые два альтерната в последующей истории языка отсеялись; современный русский язык сохранил только один из них: *посреди*, например: «Все живо *посреди степей»*. Пушк.

§ 153. В древнерусском языке для обозначения понятия «межа» употреблялись два слова: в старославянском фонетическом оформлении — *межда* и в восточнославянском фонетическом оформлении — *межа*. В ряде случаев потребности обозначить место, заключенное между двумя предметами, приводили к тому, что формы *межда* и *межа* с позиции членов предложения передвигались на позиции грамматических средств при других членах предложения — на позиции предлога; в функции предлога засвидетельствованы формы местного падежа единственного и двойственного числа.

Местный падеж двойственного числа *между* (ср. им. п. *межда*): «Приде (Иис) на море Галиленско *между прѣдѣлы* Декапольскы». Остр. ев., Мр., VII, 31, Срезн.

Местный падеж двойственного числа *межю* (ср. им. п. *межа*): *«А межю Тфѣрью* и *Новагорода* розъѣздъ по давнои пошлинѣ». Дог. гр. Тв. в. кн. Мих. Яр. с Новг. 1301—1302 г., Срезн.

Местный падеж единственного числа *межи* (ср. им. п. *межа*): «Бысть побоище... *межи городы* Дубравны и Острода». Новг. I л., 6918 г., Срезн.

В связи с тем, что слово *межда* не сохранилось в русском языке как член предложения в значении *межи*, форма *между* вычленилась, обособилась в своей предложной функции и

закрепилась как предлог. Утратилась семантическая связь между словом *межа* и формою его местного падежа *межи* в предложной функции. Форма *межи* вследствие неударяемости ее как предлога получила форму *межь*. Это содействовало утрате связи между *межа* и *межь;* так образовались две формы одного и того же предлога: *между* и *межь,* затем *меж.* Обе эти формы употребляются и в современном русском языке, например: *В котловине между горами протекал ручей. Между окном и дверью стоял шкаф. «Меж нив* золотых пажитей зеленых». Пушк. «Вечернее солнце отражается *меж кочек* в ржавой воде». Горьк.

Кроме рассмотренных форм были и другие формы этого предлога, в состав которых входил предлог *про: промежи, промежю,* например:

Стояху рати прямо себе, а *промежу ими* врагъ крутъ. Сузд. л., 6881 г., Срезн. А отъ Огашки рѣки по ручьи, кои *промежи двѣма едмами.* Новг. разд. гр., XV в., Срезн.

В последующей истории языка эти альтернанты предлога *между* не закрепились в общенародном языке; они сохранились только в диалектном обиходе; отсеивание этих альтернантов происходило путем сужения области их бытования в отдельных говорах.

Предлог *между* и его альтернанты сочетались с тремя падежами: родительным, винительным и творительным. Родительный падеж с предлогом *между (межь)* мог употребляться в единственном числе, если форму родительного падежа принимали два имени существительных, например:

Вышли суть ис пустыни Евтриския, сущи *межъ востока* и *севера.* Никон л., 6733 г., Срезн. *Межю дила* и *адила.* Жит. Андр. Юр., 216, Срезн.

Форму родительного падежа единственного числа могло принимать и одно имя, например:

А *меж того* (меж тем) войско готовилось в путь. Письма и бум. Петра Вел., III, 165.

При наличии двух имен существительных с предлогом *между (межь)* одно из них могло быть в единственном числе, другое во множественном числе, например: «Выстрелять *между одного* и *двух патронов».* Сув., 45.

При наличии двух существительных с предлогом *между* одно из них может принимать форму родительного падежа, а другое — форму творительного падежа, например: «А *межю Тфѣрью* и *Новагорода* розъѣздъ по давнои пошлинѣ». Дог. гр. Тв. в. кн. Мих. Яр. с Новг., Срезн.

Имя существительное в родительном падеже могло иметь форму множественного числа и обозначать не отдельные предметы, между которыми происходит действие, а среду или сово-

рательную совокупность предметов, среди которых совершается действие, например:

И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша *межю собѣ*. Лавр. л., 82. Что бы *промеж нас* какова дурна не учинилася. Дело Ник., № 40. Ружья чистить *между часов*. Сув., 145.

Форма родительного падежа множественного числа при предлоге *между* могла употребляться в сочетании с числительными, ср.: «Межи дву овиновъ». Прав. гр. Кир. мои. ак. 1491 г., Срезн.

При предлоге *между* употреблялась и форма винительного падежа, например:

Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ *межъ себя*, по достоинству, въсвоихъ особыхъ покояхъ... Котош., 148. Дружно *меж* себя живуще. Авв., Жит., 142. Ибо слышим в них несогласие *меж себя*. Письма и бум. Петра Вел., III, 488. Отмечена Далем: «*Промежду двери* пальцы не клади», III, 164. «Запусти пальцы *меж пальцы»*, II, 319. Ср. у Островского: «Ну, теперь поговорите *промежду себя*, коли что нужно». Гроза.

Рядом с конструкциями, имеющими при предлоге *между* формы родительного или винительного падежа, употреблялись конструкции, имеющие при предлоге *между* формы творительного падежа.

Возвратное местоимение *себя* обычно употреблялось в творительном падеже, например:

Да аще будете в любви *межю собою*. Лавр. л., 157. Что ради губивѣ дружину *межи собою?* Там же, 143.

Если при предлоге *между* стояло одно имя существительное, то в сочетании с числительным *дъва, оба* оно принимало форму творительного падежа множественного числа, например:

И размѣривше *межи обѣма полкома, пустиша* я̆ к собѣ. Лавр. л., 121. Святополкъ стояше *межи двѣма озерома*, и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею. Там же, 139.

Если при предлоге *между* стояло одно имя существительное или местоимение без числительных, то оно принимало форму творительного падежа множественного числа, например:

И бѣ миръ *межю ими* и любы. Лавр. л., 124. Браци не бываху въ нихъ, но игрища *межю селы*. Там же, 13. Святоплъкъ полелѣя отца своего *междю Угорьскими иноходьцы*. Сл. о полк. Иг., 69.

Если при предлоге *между* стоят два имени существительных, каждое из которых обозначает отдельный предмет, то эти имена существительные могли принимать форму творительного падежа единственного числа, например:

А друзии сѣдоша *межю Припетью* и *Двиною* и нарекошася Дреговичи. Лавр. л., 5. И урядъ положиша *межю Грецкою землею* и *Рускою*. Там же, 37. Из Радз. сп.

Если при предлоге *между* стоят два имени существительных, каждое из которых обозначает совокупность однородных предметов, то эти имена существительные могли принимать форму творительного падежа множественного числа, например:

Прибѣжа в пустыню *межю Ляхы* и *Чехы*. Лавр. л., 141.

Множественное число одного имени существительного в творительном падеже могло объединяться с единственным числом другого имени существительного в творительном падеже, например:

Утвердити любовь *межю Греки* и *Русью*. Лавр. л., 46.

Таким образом, при предлоге *между* создавалось внутриструктурное противоречие между родительным, винительным и творительным падежами, употреблявшимися в одном и том же значении.

В последующей истории языка употребление винительного падежа и творительного падежа единственного числа постепенно отмирало. В современном русском литературном языке родительный падеж единственного числа и винительный падеж при предлоге *между* неизвестен.

Употребление родительного падежа множественного числа одного имени существительного или местоимения продолжает сохраняться и в современном языке, например: «Сидит невеста *меж подруг*». Лерм. Дем. «Ты шагом едешь *меж полей*». Пушк., Рус. и Люд.

Сохранилось употребление двух творительных падежей единственного числа, ср.: *между Ленинградом и Москвой*; одного творительного падежа во множественном числе, ср.: *между деревьями, между нами;* возвратное местоимение *себя* употребляется в творительном падеже единственного числа; ср.: *между собою*.

§ 154. Для обозначения того, что действие совершается на переднем плане предмета или один предмет находится на переднем плане другого предмета, в древнерусском языке использовался предлог *перед* или *прѣдъ*, ср.: *перед домом, перед нами* и т. п. Слово *перед* употреблялось и в качестве имени существительного, ср.: «И хотѣхомъ с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали на *передъ* на повозѣхъ». Поуч. Вл. Мон., Срезн.

Таким образом, потребность иметь грамматическое средство для выражения пребывания предмета перед другим предметом была удовлетворена путем передвижения слова *перед* с позиции члена предложения на позиции грамматического

средства другого члена предложения, т. е. на позиции предлога.

Предлог *перед* первоначально употреблялся в сочетании с винительным падежом и с творительным падежом.

Конструкция «*передъ* плюс винительный падеж» имела два значения: движения по направлению к предмету, ср.: *принесли «предъ него — к нему»*, и пребывания на переднем плане предмета, ср.: *поставити «перед нихъ»*. Конструкция «*перед* плюс творительный падеж» обозначала пребывание на переднем плане предмета, ср.: *стоялъ «передъ нимъ»*.

Таким образом, при одном и том же предлоге *перед* в одном и том же значении, именно в значении действия или пребывания одного предмета перед другим предметом, употреблялись два падежа.

Примеры с формою винительного падежа:

Царь... велитъ протопопу... да дьякономъ нарядитися въ церковное одѣяние, и принесть къ себѣ въ полату еуаглие да крестъ, и положить на высокомъ мѣсте; на стулѣ, а *передъ нихъ* поставити свещу. Котош., 71. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили *перед* вселенскихъ *патриархов*. Авв., Жит., 129.

Примеры с формою творительного падежа:

Люба ми есть рѣчь ваша уже мнѣ мужа своего не крѣсити, но хочю вы почтити наутрия *предъ людьми* своими. Лавр. л., 66. Зарѣза Редедю *предъ пълкы* Касожьскыми. Сл. о полк. Иг., 66.

То же находим и в памятниках XVII в.:

А косу розчесываютъ свахи и укручиваютъ; да въ то жъ время *предъ царемъ* стоитъ на столѣ, на болшомъ блюде, хлѣбъ да сыръ. Котош., 9. Велела *перед меня* положить. Авв., Жит., 101. *Перед суд* посылати. Ерш., 158. И повелел оных скоре представити *пред себя*. Яр. Яр., 221. Надлежит трудитца о ползѣ и прибыткѣ общем, которой Богъ нам *пред очи* кладет как внутрь, так и вънѣ, от чего облехчен будет народ. Акты Петра I, 156.

Таким образом, винительный и творительный падежи, употреблявшиеся при одном предлоге в одном значении, представляли собою два взаимно исключающие элемента внутриструктурного противоречия, разрешение которого может быть дано только путем устранения одного из этих элементов: в последующей истории языка при предлоге *перед* закрепился творительный падеж, тем самым винительный падеж отсеялся как менее удовлетворительное грамматическое средство языка; однако, у Даля отмечена форма: «Стану *перед тебя*», III, 46.

Конструкция «*перед* плюс творительный падеж» при глаголах передвижения употреблялась для обозначения того, что

один предмет в процессе передвижения в пространстве находится перед другим предметом; сущность значения конструкции и при глаголах передвижения оставалась тою же, например:

Ни имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же *предъ вами поиду...* Лавр. л., 69. То ити ему на изводъ *пред 12 человѣка...* П. Р., Ак., 71.

С этим оттенком значения конструкция «*перед* плюс творительный падеж» употребляется и в современном русском языке, ср.: *он шел «перед вами».*

Как указано было выше, конструкция «*перед* плюс винительный падеж» употреблялась при глаголах направленного движения и обозначала предмет, к которому направлено указанное движение; такое употребление рассматриваемой конструкции можно отметить в древних памятниках, например:

Никона приведоша *пред него.* Нест., Жит. Феод., 7, Срезн. И дьрьзну Исакъ молитися о сну своемь, дабы его испустилъ ис твьрди *прѣдъ ся.* Новг. I л., 6712 г., Срезн. А послух не поидет *перед судью.* Судеб. 1497 г., § 50.

Такие примеры обычны и для памятников XVII в., например:

Взяли меня палачи привели *пред него.* Авв., Жит., 88. Нелзя *пред суд* привести. Ерш., 160. Его же поимаша, приведоша *пред судью.* Шем. суд, 910. И приехав *пред цезаря* своего Яропола. Яр. цес., 215. И представили оных *пред салтана.* Яр. Яр., 225. Скоро Христа понесли *перед послов.* Ск. Вас., 291. Его привел *пред лице* всех. Рим. д., 9. Грамоту положил пред короля на стол. Про Бову.

Употребление такой формы было широко распространено в литературном языке XVIII в.:

Сестер *пред себя* велела в рай привесть. Богд., Душ. Представь, о древность, мне *пред очи* Вселенная спокойный век. Майк., Ел. Паки приведен был *пред госпожу* свою. Рад., Пут., Гор.

Единичные примеры такого употребления предложной формы «*перед* плюс винительный падеж» отмечены и в современном литературном языке: «Он приказал вынести портрет *пред палатку».* Толст., В. и М. «Трости эти пали между старогородским духовенством, как библейские змеи, которых кинули *пред фараона* египетские кудесники». Леск., Соб.

Как видно из примеров, рассматриваемая форма для современного литературного языка является архаизмом.

При глаголах направленного движения для обозначения предмета, к которому направлено указанное движение, употреблялась и конструкция «*к* плюс дательный падеж», ср.: «А от Рима прити по тому же морю ко Црюгороду». П. В. Л., введ.,

Срезн. Употребление рассматриваемой конструкции было свойственно памятникам разных эпох, ср., например, у Котошихина:

Боярыни и ихъ дѣти, *къ царицѣ* и *къ царевнам* ѣздять потомужъ съ калачами сами, что и мужья ихъ и отцы ѣздятъ к царю. 35. И пошлетъ царь *къ патриарху* съ вѣдомостью, что подаровалъ ему Богъ царевича. 15.

Таким образом, при глаголах направленного движения пришли в столкновение конструкции «*перед* плюс винительный падеж» и «*к* плюс дательный падеж» в значении предмета, к которому направлено движение, выраженное глаголом. Это внутриструктурное противоречие должно быть устранено, чтобы язык успешно служил средством общения, чтобы средства языка максимально соответствовали тем потребностям, которые возлагаются на них в процессе общения людей в обществе. В данном случае внутриструктурное противоречие заключается не между разными падежами при одном предлоге, а между разными предложными конструкциями; в последующей истории языка возобладала конструкция «*к* плюс дательный падеж» для обозначения предмета, к которому направлено движение, выраженное глаголом; конструкция же «*перед* плюс винительный падеж» в соответствующем значении отсеялась как не выдержавшая испытания временем.

§ 155. При обозначении пространственных значений предлог *против* сочетался с винительным, родительным и дательным падежами.

В сочетании с винительным падежом он указывал на то, что действие распространяется на весь предмет, обозначенный именем существительным, ср.: «А сома учали в три палки бить, а он, ерш, учал смеятися: видиш ли *против Волгу* наперед (= через всю Волгу), а того не видал, как в невод попал». Ерш., 156.

В сочетании с родительным и дательным падежами он обозначал нахождение около предмета или движение навстречу предмету.

Примеры с родительным падежом:

Постави Всѣволодъ... *противу его* пълкъ и бишася. Новг. 1 л., 6684 г., Срезн. Отъѣздная мѣста, что ти ся достало *противъ Лопастны*. Дог. гр. Вас. Дм., 1389 г., Срезн.

Примеры с дательным падежом:

Приступиша къ граду... противу стому *Спсу*. Новг. I л., 6712 г. Они же видѣвше съ оноя страны, и приѣхаша въ лодьи *противу ему*, и взяша й в лодью, и привезоша й къ дружинѣ. П. В. Л., 6476 г., Срезн.

В последующей истории языка употребление предлога *против* с винительным и дательным падежами было утрачено; из

указанных выше трех конструкций сохранилась только конструкция «*против* плюс родительный падеж». Три падежные формы при одном и том же предлоге в одном и том же значении представляли собой внутриструктурное противоречие, которое должно быть разрешено и действительно разрешалось путем устранения двух альтернантов и сохранения одного из трех.

§ 156. В значении предлога *против* в древнерусском языке употреблялся и предлог *преки*, засвидетельствованный в сочетании с дательным падежом, ср.: «И ту абье повелѣ копати *преки трубамъ*, и преяша воду». Лавр. л., 107.

Форму *преки* можно рассматривать как творительный падеж множественного числа от имени существительного *прекъ*, ср.: *у-прекъ, у-прек-ати*. Однако в дальнейшем использование творительного падежа от имени существительного *прекъ* в функции предлога не закрепилось.

§ 157. Для обозначения действия или пребывания предмета на заднем плане другого предмета в древнерусском языке употреблялась конструкция «*за* плюс творительный падеж», например:

А Дирова могила *за* святою *Ориною*. Лавр. л., 23.

О, Руская земле! уже за шеломянемъ еси! Сл. о полк. Иг., 68.

Конструкция «*за* плюс творительный падеж» в том же значении употребляется и в современном русском языке, например: *за горами; за рекой; за чертой; за морем*.

В древнерусском языке конструкция «*за* плюс творительный падеж» при глаголах передвижения обозначала следование за тем предметом, который выражен творительным падежом, например: «Поѣха *за ними*». Новг. I л., Срезн. «Идоша *за розбоиникы* в погоню». Там же, 6925 г., Срезн. В том же значении эта конструкция употребляется и в современном русском языке, ср.: *Поехал «за командиром». Идите «за мной». Шли один «за другим»*.

§ 158. Для обозначения действия или пребывания предмета под другим предметом в древнерусском языке употреблялась конструкция «*под* полюс творительный падеж»; такое значение эта конструкция приобретала после глаголов ненаправленного движения, например:

(И) ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже суть и до сего дне в печерѣ *подъ* ветхымь *манастыремь*. Лавр. л., 154. Мало ли ти бяшетъ горѣ *подъ облакы* вѣяти. Сл. о полк. Иг., 74.

В этом значении конструкция «*под* плюс творительный падеж» употребляется и в современном русском языке, ср.: *стоял «под мостом»; лежит «под кроватью»*.

Конструкция «*под* плюс творительный падеж» употреблялась в древнерусском языке и для обозначения пребывания около, вблизи города и предмета вообще, например:

Стояша *подъ городомь* недлю, но города не взяша. Новг. I л., 6748 г., Срезн. Оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста *подъ горами* на березѣ. Лавр. л., 7. Да въ томъ же Приказѣ вѣдомо царская лѣтняя потѣха... и учиненъ для тоѣ потѣхи *под Москвою* Потѣшной дворъ. Котош., 85.

Употребление конструкции «*под* плюс творительный падеж» в указанном значении сохраняется и в современном русском языке, ср.: «Три девицы *под окном* пряли поздно вечерком». Пушк.

§ 159. В древнерусском языке для обозначения того, что действие или пребывание предмета имеет место над другим предметом, употреблялся предлог *над*. В указанном значении при предлоге *над* употреблялся как творительный, так и винительный падеж. Употребление творительного падежа при предлоге *над* в указанном значении было обычным для памятников всех эпох, например:

Сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою *надъ Калкомь*. Новг. I л., 6723 г., Срезн. А ловятъ тѣхъ птицъ, подъ Москвою и въ городѣхъ и въ Сибири, *надъ озерами* и *надъ* болшими *реками* на берегахъ по пескамъ. Котош., 86.

Ср. в современном русском языке: *повесил лампу «над столом»;* «Снова тучи *надо мною* собралися в тишине». Пушк.

В древнерусском языке конструкция «*над* плюс творительный падеж» употреблялась для обозначения пребывания около предмета, ср.:

Се уже иду к вамъ... да поплачюся *надъ гробомъ* его, и створю трызну мужю своему. Лавр. л., 56. Они же рѣша: «въ лѣсѣ на горахъ *надъ рѣкою Днѣпрьскою*». Там же, 16.

Такое употребление рассматриваемой конструкции имеет место и в современном русском языке.

Употребление винительного падежа при предлоге *над* в значении предмета, над которым находится или осуществляется действие другого предмета, также свойственно было древнерусскому языку, например:

Сего же дне раздѣлишася воды, полъ ихъ взиде *надъ твердь,* а полъ ихъ подъ твердь. Лавр. л., 85. И привали камень *надъ двьри* гробу. Остр. ев., Мр., XV, 46, Срезн. Излѣзъ *надъ пещеру*. Нест., Жит. Феод., 9, Срезн. Сниде огнь с небеси страшенъ зело аки облакъ великъ *над ручеи* Лыбеди. Никон. л., 6738 г., Срезн.

Конструкция «*над* плюс винительный падеж» в единичных случаях отмечалась и в памятниках XVIII в., например: «Блюдись спустить свой долы взор. *Над тучи* оным простирайся».

Ломон., Ода, 1742 г. «На крылях ветреных взнесла ее *над мир*». Богд., Душ.

Таким образом, при образовании грамматических средств для обозначения предмета или действия, имеющего место над другим предметом, возникло внутриструктурное противоречие между формою творительного падежа и формою винительного падежа, выразившееся в факте альтернативного употребления того и другого падежа при одном предлоге *над*. Указанное противоречие было устранено путем отсеивания употребления винительного падежа при предлоге *над* и закрепления при нем творительного падежа.

§ 160. Конструкция «*по* плюс местный падеж» употреблялась в древнерусском языке при глаголах передвижения и тогда обозначала следование за тем предметом, который выражен местным падежом имени существительного, например:

...Она же рече: «идуть *по мнѣ* съ дружиною мужа моего». Лавр. л., 56. Олегъ же прииде к Суждалю. и слышавъ яко идеть *по немъ* Мьстиславъ. Олегъ же повелѣ зажещи городъ Суждаль. Ип. л., т. II, в. 1, 226. Князь Мстиславъ Мьстиславичь преди перебѣже Днѣпръ... бояся *по себѣ* погони от Татаръ. Сузд. л., сп. Ак., 509.

Конструкция «*по* плюс местный падеж» после глаголов передвижения имела то же значение, что и конструкция «*за* плюс творительный падеж» при тех же глаголах, т. е. значение следования за тем предметом, который указан именем существительным при данных предлогах; это значит, что между этими конструкциями существовало внутриструктурное противоречие, которое служило помехой максимальному соответствию грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. Конструкция «*по* плюс местный падеж» отсеялась как менее употребительная, конструкция «*за* плюс творительный падеж» закрепилась и сохранилась, как выдержавшая испытание временем.

§ 161. Для обозначения места расселения народов в древнерусском языке употреблялась конструкция «*по* плюс дательный падеж». Имена существительные в единственном числе, обозначающие реки, моря, озера, указывали направление расселения, а не его пространственные границы, например:

А Вятъко сѣде съ родомъ своимъ *по Оцѣ*. Лавр. л., 11—12. Дулѣби живяху *по Бугу*... а Улучи и Тиверьци сѣдяху *по Днѣстру*. Там же, 12. Сѣли суть Словѣни *по Дунаеви*. Там же, 5.

При глаголах движения конструкция «*по* плюс дательный падеж» обозначала определенное направление движения, если имена существительные употреблялись в дательном падеже единственного числа и являлись названиями рек, путей сообщения и т. п. или обозначали предметы, по которым возможно движение других предметов, например:

Идоша *по Волзѣ* вси людье въ Болгары. Лавр. л., 144. Игорь ѣдетъ *по Боричеву* къ святѣй богородици Пирогощей. Сл. о полк. Иг., 76.

Если имена существительные в дательном падеже единственного числа обозначали обширное пространство, то конструкция «*по* плюс дательный падеж» при глаголах движения обозначала неопределенное направление в пределах указанного именем существительным пространства, например:

И поѣха *по* чистому *полю.* Сл. о полк. Иг., 67; ср. *ехал «полем».* Ли с моремъ кто свѣтенъ? се бо не *по земли* ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ. Лавр. л., 45.

При глаголах пребывания *(стоял)* или при глаголах действия, связанных с моментом пребывания *(растет),* конструкция «*по* плюс дательный падеж» обозначает пребывание или действие на поверхности и в границах того пространства, которое указано именем существительным в дательном падеже единственного числа, например:

Бысть тьма *по всей земли.* Лавр. л., 101. Тогда *по Руской земли* рѣтко ратаевѣ кикахуть. Сл. о полк. Иг., 69. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, (и) постави Варягы *по средѣ,* а на правѣй сторонѣ Кыяне. Лавр. л., 147.

При глаголах действия имена существительные с предлогом *по* могли употребляться во множественном числе; в таком случае конструкция «*по* плюс дательный падеж» обозначает тот факт, что действие осуществляется во множестве мест, указанных именем существительным в дательном падеже, например:

Поляномъ же жившимъ особѣ *по горамъ* симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки. Лавр. л., 6. И *по* тѣмъ *городомъ* суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне. Там же, 19. Будеть ли сводъ *по землямъ,* то ити ему до третьяго свода. П. Р. (Тр.), 107. Грозы твоя *по землямъ* текуть. Сл. о полк. Иг., 72.

Конструкция «*по* плюс дательный падеж» сохранилась во всех своих перечисленных пространственных значениях и в современном русском языке.

§ 162. Для обозначения места осуществления действия или пребывания предмета в древнерусском языке употреблялись две конструкции: «*на* плюс местный падеж» и «*в* плюс местный падеж». Той строгой дифференциации между этими конструкциями, какая существует в настоящее время, в древности еще не было. В связи с этим мы будем изучать названные конструкции одновременно в их соотношениях.

В составе этих конструкций употреблялись имена существительные, обозначавшие такие предметы, которые объективно

могли иметь свойства, способные служить местом осуществления действия или нахождения другого предмета.

Имена существительные, являющиеся названиями рек, с предлогом *на* при глаголах, обозначающих расселение людей, обозначали место расселения, например:

И пришедъша сѣдоста Радимъ *на Съжю.* Лавр. л., 11 Ср. движение по следу: А не сорокы втроскоташа, *на слѣду* Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Сл. о полк. Иг., 75.

Конструкция «*на* плюс местный падеж» с этими именами существительными и глаголами в ее составе была соотносительна не с конструкцией «*в* плюс местный падеж», а с конструкцией «*по* плюс дательный падеж». Ср. альтернативный оборот «сели суть *по Дунаеви*», «Нача ставить городы *по* Деснѣ». В последующей истории языка возобладала конструкция «*по* плюс дательный падеж» в указанном значении.

При глаголах действия названия рек с предлогом *на* могут обозначать место как на самой реке, так и по берегам реки, например:

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. Сл. о полк. Иг., 71. *На Дунаи* Ярославнынъ гласъ слышитъ. Там же, 74.

Конструкция «*в* плюс местный падеж» с указанными именами существительными уже в древних памятниках употребляется с особым оттенком — с оттенком пребывания в глубине, например:

И погрузить грѣхи наша *въ глубинѣ*. Лавр. л., 117. Два солнца помѣркоста... тъмою ся поволокоста и *въ морѣ* ся погрузиста. Сл. о полк. Иг., 71.

Названия берегов реки с предлогом *на* указывают на то, что предмет находится или действие осуществляется на суше по направлению течения реки, например:

И ста подъ горами *на березѣ*. Лавр. л., 7. О, Донче! не мало ти величия... стлавшу ему зелѣну траву *на* своихъ сребреныхъ *брезѣхъ*. Сл. о полк. Иг., 75.

Конструкция «*в* плюс местный падеж» в том же значении с теми же именами существительными в древнерусских памятниках не отмечена; это свидетельствует о сложившейся дифференциации рассматриваемых конструкций в данном звене их употребления.

Имена существительные обозначающие единицы пространства без указания его границ, такие, как вода, море, поле и т. п., с предлогом *на* выражают пребывание предмета или осуществление действия на поверхности указанного пространства, например:

Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури... *на полѣ* незнаемѣ? Сл. о полк. Иг., 72. И умножившемъся человѣкомъ

на земли, (и) помыслиша создати столпъ до небесе. Лавр. л., 4. Единъ же Изяславъ... подъ чрълеными шиты *на* кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. Сл. о полк. Иг., 73. Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли *на* синѣ *морѣ?* Там же, 74. Солнце свѣтится *на небесѣ*. Там же, 76. О, Донче!.. стрежаше его гоголемъ *на водѣ*. Там же, 75. О, Донче! не мало ти величия, лелѣявшу князя *на влънахъ.* Там же, 75. О, Донче!.. стрежаше его... чайцами на струяхъ, чрьнядьми *на ветрѣхъ*. Там же, 75. А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ *на горахъ*. Там же, 70.

В том же значении, с тем же составом имен существительных могла употребляться и конструкция «*в* плюс местный падеж», например:

Сами скачють, акы сѣрыи влъци *въ полѣ*. Сл. о полк. Иг., 67. И бысть тишина велика *в земли.* Лавр. л., 145. Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи *в порозѣхъ* (=порогах реки). Там же, 72. Луче бы ми было с тобою умрети, неже *въ свѣтѣ* семь прелестнѣмь (жити). Там же, 133.

Таким образом, мы наблюдаем наличие альтернативности оборотов *«на» полѣ* и *«в» полѣ, «на» русской земли* и *«в» русской земли, «на» семь местѣ* и *«в» семь местѣ, «на» семь свѣтѣ* и *«в» семь свѣтѣ* и т. п.

В последующей истории языка указанная альтернативность оборотов устранялась путем отсеивания конструкции «*в* плюс местный падеж» и закрепления конструкции «*на* плюс местный падеж» в значении осуществления действия или пребывания предмета на поверхности того или другого пространства.

Названия предметов домашнего обихода употребляются с предлогом *на* для обозначения, что действие совершается или предмет пребывает на поверхности предмета, указанного именем существительным в местном падеже, например:

Одѣвахуть мя, рече, чръною паполомою *на кровати* тисовѣ. Сл. о полк. Иг., 70—71. Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко сѣдиши *на* своемъ златокованнѣмъ *столѣ*. Там же, 72. И помолившюся ему, възлеже *на одрѣ своемъ*. Лавр. л., 131.

Конструкция «*в* плюс местный падеж» в том же значении с теми же именами существительными в древнерусских памятниках не отмечены. Однако обороты «спал *на* кровати» и «спал *в* кровати» возможны и в современном русском языке.

Если действие осуществляется и предмет находится на поверхности дворовых построек, то для выражения этого значения использовалась конструкция «*на* плюс местный падеж», например:

Ярославна рано плачеть Путивлю городу *на забороле*, аркучи. Сл. о полк. Иг., 74. Положивь руно *на гумнѣ*. Лавр. л., 103.

Пребывание внутри сооружений или построек также могло обозначаться конструкцией «*на* плюс местный падеж», например:

Онъ же стояше *на сѣнехъ* съ сыномъ своимъ. Лавр. л., 81. Терпя потерпех *на кабаке* живучи. Ярыж., 41.

Однако пребывание внутри помещения уже в древнерусском языке обозначалось по преимуществу конструкцией «*в* плюс местный падеж», например:

Сънемше й со креста, положиша й *въ гробѣ*. Лавр. л., 101. И падеся Кобякъ *въ градѣ* Киевѣ, *въ гридницѣ* Святъславли. Сл. о полк. Иг., 70. Уже дъскы безъ кнѣса *въ* моемъ *теремѣ* златовръсѣмъ. Там же, 71.

Однако факт альтернативности конструкций «*на* плюс местный падеж» и «*в* плюс местный падеж» в значении пребывания в помещении безусловно имел место в древнерусском языке, и последующее развитие заключалось в устранении этой альтернативности путем закрепления оборота «*в* плюс местный падеж» и отсеивания оборота «*на* плюс местный падеж».

При обозначении осуществления действия или пребывания в населенных пунктах в древнерусском факультативно употреблялись конструкции «*на* плюс местный падеж» и «*в* плюс местный падеж».

Примеры с предлогом *в*:

Тому *въ Полотьскѣ* позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы. Сл. о полк. Иг., 74. Ярославна рано плачетъ *въ Путивлѣ* на забралѣ, аркучи. Там же, 74.

Кто *въ Киевѣ* нача первѣе княжити. Лавр. л. 1. Святославъ посади Ярополка *въ Киевѣ*, а Олга *въ Деревѣхъ*, а Владимира *въ Новѣгородѣ*. Никон. л., 36. И тебе б велеть *в селе Богородцком*, и *в селе Уварове* в прудах, и *в реке Черняхе*, и *в реке Пьяне* велеть на мой обиход рыбы половить. Хоз. Мор., № 16.

Примеры с предлогом *на*:

Тое же зимы Феодоръ кнзь Ростиславичь сѣде *на Ярославли*. Сузд. л., сп. Лавр. А *на* котором *городе* будут два наместника или *на волости* два волостеля, и им имати пошлины... за одного наместника... и они себе делят по половинам. Судеб. 1497 г., 665. Посадские многие люди, льготя себе, чтоб им в городех податей никаких не платить, приехали к Москве, живут *на Москве*. Мат. и док. по ист. СССР, в 5, 6.

В последующей истории языка альтернативность оборотов «*в* плюс местный падеж» и «*на* плюс местный падеж» при обозначении пребывания в населенных пунктах была утрачена путем закрепления оборота «*в* плюс местный падеж» (*жил «в» Москве*) и отсеивания оборота «*на* плюс местный падеж» (*жил «на» Москве*).

Имена существительные, являющиеся названиями людей и животных, во множественном числе употреблялись в сочетании с предлогом *в* для обозначения осуществления действия среди людей и животных.

Примеры с конструкцией «*в* плюс местный падеж мн. числа» после глаголов и причастий:

А еже водою обиовленье, понеже при Нои умножившемъся грѣхомъ *в человецѣхъ*. Лавр. л., 102. В се же время умре Болеславъ Великый *в Лясѣхъ*. Там же, 146. Зане велье имя мое *въ языцѣхъ*. Там же, 96.

Примеры с конструкцией «*в* плюс местный падеж мн. числа» в сочетании с именами существительными:

И попусти Богъ 10 казний (на) Фараона: ...моръ *в человѣцѣхъ*. Лавр. л., 93. Того же лѣта поиде Юрьи съ Ростовци и съ Суздалци и со всѣми дѣтми въ Русь, и бысть моръ *въ конехъ* у вой его яковъ же и не бывалъ. Воскр. л., 60.

Конструкция «*в* плюс местный падеж мн. числа» употреблялась с местоимениями в значении осуществления действия или пребывания среди лиц или у лиц:

Послю на вы клятву, и проклену благословенье ваше, разорю, и не будеть *въ васъ*. В сп. Ак. нет «в». Лавр. л., 97. Вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть *въ нихъ* мятежь. Там же, 146.

Примеры с именным управлением:

Кто болий *въ васъ*, акъже Федосий, послушьливый, кроткый, смѣреный; да сь будеть вамъ игуменъ. Лавр. л., 155, 156. *В нихъ* же суть храбрыя жены, ловити звѣрь крѣпкый. Там же, 14, 15.

В последующей истории языка употребление оборота «*в* плюс местный падеж мн. числа» с местоимениями или названиями лиц и животных постепенно ограничивалось и отмирало; в современном русском языке уже невозможны обороты «кто старший *в вас*» в смысле «среди вас» или «из вас».

Местоимение *собѣ* в местном падеже с предлогом *в* также употреблялось в значении «среди лиц», если оно относилось к множеству людей, например:

Имѣйте *въ собѣ* любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Лавр. л., 157. (И) рѣша сами *въ себѣ* «поищемъ собѣ князя...» В сп. Троиц. нет «в». Там же, 18.

Местоимение *собѣ* употреблялось с прелогом *в* и в тех случаях, когда оно относилось к одному лицу, например:

Видѣвъ же мало дружины своея, рече *въ собѣ*. Лавр. л., 70. Святополкъ же оканьный помысли *въ собѣ*, рекъ. Там же, 132.

Конструкция *«въ собѣ»* также перестала употребляться в смысле «среди себя»; она сохранилась только в значении «внутри себя», ср.: *затаил в себе злобу.*

Для обозначения осуществления действия или пребывания среди народа, племени, рода употреблялась конструкция *«в* плюс местный падеж» с соответствующими именами существительными, например:

Се бо токмо Словѣнескъ язык *в Руси.* Лавр. л., 10. Будеть ли головникъ ихъ *въ верви,* то зань къ нимъ прикладываеть, того же дѣля имъ помагати головнику, любо си дикую вѣру. Там же, 104. Но се Кий княжаше *в родѣ* своемь. Лавр. л., 9.

Конструкция *«в* плюс местный падеж» с указанными существительными возможна и в современном русском языке.

В местном значении могли употребляться с прелогами *в* и *на* названия действий; причем конструкции *«в* плюс местный падеж» и *«на* плюс местный падеж» были альтернативными.

Примеры с конструкцией *«в* плюс местный падеж»:

Аже кто убиеть княжа мужа *в разбои.* П. Р. (Тр.), 104. Паки ли будеть что татебно купилъ *въ торгу,* ...то выведеть свободна мужа два или мытника. Там же, Тр., 107. И не да собѣ упокоя день и нощь, *въ трудѣхъ* пребывая, *въ бдѣньи* и *въ молитвахъ.* Лавр. л., 153.

Примеры с конструкцией *«на* плюс местный падеж»:

Оже станеть без вин(ы) *на разбои.* П. Р. (Тр.), 104. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: «еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли *на полку*; и рече... Лавр. л., 70. И по великомъ князѣ Миндовгѣ сяде *на княжении* Литовскомъ Давидовъ сынъ Видъ. Воскр. л., 165.

§ 163. Для обозначения предела передвижения в пространстве в древнерусском языке мог употребляться родительный беспредложный падеж, например:

Идоша на Половцѣ. Стополкъ. Ярославъ... и доидоша *града* Осенева. и Сугрова. вземше вежѣ Половечскыѣ. и бишася с Половци. на Салнѣ рѣцѣ. Сузд. л., Лавр. сп., 289. Игорь же дошедъ *Дуная,* созва дружину и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву. Лет. Пест., 25.

Рядом с родительным падежом употреблялась предложная конструкция *«до* плюс родительный падеж»; предел движения выражался вещественным содержанием имени существительного в родительном падеже, например:

(И) на въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ *до Рима,* отъ Рима (же и) *до племени* Хамова. Лавр. л., 6. Сѣдять, Варязи сѣмо ко въстоку *до предѣла* Симова. В списках Радзив. и Моск. Дух. Ак. нет «до»,

Там же, 3. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море *до Киева*. Сл. о полк. Иг., 76. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады *до плъку* Кобякова. Там же, 74. По томуже морю сѣдять къ западу *до землѣ Агнянски* и *до Волошьски*. Лавр. л., 4.

• Как указано было выше, родительный падеж в том же значении мог употребляться без предлога *до*, ср.: «Русь же догнаша *Милича* и *Старогорода*». Ип. л., 168. Таким образом, конструкция «*до* плюс родительный падеж» и форма родительного падежа без предлога *до* при глаголах движения — взаимно исключающие формы: беспредложная конструкция постепенно отмирала, в современном русском языке она уже неизвестна.

§ 164. Для обозначения предела действия с включением последнего в древнерусском языке употреблялась конструкция «по плюс винительный падеж», например:

И яся въстокъ Симови: Персида, Ватрь... и Сурия, и Мидия *по Ефратъ рѣку*. Лавр. л., 1. Отъ Киваи рѣки подлѣ курганъ *по врагъ* къ лѣсу, да *по лѣсъ* къ великому мху, *по* велики *мохъ* къ великому бору. Отв. гр. Кирил. мон. 1448—1468 г., Срезн. *По конец-де* стола древо кудряво повевает. Авв., Жит., 152.

Конструкция «*по* плюс винительный падеж» в указанном значении употребляется и в современном русском языке, ср.: *Занять местность «по» указанный рубеж.*

§ 165. При глаголах направленного движения употреблялась конструкция «*за* плюс винительный падеж» для обозначения направления движения к месту, находящемуся за предметом, указанным именем существительным в винительном падеже, например:

(И) идоша *за море* къ Варягомъ. Лавр. л., 18. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша *за волхва*. Там же, 176.

Употребление конструкции «*за* плюс винительный падеж» в указанном значении сохранилось и в современном русском языке, ср.: *забежал «за» угол, «за» озеро* и т. п.

§ 166. Конструкция «*сквозь* плюс винительный падеж» употреблялась издревле и употребляется теперь для обозначения предмета или среды, через которые проходит то или иное действие:

Проидохом *сквозѣ огнь* и *воду*. Сузд. л., Лавр. сп., 6677 г. Удобнѣе есть вельбуду *сквозѣ уши* игълинѣ проити. Остр. ев., Мр., XIX, 24, Срезн.

Ср.: «И сказал *сквозь* едва заметную улыбку». Леск., Соб.

В том же значении употреблялась и конструкция «*сквозь*

плюс родительный падеж»; она отмечена в памятниках более позднего времени, например:

Сквозь того *острова* течеть река великая. Яр. Яр., 221. Слезы проникли *сквозь очей* его. Рад., Пут., Крест. *Сквозь слез* не видя ничего. Пушк., Е. О. Светит *сквозь узора* мерзлого окна. Огарев.

Из писателей-современников такой оборот отмечен у Д. Бедного: «Ах, — отвечал *сквозь слез* Малютка голосом, исполненным страданья».

В последующей истории при предлоге *сквозь* возобладал винительный падеж в значении среды или предмета, сквозь которые осуществляется действие.

Конструкция «*сквозь* плюс винительный падеж» в древнерусском языке употреблялась не только для обозначения среды или предмета, через которые проходит действие, но и для обозначения предмета, сверх которого или по поверхности которого а) осуществляется определенное действие или б) распространяется неопределенное действие:

а) Ты пробилъ еси каменныя горы *сквозѣ землю* Половецкую Сл. о полк. Иг., 74. Да проводимъ ю *сквозѣ* всяко страшно *мѣсто*. Лавр. л., 34 (из Радз. сп.). Новгородьцемъ ѣздити *сквозѣ Михаилову волость* бесъ пакости. Дог. гр. Юр. с Мих. Яр. и Новг. 1318 г., Срезн.

б) Гонимъ бывааше бѣсъмь *сквозѣ пустыня*. Остр. ев., Лк., VIII, 29, Срезн. Аже ты велишь кликати *сквозѣ торгъ* (= по торгу): гость со гостемь не торгуи. Грам. Риж. ок. 1300, Срезн.

В последующей истории языка конструкция «*сквозь* плюс винительный падеж» не закрепилась для обозначения действия по поверхности предмета.

§ 167. Конструкция «*через* плюс винительный падеж» употреблялась уже в древнерусском языке. Ее основным значением было преодоление определенного пространства в его поперечном сечении: *переплыл через реку, перелез через тын* и т. п. Ср.:

И сташа Новогородци на Норовѣ со княземъ Александромъ, биющеся *черезъ Норову рѣку* съ погаными Нѣмци. Пск. I л., 6956 г., Срезн. Дѣлаша мостъ вьсь *чересъ Волхово* по стороне ветхаго новъ вьсь. Новг. I л., 6652 г., Срезн. (Угри) устремишас *чересъ горы* великия. П. В. Л., 6406 г., Срезн.

В том же значении преодоления определенного пространства употреблялась эта конструкция и в тех случаях, когда имя существительное обозначало пространство с отсутствием указания на его границы, например:

Не буря соколы занесе *чрезъ поля* широкая. Сл. о пол. Иг., 67. Прочии же вои побѣгоша ови *induced чересъ лѣсъ*, друзии въ городъ. П. В. Л., 6604 г., Срезн.

В этом значении конструкция *«через* плюс винительный падеж» употребляется в современном русском языке. Конструкция эта в древнерусском языке имела значение распространения действия по всему пространству, указанному именем существительным в винительном падеже, например:

Затрещал лед предо мною и расступился *чрез* все *озеро*. Авв., Жит., 116 (= на протяжении всего озера, по всему озеру). Три заланка *чрез* всю *реку* зело круты (были). Там же, 90.

В последующей истории языка конструкция *«через* плюс винительный падеж» в значении распространения действия по всему пространству вышла из употребления. Это значение в современном литературном языке выражается конструкцией *«по* плюс дательный падеж»: *лед треснул по всему озеру; пускал молву по миру* и т. п.

При обозначении преодоления пространства в его поперечном сечении альтернантом конструкции *«через* плюс винительный падеж» была форма винительного падежа без предлога; чередование предложных и беспредложных форм винительного падежа отмечается только при непереходных глаголах.

Примеры употребления винительного падежа без предлога.

Перендоша рѣку. Ип. л., 20. Володимиръ перешелъ Болохово. Там же, 50.

Примеры употребления винительного падежа с предлогом *через:*

Перѣха въ лодьи *чересъ Днѣпръ*. Лавр. л., 163. Пришедше отъ въстока и устремишася *чересъ горы* великия (яже прозвашася горы Угорьскиа), и почаша воевати. Там же, 24.

Чередование указанных форм сохраняется и в современном русском языке, ср.: *переплыть океан, переплыть реку, переехать реку на лодке* и т. п.

При переходных глаголах уже в древнерусском языке употребление предлога *через* было обязательным, ср.:

Переправи полкы свои *черезъ мостъ*. Ин. л., 56. Умыслили, бѣсомъ вооружаеми, тѣ проклятые богоотступники и крестъянские губители бѣсомъ собранный свой скопъ раздѣлити на двое и послали половину злого своего скопу изъ Коломенского, *черезъ Москву рѣку*, къ гонной къ Рогожской слободѣ... Пам. ист. см. вр., 38.

При передвижении через отверстие, т. е. через пространство, свободное только в двух противоположных направлениях (дверь, окно, ворота и т. п.), альтернантом конструкции *«через* плюс винительный падеж» была форма творительного падежа, ср.: *кровь пошла горлом* и *через горло, пищу подавали оконцем* и т. п. Рядом с творительным падежом в указанном значении употреблялась и предложная форма, ср.: «единъ же

изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, *чресъ* злато *ожерелие*». Сл. о полк. Иг., 73.

В последующей истории языка закрепился оборот «*через* плюс винительный падеж», а употребление в аналогичной функции творительного падежа постепенно отмирало; в современном русском языке можно отметить только обороты типа «кровь пошла *носом, горлом*».

При обозначении передвижения через открытое пространство альтернантом конструкции «*через* плюс винительный падеж» был творительный падеж, ср.: *шел «лесом», «полем», плыл «водой»* и т. п. В этом случае имело место и продолжает сохраняться чередование конструкции «*через* плюс винительный падеж» и творительного пути без предлога, например:

Поиде *чресъ море*. Лавр. л., 108. Два лета в водах бродили, а зимами *чрез волоки* волочилися. Авв., Жит., 91. А къ самому крылцу или на дворъ его царской, не ѣздятъ никогда, и лошадей ихъ боярскихъ *черезъ дворъ* не пускаютъ. Котош., 29.

В современном русском языке творительный пути как альтернант конструкции «*через* плюс винительный падеж» вполне возможен, ср.: *плыли через море — плыли морем; пускаютъ через двор — пускают двором.*

§ 168. В отличие от конструкции «*под* плюс творительный падеж», которая употреблялась при глаголах ненаправленного движения и обозначала осуществление действия под предметом, конструкция «*под* плюс винительный падеж» употреблялась при глаголах направленного движения или действия и обозначала место под предметом, куда направлено указанное движение или действие, например:

Подъкладъше *подъ дъскы*, а сами вѣрху сѣдоша обѣдати. Новг. I л., 6732 г., Срезн. Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша *под* тыи *мечи* харалужныи. Сл. о полк. Иг., 73.

В этом значении конструкция «*под* плюс винительный падеж» сохраняется и в современном русском языке, ср.: *положил карандаш «под книгу».*

Конструкция «*под* плюс винительный падеж» в древнерусском языке употреблялась для обозначения движения к месту, находящемуся у предмета, указанного именем существительным в винительном падеже, например:

Придоша Све *подъ Ладугу*. Новг. I л., 6672 г., Срезан. Подъпустивъше и́ *подъ полкъ* свои, и отступиша отъ него. Ип. л., 6697 г., Срезн. И приплу *подъ Угорьское*, похоронивъ вои своя. Лавр. л., 22. Перво *под город* к нам пришли к приступу немецкия 2 полковника. Азов. сид., 144, 2 ред. А Черемиса де пошли *под Царевъ городъ*. Пам. ист. см. вр., 46.

В этом значении конструкция «*под* плюс винительный падеж» в современном русском языке имеет меньшее распространение.

§ 169. Конструкция «*к* плюс дательный падеж» имела разные местные значения. Вопреки мнению Л. П. Якубинского, она могла обозначать пункт, в который направлено движение с заходом в него [1], например:

Иде (Володимеръ) *къ Ляхомъ* и зая грады ихъ. Лавр. л., 80. В Радз. и Ак. сп. «на ляхи». Тъй... скочи *къ граду* Кыеву и дотчеся стружиемъ злата стола Киевьскаго. Сл. о полк. Иг., 73. Ныне же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоты *ко царству* нашему. Лавр. л., 47. Ольга възвратис *къ Киеву*. Ип. л., т. II, в. 1, 47. (И) посылаше *къ странамъ*, глаголя. Лавр. л., 63.

Такое употребление конструкции «*к* плюс дательный падеж» мы находим и в памятниках более позднего времени, например:

А выборных бы естя людей, которых выберут, отпустилиб к нам *к Москве* не мешкая. Мат. и док. по ист. СССР, 7. И с Коломны де ево Матвей привез было *к Москве*, и он де, Ивашка, от Матвея збежал. Яков., Хол. Моск. г-ве, 426—427.

Во всех приведенных примерах движение предмета завершается вступлением в пределы указанного именем существительным пункта. Альтернантом конструкции «*к* плюс дательный падеж» в указанном значении является конструкция «*в* плюс винительный падеж», ср.: *внидe «въ» Кыевъ*.

В последующей истории языка употребление конструкции «*к* плюс дательный падеж» в значении населенного пункта, в который направлено движение, с моментом вступления в него, постепенно отсеивалось. С течением времени в этой функции закрепился оборот «*в* плюс винительный падеж»: *приехал «в» Москву*.

Отмирающим элементом старого качества по отношению к конструкции «*в* плюс винительный падеж» и ее альтернанту в рассматриваемом значении «*к* плюс дательный падеж» был оборот с дательным беспредложным, например:

Свѣналдъ же приде *Киеву* къ Ярополку. Лавр. л., 72. В Радз. и Ак. сп.: «к Кыеву». Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде *Суздалю*. Там же, 144.

Отмирающим элементом старого качества по отношению к указанным конструкциям был и оборот с винительным беспредложным, например:

---

[1] См. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 176.

Володимеръ же приступи ко граду къ восточнымъ вратомъ, и отняша врата, людие же бѣжаша внѣшний *градъ*. Воскр. л., 2.

Конструкция «*к* плюс винительный падеж» могла обозначать предмет, внутрь которого проникает другой предмет, например:

Онѣма же пришедшема (и видѣвшема), яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, проньзе й *къ сердцю*. Лавр. л., 131.

Взаимоисключающим противочленом этой конструкции в рассматриваемом значении был оборот «*в* плюс винительный падеж», например:

Посемь же Богъ князю вложи *въ сердце*, и постави й митрополитомь в святѣй Софьи, а си печерка тако оста. Лавр. л., 152.

В последующей истории языка оборот «*к* плюс дательный падеж» отсеялся, а оборот «*в* плюс винительный падеж» закрепился. Конструкция «*к* плюс дательный падеж» употреблялась в древнерусском языке и для обозначения движения предмета по направлению к месту, указанному именем существительным, без вступления в этот пункт, например:

И притиснуша Святополка с дружиною *ко озеру*. Лавр. л., 139. Святополкъ же сь оканьный и злый уби Святослава, пославъ *ко горѣ* Угорьстѣй, бѣжашю ему въ Угры, и нача помышляти. В Радз. и Ак. сп. «ко», в Лавр.: «в». Там же, 136. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями *къ граду Переяславлю*. Сл. о полк. Иг., 73. И приѣха князь Печенѣжьскыи *к рѣкѣ*. Лавр. л., 120.

Отмирающим элементом старого качества в отношении конструкции «*к* плюс дательный падеж» в рассматриваемом значении был оборот с дательным беспредложным, например:

Вячеславъ... иде опять *Турову*, а Святославъ Всеволодичь иде въ Володимерь. Воскр. л., 33. Ярополкъ... иде самъ *Володимерю*. Там же, 90.

В современном русском языке полностью возобладала конструкция «*к* плюс дательный падеж»: *направился к Смоленску*.

Конструкция «*к* плюс дательный падеж» имеет рассматриваемое значение и в тех случаях, когда в ее состав входят имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы, расположенные на той или другой местности, например:

И приведоша я́ *къ кладязю*, идѣже цѣжь. Лавр. л., 126. Аще ли вѣруеть кто, то *ко кресту* да идеть. Там же, 176.

Если бы в составе конструкции «*к* плюс дательный падеж» было имя существительное, обозначающее одушевленный предмет, то эта конструкция обозначала бы объект, ср.: *пришел к брату*.

Конструкция «*к* плюс дательный падеж» могла употребляться и при глаголах пребывания; в таком случае она обозначала направление, в котором расположен тот или другой предмет, а не место его расположения.

По сему же морю сѣдять Варязи сѣмо *ко въстоку* до предѣла Симова. Лавр. л., 3. И прочии, ти же присѣдять отъ запада *къ полуденью*. Там же, 4.

Конструкция «*к* плюс дательный падеж» в указанном значении сохраняется и в современном русском языке, ср.: *Полк стоял к западу от Москвы.*

При глаголе *присѣдяху* конструкция «*к* плюс дательный падеж» обозначала пребывание предмета поблизости от того предмета, который указан именем существительным в дательном падеже, например:

А Уличи и Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху *къ Дунаеви*. Лавр. л., 12. Ляхъве же, и Пруси, Чюдь пресѣдять *к морю Варяжьскому*. Там же, 3.

§ 170. Для обозначения движения предмета навстречу с другим предметом в древнерусском языке могла употребляться конструкция «*встречу* плюс дательный падеж», например:

Тот час вооружился и сев на коня Буелана со львами *встречю им поехал*. Ист. кор. Ар., 101.

В последующей истории языка употребление формы *встречу* не закрепилось в функции предлога *навстречу*.

§ 171. С предлогом *в* и *на* после глаголов направленного движения обычно употреблялся винительный падеж. Иногда предлоги *в* и *на* употреблялись в качестве альтернантов. Такая связь существовала между этими предлогами в сочетании с именами существительными, обозначавшими те или другие территории. Альтернативная связь между предлогами *в* и *на* имела место после глаголов, обозначавших вступление на данную территорию.

Примеры с предлогом *на*:

Уже връжеса Дивь *на землю*. Сл. о полк. Иг., 71. Аже придеть кровавъ мужь *на дворъ*. П. Р. (Тр.), 106.

Примеры с предлогом *в*:

И не вниде *в землю* обѣтованую. Лавр. л., 94. Князь же Всеволодъ възвративъся от Коломны. приде опять *въ землю* свою. Сузд. л., сп. Лавр., 384.

При глаголах, обозначавших движение по направлению к данной территории без вступления в нее, также отмечалась альтернативность предлогов *в* и *на*:

Примеры с предлогом *в*:

Волъга, яже идсть на встокъ, *въ часть* Симову. Лавр. л., 3. Онъ же устремися *въ Святую Гору*. Там же, 152. Рища

въ тропу Трояню чрєсъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви того внуку. Сл. о полк. Иг., 67.

Примеры с предлогом *на*:

То вести его *на* княжь *дворъ*. П. Р. (Ак.), 72. Князь Ярославъ съ Новогородци. постиже Литву на Дубровнѣ... и отъяша у них 300 конь. и с товаромъ... а сами побѣгоша *на лѣс*. Сузд. л., сп. Ак., 513. Рища... чресъ поля *на горы*. Сл. о полк. Иг., 67.

. При глаголах направленного движения с предлогами *на* и *в* обычно употреблялся винительный падеж для обозначения места, куда направлено движение, например:

Изиди из дому отца своего *въ землю*, въ нюже ти покажю. Лавр. л., 90. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ *на воду*. Сл. о полкъ. Иг., 75.

Однако в отдельных случаях можно отметить употребление в памятниках письменности конструкции «*в* плюс местный падеж», например:

Яко стрѣлы твоя уньзоша *во мнѣ*. Лавр. л., 130.

При тех же глаголах отмечаются случаи употребления конструкции «*на* плюс местный падеж», например:

И насунуша й копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша *на немъ*, прободоша съ нимь. Лавр. л., 131. Чему, господине, простре горячюю свою лучю *на ладѣ* вои? Сл. о полк. Иг., 75.

Эти факты можно объяснить тем, что первоначально при глаголах направленного движения употребителен был при предлогах *в* и *на* не только винительный, но и местный падеж; в последующей истории местный падеж при предлогах *в* и *на* в указанном значении отсеялся, а винительный полностью закрепился. Сохранение памятниками случаев употребления при глаголах направленного движения местного падежа с предлогами *в* и *на* является признаком незавершенности указанного процесса ко времени появления древнерусских памятников.

При глаголах ненаправленного движения с предлогами *в* и *на* обычно употреблялся местный падеж, например:

Аще ли не будеть *на немь* знамения, то привести ему видокъ. П. Р. (Тр.), 106. Утру князю кровавыя его раны *на* жестоцѣмъ его *тѣлѣ*. Сл. о полк. Иг., 74. Игорь князь *въ Руской земли*. Там же, 76. Господи! утверди мя *в мѣстѣ* семь. Лавр. л., 153.

Однако в единичных случаях отмечаются примеры употребления при глаголах пребывания конструкции «*на* плюс винительный падеж» и «*в* плюс винительный падеж», например:

Отъ нихже первие Сирии, живущеи *на конець* земля. Лавр. л., 13. Отъ нихъже Кривичи, иже сѣдять *на верхъ* Волги, и

на верхъ Двины и *на верхъ* Днѣпра. Там же, 10. Во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и *в конець* вселеныя глаголи ихъ. Там же, 81.

Полагаем, что конструкции последнего рода являются пережитком того состояния, когда при глаголах пребывания или ненаправленного движения с предлогами *в* и *на* употреблялся не только местный, но и винительный падеж; употребление винительного падежа в основном отсеялось уже в древнейшее время.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» употреблялась с именами существительными, обозначающими страны света по движению солнца; в этом случае конструкция «*на* плюс винительный падеж» обозначала направление в сторону юга, востока, севера и запада, например:

Днѣпръ... потечеть *на полъдне*. Лавр. л., 6. В Радз. сп.: «на полудень». Волъга, яже идеть *на встокъ*. Там же, 3.

В таком значении конструкция «*на* плюс винительный падеж» сохраняется и в современном русском языке.

С именами существительными, обозначающими неодушевленные предметы, конструкция «*на* плюс винительный падеж» обозначала направление действия на поверхность предмета, указанного именем существительным в винительном падеже, например:

Бориса же Вячеславлича слава *на судъ* приведе, и на ковылу зелену паполому постла. Сл. о полк. Иг., 69. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити *на колеса* корабля. Лавр. л., 29. (Из Радз. сп.). Сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ (тлъковинъ) великый женчюг *на лоно*. Сл. о полк. Иг., 71.

В таком значении конструкция «*на* плюс винительный падеж» употребляется и в современном русском языке. Та же конструкция с именами существительными, обозначающими одушевленные предметы, имеет объектное значение, ср.: «Вcѣдъ *на конь,* въбреде *в рѣку*». Лавр. л., 140.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» имеет объектное значение и в том случае, когда имя существительное обозначает инструмент, орудие, например:

Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты *на* живая *струны* въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. Сл. о полк. Иг., 66.

С именами существительными, не обозначающими конкретные предметы, конструкция «*на* плюс винительный падеж» может получать переносное значение, например:

Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, *на жизнь* Всеславлю. Сл. о полк. Иг., 73. Уже тресну нужда *на волю*. Там же, 71.

Конструкция «*в* плюс винительный падеж» при глаголах направленного движения обозначала направление движения или место, куда направлено данное действие с моментом вступления в это место или безотносительно к вступлению в него.

Значение направления представлено в следующем примере:

Расъсѣю вы (и) вся останки ваша *во вся вѣтры,* зане святая моя осквернисте. Лавр. л., 96.

Обычно при глаголах совершенного вида конструкция «*в* плюс винительный падеж» обозначает место, куда направлено данное движение с моментом вступления в него, например:

Ризу с пѣсньми изнесъше *въ рѣку* омочиша. Лавр. л., 21. И поиде Володимеръ в лодьяхъ и придоша *в Дунай.* Там же, 150.

Ср. в переносном смысле:

И възложи сему Богъ *в сердце* въ страну ити. Лавр. л., 152.

При глаголах несовершенного вида конструкция «*в* плюс винительный падеж» обозначает место, куда направлено действие или движение без указания на момент вступления в это место, например:

Иде Ольга *въ Греки.* Лавр. л., 59. Идѣте *во* вся *языкы.* Там же, 101.

Ср. при имени существительном:

Путь изъ Варягъ *въ Греки.* Лавр. л., 6.

При глаголах пребывания или ненаправленного движения, как было указано выше, местный падеж употреблялся с предлогами *на* и *в,* ср.: *жил въ Москве и жил на Москве* и т. п. При глаголах направленного движения имена существительные, обозначающие народы и населенные пункты, употреблялись только с предлогом *в.* Примеры.

В винительном падеже названия народов:

И приде *въ Словѣни.* Лавр. л., 7. Идѣте паки *въ Нѣмци*... оттудѣ идѣте *въ Греки.* Там же, 105. Яко аще возъвращюся *въ Русь,* многи дары прислю ти. Лет. Нест., 32.

В винительном падеже названия населенных пунктов:

И приде *въ градъ* свой *Киевъ.* Лавр. л., 58. Он (Изяслав) же оставивъ брата Стополка в Полотьскѣ. и приде *въ Переяславль.* Сузд. л., сп. Лавр., 302.

Такое употребление конструкции «*в* плюс винительный падеж» сохранилось и в современном русском языке.

§ 172. Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в древнерусском языке могла употребляться для обозначения места, от которого начинается движение, например:

Отрѣвайте его *отъ берега.* Лавр. л., 114. Половци идуть отъ Дона и *отъ моря.* Сл. о полк. Иг., 68. Игорь мыслию поля мѣритъ *отъ* великаго *Дону* до малаго Донца. Там же, 75.

В этом значении конструкция «*от* плюс родительный падеж» употребляется и в современном русском языке.

При обозначении территории, из пределов которой начинается движение или действие, в древнерусском языке употреблялся родительный падеж с предлогом *от* и *из*. Предлоги *от* и *из* являлись взаимоисключающими альтернантами, из которых один должен был отсеяться, а другой закрепиться в качестве необходимого средства общения.

Примеры с предлогом *от*:

Поставъ приведе мастеры *отъ Грекъ*. Лавр. л., 119. Аще ускочить челядинъ *отъ Руси*... Там же, 48. Скочи *отъ нихъ* лютымъ звѣремъ. Сл. о полк. Иг., 73.

Примеры с предлогом *из*:

И обрѣтеся тогда Михаилъ чернець манастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ *изъ Грекъ*. Лавр. л., 156. Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь *изъ Варягъ* въ Греки и *изъ Грекъ* по Днѣпру. Там же, 6. Игореви князю богъ путь кажетъ *изъ земли Половецкои* на землю Рускую. Сл. о полк. Иг., 75. Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ *изъ заморья*. Лавр. л., 74 Днѣпръ бо потече *изъ Оковского лѣса*. Лавр. л., 6.

Названия городов, откуда происходит действие или начинается движение, также употребляются с предлогами *от* и *из*.

Примеры с предлогом *от*:

И повѣси щитъ свой въ вратехъ. показуа побѣду, и поиде *отъ Царяграда*. Лавр. л., 31, из Радз. сп. И приведоша ему жену *отъ Пьскова*, именемъ Олгу. Там же, 28, из Радз. сп. Князь же Всеволодъ възвратився *от Коломны*. Сузд. л., сп. Лавр., т. I, в. 2, 384.

Примеры с предлогом *из*:

И тако исчезнуша *изъ града* скоропиа и комарье. Лавр. л., 39, из Радз. сп. В ту же нощь приде ему вѣсть *ис Кыева* отъ сестры его Передъславы. Там же, 137. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи *изъ Бѣлаграда*. Сл. о полк. Иг., 73.

Названия, обозначающие сооружения, орудия и всякие предметы, из внутренних пределов которых исходит движение или действие, также употреблялись с двумя предлогами: *от* и *из*:

Примеры с предлогом *от*:

Не вънимай злѣ женѣ, медъ бо каплеть *отъ устъ* ея. Лавр. л., 78. Есть же могыла его въ пустыни и до сего дне, исходить же *отъ нея* смрадъ золъ. В Радз. и Ак. сп.: «из» Там же, 142. И ты въ крови завѣта твоего испустилъ еси ужники своя *ото ръва*, не имуща воды. Там же, 99.

Примеры с предлогом *из*:

Выскакаша вси прочии *изъ лодья.* Лавр. л., 22. Ту Игорь князь высѣдѣ *из сѣдла* злата. Сл. о полк. Иг., 70. Єдинъ же изрони жемчюжну душу *изъ* храбра *тѣла.* Там же, 73. Изиди *из дому* отца своего. Лавр. л., 90.

Переносно:

Княгини моя подѣлить того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои *изъ* ее *воли* не вымутъ. Дух. и дог. грам. кн. вел. и удел., 22. Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени; уже бо выскочисте *изъ* дѣдней *славѣ.* Сл. о полк. Иг., 73.

Названия рода, племени, народа, из среды которых выступает отдельный представитель, также употреблялись с предлогами *от* и *из.*

Примеры с предлогом *от*:

Мы отъ рода Рускаго съли и гостье. Лавр. л., 45. Радимичи бо и Вятичи *отъ Ляховъ.* Там же, 11. Сему Давыду кляся Богъ, яко *отъ племене* его родитися Богу. Там же, 95. Си суть свой языкъ имуще, *отъ колена* Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ. Там же, 10.

Пример с предлогом *из*:

И се мужь *из народа* възъпи гля. Остр. ев., Лк., IX, 38, Срезн.

В этой группе количественный перевес явно падает на альтернант *от.*

Во всех перечисленных выше группах альтернативности в употреблении предлогов *от* и *из* в последующей истории языка возобладал предлог *из*, а предлог *от* отсеялся, как не выдержавший испытания времени.

Названия стран света, откуда исходит движение, употреблялись с предлогом *от*, например:

И прочии, ти же присѣдять *отъ запада* къ полуденью. Лавр. л., 4. Пришедше *отъ въстока* и устремишася чересъ горы великия,... и почаша воевати. Лавр. л., 24.

В современном русском языке употребляется предлог *с*, ср.: *С запада на восток; ветер дует с востока; они приехали с юга* и т. п.

Предлог *с* находим в современном русском языке в соответствии с *от* в следующем случае:

Придѣте, вложимъ древо въ хлѣбъ его, истребимъ *отъ земля* животъ его. Лавр. л., 99.

Предлог *с* можно отметить и в соответствии с предлогом *из*, ср.:

В се же лѣто (1301) быс буря силна в Ростовѣ. цркви 4 *изъ основания* изверже. Сузд. л., сп. Ак., т. I, в. 3, 528.

Конструкция «*с* плюс родительный падеж» употреблялась в древнерусском языке и продолжает употребляться в современном русском языке в значении территории, откуда направляется движение, например:

А погании *съ всѣхъ странъ* прихождаху. Сл. о полк. Иг., 70. У Киева бо бяше перевозъ тогда *съ* оноя *стороны* Днѣпра. Лавр. л., 9. Се вѣтри... вѣютъ *съ моря* стрѣлами. Сл. о полк. Иг., 68. Итти дождю стрѣлами *съ Дону* великаго! Там же, 68.

Конструкция «*с* плюс родительный падеж» употреблялась и продолжает употребляться в значении возвышенного места, откуда осуществляется действие, например:

Стрѣляеши *съ* отня злата *стола* салътани за землями. Сл. о полк. Иг., 72. Ср. в современном русском языке: *стреляли с крыши, с колокольни.*

Конструкция «*с* плюс родительный падеж» употреблялась и продолжает употребляться в значении движения с более высокого места на более низкое место, например:

И сълѣзъ *съ горы* сея. Лавр. л., 7. И спехнуша Ольга *съ мосту* в дебрь. Там же, 73. Въвръжеся на бръзъ комонь и скочи *съ него* босымъ влъкомъ. Сл. о полк. Иг., 75.

Конструкция «*с* плюс родительный падеж» могла употребляться и при глаголах пребывания, например:

Полата же Володимеря *съ края* церкве стоить и до сего дне. Лавр. л., 109.

В современном русском литературном языке оборот «стоит *с* края стола» (= у края стола) уже невозможен.

Глава IX

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМ В ЗНАЧЕНИИ ВРЕМЕНИ

1. Развитие предложных форм для обозначения времени безотносительного к другому времени

В древнерусском языке употреблялись различные предложные конструкции для обозначения прямого времени, т. е. времени, выражавшегося безотносительно к другому времени, и относительного времени, т. е. времени, выражавшегося относительно другого времени.

В прямом времени различались два значения: значение определенного времени, не полностью занятого действием, и значение определенного времени, полностью занятого действием.

1. Для обозначения неопределенного времени в качестве момента внутри определенного периода в древнерусском языке употреблялся ряд конструкций, подвергшихся в последующей истории языка различным изменениям.

§ 173. Для обозначения указанного времени употреблялась и конструкция «*о* плюс винительный падеж». Размеры определенного времени выражались лексическим значением имени существительного в винительном падеже. Состав имен существительных, употреблявшихся в рассматриваемой конструкции, был более обширен, чем в современном русском языке: в него входили названия частей суток, праздников, частей дня по жизненному распорядку, например:

Об нощь вьсю труждьшеся, ничесо же не яхомъ. Остр. ев., Лк., V., 5, Срезн. Ср. то же в толковой псалтыри XII в.: Бѣ бо постяся и *объ нощь* прѣбывая въ пустыняхъ, яко же есть псано. *О се чинь* (= в то же время) же сѣдяста 2 брата въ манастыри. Лавр. л., 203. Тои же зимы *о крещение.* Твер. л., 6894 г., Срезн. Мьстиславъ же, *о светъ* заутра, видѣвъ ле-

жачиѣ сѣчены отъ своихъ Сѣверъ Варягы Ярославлѣ, и рече... Лавр. л., 145.

В современном литературном языке употребление предложной формы «*о* плюс винительный падеж» в указанном значении весьма ограничено:

Не знаю я, сколько в этом доблести, что мы с этими полячишками *о сю пору* возимся. Леск., Соб. Если *о сю пору,* я так боюсь. Дост., Прест. и Наказ. Она приезжала раз в год на святки *об масленицу* погостить в Москву с своей теткой. Герц. Б. и д.

У современных писателей эта конструкция встречается главным образом в диалектной речи персонажей:

Я *о ту пору* мал-ребенок был. Горьк., Детство, 72. Но-но, вчера еще бабенка белый конверт принесла *о полдень,* да забыла отдать. Горьк., В людях.

По говорам круг имен, которые употребляются в этой форме для обозначения времени, многообразнее:

Лопоти у ево поди колько, *о* кажной *праздник* рядится в иной наряд. Подвыс. Сл. обл. арх. нар., 104. Это было *о* прошлое *воскресение.* Мы *о пасху* уедем, а в покров воротимся. Прошлого года *об эту же пору, о ту пору* случился тут брат.

Развились темпоральные наречия такого происхождения: *обночь* — «через ночь, завтра утром»; *обночь* — «в эту ночь». Даль, II, 580.

§ 174. В том же временном значении употреблялась в древнерусском языке конструкция «*о* плюс местный падеж», например:

Въста угъ вѣтръ съ снѣгомъ... на память святаго архистратига Михаила *о обѣднѣи.* Новг. I л., 6853 г., Срезн. Того же лѣта *о госпожинѣ* дни поиде Витовтъ съ силою Литовскою. Твер. л., 6903 г., Срезн.

Изредка употребление формы «*о* плюс местный падеж» встречается и в современном литературном языке, например:

Когда-то, *о весне,* зверями в надсмотрщики Медведь был выбран над ульями. Крыл., Медв. у пчел. *О посту* как-то о великом я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка. Остр., Гроза. Как-то *о* великом *посте* заиграл ветер. Горьк., Детство. Как раз *о празднике* было дело. Бажов.

Употребление рассматриваемой формы в произведениях литературы следует квалифицировать в качестве отражения местных диалектных особенностей в речи персонажей [1].

---

[1] Следует отметить, что в «Грамматике» Ломоносова, а также у Греча и Буслаева данная конструкция не рассматривается в качестве диалектной: у Ломоносова: о *Рождестве, о Петрове дне;* у Греча: о *святой неделе, о Николине дне*; у Буслаева: о святках.

Диалектно такое употребление формы «*о* плюс местный падеж» засвидетельствовано Далем: «*о святках* буду у вас»; «мы *о пасхе, о пасху* всегда в деревне бываем»; «*о полуночи*». Даль, II, 581; «без отдоху робим, и *о празднике* и в будне». Подвыс., Сл. обл. арх. нар., 104.

В современном белорусском языке эта форма нормально употребляется для обозначения определения момента времени: «*а семай гадзіне* адбудецца сход» — «в семь часов состоится собрание».

§ 175. Конструкция «*по* плюс винительный падеж» обозначала в древнерусском языке повторность неопределенного момента времени в периоды, указанные именем существительным в винительном падеже; если повторность обозначалась безотносительно к пределу, то определением к имени существительному служит местоимение *весь*, например: И тако *по вся лѣта* тзоряше. Лавр. л., 122. И то творять *по вся дни.* Там же, 8. А Владимиръ *по вся утра* уши закладаше. Сл. о полк. Иг., 69.

Эти обороты продолжали употребляться и в памятниках XVII в., например:

Отроци жа *по вься вечери* пакости ему деяху. Жит. Ал. ч. бож. Тружает их сухотою *по вся часы*. Ярыж., 90.

Отдельные случаи употребления этой формы засвидетельствованы у современных писателей в церковно-религиозных сентенциях, например:

Да пребудет святое имя твое со мною *по вся дни* и *часы* живота моего. Горьк., В людях.

Если повторность была ограничена определенным числом, то перед именем существительным стояло имя числительное, например:

А въ Вятичи ходихомъ *по дъвѣ зимѣ* на Ходоту и на сна его. Поуч. Вл. Мон., 81, Срезн. Паде метыль густъ... *по 2 нощи,* а *по 4 дни*. Новг. I л., 6635 г., Срезн.

В последующей истории языка обороты типа «по вся дни», «по вся вечеры» вытеснены оборотами «каждый день», «каждый час», «каждый вечер». Оборот «по дъвѣ зимѣ», «по три нощи» также вышел из употребления. Однако, ср. у П. П. Бажова: «Так мои разведки и лежали не *по один год*».

В современном русском языке конструкция «*по* плюс винительный падеж» сохранилась для обозначения, как говорит Востоков, «протяжения времени, коему пределом служит какое-либо число или указание» [1], например: «Так они и *по сей день* держатся». Горьк., Детство. Ср.: *выдали заработную плату по 1-е число*. Такие сочетания, как «по первое число», «по

[1] А. Х. Востоков. Русская грамматика, стр. 150.

настоящее время» являются нормой современного русского языка.

§ 176. Для обозначения неопределенного времени как момента внутри определенного времени в древнерусском языке употреблялась конструкция «*по* плюс дательный падеж», имена существительные, лексическое значение которых указывало пределы определенного времени, встречались как в единственном, так и во множественном числе, например:

Варять кичирисъ съ сахаромъ, да кормять кони, да съ масломъ *по рану* же дають шьшени. Афан. Никит., 333, Срезн. Что ся дѣетѣ *по вѣремьнемь*, то отидѣто *по вѣремьнемь*. См. гр. 1229 г.

В последующей истории языка судьба множественного и единственного числа имен существительных, употреблявшихся в рассматриваемой конструкции, оказалась неодинаковой. Употребление имен существительных в единственном числе постепенно отмирало; у писателей старшей поры конструкция «*по* плюс дательный падеж единственного числа» встречается еще относительно часто, например:

По утру вышел (я) словно угорелый. Тург., Уезд. лек. Он в море корабли отправил *по весне* (= весною). Крыл., Форт. и Нищ. Ср. у Даля: «Не хорони рыло *по зазимью*, еще до крещения далеко». III, 122. Пословица: «Цыплят *по осени* считают».

Буслаев, Греч считали возможным употребление форм: *по утру, по вечеру, по зиме, по лету, по осени.*

У современных писателей в рассматриваемой конструкции в единственном числе встречаются только имена существительные *весна, осень* и *зима* и притом главным образом в речи персонажей, например:

Вот *по весне* позвала в сад кормщика Василия, а сама батюшке сказала, чтоб хорошенько этого холопа проучить. Бажов. *По осени,* запасая дрова на зиму, в лес снаряжались десятки людей. Горьк., В людях. Чижей тебе, Коля, *по зиме* ловить да ноги в потолок задирать. Панф., Бруски.

У Бажова встречаются и другие имена существительные:

Вишь холодно в избе-то *по осеннему времени.* Ну, отстали *по времени* (временно). Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчонку *по шестому году* никому не надо.

По своему значению *по осени, по зиме* чередуются с творительным падежом ед. числа от этих существительных: *осенью, зимой.* Рассматриваемая конструкция характеризуется тем, что она может сочетаться с глаголами совершенного вида типа: *по осени он приехал в деревню.* Значения повторности

действия при глаголах совершенного вида эта конструкция не имеет.

Употребление имен существительных во множественном числе в последующей истории не отмирало. Конструкция «*по* плюс дательный падеж множественного числа» в современном русском языке закрепилась для обозначения неопределенной повторности, неопределенного времени по периодам, которые выражены лексическим значением имени существительного во множественном числе. Эта конструкция сочетается с глаголами несовершенного вида и указывает на то, что действие осуществляется неопределенное время в период, обозначенный именем существительным в дательном падеже множественного числа, и неопределенное число раз повторяется в те же периоды времени с перерывами между ними.

Для обозначения времени с предлогом *по* употребляются следующие существительные в дательном падеже:

1) Названия частей суток *(ночь, вечер, утро)*.

По вечерам на крыльце дома собиралась компания. Горьк., В людях. Из труб куреней *по утрам* строевым лесом высятся прямые оранжевые стволы дыма. Шол., Подн. цел. Степан *по ночам* мечется в постели. Панф., Бруски.

2) Названия дней недели.

По субботам... в кухне начиналась неожиданно забавная жизнь. Горьк., Детство, 37. *По воскресеньям* молодежь ходила на кулачные бои к лесным дворам. Горьк., В людях.

3) Существительные *праздник, будни.*

По праздникам я частенько спускался из города в «Миллионную улицу». Горьк., В людях, 493. *По будням* к утреннему чаю покупали два фунта пшеничного хлеба. Там же.

Ср. у П. П. Бажова: «Теперь вон *по осеням* под самым заводом воют, а тогда их (волков) было — сила».

Как указано выше, конструкция «*по* плюс дательный падеж множественного числа» употребляется обычно с глаголами несовершенного вида. Однако в повествовании для оживления рассказа эта конструкция может употребляться и с глаголами совершенного вида: «Бывало *по вечерам* вычистив лошадей, они соберутся в кружок». Горьк., В людях.

Рассматриваемые обороты, содержащие в своем составе имена существительные, обозначающие части суток, равнозначны с творительным падежом множественного числа тех же имен существительных и чередуются с ними: *по вечерам — вечерами, по ночам — ночами, по утрам — утрами,* но соотношение *по дням — днями* отсутствует. Обороты «*по* плюс дательный падеж множественного числа», содержащие в своем составе имена существительные, обозначающие дни недели, не чередуются с творительным множественного числа соответствую-

щих имен существительных: возможен оборот «работал *по субботам*», «работал *по воскресеньям*», но невозможен оборот с творительным падежом множественного числа соответствующего имени существительного; однако соотношение «работал *по праздникам*» и «работал *праздниками*» возможно.

Таким образом, в истории русского языка происходило отмирание употребления имен существительных в обороте «*по* плюс дательный падеж» только в единственном числе; во множественном числе имена существительные в указанном обороте употребляются, а сам оборот закрепился для выражения специфического временного значения.

§ 177. Конструкция «*на* плюс винительный падеж» в древнерусском языке широко употреблялась для обозначения неопределенного времени, являющегося моментом внутри того времени, которое обозначено именем существительным в винительном падеже. В составе этой конструкции употреблялись названия частей суток, времен года, праздников и других отрезков времени.

1) Названия частей суток.

Убьенъ же быс... въ субту *на ночь*. Лавр. л., л. 124 об. *На заутрие* обрѣтеся крѣс чстныи Володимирь. I Новг. л., 6577 г., Срезн.

2) Названия времен года.

На весну почяша пьсати стую Софию. I Новг. л., 6616 г., Срезн. Оттуда пакы *на лѣто* Володимерю опять. Поуч. Вл. Мон., Срезн.

3) Названия праздников.

И възвращашеться Кыеву *на Успенье* святыя Богородица. Лавр. л., 122. Слышавши же то князь Олегъ рязанскы, яко уже князь великый Дмитрий... грядетъ *на срѣтение* безбожному Мамаю. Сказ. Мам. поб., 29.

4) Другие названия отрезков времени.

Соломонъ премудрыи... *на старость* приразн к Богу и, женами прельстивъся, погыбе. Кир. Тур., Сл. о расл., Срезн.

В последующей истории русского языка употребление конструкции «*на* плюс винительный падеж» в рассматриваемом значении постепенно отмирало. В современном русском языке она сохраняется в единичных случаях, например: «*На утро* двадцать три быка не смогли встать с пола». Шол., Подн. цел. Возможны обороты: «работал *на пасху*», «работал *на рождество*». Но эти обороты признаются архаическими. Ср.: Ты, Макарушка, *на Первое мая* о мировой революции с полдень до закату солнца говорил». Шол., Подн. цел.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» в рассматриваемом значении в современном русском языке употребляется только при наличии определяющего слова, указывающего на

последующее положение данного неопределенного отрезка времени за другим отрезком времени. В этой конструкции употребляются:

1) Имена существительные с определением, обозначающие сутки, части суток и т. п.:

А *на другое утро* он дружески сказал мне. Горьк., В людях. Дома он трое суток напивался дымкой, плакал пьяный, *на вторую ночь* сжег сарай на перерубе. Шол., Подн. цел. Улица *на сорок первый день* показалась ему какой-то иной. Панф., Бруски. *На четвертые сутки* после этого я ушел из дома. Горьк., В людях.

2) Существительные, обозначающие названия какой-либо временной единицы или вообще времени (*год, час, месяц* и др.):

Он *на следующий год* у Гнилого болота на огороде посеет свеклу. Панф., Бруски. А *на четвертый год* уж и водоливом пошел. Горьк., Детство.

В этих сочетаниях значение неопределенного времени внутри определенного времени ставится в связь с предшествующим отрезком времени и осуществляется как последующее за ним время. В этом своем специфическом значении рассматриваемая конструкция и закрепилась в современном русском языке.

§ 178. В значении неопределенного времени, являющегося моментом внутри определенного времени, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*на* плюс местный падеж». В этой конструкции употреблялись имена существительные, обозначающие век, час, день и др., например:

Аще ли преступить кто, то и здѣ прииметь казнь и *на придущемь вѣцѣ* казнь вѣчную. Лавр. л., 168. *На седьмомъ вѣцѣ* Трояни връже Всеславъ. Сл. о полк. Иг., 73. Сълипали бо ся бяху *на мале часу*. Новг. I л., 6683 г., Срезн. *На зною* и *на зимѣ*. Поуч. Вл. Мон., Срезн. Велѣлъ есмь бити въ не *на обѣдѣ*, коли игуменъ обѣдаеть. Гр. 1130 г., Срезн.

В современном русском языке конструкция «*на* плюс местный падеж» в рассматриваемом значении употребляется только с именем существительным, обозначающим день, а также с именами существительными, обозначающими отрезки времени по положению солнца; слово *день* употребляется по преимуществу во множественном числе, например: «*На днях* вот какой-то олух в парнике у меня все стекла поколотил». Панф., Бруски.

Существительное *день* употребляется и в единственном числе, например: «Она *на дню* по нескольку раз забегала к Чухлявым». Панф., Бруски.

Предлог *на* в соединении с существительным *день* во множественном числе (*на днях*) употребляется как с глаголами совершенного вида, так и с глаголами несовершенного вида. Сочетанием *на днях* обозначается время нескольких дней, в один из моментов которого совершается действие.

Существительное *день* в единственном числе с предлогом *на* употребляется только с глаголами несовершенного вида. Глагол указывает на то, то действие совершалось несколько раз с перерывами в продолжение указанного срока (дня), например: «*на дню* несколько раз з а б е г а л а» (но не з а б е ж а л а). Ср. *на днях* з а б е г а л а (и з а б е ж а л а).

Имена существительные, обозначающие части суток, называемых по положению солнца, употребляются только в единственном числе, например:

Пчелкин очнулся *на заре.* Панф., Бруски. Вот и мы трое идем *на рассвете* по зелено-серебряному росному полю. Горьк., В людях.

С предлогом *на* употребляются существительные, обозначающие действие, во время которого происходит другое действие:

Искры гаснут *на лету.* Полонский [1]. Причем она постоянно старалась и *на бегу* и при остановках брать такие обороты, чтобы лица ее никому не было видно. Лесков [2].

Глагол несовершенного вида может придавать конструкции значение повторности: *На заре у омутов плещется рыбка.*

§ 179. В том же значении неопределенного времени в качестве момента внутри определенного времени употреблялась в древнерусском языке и конструкция «*в* плюс местный падеж». В составе этой конструкции употреблялись названия частей суток, времени года, например:

Бываше *въ нощи* тутъ... по семь же начаша *в дне* являтися на кониxъ. П. В. Л., 6600 г., Срезн. То же бысть *въ утрѣ.* Новг. I л., 6850 г., Срезн. Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ *въ плъночи* изъ Бѣлаграда. Сл. о полк. Иг., 73. *В* семь же *лѣтѣ* приходи Болушь с Половьци. Лавр. л., 158.

В последующей истории русского языка происходило отмирание употребления этих имен существительных в указанной конструкции. У современных писателей можно отметить примеры, которые содержат в себе указание на их книжное церковно-богослужебное происхождение, вроде: «И пришли ко дьяку *в нощи* бесы». Горьк., Детство, или примеры, которые содержат в себе указание на их диалектное происхождение, вроде: «*В* раннем *утре* все еще спали». Панф., Бруски.

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, М., 1947, стр. 692.
[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 377.

В современном русском языке употребляются следующие имена существительные в рассматриваемой конструкции —

1) Названия месяцев без определяющего слова.

В октябре Андрей крыл ей хату чаканом. Шол., Подн. цел. Каждогодно *в июле* небо затянуто мутно-желтым дымом. Горьк., В людях.

2) Названия временных единиц с порядковым определением; сюда относятся:

а) Существительное *год* в единственном числе (*в прошлом году; в этом, в том году; в будущем году*):

В восемнадцатом году Разметнов на короткий срок вернулся в Гремячий Лог. Шол., Подн. цел. Я, брат, *в этом году* взял подрядов на ярмарке тысяч эдак на сорок — понимаешь? Горьк., В людях, 454. Двигатель-то у вас еще *в прошлом году* отняли. Шол., Подн. цел.

б) Существительное *час* в единственном числе: *в первом часу.*

в) Существительное *число* во множественном числе: *в первых числах, в последних числах.*

г) Существительное *месяц,* если при нем находится собственное название месяца или определение: *в марте месяце, в прошлом месяце, в будущем месяце.*

3) Существительные *начало, конец, середина, половина* с дополнением.

А *в середине лета* многие крестьяне с маху попродали все свое хозяйство до нитки. Панф., Бруски. *В конце января,* овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады. Шол., Подн. цел. Уже *в начале рассказа* бабушки я заметил, что «Хорошее дело» чем-то обеспокоен. Горьк., Детство.

4) Слова, указывающие на определенный период возраста человека:

В детстве я представляю сам себя ульем. Горьк., Детство. Ты, вот, пароходом прибыл, пар тебя вез, а я *в молодости* сам своей силой супротив Волги баржи тянул. Там же.

5) Сочетание *в девушках.* Для обозначения времени существительное ставится только во множественном числе:

Еще *в девушках* ее барин напугал. Горьк., Детство.

6) Существительные *прошлое, будущее:*

Получи, дорогой наш товарищ, наш братский подарок тебе в награждение, и чтобы ты, прах тебя дери, *в будущем* также ударно работал. Шол., Подн. цел. Секретарь ячейки и предсельсовета — хорошие ребята, красные партизаны *в прошлом.* Там же.

Таким образом, круг существительных, употребляющихся с предлогом *в* в предложном падеже для обозначения времени, ограничен определенными разрядами.

§ 180. Для обозначения неопределенного времени как момента внутри определенного времени в древнерусском языке употреблялась и форма «*в* плюс винительный падеж». Без определений в состав этой конструкции входили:

1) Названия дней недели.

Съ зарания *въ пятъкъ* потопташа поганыя плъкы Половецкыя. Сл. о полк. Иг., 68. А *въ сред(у)* рѣзану, въ три же сыры, *въ пятницу* тако же. П. Р., Ак., 73.

2) Названия времен года.

Скажемъ, что ся здѣя *въ лѣта* си..., а по ряду положимъ числа. Лавр. л., 17. А въ Русу ѣздити, княже, *въ осень*. Пам. ист. вел. Новг., 18.

3) Названия частей суток.

А самъ *въ ночь* влъкомъ рыскаше. Сл. о полк. Иг., 74. (И) помыслиша создати столпъ до небесе, *въ дни* Нектана и Фалека. Лавр. л., 4.

4) Названия событий определенного времени.

Въ куры поюща. Ев. 1307 (= в то время, когда куры пели). Срезн. Дьржа Русьскую землю *въ* свое *княжение*. Гр. 1130 г., Срезн. Бѣ бо уже *в заморозъ*. Лавр. л., 139.

5) Слова *начало, конец*.

В начало створи Богъ небо и землю въ первый день. Лавр. л., 85. *Въ коньць* жития... Ефр. Корм. Анк., 22, Срезн.

Названия частей суток употреблялись в рассматриваемой конструкции и с определением:

А познають и *въ третии день*. П. Р., Ак., 70. Темно бо бѣ *въ тъ день*. Сл. о полк. Иг., 71.

С определением употреблялись и другие имена существительные:

Въ си же времяна быша и Обри. Лавр. л., 11. То было *въ ты рати*. Сл. о полк. Иг., 69.

В последующей истории русского языка происходило сокращение употребления имен существительных без определений в изучаемой конструкции; в современном русском литературном языке только названия дней недели свободно употребляются в конструкции «*в* плюс винительный падеж» для обозначения определенного времени, внутри которого выделяется неопределенное время как момент, например:

Однажды *в субботу*, рано утром, я ушел в огород Петровны ловить снегирей. Горьк., Детство. К моим хозяевам она явилась *в будни* утром. Горьк., В Людях.

У отдельных писателей можно отметить в этой конструкции названия частей суток и времен года без определений; такие обороты носят отпечаток диалектного происхождения, например:

В ночь — в реке ледохода, в сырости весны, из густой тьмы степей хлестал набат. Панф., Бруски. *В осень* прошлого года он ехал из Илим-города на дрожках. Там же.

Круг имен существительных, употребляющихся в данной конструкции с определениями, гораздо обширнее. Сюда относятся:

1) Названия дней недели.

А в каком ты (тулупе) *в прошлое воскресенье* в церковь ходил? Шол., Подн. цел. Ба-атюшки, сковорода-то скоромная, поганая, не выжгла ведь я ее *в чистый-то понедельник*, го-осподи! Горьк., В людях.

2) Названия частей суток в ед. и во множ. числе.

В это утро Шленка видел, как Яшка без разбора, с плеча серпом рубил ветельник. Панф., Бруски. Однажды, *в такой вечер* дед был нездоров. Горьк., Детство. Но особенно он памятен мне *в праздничные вечера.* Там же. Как-то раз, *в особо темную ночь*, вывел его (коня) из мякинника. Шол., Подн. цел. Я заметил его *в первые же дни* жизни в доме. Горьк., Детство.

3) Названия времен года в ед. числе.

В нынешнюю зиму они вдвоем решили заарендовать Бруски. Панф., Бруски. А *в следующую осень* скирды пшеницы утыкали участок. Там же.

4) Названия *год, час, минута, миг, секунда, пора, время* в ед. и во мн. числе.

Тихон купил его (дом) *в голодный 22-ой* год за яловую корову и три пуда муки на соседнем хуторе Губянском. Шол., Подн. цел. *В те годы* Казенные здания ярмарки отходили в частную собственность торговцев. Горьк., В людях. Нельзя было не послушать ее *в этот час.* Горьк., Детство. Великая благостная тишина стояла *в полуденные часы* над степью. Шол., Подн. цел. *В свободные минуты* он непрерывно беспокоит усы. Горьк., В людях. А мне казалось, что вот *в следующую секунду* ударят в колокол. Там же, 220. *В этот миг* Половцев заносит левую ногу на порог. Шол., Подн. цел. А *в то же время* память, помимо воли моей, восстанавливает картины прожитого. Горьк., В людях. Эх, да мало что снилось наяву Якову Лукичу *в те незабываемые времена.* Шол., Подн. цел.

5) Названия событий определенного времени.

В хорошую погоду они рано утром являлись против нашего дома. Горьк., В людях. А сколько вот *в такую метель* снегу легло бы на пашнях. Шол., Подн. цел.

В истории русского языка происходила дифференциация по значению в конструкции «*в* плюс винительный падеж» в зависимости от того, употребляется ли в этой конструкции имя существительное с определением или без определения. Конструк-

ции, в состав которых входили имена с определениями, сохранили значение неопределенного времени как момента внутри определенного периода, выраженного именем существительным.

Конструкции, в состав которых входили имена без определений, за исключением названий дней недели, не сохранили указанного значения и развили другие значения, например значение срока: *сделал в день.*

§ 181. Конструкция «*при* плюс местный падеж» служила в древнерусском языке для обозначения неопределенного времени как момента в течение существования того или другого лица или продолжения того или другого события. В древнерусском языке в составе этой конструкции широко употреблялись собственные имена лиц, например:

И паки сице же бысть *при Устиньянѣ* цесари. Лавр. л., 161. Посемь же *при Неронѣ* цесари въ томъ же Иерусалимѣ восия звѣзда. Там же, 160—161. Паки идоша Угри Черниии мимо Киевъ, послѣже *при Олзѣ*. Там же, 11. А се покони вирнии были *при Ярославѣ*. П. Р., Тр., 105.

В составе этой конструкции употреблялись и нарицательные имена лиц, например:

Вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи *при видоцѣ*. П. Р., Ак., 71. По вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ... *при князи* и безъ князя. Лавр. л., 123.

В составе этой конструкции употреблялись и местоимения, например:

Якоже се и *при насъ* нынѣ Половци законъ держать отець своихъ. Лавр. л., 15. И *при семь* нача вѣра хрестьяньска плодитися и расширяти. Там же, 148.

В составе этой конструкции употреблялись названия событий, например:

А которыи члкъ *при* своемъ *животѣ* или пред смертию, а что дасть... пред сторонными людми, ино тому данемъ владѣть. Пск. судн. гр., Срезн. У Осипа было дело о той же жонке с Тимофеем Санчаковым..., а дело де было *при розборе,* как розбор был на Туле. Яков., Хол. Моск. г-ве, 392.

Конструкция «*при* плюс предложный падеж» употребляется и в современном русском языке. Пешковский указывает на то, что это сочетание означает время, в один из моментов которого совершается действие [1].

С предлогом *при* употребляются:

1) Слова, указывающие на историческое время или эпоху: *при Петре I, при Екатерине II, при капитализме.*

---

[1] **А. М. Пешковский Русский синтаксис в научном освещении, 1938, стр. 297.**

2) Слова, обозначающие событие, в один из моментов которого совершается действие: «Но *при* последних *словах* Давыдова он взглянул на него.» Шол., Подн. цел.

С отдельными именами существительными конструкция «*при* плюс местный падеж» имела в древнерусском языке значение момента, близкого по времени к событию, обозначенному именем существительным, например:

Облязи съ нама, яко *при вечерѣ* есть и прѣклонилъся есть дьнь. Остр. ев., Лк., XX, IV, 29, Срезн. Аще не будеть попа и диакона, а *при смерти,* да и причетникъ постражеть. Вопр. Феогн., 1272 г., Срезн. И *при девятомъ часѣ* испусти духъ Иссъ. Лавр. л., 101.

В единичных случаях употребление этой формы для обозначения близости по времени — «около, перед, к» известно и современному языку. Ср.: *Он был при смерти* (= перед смертью).

§ 182. В современном русском языке употребляется конструкция «*за* плюс творительный падеж» для обозначения неопределенного времени на протяжении существования того события, которое выражено именем в творительном падеже. Пешковский указывает, что предлог этот «употребляется... только с очень немногими существительными, ассоциативно связанными с теми существительными, при которых он имеет пространственное значение *(за обедом,* потому что *за столом)*» [1].

Практически встречаются только сочетания с существительными *завтрак, чай, обед, ужин.* Конструкции с предлогом *за* означают, что действие совершается не во весь период времени, названный существительным, а только в один неопределенный момент его. Существительные *обед, завтрак, чай и ужин* употребляются в ед. числе:

За ужином они угощают ее водкой, меня арбузами, дыней. Горьк., Детство. *За обедом, вечерним чаем и ужином* часто сидела зеленая старуха, точно живой кол в старой изгороди. Там же.

Следует отметить также такие обороты, как *час за часом, год за годом.*

Эти обороты означают действие, которое совершается после такого же действия того предмета, который обозначен в творительном падеже, например: *минута за минутой, день за днем, год за годом, праздник за праздником.*

§ 183. Для обозначения неопределенного времени как момента на протяжении осуществления какого-либо явления в со-

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 289.

временном литературном языке употребляется конструкция «*во время* плюс родительный падеж». В состав этой конструкции входят имена существительные, обозначающие те или другие исторические события, природные явления, какие-либо процессы и т. п., например:

Всю досаду, накопленную *во время* скучной *езды*, путешественник вымещает на смотрителе. Пушк., Станц. смотр. Василиса Егоровна, возвратясь домой... узнала, что *во время* ее *отсутствия* было у Ивана Кузьмича совещание. Пушк., Кап. д.

Эта конструкция чередуется с конструкцией «*в* плюс винительный падеж», например: «*В русско-японскую войну* он служил в 8-м Московском гренадерском полку». Фад., Мол. гвард.

В значении неопределенного времени как момента внутри более общего времени в современном русском языке используется оборот «*в ходе* плюс родительный падеж», ср.: «Немаловажную роль играет множество других веществ, образующихся *в ходе обмена* веществ в организме». «Вопросы философии» № 1, 1952, стр. 109.

В том же значении используется и конструкция «*в процессе* плюс родительный падеж», ср.: «Взаимные отношения людей *в процессе производства* представляют собою отношения содружества и социалистической взаимопомощи». «Вопросы философии» № 2, 1952, стр. 77.

§ 184. Таким образом, для обозначения неопределенного времени как момента внутри определенного периода времени, выраженного именем существительным, в древнерусском языке употреблялись следующие конструкции:

1) «предлог *о* плюс винительный падеж»,
2) «предлог *о* плюс местный падеж»,
3) «предлог *по* плюс винительный падеж»,
4) «предлог *по* плюс дательный падеж»,
5) «предлог *на* плюс винительный падеж»,
6) «предлог *на* плюс местный падеж»,
7) «предлог *в* плюс местный падеж»,
8) «предлог *в* плюс винительный падеж»,
9) «предлог *при* плюс местный падеж»,
10) «предлог *за* плюс творительный падеж».

Употребление некоторых из этих конструкций в последующей истории языка постепенно отмирало; так, конструкция «о плюс винительный падеж», например *о сю пору*, а также «*о* плюс местный падеж», например *о святках*, вышли из общенародного употребления и сохранились только в диалектном обиходе.

Употребление других конструкций частично постепенно отмирало, частично получало новое назначение. Так, вышла из

употребления конструкция типа «по вся дни»; конструкция «*по* плюс винительный падеж» сохранилась только для выражения предела времени, ср.: *по первое число.*

Конструкция «*но* плюс дательный падеж» с именами существительными в единственном числе вышла из общенародного употребления и стала достоянием диалектного обихода или пословичных выражений, например: *цыплят «по осени» считают*; с именами существительными во множественном числе эта конструкция сохранилась и получила значение неопределенной повторности неопределенного времени по периодам, указанным лексическим значением имени существительного в дательном падеже, например: *по утрам, по субботам* и т. п.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» с именами существительными без определений вышла из общенародного употребления и сохранилась лишь в диалектном употреблении, например: *на утро* в смысле «утром»; но та же конструкция с именами существительными, имеющими при себе определения, сохранилась и получила значение неопределенного времени внутри определенного периода времени, следующего за другим периодом времени, например: *на другое утро, на следующий день* и т. п.

Конструкция «*на* плюс местный падеж» в значении неопределенного времени внутри определенного периода сохранилась, главным образом, с названиями частей суток по положению солнца, например: *на заре, на закате*; в сочетании с именем существительным *день* эта конструкция стала фразеологическим сочетанием, например: *на дню семь пятниц, на днях вернулся с фронта;* с другими именами существительными эта конструкция вышла из употребления; в современном русском языке невозможны обороты «на зиме», «на часу» и т. п.

Конструкция «*в* полюс местный падеж» сохранила в своем составе только названия месяцев, например: *в июле*; другие имена существительные сохранились только с порядковым определением, например: *в прошлом году, в двадцатом году, в первых числах, в первом часу*; сохранились обороты «в половине первого», «в конце мая», «в начале мая» и т. п.

Конструкция «*в* плюс винительный падеж» в значении неопределенного времени внутри определенного периода сохранилась только с названиями дней недели, например: *в субботу, в пятницу* и т. п. С другими именами существительными без определений эта конструкция в указанном значении употребляется значительно реже: в древнем русском языке возможны были обороты «в начало мая» и «в началѣ мая», «в коньць мая» и «в концѣ мая», в современном русском языке указанные названия закрепились только в местном падеже.

С именами существительными, имеющими при себе определения, эта конструкция продолжает употребляться, например: *в те годы, в тот год, в эту минуту* и т. п.

Конструкция «*при* плюс местный падеж» сохранила в основном свое старое значение. Конструкцию «*за* плюс творительный падеж» в значении неопределенного времени как сопутствующего момента другому событию (*разговаривали за обедом*) следует считать новым приобретением языка: словоупотребление этого рода нам неизвестно в древних памятниках.

2. Для обозначения определенного времени, полностью занятого действием или полностью свободного от него, в древнерусском языке употреблялся ряд конструкций, подвергшихся в последующей истории языка различным изменениям.

§ 185. Для выражения указанного времени, т. е. времени, в течение которого совершается действие, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*через* плюс винительный падеж», например:

Быс зима тепла, не быс снѣга *induced через всю зиму*. Новг. I л., 6811 г., Срезн. Того же лѣта бысть ведро, и жары велици и сухмень *чрезъ все лѣто*. Никон. л., 231. И веселились *чрез всю ночь* телесными забавами. Фр. Скоб., 62.

В таком значении рассматриваемая форма употреблялась в литературном языке XVIII в.:

О непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я *через много лет* (= в течение многих лет) за великую между моими благополучиями почитаю. Ломон. Приди, мой благодетель, Творец *через двадцати лет* добра. Держ.

В современном русском литературном языке конструкция «*через* плюс винительный падеж» в значении времени, полностью занятого действием или свободного от него, не употребляется.

§ 186. Для обозначения всего времени в древнерусском языке употреблялась конструкция «*от* плюс родительный падеж», например:

Оже кто емлеть по 10 кунъ *от лѣта* на гривну, то того не отметати. П. Р., сп. Син., 127. Послани... къ вамъ... на удержание и на извѣщение *отъ многихъ лѣтъ* межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь. Лавр. л., 32. Из Радз. сп.

В современном русском языке конструкция «*от* плюс родительный падеж» в значении всего времени, в течение которого осуществляется действие, не сохранилась.

§ 187. Для обозначения всего определенного времени в качестве срока действия в древнерусском языке употреблялась конструкция «*на* плюс винительный падеж»; в этой конструкции имена существительные употреблялись без определения

или с определением *весь, много,* подчеркивавшим всю полноту времени, занятого действием, например:

А куръ по двое *на день.* П. Р., Ак., 73. Тъ всѣхъ кунъ 15 кунъ *на недѣлю.* Там же, 73. Вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду *на недѣлю,* же овенъ, любо полоть, любо 2 ногатѣ. П. Р., Тр., 105. Се бо вси человѣци прославляють, видяше лежащю въ тѣлѣ *на многа лѣта.* В сп. Радз. и Ак.: «за многа лѣта». Лавр. л., 67.

В современном русском литературном языке конструкция «*на* плюс винительный падеж» в значении всего определенного времени в качестве срока действия сохранилась; имена существительные в этой конструкции употребляются или без определений, или с такими определениями, которые уточняют границы времени в качестве срока действия; в рассматриваемой конструкции употребляются:

1. Названия частей суток без определений или с определениями *один, весь, целый,* например:

Давыдов распорядился *на ночь* запереть на замки воловни и конюшни, выставить пикеты из колхозников. Шол., Подн. цел. Фельетонов «Московского Листка» не хватало *на вечер.* Горьк., В людях.

2. Названия временных единиц без определений или с названными определениями, например:

На полчаса, на час в голове становилось приятно пусто. Горьк., В людях. *На минуту* наступило общее замешательство. Шол., Подн. цел.

Временные границы слова *время* уточняются в качестве срока действия соответствующими определениями или дополнениями, например:

Иногда, *на краткое время,* являлась откуда-то мать. Горьк. Детство. Стоял вопрос о создании семенного фонда, о выделении из фуражных запасов брони *на время* весенних полевых работ. Шол., Подн. цел.

3. Количественно-именные сочетания:

Деду продлили время *на две минуты,* и он, глотая слова, кончил. Шол., Подн. цел. Летось за то, что косилку *на два дня* дал, слупил с меня, как с Любушки, десять целковых. Там же.

§ 188. Для обозначения всего определенного времени как срока действия в древнерусском языке употреблялась конструкция «*за* плюс винительный падеж», например:

Аще ся не вдасте, имамъ стояти и *за 3 лѣта.* Лавр. л., 106. Или не поидеть, то пороучиика *за пять днии.* П. Р., Ак., 71. Послушайте мене, не передайтеся *за 3 дни,* и я вы что велю, створите. Лавр. л., 125.

Конструкция «*за* плюс винительный падеж» сохраняется в том же значении и в современном русском языке. В составе

этой конструкции имена существительные употребляются как без определения, так и с любым определением; если конструкция *«на* плюс винительный падеж» имела значение срока с именами существительными без определения или с такими определениями, которые уточняли границы *(на весь день, на целый день)*, а не переносили данное время в план его следования по отношению к другому времени *(на будущий день, на следующий день)*, то конструкция *«за* плюс винительный падеж» всегда обозначает точный срок; любое определение имени существительного только уточняет значение срока: *за одну ночь, за весь день, за первую пятилетку, за последний год, за будущий год* и т. п.

В современном русском языке в составе этой конструкции употребляются следующие имена существительные:

1) Названия частей суток.

Чем-то острым дышит нагретый *за день* песок. Горьк., В людях. *А за эти дни* Илья Максимович почувствовал, что он уронил свой род — сорвался. Панф., Бруски. Кочетиного голоса не слышно *за всю* долгую *ночь*. Шол., Подн. цел.

2) Названия временных единиц и времени.

Только вот дедушка Катай *за последние годы* как-то ростом стал мал — в землю ростом пошел. Панф., Бруски, **77**. *За неделю* в Гремячем Логу вышло из колхоза около ста хозяйств. Шол., Подн. цел. Домой Хопров пришел отягощенный раздумьем, *за время ходьбы* несколько успокоился. Там же.

3) Названия времен года.

Я очень окреп *за лето* и одичал в лесу. Горьк., В людях.

Конструкция *«за* плюс винительный падеж» употребляется при глаголах совершенного вида, например:

Можно *за день* в с п а х а т ь один га. Шол., Подн. цел. *За эту ночь* он ни разу не в с п о м н и л про Зинку. Панф., Бруски.

Употребляется она и при глаголах несовершенного вида, например:

За лето я дважды в и д е л панику на пароходе. Горьк., В людях. Раза два *за ночь* х о д и л проведывать жеребцов. Шол., Подн. цел.

Однако в большинстве случаев рассматриваемая конструкция употребляется при глаголах совершенного вида, причем управляющие этой конструкцией глаголы содержат оттенок выполнения дела за известный срок, ср.: *Два раза за день прочитывал страницу* и *за день прочитал страницу.*

Конструкция *«за* плюс винительный падеж» может иметь и значение точного срока, до которого осуществляется действие, например: *приехал на станцию «за два часа» до отхода поезда.*

Пешковский отмечает, что это значение связано в явным или подразумеваемым сочетанием «*до* плюс родительный падеж» или «*перед* плюс творительный падеж»: *сделал «за час до этого»*. Например:

А на стану *за полчаса* д о э т о г о произошло следующее. Шол., Подн. цел. *А за несколько дней* п е р е д Т р о и ц е й он вместе со Степаном Огневым перевалил за Крапивный дол. Панф., Бруски.

Пешковский отмечает, что при глаголах совершенного вида с оттенком выполнения действия получается двусмысленность: *сделал за час* (за определенное *время*) *и сделал за час* (до чего-нибудь), например: «*За два часа* он пришел в стан». Шол., Подн. цел. Это предложение можно понимать двояко: или в течение двух часов он шел на стан, или за два часа до какого-то момента пришел. Подлинный смысл всегда ясен из контекста.

Оба значения конструкции представляют собою единство в том отношении, что они обозначают определенный срок, в течение которого осуществляется действие или до которого осуществляется действие, причем тот оттенок значения, что действие осуществляется до этого определенного срока, выражается не формой «*за* плюс винительный падеж», а сочетанием этой формы с формой «*до* плюс родительный падеж»; ср.: *написал письмо за день* и *написал письмо за день д о п р а з д н и к а*.

Таким образом, значение определенного срока, до которого осуществляется действие, выражается специфической конструкцией типа «за день до...», «за час до...» и т. п.

Конструкции «*за* плюс винительный падеж» и «*на* плюс винительный падеж» обозначают все время в качестве определенного срока; в этом отношении они тождественны, но они и различаются между собою как по оттенкам в значении срока, так и по характеру управляющих ими глаголов. В значении срока, выражаемого конструкцией «*за* плюс винительный падеж», содержится добавочный момент срока исполнения дела при любой форме глагола, например: *сделал за день, сделано за день, сделай за день, делаю за день*. В значении срока, выраженного конструкцией «*на* плюс винительный падеж», содержится добавочный момент, который указывает на то, что действие рассчитано на определенный срок или пришло в исполнение на определенный срок, например:

На минуту в доме стало тихо. Горьк., В людях. А это, товарищи, была нанята *на месяц* во время уборки хлеба девушка с того же Лога. Шол., Подн. цел.

Есть различия и в значении глаголов, которые способны управлять рассматриваемыми конструкциями со своими осо-

быми оттенками в значении срока. Глаголы, управляющие конструкцией «*на* плюс винительный падеж» не имеют оттенка исполнения дела, в большинстве случаев они имеют добавочный момент рассчитанности в протекании действия на те или другие сроки, например: *прислушался на минуту, на две минуты, на пять минут* и т. п.; *задержался на минуту, на час, на день, на неделю* и т. п., *являлся на час, на день, на краткое, на долгое время* и т. п.

Глаголы, управляющие конструкцией «*за* плюс винительный падеж» имеют оттенок исполнения; в большинстве случаев они не имеют в своем значении момента рассчитанности к протеканию действия на разные сроки; они содержат в своем значении момент способности к исполнению дела в те или другие сроки, например:

За последние годы растолстел, раздался вширь Кодратьич. Шол., Подн. цел. *За неделю* пребывания в Гремячем Логу перед Давыдовым стеною стал ряд вопросов. Там же, 109.

Те же оттенки приобретают глаголы движения в сочетании с указанными конструкциями, например: *приехал на день* и *приехал за день*; в первом случае глагол движения имеет добавочный момент рассчитанного на определенный срок пребывания субъекта; во втором случае глагол имеет добавочный момент исполнения дела, т. е. преодоления расстояния за определенный срок.

§ 189. В значении того или другого срока в древнерусском языке употреблялась и конструкция «*в* плюс винительный падеж»; степень распространенности этой конструкции в древнерусском языке была невелика; число имен существительных, входивших в эту конструкцию, также было невелико; примеры:

Соломанъ бо рече: праведници *въ вѣки* живуть. Лавр. л., 67. Благословити тя хотять сынове Рустии (и) *в послѣдний родъ* внукъ твоихъ. Там же, 59.

Для обозначения определенного срока конструкция «*в* плюс винительный падеж» употребляется и в современном русском языке; необходимым условием, при котором эта конструкция получает значение определенного срока, является отсутствие неколичественных определений при имени существительном, находящемся в составе конструкции; временное значение этой конструкции оформляется по вопросу «во сколько, сколько, в течение какого времени?»; в состав этой конструкции входят имена существительные, обозначающие временные единицы, а также количественно-именные сочетания с соответствующими именами существительными, например:

Сколько выпахиваете *в день?* Шол., Подн. цел. Спала она мало, беспокойно, вскакивая иногда с печи по нескольку раз

в ночь. Горьк., В людях. Вот с такими бы можно *в год* перевернуть деревню. Шол., Подн. цел.

Следует различать смысл таких сочетаний: *Я прочитал книгу сразу в одну ночь* (т. е. за одну ночь) и «*В одну ночь* падает соленая роса на хлеб по всей земле» Шол., Подн. цел. В последнем примере слово *один* имеет не количественный оттенок, а качественный, т. е. «в одну из ночей».

Конструкция «*в* плюс винительный падеж» с количественными сочетаниями в ее составе имеет два значения:

1) Значение срока времени, в течение которого совершается действие:

Я одолел *в несколько дней* премудрость чтения гражданской печати. Горьк., Детство. Бывает эдак-то, — один сергацкий парень *в два года* счастья достиг. Горьк., В людях.

2) Значение определенного пункта времени. Сюда же отнесем существительные *полночь, полдень*:

В два часа должно было состояться заседание бюро. Шол., Подн. цел. Заседание бюро ячейки райкома началось *в одиннадцать*. Там же. Уже в *полночь* разбудил хозяйку. Там же.

Пешковский указывает, что при глаголах совершенного вида со значением законченности конструкция «*в* плюс количественно-именное сочетание» двусмысленна (*он сделал это в два часа* — либо в момент, когда было 2 часа, либо в пределах двух часов). Такая двусмысленность разрешается только контекстом, словесным окружением [1].

Как сказано было выше, если имена существительные, входящие в состав рассматриваемой конструкции, имеют неколичественное определение, то эта конструкция имеет значение не определенного срока, а значение неопределенного времени в пределах определенного периода, например:

Как-то раз, *в особо темную ночь,* вывел его (коня) из мякинника и охляпкой поскакал в степь. Шол., Подн., цел.

Такие примеры, как *Он выехал в ночь на 25* имеют то же значение, так как *в ночь* употребляется в смысле «ночью».

Шахматов в «Синтаксисе русского языка» указывает еще такие случаи, когда для определения единицы времени употребляется единица места: «Во всю последнюю станцию Калинович ни слова не проговорил с женой» [2].

Временные единицы (*минута, секунда*), указывающие на небольшой промежуток времени, с определяющим словом обозначают время, имеющее определенные границы. «Жарков *в последнюю минуту* перепугался какой-то огласки». Панф., Бруски.

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 273.

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 367.

Названия дней недели и без определений имеют значение неопределенного момента времени на протяжении определенного срока, например: *в субботу был на собрании.*

Конструкция «*в* плюс винительный падеж» в значении определенного срока чередуется с конструкцией «*за* плюс винительный падеж», например: *вспахивал га в день* и *вспахивал га за день; прочитал книгу в час* и *прочитал книгу за час; сделал ручку в час* и *сделал ручку за час.*

Глаголы, управляющие конструкциями «*за* плюс винительный падеж» и «*в* плюс винительный падеж» одинаково содержат в своей семантике момент исполнения дела, а не момент рассчитанности в протекании самого действия или пребывания на те или другие сроки. Можно сказать: *прибыл домой на пять дней* и *прибыл домой за пять дней* или *прибыл домой в пять дней.* В первом предложении глагол имеет момент рассчитанности пребывания субъекта на определенный заданный срок, во втором и третьем предложениях глагол имеет момент исполненности дела в определенный период времени; поэтому можно сказать: *похудел за эти* (или *в эти дни*), но нельзя сказать: *похудел на эти дни,* так как глагол *похудел* в данном контексте не содержит момент рассчитанности протекания на заданные сроки. Можно сказать: *взял книгу на один месяц,* но нельзя сказать: *взял книгу за один месяц,* так как глагол *взял* в данном контексте не содержит момента исполнения дела за определенные периоды времени.

§ 190. Для обозначения всего срока исполнения дела в современном русском литературном языке употребляется конструкция «*в течение* плюс родительный падеж», например:

...*в течение двадцати лет* сряду изъездил я Россию по всем направлениям. Пушк., Станц. смотр. *В течение* всей своей *жизни* не умела она ничему сопротивляться. Тург., Двор. гн.

В том же значении употребляется конструкция «*в продолжение* плюс родительный падеж», например:

Хозяин *в продолжение нескольких лет* всякий раз предостерегал своего гостя. Гог., Мерт. д. *В продолжение ночи...* я не спал ни минуты. Лерм., Кн. Мери.

В том же плане следует отметить конструкцию «*на протяжении* плюс родительный падеж»: «*На протяжении всей своей истории* Коммунистическая партия огромное внимание уделяла художественной литературе». «Вопросы философии» № 2, 1952, стр. 82.

§ 191. Особые средства были в древнерусском языке для выражения определенного времени с приблизительными границами. Такое средство представляло собою конструкция «*с* плюс винительный падеж»; если в состав этой конструкции входили сочетания числительных с именами существитель-

ными, то эта конструкция могла иметь две разновидности. Имя числительное могло стоять после имени существительного, причем перед именем числительным был предлог *с*, например:

Кочевинскую... пустошъ купилъ игуменъ Христофоръ тому *лѣтъ съ шестдесятъ*. Прав. гр. Кир. мон. ок., 1490 г., Срезн. Стояла зима *денъ съ шесть*. Псков. I л., 7072 г., Срезн.

Имя числительное могло стоять перед именем существительным, причем предлог *с* был перед именем числительным, например:

Мъгла стояла по ряду *съ два мѣсяца*. Сузд. л., сп. Ак., 534.

В последующей истории языка употребление предлога *с* с количественно-именными сочетаниями для выражения приблизительности того или другого времени было утрачено; приблизительность срока стала выражаться постановкой имени существительного после имени числительного, например: *работал часа два, читал часа три, прослужил месяца два* и т. п.

Минуты две они молчали,
Но к ним Онегин подошел. Пушк., Евг. Он.

Однако Пушкин иногда еще ставил перед именем числительным предлог *с*, как это было принято в древнерусском языке, например:

Означенным спорным имением начали владеть помянутые г.г. Дубровские назад сему *лет с 70*. Дубров. Пробыв в городе *часа с два*, я возвращался в лагерь. Пут. в Арз.

В современном русском литературном языке предлог *с* употребляется для обозначения приблизительности определенного срока только с именами существительными без числительных. Все они входят в данную конструкцию без определяющего слова и только в единственном числе:

В школу мы ходили *с месяц* времени. Горьк., Детство. И вот уже *с час* что-то делается с пчелами. Панф., Бруски. Давыдов *с минуту* разглаживал ладонями грязную клеенку на столе. Шол., Подн. цел. *С неделю* братья не выходили во двор... Горьк., Детство.

Как видно из примеров, при сочетании предлога *с* с винительным падежом употребляется глагол несовершенного вида. Но есть отдельные случаи употребления этой конструкции при глаголах совершенного вида, например:

Покашляет Дымок, похаркает кровью, *с месяц* вылежит на печи. Шол., Подн. цел.

В разговорном стиле конструкция «*с* плюс винительный падеж» может означать не время, в которое совершается действие, а указывать приблизительно на время, которое прошло после завершения действия, например: *Он уже с минуту как ушел* (т. е. прошла приблизительно минута, как он ушел).

Ушаков указывает, что сочетание с *как* возможно после слов, обозначающих время в пределах одного предложения: «Лугин уже два месяца, как вернулся в Петербург» [1].

§ 192. Для обозначения приблизительности границ определенного срока в современном русском литературном языке используется конструкция «*около* плюс родительный падеж»; причем эта конструкция указывает приблизительность определенного срока, его максимума, например:

В Тифлисе пробыл я *около двух недель.* Пушк., Пут. в Арз. *Около четверти часа* слишком провозился он с кузнецами. Гог., Мерт. д.

Эта конструкция чередуется с конструкцией «*с* плюс винительный падеж»: *с час, с год* и т. п. — *около часа, около года* и т. п.

Если в сочетание с предлогом *около* вступает имя существительное, обозначающее момент времени, то предлог *около* указывает на момент, непосредственно предшествующий моменту, обозначенному именем существительным, например: *пришел домой «около полуночи», «около двух часов дня»* и т. п.

В литературный язык иногда проникает для обозначения приблизительности границ определенного времени диалектная конструкция «*близ* плюс родительный падеж»; эта конструкция также указывает приблизительность его срока, ниже его максимума.

Такой оборот изредка встречается у Крылова, например: «Хозяин бился с ней *близ году...*». Бочка.

У Мамина-Сибиряка в том же значении употребляется предлог *близко*, например: «Кампанятся они теперь в кабаке вот уже *близко месяца*». Золото. «По этапам нас вели *близко полугода*». Там же.

§ 193. Для обозначения приблизительности границ определенного срока времени с превышением его максимума употребляется конструкция «*более* плюс родительный падеж»:

Уже *более часа* был он в дороге. Пушк., Метель. Прошло *более двух часов.* Дождь не переставал. Пушк., Пут. в Арз.

§ 194. Таким образом, для обозначения определенного времени, полностью занятого действием, в древнерусском языке употреблялись следующие конструкции:

1) «предлог *через* плюс винительный падеж»,
2) «предлог *от* плюс родительный падеж»,
3) «предлог *на* плюс винительный падеж»,
4) «предлог *за* плюс винительный падеж»,
5) «предлог *в* плюс винительный падеж».

---

[1] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (см. «как»).

Первые две конструкции в последующей истории русского языка не закрепились в системе языка; последние три конструкции продолжают функционировать и в современном русском языке, причем взаимоотношения между этими формами уточнялись, значения их разграничились, дифференцировалась роль глаголов при этих конструкциях. В систему форм, выражающих время, полностью занятое действием, втянулись новые формы, например: *во время, в течение, в продолжение;* тем самым происходило дальнейшее обогащение форм, выражающих указанное время.

Обогатились и усовершенствовались формы для выражения определенного времени с приблизительными границами последнего.

Приспособлены и усовершенствованы новые средства языка для выражения момента приблизительности определенного времени в минимуме (*проработал около двух часов*) и в максимуме (*проработал более двух часов*).

2. Развитие предложных форм для обозначения времени относительно другого времени

В относительном времени различались два основных времени: время, которое наступает после другого времени, и время, которое предшествует другому времени.

§ 195. В древнерусском языке отмечаются случаи употребления конструкции «*по* плюс дательный падеж» для обозначения времени, которое наступает после другого времени, например:

Яко се *по малу* (= вскоре) скажемь. Нест. Бор., Гл., 10, Срезн. Не подобаеть *по свѣту* (=после света) пира творити. Ряз. Корм. 1284, Срезн.

Примеры употребления рассматриваемой конструкции встречаются в отдельных случаях в памятниках XVII—XVIII вв., например:

По преставлению же Аркадию, к царю собрашеся множества народа. Цар. Орк., 294. Извѣствую, что здѣшний замок *по* десяти часовому *бомбордированию...* на акорд здался. Письма и бум. Петра Вел., III, 435.

В современном русском литературном языке случаи употребления конструкции «*по* плюс дательный падеж» в значении времени, наступающего после другого времени, неизвестны.

В древнерусском языке отмечены случаи употребления конструкции «*к* плюс дательный падеж» в том же значении, например:

Отъ сего мънози отъ ученикъ его идошя въспять и *къ тому* (=после того) не хождааху съ нимь. Остр. ев., Ио., VI, 66, Срезн. Аще ли сего не твориши, то истину ти глю, к тому

(=после того) моего не имаши видѣти. Нест., Жит. Феод., Срезн.

В более поздних памятниках примеры такого рода уже не встречаются.

§ 196. В древнерусском языке широко употреблялась конструкция «*по* плюс местный падеж» для обозначения неопределенного времени после определенного времени, причем действие совершается в один из моментов последующего времени. В составе этой конструкции в древнерусском языке употреблялись:

1) Названия отдельных единиц времени в сочетании с числительными или другими определениями, обозначающие определенное время, после которого осуществляется действие, выраженное глаголом, например:

По мале времени напълнися. Син. сп. I. Новг. л., 95. *По двою же лѣту* Синеусъ умре и братъ его Труворъ. Лавр. л., 19. *По трехъ днехъ* умре Олга и плакася по неи снъ ея и внуци ея и люде вси плачемъ великимъ. Ип. л., т. II, в. 1, 56. И на зиму Смоленску идохомъ, и Смоленска *по Велицѣ дни* выидохъ. Поуч. Вл. Мон., 130. Лет. Нест.

2) Собственные и нарицательные названия лиц, а также личные местоимения, обозначающие время существования тех или других лиц, после которого осуществляется действие, выраженное глаголом, например:

По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его. П. Р., Тр., 104. Поча княжити Игорь *по Олзѣ*. Лавр. л., 41. Из Радз. сп. Стополкъ же сѣде в Киевѣ. *по оци* своемь. Ип. л., т. II, в. 1, 117. И *по немъ* пророчествова сынъ его Соломанъ. Лавр. л., 95. И определяемъ и обявляемъ *по насъ* помянутого престола наслѣдникомъ другаго сына нашего, Петра. Акты Петра I, 169.

3) Указательное местоимение *сей*, которое в сочетании с предлогом *по* обозначает окончание того или другого события, после которого наступает действие, выраженное глаголом, например:

По сихъ же придоша Псченѣзи к Василеву. Лавр. л., 122. *По сихъ же* судяше Илий жрець, и *(по) семь* Самоилъ пророкъ. Там же, 95. Мертвеца сожьжаху, и *по семь* собравше кости вложаху в судину малу. Там же.

4) Названия отдельных событий и действий, обозначающих определенное время, после которого совершается действие, выраженное глаголом, например:

По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю. Лавр. л., 1. *По размѣшеньи* же столпа и *по раздѣленьи* языкъ прияша сынове Симови въсточныя страны. Там же, 4—5. *По крещеньи* же приведе царицю на браченье. Там же, 109. Князь

великии Иван Васильевич... Тверь взяше *по Воздвижении.* Пск. I л., Погод. сп., 80. Но и *по смерти его пребывающе* у гроба его знамениа творяху во имя его. Лавр. л., 40. Из Радз. сп.

Конструкция «*по* плюс местный падеж» продолжала употребляться и в произведениях XVII—XVIII вв. Однако к этому времени многие разряды существительных уже вышли из употребления в составе этой конструкции; названия временных единиц в сочетании с числительными уже не отмечаются; они встречаются в единичных случаях с другими определениями, например:

По нѣкоем же времяни восхотѣ той Фома отплыти на куплю. Грудц., 23. *По нескольком времени* увидели мы две большие рыбачьи лодки. Рад., Пут., Чудово.

Собственные или нарицательные названия лиц и личные местоимения в составе рассматриваемой конструкции встречаются только в единичных случаях, например:

О, вы, *по нас* идущие потомки. Тред., Похвала. Но кроткая Екатерина отрада *по Петре* едина. Ломон., Ода, 1747 г.

Что касается названий действий и событий, то они продолжали еще широко употребляться, например:

По обеде же рече другу своему. Вел. Зерц. А *по естве* отец и мать и гости и невесту благославляют образами. Котош. *По* долговременном *течении* наших *дней* тупеет зрение ослабленных очей. Ломон. О пользе стек. Он (экипаж) поднял пыль столбом, которая *по пролете* его исчезла. Рад., Пут., Город. *По сих трудах* весь скот и мы все отдыхали. Майк., Ел.

В современном литературном языке старшей поры названия событий и действий еще иногда встречаются в конструкции «*по* плюс местный падеж», например:

По приходе домой, однако, все эти мечтания его разлетелись в прах. Писем., Тыс. д. Но как бы ни было, *по нескольких часах*, влюбленный Купидон не спя на небесах и охраняючи супругу, решился прекратить Морфееву услугу. Богд., Душ. *По* смутном *сне* безделица тревожит. Гриб., Горе от ума.

У современных писателей подобных оборотов мы уже не встречаем.

Акад. Виноградов отмечает, что конструкция «*по* плюс местный падеж» со значением времени употребляется лишь в выражениях книжно-делового, канцелярского и научного стиля: *по окончании, по прибытии, по рассмотрении, по ознакомлении* и т. п.[1]

В современном русском литературном языке широкое распространение получила конструкция «*после* плюс родительный

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 690.

падеж» для обозначения определенного времени, наступающего после другого времени, причем в один из моментов последующего времени совершается действие, например:

После дождя в радостной испарине забилась земля. Панф., Бруски. Он *после венца* не пустил мать к себе в дом. Горьк., Детство. Однажды я пришел к нему *после утреннего чая.* Там же.

Со словом *полночь* в таком значении может употребляться конструкция «*за* плюс винительный падеж», например:

Далеко *за полночь* кончилось собрание. Шол., Подн. цел. Однажды *за полночь* что-то лопнуло в машине, выстрелив, как из пушки. Горьк., В людях.

Со словом *полдень* в таком значении преимущественно употребляется конструкция «*после* плюс родительный падеж», например:

После полудня она начала томиться жаждой. Лерм., Герой н. в.

§ 197. Для обозначения времени, следующего за другим временем, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*из* плюс родительный падеж»; причем эта конструкция указывала на то, что действие, выражаемое глаголом, начинается непосредственно, без перерыва, после прошедшего времени, выраженного именем существительным в родительном падеже, например:

Изъ юности моея. Остр. ев., Лк., XVIII, 21, Срезн. Иже ласкръдъ будеть *из дѣтьска.* Панд. Ант., XI, в. л., 207, Срезн. *Из утра.* Юр. ев. 1119 г., Срезн. *Изъ юна.* Гр. Наз., 210, Срезн.

В современном литературном языке такое словоупотребление неизвестно, но оно отражается в немногих наречиях: *издавна, искони* и т. п. Однако у писателей XVIII—XIX вв. такой оборот еще встречается в качестве архаизма, например:

Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им *из детства* натвержен. Гриб., Горе от ума.
«Друзья!» Смиренно им ответствует старик:
«*Из детства* я к трудам привык». Крылов.

В качестве фразеологических сочетаний можно отметить *изо дня в день, из года в год.* Они указывают на то, что оборот «*из* плюс родительный падеж» принадлежал прежде общенародному языку.

§ 198. В том же значении употреблялась в древнерусском языке конструкция «*от* плюс родительный падеж», например:

Собираеть собѣ богатьство, и въстаеть *отъ нощи,* и даеть брашно дому. Лавр. л., 79. А *отъ сихъ дний* десятый день въздаяти Боговн десятину. Там же, 174. А онъ дома, *отъ дѣтьства* бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Там же, 120. И многа глаголаша сказающе *отъ начала миру,* о бытьи всего мира. Там же, 104.

Предлог *от* с родительным падежом употреблялся также в сочетании с конструкцией «*до* плюс родительный падеж» Например:

И влачиша трупье изъ гробли *отъ утра* и *до полудне*. Лавр. л., 73. Бысть тьма по всей земли отъ *6-го часа до 9-го*. Там же, 101.

В последующей истории употребление конструкции «*от* плюс родительный падеж» вне сочетания с конструкцией «*до* плюс родительный падеж» постепенно отмирало; у писателей XIX в. она еще изредка употреблялась, например:

Ты видел двор и роскошь!
Счастлив! А я *от отроческих лет*
По келиям скитаюсь. Пушк., Бор. Год.

Твоим братьям велю *от сего же дня*
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно. Лерм., Песнь про куп. Кал.

Возможен оборот *от роду*, ср.: «Между тем Чичиков *от роду* не знал никакого Перепендева». Гог., Мерт. д.

В современном русском литературном языке более или менее широко употребляется конструкция «*от* плюс родительный падеж» только в сочетании с конструкцией «*до* плюс родительный падеж», например:

Балы дает нельзя богаче,
От Рождества и *до поста*. Гриб., Горе от ума. Прошло около месяца *от* его *вступления* в звание учительское *до* достопамятного *празднества*. Пушк., Дубров. Мы — та живая сила, которая кормит и забавляет всех *от пеленок до гроба*. Горьк., Мать. Он *от обеда до вечернего чая* лежал на диване. Чех., Пал. № 6.

В качестве фразеологических сочетаний можно отметить *час от часу, день ото дня* и т. п.

§ 199. Однако наибольшее распространение в древнерусском языке имела конструкция «*с* плюс родительный падеж»; она, как и рассмотренные конструкции, указывала на то, что действие, выраженное глаголом, начинается непосредственно за тем временем, которое выражено именем существительным в родительном падеже, например:

Си ночь *съ вечера* одѣвахуть мя. Сл. о п. Иг., 70. *Съ заранiа* до вечера... летятъ стрѣлы каленыя. Там же, 69. И *с тех мест* (=с тех пор) обыкох по вся нощи молитися. Авв., Жит., 72.

Эта конструкция не только сохранилась в современном русском языке, но распространилась за счет отмирания и ограничения ранее рассмотренных конструкций «*из* плюс родитель-

ный падеж» и «*от* плюс родительный падеж». В составе конструкции «*с* плюс родительный падеж» употребляется следующие группы слов:

1) Названия частей суток; существительные *вечер* и *утро* только в единственном числе:

Егор Степанович еще *с вечера* почувствовал тревогу. Панф., Бруски. *С вечера* мы слышали, как встряхивались и клохтали, засыпая, сытые куры. Горьк., В людях. Казаки норовили *с утра* уехать куда-либо из дома. Шол., Подн. цел.

Существительное *день* употребляется как в единственном числе, так и во множественном и только с определяющим словом или дополнением:

Разметнов предложил *с завтрашнего же дня* повести борьбу с сусликами. Шол., Подн. цел. *С того дня* и осталось у быковцев от воли — одно воспоминание. Панф., Бруски. *С тех дней* у меня явилось беспокойное внимание к людям. Горьк., Детство. Бабушку, *с полудня* пьяную, стыда за нее ради, спровадили на чердак. Там же.

2) Названия времен года:

С лета он молится опять до весны. Горьк., Детство.

3) Слова *год, пора, время с* определяющими словами *тот, этот, некоторый* и др.:

Уже *с малых лет* он стал бегать из дома. Горьк., Детство. *С той-то поры* есаул Половцев и тяготеет к теплу, к теплой валеной обуви. Шол., Подн. цел. *С той поры* они долго звали меня. Горьк., В людях.

Конструкция «*с* плюс родительный падеж» наряду с конструкцией «*от* плюс родительный падеж» может входить в сочетание с конструкцией «*до* плюс родительный падеж», например:

В тоске по хлебу *с утра до* позднего *вечера* крутился Шленка около своей избы. Панф., Бруски. Она *с утра до вечера* кричала. Горьк., Детство.

В качестве фразеологических сочетаний можно отметить *с часу на час, со дня на день.*

§ 200. Для обозначения момента времени, по происшествии которого вторично совершается действие, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*через* плюс винительный падеж». Особенность этой конструкции заключается в том, что она точно указывает границы того времени, по истечении которого должно вторично совершаться действие, например:

Ови на пошенье *чресъ день* и *чресъ два дни.* Лавр. л., 183. И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то *чересъ день.* Там же, 153.

В современном русском языке конструкция «*через* плюс винительный падеж» употребляется весьма широко. В состав

этой конструкции входят имена существительные, означающие те или другие временные единицы, например *год, час, неделя* и т. п. Все они сочетаются с предлогом в единственном числе и без определяющего слова:

Через год еще раз пожар оставил ему на подворье одни пахнущие дымом сохи. Шол., Подн. цел. *Через минуту* дед, видимо, забыв обо мне, ворчал, Горьк., Детство. *Через день* я стоял перед закройщицей. Горьк., В людях. *Через миг* вслед за ним из горловины глубокого дола вымахнули красюковцы. Панф., Бруски.

Имя существительное *время* употребляется только с определяющими словами *(некоторое время, малое время):*

Ястреб *через некоторое время* почти совсем скрылся в глубине весеннего неба. Панф., Бруски. И *через малое время* Вяхирь, высоко задирая голову, читал вывеску. Горьк., Детство.

Слово *миг* в сочетании с предлогом *через* употребляется без определяющего слова.

Количественно-именные сочетания употребляются с предлогом *через* без определений:

Через два года Андрей вернулся в Гремячий с польского фронта. Шол., Подн. цел.

Если имя существительное в родительном падеже стоит перед предлогом *через,* за которым следует имя числительное, то конструкция приобретает оттенок приблизительности, например:

И *года через четыре* уж шептал Катай Захару. Панф., Бруски.

§ 201. Для обозначения того, что действие, выраженное глаголом, начинается одновременно с началом действия или события, выраженного именем существительным в творительном падеже, в современном русском языке употребляется конструкция «*с* плюс творительный падеж». В составе этой конструкции употребляются имена существительные, обозначающие действие или какой-либо факт, например:

Завтра *с восходом* всем на участок, не-то проковыряемся до Рождества. Панф., Бруски.

В отдельных случаях действие, выраженное глаголом, осуществляется после действия, выраженного именем существительным в творительном падеже, например:

Молча прошел потом чайный завтрак, *с окончанием* которого Калинович церемонно раскланялся с дамами, присовокупив, что он уже и прощается [1].

Названия временных единиц в единственном числе употребляются в составе данной конструкции только с определением

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 386.

каждый. В этом случае конструкция «*с* плюс творительный падеж» указывает на то, что действие, выраженное глаголом, усиливается или ослабляется по мере истечения названных в творительном падеже временных единиц, например:

С каждой минутой становилось все тише. Горьк., В людях, 227. Потом в окно робко и тихонько, но все ласковее *с каждым днем* стала заглядывать пугливая весна. Горьк., Детство.

Без определения возможно сочетание предлога *с* с существительным *год* во множественном числе: *с годами становился умнее.* С другими названиями единиц времени во множественном числе предлог *с* не сочетается; нельзя сказать: «*с часами* становилось тише».

Итак, в исторической жизни русского языка испытывались разные предложные конструкции для обозначения времени, следующего за другим временем; некоторые из этих конструкций не выдержали испытания и не закрепились в языке; к их числу относятся конструкции «*по* плюс дательный падеж» (*по представлению*), конструкция «*к* плюс дательный падеж» (*к тому* — «после того»); конструкция «*по* плюс местный падеж» (*по трехъ днехъ*), широко употреблявшаяся в древнерусском языке, впоследствии все более ограничивалась и в настоящее время представлена единичными примерами (*по истечении срока*). В современном русском языке для выражения указанного значения получила широкое распространение конструкция «*после* плюс родительный падеж». В отдельных случаях применяется конструкция «*за* плюс винительный падеж» (*за полночь*).

В древнерусском языке для обозначения последующего времени использовались конструкции «*из* плюс родительный падеж» (*изъ юности* — «с юности»), «*от* плюс родительный падеж» (*отъ юности* — «с юности») и «*с* плюс родительный падеж» (*съ юности*). Первая конструкция (*изъ юности*) в последующей истории языка вышла из употребления; вторая конструкция (*отъ юности*) также вышла из употребления в свободных сочетаниях и сохранилась только в связанных сочетаниях: *от зари до зари, от весны до весны* и т. п. Конструкция «*с* плюс родительный падеж» сохранилась в современном языке и расширила сферу своего применения в связи с тем, что названные выше конструкции не закрепились в системе русского языка.

Временное значение конструкции «*с* плюс творительный падеж» является приобретением языка более позднего времени. Конструкция «*через* плюс винительный падеж» закрепилась в современном русском языке и уточнила свои значения.

§ 202. В древнерусском языке употреблялся ряд конструкций для обозначения времени, предшествующего другому времени,

Конструкция *«перед* плюс творительный падеж» обозначает время, предшествующее времени, выраженному именем существительным в творительном падеже; причем действие осуществляется в такой момент относительного времени, который более или менее отдаленно приближается к первой границе прямого времени, но не смыкается с ним непосредственно. В составе этой конструкции в древнерусском языке употреблялись разные имена существительные:

1) Имена существительные, обозначавшие действия, приуроченные к определенным частям суток, например:

Мсця авгус въ 11 днь *передъ вечернею* почя убывати слнця. Новг. I л., 6632 г., Срезн.

2) Названия частей суток по положению солнца, например:

Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли аки деньница *предъ солнцемь* и аки зоря *предъ свѣтомъ*. Лавр. л., 66.

3) Имя существительное *время:*

Предъ симь же временемь и солнце премѣнися. Лавр. л., 160.

4) Названия лиц:

И умре *предъ отцемъ*. Лавр. л., 90.

Конструкция *«перед* плюс творительный падеж» употребляется в том же значении и в современном русском языке. В составе этой конструкции употребляются следующие существительные в единственном числе:

1) Из названий частей суток можно назвать имя существительное *вечер:*

Перед вечером к нему прибежал Любишкин. Шол., Подн. цел. Но однажды *перед вечером,* придя в гостиную, я услышал за портьерой спальни звучный смех дамы. Горьк., В людях.

2) Существительные, обозначающие определенное время суток по положению солнца:

Перед сумерками она позвала его в хату, расторопно накрыла на стол. Шол., Подн. цел. *Перед светом* он забылся в дреме. Там же.

3) Существительные, обозначающие всякого рода явления и события, приуроченные к определенному времени:

Перед ужином он читал со мною псалтырь. Горьк., Детство. Незадолго *перед праздником* у меня страшно вспухли веки и совсем закрылись глаза. Горьк., В людях, 368. ...*а перед сном* опять шел к нему и получал инструкции: что делать на следующий день. Шол., Подн. цел. ...Может-де *перед смертью* Егор Степанович и вернет полтину. Панф., Бруски.

4) Существительное *начало* с дополнением в родительном падеже:

Вечером, *перед началом* ячейкового *собрания,* как только вошел насупившийся Макар, Давыдов первым делом спросил... Шол., Подн. цел.

5) Указательное местоимение *это* (указывает на какое-либо событие или явление):

Незадолго *перед этим* Валек отравил мою собаку. Горьк., В людях.

Из древнерусского лексического состава, употреблявшегося в конструкции «*передъ* плюс творительный падеж», современный русский литературный язык не сохранил употребление названия лиц; в современном языке употребителен оборот «сын умер *раньше отца*», а не оборот «сын умер *перед отцом*»; но оборот «пришел *перед ним*» возможен.

§ 203. В древнерусском языке в значении конструкции «*перед* плюс творительный падеж» употреблялась и конструкция «*против* плюс родительный падеж», например:

И в нощи *против вторника* прииде к нему муж во образе моем. Авв., Жит., 125.

Широкого употребления эта конструкция во временном значении не получила. В современном русском литературном языке она неизвестна.

§ 204. Конструкция «*под* плюс винительный падеж» обозначает время, предшествующее времени, выраженному именем существительным в винительном падеже; причем особенность этой конструкции заключается в том, что действие, выраженное глаголом, осуществляется в момент относительного времени, более или менее близкий по времени к первой границе прямого времени, выраженного именем существительным в винительном падеже, но без непосредственного смыкания с ней. Примерами употребления этой конструкции из древнерусских памятников не располагаем; в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского можно отметить: *Под вечер,* Быт, XXIV.

В современном русском языке конструкция «*под* плюс винительный падеж» употребляется относительно широко. В составе этой конструкции встречаются следующие имена существительные:

1) Из названий частей суток встречаются *утро, вечер,* например:

Наконец, *под утро,* когда рассвет погасил все звезды, Осип сказал мне. Горьк., В людях. *Под вечер* идет с поля... Панф., Бруски.

2) Из названий времен года можно указать *осень,* например:

Они... нарушали то мудрое молчание, которым полны бывают степь и лес *под осень*. Шол., Подн. цел.

3) Из названий праздников можно назвать *пасха*, например:

Вот у нас *под пасху* был случай — смеху не оберешься. Шол., Подн. цел.

Вполне возможны обороты: *приехал под рождество; приехал под Новый год.*

4) Имя существительное *конец;* так как время, обозначенное этим словом, не имеет двух граней — начальной и конечной ,— то выражение *под конец* выражает время конца какого-либо события или действия; поэтому выражение *под конец* может чередоваться с конструкцией «*в* плюс винительный падеж». В конструкции *под конец* имя существительное *конец* обычно употребляется без дополнения, например:

Давыдов, обычно, *под конец* терял выдержку. Шол., Подн. цел. *Под конец* Яшка начал терять всякую надежду. Панф., Бруски.

В конструкции *в конце* имя существительное *конец* обычно употребляется с дополнением, ср.: *пришел в конце собрания; выступил в конце заседания* и т. п.

5) Количественно-именные сочетания, обозначающие десятки лет возраста, при выражении возраста, ср.: *ему под сорок лет, ему под пятьдесят лет* и т. п. Сюда же можно отнести выражение *под старость:* ...А *под старость* стал он вовсе на чужое прост. Шол., Подн. цел.

Конструкции *под вечер, под праздник* по своему значению чередуются с сочетаниями *перед вечером, перед праздником,* но между ними есть различия в оттенках: предлог *под* обозначает более близкое предшествование к первой границе того времени, которое выражено существительным в винительном падеже; предлог *перед* обозначает более отдаленное предшествование по отношению к первой границе того времени, которое выражено существительным в творительном падеже.

§ 205. Конструкция «*к* плюс дательный падеж» обозначает время, предшествующее времени, выраженному именем существительным в дательном падеже, причем действие осуществляется в такой момент относительного времени, который непосредственно смыкается с первой границей прямого времени, например:

Бишася день, бишася другый; третьяго дни *к полудню* падоша стязи Игоревы. Сл. о полк. Иг., 69. И *къ вечеру* одолѣ Святославъ. Лавр. л., 68.

В составе конструкции «*к* плюс дательный падеж» в современном русском языке употребляются следующие существительные:

1) Названия времен года.

К весне дядья разделились. Горьк., Детство. Да и то еще, погоди, *к осени* как к нам в артель повалят. Панф., Бруски.

2) Названия частей суток.

А *к вечеру* в Широкое зубовские и камышловские бабы заявились. Панф., Бруски. Ребятишки побольше становятся *к ночи* смирнее, мягче. Горьк., В людях. *К утру* ноги у него инеем оделись, а бок на кирпичине сжег. Шол., Подн. цел.

Существительное *день* в этой конструкции употребляется только с определяющим словом:

Товарищ Шалый *к сегодняшнему дню* на сто процентов закончил ремонт. Шол., Подн. цел.

3) Названия частей суток по положению солнца.

Иногда Цыганок возвращался только *к полудню*. Горьк., Детство. *К заре* в яслях не найдешь ни одной бурьянной былки объедьев. Шол., Подн. цел. В лес я приходил *к рассвету*. Горьк., В людях.

4) Существительные *завтрак, обед, ужин.*

К обеду заглянул и к деду Щукарю. Шол., Подн. цел. *К завтраку* насилу управились. Там же.

5) Порядковое имя числительное в дательном плюс имя существительное в родительном падеже.

К *15 мая* по району сев колосовых в основном был закончен. Шол., Подн. цел.

6) Количественно-именные сочетания в дательном плюс существительное в дательном падеже.

К двадцати годам он уже успел растерять полдюжины зубов. Шол., Подн. цел.

7) Имя существительное *время*.

В Гремячем Логу колхоз им. Сталина *к этому времени* целиком выполнил посевной план. Шол., Подн. цел.

8) Существительное *конец* с дополнением в родительном падеже.

К концу работы на баз второй бригады пришел Давыдов. Шол., Подн. цел. *К концу войны* андреева баба с осени нанималась на молотьбу. Там же.

Оборот «*к концу* плюс родительный падеж» чередуется с оборотом «*в конце* плюс родительный падеж», ср.: *пришел к концу собрания* и *пришел в конце собрания; поступил на работу к концу войны* и *поступил на работу в конце войны* и т. п.

Конструкция «*к* плюс дательный падеж» ближе по своему значению к конструкции «*под* плюс винительный падеж», чем в конструкции «*перед* плюс творительный падеж»; ввиду этого допустимы чередования *к вечеру* и *под вечер; к утру* и *под утро*. Что касается сочетаний *к вечеру* и *перед вечером*, то они

не представляют собою простого чередования; каждая из этих форм имеет свои особые значения.

§ 206. Конструкция «*до* плюс родительный падеж» также обозначает время, предшествующее другому времени, именно тому, которое выражено именем существительным в родительном падеже; причем эта конструкция, в отличие от ранее рассмотренных, указывает на то, что действие, выраженное глаголом, может осуществляться в любой момент относительного времени вплоть до первой границы прямого времени, выраженного именем существительным в родительном падеже; в предложении «Иван Грозный был *до Петра Первого*» состояние, выраженное глаголом *был*, имело место намного ранее прямого времени, выраженного родительным падежом *Петра Первого*. В предложении «Надо закончить работу *до воскресенья*» действие, выраженное глаголом, может быть осуществлено в любой день недели до воскресенья. Для выражения двух границ относительного времени употребляются конструкции с предлогами *от... до...* или *с... до...*, например: *работал от двух до четырех дня, работал с утра до вечера, работал с весны до осени* и т. п.

Во всех этих значениях конструкция «*до* плюс родительный падеж» употреблялась и в древнерусском языке: в сочетании с глаголами совершенного вида, имеющими значение завершения действия, конструкция «*до* плюс родительный падеж» указывала на то, что действие осуществляется в один из неопределенных моментов относительного времени до наступления первой границы прямого времени, выражаемого родительным падежом, например:

Всеславъ князь... изъ Кыева дорискаше *до куръ* Тмутороканя. Сл. о полк. Иг., 74. *До недѣли* же виру [сберу]ть вирници. Р. П., Ак., 73. Я коли был богат, и тогда голенких ворами нарекал, *а до сего дни* и сам в ту славу попал. Азб. гол., 25.

В сочетании с глаголами пребывания конструкция «*до* плюс родительный падеж» обозначает относительное время, в течение которого вплоть до первой границы прямого времени осуществляется пребывание, выраженное глаголом, например:

И ины грады, иже суть и *до сего дне* подъ Русью. Лавр. л., 80. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и *до днешняго дне* (пусты). Там же, 69. Суть гради ихъ и *до сего дне*. Там же, 12.

То же значение имела эта конструкция с другими глаголами несовершенного вида, например:

Будеши стеня и трясыйся *до живота* своего. Лавр. л., 87. Аще ли *до свѣта* держать, то вести его на княжь дворъ. П. Р., Ак., 72. И не бѣ у нихъ царя, но архиерѣи обладаху ими *до Ирода* иноплеменьника, иже облада ими. Лавр. л., 100.

То же значение имела эта конструкция в сочетании с глаголами совершенного вида без момента завершенности действия, например:

В день века познано будет всеми; потерпим *до тех мест* (=до тех пор). Авв., Жит., 67.

Примеры с сочетаниями *от... до..., с... до...:*

Почнемъ же, братие, повѣсть сию *отъ* стараго *Владимера до* нынѣшняго *Игоря*. Сл. о полк. Иг., 66. *Съ заранца до вечера...* летятъ стрѣлы каленыя. Там же, 69. *Съ вечера до свѣта* летятъ стрѣлы каленыя. Там же, 69.

Широко употребляется конструкция «*до* плюс родительный падеж» и в современном русском языке.

В сочетании с глаголами несовершенного вида эта конструкция указывает на то, что действие, выраженное глаголом, длится вплоть до первой границы времени, выраженного родительным падежом имени.

Имена существительные, которые обозначают время, приуроченное к определенным моментам в течение дня или года, могут употребляться без уточняющих временные границы определений, например:

Баржа по воде, я — по бережку, бос, по острому камню, да так *от восхода* солнца *до ночи*. Горьк., Детство. На холодных базах *до утра* скитаются быки и коровы. Шол., Подн. цел. *До девяти годов* меня и собаки рвали и гусак щипал до невозможности. Там же. Почти каждый день на дворе *от полудня до вечера* играли трое мальчиков. Горьк., Детство. Валек поставил условием, что я должен *до света* лежать или сидеть в гробе. Горьк., В людях.

Имена существительные, означающие какие-либо события или явления, также могут употребляться без определений:

Знали, что еще *до войны* у него было немалое состояние. Шол., Подн. цел. *До революции* начал крепнуть, думал сына учить. Там же.

Имена существительные, которые обозначают время, не приуроченное к определенным моментам в течение дня или года, как *пора, время, минута, день, год,* всегда имеют при себе определения, указывающие границы времени.

Существительное *пора* во множественном числе употребляется с определяющим словом, а в единственном числе с определяющим словом или без него, но с придаточным предложением, например:

Очень многие колхозники *до сих пор* не знают, какие отпущены колхозам кредиты и все такое прочее. Шол., Подн. цел. И мы сидели молча, близко прижавшись друг к другу, *до поры, пока не пришли старшие*. Горьк., Детство.

Существительные *время* и *минута* употребляются только в ед. числе и с определяющим словом.

Учительствовал *до последнего времени.* Шол., Подн. цел. *До этой минуты* никто еще не смотрел на меня так. Горьк., В людях.

Существительное *день* употребляется только с определяющим словом или с дополнением:

Много «молитв» моих я и *до сего дня помню.* Горьк., В людях. А я жил *до этого дня* точно мышонок в погребе. Там же.

Существительное *год* употребляется в ед. и множ. числе с определениями: *до этого года, до прошлого года, до будущего года:*

А если ты у меня украдешь ботики, аль деньги, я тебя устрою в тюрьму *до твоих совершенных лет.* Горьк., В людях.

Имя существительное *конец* употребляется с дополнением в родительном падеже, например:

Я бегал по полю с солдатами вплоть *до конца учения.* Горьк., В людях. Что ты там будешь делать *до конца пахоты?* Шол., Подн. цел.

В сочетании с глаголами совершенного вида, имеющими значение завершенности действия, конструкция «*до* плюс родительный падеж» указывает на то, что действие, выраженное глаголом, совершается в неопределенный момент относительного времени без непосредственного примыкания его к первой границе прямого времени, выраженного родительным падежом имени, например:

До ночи сорок потов с тебя сойдут. Шол., Подн. цел. *До субботы* я тоже успел провиниться. Горьк., Детство. *До этого* он видел, как она срывала цветы и плела венки на голову Пеки. Панф., Бруски.

В сочетании с глаголами пребывания эта конструкция, независимо от категории вида, указывает на то, что действие, выраженное глаголом, простирается вплоть до первой границы времени, выраженного родительным падежом имени, обозначающего ту или другую временную единицу.

При глаголах с о в е р ш е н н о г о вида:

И *до зимы* не дожил. Горьк., В людях. Передавали, что он *до зари* просидел со Стешкой у двора Огнева. Панф., Бруски, 97. А Макар *до конца собрания* просидел молча. Шол., Подн. цел.

При глаголах н е с о в е р ш е н н о г о вида:

Он оставался в сельсовете *до полуночи.* Шол., Подн. цел. Я ушел и вплоть *до вечера* не возвращался домой. Горьк., В людях.

Для усиления того, что действия, выраженные глаголом, осуществляются без перерыва до первой границы времени, вы-

раженного родительным падежом имени, употребляется частица *вплоть*, например:

Рассказывал он *вплоть до вечера*. Горьк., Детство. И все люди едят вплоть *до дня смерти*. Горьк., В людях.

Для уточнения двух границ относительного времени употребляется конструкция *от... до...* или *с... до...*, например:

Мне кажется, что в доме на Полевой улице дед жил не более года — *от весны до весны*. Горьк., Детство, 83. *С утра и до ночи* в правлении колхоза и в сельсовете кучился народ. Шол., Подн. цел.

Итак, для обозначения времени, предшествующего другому времени, в древнерусском языке употреблялись следующие конструкции: «*перед* плюс творительный падеж» (*перед светом*), «*против* плюс родительный падеж» (*против вторника*), «*под* плюс винительный падеж» (*под вечеръ*), «*к* плюс дательный падеж» (*к вечеру*), «*до* плюс родительный падеж» (*до сего дня*). Все эти конструкции, за исключением конструкции «*против* плюс родительный падеж», сохранились и в современном языке, но они усовершенствовали взаимоотношения между собой и уточнили свои значения.

———

Глава X

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРИЧИНЫ И ОСНОВАНИЯ

§ 207. Потребность найти средства для выражения причинных значений приводила к необходимости использовать различные предложные конструкции, имевшие первоначально иные значения. Система языка располагала большими возможностями выдвижения и закрепления разных предложных форм в причинном значении; дальнейшее развитие языка, дальнейшее его использование в качестве орудия общения привело к выявлению более удачных и менее удачных форм; первые закреплялись в языке и подвергались шлифовке, вторые отсеивались, как менее пригодные для нужд общения.

Конструкция «*о* плюс местный падеж» принадлежала к числу последних. Она относительно широко употреблялась в древнерусских памятниках для обозначения причины. В этой конструкции причинное значение наслаивалось на значение делиберативного объекта; конструкция «*о* плюс местный падеж» в значении делиберативного объекта выдвигается на позиции грамматического средства обозначения причины действия, выраженного глаголом; причинное значение может затем закрепиться за этой конструкцией как отдельное значение, если момент делиберативного объекта будет затемняться. В составе этой конструкции употреблялись разнообразные имена существительные, например:

1) Имена существительные, обозначающие явления и действия.

Бѣси бо ради бываютъ *о* нашемъ *пианствѣ* (=ввиду нашего пьянства). Феод. Печ. I, 196. Не опечали же ся... *о словеси*

семъ (=из-за слов этих) Никиф. м. Посл., 72. Вниде Изяславъ въ Кыевъ. хваля и славя Ба *о* таковѣи *помощи* его. Сузд. л., сп. Лавр., 313. Суть, яко понеже мы ся имали *о* Божьи *вѣре* и *о любви*, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами. Лавр. л., 33. Из Радз. сп.

2) Имена существительные, обозначающие лиц, и личные местоимения.

Мног паде головъ *о кнзи* (=из-за князя) Юрьи. Син. сп., Новг. I л., 321, 19. Терпить *о насъ* (=из-за нас), ожидая покаяния. Там же, 263, 22. Живѣте же *(о) собѣ*, и поставлю вы игумена. «о» из Радз. и Ак. сп., Лавр. л., 157.

3) Имена существительные, обозначавшие бога.

Мы... иже послани отъ Олга... к вамъ, Лвови и Александру и Костянтину, великимъ *о Бозѣ* самодержьцемъ, царемъ Греческымъ. Лавр. л., 32. Из Радз. сп. И разболѣся в печерѣ, и несоша й болна в манастырь, и до осмаго дне *о Господѣ* скончася. Лавр. л., 192.

4) Неличные местоимения.

Благословенъ Богъ *о всемь*, и молитва святыя Богородица... да будеть с вами. Лавр. л., 155. *О чем* жо (=из-за чего, почему) ты не искал на Ивашке в ту шесть лет. А. Ю., 1491 г., Срезн.

Конструкция «*о* плюс местный падеж» продолжала употребляться и в памятниках XVII в., например:

Не радуется *о неправде*, радуетжеся о истине. Авв., Кн. Толк., 248. И повелѣста того великого болярина посредѣ града смерти предати... дабы инии *о обличении* его ужасалися. Ин. сказ., 52. О владыко, ...*о чем* (=почему) долго не бросиш о землю. Ярыж., 88. Точию *о сем* велми я смущаюся, что имени твоего не допытаюся. Кур. лис., 208. Восторжествуем ныне *о победе* нашей. Рад., Пут., Хот.

В современном литературном языке употребление формы «*о* плюс местный падеж» в значении причины не известно; однако говоры знают такое употребление изучаемой формы, например:

О сынѣ (=из-за сына) только ...живу. С верою, лучинка *о чем* (= почему) не свеча? Даль, II, 582. *О чем* не сделати? *О чем* не спросить, коли надобность? Бажов, Малах, шк.

§ 208. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялась и конструкция «о плюс винительный падеж»; значение причины в этой конструкции имеет своей подосновой значение делиберативного объекта, ср.:

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий *о дѣвицю* себѣ любу. Сл. о полк. Иг., 73.

Уже в древнейших памятниках конструкция «*о* плюс винительный падеж» не имела широкого распространения для

обозначения причины. В более поздних памятниках она не отмечена.

§ 209. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялась конструкция «*за* плюс родительный падеж»; располагаем примерами только из памятников XVII в.:

Человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и, *за молитв* святых отец, отхождаху от них беси. Авв., Жит., 95. Да милостив будет ми *за молитв* твоих. Авв., Пис. Сим., 343.

Употребление предлога *за* с родительным падежом в других значениях известно и более ранним памятникам, ср.: *«За полувѣтора лѣта»*. Жит. Феод. Студ., Срезн.

В дальнейшем эта конструкция в причинном значении не получила распространения.

§ 210. Для обозначения причины в древнерусском языке могла употребляться конструкция «*против* плюс родительный падеж», например:

А кого виноватого пожалуете ли, волни есте, показните ли *противу какое вины,* волни же есте. Гр. митр. Кипр. Псков., 1395 г., Срезн. А что меня подарилъ Левонтеи... Калцынымъ островкомъ малымъ одерень, и язъ ему далъ *противо того островка* сорок кунеи. Дух. Новог. и Двин., Срезн.

В последующей истории языка оборот «*против* плюс родительный падеж» не получил распространения для обозначения причины.

§ 211. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялась конструкция «*для* плюс родительный падеж». Первоначально конструкция «*для* плюс родительный падеж» употреблялась для выражения цели действия; в таком значении эта конструкция засвидетельствована уже в древнейших памятниках, ср.: *для митрополита*. Гр. 1453 г., Срезн. Позже эта конструкция выдвинулась на позиции грамматического средства причины действия. Употребление конструкции «*для* плюс родительный падеж» для обозначения причины засвидетельствовано памятниками XVII в., например:

И с матушкою не дал говорить: я *тово для* (=из-за того) плакала. Авв., Жит., 118. Чадо мое сын, князь Михайло Васильевич, *для чего* ты рано и борзо с честного пиру отъехал. Скоп.-Ш., 27. И сего келаря Никодима попросил я на велик день *для праздника* отдохнуть. Авв., Жит., 125. Приезжали в село Булышево вотчины моей села Павловского крестьяне *для долгов*, и иные для женитьбы. Хоз. Мор., I, № 41.

В XVIII в. оборот «*для* плюс родительный падеж» в рассматриваемом значении был во всеобщем употреблении.

В указах Петра I:

Когда президенты в немощи или *для другихъ помѣшательствъ* в Колегиюмъ не могут быть, то можно имъ к себѣ секретаря или нотариюса велѣть призвать. Акты Петра I, 427.

В повестях:

Знаеш ли прямо, Элеонора умирает *кого для*? Ист. Ал. рос., 140. И брат еи Нардин Нащекин обещался то *для прозбы* еѣ учинит(ь). Фр. Скоб., 63.

У Кантемира:

Что же пользы иному, когда я запруся в чулане; *для мертвых* (=из-за мертвых) друзей живущих лишуся. К уму своему.

У Ломоносова:

Однако *для заслуг* Твоих (=ради заслуг твоих)
Пробавил милость в людях сил. На приб. Ел.

У Богдановича:

Для белых рук (=из-за белых рук) ее в народе вышла сказка,
Что будто бы она таилась от людей... Душ.

У Капниста:

Вы так, мой друг! Но я из правил уж моих
Ни *для каких* (=из-за каких) *причин* не выйду ни на миг. Ябеда.

У Чулкова:

От роду мне было тогда девятнадцать лет, и *для того* (=потому) бедность моя казалась мне еще несноснее. Приг. повар.

У Фонвизина:

Асессор Простофилин сам виноват, *для чего* (=из-за чего) потерял место. Я согласился с ними *для того* (=потому), что не понимал дела. Разг. у кн. Халдиной.

У Радищева:

У меня, мой друг, мужиков нет, и *для того* (=потому) никто меня не клянет. Пут.

У Крылова:

Это самая полезная мода *для того* (=потому что), она уже давно в употреблении. Почта духов.

В современном русском литературном языке эта конструкция в причинном значении не употребляется.

В сочетании с предлогом *для* отмечается в единичных случаях и творительный падеж для обозначения причины.

И затем ево *для хворостию* (=из-за болезни) отпустили и взяли в понятые рыбу язя. Ерш., 152.

§ 212. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялся оборот «*по* плюс винительный падеж» местоимения, например:

По чьто мя еси оставилъ. Остр. ев., М., XXVII, 46, Срезн. *По что* нынѣ трепещеши. Ио. Злат., XIV в., Срезн. *По что* твоя грубая персона тогда приятны мины на себя возлагала? Ист. Ал. рос., 173. О лукавый Борисе... како и *почто* еси погубилъ младенца незлобива. Ин. сказ., 10. Не бывать тебе в пресьветлом раю, не пивать из медной чаши. — «А *пошто,* мати лисица?» Кур. лис., 200. Не *по што* в Персы итти пещи огненныя искать. Авв., Кн. Бес., IV, 212. Пошто итти к никониянину? Авв., Всем гор., 355. *Почто* писал ты закон твой для варвар, *почто* ты для них мягкосерд был? Рад., Пут., Спас. пол.

В сочинениях Бажова этот оборот встречается весьма часто, например:

Паном его (главного приказчика) *почто*-то в глаза звали. Виноватее всех *почто*-то оказался.

Этот оборот в произведениях Бажова является отражением особенностей северновеликорусских говоров.

В современном литературном языке закреплен оборот «почему», который употреблялся уже в древнерусском языке.

§ 213. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялась и конструкция «*про* плюс винительный падеж». Значение причины в этой конструкции имеет своей подосновой значение цели; со значением цели эта конструкция выдвигалась на позиции грамматического средства для обозначения причины. В составе этой конструкции употреблялись:

1) Имена существительные, обозначающие лиц, например:

Про сестру его Дину Сикимляне погибоша. Иак. Посл. Дм. д., Срезн. Не может бо погибнут праведникъ *про безаконника.* Паис. сб., 31, Срезн. А что, княже, гнѣвъ будетъ на Владыку... то ти, Княже, нелюбие отложити; а *про Дмитрея про Тарасова* не мщатись, ни судомъ, ничимъ же. Памят. ист. Вел. Новг., 35. Били Фому *про куму,* а Трошку про *кошку.* Сим., Стар. сбор., 247.

2) Имена существительные, обозначающие явления и действия, например:

Аже господинъ бьеть закупа *про дѣло,* то без вины есть. П. Р., сп. Син., 130. Он нас сирот бьет и мучит не *про дела,* напрасно, без вины. Хоз. Мор., № 60. А *про* всяку *вину* по уху ни по видению не бити. Дом. Бил меня, сироту твоего и увечил он Воин не *про вину* напрасно. Хоз. Мор., № 27.

3) Указательные местоимения, например:

Стрѣлцемъ стреляющимся обоим межи полкома..., и побѣгоша..., и *про то* мнози убѣжаша. Лавр. л., 6684 г., Срезн. Аже Латинескии усхочеть ехати и Смольнеска своимь товаромь въ ину сторону, *про то* его князю не дѣржати. Смол. гр. 1229 г., Срезн.

В последующей истории этот оборот в значении причины вышел из употребления в общенародном языке и стал достоянием диалектного обихода.

В современном языке указанный оборот сохраняется в пословичном выражении «ни за что ни *про что*».

§ 214. В причинном значении употреблялась конструкция «*через* плюс винительный падеж». Свое причинное значение эта конструкция получила на основе значения средства. Конструкция «*через* плюс винительный падеж» в значении средства при определенных глаголах получает добавочный оттенок причины действия; затем причинное значение закрепляется за этой конструкцией.

Примерами из древнейших русских памятников не располагаю. В памятниках XVII в. эта конструкция встречается нередко:

И *чрез их* преходит освещение на вторую тройцу. Авв., Жит., 68. Чинится успокоение *через* пересылочные *грамоты*. Котош.

Встречается эта конструкция и в произведениях XVIII в.:

И оной матрос хотя того не желал, но токмо *чрезъ боязнь* взявъ оружия. Ист. Вас. Кор., 112. Уж довольно *чрез тебя* беда научена. Греческа сестра моя в веки не забвенна. Тред., Эпист. о рос. поэзии.

Чрез нас предел наш стал широк.

На север, запад и восток. Ломон. Ода на взят. Хотина.

Мы находим эту конструкцию у Капниста, Грибоедова и И. Дмитриева.

Какими чудесами, *через* какое *колдовство* нелепость обо мне все в голос повторяют? Горе от ума. Твои вот это шашни: *через тебя* и я, и весь мой дом погиб. Ябеда. Симбирск еще не унывал, ожидая последствия похода, но вскоре поражен был известием, что *через* худое *распоряжение* коменданта весь батальон и гвардейские роты принуждены были сдаться мятежникам. Взгляд на м. ж., 10.

Эту конструкцию мы находим в речи персонажей у Чехова, например:

Не пью, а *через* такой *случай* выпью. Не пью, а *через грибы* выпью.

Из современных писателей эту конструкцию употребляет П. П. Бажов, например:

Через девчоночку одну про это узнали.

§ 215. Конструкция «*ради* плюс родительный падеж», употреблявшаяся, как правило, в целевом значении, иногда могла употребляться в древнерусском языке и в значении причины, причем предлог *ради* употреблялся постпозитивно, например:

Поялъ бо ю Ярополкъ себѣ жену *красоты ради* лица ея (=вследствие красоты ее лица). Пск. I л., 6488 г., Срезн.

В памятниках XVII в. конструкция с предлогом *ради* была широко распространена. Для обозначения причины в сочетании с предлогом *ради* употреблялись самые разнообразные имена существительные. Можно отметить:

1) Имена существительные, обозначающие эмоциональные переживания.

Архиепископ же рече ей: «Госпожа моя, где мне деватися *срама ради* и *безчестия?*» Пов. о Валтас., 78.

Ср. у Петра I: «Мы, *ради безсчасться* своего, не можем ранее субботы или недели поспеть». Письма и бум. Петра Вел., IV, 25.

2) Имена существительные, обозначающие дела и поступки людей.

Московские вельможи не хотяху ево во двор ко князю пустити, *неверстия ради.* Скоп.-Ш, 328—329. Адам был в раю, да *сластолюбия ради* изгнан бысть. Авв., Жит., 156.

Ср. у Посошкова с препозицией предлога *ради:* «И *ради* таковые священнической *неисправности* надлежит о священницех великое попечение приложити». О ск., 107.

Особенно часто для обозначения причины употреблялся предлог *ради* в сочетании с местоимением, выступающим в союзной роли:

Зане един никогда не живяше и *того ради* сумнителен бяше. Кур. лис., 202. Укротила скудость мои рѣчистои язык, изъсушила печал(ь) мое лице и бѣлое тѣло, — *ради того* мое сердце невесело. О гр. зл., 7.

Ср. У Посошкова: «Но есть еще и такие презвитери, что и потакают им, и *того ради* церквы все уже запустели». О ск., 21. «А грамматика дело высокое и прочное, и *того ради* и печатать ее надлежит». Там же, 24.

В современном русском языке эта конструкция приобретает причинное значение только в тех случаях, когда в ее состав входят слова, обозначающие эмоциональное состояние субъекта, например:

Из расспросов моих оказалось, что Баринов, *скуки ради,* сплел весьма забавную историю. Горьк., Мои универ. А бабушку с полудня пьяную, *стыда* за нее *ради,* спровадили на чердак и заперли там. Горьк., В людях.

С другими именами существительными предлог *ради* отмечен в препозитивном употреблении, а вся конструкция имеет целевой оттенок, неотделимый от причинного значения, например:

Сегодня, *ради* твоего *приезда,* я встала и вот видишь, снова хуже. Эренб., Пад. Парижа.

Таким образом, употребление конструкции с предлогом *ради* в причинном значении в современном русском языке имеет незначительное распространение.

Ряд предложеных конструкций, употреблявшихся в древнерусском языке для обозначения причины, сохранился и в современном русском языке. Однако они с тех пор значительно усовершенствовались; отношения между ними приобрели большую ясность и расчлененность; каждая из этих конструкций получила свои специфические функции; более точно определились области их употребления и применения. Рассмотрим эти конструкции.

§ 216. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялся также оборот «*за* плюс творительный падеж», например:

А коли позоутся на третей... а въ то время рать на того будеть, кого позуть... инъ *за тѣм* не поедеть на третей, въ томъ ему вины нѣтъ. Дог. гр. в. кн. Вас. Дм. с Фед. Ольг. Ряз., 1402 г. Целой был дом мой, да не велел бог мне жить *за скудостию* моею. Азб. гол., 23. Есть потомъ и иные многие добрые и высокие роды, толко еще въ честь не пришли, *за причиною* и *за недослуженiемъ*. Котош., 23.

Употребление этой конструкции в причинном значении имело место и в памятниках XVIII в.

Ежели иногда кто *за болѣзнию* или нѣкоторой важности ради в монаршескихъ дѣлахъ не в присудствии былъ, того для дѣламъ оставленым быть не надобно. Акты Петра I, 285. Мы *за* божиим *благословением* можем и без их товаров пробыть. Посош., О скуд., 122. Так выпущена ты в моем оттоль кафтане, *затем* что я и сам вон вышел в сарафане. Майк., Ел. *За любопытством* одним лишиться покою, ища солнце ль движется или мы с землею? Кант., У уму своему. Дабы *за вкушением* слатостей не познал погибели! Ист. Ал. рос., 167.

Интересно отметить, что употребление имен существительных, обозначающих предметы, а также местоимений имело место еще у писателей XIX в., например:

Мы потеряли несколько часов *за льдом*, который шел по реке, прерывая все сношения с другим берегом. Герц., Б. и д. Министры никогда ни *за чем* не останавливаются. Там же.

В современном языке употребление этой формы в значении причины весьма ограничено. А. М. Пешковский, например, отмечает, что предлог *за* с творительным имеет значение препятствующей причины: *за отсутствием кого-либо, за неимением комнаты, за дальностью расстояния*[1].

В словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова приведены примеры: *за молодостью лет, за отсутствием улик*,

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5, стр. 277

за истечением срока, за ненадобностью. При этом указано, что такие выражения свойственны канцелярскому, деловому слогу.

Примеры употребления конструкции «*за* плюс творительный падеж» можно привести и из произведений советских писателей. Имена существительные, входящие в состав этой конструкции, могут обозначать какой-нибудь недостаток, нужду в чем-нибудь, например:

Мы прекратили работы потому, что совнархоз не нашел возможным продолжать ремонт *за отсутствием* необходимых средств. Гладк., Цем. Его отослали в полк *за неспособностью.* Сераф., Жел. поток.

Они могут обозначать отсутствие потребности в чем-либо, например:

Как-то на страстной Сузанна нашла под лестницей исписанные клочки, выброшенные *за ненадобностью.* Леон., Соть.

Можно отметить употребление имен существительных, обозначающих действие или состояние, например:

Уборщица вытирает вагон масляной тряпкой, и губы ее что-то шепчут, но слов не разобрать *за шарканьем* локомотивов. Федин, Гор. и годы.

Конструкция «*за* плюс творительный падеж» в причинном значении может чередоваться с конструкцией «*из-за* плюс родительный падеж», например: *за отсутствием — из-за отсутствия; за недостатком — из-за недостатка; за неспособностью — из-за неспособности.*

§ 217. Конструкция «*за* плюс винительный падеж» в древнерусском языке имела разные значения, в том числе значение объекта при глаголах защиты, например:

Како стати всѣмъ... *за правду* Новгородьскую. Новг. I л., Син. сп., Срезн.

При отдельных глаголах конструкция «*за* плюс винительный падеж» приобретала причинное значение, например:

Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или усхнеть, или нога, или око, или не утнеть, то полувирье 20 гри(венъ), а тому *за вѣкъ* 10 гри(венъ). П. Р., Тр., 106.

В этом предложении «заплатить *за вѣкъ*» означает «*за увечие*»; если бы вместо слова *вѣкъ* в этом предложении было слово *голова,* то конструкция не имела бы причинного значения: «за голову» означало бы предмет оценки, а не причину действия.

Причинное значение можно видеть в следующих примерах:

И пострадати *за* Адамово *преступленье.* Лавр. л., 97. То солнечное затмение *за гнев* божий к людям бывает. Авв., Жит., 66. *За што-то* (= почему) меня в те поры не было! Авв., Сл. на без., 269.

Причинное значение в этих конструкциях наслаивается на значение объекта. Это значит, что конструкция «*за* плюс винительный падеж» со значением объекта, например, в предложении «бороться *за правое дело*», выдвигается при определенных глаголах на новые позиции для удовлетворения потребностей выразить причину глагольного действия; если употребление этой конструкции для обозначения причины закрепляется, то объектное значение постепенно начинает затемняться.

Конструкция «*за* плюс винительный падеж», первоначально употреблявшаяся для обозначения объекта, в древнерусском языке широкого распространения в причинном значении еще не имела. В дальнейшей истории языка область применения конструкции «*за* плюс винительный падеж» расширилась. Она получила более определенное ограничение как со стороны тех глаголов, которые ею управляют, так и со стороны тех имен существительных, которые входят в ее состав.

Востоков обратил внимание на то, что конструкция «*за* плюс винительный падеж» обозначает причину действия, если глагол имеет значение воздаяния, например: *наградить за службу; благодарить за усердие; наказать за преступление; мстить за обиду; хвалить за добрые качества; журить за оплошность.*

В действительности круг глаголов, в сочетании с которыми конструкция «*за* плюс винительный падеж» приобретает причинное значение, обширнее. Эта конструкция имеет причинное значение в сочетании с глаголами справедливого или несправедливого возмездия, например: *пострадал за правду; подвергся гонениям за революционную борьбу; осудили за кражу; исключили из партии за склочничество.* Отдельные оттенки причинных значений зависят от характера имен существительных, употребляющихся в составе этой конструкции.

Имена существительные, обозначающие духовное состояние лица или черту его характера, с предлогом *за* в сочетании с глаголами воздаяния или возмездия могут обозначать психологическую мотивировку действия, выраженного глаголом; в этих конструкциях черта характера или духовное состояние принадлежит одному лицу, а действие воздаяния другому лицу; ввиду этого и причина действия оказывается внешней по отношению к действию.

Это и понятно: конструкция «*за* плюс винительный падеж» первоначально обозначала объект того действия, которое производится агентом глагольного действия, а затем она принимает на себя функцию причины действия, свойственного определенной группе глаголов. Примеры:

По наблюдениям моим над междоусобицами жителей, я знал, что они, мстя друг другу *за обиды,* рубят хвосты кошкам, травят собак. Горьк., Детство. Отец проклял его *за строптивость.* Горьк., Мои универ. Не чудилось ли ему во всем том возмездие *за суровость?* Федин, Гор. и годы. Люсьен упрекал себя *за несдержанность.* Эренб., Пад. Пар.

Имена существительные, обозначающие неблаговидные поступки или действия лица, с предлогом *за* в сочетании с глаголами возмездия могут обозначать причину действия, выраженного указанными глаголами, например:

Я вам уже сказал, вы исключены из партии *за склочничество.* Гладк., Цем. Он никогда не пытался высмеивать юного Бакланова *за подражание.* Фад., Разгр. Меня оставили дома в наказание *за* какие-то *грехи.* Горьк., Детство. Ведь для нее он оставался ребенком, которого не грех и отшлепать *за* глупую *проказу.* Эренб., Пад. Пар. Он судил троих парней *за кражу* полотна. Горьк., Дело Артам.

Причинное значение имеют имена существительные, обозначающие положительные поступки лиц, с предлогом *за* после глаголов воздаяния, например:

За хозяйственность среди смертной работы его в третий раз посылают в школу. Сераф., Жел. пот. Так ведь и я тебя тоже люблю, — *за то* и боль принял, *за любовь!* — ответил Цыганок. Горьк., Детство. Здравствуйте, — сказал он, снимая фуражку и присаживаясь, — *за копанье* окопов полагается фунт хлеба. Федин, Гор. и годы.

Имена существительные, обозначающие реальные предметы, с предлогом *за* в сочетании с глаголами воздаяния или возмездия могут также обозначать причину действия, выраженного глаголом, например:

Донос — не оправдание. Доносчику первый кнут! Вот тебе *за скатерть!* — говорил дед. Горьк., Детство. Мужа у нее в Сибирь осудили *за фальшивые деньги.* Горьк., В людях. Толя рассказал, что в лесу приняли хорошо и похвалили *за листовки* «Весть с Родины». Козл., В крым. подп.

Такие обороты больше свойственны просторечию.

После глаголов возмездия или воздаяния в составе конструкции «*за* плюс винительный падеж» могут употребляться для выражения причины субстантивированные местоимения, например:

Он всегда угрюмо сторонился людей и над ним издевались *за это.* Горьк., Мать. Мне трудно понять, *за что* они так не любили хохла Панкова и всех наших людей. Горьк., Мои универ.

§ 218. Для обозначения причины в древнерусском языке употреблялась также конструкция «*из* плюс родительный па-

деж». В составе этой конструкции употреблялись имена существительные, обозначающие лиц и предметы; в таком случае конструкция «*из* плюс родительный падеж» обозначала внешнюю причину сознательно производимого субъектом действия, выраженного глаголом.

Это объясняется тем, что конструкция «*из* плюс родительный падеж» обозначала объект, являющийся целью глагольного действия; с целевым значением эта конструкция при определенных глаголах получала причинный оттенок; таким образом, в позиции причинной конструкции стала употребляться, а затем и закрепилась первоначально целевая конструкция «*из* плюс родительный падеж», например

Онъ же работа другую... лѣтъ... *изъ Рахили.* Сл. Фил., 986, Срезн. И даяху оци и мтри дѣт свое одьрень *ис хлѣба* гостьмъ. Новг. I л., 6738 г., Срезн. Сей же Яковъ работа у уя своего *изо дщери* его изъ меньшеѣ лѣтъ 7 Лавр. л., 91.

Употреблялась эта конструкция и с другим составом глаголов и имен существительных, например.:

Мнози *изъ гладу* мряху. Пск. I л., Погод. сп.

Конструкция «*из* плюс родительный падеж» в том же значении с теми же именами существительными употреблялась в памятниках XVII в., например:

Поздей Внуков тое мельницу сверх старого оброку 14-ти руб. отдал того же села Нового Покровскова крестьяном *из наддачи* на откуп изо шти рублев. Хоз. Мор., 123.

В литературном языке более поздней поры в составе этой конструкции встречаются имена существительные, обозначающие отвлеченные явления, например:

Син мнят с ним: я служу *из моды*... но ниже *из* малейшего *честолюбия* — токмо *из блага* общаго народам. Сув., 109.

Конструкция «*из* плюс родительный падеж» для обозначения причины употребляется и в современном русском языке; но в отличие от древнего современный язык допускает в этой конструкции употребление имен существительных, обозначающих только духовное состояние субъекта.

Так как эта конструкция сохраняет момент целевого назначения глагольного действия, то с наслоением на него причинного значения она приобретает значение внутренней, осознанной субъектом психологической мотивировки его действия, выраженного глаголом, например:

Он остановился рядом с Андреем, чтобы раскурить трубку, и сказал несколько слов *из сочувствия* и *общительности.* Федин, Гор. и годы. Все боялись его, считая безумным, но *из жалости* подкладывали к его двери хлеб, чай, сахар. Горьк., Мои универ. Как будто *из милости* к людям вы их при себе держите... — заметила мать. Горьк., Мать. Сташинский

видел, что хвалит он Левинсона не только потому, что тот на самом деле «смекалистый», а еще *из приятности.* Фад., Разгр.

Таким образом, конструкция «*из* плюс родительный падеж» в причинном значении претерпела серьезные изменения в исторической жизни русского языка. Если в древнерусском языке она обозначала внешнюю причину по отношению к субъекту действия, выраженного глаголом, например: *работал из Рахили,* то в современном русском языке она стала обозначать внутреннюю осознанную субъектом причину его действия, заложенную в нем самом, например: *сделать что-либо из зависти.*

§ 219. С конструкцией «*из* плюс родительный падеж» тесно связана конструкция «*с* плюс родительный падеж». Эта последняя в древнерусском языке употреблялась для обозначения причины. В конструкции «*с* плюс родительный падеж» значение причины наслаивается на значение образа действия; рассматриваемая конструкция с значением образа действия, например: «А татя и разбойника... *с одного* казнят» (Жал. гр. в. кн. Вас. Дм. м. Фот., 1425. Срезн.) начинает использоваться в силу определенных потребностей для обозначения причины; ввиду этого в конструкции «*с* плюс родительный падеж» значение причины не связано с моментом сознательной деятельности субъекта, как в конструкции «*из* плюс родительный падеж».

В состав этой конструкции «*с* плюс родительный падеж» входили имена существительные разных разрядов, а именно:

1) Имена существительные, обозначающие физическое состояние организма, например:

Помроша *съ голода.* Переясл. л., 6677 г., Срезн. Людьс изнемогошася в городѣ *з голода.* Сузд. л., сп. Лавр., 388. Мыши с хлеба опухли, а мы *с голоду* мрем. Каляз. челоб., 121.

2) Имена существительные, обозначающие имущественное состояние субъекта, например:

И так *с недостатку* стало у меня брюхо расти. Азб. гол., 22. Тверд живот мои *с* великие *кручины* и *бедности.* Там же, 25.

3) Имена существительные, обозначающие поступки и обстоятельства, например:

И прошу Вас, дабы вы чинили *с совету* по тем пунктам неотменно. Письма и бум. Петра Вел., IV, 123.

4) Имена существительные, обозначающие духовное состояние субъекта, например:

И он де сказал, что сшелъ *с сердца.* Дело Ник., № 41. И то ведаю, что *с* великой *ревности* и *усерства* учинил вскоре. Там же.

5) Указательные местоимения, например:

И выникнувши змиа изо лба, (и) уклюну в ногу, и *с того* разболѣся и умре. Из Радз. сп. Лавр. л., 38.

В литературных произведениях XIX в. еще продолжали употребляться в изучаемой конструкции имена существительные, обозначающие дела и поступки людей, а также их духовное состояние, например:

Злобствую я *с работы каторжной,* да *с голоду,* да *с заботы.* Е. Карпов, Зарево. А *с* такой-то *неволи* от какой хочешь красавицы жены убежишь. Остр., Гроза.

Употреблялись и указательные местоимения, например:

Сосед мой Привалов не ведь *с чего* вцепился. Кап., Яб. *И с этого* завязался разговор о привидениях, предчувствиях и ясновидящих. Писем., Тыс. душ.

Современный русский литературный язык сохранил только две группы имен существительных в конструкции «*с* плюс родительный падеж» при обозначении причины: имена существительные, обозначающие внутреннее духовное состояние субъекта, и имена существительные, обозначающие внутреннее физическое состояние субъекта; причем эти имена существительные с предлогом *с* обозначают внутреннюю, стихийную, неосознанную субъектом причину его действия, так как это причинное значение возникло на основе значения образа, а не способа действия, например: *сделать что-либо с перепугу; умереть с голоду* и т. п.

Таким образом, эта конструкция очень близка к конструкции «*из* плюс родительный падеж», ср.: *сделать что-либо из страха* (сознательно) и *сделать что-либо со страха* (стихийно). Однако полного параллелизма между этими оборотами нет. В сочетании с предлогом *из* употребляются имена существительные, обозначающие такое состояние субъекта, которое может быть предусмотрено, например: *из зависти, из любопытства, из сострадания, из страха, из преданности, из благодарности, из трусости* и т. п.

В сочетании с предлогом *с* употребляются имена существительные, обозначающие такое состояние, которое является независимо от преднамеренности субъекта, например: *со зла, со скуки, с перепугу, с горя, с тоски, с радости, со страху, с голоду* и т. п.

Примеры с именами существительными, обозначающими духовное состояние субъекта независимо от его преднамеренности:

Он грубо гнал старшего посудника на мою работу, тот *со зла* бил стаканы. Горьк., В людях. Когда полковник Керье *с перепугу* хотел расформировать две роты, Фабр воспротивился. Эренб., Пад. Пар.

Любит баба плакать, *с горя* плачет, *с радости* плачет! — смущенно сказала мать. Горьк., Мать. *С тоски* начал учиться играть на скрипке. Горьк., Мои универ. *Со страха* я начинал говорить громко. Горьк., В людях.

Примеры с именами существительными, обозначающими физическое состояние субъекта:

Не мешайте мне работать, чёрт вас возьми! — орет хозяин, бледный *с натуги*. Горьк., Мои универ. А кто покойник? — спросил могильщик. Ученый, — ответил студент. — Стало быть *с голоду?* — Не, не *с голоду*. Федин, Гор. и годы.

§ 220. Для обозначения причины действия, выраженного глаголом, в древнерусском языке употреблялась и конструкция «*от* плюс родительный падеж». Предложный оборот «*от* плюс родительный падеж» обозначал истонник, мотив и побуждение к действию, выраженному глаголом.

В древнерусском языке предлог *отъ* в сочетании с родительным падежом мог обозначать значение происхождения и источника, откуда возникает данное явление, например:

Се тобѣ, сыну и брате, написахъ *от святыхъ писании*. Поуч. свящ. ок. 1499 г., Срезн. Како ли *от корене* Иосъева процвѣте цвѣтець. Златостр., 135, Срезн.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в значении источника и происхождения действия, выраженного глаголом, при определенных глаголах выдвигается на позиции грамматического средства для обозначения причины глагольного действия и закрепляется в этой функции.

В составе конструкции «*от* плюс родительный падеж» употреблялись имена существительные разного характера, например:

1) Имена существительные, обозначающие действия или поступки, при глаголах, обозначающих пребывание и рождение.

Велика бо бываеть полза *отъ ученья* книжного. Лавр. л., 148. И Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, егоже роди мати *отъ вълхованья*. Там же, 151. Усобная же рать бываеть *отъ соблажненья* дьяволя. Там же, 163.

2) Имена существительные, обозначающие физическое состояние в качестве причины действия, выраженного глаголом.

Половци же пришедше къ Торжьску, людие же изнемогоша *отъ глада,* предашася поганымъ. Воскр. л., 7.

3) Имена существительные, обозначающие реальные предметы в качестве причины действия, выраженного глаголом.

Сего ради примуть царствие красотѣ и вѣнець добротѣ *отъ руки* Господня. Лавр. л., 67. Аще ли ключить ся кому *отъ лодьи* убьену быти отъ насъ Руси. Из Радз. сп. Там же, 35.

4) Имена существительные, обозначающие физические явления природы в качестве причины действия, выраженного глаголом.

Аще ли таковая лодья ли *отъ буря,* (или) боронеииа земнаго боронима, не можеть возборонитися въ своа си мѣста. Лавр. л., 34. Из Радз. сп.

5) Имена существительные, обозначающие лиц в качестве причины действия, выраженного глаголом; при страдательной форме такая конструкция обозначала бы действующее лицо, ср.: *убить отъ Ярополка.* При глаголах движения эта конструкция означала бы лицо, от которого происходит действие удаления, ср.: *ушел от брата.* При глаголах бытия, возникновения или исчезновения конструкция «*отъ* плюс родительный падеж» имеет причинное значение, например:

Иди в Русь опять, и буди благословленье *отъ Святыя Горы,* яко отъ тебе мнози черньци быти имуть. Лавр. л., 152—153. *Отъ жены* же воплотився Богъ повелѣ в рай внити вѣрнымъ. Там же, 102.

В последующей истории языка употребление этой конструкции для обозначения причины не суживалось, а расширялось. Только названия лиц перестали употребляться в этой конструкции для обозначения причины. В современном русском языке конструкция «*от* плюс родительный падеж» является одной из самих употребительных при обозначении причины действия, выраженного глаголом, причем в составе рассматриваемой конструкции, за исключением названий лиц, употребляется гораздо более широкий круг имен существительных.

Они могут обозначать внутреннюю причину глагольного действия, если производителем действия, выраженного глаголом, является тот же предмет, который является носителем состояния, обозначенного именем существительным, например: *улыбался от радости, устал от ходьбы* и т. п. В этих предложениях *улыбается* и *радуется, устает* и *ходит* одно и то же лицо.

Они могут обозначать внешнюю причину глагольного действия, если производителем действия, выраженного глаголом, является один предмет, а носителем состояния, выраженного именем существительным, является другой предмет, например: проснулся *от грохота машин.* В этом предложении *проснулся* человек (один предмет), а *грохот* производит другой предмет.

При обозначении внутренней причины в конструкции «*от* плюс родительный падеж» входят обычно имена существительные, обозначающие душевное или физическое состояние организма. Примеры:

И чувствуя себя способной исполнить эту задачу, она вся вздрагивала *от радости.* Горьк., Мать. Сергею показалось, что он вовсе не смеется, а дрожит *от тоски.* Гладк., Цем. Жаннет плакала *от обиды.* Эренб., Пад. Пар. Никита замер *от страха, от жалости.* Горьк., Дело Артам. Мечик взял винтовку и едва не задохнулся *от жути.* Фад., Разгр. Но новобранцу скучно, он устал *от ожидания.* Федин, Гор. и годы.

Рассматриваемые имена существительные могут употребляться и с определениями:

Сергей волновался *от смутной радости.* Гладк., Цем. Она суетилась вокруг стола, убирая посуду, довольная, даже вспотев *от приятного волнения.* Горьк., Мать.

Душевные состояния человека могут находить и внешние проявления; имена существительные, обозначающие те проявления, которые выражают душевное состояние человека, также употребляются в составе конструкции «*от* плюс родительный падеж» для обозначения внутренней причины глагольного действия, например:

На щеках у Жидкого вздрагивали складки *от улыбки.* Гладк., Цем. Она задыхалась *от слез,* но не плакала. Горьк., Мать.

Имена существительные, обозначающие душевное состояние, могут употребляться и при качественных прилагательных, обозначающих состояние, цвет, форму:

Через несколько минут, *пьяный от радости,* прихрамывая, я сносил к бане спаленные вещи. Горьк., Мои универ. Поглядывая исподлобья на *багровые от стыда* лица моих товарищей, я чувствовал себя преступником. Там же.

Имена существительные, обозначающие физическое состояние организма, употребляются с предлогом *от* при глаголах, обозначающих такое действие или проявление организма, причиной которого практически может быть то или другое его физическое состояние, например:

Было жарко, она задыхалась *от усталости.* Горьк., Мать. Громада хрипел, задыхался и таращил глаза *от изумления.* Гладк., Цем. Ноги еще дрожали *от слабости* и по всему телу бродил веселый, прыгающий зуд. Фад., Разгр.

Имена существительные, обозначающие физическое состояние организма, могут употребляться в рассматриваемой конструкции с определениями:

Казалось, *от нечеловеческой усталости* все должны свалиться пластом и спать, как убитые. Сераф., Жел. поток. На гребнях черные от мазута барабаны, дрожа *от неустанного напряжения,* наматывали скользкие тросы. Фад., Разгр.

Имена существительные, являющиеся названиями болезней:

Лагранж умер *от гангрены* на руках у Люсьена. Эренб., Пад. Пар. Задыхаясь *от кашля,* наскакивал на парня смуглый чахоточный человечек. Гладк., Цем.

К группе имен существительных, обозначающих физическое состояние организма, отнесем имена существительные, обозначающие работу или другое действие человека, являющиеся причиной того действия, которое выражено глаголом; причем производителем глагольного действия является то же лицо, какое является носителем того состояния, которое выражено именем существительным:

И от него не пахнет уже гарью и маслом и спина не сутулится *от работы.* Гладк., Цем. Он ходил целый час и устал больше *от раздражения,* чем *от ходьбы* по невылазному этому месиву. Леон., Соть.

Конструкцией «*от* плюс родительный падеж» управляют не только соответствующие глаголы, но и связанные с ними деепричастия, причастия, а также и прилагательные:

А когда она остановилась, *изнемогая от усталости,* топот копыт оборвался и ее охватила звенящая тишина. Гладк., Цем. Поджав *дрожащие от напряжения* колени, Мишка опустился на землю. Фад., Разгр. В отряд он вернулся почти днем, похудевший с воспаленными глазами и головой, *тяжелой от бессоницы.* Там же. В последнем примере конструкция имеет значение источника качества.

При обозначении внешней причины в конструкцию «*от* плюс родительный падеж» входят обычно имена существительные, обозначающие явления и состояния природы, отдельные предметы и явления, а также действия предметов и явлений; производителем глагольного действия и носителем тех состояний, которые обозначены именем существительным, являются разные предметы; ввиду этого и причина глагольного действия оказывается внешней по отношению к производителю этого действия.

Имена существительные, обозначающие состояние природы, употребляются с предлогом *от* при глаголах, обозначающих такое действие, причиной которого практически может быть данное состояние природы:

Ночи становились все холодней; рука, державшая револьвер, ныла *от холода.* Горьк., Дело Артам. Она сама вздрагивала *от утренней свежести.* Гладк., Цем.

Имена существительные, обозначающие физические явления и предметы, употребляются с предлогом *от* при глаголах, обозначающих такое действие, причиной которого практически могут быть свойства предметов, обозначенных существительным, например:

Он всегда сильно страдал *от водки.* Горьк., Мать. *От лекарства* все в нем оцепенело. Эренб., Пад. Пар.

Имена существительные (без определения или с определением) при именах прилагательных со значением источника качества:

На земле, *черной от копоти,* огромным темнокрасным пауком раскинулась фабрика, подняв высоко в небо свои трубы. Горьк., Мать. *От табачной мути* воздух был грязный. Гладк., Цем.

Имена существительные, называющие акты и действия предметов, употребляются с предлогом *от* при глаголах, обозначающих такое действие, причиной которого могут быть указанные акты и действия, названные именем существительным, например:

Каждую ночь парижане просыпались *от рева* сирен. Эренб., Пад. Пар. Ночью Дубов проснулся *от сильного толчка* в бок. Фад., Разгр. *От нечеловеческого сотрясения* расселась земля, раскрылись могилы. Сераф., Жел. поток.

§ 221. Современный русский язык обогатился новыми средствами для обозначения причины. В числе их можно назвать конструкцию «*из-за* плюс родительный падеж». В древних русских памятниках предлог *из-за* для обозначения причины еще не употреблялся; даже в памятниках XVII в. он еще сравнительно редок в причинном значении, например:

И по малымъ стежкамъ отъ морового повѣтрия заставы и *из-за* тѣхъ де *заставъ* в Борисовъ съ хлѣбомъ и ни съ чѣмъ не пропущают. Моск. акты, Докл. воев. 1657 г., 569.

В современном русском языке конструкция «*из-за* плюс родительный падеж» употребляется весьма широко. В. В. Виноградов отмечает, что предлог *из-за* «выражает как внутреннюю причину, так и предлог, прикрытие действия, но подчеркивает рассудочную, логическую сторону мотива: *разошлись из-за пустяков, из-за тебя все вышло*»[1].

Конструкция «*из-за* плюс родительный падеж» в отличие от конструкции «*от* плюс родительный падеж» обозначает причину, устанавливаемую говорящим лицом, автором речи; в выражении «цветы завяли *от жары*» причина дается как объективное основание действия, выраженного глаголом, а это последнее осуществляется как объективное следствие причины; в выражении «разошлись *из-за пустяков*» причина дается как осознанный, устанавливаемый автором речи повод, являющийся причиной действия, выраженного глаголом, а это последнее осуществляется как осознанное следствие причины.

В составе конструкции «*из-за* плюс родительный падеж»

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 691.

употребляются имена существительные разного характера. Имена существительные, обозначающие душевное или физическое состояние человека, с предлогом *из-за* употребляются при глаголах, выражающих такое действие, по отношению к которому состояние, обозначенное существительным, выступает в роли установленной рассудком причины, а само глагольное действие осуществляется как осознанное следствие этой причины. Примеры:

Вот, видишь, из чего Плетнев пропал? *Из-за жалости,* — говорил Никифорыч. Горьк., Мои универ. И так как он никогда не мог подумать, что этот враг сидит в нем самом, ему особенно приятно и горько было думать о том, что он страдает *из-за подлости людей.* Фад., Разгр.

Имена существительные, обозначающие физические явления или предметы, а также лиц, с предлогом *из-за* употребляются при глаголах, обозначающих такое действие, по отношению к которому предмет, обозначенный существительным, является поводом для совершения глагольного действия, а самое действие осуществляется как осознанное следствие указанной причины; можно сказать «поссорились *из-за денег*», но нельзя сказать «вода замерзла *из-за холода*».

1) Имена существительные, обозначающие явления:

Морозка чувствовал, что именно *из-за* этой *красивости,* которой нет в нем, в Морозке, Варя предпочла Мечика. Фад., Разгр. «Дугласы» не раз гудели над нашими головами и *из-за плохой видимости* не могли приземлиться. Козл., В Крым. подп.

2) Имена существительные, обозначающие физические предметы:

Из-за одного эдамского *сыра* стоило поворочать лопатой. Федин, Гор. и годы. Ты помнишь, как *из-за* этой *газеты* земский Ваганова трепал? — говорил Петр. Горьк., Мать.

3) Имена существительные, обозначающие лиц:

Ей стало вдруг обидно, что она пришла *из-за Мечика,* а он пожимает плечами. Фад., Разгр.

4) Личные и указательные местоимения:

Из-за меня вся семья подверглась большой опасности. Козл., В Крым. подп. Вот, глядите, что сделалось *из-за вас,* — крикнула бабушка. Горьк., Детство.

§ 222. В современном русском языке получает распространение конструкция «*под* плюс творительный падеж» для обозначения причины. Ср.:

Приезд Морозки нарушил душевное равновесие, установившееся в Мечнке *под влиянием* ровной, безмятежной жизни в госпитале. Фад., Разгр. Лена *под предлогом* его проводов

поехала в город, предупредив, что останется ночевать на городской квартире. Фад., Посл. из Уд.

В современном литературном языке подобное словоупотребление носит отпечаток фразеологических сочетаний. Ср.: *не делать чего-либо «под страхом» ответственности, наказания* и т. п.

§ 223. В современном русском языке происходит интенсивный процесс образования новых грамматических средств для обозначения причины. В систему этих средств втягиваются имена существительные, наречия и отдельные глагольные формы; они утрачивают значение членов предложения и переходят на позиции грамматического средства другого члена, выражая те или другие оттенки причины; рассмотрим некоторые из таких конструкций.

Конструкция «*благодаря* плюс дательный падеж»:

Я тоже делал все это в прямом и переносном смысле физически и духовно, и только *благодаря* какой-то *случайности* не надорвался на-смерть. Горьк., В людях. Он, охотник, будет очень полезен теперь, когда я его крепко держу за горло, *благодаря* его *ошибке* с вами. Горьк., Дело Артам.

Как показывают примеры, постепенно в предлоге *благодаря* стиралось его лексическое значение, и этот предлог стал использоваться также для обозначения причины с нежелательным результатом.

Конструкция «*вследствие* плюс родительный падеж»:

Вследствие дурной погоды прогулка не состоялась. Химические свойства растений изменяются *вследствие перемен*, которые проистекают в условиях среды.

Конструкция «*в силу* плюс родительный падеж».

Самые рискованные операции удаются подчас лучше самых тщательно подготовленных *в силу неожиданности*. Фад., Мол. гвард.

Конструкция «*в результате* плюс родительный падеж»:

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции был ликвидирован национальный гнет в нашей стране.

Конструкция «*в зависимости от* плюс родительный падеж»:

Кроме того, *в зависимости от условий* выращивания не только изменяется количественный характер накопления тех или иных веществ, но происходят и качественные изменения. «Вопр. филос.» № 1, 1952, 105. Ср.: *вне зависимости*.

Конструкция «*ввиду* плюс родительный падеж»:

Ввиду непогоды отъезд придется отложить.

Конструкция «*по причине* плюс родительный падеж».

По причине болезни профессора лекция не состоялась.

Все эти конструкции встречаются, главным образом, в книжной речи. Они находятся в состоянии приспособления к потребностям разностороннего выражения причины действия, выраженного соответствующими формами.

§ 224. Ряд предложных конструкций использовался в древнерусском языке для обозначения основания действия, выраженного глаголом или причастием.

В значении основания действия использовалась конструкция «*на* плюс местный падеж». Можно думать, что значение основания в этой конструкции имеет своей подосновой значение пространственное; именно в пространственной функции конструкция «*на* плюс местный падеж» выдвигалась на позиции грамматического средства для обозначения основания глагольного действия, например:

Послалъ есмь посла... *на* сеи *правдѣ*. Мир. гр. Новг., 1199 г., Срезн. А опять сѣлъ князь великыи Михаило *на* Фектистовѣ *грамотѣ* (= на основании грамоты), что доконьчалъ... на Тфѣри. Дог. гр. Новг. с в. кн. Мих. Яр., Срезн. А ты, пропоица, не впреки глаголеш: бог тебе платит *на добром слове* (= на основании доброго слова). Ярыж., 72.

Однако в последующей истории языка эта конструкция в значении основания для совершения глагольного действия не закрепилась.

В функции основания действия могла употребляться и конструкция «*с* плюс родительный падеж», например:

Пишю с *Грѣцког закона* суды и оправданиа (= на основании греческого закона). П. В. Л., Переясл. сп., Срезн. *Съ съвѣта вьсѣхъ* Стефана игумена въ себѣ наркоша быти (= на основании совета всех). Нест., Жит. Феод., 28, Срезн. И то ты чинишь *съ Литовскаго обычая* (= на основании литовского обычая). Жал. гр. Ив. Вас. Судим., Срезн.

Однако в дальнейшей истории языка и эта конструкция не закрепилась в значении основания глагольного действия.

Можно считать, что и конструкция «*по* плюс местный падеж» могла употребляться в значении основания для совершения глагольного действия, например:

Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или кто инъ, тогда. А *по костехъ* и *по мертвеци* не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его. П. Р., Тр., 105.

Следует отметить употребление конструкции «*из* плюс родительный падеж» в значении основания действия, например:

Когда президенты или нѣкоторые члены Колегиев, *из важных причинъ*, в отлучке бывают, то от того дѣламъ остановки не будет. Акты Петра I, 421.

Степень распространенности этих конструкций в значении

основания глагольного действия должна быть более точно изучена.

Более широкое распространение для обозначения основания глагольного действия имела конструкция «*от* плюс родительный падеж». При глаголах прозвания конструкция «*от* плюс родительный падеж» обозначала определенный признак, выраженный существительным как основание для прозвания, выраженного глаголом, например:

А *отъ* тѣхъ *Ляховъ* прозвашася Поляне. Лавр. л., 5. Тѣмже и Словеньску языку учитель есть Павелъ, *отъ негоже языка* и мы есмо, Русь. Там же, 28. (Вставка из Радз. сп.). Рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, *отъ сея* прозвашася Полочане. Там же, 5, 6.

При глаголах, обозначающих говорение, толкование или приобретение знаний, конструкция «*от* плюс родительный падеж» обозначает предметы, выраженные существительными, как источник и основание действия, выраженного глаголом, например:

Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного... мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье *отъ словесъ книжныхъ*. Лавр. л., 148. Инока Максима Грека строка толкованная *отъ евангелия*, еже отъ Иоанна: ни самому мню всему миру вмѣстити писуемыя книги. М. Грек, 38.

Рассматриваемая конструкция употреблялась и при глаголах действия, например:

Но понеже онъ (надзиратель, чин в Коллегии) во всем имѣет отвѣтствовать... и дѣла *от важности* самому отправлять. Акты Петра I, 444.

В современном русском языке конструкция «*от* плюс родительный падеж» в значении основа́ния сохранилась только при стилизации книжно-ритуальной манеры речи, например: *говорит от Луки, от Иоанна* и т. п.

Наиболее распространенной формой для обозначения основания действия, выраженного глаголом, была конструкция «*по* плюс дательный падеж». Возможно, что она обозначала причину действия; однако разграничение причины и основания действия, выражаемого конструкцией «*по* плюс дательный падеж», имеет значительные трудности. В составе этой конструкции употреблялись разнообразные имена существительные.

Имена существительные, обозначающие закон, правило и т. п., с предлогом *по* обозначают соответствие действия с законом, совершение действия на основе закона, в соответствии с законом, например:

Такую любовь утвердити и известити *по вѣрѣ* и *по закону* нашему. Из Радз. сп. Лавр. л., 32. И мужи его *по Рускому*

закону кляшася. Там же, 31. Но суди ми, Господи, *по правдѣ*. Там же, 138.

Имена существительные, обозначающие дела и факты жизни людей, с предлогом *по* обозначают совершение действия сообразно с фактом, выраженным именем существительным, например:

(Но) подщимся, елико *по силѣ*, на сохранение. Лавр. л., 33. Помяни страшный судъ, и воздание *по дѣломъ* будетъ намъ. Дом. Яковл., 9. Начати же ся тъй пѣсни *по былинамъ*. Сл. о полк. Иг., 66. А ци, братс, *по грѣхомъ* пойдешь на насъ Царь ратью, или рать татарьская... Дух. и дог. грам. кн. вел. и удел., 117.

Имена существительные, обозначающие душевное состояние лица, с предлогом *по* обозначают действие лица в соответствии с его душевным состоянием, например:

На сего паде жребий *по зависти* дьяволи. Лавр. л., 80. Но дажь ти Господь *по сердцю* твоему, и вся прошенья твоя исполни, егоже желаше царства небеснаго. Там же, 128.

Имена существительные, обозначающие действия других лиц, с предлогом *по* обозначают действие лица, совершенное в соответствии с действием другого лица, например:

По дьяволю *научению* ови рощениемъ, кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша Бога. Лавр. л., 89. Начати же ся тъй пѣсни..., а не *по замышлению* Бояню. Сл. о полк. Иг., 66. Жил я с женою... любезно... она *по* такой *любви* просилась у меня... на Кулишки..., и я *по* такому *совету* и *любви* ея отпустил. Азб. гол., 25.

Конструкция «*по* плюс дательный падеж» сохранила свои позиции для обозначения основания действия и в современном русском языке.

В составе этой конструкции употребляются разнообразные имена существительные.

Имена существительные, обозначающие душевное состояние человека, с предлогом *по* объясняют психологическими мотивами его действие, выраженное глаголом; в этих случаях конструкция «*по* плюс дательный падеж» выражает внутреннее основание действия человека, например:

Конечно, многие завидуют и наговорят вам *по злобе,* но это же факт! Фад., Разгр. Я не со зла говорю ему, а *по* моей *жалости* к тебе... Горьк., В людях. Может быть и мне *по* старой *дружбе* сделаете снисхождение. Гладк., Цем.

Имена существительные, обозначающие свойство человека, черты его характера, привычки, ум, с предлогом *по* объясняют этими мотивами поведение человека, выраженное глаголом; и в данном случае конструкция «*по* плюс дательный падеж» обозначает внутренние основания глагольного действия, например:

Он ведь, дедушка-то, когда хотел, так хорошо говорил, это уже после, *по глупости*, стал на замок сердце-то запирать. Горьк., Детство. Морозка, попав в эту сумятицу, хотел было *по* старой *привычке* попугать еще сильнее, но почему-то раздумал. Фад., Разгр. Жеглов *по* врожденной *склонности* мирил их, а Увадьев, напротив, стравливал. Леон., Соть.

Имена существительные, обозначающие материальное состояние, с предлогом *по* объясняют материальными соображениями действие, выраженное глаголами; в этих случаях конструкция «*по* плюс дательный падеж» обозначает внешнее основание глагольного действия, например:

По бедности своей поп не носил галош. Горьк., Дело Артам. Ну, я и сам *по сиротству* без баловства учился — старался. Бажов.

Имена существительные, обозначающие действие, с предлогом *по* могут выражать внешнее основание, если носитель действия, выраженный существительным, не является одновременно производителем действия, выраженного глаголом, например: «Он был арестован *по обвинению* в саботаже» Козл., В Крым. подп.; если же носитель действия, выраженного существительным, является одновременно производителем действия, выраженного глаголом, то конструкция «*по* плюс дательный падеж» обозначает внутреннее основание действия, например: «Да и с дьяком случилась история *по ошибке*». Горьк., В людях.

§ 225. В современном русском языке в систему грамматических средств для обозначения основания действия постепенно втягиваются новые разряды существительных и наречий, которые утрачивают значение члена предложения и становятся предлогами. Назовем некоторые из таких конструкций.

Конструкция «*при условии* плюс родительный падеж»:

Ее задачи осуществимы *при условии приведения* в активное действие воли и энергии рабочего класса и всех трудящихся. «Вопрос. филос.» № 1, 1952, 39.

Конструкция «*при наличии* плюс родительный падеж»:

Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно *при наличии* обоюдного *желания* сотрудничать... «Вопрос. филос.», № 2, 3, 1952.

Конструкция «*на почве* плюс родительный падеж»:

Весь класс творит и формирует все это *на почве* своих *материальных условий* и соответственных общественных отношений. «Вопрос. филос.», № 1, 1952, 26.

Конструкция «*на базе* плюс родительный падеж»:

Исторический прогресс в нашу эпоху возможен лишь *на базе* социализма. Там же, № 2, 38.

Конструкция «*на основе* плюс родительный падеж»:

Мирное воссоединение Германии может быть проведено только *на основе* честного *компромисса, на основе соглашения* немцев. Там же, № 2, 80.

Конструкция «*согласно* плюс дательный падеж»:

Согласно немарксистской *концепции* Марра, звуковая речь как магическое средство сначала находилась во владении привилегированного класса, магов. Там же, № 2, 50.

Ср.: *поступать по правилам* и *поступать согласно правилам; поезда ходят по расписанию и поезда ходят согласно расписанию; осудить по статье закона* и *осудить согласно статье закона* и т. п.

Конструкция «*сообразно с* плюс творительный падеж»:

Сообразно с этой *закономерностью* в лоне старого строя зарождаются новые общественные идеи. Там же, № 1, 28.

Конструкция «*сообразно* плюс дательный падеж»:

Исправлять свои планы *сообразно* объективному *развитию* явлений.

Само собой разумеется, что перечисленные конструкции только втягиваются в систему грамматических средств для обозначения основания с тем или другим оттенком, что только некоторые из них действительно закрепятся в роли грамматического средства; другие отсеются за недостаточной пригодностью.

Глава XI

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛИ

Уже в древнерусском языке выражение цели действия посредством предложных конструкций занимало главное место. Ряд предложных конструкций выдвигался на позиции грамматического средства для обозначения цели действия; некоторые из этих конструкций в последующей истории языка отсеялись, другие закрепились и функционируют в современном русском языке.

Рассмотрим предложные конструкции, которые употреблялись в древнерусском языке для обозначения цели действия и в последующей истории языка отсеялись.

§ 226. К числу их относится конструкция «*о* плюс местный падеж». Эта конструкция в древнерусском языке имела и другие значения, в том числе значение делиберативного объекта. Именно в значении делиберативного объекта она выдвигалась на позиции грамматического средства для обозначения цели действия, выраженного глаголом, например:

Прииде Володимеръ Рюриковичь съ Смолняны. и послаша на Торжекъ къ Ярославу *о миру*. Сузд. л., сп. Ак., 492. Царь же Костянтинъ бысть въ велице недоумении и печали... да пошлетъ въ Киевъ на Русь къ великому князю *о миру*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 100. Приходи Климентъ, архиепископъ Новгородцкий, въ Володимеръ къ великому князю Дмитрию Александровичю отъ Новгородцовъ *о миру*. Воскр. л., 174.

Однако в значении цели эта конструкция не получила широкого распространения в древнерусских памятниках и в последующей истории языка вышла из употребления.

§ 227. Для обозначения цели действия в древнерусском языке употреблялась конструкция «*про* плюс винительный падеж». На позиции грамматического средства выражения цели действия она выдвинута с позиции грамматического средства для обозначения делиберативного объекта: *говорить про кого;* а затем *сделать про кого* в смысле «для кого», например:

Про сеи *миръ* трудилися дъбрии людие. См. гр. 1229 г., Срезн. Стополкъ *про волость* же ци не уби Бориса и Глеба. Сузд. л., Лавр. сп., л. 102 об. А коли пришлешь ко мнѣ *про помочь,* а мнѣ въ ту пору къ тобѣ будетъ нельзя помочи послати, ино то тобѣ отъ мене не въ измѣну. Персм. гр. в. кн. Моск. Ив. Вас. с Ал. в. кн. Лит., 1494 г., Срезн. И нача пити и веселитися *про* его *здравие.* Ист. Вас. Кор., 114. *Про* боярской *обиход* ржи посеено. Хоз. Мор., № 12. По неких днях министръ сотворил банкетъ *про* самого *короля.* Яр. цес., 184. Сделать телегу (на двух колесах), у каждова полку *про гранаты.* Письма и бум. Петра Вел., III, 504.

В последующей истории языка употребление этого оборота в значении цели постепенно отмирало. В современном языке такой оборот сохранился в пословичном выражении «заготовить *про запас*». Ср.:

Хотя бы теперь-то поглядеться на нее *про запас.* Остр., Бедн. не порок. Ворчит-ворчит, а баньку *про меня,* небось, спозаранок натопит. Бажов. *Про всякий чих* платок наготове. Он же. Не припасла *про тебя* и напредки не приходи! Он же.

Если в винительном падеже употреблялось имя существительное, обозначающее лицо, то указанная конструкция обозначала лицо, в интересах которого совершается действие, например:

А целое блюсти *про государя, господарыню* и *про гость.* Дом., 48. Довольно *про тебя* еще осталось дела. Майк., Ел. Зане рачит о себе, работает для себя, делает *про себя.* Рад., Пут., Хот.

Такие обороты встречаются и в современном литературном языке старшей поры:

И чистых капель между листьев оставь *про* резвых *мотыльков.* Держ. Хоть честный человек, хоть нет — для нас равнехонько: *про всех* готов обед. Гриб., Горе от ума.

В качестве пословичных выражений такой оборот сохраняется до настоящего времени:

Есть, да не *про вашу честь.* Сработан кафтан не на себя, куплен не *про себя,* а кем изношен, тем не видан (гроб). Даль, II, 36. Не *про тебя* яму копали, да тебе в ней сидеть (если попал). *Про глухого* поп двух обедней не служит. Всяк

Еремей *про себя* разумей. Всяк Аксен *про себя умен*. Даль, III, 483.

§ 228. В древнерусском языке для обозначения цели использовалась также конструкция «*по* плюс местный падеж». Эта конструкция передвинулась на позицию грамматического средства для выражения цели с позиции грамматического средства для выражения делиберативного объекта: в предложении «ревнуеть *по идолѣхъ*» предложный оборот обозначает объект, в пользу которого направляется забота, в предложении «судилъ *по немъ*» предложный оборот мог обозначать объект, в пользу которого направляется действие: судил в его пользу; такова функция предложного оборота «*по* плюс местный падеж» в следующих предложениях:

Ни *по хлѣбе* роботять, ни *по придатъцѣ* (= за хлеб). Р. П. Вл. Мон., Срезн. Что ми велѣли дати *по собѣ* (= за себя) въ домъ Пречистои... и язъ... далъ *по* своимъ *отцѣ* и *по* своеи *матери* (= за своего отца и свою мать вклад в церковь для поминовения умершего). Вклад. гр. кн. Сим. Юр. Глуш. Мон., Срезн. На рыбу белугу и силяву, селть не шлюсь для того, что они им в племени и пьют ядят вместе, и *по мне* (= в мою защиту) затем не скажут. Ерш., 152.

Однако этот оборот не получил в древнерусских памятниках широкого распространения для выражения цели действия, выраженного глаголом. В современном русском литературном языке он также не известен.

§ 229. При отдельных глаголах конструкция «*под* плюс винительный падеж» в древнерусском языке могла обозначать лицо, в интересах которого осуществляется действие, например:

Лошади *подъ царя* седлаютъ (стряпчие конюхи), и корѣты и сани наряжаютъ. Котош., 82. Постелницы, которые постели постилаютъ *подъ царицу* и *подъ бояронь*. Там же, 33.

На эту позицию конструкция «*под* плюс творительный падеж» выдвинута с позиции грамматического средства для обозначения пространственного положения одного предмета под другим; при наличии специфичности управляющего глагола и управляемого имени эта конструкция получает целевой оттенок.

В современном русском языке конструкция «*под* плюс винительный падеж» в указанном значении чередуется с конструкцией «*для* плюс родительный падеж», ср.: *оседлали лошадь под командира* и *оседлали лошадь для командира*.

§ 230. Для обозначения цели в древнерусском языке широко использовался оборот «*дѣля* плюс родительный падеж», например:

Женися у богата тестя *чти дѣля.* Сл. Д. Зат., Срезн. А пишу вамъ се слово *того дѣля,* что бы не перестала память родители нашихъ и паша, и свѣча бы не угасла. Дух. Сим., 1353 г., Срезн. Того же дѣля имъ помагати головнику, любо си дикую вѣру. П. Р., Тр., 104. Съ такими то пригожими женами пригоже сходитися не *ѣствы* и *питие дѣля,* но добрыя бесѣды и науки для. Дом., Яковл., 73.

В последующей истории языка оборот с предлогом *дѣля* вышел из употребления для обозначения цели действия, выраженного глаголом. Однако в белорусском языке он сохранился до сих пор и употребляется наравне с предлогом *для.*

§ 231. В соответствии с древнерусским предлогом *дѣля* в современном русском языке получил широкое распространение предлог *для.* Он отмечается и в древних памятниках, но, судя по данным словаря И. И. Срезневского, широкого распространения не имел. В более поздних памятниках эта конструкция уже употребляется для обозначения цели, например:

А какъ царь ходитъ въ походы и по монастыремъ и по церквамъ, и *для* его *выѣздовъ* и *выходовъ,* наготавливаютъ денги въ бумаги. Котош., 89.

В нашем ты внемли ответе:
Для тебя мы жить на свете,
Для тебя уметь хотим. Сумар., Ода Екат. II.

В новое время конструкция «*для* плюс родительный падеж» стала широко употребляться для обозначения лица, в отношении которого совершено действие или с которым связано состояние, например:

Вообразите мое положение! Ночью на улице в неизвестном *для меня городе.* Карамз. Пис. рус. пут. Но *для* могучего *стрелка* нужду переносить легко. Жуков. Твердость твоя *для меня* удивительна. Пушк., Пик. д.

В современном русском языке расширение употребления этой конструкции происходит за счет сужения употребления беспредложной конструкции с дательным падежом, ср.: *мне трудно это сделать, для меня трудно это сделать, получил приятную тебе новость и получил приятную для тебя новость* и т. п.

§ 232. Для выражения цели в древнерусском языке употреблялся предлог *ради.* При этом местоимение *что* в сочетании с предлогом *ради* сочеталось препозитивно как в винительном *(что ради),* так и в родительном падеже *(чьсо ради).* Другие местоимения с предлогом *ради* употреблялись препозитивно в родительном падеже. Местоимение *что* наиболее часто употреблялось с предлогом *ради* в винительном падеже, например:

Что ради боятся его, егоже се носимъ на собѣ креста? Лавр. л., 174. И се да скажемъ, *что ради* прозвася Печерьскый манастырь. В Ак. сп. «чего». Там же, 152.

В родительном падеже местоимение *что* встречалось только в форме *чьсо,* ср.: «Аще хощеши послушати, да скажю ти из начала, *чьсо ради* сниде... на землю». Лавр. л., 85.

Другие местоимения с предлогом *ради* употребляются в родительном падеже, например:

А еже на древѣ распяту быти, *сего ради,* ...и испаде породы. Лавр. л., 102. *Того ради* удержахъ отъ васъ дождь. Там же, 164.

В последующей истории языка употребление формы винительного падежа местоимения *что* при предлоге *ради* постепенно отмирало; в современном русском языке предлог *ради* употребляется только с формою родительного падежа местоимения *что,* ср.: «Вот он, *чего ради* жили, грешили, добро копили, — говорил дед». Горьк., Детство.

Наиболее часто с предлогом *ради* встречались имена существительные; причем предлог *ради* в отличие от всех других предлогов всегда находился после соответствующего имени существительного; в сущности он является послелогом, например:

Понеже погубихъ (водою) человѣки *грѣхъ* ихъ *ради.* Лавр. л., 102. Иного нелзѣ казати *срама ради.* Там же, 160. И не вниде в землю обѣтованую *сего ради, роптанья* онѣхъ *ради.* Там же, 94.

Если имя существительное имело определение, то предлог *ради* ставился после имени существительного и перед определением, относившимся к указанному имени существительному, например:

Аще кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его *молитвы ради пречистыя* Богородица. Лавр. л., 121—122. *Грѣхъ же ради нашихъ* пусти Богъ на ны поганыя. Там же, 163.

Иногда предлог *ради* встречается после определения перед определяемым именем существительным, ср.:

Такоже и вся ослабленьемъ Божьимъ и творениемъ бѣсовьскимъ бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть (и крѣпка), пребывающи Господеви (и не) влекома врагомъ *мечетныхъ ради чюдесъ* и сотонинъ дѣлъ. Из Радз. сп. Лавр. л., 40.

Предлог *ради* мог находиться после союзного слова перед соответствующим именем существительным, ср.:

Царь же испыта, *коея ради вины* придоша. Лавр. л., 105.

В современном русском языке предлог *ради* сохранился в

отдельных фразеологических сочетаниях, в которых выражается элемент просительности, например: «Простите, *Христа ради,* — тянул Саша Яковлев». Горьк., Детство.

Предлог *ради* употребляется и для обозначения цели действия, выраженного глаголом, причем предлог находится перед именем существительным или местоимением, например:

Ты бы вспомнила: али мы с тобой не работали, али я не грешил *ради их,* — жаловался дед. Горьк., Детство. Они правду родили, *ради ее* погибают. Горьк., Мать.

Употребление предлога *ради* для обозначения цели в современном русском языке более ограничено, чем в древнерусском языке.

§ 233. После глаголов со значением борьбы и мольбы конструкция «*за* плюс винительный падеж» в древнерусском языке обозначала цель действия, выраженного указанным глаголом, например:

Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, *за землю* Рускую, *за раны* Игоревы. Сл. о полк. Иг., 72. Можемъ главы своя сложити *за тя.* Лавр. л., 129. Здрави князи и дружина, побарая *за христьяны* на поганыя плъки! Сл. о полк. Иг., 76.

Конструкция «*за* плюс винительный падеж» широко употребляется и в современном русском языке, например: *заплатить жизнью за идею; бороться за революцию; голосовать за внесенное предложение; все голоса были поданы за блок коммунистов и беспартийных.*

§ 234. Для обозначения цели в древнерусском языке широко используется оборот «*в* плюс винительный падеж»; в составе этой конструкции для обозначения цели действия употреблялись разнообразные имена существительные.

Имена существительные, обозначающие лиц, употребляются для обозначения цели относительно редко, например:

Чадо вѣрное! *во Христа* крестилася еси, и *во Христа* облечеся. Лавр. л., 60. Блаженный сей царь и пророкъ *вѣ жену Уриину* согрѣши. М. Грек, 16. Съзижю церковь *во имя* твое. Лавр. л., 143.

Оборот «*во имя* плюс родительный падеж» употребляется и в современном русском языке; ср.: «*Во имя* нашей *дружбы,* сделайте это». В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова эта конструкция считается книжной.

В древнерусском языке в составе конструкции «*в* плюс винительный падеж» употреблялись существительные, обозначающие действие как акт, который и служил целью действия, выраженного глаголом, например:

Аще убьють огнищанина *въ обиду,* то платити за нь 80 гривенъ убийци, а людемъ не надобѣ. П. Р., сп. Ак., 71.

Выражение «въ обиду» рассматриваю не как «за обиду», а как «в целях обиды»: если убьют, погубят, зашибут до смерти, в целях умерщвления, то убийца обязан уплатить 80 гривен.

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего *въ обиду*. Сл. о полк. Иг., 72. А ты, Иванъ сынъ, береги сына Федора, чтобы ему на тебя не *въ досаду*, что ему не дашь удѣла и казны. Дух. и дог. грам. кн. вел. и удел., 46. А намѣстнику твоему судить съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ... а судити ему *въ правду*. Памят. ист. вел. Новг., 43. Сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противьныя... и на кленущаяся именемь моимъ *во лжю*. Лавр. л., 164. Грѣшники идуща *в муку*. Там же, 103. Вдаяй нищему, Богу *в заимъ* даеть. Там же, 123.

Имена существительные, обозначающие действия как протекающий процесс, с предлогом *в* обозначают цель глагольного действия как приведение чего-либо в состояние, указанное именем существительным, например:

Положю дому Июдину завѣтъ новъ, дая законы *въ разумѣния* ихъ. Лавр. л., 97. Еда како обратить Богъ тобою Рускую землю *въ покаянье*. Там же, 108. Благословенъ Господь, иже не дасть насъ *в ловитву* зубомъ ихъ. Там же, 188. Они (бояре и приказные люди) из твоих царских должностей... богатства добывают, несмотря на то, что весь народ через них *в разорение* приходит. Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 15.

Конструкция «*в* плюс винительный падеж» употребляется для обозначения цели и в современном русском языке, ср.: *отдать в солдаты* (устарелое выражение); *быль молодцу не в укор; отдать в починку, в чистку;* ср.: *конгресс народов в защиту* мира. «Я так много пережил... что кажется мог бы написать *в назидание* потомству целый трактат...» Чех.

§ 235. Для обозначения цели в древнерусском языке использовался оборот «*на* плюс винительный падеж». В составе этой конструкции употреблялись имена существительные, обозначающие лиц, действие в качестве акта, дела, действие в качестве процесса.

Имена существительные, называющие лиц, с предлогом *на* обозначали лицо, в пользу которого совершается действие, например:

(И) яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити *на ня*, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ (своей) сѣчи Деревляны. Лавр. л., 56. Миклошич вместо «пити» читает: «ити». И помогати поча поваромъ, варя *на братью*. Там же, 189. Мечемъ жребий *на отрока* и *дѣвицю*. Там же, 80.

В современном русском языке некоторые из этих оборотов уже невозможны; в соответствии с древним «пью *на тя*» в со-

временном языке принято говорить «пью *за твое здоровье*». Однако обороты *варите на всю семью, работали на помещиков и капиталистов* приняты и в современном языке.

В древнерусском языке в составе этой конструкции широко употреблялись имена существительные, обозначающие должность или сан; эти имена существительные с предлогом *на* обозначают должность или сан, достижение которого является целью действия, выраженного глаголом, например:

Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама *на игуменьство* къ святому Дмитрию. Лавр. л., 155. Тогож лѣт (1198). посла блговѣрныи. и хсолюбивы князь Всеволодъ. Гюргевич. Павла *на епспьство* въ Русьскыи Переяславль. Cузд. л., сп. Лавр.

В современном русском языке соответствующие конструкции уже не употребляются.

Очень широко употреблялись в составе рассматриваемой конструкции имена существительные, обозначающие действие как акт; в сочетании с предлогом *на* они обозначали цель и назначение действия, выраженного глаголом, например:

Аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета *на роту*. П. Р., Т., 106. Бориса же Вячеславлича слава *на судъ* приведе. Сл. о полк. Иг., 69. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои *на прокъ* ихъ. Лавр. л., 56. Почто изведе ны *на смерть?* Там же, 93. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли *на брань*. Сл. о полк. Иг., 73. Донъ ти, княже, кличетъ, и зоветь князи *на побѣду*. Там же, 73.

Можно отметить ряд имен существительных и субстантированных имен прилагательных, обозначающих качество; эти имена с предлогом *на* обозначали качество или свойство, достижение которого является целью глагольного действия, например:

Бѣси бо *на злое* посылаеми бывають, ангели *на благое* посылаеми. Лавр. л., 132. Зоветь вы Ольга *на честь* велику. Там же, 55. Высоко плаваеши *на дѣло* въ буести. Сл. о полк. Иг., 72.

Широко употреблялись в составе данной конструкции имена существительные, обозначающие действие как процесс; с предлогом *на* они обозначали процесс, являющийся целью того действия, которое выражено глаголом или причастием, например:

Послани... къ вамъ... *на удержание* и *на извѣщение* отъ многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь... Из Радз. сп. Лавр. л., 32. И люди на *крещенье* приводити. Там же, 116. Сего ради дамъ васъ *на поносъ* и на пришествие во вся языки. Там же, 96.

Аще будеть коневыи тать, выдати князю *на потокъ*. П. Р., Тр., 107. А галици... хотять полетѣти *на уедие*. Сл. о полк.

Иг., 69. Ты поставленъ еси отъ Бога *на казнь* злымъ, а добрымъ *на милованье.* Лавр. л., 124. Приведен был Александр *на заколение.* Ист. Ал. рос., 163.

В современном языке оборот «*на* плюс винительный падеж» для обозначения цели и назначения также употребляется весьма широко, например: *взять на воспитание, отдать на комиссию, подарить на память, взять на свою ответственность, внести проект на обсуждение;* ср. при именах существительных: *деньги на строительство, ведомость на выдачу зарплаты, материя на пальто.*

Ср. еще: Рисковали (давать) *на рост* только второкурсники. Помял., Оч. бурсы. Достался ему *на жертву* Борис Григорьевич. Остр., Гроза. Осудить *на смерть* (ср.: предать *на смерть.* Нест. Бор. Гл., 22). Выставить *на позор* (ср. Будут *на позор.* Иппол. Антихр., 65). Сделать что-нибудь *на зло* (ср.: не *на зло*... нам... кажеть. Новг. I л., 6737 г.). Идти *на войну* (ср.: Идоша в Ладогу *на войну.* Там же, 6613 г.) и т. п.

§ 236. В современном русском языке происходит формирование новых грамматических средств для обозначения цели действия, выраженного глаголом или причастием. Некоторые имена существительные, утрачивая роль члена предложения, выдвигаются на положение грамматического средства при другом имени существительном; вместе с последним они и начинают служить средством для обозначения цели действия. Назовем некоторые из таких конструкций.

Конструкция «*с целью* плюс родительный падеж»:

С целью укрепления своего тыла американские империалисты обрушили суровый полицейский террор против японского народа. «Вопр. филос.» 1952, № 1, 135.

Конструкция «*в целях* плюс родительный падеж»:

Советское государство выработало целый ряд законодательных мер и систему материальных, политических и моральных поощрений *в целях* подъема на новый уровень всего социалистического соревнования. Там же, № 1, 8.

Конструкция «*в пользу* плюс родительный падеж»:

В пользу идеи превращаемости вещества говорит и возможность расположения элементов вещества в ряды, в которых свойства вещества периодически повторяются. Там же, № 3, 137.

Конструкция «*по пути к* плюс дательный падеж»:

Реакционные деятели Австрии пытаются изобразить любое агрессивное мероприятие американского империализма, направленное на порабощение малых народов, как шаг *по пути к «прогрессу»* и *«интернационализму».* Там же, № 2, 201.

Конструкция «*в интересах* плюс родительный падеж»:

Каждый шаг советской политики воздействует на международную обстановку *в интересах народов.* Там же, № 1, 65.

Глава XII

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОБЪЕКТА

§ 237. Древнерусский язык унаследовал употребление творительного падежа в ряде значений. В дальнейшей истории языка происходило ограничение или постепенное отмирание употребления творительного падежа во многих ранее засвидетельствованных значениях. Только в значении действующего лица употребление творительного падежа не только не отмирало, но расширялось и углублялось.

В древнерусском языке для выражения действующего лица употреблялся не только творительный падеж, но и предложный оборот «ог плюс родительный падеж имени».

Конструкция «ог плюс родительный падеж» в значении действующего лица употреблялась при сказуемом, выраженном причастием страдательного залога, например:

И погибе память его съ шюмомъ, и Господь въ вѣкы пребываеть, *хвалимъ отъ Русьскыхъ сыновъ*, пѣваемъ въ Троици, а дѣмони *проклинаеми отъ* благовѣрныхъ *мужь* и *отъ* вѣрныхъ *женъ*. Лавр. л., 118. И се уже *побѣженъ есмь отъ незѣигласа* (сего), а не *отъ апостолъ*, ни *отъ мученикъ*, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Там же, 115. Волхвъ именемъ Аполоня Тянинъ... въ Антиохию пришедъ. и *умоленъ бывъ от нихъ*. Ип. л., т. II, в 1, 31. Аще убьеть крестьянинъ Русина да *дѣржимъ будеть* створивыи убиство *от ближнихъ* убьенаго. Там же, 41. *Убиенъ бысть* тысяцкий Андрѣй Глѣбовъ... *отъ сродниковъ* своихъ въ нощи. Никон. л., 205.

Оборот «ог плюс родительный падеж» в значении действующего лица при причастиях страдательного залога

в сказуемом был широко распространен в памятниках XVII в., например:

От бесов поражен бысть. Авв., Жит., 14. Все воинство *побеждено было от Москвич.* Кат.-Рост. Тогда ж и купцу оному *от меня сказано было.* Ист. Ал. рос., 165. Приѣхал и *принят был от цесаря* с великою славою. Ист. Вас. кор., 119. *Быть* тебѣ *от невѣсты исправлену.* О гр. зл., 8.

Примеры рассматриваемой конструкции отмечены А. Л. Слонимским в произведениях И. Ф. Богдановича («Фил. Зап.», III—IV, 1905):

Но в долгом времени пришла к богине весть...
Что Душенька уже *оставлена от всех.* Богд., Душ.

Впоследствии этот оборот вышел из употребления. Однако он еще изредка встречается у писателей XIX в.:

Он был слишком умен и нередко даже *был* за это *бит от* своих *приятелей* за картами. Крыл., Похв. речь дед. И *от последней от тебя* я буду забыт... Лерм., Испан.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в значении действующего лица употреблялась и при возвратных формах глагола в функции сказуемого, например:

Безъ смерти бо есть память его, яко *отъ Бога познавается* и *отъ человѣкъ.* Лавр. л., 67. И крестися въ Ерданѣ *отъ Иоана,* показа новымъ людемъ обновленье. Лавр. л., 101. И благо вамъ будетъ... и отъ Бога помилованы будете и *отъ человѣкъ прославитися.* Дом. Яковл., 45. Или мниши сие быти свѣтлость благочестивая, еже *обладатися* царьству *отъ попа* невѣжи, *отъ злодѣиственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ*, и царю повелеваему быти? Переп. Курб. с Гроз., 47.

Примеры такого употребления конструкции «*от* плюс родительный падеж» можно отметить и в произведениях XVII в., например:

Радуися... кабаче непотребныи... от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона *от тебе* неволею *познавается.* Ярыж., 73.

Оборот «*от* плюс родительный падеж» в значении действующего лица был шире представлен при причастии страдательного залога, чем при возвратных формах глагола в функции сказуемого.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в значении действующего лица употреблялась в причастном обороте, например:

Знамениа творяху во имя его на прелщение оканнымъ человѣкомъ, больма *крадомымъ* на таковаа *отъ дьявола.* Лавр. л., 40. Из Радз. сп. Мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, *творимыхъ отъ врагъ* и *слугъ* злобы. Там же, 40. Из Радз. сп.

Оборот «*от* плюс родительный падеж» в значении действующего лица засвидетельствован и при имени существительном, например:

Отъ Казанцовъ пленение Рускую землю и *(с)кверне(ние) от нихъ* святы(хъ) церкв(ей) и наругание христьяномъ православнымъ. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 46.

Как указано было выше, в последующей истории предложный оборот при выражении действующего лица был вытеснен творительным падежом.

§ 238. Для обозначения лица, от которого исходит действие, в древнерусском языке использовалась конструкция «*от* плюс родительный падеж». Эта конструкция могла употребляться после глаголов, которые допускают раскрытие их содержания со стороны того, какое лицо является подлинным источником действия и какое лицо выступает в роли исполнителя указанного действия. К этой группе относится глагол *послать* в действительном и страдательном залоге.

Примеры с причастием страдательного залога в функции сказуемого от глагола *послать:*

Се внезапу придоша *послании отъ Святополка.* Лавр. л., 133. Мы... иже *послани отъ Олга,* великого князя Рускаго, и *отъ всѣхъ,* иже суть подъ рукою его. Там же, 32. Из Радз. сп.

Примеры с глаголами движения в действительном залоге:

Идемъ въ Греки *отъ Олга* и *отъ Игоря* княжича. Лавр. л., 22. Бывши бо единою скудости въ Ростовьсгѣй области, *въстаста* два волъхва *отъ Ярославля,* глаголюща. Там же, 170.

Ср. при глаголе *принять:*

Понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья *прияти отъ Бога.* Лавр. л., 142. И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь... да *приимуть* месть *отъ Бога* вседержителя. Там же, 46—47.

В соответствии с рассматриваемыми оборотами современный русский язык использует конструкции «*от имени* плюс родительный падеж»: *от имени народа.* Ср.: *именем закона* и т. п.

Однако возможен и оборот «*от* плюс родительный падеж», ср.: *я послан от Ивана Петровича,* т. е. не Иваном Петровичем, но по его указанию и от его имени.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» употреблялась в древнерусском языке и при именах существительных, например:

Бѣ бо *рать отъ Печенѣгъ,* и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ. Лавр. л., 119. А *отъ князя помочи* нѣту. Там же, 125. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю

Рускую, на жизнь Всеславлю; которою бо бѣше *насилие отъ земли Половецкыи!* Сл. о полк. Иг., 73.

Этот оборот возможен и в современном русском языке, ср.: *помощь от родителей.*

§ 239. Для обозначения лица или учреждения, от которого усваивается новое дело, в древнерусском языке использовалась конструкция «*от* плюс родительный падеж». Лицо, обозначаемое этой конструкцией, является источником этого дела, но последнее усваивается самостоятельно теми, действие которых выражено глаголом, например:

Не преимай же ученья *отъ Латынъ.* Лавр. л., 112. Велику честь приялъ (есть) *отъ царя.* Там же, 9. Како святительскии чинъ почитати, такожъ священническии и мнишескии и ползоватися *отъ нихъ.* Дом. Яковл.

Такое использование конструкции «*от* плюс родительный падеж» возможно и в современном русском языке, ср.: *научился чему-нибудь от него.*

§ 240. Значение орудия и средства, с помощью которых осуществляется действие, в древнерусском языке выражалось творительным падежом; творительный падеж в указанном значении сохраняет значительные позиции и в современном русском языке. Однако уже в древнерусском языке развивались и совершенствовались предложные конструкции для обозначения различных значений, относящихся к области орудия и средства.

В значении средства в древнерусском языке употреблялась конструкция «*о* плюс местный падеж», например:

Иже о хѣ живуть (= которые именем Христа живут), ти примуть славу его. Толк. Псал. XII в., Срезн. Камение распадеся *о прѣславьнѣи силѣ* (= с помощью или посредством преславной силы). Там же, Срезн. *О имени* (= посредством имени) господни повелеваю ти: говори со мною. Там же, 118.

«*О* плюс местный падеж» в говорах засвидетельствовано в значении, близком к значению средства, именно в орудийном значении:

У нас *о дышле* не ездят, все *об оглоблях*; ср.: стоит Потап *о четырех лап* (=на четырех лапах), из году в год воду пьет (рассадник). Даль, II, 582. Конь *о четырех ногах* (= на четырех ногах), да спотыкается.

В последующей истории оборот «*о* плюс местный падеж» в функции средства не закрепился в общенародном языке и сохранился как достояние диалектного обихода.

§ 241. В функции средства в древнерусском языке употреблялась и конструкция «*через* плюс винительный падеж», например:

И *чрез их* (= посредством их) преходит освящение на вторую тройцу. Авв., Жит., 68. И оттуда *чрез труды* рук своих свободился. Ист. Ал. рос., 160. А любовь дорогая. Любовь язвит едину. Другой ранен *через ину*. Тред., Прош. люб. Ведь я еще себя *через то* не погублю. Майк. Открыл он путь *через службу* военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титла. Рад., Пут., Тосно. Искать славы *через истину* и *добродетель*. Сув., 18.

В современном русском языке оборот «*через* плюс винительный падеж» в значении средства также употребляется, ср.: *беседа шла через переводчика; оповестить о чем-нибудь через газеты* и т. п.

§ 242. В значении орудия в древнерусском языке употреблялся и оборот «*на* плюс местный падеж», например:

Ты лелѣялъ еси *на себѣ* Святославли насады до плъку Кобякова. Сл. о полк. Иг., 74. И рѣша епископи и старци: «рать многа; оже вира, то *на оружьи* и *на конихъ* буди». Лавр. л., 124.

Оборот «*на* плюс местный падеж» в значении орудия употребляется и в современном русском языке, ср.: *ехать на коне, пахать на волах.*

§ 243. В значении орудия в древнерусском языке широко употреблялась конструкция «*в* плюс винительный падеж». В составе этой конструкции употреблялись имена существительные, обозначающие различные приспособления и инструменты, например:

Тогда въступи Игорь князь *въ* златъ *стремень*. Сл. о полк. Иг., 67. И повелѣ росытити велми и въльяти *въ кадь* въ друзѣмь колодязи (речь идет о меде). Лавр. л., 125. И удариша *въ сопѣли*, (и) *въ гусли* и *въ бубны*, (и) начаша имъ играти. В Ак. сп.: «у». Там же, 187.

Ср. переносно: «Плъкы побѣждають, звонячи *въ* прадѣднюю *славу*». Сл. о полк. Иг., 72.

Конструкция «*в* плюс винительный падеж» с этими именами существительными в значении орудия употребляется и в современном русском языке, ср.: *смотреть в лорнет, заковали в кандалы.*

В составе этой конструкции в древнерусском языке употреблялись и названия животных, например:

И видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: «потягнѣмь, уже намъ не лзѣ камо ся дѣтий», (и) удариша *въ конѣ*, и одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половець бѣ 12 тысячѣ. Лавр. л., 167.

В современном русском языке подобное словоупотребление не встречается.

§ 244. Для обозначения средства использовалась и конструкция «*в* плюс местный падеж», например:

Поиде Олегъ на конѣхъ и *в кораблѣхъ* и бѣ числомъ кораблии двѣ тысущи и приде къ Цсрюград. Ип. л., т. II, в. 1, 22. И Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи *въ* пламянѣ *розѣ*. Сл. о полк. Иг., 70.

В современном русском языке также возможны обороты «поехал *в машине*».

§ 245. В современном русском языке втягиваются все новые конструкции в систему грамматических средств для обозначения орудия и средства осуществления глагольного действия. Назовем некоторые из них.

Конструкция «*с помощью* плюс родительный падеж»:

Агрессивные группы и их ставленники — реакционные правительства — держатся ложью и обманом, *с помощью которых* они скрывают свои подлинные преступные намерения, планы и действия. «Вопр. филос.» № 2, 1952, 65.

Конструкция «*при помощи* плюс родительный падеж»:

Именно *при помощи грамматики* язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную звуковую оболочку, и благодаря этому он становится орудием мышления, без которого невозможно познание мира. Там же, № 3, 62.

Конструкция «*через посредство* плюс родительный падеж»:

Произведенное актом еды раздражение достигает желудочных желез *через посредство нервных волокон.* Там же, № 1, 112.

Конструкция «*посредством* плюс родительный падеж»:

Единство организма и среды создается *посредством* биологического *обмена веществ.*

§ 246. В древнерусском языке употреблялись разные грамматические средства для обозначения неподначального лица или лица, не испытывавшего на себе действие субъекта.

Для обозначения руководящего или неподначального лица в древнерусском языке употреблялся оборот «*о* плюс местный падеж», например:

Новгородци... хотѣша умрети за стую Софию *о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици.* Новг. I л., 6732 г., Срезн. Псковичи, подъемше всю свою область, поѣхаше въ лодьяхъ *объ Иванѣ посадникѣ*. Пск. I л., 6856 г., Срезн. (= под начальством Ивана посадника). Не могу азъ *о себѣ* творити ничьсо же. Остр. ев., Ио. V, 30, Срезн.

Форма «*о* плюс местный падеж» в указанном значении засвидетельствована Далем: «Сделать что *о своей голове* (самостоятельно)». Даль, II, 582.

Однако оборот «*о* плюс местный падеж» не закрепился в роли грамматического средства для обозначения руководящего лица.

В том же значении употреблялась конструкция «*около* плюс родительный падеж», ср.: Поѣхаша Псковици *около князя Остафья* (= под начальством князя Остафья). Пск. I л., 6863 г., Срезн.

Эта конструкция также не закрепилась в рассматриваемой функции.

Для обозначения высшего должностного лица судебной и другой инстанции, которая определяет повиновение, подчинение, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*перед* плюс творительный падеж», например:

Что будѣть дъкончано у Ризѣ... *перьдъ судиями* и *пьрьдъ дъбрыми людми,* того у Смольнскѣ не починати (= что будет решено в Риге судьями, то вновь не пересматривать в Смоленске). См. гр. 1229 г., Срезн. Хочемъ его поставити на судѣ *передъ паны Угорьскими* (= хотим его определить суду угорьских панов). Дог. гр. 1349 г., Срезн.

Для обозначения лица, властвующего над городом, областью и т. п., в древнерусском языке использовался оборот «*под* плюс творительный падеж». В творительном падеже употреблялись имена существительные, обозначающие лицо, или личные местоимения.

Оборот «*под* плюс творительный падеж» передвигался на позицию грамматического средства для выражения властвующего лица с позиции грамматического средства, обозначающего пространственное положение одного предмета над другим, например:

И ту абье сверже и съ небесе, и по немь падоша иже бѣша *подъ нимъ,* чинъ десятый. Лавр. л., 86. По тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, *подъ Олгомъ суще.* Там же, из Радз. сп., 30. Не хотя быти *подъ* своимъ *братаничемъ.* Новг. I. л., 6927 г., Срезн. Тое же весны (1158 г.) вда Мьстиславъ Ростиславу Кыевъ *подъ собою,* а сам иде Володимерю. Сузд. л., сп. Лавр., 348.

В творительном падеже могло употребляться имя существительное *рука,* символизировавшее владетельное лицо, например:

Мы... иже послани отъ Олга... и отъ всѣхъ, иже суть *подъ рукою* его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ бояръ. Лавр. л., 32. Из Радз. сп.

Рядом с оборотом «*под* плюс творительный падеж» названия властвующего лица в древнерусском языке употребляется оборот «*под властью* плюс родительный падеж» названия властвующего лица или дома, например:

Аще ли ключится проказа нѣкака(а) отъ Грекъ, сущихъ *подъ властью царства* нашего. Лавр. л., 50.

В последующей истории в грамматической системе языка закрепился оборот «*под властью* плюс родительный падеж» названия властвующего лица, а оборот «*под* плюс творительный падеж» названия лица отсеялся, поскольку он оказался менее удачным ввиду того, что сохранял в себе ненужный оттенок пространственного значения.

Для обозначения владетельного лица, владения которого имеют угрозу отчуждения, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*под* плюс творительный падеж», например:

Всеволодъ Чермный посла въ Переяславль къ Ярославу Всеволодичю, река ему... Галича не ищи *подъ моею братею,* пакы ли не поидешь добром, иду на тя ратью. Сузд. л., сп. Лавр., 428. Костянтинъ нача рать замышляти на Георгия, хотя *подъ нимъ* взяти Володимерь. Воскр. л., 118.

Для обозначения владетельного лица, которое подвергается обману, в древнерусском языке также употреблялась конструкция «*под* плюс творительный падеж», например:

А льстя *под нимь,* како бы й погубити. Лавр. л., 129. Цѣловаше вси Кияне хрстъ и съ дѣтми, оже *подъ Игоремь не* льстити, *подъ Стославомъ*. Ип. л., т. II, в. 1, 317.

Ср. также: *Льстяще ими,* т. е. «льстя им».Новг. I л. 6934 г., Срезн.

В современном русском языке оборот «льстить *подъ нимь»* не сохранился.

Для обозначения лица, покорившего другое лицо, использовалась в древнерусском языке конструкция «*под* плюс винительный падеж». Эта конструкция выдвинулась на указанную позицию с позиции средства, обозначавшего направление движения под предмет, указанный винительным падежом.

В конструкции «*под* плюс винительный падеж» в значении победившего лица употреблялись обычно местоимения, например:

Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противныя *подъ вы*. Лавр. л., 157. Тутъ же былъ на Каме стары градъ, именемъ Бряховъ..., его же первое взя князь велики Андрѣи... и въ конечно запустение преда, а Болгаръ тѣхъ *подъ себя* подкори. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 12.

Для обозначения лица, которому принадлежит действие или состояние, в древнерусском языке употреблялся дательный падеж, ср.: *ему родился сынъ, ему болят руки* и т. п.; например.

Родися *великому князю Александру сынъ,* и нарекоша имя ему во святомъ крещении Данилъ. Воскр. л., 162.

Рядом с дательным падежом в том же значении употреблялся предложный оборот «*у* плюс родительный падеж». Этот последний первоначально имел местное значение, ср.: *стоит у двери*. Потребности найти средства для обозначения лица, которому принадлежит действие или состояние, привели к использованию в этих целях оборота «*у* плюс родительный падеж», например:

При глаголах действия:

В се же лѣто (942) родися Стославъ *у Игоря*. Ип. л., т. II, в. 1, 36. Того же лѣта родися *у великого князя Всеволода* сынъ Георгий. Воскр. л., 101.

При глаголах бытия:

Бѣ *у него* воевода Волъчий Хвостъ. Лавр. л., 82. Хотять остати(ся) *у царя* вашего своею волею. Там же, 35. Из Радз. сп. Суть бо *у ваю* желѣзныи паробци подъ шеломы латиньскими. Сл. о полк. Иг., 72.

В последующей истории языка дательный падеж вышел из употребления в значении лица, обладающего свойством или действием; в той же функции закрепился предложный оборот «*у* плюс родительный падеж».

Для обозначения самостоятельного лица, независимого от других и имеющего зависимых от себя лиц, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*за* плюс творительный падеж». На эту грамматическую позицию названная конструкция выдвинулась с позиций грамматического средства, обозначавшего пространственное положение одного предмета на заднем плане другого предмета, например:

Аже будуть *за мужемъ*, то не дати имъ части. П. Р., Син. сп., 128. Отец де их умер *за князь Тимофеем* во крестьянех. Яков., Хол. Моск. г-ве, 343. А тот лещ да головль бывали у отца моего в холопех, и я не похотел греха по батюшкиной души, отпустил их на волю, да велел им жить *за собою*, поить и кормить нас. Ерш., 151.

В последующей истории эта конструкция в данном значении вышла из употребления, ср.: *жить «самостоятельно»*, вместо *жить за собою;* выражение «за мужем» переосмыслилось в наречие *замужем*, ср.: *она была «замужем»*.

Для обозначения лица, с которым вступает в брак женщина, употреблялась конструкция «*за* плюс винительный падеж». На эту грамматическую роль данная конструкция выдвинута с позиции грамматического средства, обозначавшего пространственное направление движения одного предмета на задний план другого предмета, например:

В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою *за Казимира*, и вдасть. Лавр. л., 151. В то же время *за князя*

Володимера Андрѣевича обручиша Олгердову дчерь именемъ Олену. Сузд. л., Ак. сп., 534.

Конструкция «*за* плюс винительный падеж» подверглась в последующей истории разным изменениям; выражение «за мужь» переосмыслилось в наречие, ср.: *вышла «замуж»*.

§ 247. Употребление творительного падежа для обозначения сопровождающего предмета или обстоятельства уже в древнерусском языке было отмирающим явлением. Для обозначения сопровождающего предмета или обстоятельства использовались и предложные конструкции. Наиболее распространенной была конструкция «*с* плюс творительный падеж». Сопровождающий предмет мог иметь равноправное положение с предметом сопровождаемым, например:

Посадникъ... взяша миръ на полъ третиятцать лѣтъ... *съ епискупомъ юриевъскимъ и съ юриевцы*. Пск. 1 л., Тихан. сп., 49. Схожахуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ, *съ неюже* кто съвѣщашеся. Лавр. л., 13. *Съ вами*, Русици, хощу главу свою приложити. Сл. о полк. Иг., 66.

Сопровождающий предмет мог представлять собою составную часть сопровождаемого предмета, например:

И выня кожю *съ мясы*. Лавр. л., 120. А за княжь конь, иже той *съ пятномъ*, 3 гривнѣ. П. Р., Ак., 72. Тогда великый Святъславъ изрони злато слово *съ слезами* смѣшено, и рече. Сл. о полк. Иг., 71.

Конструкция «*с* плюс творительный падеж» полностью сохранилась в сопровождающем значении и в современном русском языке, ср.: *иду с братом*.

Если конструкция «*с* плюс творительный падеж» имени существительного, обозначающего сопровождающий предмет, употребляется при глаголах д е й с т в и я или с о с т о я н и я, то она получает дополнительные оттенки в значении:

а) Значение сопровождения совмещается с значением причины, ср.:

И въступиша на ледъ, и обломися *съ ними* ледъ. Лавр. л., 139.

б) Значение сопровождения совмещается с значением одновременности, ср.:

Два солнца помѣркоста... и *съ нима* молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ. Сл. о полк. Иг., 71.

в) Значение сопровождения совмещается с моментом пребывания в данной среде, ср.:

Хотяше сѣсти *съ родомъ* своимъ. Лавр. л., 9.

г) Значение сопровождения сочетается с моментом совместности действия, ср.:

Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ сотвори *съ Болгары*. Лавр. л., 18. Небо, не спросясь *со мною*, разверзло облако, и дождь лил дождем. Рад., Пут., Спас. пол.

Конструкция «*с* плюс творительный падеж» может обозначать не только сопровождающий предмет, но и сопровождающее обстоятельство, например:

И приимъ помыслъ Каиновъ, *съ лестью* посла къ Глѣбу, глаголя сице. Лавр. л., 132. Чрьпахуть ми синее вино *съ трудомь* смѣшено. Сл. о полк. Иг., 71.

В том же значении может употребляться этот оборот и в современном русском языке, ср.: *пил чай с удовольствием.* В соответствии с предложным оборотом современный русский язык чаще употребляет наречную форму, ср.: *приходили победоносно* вместо *с победами.*

Для обозначения сопровождающего предмета или действия в древнерусском языке употреблялся оборот «*под* плюс творительный падеж». Этот оборот передвинулся на позицию грамматического средства сопровождающего предмета или действия с позиции грамматического средства, служившего для обозначения пространственных значений, например:

Се у Римѣ кричатъ *подъ саблями Половецкыми,* а Володимиръ *подъ ранами.* Сл. о полк. Иг., 72. И Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочяномъ *подъ кликомъ* поганыхъ. Там же, 73.

Оборот «*под* плюс творительный падеж» в сопроводительном значении может употребляться и в современном русском языке, ср.: *шли под градом пуль.*

§ 248. Для обозначения лица, народа, с которым происходила борьба, война в древнерусском языке употреблялись разные предложные конструкции. Конструкция «*на* плюс винительный падеж» употреблялась для обозначения того, против кого велась война. В винительном падеже могли употребляться местоимения, обозначающие лиц, например:

(И) быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами *на ся.* Лавр. л., 18. Хочю *на вы* ити. Там же, 68.

В винительном падеже могли употребляться собственные названия, обозначающие лиц, например:

И поиде Ярославъ *на Святополка.* Лавр. л., 140. Приде Болеславъ съ Святополкомь *на Ярослава* с Ляхы. Там же, 139. В си же времена быша и Обре иже воеваша *на цсря Ираклия.* и мало его не яша. си же Обри воеваша *на Словѣны.* Ип. л., т. II, в. 1. 9.

В винительном падеже могли употребляться названия городов, например:

В се же лѣто иде. Всеволодъ *на Торкы,* и побѣди Торкы. Лавр. л., 158. Иде Володимеръ съ вои *на Корсунь,* градъ Гречьский. Там же, 106. Ольга же устремися съ сыномь своимъ *на Искоростѣнь градъ.* Лет. Нест., 29.

В винительном падеже могли употребляться названия народов, племен, например:

Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, *на Ямь,* и побѣди я. Лавр. л., 150. Ярославъ иде *на Литву.* Там же, 150. Си же Обри воеваху *на Словѣнѣхъ.* В сп. Радз. и Моск. Дух. Ак.: «на словѣны». Там же, 11.

В винительном падеже могли употребляться названия земель, например:

Приидоша Печенѣзи первое *на Рускую землю,* и сотворивше миръ со Игоремъ, и приидоша къ Дунаю. Лавр. л., 41. Из Радз. сп. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами *на землю Рускую.* Сл. о полк. Иг., 70.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» употреблялась для обозначения лица, против которого направлена борьба, например:

Здрави князи и дружина, побарая за христьяны *на поганыя плъки!* Сл. о полк. Иг., 76. Аше множае насъ глаголеши воюющихъ *на християнъ.* Переп. Курб. с Гроз., 15.

Та же конструкция употреблялась для обозначения лица, против которого направлялись какие-либо враждебные действия, например:

Мнози въстають *на мя.* Лавр. л., 130. И начяша князи... сами *на себѣ* крамолу ковати. Сл. о полк. Иг., 70. И тако взостри Всеволода *на Изяслава.* Лавр. л., 178.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» в значении лица, против которого идет борьба, употреблялась при именах существительных *победа, свидетель* и т. п., а также при причастиях, например:

Сего ради буду свѣдѣтель скоръ *на противьныя,* и *на прелюбодѣица.* Лавр. л., 164. И тако взя *побѣду на бѣсы.* Там же, 190. Бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья прияти отъ Бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, бывшою *на прародители* его, створи убийство. Лавр. л., 142.

Во всех предыдущих случаях конструкция «*на* плюс винительный падеж» вышла на позицию грамматического средства, обозначающего лицо или народ, против которого проводятся агрессивные действия, с позиции грамматического средства, служившего для обозначения предмета, на который направлено действие, ср.: *двигаться на камень* и *броситься на врага.*

В последующей истории конструкция «*на* плюс винительный падеж» в значении лица, против которого направлена агрессия, во многих случаях не закрепилась, ср. в современном русском языке: *победа над врагом,* но *бороться против фашистов* и т. п.

Рядом с конструкцией *«на* плюс винительный падеж» в том же значении употреблялся в древнерусском языке и оборот *«против* плюс дательный падеж», например:

И излѣзоша Болгаре на сѣчю *противу Святославу*. Лавр. л., 68. Что створимъ, яко не можемъ *противу ему* стати? Лавр. л., 69. И поиде Святославъ на Греки, и изидоша *противу Руси*. Там же, 68.

Конструкция *«против* плюс дательный падеж» соотносилась с конструкцией *«против* плюс родительный падеж», например:

И изиде *противу его* Олегъ. Лавр. л., 73. Которыи Русинъ или Латинескыи *противу* сее *правды* мълвить, того почьсти за лихии мужь. См. гр., 1229 г., Срезн. Поити *противъ Нѣмецкия силы*. Пск. I л., 6849 г., Срезн.

В последующей истории дательный падеж при предлоге *против* был вытеснен родительным. Такие же отношения существовали между конструкцией *«на* плюс винительный падеж» и *«против* плюс родительный падеж»; только последняя из них закрепилась в системе языка; первая же отсеялась за ненадобностью; ср.: *бороться против фашизма*.

На позицию грамматического средства для выражения лица, с которым ведется борьба, выдвигалась и конструкция *«с* плюс творительный падеж» с позиции грамматического средства, выражавшего сопровождающий предмет, например:

И бѣ обладая Олегъ Поляны, и Деревляны... а *съ Уличи* и *Тѣверци* имяше рать. Лавр. л., 24. Олегъ же... нача миръ творити *со царьма Грецкима, со Леономъ* и *Александромъ*. Лавр. л., 30, из Радз. сп.

Такое употребление конструкции *«с* плюс творительный падеж» сохраняется и в современном русском языке, например: *воевал с фашистами*; ср. *воевал против фашистов*.

§ 249. Для обозначения предмета или установления, наперекор которому осуществляется глагольное действие, в древнерусском языке употреблялась конструкция *«через* плюс винительный падеж», например:

Кто ли *черезъ мою грамоту* (=наперекор моей грамоте) что у нихъ возметъ, и язъ князь великии кажню. Жал. гр. Ив. Дан. ок. 1329 г., Срезн. А желѣзного четыре бѣлки, толко человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки...; а *черезъ поруку* не ковати (=а наперекор поруки не ковать). Уст. гр. 19 в., 1397 г., Срезн.

В современном литературном языке форма *«через* плюс винительный падеж» в указанном значении не засвидетельствована.

§ 250. Для обозначения делиберативного объекта (объекта после глаголов чувствования, мысли, говорения, просьбы и т. п.) в древнерусском языке употреблялись

разные грамматические средства. Из числа средств, употребление которых постепенно отмирало, был винительный беспредложный падеж, например:

Азъ рад *слышавъ приѣздъ* вашь. Сузд. л., Ак. сп., 493. Князь же Домантъ рече Псковичемъ: «*слышалъ* есмь ваше *мужство*. Воскр. л., 166.

Для выражения делиберативного объекта употреблялись и предложные конструкции. В названной функции могла употребляться предложная конструкция «*о* плюс винительный падеж», например:

Хочю послати по брата своего по Мьстислава, абыхъ съ нимъ рядъ учинилъ *о землю* и *о городы*. Хлеб. л., 6795 г., Срезн. А въ какихъ обидныхъ дѣлѣхъ наши князи... не учинятъ управу, и намъ *о то* сослати судеи. Переп. гр. кор. Ал. с в. кн. Ив. Вас., 1503 г., Срезн.

В современном литературном языке форма «*о* плюс винительный падеж» в указанном значении не засвидетельствована.

Для обозначения делиберативного объекта в древнерусском языке употреблялась также конструкция «*про* плюс винительный падеж», например:

Пошлите на съѣздъ свои философы, а язъ пошлю свои философы, дажь поговорятъ *про вѣру*. Новг. I л., 6856 г., Срезн. И начяша князи *про малое «се великое»* млъвити. Сл. о полк. Иг., 70. Много *про то говорить*! Авв., Жит., 103.

Конструкция иногда употребляется и в современном русском языке, по преимуществу в просторечных стилях.

Наиболее распространенной формой выражения делиберативного объекта в древнерусском языке была конструкция «о плюс местный падеж». Эта конструкция употреблялась при определенном составе глаголов.

При глаголе *радоваться*:

Радуется о ней мужь ея. Лавр. л., 79. И *порадовася* сотона *о проклятьи* земля. Лавр. л., 87.

При сочетании *наполнились радости*:

Великий государь наш отец и богомолец преосвященный митрополит Филарет Никитичь из Польши из Литвы пришел в Московское государство, *о чем* мы и все люди Московского государства *великия радости наполнились*. Мат. и док. по ист. СССР, 6, 5.

При имени существительном *радость*:

Яко *радость* бываеть на небеси *о* единомь *грѣшницѣ* кающемься. Лавр. л., 117.

При форме *бысть печаленъ*:

Се слышавъ, *печаленъ бысть о отци*, (и *о братьи*) и *о дружинѣ*. Лавр. л., 137.

При глаголе *ужасатися*:

Се же князь Михаило Шуйской никако о сей бывшеи *победе ужасася...* Кат.-Рост.

При глаголе *благоизволить*:

Се есть Сынъ мой възлюбленый, *о немже благоизволихъ.* Лавр. л., 101.

При глаголе *хвалитися:*

Что *ся хвалиши о злобѣ,* силныи? Лавр. л., 134.

При глаголе *слушать:*

Мьстиславъ поиде к Суждалю. и сѣдя ту. посылаше къ Ольгови мира прося. гля яко мни азъ есмь тебе. шлися ко оцю моему. а дружину вороти юже еси заялъ. а язъ тебе *о всемь послушаю.* Ип. л., т. II, в. 1, 226.

При глаголе *клястися*:

А (некрещеная) Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и (прочаа) оружья, да *кленутся о всемь,* яже суть написана на харатьи сей. Лавр. л., 52.

При глаголе *сомневатися*:

Но *о сем* нечто много *усумневаюся* и некрепко на тя полагаюся. Кур. лис., 206.

При глаголе *претися*:

Аже *ся сопрутъ о которомъ* дѣлѣ, а не могутъ управити, и коли будетъ князь Великий въ Новѣгородѣ... и тому дѣлу тогды учинитъ князь на Городицѣ съ посадникомъ конець. Памят. ист. Вел. Новг., 40.

При глаголе *тягатися*:

Список судънаго дела, как *тягался* лещь с ершем *о ростовском озере* и *о реках.* Ерш, 147.

При глаголе *уведать*:

О семь бо *увѣдахомъ,* яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ. Лавр. л., 17.

При глаголе *думать*:

Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними *думая о строи земленѣмъ,* и *о ратехъ,* и (*о*) *уставѣ земленѣмъ.* Лавр. л., 124. «о» из Радз. и Ак. сп.

При глаголе *заповедати*:

И *заповѣда* ей *о церковномь уставѣ, о молитвѣ* и *о постѣ, о милостыни* и *о въздержаньи* тѣла чиста. Там же, 59.

При глаголе *учить*:

И *поучи ю* патреархъ *о вѣрѣ,* (и) рече ей. Лавр. л., 59.

При глаголе *открывать* в смысле «сообщать»:

О нем же (= об имени) изволь мне *открыти,* и аз готов по воли твоей творити... *О имени* своем лисица ему *открывает.* Кур. лис., 208.

При глаголе *дивитися*:

Слыша царь и *дивишася о сне* сем и не знает, что сие будет. Яр. цес., 191.

При глаголе *посылать:*

Прииде изъ Констянтинаграда Феодоръ митрополитъ на Киевъ и на всю Русь, поставленъ патриархомъ Констянтиноградскимъ, понеже князь велики Киевский Ростиславъ Мстиславичь *посылалъ о немъ* къ патриарху. Никон. л., 218.

При глаголе *молитися:*

Молися о мнѣ. Лавр. л., 133.

При глаголе *умилосердитися:*

Нынѣ же молимъ тя, милостиваго Господа, *умилосердися о насъ* и призри милостивымѣ окомъ. М. Грек, 34.

При глаголах говорения:

И начаша *прорицати о воплощеньи* Божьи. Лавр. л., 97. *О сяковыхъ* бо Давыдъ *глаголаше.* Там же, 67. И много *пророчествсваша о отверженьи* ихъ. Там же, 97.

Ср. при именах существительных *слово, повесть* и т. п.: *Слово о плъку Игоревѣ.* Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ *повѣстий о пълку Игоревѣ,* 66.

Употребление этой падежной формы для обозначения делиберативного объекта после глаголов чувствования, мысли и изъявления в последующей истории языка расширялось:

Петь о любви, ср. у Пушкина: *у люльки дочь поет любовь.* Цыганы.

Просить о пересмотре дела, ср. у Герцена: *Просят пересмотр дела.* Б. и д.

Напомнить о чем, ср. у И. Дмитриева: *Я принял смелость напомнить ему его молодость, еще малую опытность.* Взгляд на м. ж.

Спорить о чем, ср. в «Письмах и бумагах Петра Великого»: *стал сие спорить.* IV, 111.

Как указано было выше, употребление винительного падежа для обозначения делиберативного объекта постепенно отмирало; новые грамматические средства обозначения делиберативного объекта имели неодинаковую употребительность. Взаимоисключающее положение этих форм неизбежно должно было завершиться закреплением одной из них и отсеиванием за ненадобностью других; в числе отсеявшихся оказалась конструкция «*о* плюс винительный падеж». На пути к отсеиванию находится конструкция «*про* плюс винительный падеж»: она сохраняется в диалектном обиходе и в просторечных стилях литературного языка. Конструкция «*о* плюс местный падеж» стала наиболее распространенной формой выражения делиберативного объекта после глаголов говорения, чувствования, мысли, просьбы и т. п.

Для обозначения делиберативного объекта в древнерус-

ском языке употреблялась и конструкция «*по* плюс дательный падеж»; она встречалась главным образом при глаголах, выражавших переживание, например:

Видѣвъ же Аронъ, братъ Аврамовъ, *ревнуя по идолѣхъ,* хотѣ вымчати идолы, и самъ съгорѣ ту Аронъ. Лавр. л., 90. И *плакася по ней* сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великомь. Там же, 66.

Конструкция «*по* плюс дательный падеж» сохранится после глаголов, выражающих переживание, в современном русском языке, например: *скучать по детям, тосковать по жене* и т. п.

В древнерусском языке делиберативный объект мог выражаться и конструкцией «*над* плюс творительный падеж». На эту позицию указанная конструкция выдвинулась с позиции грамматического средства, обозначавшего пространственное положение одного предмета над другим, например:

И приде Ярополкъ, *надъ немъ плакася*. Лавр. л., 73. И бѣ заповѣдала Ольга не *творити трызны надъ собою*. Там же, 66. (И) аще кто умряше, творяху тризну *надъ нимъ*. Там же, 13. О особливом человѣкѣ, чтоб *смотрилъ над тѣми,* которыя в землѣ збирают и обявълял в Юстицъ-Колегии. Акты Петра I, 68.

В ряде случаев конструкция «*над* плюс творительный падеж» с пространственных позиций передвигалась на позиции грамматического средства, служащего для обозначения предмета в качестве объекта управления, в качестве лица, находящегося в подчинении у другого лица, например:

И разъгнѣвася Господь на Израиля, и *постави надъ нимъ* царя Саула. Лавр. л., 95. Сотворивъ мѣдянъ скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ мраморенъ *постави надъ нимъ*. Там же, 39. Из Радз. сп.

Особенно многочисленны случаи употребления предложной конструкции «*над* плюс творительный падеж» для обозначения подвластного лица в памятниках XVII в., напрнмер:

И *надъ всякою сотнею учинены* головы сотенные изъ столниковъ и изъ дворянъ. Котош., 130. Феодоръ Ивановичь... нѣкоторого велможу, зовомаго Борисъ Годуновъ, ...*учинилъ надъ государствомъ* своимъ во всякихъ дѣлахъ правителемъ. Там же, 2.

Также многочисленны случаи употребления рассматриваемой конструкции для обозначения подвластного лица, испытывающего репрессии со стороны властвующих лиц, например:

А воеводы в полкѣхъ много неправды *чинятъ надъ ратными людми*, и тѣ подьячие *надъ послы* и *надъ воеводами* подсматриваютъ и царю, приѣхавъ, сказываютъ. Котош., 85.

Конструкция «*над* плюс творительный падеж» употреб-

ляется в разных объектных значениях и в современном русском языке, например: *издевался над человеком, над собой смеется, работает над вопросом, сидит над книгой.*

В редких случаях для обозначения объекта просьбы и сообщения употреблялась конструкция «*в* плюс местный падеж».

Многие люди нам *бьют челом* на бояр и всяких чинов людей *в насильстве* и *в обидах.* Мат. и док. по ист. СССР, в. 5, 6.

В современном русском литературном языке употребление конструкции «*в* плюс местный падеж» в рассматриваемом значении не отмечено.

§ 251. Для обозначения того, что пребывание или действие имеет и может иметь место только при определенном ограничении или наличии определенных объектов, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*разве* плюс родительный падеж», например:

Не бѣаше никого же ту, *развѣ двоу старцу.* Дан., XVIII, 16, Срезн. Нѣту вамъ кнзя иного, *развѣ Стослава.* Новг. I л., 6675 г., Срезн. Демьянъ презвутеръ бяше тако постникъ и въздержникъ, яко *развѣ хлѣба* ти *воды* ясти ему до смерти своея. Лавр. л., 183. За которою тот купец более года волочился, но *разве приятных слов,* иного ничего не получал. Ист. Ал. рос., 164.

В том же значении употреблялась в древнерусском языке и конструкция «*кромѣ* плюс родительный падеж», например:

Се же горе быс не въ нашеи земли во одинои, нъ по всеи облас Рустѣи, *кромѣ Кыева* одиного. Новг. I л., 6738 г., Срезн.

В последующей истории закрепился оборот «*кроме* плюс родительный падеж», а оборот «*разве* плюс родительный падеж» отсеялся за ненадобностью.

Для обозначения того, что пребывание или действие имеет место только в отсутствии определенных объектов или обстоятельств в древнерусском языке употреблялась конструкция «*разве* плюс родительный падеж», например:

Еже съ игуменомъ въ великиа праздники да чтуть, при инѣхъ попѣхъ не чтуть *развѣ нужды.* Вопр. Феогн., 1276 г., Срезн.

В той же функции употреблялся оборот «*кромѣ* плюс родительный падеж», например:

Шедше *кромѣ мене* нарьцѣте, егоже хощете, *кромѣ двою брату,* Николы и Игната. Лавр. л., 181. Хоть и тяжко ти, головы, *кромѣ плечю;* зло ти, тѣлу, *кромѣ головы.* Сл. о полк. Иг., 76. Ови глаголют духом бога познавати, *кроме* (= без) *писания.* Авв., Посл. к вер., 352.

В той же функции употреблялся и оборот «*без* плюс родительный падеж». В родительном падеже могли употребляться

названия лиц, предметов, действий и обстоятельств, например:

Хоть и тяжко... Руской земли *безъ Игоря.* Сл. о полк. Иг., 76. Стояще *бес пояса.* Лавр. л., 105—106. Уже дъскы *безъ кнѣса* въ моемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Сл. о полк. Иг., 71. Зане *без вины* пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную. Лавр. л., 138.

Таким образом, конструкции «*разве* плюс родительный падеж», «*кроме* плюс родительный падеж» и «*без* плюс родительный падеж» в древнерусском языке находились во взаимно исключающих, т. е. альтернативных отношениях. Естественно, что те конструкции, которые имели меньше оснований для употребления в данной функции, отсеялись; такими оказались конструкции «*разве* плюс родительный падеж» и «*кроме* плюс родительный падеж». В последующей истории в функции пребывания или действия без определенного предмета или обстоятельств закрепилась конструкция «*без* плюс родительный падеж».

§ 252. Для обозначения предмета, к достижению и овладению которым направлено действие, в древнерусском языке употреблялись разные предложные конструкции. В этой функции употреблялась и конструкция «*для* плюс родительный падеж», например:

И в Латошино, государь, *для* пашенных *лошадей* посылал, и ис Латошина пригнали 15 лошадей павловских. Хоз. Мор., I, № 52. Велеть их ис села Павловского отпустить в село Булышово *для хлеба и животины* (= за хлебом и животиною). Там же, № 40.

В современном русском литературном языке эта конструкция в рассматриваемой функции не употребляется.

В указанном значении в древнерусском языке использовалась также конструкция «*в* плюс винительный падеж», например:

(И) послуша ихъ Игорь, иде в Дерева *въ дань.* Лавр. л., 53. Володимеръ же приде *въ товары,* (и) посла биричи по товаромъ, глаголя. Там же, 120.

В современном русском языке конструкция «*в* плюс винительный падеж» в указанном значении не употребляется; однако в белорусском языке она сохранилась, ср.: Пайшоу *у грыбы* — «пошел за грибами».

Для обозначения предмета, к овладению которым направлено глагольное действие, употреблялась также конструкция «*по* плюс винительный падеж». В состав этой конструкции могли входить нарицательные и собственные имена существительные, обозначающие лиц, местоимения, относящиеся к лицам, существительные, обозначающие животных, предметы, например:

Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла *по Варяги* многи за море. Лавр. л., 44. Поляне брачныи обычаи имяху: не хожаху зять (в сп. Радз. и Моск. дух Ак. — женихъ) *по невѣсту*. Лавр. л., 12. И посла въ манастырь *по Феодосья* и *по братью*. Лавр. л., 187. Се слышавъ царь, посла *по ня* въ Сслунь ко Львови, глаголя. Там же, 26. Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ, и шедъ бо ис Киева гна *по звѣри* въ лѣсѣ. Там же, 72. Не погубляй града, имемъ ся *по дань*, якоже хощеши. Там же, 29. Из Радз. сп.

Конструкция «*по* плюс винительный падеж» широко употреблялась в рассматриваемом значении и в памятниках XVII в., например:

От сестры столника Нардина Нащекина из монастыря приехал *по Аннушку*. Фр. Скоб., 63. Царь на каждои день присылает *по него* корету и всегда с ним хлеба кушает. Яр. цес., 192. Ныне отпущаеши с печи мене... *по вино* и *по мед* и *по пиво*. Ярыж., 75. А се и бегут *по меня* два палача. Авв., Жит., 106. До бою на стану товарыщ твой околничей наш и воевода Костянтин Осиповичь прислал *по него*. Мат. Раз., III, № 73.

В пословичных выражениях такой оборот сохраняется и теперь: «Погоди родить, дай *по бабушку* сходить». Даль, III, 112. Диалектно такой оборот употребителен до настоящего времени. В современном русском литературном языке в соответствии с рассмотренными конструкциями употребляется оборот «*за* плюс творительный падеж», например: *пошел за грибами, за дровами; послал за книгой, за товарищем.*

Для обозначения такого объекта, часть которого достигается глагольным действием, в древнерусском языке могла употребляться конструкция «*от* плюс родительный падеж»; причем, часть этого объекта могла не обозначаться отдельным словом, например:

Почто не яста *отъ древа*, сущаго посредѣ рая? Лавр. л., 86. И несе Каинъ *отъ плода* земли къ Богу, и не прия Богъ даровъ его. Там же, 87.

Сочетание глагола с оборотом «*от* плюс родительный падеж» первоначально имело значение отделения: *не откусывай от хлеба*. В дальнейшем конструкция «*от* плюс родительный падеж» стала обозначать функцию предмета, часть которого соотносится с глагольным действием: *не ели от дерева* (плодов); *принес* (часть) *от плода земли*. Однако в последующей истории языка оборот «*от* плюс родительный падеж» в указанной функции не закрепился.

§ 253. При глаголах, обозначающих действие человека с моментом прикосновения его к объекту (*брать, хватать, дер-*

жать, тянуть, ловить, дергать, рвать и т. д.) или столкновения одного объекта, приведенного в движение человеком, с другим объектом (*ударить, хватать, треснуть* и т. д.), в древнерусском языке употреблялись конструкции «*за* плюс винительный падеж» и «*о* плюс винительный падеж».

Примеры с конструкцией «*за* плюс винительный падеж»:

И похвати быка рукою *за бокъ*. Лавр. л., 120. Моисий же, хапаяся *за шию*, срони вѣнець съ главы царевы, и попра й. Там же, 92.

Примеры с конструкцией «*о* плюс винительный падеж»:

И се рекъ удари имь *о землю*, и вынзе ножь, (и) зарѣза Редедю. Лавр. л., 143. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи *о шеломы* Литовьскыя. Сл. о полк. Иг., 73.

При глаголе ударить в объектном значении употреблялась и конструкция «*по* плюс дательный падеж», ср.:

Аче попъхнеть мужь мужа любо къ собѣ ли отъ собе, любо *по лицю* ударить..., а видока два выведуть, то 3 гри(вны) продажи. П. Р., Тр., 106.

Эти синтаксические обороты сохраняются и в современном языке.

§ 254. Для обозначения лица, с которого устанавливаются те или другие поборы или на которого возлагаются те или другие обязанности, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*на* плюс местный падеж». Так обозначалось лицо, обязанное платить дань, например:

Имаху *дань* Варязи изъ заморья *на Чюди* и *на Словѣнехъ*, *на Мери* и *на Всѣхъ*, (и *на*) *Кривичѣхъ*; а Козари имаху *на Полянѣхъ*, и *на Сѣверѣхъ* и *на Вятичѣхъ*. Лавр. л., 18. А кто *на комъ поищетъ наѣзда* или *грабежа* въ земном дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о земли послѣ судъ. Пам. ист. Вел. Новг., 59. По твоему государеву указу велено *доправить на Матвее Дубенском* да *на Михайле Борыкове иск мой*. Яков., Хол. Моск. г-ве, 435. Взят *на нем* кнзю рубль. Псков. судн. гр. И судьи послали мимо исцов и ответчиков рыбу окуня, а *езд возметца на виноватом* (= с виноватого). Ерш., 152. А ежели кто в тѣ указаныя дни не будет... и *на том брать штрафу* за каждой день по пятидесят рублев. Акты Петра I, 215.

Так обозначалось лицо, на которое возлагалась какая-либо ответственность, например:

Мьсти отъ крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, *положивъ на Каинѣ стенанье* и *трясенье*; тако положи и на семь. Лавр. л., 141. *Спросит* Бог *на тех* кто чинит неволной свой грех. Ром в стих., 52.

В последующей истории языка оборот «*на* плюс местный

падеж» в рассматриваемом значении вышел из употребления. В современном русском литературном языке в аналогичной функции употребляется оборот «*с* плюс родительный падеж», ср.: *взять дань с них, спросить с них* (за что-либо).

Для обозначения лица, или лиц, с которых что-либо взыскивается, в древнерусском языке употреблялась также конструкция «*от* плюс родительный падеж», например:

И отходящеи Руси отсюда *взимають отъ насъ,* еже надобѣ, брашно на путь. Лавр. л., 48. Да не *взищеться* смерть его ни *отъ хрестьанъ,* ни *отъ Руси.* Там же, 34. Из Радз. сп.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в рассматриваемой функции также вышла из употребления.

Наряду с конструкцией «*от* плюс родительный падеж» употреблялась в той же функции конструкция «*из* плюс родительный падеж», например:

И тогда *возмуть* мѣсячное свое, — первое отъ города Киева, и паки *ис Чернигова* и *ис Переаславля,* и прочии гради. Лавр. л., 31. Из Радз. сп.

Любопытно отметить предлог *из* в соответствии с *от* в разных списках «Повести временных лет». Можно отметить тенденцию замены предлога *от* предлогом *из* в более поздних списках «Повести временных лет»; так, в Лаврентьевском списке находим:

И (устави) Варягомъ *дань даяти отъ Новагорода* гривенъ 300 на лѣто. 23. В Троицком списке то же место повести читается с предлогом *изъ*.

В современном русском литературном языке употребляется только оборот «*с* плюс родительный падеж», ср.: *взыскать с него пеню, налог* и т. п.; *взимать с них подати* и т. п.

В значении лица или лиц, на которых возлагается выполнение дани, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*на* плюс винительный падеж», например:

И *възложи на нь дань* легъку. Лавр л., 23. И *дань възложи на Касогы.* Там же, 143.

§ 255. Лицо, которому что-либо принадлежит и это последнее испрашивается или похищается, обозначалось в древнерусском языке двумя конструкциями: «*от* плюс родительный падеж» и «*у* плюс родительный падеж».

Примеры с конструкцией «*от* плюс родительный падеж»:

Аще ли ключится украсти Русину *отъ Грекъ* что, или Грьчину *отъ Руси,* достойно есть да возворотить. Лавр. л., 49. Проходяще вся звѣри дубравнии пищю себѣ просятъ *отъ сотворшаго* ихъ. М. Грек, 31.

Примеры с конструкцией «*у* плюс родительный падеж»:

Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ или украдено *у него* что... или скотина. П. Р., Тр., 107. Рекоша же Дере-

вляне: «што хощеши *у насъ*? ради даемъ медомь и скорою». Лавр. л., 57.

В последующей истории один из этих альтернатов, именно «*от* плюс родительный падеж», отсеялся за ненадобностью, а второй — «*у* плюс родительный падеж» — закрепился в системе языка. Этому способствовал тот факт, что конструкция «*у* плюс родительный падеж» употреблялась для обозначения лица, которому что-либо принадлежит, например:

Аще ли челядинъ съкрыется любо *у варяга*, любо *у кольбяга*. П. Р., Ак., 70. А начнеть хотѣти его дерьжати *у себе*. Там же, 71.

Такое употребление конструкции «*у* плюс родительный падеж» сохраняется и в современном русском языке, ср.: *у него есть сын, у него нет сына.*

§ 256. Рядом с конструкцией «*у* плюс родительный падеж» в значении принадлежности употреблялась конструкция «*около* плюс родительный падеж» в том же значении, например:

И положиша й на одрѣ (и) служаше *около его* Антоний. Лавр. л., 188. Феодосии служаше *около его* (Исакия). Пат. Печ., 34, Срезн.

В последующей истории языка оборот «*около* плюс родительный падеж» в значении принадлежности отсеялся за ненадобностью, так как в этой функции закрепился оборот «*у* плюс родительный падеж», ср.: *работал у профессора.*

§ 257. Для обозначения предмета или лица, от которого происходит действие удаления или избавления, в древнерусском языке использовался родительный падеж без предлога, ср.: *Отыде света сего.*

Рядом с родительным беспредложным употреблялась конструкция «*от* плюс родительный падеж». Эта конструкция употреблялась при глаголах, обозначающих защиту от кого-либо или чего-либо, например:

Молитвами твоими, владыко, да *схранена буду отъ сѣти* неприязньны. Лавр. л., 60. *Защитилъ* бо *есть* сию блажену Вольгу *отъ противника* и *супостата дьявола.* Там же, 67.

Эта конструкция употреблялась при глаголах, обозначающих действие избавления или уклонения от кого-либо или чего-либо, например:

И *отъ всѣхъ гонящихъ* (мя) *избави* мя. Лавр. л., 130. Вы бо *уклонистеся отъ пути* моего. Там же, 164.

Употребление конструкции «*от* плюс родительный падеж» возобладало над употреблением родительного падежа без предлога и сохраняется в современном русском языке, ср.: *ушел от брата, избавился от долгов.*

В древнерусских памятниках предлог *от* иногда употреблялся в тех случаях, в каких в современном языке он не употребляется, ср.:

Яко мало ихъ *отъ таковыя бѣды избѣгнути* (и) въ-свояси възвратишася. Лавр. л., 21. Аще ли *ся покаемъ отъ злобъ* нашихъ, то акы чадомъ своимъ дасть намъ вся прошенья. Там же, 165.

§ 258. Для обозначения дистрибутивного объекта в древнерусском языке использовалась конструкция «*по* плюс дательный падеж», например:

Или ихъ будеть 18, то *по три гривнѣ* и *по 30 рѣзанъ* платити мужеви. П. Р., Ак. сп., 72. А *куръ по двою* ему на день. П. Р., Тр., 105. Имаше на нихъ дань *по чернѣ кунѣ*. Лавр. л., 23.

Оборот «*по* плюс дательный падеж» сохраняется в том же значении и в современном русском языке, ср.: *продавал по рублю.*

Для обозначения дистрибутивного характера объекта-адресата употреблялась конструкция «*по* плюс дательный падеж», например:

И поча тужити Володимеръ, сля *по всѣм воемъ,* и приде единъ старъ мужь. Лавр. л., 120. Поча тужити Володимѣръ, сля *по всимъ воемь* своим. Ип. л., т. II, в. 1, 107.

Конструкция «*по* плюс дательный падеж» употребляется в рассматриваемом значении и в современном русском языке, ср. *разослали решение по колхозам.*

§ 259. Для обозначения предмета соответствия в древнерусском языке употреблялась конструкция «*против* плюс родительный падеж», например:

А не наидутъ душегубца, инѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ..., а вина *противу того.* Уст. гр. дв., 1397 г., Срезн. Боярину съ диакомъ взяти на убитомъ противень *противу исцева.* Судеб. 1497 г., Срезн. А та птичка... из котла тут же клевала... а нам *против того* по два яичка на день давала. Авв., Жит., 99.

В современном русском литературном языке оборот «*против* плюс родительный падеж» в значении предмета соответствия уже не встречается. В этой функции употребляется чаще оборот «в соответствии с», например: *развернули строительство в соответствии с планом постройки.*

§ 260. Для обозначения предмета или явления, с которым сравнивается другой предмет или явление, в древнерусском языке употреблялась конструкция «*перед* плюс родительный падеж», например:

И от того Соболи почали быть *перед старою ценою* дороже. Котош. Чтоб *перед прошлыми годами* гораздо паташу на мойданех было с лишком. Хоз. Мор., I, № 170.

В последующей истории форма «*перед* плюс творительный падеж» в значении сравнения сильно ограничилась и сводится теперь к некоторым фразеологическим оборотам: *ты ничто перед ним*; *он щенок перед ним.*

В современном русском языке для обозначения предмета сравнения употребляется конструкция «*против* плюс родительный падеж», например: *план перевыполнения «против прошлого года» на 20%.*

В научно-публицистических стилях распространяется оборот «по сравнению с», например: *в текущем месяце фабрика перевыполнила план по сравнению с прошлым месяцем.*

§ 261. В древнерусском языке употреблялась конструкция «*в* плюс винительный падеж» для обозначения предмета, в который преобразуется другой предмет, являющийся объектом глагольного действия или его субъекта, например:

Преобразися *въ змию*. Лавр. л., 86. Отъ Руси отъ полонении множайши(а) отъ коеа любо страны пришедшимъ в Русь и продаемымъ *въ хрестьяны*. Там же, 35. Из Радз. сп. Солнце *во тьму* преложися и луна *в кровь*. Авв., Жит., 66. О хлѣбѣ, чтоб украинской курит *в вино*, а откол мочно привозит сюды, не курит. Акты Петра I, 121.

Эта конструкция сохраняется и в современном русском языке, например: *рожь размололи в муку, растерли в порошок, обратил в ничто; поступил в солдаты, зачислен в студенты.*

§ 262. В древнерусском языке для обозначения материала, из которого сделан предмет, употреблялся творительный падеж, ср., *церковь построена белым камнем,* т. е. из белого камня. Однако такое употребление творительного падежа было отмирающим явлением уже в эпоху древнерусского языка. В той же функции употреблялась конструкция «*от* плюс родительный падеж», например:

Створилъ Богъ человѣка *отъ землѣ*, сставленъ костьми и жылами *отъ крове*. Лавр. л., 172.

В современном русском языке для обозначения материала, из которого сделан предмет, употребляется конструкция «*из* плюс родительный падеж», например: *дом построен из камня, корзина сделана из прутьев, плотина сделана из камня и глины.*

§ 263. Язык, с которого делался перевод, в древнерусском языке обозначался конструкцией «*от* плюс родигельный падеж», например:

И собра писцѣ многы, и прекладаше *отъ Грекъ* на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы. Лавр. л., 148.

В современном русском языке используется оборот «*с* плюс родительный падеж», например: *роман переведен на русский язык с немецкого.*

Язык, на который делается перевод, мог обозначаться конструкцией «*в* плюс родительный падеж» и «*на* плюс родительный падеж», например:

Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка *въ Словѣнескъ*. Лавр. л., 27. Ярославъ... собра писцѣ многы и прѣкладаше от Грѣкъ *на Словеньскыи*. Ип. л., т. II, в. 1, 138.

В современном русском языке используется оборот «*на* плюс родительный падеж», например: *перевели на русский язык.*

§ 264. Для обозначения объекта-адресата в древнерусском языке использовались разные конструкции. При глаголе *послать* употреблялся дательный падеж в двух значениях:

а) в значении лица, которому посылается что-либо в собственность, например:

Онъ послаше *ему* мечь. Комис сп. Новг. I л., л. 40 об. Новгородци же... дары послаша *цесарю Дюденю*. Там же, л. 189 об.

б) в значении лица, к которому направляется посол или посылается что-либо не в собственность, например:

Послаша послове... *князю великому*. Комис. сп. Новг. I л., л. 235 об. Да кого *намъ* прислеть, то нашь владыка. Син. сп. Новг. I л., л. 92 об. Вѣ пошлевѣ *брату* своему. Комис. сп. Новг. I л., 90.

В первом значении дательный при глаголе *послать* употребляется и в современном русском языке, ср.: *послал подарок брату.*

В древнерусском языке в этом же значении употреблялась и предложная конструкция «*к* плюс дательный падеж», например:

Се же слышавъ (царь), радъ бысть и посла *къ нему* дары больша первых. Лавр. л., 70. И посла *къ нему* злато, и паволоки, и мужа мудра. Там же, 69.

В последующей истории языка предложная конструкция не закрепилась. Возобладало употребление дательного падежа без предлога.

Употребление дательного падежа во втором значении постепенно отмирало в истории языка. Уже в древнерусском языке рядом с дательным беспредложным в указанном значении употреблялась конструкция «*к* плюс дательный падеж», например:

И створиша вѣче (и) послашася *къ Святославу* и *къ Всеволоду*, глаголюще. Лавр. л., 168. И послаша Переяславци *къ Печенѣгомъ*, глаголюще. Там же, 72.

В последующей истории языка полностью возобладало употребление предложной конструкции в рассматриваемом значении.

При переходных глаголах направленного движения в древнерусском языке мог употребляться дательный падеж адресата без предлога, например:

Приведе *себѣ* жену от Плескова. Комис. сп. Новг. I л., 30. Самого князя Рослава изима и приведе *князю Витовту.* Там же, 241.

Рядом с дательным падежом без предлога употреблялась предложная конструкция «*к* плюс дательный падеж», например:

И приведоша й *ко князю.* Лавр. л., 120. Аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то *къ оному* вести. П. Р., Ак. сп., 71, 6. Възлелѣй, господине, мою ладу *къ мнѣ.* Сл. о полк. Иг., 74.

В современном русском языке в указанном значении возобладала предложная конструкция, ср.: *привели сына к отцу.*

Конструкция «*к* плюс дательный падеж» употреблялась и после глаголов направленного действия, например:

И пояша Ноугородьци Володимера *къ собѣ.* Лавр. л., 68. Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, *къ отню злату столу.* Сл. о полк. Иг., 75.

При этих глаголах также закрепилась предложная конструкция для обозначения объекта адресата, ср.: *пригласил к себе, привязал к столбу.*

При непереходных глаголах движения в древнерусском языке объект-адресат мог выражаться дательным падежом без предлога, например:

Изяславъ... иде *шюрину* своему въ *руцѣ.* Ип. л., т. II, в. I, 289.

Однако употребление дательного падежа без предлога в указанных случаях было явлением отмирающим уже для эпохи древнейших русских памятников. Уже в этих памятниках в той же функции чаще употреблялась конструкция «*к* плюс дательный падеж», например:

Бѣ тогда царь (Костянтинъ, сынъ Леоновъ); и приде *къ нему* Ольга. Лавр. л., 59 (И) идоша за море къ Варягомъ, *къ Руси.* Там же, 18. И приде единъ стар мужь *ко князю.* Там же, 120.

В современном русском языке возобладала предложная форма, ср.: *пришел к брату, приехал к сестре.*

§ 265. Разные предложные конструкции использовались для обозначения объекта-адресата при глаголах, обозначающих направленное действие духовного характера, в том числе при глаголах г о в о р е н и я.

При глаголе *уповать* наряду с дательным падежом употреблялась конструкция «*на* плюс винительный падеж», например:

Господи, Боже мой, *на тя уповахъ*, и спаси мя. Лавр. л., 130.

При глаголах *разгневаться, роптать* употреблялся и продолжает употребляться оборот «*на* плюс винительный падеж», например:

Разъгнѣвася... *на отци* наши. Лавр. л., 84. Се же слышавъ папежь Римьский, похули тѣхъ, иже *ропьщуть на книги* Словеньския. Там же, 26.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» употреблялась в значении объекта-адресата и при других глаголах духовного воздействия, например:

Боже, створивый небо и землю! *призри на* новыя *люди* сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тобе. Лавр. л., 115. И начаша людие *говорити на воеводу на Коснячька*. Так в сп. Радз. и Ак., в Лавр. сп. Нача люди его корити. Там же, 166. Печенѣгомъ пришедшимъ и *хотящимъ на Семеона*, разсваришася Греческыа воеводы. Там же, 41. Из Радз. сп. Но вы *отяжасте на мя словеса* ваша, глаголюще. Там же, 165. Азъ *приемлю на вы плачь*, домъ Израилевъ падеся. Там же, 96.

При глаголе *верить*, кроме дательного падежа, употреблялись конструкции «*в* плюс винительный падеж» и «*к* плюс дательный падеж». Последняя конструкция употреблялась относительно редко и выступала в роли простого альтернанта дательного падежа без предлога, например:

Падыи на камени семь скрушится, а *вѣруя к нему* не постыдится. Иак. Бор. и Гл., 114, Срезн. И иже *къ нему вѣруюгь*. Лавр. л., 172.

Оборот «*к* плюс дательный падеж» в указанном значении не закрепился, а дательный без предлога сохранился, ср.: *верить брату, верить товарищу*. Что касается оборота «*в* плюс винительный падеж» при глаголе *верить*, то он получил свои семантические оттенки и употребляется наряду с дательным падежом без предлога, не являясь его альтернантом, например:

Иже вѣруюгь *въ святую Троицю*, (и) *въ едино крещенье, въ едину вѣру*. Лавр. л., 15.

В современном русском языке при глаголе *верить* употребляется как дательный падеж без предлога, так и предложная конструкция «*в* плюс винительный падеж» со своими особыми значениями: *верить товарищу* значит верить его сообщению, *верить в товарища* значит верить в его личные качества вообще.

§ 266. При глаголе *беседовать* в древнерусском языке, кроме дательного без предлога, употреблялась конструкция «*к* плюс дательный падеж», например:

Нача (архимандрит) *бесѣдовати ко народу* повестьми. Пск. I л., Погод. сп., 104. Удививъся царь разуму ея *бесѣдова къ ней*. Лавр. л., 59. *Къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати*. Поуч. Вл. Мон., 123, Лет. Нест.

Рядом с конструкцией «*к* плюс дательный падеж» употреблялась при том же глаголе с тем же значением конструкция «*с* плюс творительный падеж», например:

Мнози повѣдаху. видѣвше и *бесѣдовавше съ нимъ*. Нест. Бор. Гл., 53, Срезн. Съподобися (князь) *съ* таковымь *мужьмь бесѣдовати*. Нест., Жит. Феод., 26, Срезн.

В последующей истории языка употребление глагола *беседовать* закрепилось с конструкцией «*с* плюс творительный падеж», ср.: *беседовать с товарищами*.

После глагола *враждовать* употреблялся дательный падеж, например:

И своя другы видя *враждюуштая себе*. Изб. 1073 г., Срезн.

И предложный оборот «*на* плюс винительный падеж», например:

Друг друга ненавидяще, *другъ на друга враждующе* и до смерти враждою бѣсовскою всякъ желаяй пити кровь своего брата ближняго. М. Грек, 177.

В современном русском языке употребляется оборот «*с* плюс творительный падеж», ср.: *враждовали друг с другом*

После глагола *оклеветать* в древнерусском языке, кроме дательного падежа без предлога, употреблялась конструкция «*к* плюс дательный падеж», например:

В то же лѣто (1034) всади Ярославъ. Судислава въ порубь. брата своего Плесковѣ. *оклеветаны къ нему*. Ип. л., т. II, в. 1, 137.

В том же значении при глаголе *оклеветать* употреблялся и винительный падеж, например:

Не осужаи *никого же, ни оклевечи*. Жит. Андр. Юрод., XXII, 68, Срезн.

В последующей истории языка при глаголе *оклеветать* сохранился только винительный падеж, например: *оклеветал честного работника*. Употребление предложной конструкции «*к* плюс дательный падеж», а также дательного падежа без предлога не сохранилось в современном литературном языке.

§ 267. При некоторых глаголах наряду с дательным падежом без предлога употреблялся дательный падеж с предлогом *к*, причем в дальнейшей истории языка употребление предлога *к* не закрепилось, например:

При глаголе *речи (решти)*:

И рече змия *къ женѣ*. Лавр. л., 86. И *рече* жена *къ змиѣ*. Там же, 86.

При глаголе *глаголати*:

Кдѣ суть словеса твоя, яже *глагола къ мнѣ*. Лавр. л., 133. Онъ же глаголаше *къ нимъ*. Там же, 191.

При глаголе *клястися*:

Якоже *кляхъся ко царемъ Гречьскимъ*, и со мною боляре и Русь вся. Лавр. л., 71.

При глаголе *учити*:

Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима *поучитъ* васъ *къ вѣрѣ* своей. Лавр. л., 84.

При глаголе *молиться*:

Тѣмже и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова, *молящеся* прилѣжно *къ нима*, рекуще. Лавр. л., 134. Отче! *молися* за ны *къ Богу*; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрить. Лет. Нест., 92.

При глаголе *повиноваться:*

Писание повелевает *повиноватися* женам *к мужам* своим. Авв., Кн. Толк., 263.

При всех этих глаголах употребление предлога в сочетании с дательным падежом не возобладало; употребление дательного падежа-адресата сохранилось и в современном русском языке, ср.: *сказать брату, клялся отцу, учил добру*.

При некоторых глаголах наряду с дательным падежом без предлога употреблялся дательный падеж с предлогом *к*; причем в дальнейшей истории употребление предлога *к* закрепилось, например:

При глаголе *обратитися*:

Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимъ. Лавр. л., 163.

При глаголе *привлекать*:

Ин некто от обретшихся писменно издаде, но да удобее *привлечет* коегождо *к слышаню*. Ярыж., 56.

При глаголе *вопияти*:

Кровь брата твоего *вопьеть ко мнѣ*. Лавр. л., 87.

При всех этих глаголах предлог *к* употреблялся и в современном русском языке, ср.: *привлек «к работе»; обратился «к друзьям»*; ср. книжное выражение: *вопиет к небу*.

В ряде случаев возможны обороты с предлогом *к* и без предлога, например:

А *писал* де *к ним* князь Василей Ондреевич. Хоз. Мор., № 5.

Ср. в современном русском языке: *писал «брату»* и *писал к брату*.

§ 268. При глаголах действия также мог быть объект-адресат, на который направлено действие, выраженное глаголом; объект-адресат обозначался конструкцией «*на* плюс винительный падеж», например:

Лисици *брешутъ на* чрълeныя *щиты*. Сл. о полк. Иг., 67 *Простру* руку свою *на тя*. Лавр. л., 96. *Послахъ на вы* различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и *на скоты* казнь свою *послахъ*. Там же, 164. Яръ туре Всеволодѣ!... *прыщеши на вои* стрѣлами. Сл. о полк. Иг., 68. Володимерци же *пустиша* по стрѣлѣ *на Татары*. Сузд. л., Ал. сп., т. I, в. III, 516.

Конструкция «*на* плюс винительный падеж» в рассматриваемом значении употребляется и в современном русском языке, ср.: *напали на него болезни*; *Моська лает на слона*; *поднял руку на брата*. Однако: *пустить стрелы в кого*, а не *на кого*; *метать стрелами в кого*, а не *на кого*.

§ 269. Для обозначения предмета или лица, выступающего вместо другого предмета или лица, в древнерусском языке использовался ряд конструкций. В этой функции употреблялась конструкция «*про* плюс винительный падеж», например:

У великого князя... не были посолства *правити про князя Володимира Ондрѣевича*. Псков. I л., 6971 г., Срезн.

В современном русском языке оборот «*про* плюс винительный падеж» в указанной функции не употребляется. В соответствии с этим оборотом употребляется конструкция «*вместо* плюс родительный падеж», ср.: *работал вместо отца* или *работал за отца*.

Древнерусский язык еще не располагал конструкцией «*вместо* плюс родительный падеж». Не было в древнерусском языке и предлога *вместо*. Последний, как известно, представляет собой слияние предлога *в* с именем существительным *место*. В древнерусском языке имя существительное *место* еще не было частью предлога, а функционировало как член предложения, перед которым употреблялся другой член предложения, обозначавший замещающее лицо. Вся конструкция представляла собой сочетание предлога *в* с именем, обозначающим лицо или предмет замещения, плюс слово *место*.

В роли слова, обозначающего лицо замещения, могло быть возвратное местоимение в винительном падеже, например:

Данило посади его (Владимира Рюриковича) *въ себе мѣсто* в Киевѣ. Ип. л., т. II, в. 1, 2. Выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ. урядивъ сны своя *въ собе мѣсто*. Сузд. л., Лавр. сп., 461.

Вместо винительного падежа возвратного местоимения *себе* могло употребляться притяжательное местоимение *свое*, например:

А Василей... сам к Москве не поехол, прислал *в свое место* к ответу государева дворовaго человека Ивана Тиринова Яков., Хол. Моск. г-ве, 340

В роли слова, обозначающего лицо замещения, могло быть личное местоимение первого или второго лица в родительном падеже, например:

Да той вы будете *въ мене мѣсто*. Лавр. л., 157.

Вместо винительного падежа местоимения первого и второго лица могли употребляться соответствующие притяжательные прилагательные, например:

А вы дети мои чтите и слушайте своего брата старейшого Ивана, *в мое мѣсто* своего отца. Дух. и дог. грам. кн. вел. и удел., 31.

В роли слова, обозначающего лицо замещения, могло быть местоимение третьего лица в родительном падеже, например:

Умершю же Иссу бысть судья *въ него мѣсто* Июда. Лавр. л., 94. Бѣ же имя противнику Сотонаилъ, *въ негоже мѣсто* постави старѣйшину Михаила. Там же, 86.

В роли слова, обозначающего лицо и предмет замещения, могло употребляться имя существительное в родительном падеже, например:

То убити *въ пса мѣсто*. П. Р., Ач. сп., 71. Аще и отець ми умре, то сь ми буди *въ отца мѣсто*. Лавр. л., 129. Князь Федор Бельской ругал и *(в) брата своего места* князя Микиты Бельскова руку приложил. Яков., Хол. Моск. г-ве.

Можно отметить случаи употребления родительного падежа после слова *мѣсто*, ср.:

Въ мѣсто багроносца мѣхоношу сътвори. Пов. об. икон., 212, Срезн.

В последующей истории языка возобладала конструкция «*вместо* плюс родительный падеж», ср.: *работал «вместо» заболевшего сотрудника.*

Рядом с предлогом *в* в древнерусском языке мог в той же конструкции употребляться предлог *за*, например:

Радуися с пропивающими, а просыпаяся плачися, своим неистовством мучися, житие скончевая *за собаки место.* Рыж., 86.

На почве этой конструкции возник и получил распространение в диалектах предлог *заместо*, ср.: *убили «заместо собаки»*. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова предлог *заместо* квалифицирован как диалектный и просторечный: *он мне был «заместо отца» родного.*

§ 270. Для обозначения лица или предмета оценки или возмещения в древнерусском языке употреблялась конструкция «*в* плюс местный падеж». В составе этой конструкции употреблялись названия лиц, например:

А *въ княжи тивунѣ* (=за княжя тивуна) 80 гривенъ. П. Р., Ак. сп., 171. А *въ смердѣ* и *въ холопѣ*... 5 гривенъ. Там же, 72.

В составе этой конструкции употреблялись названия животных, предметов, частей тела, например:

А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. А *въ голубѣ* и *въ куряти* 9 кунъ, а *въ уткѣ и въ гусѣ,* и *въ жеравѣ,* и *въ лебеди* 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ. П. Р., Ак. сп., 72. Оже сѣно крадуть, то 9 кунъ; а *въ дровѣхъ* 9 кунъ. Там же, 72. А *во усѣ* 12 гривнѣ, а *въ бородѣ* 12 гривнѣ (=а за усы 12 гр., а за бороду 12 гр.). Там же, 70.

В той же функции предмета возмещения мог употребляться оборот «*с* плюс родительный падеж», ср.:

А не всхочеть Родивонъ быти у моее жены, и онъ дастъ *съ собя* (=за себя) моеи женѣ... шесть рублевъ. Дух. Алекс. Белеут., 1472 г., Срезн.

Рядом с конструкцией «*в* плюс местный падеж» и «*с* плюс родительный падеж» в том же значении употреблялась конструкция «*на* плюс местный падеж», например:

Да возметь цѣну свою, еликоже далъ будеть *на немь* (=за него). Лавр. л., 49. Нача Белдюзь даяти на собѣ (=за себя) злато и сребро. Лавр. л., 269.

В той же функции употреблялась в древнерусском языке и конструкция «*за* плюс винительный падеж». В составе этой конструкции употреблялись названия лиц, животных, действий, за которые имело место возмещение:

Аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ *за голову*. П. Р., Ак. сп., 70. А *за ремественика* и *за ремественицю,* то 12 гри(венъ). П. Р., Тр., 105. А *за княжь конь,* иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ, а *за смердѣи* 2 гривнѣ. П. Р., Ак. сп., 72. И власть Казимиръ *за вѣно* людий 8 сотъ. Лавр. л., 151. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... *за обиду* Олгову. Сл. о полк. Иг., 69.

Из этих четырех конструкций в современном русском языке сохранилась только одна, последняя конструкция, ср.: *заплатил за право учения; сделать что-либо за плату; возместить за потерянную книгу.*

Конструкции «*в* плюс местный падеж», «*на* плюс местный падеж» и «*с* плюс родительный падеж» в функции предмета возмещения вышли из употребления.

§ 271. Для обозначения предмета или лица, защищаемого другим лицом, в древнерусском языке использовались две конструкции: «*по* плюс местный падеж» и «*за* плюс винительный падеж».

Примеры с конструкцией «*по* плюс местный падеж»:

А загородьци не въсташа ни *по сихъ*, ни *по сихъ*. Новг. I л., 6726 г., Срезн. Оже богъ *по насъ* (=за нас) кто на ны (=против нас). Там же.

Примеры с конструкцией «*за* плюс винительный падеж»:

Како стати всѣмъ... *за правду Новгородьскую*. Новг. I л., 6763 г., Срезн. Потрудися *за Новъгородъ* и *за* всю *Русьскую землю*. Там же, 6771 г., Срезн.

В последующей истории языка закрепилась конструкция «*за* плюс винительный падеж», а конструкция «*по* плюс местный падеж» отсеялась за ненадобностью.

§ 272. Для обозначения единицы обложения или единицы расчета при взимании в древнерусском языке использовалась конструкция «*от* плюс родительный падеж», например:

Дадите ми *отъ двора* по 3 голуби да (по) 3 воробьи. Лавр. л., 57. А се урокъ мостьниковъ: аще помостивше мостъ, взяти *отъ дѣла* ногата, а *от городници* ногата. П. Р., Ак. сп., 73.

Рядом с этой конструкцией в значении единицы расчета при взимании и обложении употреблялась в древнерусском языке конструкция «*с* плюс родительный падеж», ср.:

По тому розчету боярину *съ рубля* два алтына, а диаку осмь денегъ. Судеб. 1497 г., Срезн.

В последующей истории языка конструкция «*от* плюс родительный падеж» в указанной функции отсеялась, а оборот «*с* плюс родительный падеж» сохранился и закрепился в этой рассматриваемой функции, ср.: *сдать с рубля ; получили по пяти рублей со двора по самообложению* и т. п.

Для обозначения единицы расчета при выдаче и снабжении в древнерусском языке употреблялась конструкция «*на* плюс винительный падеж», например:

А самъ earmъ у Грекъ злато и паволоки и *на вся воя*, и възратися въспять, и приде къ Киеву въсвояси. Лавр. л., 45. А кони 4, конем *на ротъ* сути овесъ... П. Р., Тр., 105. И повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу *на главы*. Лавр. л., 68.

Такое употребление конструкции «*на* плюс винительный падеж» сохраняется и в современном русском языке ср.: *выдать паек на каждого человека*.

Глава XIII

РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ОБСЛУЖИВАЮЩИХ ИМЯ

1. Утраты и ограничения в употреблении имен прилагательных и притяжательных местоимений

Среди имен различают имена существительные, имена прилагательные, местоимения, имена числительные. Причастия относим к разряду глагола.

Имя существительное может выступать в роли разных членов предложения. Потребности обмена мыслями диктуют необходимость развития и совершенствования грамматических средств, обслуживающих имя существительное как член предложения. Имя существительное, функционируя в предложении как часть речи, также должно иметь возможности к обогащению своего содержания с помощью тех или других грамматических средств.

Уже в древнейшие периоды исторической жизни русского языка имя существительнсе как член предложения обслуживалось формами косвенных падежей других имен существительных, именами прилагательными и разными предложными конструкциями. Эти средства не остаются неизменными на протяжении исторической жизни русского языка: некоторые из них отмирали, другие развивались и совершенствовались.

Рассмотрим сначала те из них, употребление которых постепенно отмирало.

§ 273. При именах существительных, обозначавших действия, в древнерусском языке мог употребляться местный

падеж без предлога для обозначения места осуществления действия, выраженного указанным именем существительным, например:

Начало княженья Изяславля *Кыевѣ*. Лавр. л., 158. В сп. Радз. и Ак. «в». А первьии насельници в Новѣгородѣ Словѣне, (въ) *Полотьстѣ* Кривичи. Лавр. л., 19. «в» вставлено из сп. Тр. Радз., Моск. Дух. Ак. Начало Стополча *Киевѣ*. княженья. Ип. л., т. II, в. I, 206.

Как видно из примеров, беспредложное употребление местного падежа при именах существительных, обозначающих действие, имело место в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. В других более поздних списках той же «Повести» мы находим уже предложную конструкцию в соответствии с местным падежом: «княжение Кыевѣ», затем «княжение въ Кыевѣ». Процесс отмирания употребления местного падежа в значении места осуществления действия при именах существительных, обозначающих действия, происходил одновременно с процессом отмирания употребления этого грамматического средства при глаголах.

§ 274. При имени существительном для раскрытия его содержания мог употребляться дательный падеж. В староцерковнославянском языке дательный падеж употреблялся для обозначения лица или предмета, которому принадлежит предмет или явление, указанное управляющим именем существительным, например:

Храмъ *молитвѣ*... врътѣпъ *разбойникомъ*. Мф., 21, 13. *Соль земи*. Там же, Б. 13. Другъ *мытаремъ* и *грѣшникомъ*. Лк., 7., 37.

В древнерусском языке дательный падеж в указанном значении также широко употреблялся. Дательным падежом могли управлять имена, обозначавшие предметы и явления, например:

Сеж имена *воеводамъ* ихъ. Новг. I л., Син. сп., 141, 15. Видяще *людям* погыбель. Там же, 313, 9. Нарекъ ю дъщерью *собѣ*. Лавр. л., л. 17 об. Уныша бо *градомъ* забралы, а веселие пониче. Сл. о полк. Иг., 70. Ибо Ксеръксъ, прегордый онъ *Персомъ* царь, подъ добрую тополу, сирѣчь подъ древо, всклонився во время жатвы, и сего ради красотами бездушнаго древа садъ почиташе. Никон. л., 87. Быс болѣзнь тяжка *князю Олександру*. Сузд. л., Лавр. сп., 472. И проломиша вся врата *острогу*. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 38.

Дательным падежом могли управлять имена, обозначающие процесс действия, например:

Придоша послании отъ Святополка на погубленье *Глѣбу*. Лавр. л., 133. Учинилось нелюбье *Князю Михаилу* съ Новымъ городомъ. Пам. ист. Вел. Новг., 30.

Дательный принадлежности имен существительных широко был представлен в произведениях XVII и XVIII вв.

Дательный падеж имен существительных при именах существительных:

Вы постигосте верси *горам,* а мы получихом верси *бедам.* Авв., Помор., 366. От того бо раждается гордость, мати *пагубе.* Авв., Кн. Толк., 264. Творяху освещение *церкве.* Вел. Зерц. Радуйся, кабаче, чистоха и лупитель *пианицам.* Ярыж., 86. Особливо ж любилас(ь) хозяйка *дому* того с морским поручиком. Ист. Ал. рос., 168. (Не) буди послух *лжесвидѣтелству.* О гр. зл., 3. И отступила от царствующего града, и поидоша в сообщение *королевским воином* (= на сообщение с королевскими воинами). Кат.-Рост. Збору *деньгам* ихъ *жалованье* удобнее быть у Ивана Бутурлина. Письма и бум. Петра Вел., III, 491. Но не они *разврату* корень. Рад., Пут., Торж. И *хлебу* от того великий перевод. Майк., Ел. Сосед мой был *знатному* слуга *господину.* Кант., Сат. и Пер. И был преемником *отцу* своему. Тред., Телемах. О дщерь великому *герою.* Сумар., 33.

В современном литературном языке дательный принадлежности употребляется весьма ограниченно, например: *цены билетам, но цены на муку, на хлеб* и т. п.; *реестр бумагам, роспись книгам* наряду с *реестр бумаг, роспись книг* и т. п.

В дательном принадлежности могли употребляться в древнецерковнославянском языке и местоимения, например:

Другъ *ми.* Зогр. Мар. Лк., 11.6. Бѣжѧтъ отъ лица *кму.* Супр., 22.19. Ослѣпи *имъ* умъмъ. Клоц., 172.

В древнерусском языке местоимения также употреблялись в дательном падеже принадлежности при именах существительных, например:

Приде ему (Ярославу) вѣсть ис Кыева, от сестры его Передьславы оць *ти* умерлъ а Стополкъ сѣдить в Киевѣ. Ип. л., т. II, в. 1, 127. И видѣ ту люди сущая, како есть обычай *имъ.* Лавр. л., 7.

Дательный падеж принадлежности местоимений также был представлен в произведениях XVII—XVIII вв., например:

Ты *ми,* кабаче, злыи учителю, ты *ми* нагота и босота, ты *ми* сетование. Ярыж. Отец *ми* бысть священник Петр, мати Мария, инока Марфа. Авв., Жит., 71. Жалоба *мне,* государь, на Кубенского жилца. Ерш., 154. И назвал его любимым зятем, а *мне* муж он. Про Бову. Имя *ему* Петр. Кат.-Рост. С натурой сродна ты, а *мне* натура мать. Ломон., Петр В. Ты *нам,* владычица, и мать. Сумар. Ср. у Грибоедова: Вот-с Чацкого, *мне* друга, Андрея Ильича покойного сынок. Горе от ума.

В последующей истории дательный падеж местоимений при

именах существительных заменялся атрибутивными формами, например: *жалоба моя, лицо его, мой муж.* На месте более древних жалоба *мене, лицо ему, муж мне* и т. п.

§ 275. В древнерусском языке родительный падеж употреблялся при местоимениях *кто, что, который* для обозначения совокупности однородных предметов, из которых выделяются ее отдельные единицы, например:

О семь бы разумети *комуждо насъ* (= из нас). Новг. 1 л., Син. сп., 57,4. Послав испытаи *когождо их* службу. Лавр. л., л. 36 об. А *хто моихъ бояръ* (= *из* моих бояр) иметь служити моей Княгинѣ, а живуть въ удѣлехъ детей моихъ и техъ Бояръ дѣти мои блюдуть сь одиново. Дух. и дог. грам. кн. вел. и удел., 31.

Такое употребление родительного падежа имело место вплоть до XVII в., например:

А *который* нас (= из нас) в лицех, на том деньги. А. Ю. 1577 г., Бусл. А после пожару бываетъ имъ смотръ, чтобъ *кто чего пожарныхъ животовѣ* (= из пожарных животов) захватя, не унесъ. Котош., 91. А *что моих людей деловых*... всем тем людям дал есмь волю. Дух. в. кн. Сем. Ив.

В последующей истории языка родительный совокупности однородных предметов, из которых выделяются единицы, вышел из употребления и был заменен предложным оборотом «*из* плюс родительный падеж» имени, например: *каждый из нас побывал на выставке; кто из работников отдела поедет на целинные земли?*

§ 276. Произведения Ломоносова позволяют говорить о том, что при именах существительных мог употребляться творительный падеж, ограничивающий объем понятия, выраженного управляющим именем существительным, например:

Богиня *красотой, породой* Ты богиня. Ты мать *щедротами.* Повсюду *громкими делами* героиня.

В современном русском литературном языке творительный падеж в указанном значении не употребляется; в соответствии с творительным ограничения в современном русском языке употребляется предложный оборот «*по* плюс дательный падеж», ср.: *токарь по металлу, мастер по дереву.*

Формы косвенных падежей имен существительных без предлогов использовались также и в качестве грамматических средств, обслуживавших имена прилагательные в функции сказуемого. Наиболее широкое распространение при имени прилагательном получил творительный падеж, обозначавший объект, пределами которого ограничивалось качество, обозначенное именем прилагательным, например: *дебелъ тѣлом.*

Творительный падеж в этом значении употребляется в старославянском: *главоїѫ и брадоѫ сѣдъ, скудобрадъ лицемь* и т. п.

В древнерусском языке творительный ограничения также широко употреблялся, например:

И митрополита ужасть обиде, бѣ *бо нетвердъ вѣрою* къ нима, и падъ ниць, просяше прощенья. Лавр., л., 177. Бѣ же Изяславъ. мужь *взоромъ красенъ. тѣломъ великомь. незлобивъ нравомь.,* кривды ненавидя. любя правду. Ип. л., т. II, в. I, 191. Юнъ возрастъ имѣю, а *старъ смысломъ.* Сл. Д. Зат., 19. И поведахъ ту мужу некоторому, *стару деньми.* Скоп.-Ш., 333. Рострига *возрастом мал.* Кат.-Рост.

Творительный объекта, обозначавший пределы, которым ограничивалось качество, выраженное именем прилагательным, широко употреблялся в произведениях М. В. Ломоносова, например:

Таков осанкою, Клеона, и *лицом*... Там. и Сел.

Покинь свой лютый гнѣв и будь *спокоен духом.* Из Гом.

В современном русском литературном языке творительный ограничения употребляется при именах прилагательных, характеризующих главным образом лица и вообще одушевленные существа: *мал ростом, красива цветом волос* и т. п.

Ср.: «Она и *собой хороша*». Тург., Двор. гн. «Всем хотелось видеть, *каков он собой.*» Писем., Тыс. душ.[1]

§ 277. При именах прилагательных — сказуемых в древнерусском языке мог употребляться дательный падеж, обозначавший объект, к которому направлено качество, выражающее сказуемое, например:

Бѣ же Глѣбъ *милостивъ убогымъ* и страннолюбивъ. Лавр. л., 193. *Милостив* будет *ми.* Авв., Пис. Сим., 343. Федоръ Мещерской... зѣло искусен *швецкому языку.* Акты Петра I, 62.

Дательный при именах прилагательных в указанной функции находим у писателей XVIII в., например:

У Ломоносова:

Сладка плодам во время зною
Прохлада влажная росы. Ода, 1742 г.
День *мне* и *сродникам* для пагубы *опасный.* Петр В.

---

[1] А. А. Потебня отмечал, что творительный ограничения «первоначально стоит при именах, а затем сначала лишь при тех глаголах, которые образованы от этих имен», «что в основе его лежит творительный, объективно означающий внешний предмет: когда прилагательное имело значение причастия, то «высок ростом» значило: рост (как орудие) делает его высоким». «Из записок по русской грамматике», стр. 479.

У Кантемира:

Всему в нас *виновна кровь*. К уму своему.

В последующей истории языка дательный падеж при именах прилагательных в сказуемом, обозначающем направленность действия к определенной цели, в большинстве случаев вытеснен предложными конструкциями: *опасен для вас; тесны для вас; виновна во всем.*

§ 278. Имена числительные *от пяти до десяти* функционировали в древнерусском языке в качестве имен существительных женского рода; определение при этих именах числительных подчеркивало их субстантивную природу, например:

Работа *другую седмь* лѣтъ. Лавр. л. Въ *ту семь* денъ. Мат. пут. Ив. Петлина, 273. Он Иван взял... *другую* 30 руб. Хоз. Мор., № 10. А изыде *та пять* лѣтъ. Шахмат., Иссл. о дв. гр., 128.

Имя числительное *десять* в более раннюю эпоху имело значение имени существительного мужского рода, о чем говорит современная форма *двадцать,* в которой элемент *два* указывает на мужской род имени *десять,* отражающегося в элементе *дцать*. Если бы имя числительное *десять* первоначально имело значение женского рода, то в современном русском языке мы имели бы форму *дведцать,* а не *двадцать.*

Имена числительные *сорок* и *сто* также функционировали в качестве имен существительных, т. е. в качестве слов, обозначающих предметность; причем имя числительное *сто* имело значение среднего рода и склонялось как имена существительные среднего рода, а имя числительное *сорок* имело значение мужского рода и склонялось по основам на *-о* мужского рода, например:

Далъ... на тои земли. *три сороки* (вин. п. мн. ч.) бѣлки. Дв. гр., № 19, 20, 29. Далъ... *пять сороковъ бѣелки.* Там же, № 16. Се заложи... полсела... *въ трехъ сорокѣхъ* бѣлки. А. Ю., № 234.

Сорок как счетная единица употреблялась при счете белок, куниц, соболей.

Далъ... *сто пузовъ* жита. Дв. гр., № 56. Взя посадникъ... *сто рублевъ*. Там же, прил. IV.

§ 279. Имена существительные при именах числительных *пять — десять* употреблялись в родительном падеже, например: *пять дубов, десять столов.*

Форма родительного падежа имен существительных употреблялась при всех падежных формах имен числительных, например: им. пад. *пять дубовъ,* род. пад. *пяти дубовъ,* дат. пад. *пяти дубовъ,* вин. пад. *пять дубовъ,* твор. пад. *пятью дубовъ,* местн. пад. *о пяти дубовъ.*

Приведем примеры из древнерусских памятников, свиде-

тельствующие об употреблении родительного падежа имен существительных при всех падежных формах имен числительных *пять — десять*.

Родительный падеж имен существительных при форме именительного и винительного падежа имен числительных *пять — десять:*

Куплено *пять дестей* писчой бумаги. Кал., II, 305. И дали на всемъ на томъ... *пять сороковъ* бѣлки. Дв. гр., № 1. Взял *девят рублев* серебра... да *девят пузовъ* жита. Дв. гр., № 44. Дал *десять пузовъ* жита сѣмснного. Там же, № 104.

Родительный падеж имен существительных при форме творительного падежа имен числительных *пять — десять:*

Иисусъ самъ вѣсть кърмити *пятию хлѣбъ* пять тысящи в пустии. Гр. Бог. XIII. Нъ тъкмо *съ шестию* или *съ пятию отрокъ* прихожааше къ нему. Нест., Жит. Феод., Срезн. *Съ шестьюдесятью муж.* Пск. I л., 182.

Родительный падеж имен существительных при форме местного падежа имен числительных *пять — десять:*

Въ семи сотъ погнаша въ слѣдъ Довмонта. Пск. I л., 181 Приходиша воеватъ *въ осми сотъ*. Новг. I л., 65.

В последующей истории языка имена числительные, в том числе числительные *пять — десять*, все более утрачивали связь с именами существительными; они утрачивали свойства предметности и приобретали отвлеченные свойства, свободные от представлений о предметности. Это имело следствием отмирание употребления родительного падежа имен существительных при именах числительных в формах косвенных падежей; имена существительные постепенно стали принимать форму того косвенного падежа, в котором было употреблено имя числительное *пять — десять*.

Такое изменение в употреблении родительного падежа при именах числительных *пять — десять* мы наблюдаем уже в памятниках XV—XVI вв.

Форма родительного падежа имен существительных при родительном падеже имен числительных *пять — десять:*

У него сынъ Ивашка *пяти годъ*, Гришка *шти год*... Андрюшка *семи годъ*. Кал., II, № 199, 213. Послѣ *шти месяцевъ*. Собр. гр. IV, № 55, 94. Менши *десяти борановъ*. Там же, II, № 69, 38.

Форма творительного падежа имен существительных при творительном падеже имен числительных *пять — десять:*

Даю ему Великий Новгородъ со всѣми *пятью пягинами*. Собр. гр. I, № 144, 339. Ловятъ рыбу... *десятью лодками*... *шестью лодками*. А. Ю., 257, № 321.

Форма дательного падежа имен существительных при дательном падеже имен числительных *пять — десять:*

А у тебя быть въ вѣдомѣ *десети человѣкомъ* изъ дворянъ. Кал., II, № 171, 533.

Форма местного падежа имен существительных при местном падеже имен числительных *пять — десять:*

Большой храмъ великомученика Георгия *о пяти верхахъ*. Кал., II, 209, № 139. *На пяти перелехахъ* побити сваи. Собр. гр. II, 364, № 107. А Вяжицкий де монастырь отъ Новагорода *въ десяти верстах*. Там же, III, 323, № 370.

Употребление имен существительных в том же падеже, в котором употребляются и имена числительные, означает факт согласуемости этих последних с именами существительными в косвенных падежах. Тем самым имена числительные в косвенных падежах переходят на позицию определительных грамматических средств к соответствующей форме косвенного падежа имени существительного. Имя существительное из управляемого грамматического средства превращается в независимую грамматическую форму, с которой согласуются в косвенных падежах имена числительные.

Это обязывает и форму родительного падежа при имени числительном в именительном падеже рассматривать не как форму, управляемую именительным падежом числительного, а как форму, не определяемую падежом числительного. Тем самым сочетание *пять столов* перестает быть мотивированным словосочетанием в роде *пятерка столов*, каким оно было в древнерусском языке, а превращается в неразложимое количественно-именное сочетание.

§ 280. Имена числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят первоначально* представляли собой словосочетания, в которых первая часть была именем числительным в том или другом падеже, а вторая часть была родительным падежом множественного числа имени числительного *десять*. Родительный падеж числительного *десятъ* являлся формой управляемого имени. В таком виде эти словосочетания функционировали в древнейших русских памятниках.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при родительном падеже управляющего имени числительного:

До *осмидесятъ лѣтъ* четырь лѣтъ. Остр. ев., Лк., 2, 37. Съборъ святых *съта* и *шестидесятъ* и *пяти отьць*. Изб. 1073 г.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при дательном падеже управляющего имени числительного:

Дасть Бохмитъ комуждо *по семидесятъ женъ красныхъ*. Лавр. л., 83.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при творительном падеже управляющего имени числительного:

Волга... вътечеть *семьюдесятъ жерелъ* в море Хвалисьское. Лавр. л., 6.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при местном падеже управляющего имени числительного:

Паче нежели *о девяти десятъ* и *девяти незаблудших.* Еван.

Тот же порядок в употреблении этих числительных наблюдался и в памятниках XV—XVII вв. Форма родительного падежа множественного числа *десятъ* правильно употребляется при всех косвенных падежах управляющих имен числительных.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при родительном падеже управляющего имени числительного:

И убытка де... отъ нихъ... *пятидесятъ осьми рублевъ*... не учинилося. А. Ю., № 26.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при дательном падеже управляющего имени числительного:

Отказал къ помѣстью *къ пятидесятъ четьямъ* в его окладъ. Кал., I, 29, № 15. *По сту по пятидесятъ чети.* Разр., I, 148.

Форма родительного падежа имени числительного *десятъ* при творительном падеже управляющего имени числительного:

Пошлины *съ семьюдесятъ рублевъ* по шти денегъ съ рубля. Кал., I, 22, № 11. За поместными атаманы *за сто пятьюдесятъ человѣкъ.* Кал., II, 327, № 144.

И только в XVII в. положение начинает постепенно изменяться: имя числительное *десять* начинает утрачивать форму родительного падежа множественного числа (десятъ); вместо этой формы начинается употребление разных падежных форм единственного числа имени числительного *десять* в соответствии с падежными формами предшествующих имен числительных, например:

Вмѣсто *пятидесяти рублевъ.* Кал., III. 15, № 269. Болховичамъ *сту пятидесяти человекомъ.* Разр., I, 248. *Съ шестью десятью мужъ.* Пск. I л., 182. Пришелъ съ девятью ордами и *семидесятью* (ср. *семьюдесятью*) *князьями.* Задон., 1674 г.

Тем самым мотивированные, грамматически обусловленные словосочетания двух падежных форм, из которых одна была управляющая, а другая управляемая, превращаются в одно слово. Так утрачивается употребление родительного падежа множественного числа имени числительного *десятъ.*

§ 281. Как указано было выше, имена числительные *двадцать, тридцать* функционировали в древнерусском языке как имена существительные мужского рода. При этих именах числительных имена существительные также употреблялись первоначально в родительном падеже.

Однако уже в памятниках XVI—XVII вв. и при этих именах числительных имена существительные употреблялись в том же косвенном падеже, в каком стояли соответствующие имена числительные. Примеры.

Форма родительного падежа имени существительного при форме родительного падежа имени числительного:

Менши *двадцати гусок,* менши *тридцати утятъ.* Собр. гр., II, 138, № 69.

Форма дательного падежа имени существительного при форме дательного падежа имени числительного:

Боровичамъ *тридцати одному человеку.* Разр. I, 128, 1617.

Форма творительного падежа имени существительного при творительном падеже имени числительного:

Ловят рыбу... *двадцатью пятью керешками* крючными. А. Ю., № 231.

Форма местного падежа имени существительного при форме местного падежа имени числительного:

Да въ сносѣ *въ тридцети въ пяти рубляхъ.* А. Ю., 55.

Так исторически возникла согласуемость имен числительных *двадцать* и *тридцать* в косвенных падежах с соответствующими именами существительными, которая сохраняется и в современном русском языке, ср.: *тридцатью рублями.*

Согласуемость числительных с именами существительными представляет собой результат утраты употребления родительного падежа существительных при числительных *двадцать* и *тридцать.*

§ 282. Как указано было выше, имя числительное *сто* в древнерусском языке функционировало как субстантивное имя среднего рода (ср. «сотня»). Имена существительные при всех падежных формах имени числительного *сто* употреблялись в родительном падеже, например: *съто дубовъ, съта дубовъ, съту дубовъ, сътомь дубовъ, о сътѣ дубовъ.*

В памятниках XVI—XVII вв. при косвенных падежах имени числительного *сто* имена существительные употребляются уже не в родительном падеже, а в том падеже, в котором употреблено имя числительное *сто.* Примеры.

Форма родительного падежа имени существительного при родительном падеже имени числительного *сто:*

Я тѣхъ денегъ *ста рублевъ* ему не заплачю. Кал., II, 22, № 126. *Со ста пудъ* по две денги. Собр. гр., II, 136, № 69.

Форма дательного падежа имени существительного при дательном падеже имени числительного *сто:*

Отмерено *ко сту четьямъ* земли. Кал., I, 47, № 17. Государь приказал быти въ Калуге съ Ливенъ *сту человѣкомъ.* Разр., I, 421.

Форма творительного падежа имени существительного при творительном падеже имени числительного *сто:*

Царь пожаловалъ бы помѣстьемъ *стомъ сорокью четми.* Кал., 159, № 49.

Форма местного падежа имени существительного при местном падеже имени числительного *сто:*

Далъ запись *во стѣ рублѣхъ*. Кал., I, 219, № 52.

При имени числительном *сорок* в косвенных падежах также имело место употребление имен существительных в форме того падежа, в котором употреблено имя числительное *сорок*, например: *сорокъ дубовъ, сорока дубовъ, сороку дубовъ, сорокомь дубовъ, о сорокѣ дубовъ.*

Позже имя существительное при имени числительном *сорок* стало принимать форму того падежа, в каком было употреблено имя числительное *сорок*, ср.:

Форма местного падежа имени существительного при местном падеже имени числительного *сорок.*

Челобитье *въ сорокѣ рублехъ* медныхъ денегъ. Кал., II, 190, № 139. Записка въ караульныхъ деньгахъ *въ сорокѣ во шти рублехъ*. Там же, II, 186, № 139.

Тем самым возникла согласуемость числительных с именами существительными в косвенных падежах. Однако в дальнейшей истории языка имена числительные *сорок* и *сто* утратили согласуемость с соответствующими именами существительными: в современном русском языке имена числительные *сорок* и *сто* имеют только по две формы для всех падежей: *сорок* и *сорока, сто* и *ста.*

§ 283. Имена числительные *от 11 до 19* представляли собой словосочетания, состоящие из соответствующей падежной формы названий единицы и неизменяемой предложной конструкции «на десяти» (в старославянском «на десѧте»); таким образом, в рассматриваемых сочетаниях склонялись только имена числительные, обозначающие единицы, а имя числительное, обозначающее десяток, не склонялось. Примеры.

Форма именительного и винительного падежей:

Платить имъ долгу... *одинадцать рублевъ... двенадцать рублевъ*. Собр. гр., I, 341, № 132. И того... *шеснадцать алтынъ* взято. Кал., I, 53, № 18.

Форма родительного падежа:

Сто двадцать деревъ *двунадцати саженъ*. А. Ю., № 230. *Съ трехънатцати обежъ*. Новг. I писц. *Пятинадцати рублевъ*. Собр. гр., I, 78, № 40. Микита *осминатцати годъ*... Ондрѣй *семинатцати* год... Данилка *пятинатцати год*. Кал., II, 120—122, № 131.

Форма дательного падежа:

По девятинатцати алтынъ. А. Арх. Эк., III. 69.

Форма местного падежа:

Въ трехънатцати курятахъ. Кал., II, 91, № 129. Подручилися *въ пятинатцати* тысечехъ рублехъ. Собр. гр., I, 493, № 179.

В последующей истории русского языка указанные выше словосочетания утратили характер словосочетаний и приобрели значение отдельных слов; при этом названия единицы, утратив значение самостоятельного слова, утратили также склоняемость и сохранили только форму именительного падежа, а название десятка стало изменяться по падежам по типу склонения основ на *-i*. Примеры.

Форма родительного падежа:

Съ сыномъ Микиткою *двѣнатцати лѣтъ*. Кал., III, 291, № 334.

Форма дательного падежа:

Поручилися есми... крестьяномъ *девятнадцети человѣкомъ*. А. Ю., № 291.

Форма творительного падежа:

Пятнадцатью четвертьми владѣти. Собр. гр., II, 127, № 63. Ловятъ... снятки... *шестнадцатью тагасами*. А. Ю., № 231.

Числительные *от 11 до 19* как отдельные слова (а не как словосочетания) функционируют и в современном русском языке.

§ 284. В ряде случаев происходило переосмысление роли падежной формы; так форма *стола* в сочетании *дъва стола* в древнерусском языке представляла собою именительный падеж двойственного числа, а в современном русском языке — родительный падеж единственного числа. В данном случае мы имеем процесс утраты элементом языка его прежней падежной функции и приобретение им падежной функции другого элемента. Рассмотрим это явление.

Числительные *два, оба, три, четыре* первоначально функционировали как определения и согласовались с именем в роде, числе и падеже. В нижеследующих примерах имена существительные даны в именительном падеже, а числительные являются определениями к этим именам:

Дъва стола (муж. р., дв. число); *дъвѣ руцѣ* (жен. р., дв. ч.); *дъвѣ стѣ* (сред. р., дв. ч.).

Трие (трье) столи (муж. р., мн. ч.); *три рукы* (жен. р., мн. ч.); *трие (трье) ста* (ср. р., мн. ч.).

Четыре столи (муж. р., мн. ч.); *четыри рукы* (жен. р., мн. ч.); *четыре ста* (ср. р., мн. ч.).

Примеры:

Дъва (муж. р., дв. число) — форма именительного и винительного падежей:

Тии бо *два* храбрая *Святъславлича*. Сл. о полк. Иг., 70. Се бо *два сокола* слѣтѣста. Там же, 71.

Дъвѣ (жен. р., дв. число) — форма именительного и винительного падежей как определений:

Платили *за двѣ головѣ*. Дог. гр. Ал. Нев., 1257 г. А в Вятичи ходихомъ *по двѣ зимѣ*. Поуч. Вл. Мон.

Дъвѣ (сред. р., дв. число) — форма именительного и винительного падежей как определений:

Двѣ мѣстѣ уготова. Посл. Вас. о рае. Хрест. Бусл. Се даю... *2 селѣ* Коломеньскии (прилаг. в винит. п. мн. ч.). Собр. гр., I, № 21.

Формы косвенных падежей числительных *дъва — дъвѣ* как определений:

Латинескому дати отъ *двою копию* въску. Собр. гр., II, № 1. Игуменъ же приде *съ двѣма братома*. Лавр. л., 204. Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи *двѣма озерома*. Там же, 139.

Формы именительного и винительного падежей *оба — обѣ* как определений:

Оба есвѣ *Святъславличя*! Сл. о полк. Иг., 67. *Оба* багряная *стлъпа* погасоста, и съ нима молодая мѣсяца. Там же, 71. Прѣдръжящю *обѣ власти*. Остр. ев.

Формы косвенных падежей *оба — обѣ* как определений:

Изгна Якунъ *обою брату* отъ области его. Киевопеч. Пат. И многа села воеваша по *обѣма странома*. Лавр. л., 208. Сънемъшемася *обѣма полкома* на скупь. Там же, 56.

Формы *трие* (муж. р., мн. число) и *три* (женск. р., мн. ч.) в качестве определений уже в древнейших памятниках смешивались, например:

По потопѣ *трие сынове* Ноеви раздѣлиша землю. Лавр. л., I. *Столпи трие* стояще отъ земля до небеси. Ип. л., 18. И изыдоша сии *трие Ярославичи* въ срѣтение имъ. Киевопеч. Пат. И вси *три Мстиславичи*. Сл. о полк. Иг. Взяша *три грады*. Ип. л., 7.

Формы косвенных падежей имен числительных *три, четыре* в качестве определений:

По трехъ днехъ умре Ольга. Лавр. л., 66. Бысть смятение *въ трьхъ кънязѣхъ*. Жит. Феод., Хрест. Бусл., 51. *Съ четырми человекы*. Ип. л. Глубле же есть *четырей сажен*. Хожд. Д., Хрест. Бусл.

Когда категория двойственного числа была утрачена, выражение *дъва стола*, которое первоначально осознавалось как сочетание числительного *дъва* и имени существительного *стола* в именительном падеже двойственного числа, переосмыслилось и стало осознаваться как сочетание числительного *два* и имени существительного *стола* в родительном падеже единственного числа.

По аналогии с сочетанием *два стола*, в котором форма *стола* представлялась уже формой родительного падежа единственного числа, стали изменяться сочетания *дъвѣ сестрѣ* и

дъвѣ селѣ, т. е. сочетания числительного *дъвѣ* с именами существительными женского рода и среднего рода. В этих сочетаниях форма *сестрѣ* и *селѣ* как форма именительного падежа двойственного числа жен. (*сестрѣ*) и ср. (*селѣ*) рода была вытеснена формой *сестры* и *села*, т. е. формой родительного падежа единственного числа жен. (*сестры*) и ср. (*села*) рода, а форма *дъвѣ* в сочетании *дъвѣ селѣ* была вытеснена формой *два;* так развились сочетания *две сестры, два* села.

Образовавшиеся таким образом сочетания *два стола, две сестры, два села*, в которых формы *стола, сестры, села* стали осознаваться как формы родительного падежа единственного числа, стали исходной основой для преобразования падежной формы имен существительных при числительных *три* и *четыре.* Сочетание *два стола,* в котором *стола* — форма родительного падежа, и сочетание *три столи,* в котором *столи* — форма именительного падежа, представляли собой взаимоисключающие элементы внутриструктурного противоречия. В русском языке это внутриструктурное противоречие разрешено путем преобразования сочетания *три столи* по образцу сочетания *два стола.* Это последнее повлияло на сочетания с числительными *три и четыре,* т. е. на сочетания *трие (трье) столи* (муж. р., мн. ч.), *трие (трье) села* (ср. р., мн. ч.); три рукы (жен. р., мн. ч.); *четыре столи* (муж. р., мн. ч.); *четыри рукы* (жен. р. мн. ч.), *четыре села* (ср. р. мн. ч.). Сочетания *три столи* — *четыре столи* уравнялись по образцу сочетаний *два стола, два села, две руки*; в результате получились сочетания *три стола, четыре стола* (как *два стола*), *три руки, четыре руки* (как *две руки*), *три села, четыре села* (как *два села*).

Однако форма именительного падежа множественного числа имени существительного при числительных *три, четыре* употреблялась до XVII в., например:

Четыре алтыны з денгою. Судеб. 1497 г., § 5. А *три годы* поживет. Там же, § 57.

Отдельные случаи в более поздних памятниках:

Да у Игошки... взяли... *три топоры*. А. Ю., № 46. А городы в Мугалской земле деланы *на четыре углы*. Мат. пут. Ив. Петлина, 288. Взялъ... сторожемъ... *на три мѣсяцы*. А. Ю., № 223. Творил рукою *три кресты*. Собр. гр., № 45, 198.

Форма множественного числа имен существительных могла проникать из конструкций с числительным *три* и *четыре* в конструкций с числительным *дъва* — *дъвѣ,* например:

На посаде 21 дворъ, да *2 двори* пусты. Кал., II, 51, № 128. Въ тѣ... *два годы*... податей не платити. А. Ю., № 196.

Однако форма множественного числа имен существительных при имени числительном *два* — *две* не возобладала; за-

крепились такие элементы, которые стали функционировать как форма родительного падежа единственного числа.

Форма родительного падежа имен существительных при числительных *три, четыре* стала появляться уже в памятниках XVI в., например:

Да за доспех убитого *три рубля*. Судеб. 1550 г., § 11. Да неделщику ж вясчего *четыре алтына* без дву денег. Там же, § 11.

В современном русском языке, как указано было выше, при числительных *три, четыре* возобладала форма родительного падежа; ср.: *четыре стола; три дуба.*

В косвенных падежах числительные *три и четыре* употреблялись в качестве определения в древнерусском языке, например:

Съ четырехъ дворовъ довелось донять 13 рублевъ. Кал., I, 242. Атаманам *четыремъ человекомъ*. Собр. гр., III, № 78, 302. Жать его всеми *четырмя жеребьями*. Там же, № 105, 672. Ловять рыбу *четырмя лодками*. А. Ю., № 231.

Имена числительные *три* и *четыре* в косвенных падежах функционируют в качестве определений и в современном русском языке, ср.: *четырех столов, четырьмя столами, о четырех столах; трех дубов, трем дубам, тремя дубами, о трех дубах.*

В именительном и винительном падежах числительные *два, три, четыре* уже не являются определениями: сочетание имен числительных с именами существительными представляет одно неразложимое синтаксическое целое, которое принято называть количественно-именным сочетанием.

Неразложимость количественно-именных сочетаний *два стола, три стола, четыре стола* в именительно-винительном падеже определяется следующими особенностями этих сочетаний:

1. Имена числительные *два, три, четыре* в количественно-именном сочетании (*два стола* и т. п.) именительно-винительного падежа представляют собой форму именительного падежа, и если бы они сочетались с именем существительным, как его определение, то это имя существительное должно было бы также иметь форму именительного падежа, как это и было на древнейшей стадии развития этих сочетаний. А так как в количественно-именных сочетаниях форма именительного падежа числительного (*два*) сочетается с формою родительного падежа имени существительного (*стола*), то это сочетание не является грамматическим согласованием, но представляет собой исторически закрепившееся, грамматически, по нормам современной речи, немотивированное и потому неразложимое сочетание.

2. Употребление определений в количественно-именных сочетаниях также свидетельствует о том, что эти сочетания

представляют собою единое синтаксическое целое, грамматически неразложимое сочетание. Определение в этих сочетаниях употребляется или в родительном падеже множественного числа — *два высоких дуба,* или в именительном падеже множественного числа *два высокие дуба.* Множественное число определения и в первом, и во втором случае доказывает, что определение согласуется не с единственным числом имени существительного, а со всем количественно-именным сочетанием, обозначающим как единое грамматическое понятие множественность предметов, один из которых называется именем в родительном падеже и единственном числе.

В косвенных же падежах количественно-именное сочетание (числительные *два, три, четыре*) не представляет с рассматриваемой стороны неразложимого синтаксического целого, так как имя числительное согласуется в падеже с именем существительным: род. п. — *двух столов,* дат п. — *двум столам,* тв. п. — *двумя столами,* мест. п. — *о двух столах.*

О том же свидетельствует и употребление определения в косвенных падежах количественно-именных сочетаний; определение употребляется в падеже и числе определяемого имени существительного: род. п. — *двух больших столов,* дат. п. — *двум большим столам,* тв. п. — *двумя большими столами;* мест. п. — *о двух больших столах.* Такое употребление определения показывает, что оно согласуется по существующим грамматическим нормам только с именем существительным, входящим в количественно-именное сочетание, а не с этим последним.

§ 285. В древнем русском языке были широко употребительны числительные типа *двои, трои, четверы, семеры, десятеры* и т. п. в функции определения; такие числительные имели значение атрибутивных частей речи в сочетании с именами существительными во множественном числе:

Двои люди, едины смеющеся, а другыи плачющася. Дан. иг., Срезн. *Двои очки, двои кресла,* с налойчиком кожаным, *шестеры сапоги* сафьяновые. Дело ник., № 105. *Четверы петли* с крюками. Там же. *Тридцать семеры сошники* и лемехи. Хоз. Мор.

Сочетания числительных *двои, трои* и т. п. с именами существительными во множественном числе рано начинают подвергаться воздействию родственных сочетаний с другими числительными. Это воздействие осуществлялось в двух направлениях:

а) имя существительное, наряду с именительным падежом множественного числа, при *двои, трои* и т. п. может иметь форму род. п. мн. ч., например:

Двои сапог красных, новые. Дело Ник., № 105;

б) определение в именительном падеже множественного числа при определяемом имени существительном в именительном падеже множественного числа принимает форму родительного падежа множественного числа при сохранении именительного падежа определяемого.

Двои рукавици новых, осмеры рукавицы ловецких, починенных. Дело Ник., № 105. *Три удила конских.* Мат. Разр., I, № 9.

В более позднее время употребление сочетаний числительных *двои, трои* и т. п. как определений с именами существительными как определяемыми все более суживалось.

Ломоносов допускал для своего времени употребление согласуемых с существительными *двои, трои, десятеры* только при именах существительных, обозначающих неодушевленные предметы, имеющих форму множественного числа («Российская грамматика», § 487, 188).

Такое употребление числительных *двои, трои* и т. п., по данным «Словаря русского языка» Акад. наук (вып. 3, 1895, 974), допускалось и в XIX в., именно: *двои, трои,* в отличие от *двое, трое* допускались только при именах существительных, употребляющихся исключительно во множественном числе: *двои часы, двои сани, двои сутки* и т. п. Ср.:

Однако ж пятаков *пригоршни трои* Червонца на обмен крестьянину дают. Крыл., Червонец.

Здесь имя существительное *пригоршни* понято как множественное число, которое в диалектах не имеет единственного числа.

В современном языке сочетания типа *двои часы, двои сани, двои сутки* и т. п. уже не употребительны: они вытеснены сочетаниями типа *двое часов, двое суток, двое сапог* и т. п.

Плутал *двое суток.* Фонв., Пис. *Трое* римских торжественных *ворот.* Там же.

§ 286. Имя существительное как член предложения обслуживалось также и именами прилагательными: имена прилагательные могли обозначать качество предмета *(добрый человек),* принадлежность предмета *(отцов дом),* объект действия *(убийство Игорево),* субъект действия *(посольский приезд — приезд посла),* цели действия *(барская работа — работа на бар),* орудие действия *(кнутово биение — биение кнутом).* Такое многообразие назначения имен прилагательных при именах существительных в процессе общения создавало многочисленные трудности в деле взаимопонимания говорящих.

В последующей истории русского языка в ряде случаев происходило вытеснение употребления относительных и

притяжательных имен прилагательных родительным падежом имени существительного, ср.: *посольский приезд — приезд посла; поход Игорев — поход Игоря; конское избиение — избиение коней* и т. п. В отдельных случаях относительные имена прилагательные подвергались переосмыслению. Последнее заключалось в том, что момент относительности в их грамматической природе постепенно отмирал, момент качественности постепенно возрастал.

Таким образом, относительные прилагательные или отмирали в своем употреблении, или окачествлялись в своем значении. Однако эти процессы протекали только при определенных условиях, при других условиях указанные прилагательные не подвергались ни вытеснению, ни переосмыслению и полностью сохраняли свои исконные свойства.

Относительные имена прилагательные сохранились в употреблении и не подверглись переосмыслению в следующих условиях:

1. Относительное имя прилагательное, обозначающее материал, из которого сделан предмет, указанный именем существительным, сохраняется в употреблении и удерживает свой относительный характер, например: *«кирпичный» дом* (=из кирпича); *деревянный дом* (= из дерева); суконное пальто (=из сукна); *овчинный тулуп* (=из овчины); в функции относительных имен прилагательных, обозначающих материал, могут употребляться притяжательные прилагательные, образованные от названий животных посредством суффикса -ьjь,- jь — ср.: *лисья шапка* (= шапка из лисьего меха), *медвежья шуба* (= шуба из медвежьего меха) и т. п.

Если относительные имена прилагательные, обозначающие материал, сочетаются с именами существительными, обозначающими предметы, которые не могут быть произведены из материала, указанного именем прилагательным, то такие относительные имена прилагательные утрачивают относительный характер и приобретают качественный оттенок, например: *железные мускулы, стальной характер, каменное сердце, хлебное местечко* и т. п.

Имена прилагательные, обозначающие материал, из которого сделáн предмет, указанный именем существительным, сохраняются в употреблении потому, что в этих условиях они не имели альтернантов, не находились в состоянии внутриструктурного противоречия с другими элементами грамматического строя языка. В выражении *«железная скоба»* относительное имя прилагательное *железная* не является альтернантом к предложенной конструкции *из железа* в выражении *«скоба из железа»*. Предложная конструкция *«из* плюс родительный

падеж» является грамматическим средством, обслуживающим глагол, а не имя: «скоба сделана *из железа*».

На нынешней ступени развития приименных грамматических средств в русском языке предложная конструкция *из железа* может использоваться при имени без непосредственного участия глагола, но грамматически это использование еще опосредствуется глаголом; выражение *скоба из железа* не только по происхождению невозможно без конструкции «скоба сделана *из железа*», но оно и непонятно, не имеет значения вне связи с этой конструкцией. Каково бы ни было происхождение родительного падежа при имени существительном, но его значение понятно вне связи с его употреблением при глаголе, ср.: *дом отца* и *дайте хлеба:* между тем значение конструкции *из железа* при существительном *скоба* предопределяется значением этой конструкции при глаголе: «скоба сделана *из железа*». Потребности иметь грамматические средства, которые могли бы обслуживать имя существительное как член предложения, есть и будут; они не только будут сохраняться, они неизбежно будут расти и умножаться; неизбежно будут развиваться грамматические средства, обслуживающие имя существительное, будут обособляться грамматические средства, обслуживающие имя и глагол. В историческом развитии русского языка несомненно существует возможность возникновения внутриструктурного противоречия между формой относительного прилагательного и предложной конструкцией в выражениях, подобным таким, *как скоба из железа* и *железная скоба.* Но будучи не альтернантами, а синонимами, они имеют основания для своего бытия и функционирования в грамматической системе русского языка.

2. Относительные имена прилагательные, обозначающие время, в современном русском языке имеют относительный характер в сочетании с разными именами существительными, например: *прошлогодний снег, прошлогодний разговор, вчерашний спектакль, сегодняшнее занятие, сегодняшнее заседание, многолетнее вино, летнее, зимнее, демисезонное* пальто и т. п.

3. Относительные имена прилагательные, обозначающие место, могут иметь относительный характер, если они сочетаются с именами существительными, обозначающими:

а) материальный предмет или лицо, ср.: *ленинградский житель, астраханская селедка, тульский крестьянин, воронежский хлебороб* и т. п.; синонимическими оборотами являются: *житель из Ленинграда; селедка из Астрахани; крестьянин из Тульской области* и т. п.;

б) действие, лишенное объекта и представляющее собой акт, ср.: *ленинградское сражение, сталинградская битва*

и т. п.; синонимическими оборотами являются: *сражение под Ленинградом, битва в Сталинграде* и *битва под Сталинградом.*

4. Относительные имена прилагательные, обозначающие лицо, которому принадлежит предмет, указанный именем существительным, сохраняют свой относительный характер, поскольку они удерживаются в употреблении, например: *отцовская дача под Москвой* (= дача отца).

5. При именах существительных, обозначающих материальный предмет, относительные имена прилагательные, обозначающие назначение данного предмета, сохраняют в своей семантике момент относительности; ср. у Пушкина:

Конюшни были полны *дорожных* лошадей. Дубр. Наконец он велел запрячь себе *беговые* дрожки. Там же.

Ср. в современном русском языке: *письменный стол* — стол для письма; *детское, дамское, мужское пальто* — пальто для детей, дам, мужчин; *столовое серебро* — серебро, предназначенное для стола; *хлебная палатка* — палатка для продажи хлеба; *продуктовый магазин* — магазин для продажи продуктов.

§ 287. Относительные (в том числе и притяжательные) имена прилагательные не удерживались в грамматической системе русского языка, подвергались утрате или окачествлению в следующих условиях:

1. Если имя существительное, которое определялось относительным именем прилагательным, обозначало действие, а имя прилагательное обозначало субъект или объект этого действия, ср.: *поход Игорев — поход Игоря; убийство Игорево — убийство Игоря.*

2. Если имя существительное, которое определялось относительным именем прилагательным, обозначало действие, а имя прилагательное обозначало обстоятельство этого действия или орудие, посредством которого оно осуществляется, ср.: *кнутово биение — биение кнутом, прорубное платяное мытье — мытье платьев в проруби.*

3. Если имя существительное, к которому относилось имя прилагательное, обозначало меру и границу того, что было обозначено относительным именем прилагательным, ср.: *суконный вершок — вершок сукна, пожарное время — время пожара; родильный день Ивана — день рождения Ивана.*

В этих условиях употребление относительных имен прилагательных как грамматического средства, обслуживавшего имя существительное, находилось в явном противоречии с возникшими потребностями общения: словосочетание *Игорево убийство* является совершенно неудовлетворительным для

выражения потребности различить выражение объекта и субъекта; притяжательное имя прилагательное *Игорево* как грамматическое средство при имени существительном *убийство* не в состоянии уточнить, имеем ли мы дело с убийством какого-то лица, произведенным Игорем, или с убийством Игоря, которое произведено другим лицом.

Такое нерасчлененное употребление относительных имен прилагательных имело место в многочисленных случаях; так, выражение *братне послушание* могло означать послушание, которому должен подвергнуться брат (объект), и послушание, которое должен наложить брат (субъект). В выражении *книжное чтение* нет указания на то, читается ли одна книга или несколько.

Выражение *человеческое избиение* представляло собою сочетание, которое допускало троякий смысл: избиение кого-либо человеком, избиение кем-либо (например, барином) одного человека, избиение кем-либо нескольких человек.

Необходимость иметь грамматические средства для выражения указанных значений представляет собой объективную потребность общения; грамматическая система языка не может не ответить на эти потребности, и устранение указанного выше противоречия является абсолютной необходимостью. Этим и объясняется факт постепенного отмирания употребления имен прилагательных в функции субъекта и объекта действия, выраженного именем существительным, к которому относится имя прилагательное.

Кроме того, в указанных условиях относительные имена прилагательные имели альтернанты, т. е. в грамматической системе русского языка они находились в положении внутриструктурного противоречия с другими грамматическими средствами; уже в древнерусском языке чередовались разные по структуре, но совершенно идентичные по значению обороты типа: *прорубное мытье — мытье в проруби; отцов домъ* и *домъ отца; зверское избиение — избиение зверей;* так, уже в старославянском языке возможны были обороты *«господинъ храма и сынъ Авраамль»;* в первом случае предмет, которому принадлежит другой предмет, обозначен родительным падежом *(храма),* во втором случае — притяжательным прилагательным *(Авраамль).*

Таким образом, с одной стороны, имена прилагательные в качестве приименных средств были перегружены многочисленными значениями, с другой стороны, в тех же значениях употреблялись и другие грамматические средства, например, именительный падеж *(братня слава),* дательный падеж *(отцьми),* предложный оборот *(мытье в проруби).* Все это с несомненностью выдвигало потребности усовершенствовать

грамматические средства, обслуживающие имя существительное как член предложения.

Совершенно очевидно, что наличие внутриструктурных противоречий между отдельными грамматическими средствами делает неизбежным устранение одного из менее удовлетворительных средств; таким грамматическим средством были относительные имена прилагательные при именах существительных; таким образом, вся совокупность грамматических условий и прежде всего потребности взаимопонимания, делали неизбежным постепенное отмирание употребления имен прилагательных при указанных выше условиях. Именно развивавшиеся потребности обмена мыслями и взаимопонимания, выпадавшие на долю грамматических средств, обслуживавших имя, как член предложения, приводили в необходимых случаях к отмиранию употребления имен прилагательных при именах существительных, к замене их более удовлетворительными грамматическими средствами: родительным падежом и разными предложными конструкциями.

Однако в переносном значении относительные имена прилагательные могли сохраняться, но тогда они утрачивали в своем значении момент относительности и приобретали момент качественности: *зверское избиение* первоначально могло обозначать только *избиение зверей,* но после того, когда этот оборот в указанном значении вышел из употребления, он мог, при наличии потребности, сохраниться в переносном значении — в значении беспощадного избиения кого-либо; имя прилагательное в выражении *зверское избиение* в смысле беспощадного избиения кого-либо уже не является относительным. Из этого следует, что процесс окачествления относительных имен прилагательных был частным моментом их отмирания как относительных имен прилагательных; в своем употреблении они постепенно отмирали при определенных условиях; при этих же условиях они и сохранялись, если в них была потребность, но сохранялись не как относительные, а как качественные имена прилагательные.

Рассмотрим процесс отмирания употребления имен прилагательных при именах существительных по отдельным направлениям.

§ 288. В древнерусском языке притяжательные имена прилагательные широко употреблялись для обозначения лица, которому принадлежит предмет. Многочисленны случаи употребления в указанном значении притяжательных прилагательных в Синодальном списке «Правды Русской» 1282 г.; преобладают формы на *-јь* и *-ьнјь*:

Ажь убьеть мужь мужа, то мьстити... любо *братню сынови;* ...аче будеть *княжь* мужь..., то 40 грвенъ. 121. А *матерня*

часть дѣтемъ не надобѣ. 129. Пакы ли... будеть былъ *княжь* конь, то... 126.

В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку Суздальской летописи также широко представлены притяжательные прилагательные в значении лица, которому принадлежит предмет, явление или свойство, обозначенное именительным падежом существительного; причем в этом памятнике часто встречаются притяжательные прилагательные на *-инъ, -овъ*:

Ольгова могыла. 38. *Федорова* недѣля. *Царицина* полата. 109. Конюхъ *Давыдовъ*. 251. Братъ *Василковъ*. 257. Поваръ *Глѣбовъ*. 133. Солъ *Игоревъ* и др. *Афетово* колѣно. 4.

Притяжательные прилагательные на *-jь, -ьнjь:*

Стол *отень*, хлѣбъ *дѣдень*. 224. Сынъ *Ростиславль*. 208. Дщи *Всеволожа*. 201. Мати *Ярославля*. 126; сюда же: воля *Господня*.

Можно привести примеры употребления притяжательных прилагательных в рассматриваемом значении из «Слова о полку Игореве»:

Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленню *Бояню*. 66. *Велесовъ* внуче. *67*. *Ярославнынъ* глас *слышитъ* (ся). 74. Ты лелѣял еси на себѣ Святославли насады до плъку *Кобякова*. 74.

В памятниках XVII в. наиболее часто встречаются притяжательные прилагательные, образованные от собственных названий; в данном случае принадлежность относится к лицу, например:

Пошла къ мужу своему и отдала *Елеонорино* письмо. Ел., 251. И укоряю ересь *Никонову*. Авв., Жит., 86. И позавиде диявол чести и славе *Адамли*. Авв., О бож. и тв., 273. И от *Бовина* гласу на море волны востали. Про Бову.

Притяжательные прилагательные могут иметь членную форму:

Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон перед *Петровым* днем недели за две. Авв., Жит., 67.

Значителен слой имен прилагательных притяжательных, образованных от нарицательных названий лиц; принадлежность и в данном случае относится к лицу; наиболее многочисленны случаи употребления нечленных имен прилагательных, например:

Чти в *цареве* послании, тамо обрящешн. Авв. Жит., 123. А уж на корабле его стоят сторожи *царевы*. Цар. Орк., 295. Ты поиди, молодец, на *царев* кабак. О гр. зл., 9. Имя *пропоицыно*. Ярыж., 77. Да там же у меня есть *сестрицыни* деточки, *мужнены* девочки. Кур. лис., 215, И един некто, *архиепископля*

двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Авв., Жит., 84.

Иногда встречаются и членные формы этих прилагательных, например:

И собирают с *челобитчиковых* грамот и памятей... печатные пошлины (=с грамот челобитчиков). Котош. А тот лещ да головль бывали у отца моего в холопех, и я не похотел греха по *батюшкиной* души, отпустил их волю. Ерш., 151.

Необходимо отметить употребление притяжательных имен прилагательных на *-овъ, -инъ,* образованных от названий животных, например:

Свистъ *звѣринъ* въста. Сл. о полк. Иг., 67. Сидя на древе всячески размышляше, и словеса *зверинные* взяв себе разсуждаше. Кур. лис., 206. Или кто *тетеревиной* шатеръ или *куропатную* сетку украдет, и в томъ от него будут челобитчики. Улож., 68. Шлешься ли на *лещеву* правду. Ерш.

У Котошихина притяжательные на *-инъ* употребляются в членной форме, например:

И ныне самыхъ добрыхъ соболей отъ Москвы въ ближнихъ городѣхъ *звѣриной* ловъ помешался. 94.

Прилагательное *звериной* имеет объектное значение:

а съ медовыхъ бортныхъ угодей, и съ ловель *звериныхъ,* съ лисицъ и съ куницъ и зъ горностаевъ и зъ бѣлки, *звѣриною* рухлядью и медомъ. 91. И у той *соболиной* и у всякой мяхкой казны... 93.

В современном русском языке притяжательные прилагательные на *-овъ* в членной форме утратили значение принадлежности и приобрели качественный оттенок, ср. у Пушкина в «Дубровском»:

От роду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя *псовых* достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров.

Примеры из других произведений:

Въ древѣ де тамъ *птичьи* гласи слушала. Авв., Жит. А индѣ по стѣнамъ подѣланы каменемъ съ известью, якобы *ласточичьи* гнѣзда. Ар. Сух., 78.

В значении принадлежности отмечено употребление имени прилагательного «медвежий» у Пушкина в «Дубровском»:

Несколько дней спустя после приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в *медвежьей* комнате (речь идет о комнате медведя в доме Кирилы Петровича).

Членная форма притяжательных прилагательных на *-овъ* могла образоваться и от названий неодушевленных предметов, например:

А взять запасное всякое на царских *домовых* лошадяхъ. Котош. (=лошади, принадлежащие царскому дому). Три дня

под *ивовым* кустом пролежала. Кур. лис., 200. На *Байкалове* море паки тонул. Авв., Жит., 91. Объяша мя болезни смертныя, беды *адовы* обретоша мя. Там же, 74. Как станут промышлять наши его и полковники под *Азовым* городом. Азов. сид.

Притяжательные прилагательные продолжали еще широко употребляться для обозначения лица, которому принадлежит предмет или явление, и в произведениях XVIII в.; причем более или менее последовательно употреблялись только притяжательные прилагательные, образованные от собственных названий лиц, например:

У Ломоносова:

Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены... Ода, 1747 г.

У В. Майкова:

То был питейный дом названием Звезда,
В котором *Вакхов* ковш хранился с колесницей. Ел.

У Богдановича:

Ты знаешь, сколь сыны *Юпитеровы* смелы. Душ.

У Капниста:

И что через хищное, неправедное средство,
Федотово к себе Богдан прибрал наследство. Яб.

У Радищева:

Где мудрые *Солоновы* и *Ликурговы* законы, вольность Афин и Спарты утвердившие. Пут., Новг.

У Крылова:

Он... не надеется, чтоб мог скоро исполнить приказания *Плутоновы,* так как и я *Прозерпинины.* Почта духов.

У Карамзина:

С другой стороны являлись *Натальнину* взору сверкающие изгибы Москвы-реки. Нат. бояр. дочь.

Менее часто употреблено притяжательное прилагательное, образованное от несобственных названий, лиц. Ср.:

У Ломоносова:

Сие, о смертный, рассуждая, представь *зиждителеву* власть. Ода. Из Иов.

У В. Майкова:

Уже проникнула сия святая мати,
Что на девице сей не *девушкины* стати. Ел.

У Богдановича:

Явила Греции сокрытую причину,
За что *царева* дочь теряет прежню честь. Душ.

У Капниста:

Да ведь закон прибрати *секретарево* дело. Яб.

У Чулкова:

Однако такое *комердинерово* усердие к своему господину

показалось мне негодным. Приг. повар. Имение *стариково* мне понравилось. Там же.

У Радищева:

Я взялся за *нянюшкино* лекарство. Пут., Подб.

Особенно следует отметить употребление Радищевым притяжательных прилагательных с суффиксом *-ьнјь:*

Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни *мужнею* женою. Город. ...любовь *братня* имела успех в науках во старшем. Крест.

Это прилагательное имеет значение принадлежности лицу:

...все равны от чрева *матерня* в природной свободе... Хот. ...правила таковы иссосали вы со млеком *матерним*... Там же. Се глас *отчий,* взывающий к себе свое чадо. София.

У Крылова

Я приметил между прочим, что мать *невестина*... очень долго разговаривала у окна с будущим своим зятем. Почта дух.

У Карамзина:

Вот причина *красавициной* грусти. Нат. бояр. дочь.

Только изредка встречались притяжательные прилагательные, образованные от названий животных.

Ср. у Ломоносова:

Орлы на тое не взирают.

Что *львовы* челюсти зияют. Ода, 1742 г.

У писателей XIX в. употребление прилагательных для обозначения лица, которому принадлежит предмет или явление, весьма сократилось. Употребление притяжательных прилагательных, образованных от имени, не связанных с интимными отношениями людей, становится весьма незначительным, ср.:

Страшись *повтовой любви.* Тютч. Ты *лесникова* дочь? Тург.

Употребление притяжательных прилагательных от имен, обозначающих интимные отношения людей, практиковалось более или менее свободно в XIX в. и продолжает практиковаться теперь. Ср.: *мамин, папин, Манин, Танин* и т. п.

А сынок, помилуй, сдержит слово *батюшкино.* Пушк. Дубр. Неужто *отцовы* слова так тяжело слушать? Горьк., Мещ. Но они оба твердо помнили, что ведь по-настоящему-то хозяйка-то не хозяйка, а *хозяинова* мать, не больше, что *хозяйкин* сын не *хозяйкин* сын, а хозяин. Черн., Что дел.

Таким образом, в исторической жизни русского языка происходило постепенное отмирание употребления притяжательных прилагательных для обозначения лица или предмета, которому принадлежит другой предмет. В древнерусском языке в этой функции почти безраздельно господствовало употребление притяжательных имен прилагательных, в современном рус-

ском языке в указанной функции господствует употребление родительного падежа; употребление притяжательных имен прилагательных, как указано, сохранилось, главным образом, в интимном обиходе: *Танин, мимин* и т. п.

Для обозначения лица, которому принадлежит предмет, иногда необходимо было использовать два слова. Такая необходимость возникла в тех случаях, когда обозначение лица производилось путем отдельного наименования нескольких его признаков; так, дочь может быть дочерью Ивана, а для уточнения того, о каком Иване идет речь, может возникнуть потребность обозначать, сыном кого является Иван и т. п. При таком положении возникает потребность при имени *дочь* найти грамматические средства для многостороннего обозначения лица, которому принадлежит дочь.

При именах существительных *дочь, сын* лицо, которому принадлежит дочь или сын, как известно, обозначалось притяжательным прилагательным, если эта цель достигалась употреблением одного слова, например: *дочь «Иванова», сынъ «Ивановъ».* Если достаточно ясного обозначения указанного лица одним словом не достигалось, оно (обозначение) могло восполняться путем использования родительного падежа имени существительного в качестве приложения. Таким образом, прямое обозначение владетельного лица при имени существительном, обозначающем предмет владения, было представлено в виде притяжательного прилагательного, а дублирующее дополнительное обозначение — в виде родительного падежа имени существительного, являющегося приложением, например: *дочь Иванова, стольника — дочь Ивана, стольника; сын Ивановъ. стольника — сын Ивана, стольника.*

В последующей истории языка происходило постепенное отмирание употребления притяжательного прилагательного в указанных конструкциях и замена его родительным падежом имени существительного, содержание которого раскрывается путем приложения в родительном падеже: *сын Ивановъ, стольника — сын Ивана, стольника.*

Итак, в древнерусском языке при имени существительном, обозначающем предмет, являющийся принадлежностью лица, последнее обозначалось при прямом выражении притяжательным прилагательным, при дублирующем обозначении в виде приложения родительным падежом имени существительного. например:

Црствующю... въ црствѣ *Исаковѣ, брата своего.* Новг. I л., сп. Син., 127, 18 (здесь притяжательное прилагательное *Исаковѣ* образовано от имени *Исак,* которое имеет приложение *брата своего*). Разграбиша двор его... и *Андреичевъ в.лдцня столника.* Там же, 212, 7.

Точно так же выражалось имя и прозвище лица. В этих случаях притяжательное прилагательное от имени, обозначающего владетельное лицо, сопровождалось родительным падежом фамилии или отчества. Такие обороты имеют место в «Русской Правде»: «Судъ *Ярославль Володимирица»* (т. е. Володимирича). Здесь *Ярославль* — притяжательное прилагательное от собственного имени *Ярослав,* прилагательное, относящееся к слову *судъ,* а *Володимирица* — родительный падеж отчества *Ярослава: судъ Ярославль Володимирица* означает «суд Ярослава Владимировича».

Такие обороты мы находим в Синодальном списке I Новгородской летописи: «Чему взялъ еси *Олексичъ* двор *Морткинича».* 328, 15.

Такие обороты засвидетельствованы Лаврентьевским списком летописи. *«Ярославль снъ Володимирича».* 145. Здесь *Ярославль* притяжательное прилагательное к *сын* от имени *Ярослав,* а *Володимирича* — отчество в родительном падеже к имени *Ярослав.*

Точно так же выражались имена жен по мужу, дочерей по отцу или матери по сыну; от имени жены по мужу или дочери по отцу образовывалось притяжательное прилагательное, которое сопровождалось родительным падежом фамилии мужа или отца:

Поя *Дмитровьну Новѣгородѣ Завидця* (= взял (дочь) Дмитрия Завидчя. Новг. I л., сп. Син., 20 1. В то же лет преставися *Глѣбовая Гюргевича* Суждали (= преставилася (жена) Глеба Гюргевича). Лавр. л., 114. Да тех наши изменники возмутили народ, якобы и нас убити, за то, яко ж ты, собака, лжеши, что будто мы князь *Юрьеву* матерь *Глинского,* княгиню Анну (=мать Юрья Глинского, княгиня Анна) и брата его князя Михаила у себя хороним от них. Посл. Ио. Гр. к Курб. 2, 13. Государыне моему свету тетушке, княгине Домне Богдановне, *Борисова* дочь *Феодоровича* Годунова челом бьет (=дочь Бориса Годунова). Пис. дочери Бор. Год. Ксении 29 марта 1609.

Рассматриваемая нами конструкция была представлена и в памятниках XVII в., например:

Уруслан вспаметовал дву красных царевен, которых ему невеска ево князь *Иванова жена* (=жена князя Ивана). Ер. Лаз.

Ср. два притяжательных прилагательных, обозначающих одно лицо:

Да поеха в чистое поле гуляти казакавати *на отцове Уруслanове* на добром коне. Ер. Лаз.

Обороты с притяжательным прилагательным от имени, к которому другое имя является приложением, спорадически

встречаются и в современном языке, ср.: «Вышел я оттуда домой, дошел до *отца протопопова* дома (=до дома отца протопопа), стал перед его окнами...» Леск. Соб. «Отец протопоп, больше ничего в этом случае нельзя сделать, как позвольте, я *на отца* Захариину трость (=трость отца Захария) сургучную метку положу и нарезку сделаю». Там же. Однако такие обороты в современном русском языке представляют собою архаизм.

§ 289. Значение принадлежности лицу того предмета или явления, которое обозначено существительным, могло выражаться также относительным прилагательным на *-ьскъ* и *-ьнъ*. В старославянском языке, как отмечает Вайан, прилагательные на *-ьскъ* обозначали принадлежность предмета лицу во множественном числе, ср.: «Слуги *июдѣискы*». Ион. XVIII, 12. Принадлежность лицу в единственном числе обозначали притяжательные прилагательные, ср.: «градьца *Мариина* и Марты сестры ея». Там же, XI.

В древнерусском языке, по крайней мере в памятниках более позднего времени имена прилагательные на *-ьскъ* могли обозначать и так называемую индивидуальную принадлежность, например:

Бьютъ передъ *царскимъ* окномъ, при всѣхъ людехъ, батогами: не ослушивайся *царского* указу. Котош., 63.

Вместе с тем они продолжали обозначать так называемую коллективную принадлежность, например:

И тѣхъ Донскихъ казаковъ зъ Дону емлютъ для промыслу воинскаго, посылать въ подъѣзды, подсматривать, и *неприятелские* сторожи скрадывать. Котош., 135.

Ср. у Пушкина: «Три *неприятельских* лошади достались тут же в добычу победителю». Дубров.

В памятниках XVII в. употребление имен прилагательных на *-ьскъ* и *-ьнъ* для обозначения коллективной и индивидуальной принадлежности было распространено довольно широко.

Примеры, в которых выражена индивидуальная принадлежность:

А дать имъ было изъ старыхъ ихъ *отцовскихъ* помѣстей и вотчинъ и вновь нѣ исъ чего. Котош., 27. Молити о здоровье его *царскомъ* и о *царевнинѣ*. Там же, 10. *Отецкой* сын распотешился. Ярыж., 73. Замертва убили и бросили под *избной* угол. Авв., Жит., 78.

Употребление имен прилагательных на *-ьск* в значениях индивидуальной принадлежности имело место и в «Путешествии» Радищева, например:

По одну сторону меня сел сын *хозяйский*... Новг. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту *господские* дети хотели

вести в дом. Зайц. Сие видя, *барские* сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Там же.

Примеры, в которых выражена коллективная принадлежность:

Распросные *стрелецкия* речи, которые были на карауле у Никицких и у Смоленских и у Троицких ворот про патриарш же приезд... Дело Ник., № 114. А гдѣ бываютъ послы, и посланники, и гонцы, поставлены на *посолскихъ дворехъ,* и на тѣхъ дворехъ, для *посолской* чести и оберегания. Котош., 69.

В современном русском языке употребление имен прилагательных на *-ьскъ* в значении принадлежности весьма ограничено. Они приобретают качественный оттенок, если употребляются в переносном значении.

Дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его *барскую* праздность. Пушк., Дубров. (здесь относительное прилагательное *барский* использовано только в качественном значении). Взяв в уважение *княжеское* достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным. Там же. Помянутый нынешний владелец спорного имения гвардии поручик Дубровский дал на месте *дворянскому* заседателю объяснение. Там же.

§ 290. В древнерусском языке притяжательные и относительные прилагательные широко употреблялись для обозначения субъекта действия или акта, выраженного именем существительным, к которым относятся указанные имена прилагательные, например:

Слово о пълку *Игоревѣ*. Сл. о полк. Иг., 66. От воскресения *христова.* Хожд. Дан., 24. Тщание *богородицино.* Там же, 84. По *старцеву* и *Епифаниеву* поведению. Авв., Жит., 100.

Особенно широко употреблялись в функции субъекта прилагательные на *-ьскъ* в сочинении Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», например:

О приѣздѣ ихъ *боярскомъ* къ царю. 29. А сами ожидаютъ *царского* пришествия у своихъ мѣстъ. 8. О *посолскомъ* приѣзде отписать. 60. И дары имъ отъ царя и отъ царицы и отъ царевичей подносили, по чину после его *королевского* веселия. 56.

Также широко было представлено употребление имен прилагательных (притяжательных и относительных) в других памятниках XVII в., например:

И мы... от тое его *архимаритовы* налоги поневоле в церковь ходим. Каляз. челоб., 120. Нимало внят *матерню* молению. Грудц., 28. Воинстии же людие повелению *цареву* повинуются. Кат.-Рост. И Зеленой царь добре учинился рад приезду *уруслanову.* Ер. Лаз. Елеоноражъ, по отшествии *Иоанновѣ,* пала

на свою кровать. Ел., 252. Да будет два свет небо и земля, и *солнечное* течение, и *лунное* умножение и умаление. Скоп.-Ш., 326. Еще же от меня и от братьи *дьяконово* снискание послано. Авв., Жит., 133.

Такое употребление имен прилагательных встречаем у Радищева:

Отделяяся душевно от земли, казалось мне, удары *кибиточные* (=удары кибитки) были для меня легче. Пут., Любани.

Отмирание употребления имен прилагательных в субъектном значении сопровождалось распространением родительного падежа, ср.: *матерне моление — моление матери; Урусланов приезд — приезд Уруслана; неприятельский приход — приход неприятеля* и т. п.

Отмирание употребления относительных имен прилагательных в субъектном значении может сопровождаться сохранением их употребления в качественном значении; ср. у Радищева.

Прощение преступников едва видны были в обширности *гражданских* деяний. Пут., Спас. пол. Кто примет мое *родительское* благословение. Там же, Город.

Тот факт, что имя прилагательное *родительское* имеет качественное значение, подчеркивается тем, что значение принадлежности выражается местоимением *мое*.

§ 291. В древнерусском языке притяжательные и относительные имена прилагательные широко употреблялись для обозначения прямого объекта действия или акта, выраженного именем существительным, к которому относятся указанные имена прилагательные, например:

Повѣдая убииство *Игорево*. Сузд. л., Лавр. сп., 318. Отъ распятия *Христова*. Хожд. иг. Дан., 24. Видѣнье *обезьянино*. Хожд. Аф. Ник., 336. О крещении *христовѣ*. Там же, 334. Распятия *господня*. Авв., Жит., 3.

Особенно широко употреблялись в функции объекта имена прилагательные в сочинении Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», например:

А на строение *пушечное* мѣдь привозятъ отъ Архангелского города и изъ Свѣйского государства. 106. А для *порохового* строения учинены на Москвѣ и в -ыныхъ мѣстехъ дворы и мелницы. 106. И будетъ на томъ дворѣ для *хлѣбного* приему съ 300 житницъ. 81. Жгутъ живого, за богохулство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижство, за *книжное* преложение. 116. А выбираютъ ихъ къ той казнѣ своя братья, гости и торговые люди, за вѣрою и *крестнымъ* целованиемъ. 93. Царю жъ и великому князю Михайлу Феодоровичю отъ кроворазлития *християнского* успокоившуся, правивше государство свое тихо и благополучно. 4.

Встречается такое употребление имен прилагательных и в других памятниках XVII в., например:

После *Данилова* стрижения взяли другова. Авв., Жит., 80. Отпустит он... все ваши казачи грубости прежния и нынешния и взятие *Азовское*. Азов. сид. Об *иконном* писании. Авв., Кн. Бес. IV, 209. Мастер ты *книжнаго* чтения и пения, а не имаши праваго разсуждения. Кур. лис., 211.

В последующей истории имена прилагательные в функции объекта вышли из употребления. В современном русском языке выражение *конское избиение* в значении «избиение коней» уже представляет архаизм. Выражение *зверское избиение* означало бы не «избиение зверей», а «беспощадное избиение».

Ср. преобладание качественной семантики в относительном прилагательном *зверский* у Радищева в «Путешествии»:

Слова мои произвели в ней *зверское* молчание. Город. Сто делал распоряжений, как отомстить сему *зверскому* начальнику не за себя, но за человечество. Чуд.

Утратило объектную семантику имя прилагательное *небесный* в следующем предложении у Пушкина:

В ту минуту вы прошли мимо меня, как *небесное* видение, и сердце мое смирилось. Дубров.

В указанном сочетании оно имеет только качественное значение. То же самое можно сказать об относительном имени прилагательном *рабский* при имени существительном *повиновение*, ср. у Радищева в «Путешествии»:

В ней хотела насадить дружбу, но не обязанность, не должность или *рабское* повиновение. Крильцы.

В современном языке *рабское повиновение* уже не обозначает «повиновение рабов», а «безропотное повиновение», ср. *холопское повиновение*, т. е. «услужливо-преданное повиновение».

Отмирание употребления имен прилагательных в объектном значении сопровождалось распространением в этой функции родительного падежа имен существительных; ср.: *взятие Азовское — взятие Азова; книжное чтение — чтение книг; боярское бесчестье — бесчестье бояр; убийство Игорево — убийство Игоря* и т. п.

§ 292. В некоторых случаях действие или акт, обозначенный именем существительным, предполагали косвенный объект; он также мог выражаться именем прилагательным, употребляемым при названном имени существительном; отмирание употребления имени прилагательного в указанном значении сопровождалось распространением предложных конструкций или дательного падежа, например:

Такъ же на Москвѣ и въ городѣхъ всякихъ воровъ, для *царского* преставления (=представления царю), исъ тюремъ свобождаютъ всѣхъ безъ наказания. Котош., 21. Пою того ге-

роя Который во хмелю беды ужасны строя, В угодность *Вакхову* (=в угодность Вакху), средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... Майк., Ел. Смертный закон имеют о взятках *народных* (=о взятках с парода) и о нападках на него. А. Матвеев, зап. кн. 1700—1702 г.

§ 293. В ряде случаев имена прилагательные могли обозначать объект, который ограничивает объем понятия, указанного именем существительным, например:

Хлѣбенной дворъ; а въ немъ степенной же ключникъ, да два путныхъ стряпчихъ и подключниковъ съ 20 человѣкъ хлѣбниковъ и калачниковъ и *пирожныхъ* мастеровъ и сторожей съ 6 человѣкъ. Котош., 80.

В современном русском языке указанный объект обозначается конструкцией «*по* плюс дательный падеж», ср.: *токарь по дереву, по металлу; мастер по столярному делу, по пирожному делу* и т. п.

§ 294. При именах существительных, обозначающих действия в древнерусском языке могли употребляться имена прилагательные, обозначавшие орудие или средство осуществления этого действия, например:

И тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после *кнутова* биения (=биение кнутом). Авв. I чел. Ал. Мих., 283. Да имъ же *хлебного* жалованѣя (=жалование, выдаваемое на хлеб). Котош.

В современном русском языке такое употребление имен прилагательных уже не известно, ср.: *избиение кнутом, палкой, шомполом; писание пером* и т. п.

В выражении «железнодорожное сообщение» важно не «сообщение посредством железной дороги», а отличие от «морского сообщения», «речного сообщения» и т. п. Это значит, что имя прилагательное *железнодорожное* в выражении «железнодорожное сообщение» имеет не относительное, а качественно-ограничительное значение.

§ 295. При именах существительных, обозначавших действие, в древнерусском языке могли употребляться имена прилагательные, обозначавшие цель и назначения этого действия, например:

И для какого *царского* строения (=строение для царя) понадобятца тѣ мастеры, и ихъ собираютъ изо всѣхъ городовъ. Котош., 110. И они казаки, *осадному* своему сидению (=сидение в целях осады) принесли роспис. Азов. сид.

Ср. у Радищева:

Да хотя растянись на *барской* работе (=на работе для бар), то спасибо не скажут. Пут., Любани, 62.

В современном русском языке такое употребление имен прилагательных при именах существительных, обозначающих действие, уже не встречается; оно заменяется предложными

оборотами, ср.: *собрали заседание для обсуждения вопроса о воспитательной работе.*

В ряде случаев относительные имена прилагательные, обозначающие цель действия, указанного существительным, приобретают качественное значение; ср. у Радищева:

Мы уничтожаем ныне сравнение *царедворского* служения, с военным и гражданским. Пут., Выдроп.

Ср. в современном русском языке выражение «чемоданное настроение», т. е. настроение уехать из данного города или уйти с данного места работы.

§ 296. При именах существительных, обозначавших действие, в древнерусском языке могли употребляться имена прилагательные, обозначавшие место этого действия, например:

Да исъ того жъ Приказу, на Москвѣ откупаютъ на Москвѣ рекѣ и, на Яузѣ зимою ледъ, и *пролубное* платяное мытье (=мытье платьев в проруби), и весною перевозъ. Котош., 89.

В современном русском литературном языке такое употребление имен прилагательных неизвестно; при именах существительных, обозначающих действие, место действия обозначается предложной конструкцией: *побоище на льду, мытье в проруби; пребывание под Азовом* и т. п.

§ 297. При именах существительных, обозначавших движение, в древнерусском языке могли употребляться имена прилагательные, обозначавшие направление действия, ср.:

Послы же... *путному* шествию радостно касаются (=радостно отправляются в путь). Кат.-Рост.

Такое употребление имен прилагательных также неизвестно в современном русском языке.

§ 298. При именах существительных, обозначавших время, в древнерусском языке могли употребляться имена прилагательные, обозначавшие действия или события, совершившиеся в то время, которое указано существительным, например:

А хотя прежъ сего со Француҗскимъ королемъ бывали ссылки, однако въ Московское разорение и въ *пожарное* время писма всѣ погорѣли. Котош., 37. А въ которые дни бываютъ празники Господъския, или иныя нарочитыя, и *имянинные,* и *родилные,* и *крестилные* дни. Там же, 147.

В последующей истории языка употребление имен прилагательных в указанной функции постепенно отмирало. В современном русском языке в соответствии с этими именами прилагательными распространился родительный падеж, ср.: *в «пожарное» время — во время «пожара»; «родильный» день — день «рождения».*

В современном русском языке возможен оборот *воскресный день,* но в значении имени прилагательного *воскресный* преобладает качественный оттенок: *воскресный день* это

«праздничный день»; об этом говорит невозможность оборотов «понедельниковый день», «вторниковый день» и т. п. Между тем у Котошихина имеется оборот «субботний день».

§ 299. Значительным изменениям подверглось употребление притяжательных местоимений: в одних значениях сфера употребления расширилась, в других значениях их употребление прекратилось.

При именах существительных, обозначающих предметы или лица, притяжательные местоимения в значении принадлежности употреблялись наряду с субстантивными местоимениями; в старославянском языке находим:

Сынъ *твои*. Ион., XV, 51. и сынъ *ти*. Мар. Асс.; Дроугъ *ми* приде. Лука, VI, 6. Възложишя на глав *емоу*. Ион., XIX, 2.

Альтернативное употребление притяжательных и субстантивных местоимений в значении принадлежности при именах существительных, обозначающих лица или предметы, имело место и в древнерусском языке.

Притяжательные местоимения в значении лица или предмета, которому принадлежит предмет, указанный именем существительным:

Поѣди въ *свой Киевъ*, а со мною пусти полкъ *свой*. Ип. л., 71. Галици *свою* рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие. Сл. о полк. Иг., 69. По отца *моего* и *нашего* дѣда... грамотамъ. Жал. гр. кн. Твер., 1365 г. Градъ *нашь* крѣпится твоею державою. Сл. Д. Зат. *Твоя* бо есть гси власть казнити и пакы миловати. Новг. I л., Син. сп., 302, 15.

Субстантивные местоимения в значении лица или предмета, которому принадлежит предмет, указанный именем существительным:

Новгородци... не стерпяче бесъ кнзя сѣдити... и послаша Гюргеви мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевнча, и посадиша Новгородьци съ великою чстью Новѣгородѣ на столѣ своего *ему* отца, и про то разгнѣвася Всеволодъ. Ип. л., т. II, в. 1, 304.

Альтернативное употребление указанных местоимений неизбежно должно было завершиться отсеиванием одного из них за ненадобностью и закреплением другого как более отвечающего потребностям. В истории русского языка при именах существительных, обозначающих лицо или предмет, закрепились притяжательные местоимения, ср. *«мой» отец, «наш» брат, «свой»* угол и т. п. Отмирание употребления субстантивных местоимений происходило постепенно. Еще Ломоносов в своей «Российской грамматике» (§ 474) считал нормой литературного языка своего времени употребление дательного падежа местоимения в значении субъекта принадлежности, т. е. в значении субъекта, которому что-либо принадлежит. Он писал:

«Первообразные местоимения дательного падежа: *мне, тебе, себе,* вместо производных: *мой, твой, свой* во всяком роде и числе с существительными в именительном падеже, произносимыми сочиняются: *он мне отец, тебе брат, сам себе друг;* вместо *мой отец, твой брат, свой друг»* (§ 474). В современном русском литературном языке сохранились главным образом последние формы: *мой отец, твой брат, свой друг* и т. п.

§ 300. В старославянском языке притяжательные местоимения употреблялись также для обозначения субъекта и объекта действия или акта, указанного именем существительным, к которому относилось притяжательное местоимение, ср.: «От страха *твоего* ѣрость *твоѩ* иштисти», где «ѣрость твоя» означает гнев, испытываемый богом, а «страх твои» означает страх, который он внушает другим. «На прѣдании *твоемь»* означало «предали тебя».

В памятниках русского языка также засвидетельствовано употребление притяжательных местоимений для обозначения субъекта или объекта того действия или акта, который указан именем существительным, например:•

Притяжательное местоимение 1-го лица в значении объекта:

Нежность моя обращалась на жену, и ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение *мое* (=мне) устроящую. Рад., Пут,. Спас. пол. Казалось мне, я слышал *мое осуждение* (=осуждение меня, или — что меня осуждали). Рад., Пут., Яжелб.

Притяжательное местоимение 2-го лица в значении объекта:

Но мы не может удержаться От пения *Твоих* похвал. Ломон. (В современном языке — «похвал тебе»). В *твою* угодность (=в угодность тебе) отрицаюся я ото всего света мужчин. Чулк., Пригож. повар. В *мою* угодность (=в угодность мне) поидет он и на дно окияна. Там же.

Местоимения 3-го лица не имели специальных притяжательных форм. Для выражения субъекта действия употреблялась форма родительного падежа, например:

Меркурий же был бог плутовства, итак как будто бы *его* помощию определилася я в поварихи к секретарю. Чулк., Пригож. повар.

Эта форма употреблялась и для выражения объекта действия, например:

Петрушка был пьян и не поспел одеть тебя. Вспомни о *его* пошечине (=о пощечине, данной ему, Петрушке). Рад., Пут., Любани.

Притяжательные местоимения сохранились в современном русском языке в значении субъекта действия, указанного именем существительным, к которому относятся притяжательные местоимения, ср.: *мое, твое, его начинание,* но в значе-

нии объекта действия употребление притяжательных местоимений не сохранилось. В этой функции они вытеснялись разными падежными формами субстантивных местоимений, ср.: *твоих похвал — похвал тебе* (замена дательным падежом); *мое осуждение — осуждение меня* (или *меня осудили*) (замена винительным падежом); ср. колебание в канцелярском стиле таких вариантов, как «командировка *моя* в деревню не состоялась» и «командировка *меня* в деревню не состоялась».

Таким образом, в исторической жизни русского языка произошли следующие основные утраты и ограничения в употреблении имен прилагательных и притяжательных местоимений:

1. Значительно ограничено употребление притяжательных имен прилагательных в значении принадлежности (*мамин платок*).

2. Утрачено употребление относительных имен прилагательных в значении принадлежности (*сапожная жена — жена сапожника*).

3. Утрачено употребление имен прилагательных при именах существительных, обозначающих действие, в значениях:

а) субъекта действия (*поход Игорев — поход Игоря*);

б) объекта действия (*убийство Игорево — убийство Игоря*);

в) орудия действия (*кнутово биение — биение кнутом*);

г) цели действия (*царское строение — строение для царя*);

д) места действия (*прорубное платяное мытье — мытье платьев в проруби*);

е) пути движения (*путное шествие — шествие по пути*).

4. Утрачено употребление имен прилагательных, обозначающих действие, при именах существительных, обозначающих время (*в пожарное время — во время пожара*).

5. Утрачено употребление притяжательных местоимений в значении объекта действия (*твои похвалы — похвалы тебе*).

2. Развитие падежных и предложных грамматических средств, обслуживающих имя

Потребность конкретизировать и раскрыть содержание имени существительного и имени прилагательного как членов предложения приводит к необходимости использовать падежные формы, которые развились в качестве грамматических средств, обслуживающих глагол. Если при глаголе употребление падежных грамматических средств без предлога обычно постепенно отмирало, а развивались употребления предложных грамматических средств, то при имени как члене предложения расширялось не только употребление предложных, но и падежных грамматических средств.

§ 301. Рассмотрим процесс постепенного расширения употребления падежных грамматических средств при именах существительных.

Для обозначения объекта того действия, которое было выражено именем существительным, в древнерусском языке по преимуществу употреблялись относительные и притяжательные имена прилагательные, ср.: *«Игорево» убийство — убийство «Игоря».* Однако в отдельных случаях при имени существительном, обозначавшем действие, объект последнего мог обозначаться родительным падежом другого имени существительного. В этой функции родительный падеж встречался весьма редко даже в памятниках XVII в. Так, в сочинении Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» в этой функции чаще всего употребляются имена прилагательные, но иногда отмечается и употребление родительного падежа имени существительного, например:

Борисъ Годуновъ..., умыслилъ себѣ достать царство черезъ *убиение царевича Димитрия.* 82. А для *ловли* тѣхъ *звѣрей* и для потѣхи, устроены потѣшники и ловцы. 84 (ср. *звериный ловъ,* где относительное прилагательное тоже имело объектное значение). А на *воспитание царевича или царевны* выбираютъ всякихъ чиновъ изъ жонъ — жену добрую, и чистую, и млекомъ сладостну, и здорову. 17. И такимъ для *покупки лошадей* жалованье дается в полкѣхъ. 132. Почали у царя просить для *убиства бояръ.* 103.

В последующей истории языка при именах существительных, обозначающих действие, постепенно отмирало употребление имен прилагательных для обозначения объекта и расширялось употребление родительного падежа. Уже в «Путешествии» Радищева в указанном значении употребляется почти только родительный падеж, например:

а) Родительный объекта действия во множественном числе без определения:

Не рачил об охранении вас от *неприязненности стихии* и *погоды.* Крест. Председателю нашему, — вещали они, — сродно защищать *убийство крестьян.* Зайц. Поверхность сия земная не из чего много составлена, как из *тления животных* и прозябаний. Сл. о Ломоносове. Свидетели были страшного *волнения страстей.* Крест.

б) Родительный объекта действия в единственном числе без определения:

Сие несчастное приключение ускорило *рождение младенца.* Спас. пол. Препятствуют *размножению народа.* Хот. Сие изрек я в восторге. остановясь перед столпом над *тлением Ломоносова* воздвигнутым. Сл. о Ломон.

в) Родительный объекта действия с определением:

Да отнесет сие *души нашей зыбление* свет мой во святая се. Крест. Тогда *всех сил сложение*. Тверь. А о Соловье-Разбойнике читай, мать моя, *истолкователей русских древностей*. Спас. пол.

В современном русском языке почти безраздельно господствует в функции объекта при именах действия родительный падеж имени существительного. Ср. у Пушкина:

Дворня высыпала из людских изб, окружила молодого барина с шумными *изъявлениями радости*. Дубр. Отец ее, никогда не читавший ничего, кроме совершенной поварихи, не мог руководствовать ее *в выборе книг*. Там же. От природы не был он корыстолюбив, *желание мести* завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Там же.

§ 302. Для обозначения субъекта или производителя того действия, которое было выражено именем существительным, в древнерусском языке по преимуществу употреблялись притяжательные и относительные имена прилагательные, ср.: *поход Игорев — поход Игоря, боярское повеление — повеление бояр* и т. п. Однако в древнерусских памятниках в отдельных случаях отмечается употребление в указанных условиях и родительного падежа имени существительного. Такие случаи отмечаются в произведении Котошихина, например:

О *преставлении царей и царицъ и царевичей и царевенъ,* и о погребении ихъ. 19. О *рождении* царскихъ детей. 15. О *житии бояръ и думныхъ... и иныхъ чиновъ людей*. 147.

В памятниках XVII, а особенно XVIII в. употребление родительного субъекта при именах действия значительно расширяется; в произведении Радищева «Путешествие» употребление родительного субъекта развертывается уже широким фронтом, например:

В 1515 г. Лютеранский собор о соборе положил, чтобы никакая книга не была печатана *без утверждения священства*. Торж. Они писали, как можно было писать *до нашествия татар*, до *сообщения россиян* с народом татарским. Сл. о Ломонос. Казалося, будто желает остановить *стремление коней. Крест*. Но шествие его будет *шествие последователя*. Сл. о Ломон.

В современном русском языке при выражении субъекта именного действия господствует родительный падеж. Ср. у Пушкина:

Звон тарелок и ложек слился с шумным голосом гостей Дубр. *Приезд Троекурова*, и прием ему оказанный, были уже известны всему околотку. Там же, 457. Антон Пафнутьич спешил откланяться и несмотря на *увещания хозяина* вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Там же. *Сватов-*

ство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Там же.

Однако употребление относительного имени прилагательного в указанной форме еще возможно и в современном языке, ср.: *Пушкинское сочинение.*

§ 303. Для обозначения лица, которому принадлежит предмет, обозначенный именем существительным, в древнерусском языке, как правило, употреблялись относительные и притяжательные имена прилагательные, например:

Поведал ему все *речи Евиняновы.* Рим. д. А в то время случилось тут стоять для некотораго дѣла *елеонорину камердинеру* Селибраху. Ел., 251.

В той же роли мог выступать и родительный падеж; последний в функции принадлежности распространялся прежде всего в тех случаях, когда владеюшее лицо не могло быть обозначено одним словом, когда для полной его характеристики необходимы были дополнительные слова.

Родительный падеж при имени, обозначавшем предмет принадлежности, прежде всего распространялся приложением или определением.

Родительный принадлежности с приложением:

И назвался царевичемъ Димитриемъ, *царя Ивана Васильевича сыномъ.* Котош., 3. Израиль побежденъ бысть до *дни Давыда царя?* Ив. Гр. Переп., II, 24.

Родительный принадлежности с определением, обозначенным именем прилагательным или относительным местоимением:

Потомъ *Полского короля титла.* Котош., 36. Да они жъ, какъ на Москвѣ бываютъ окрестныхъ государствъ послы, бываютъ приставлены для толмачества и *кормового и питейного збору.* Котош., 87.

Однако двусловные характеристики владеющего лица могли состоять из двух относительных имен прилагательных или из относительного местоимения и относительного имени прилагательного, например:

На *царские казенные денги* исъ Приказу Болшого Приходу. Котош., 145. А дать имъ было изъ старыхъ *ихъ отцовскихъ помѣстей* и вотчинъ и вновь нѣ исъ чего. Там же, 27.

В сочинении Котошихина имеются случаи, в которых два рядом стоящие предложения содержат притяжательное прилагательное и родительный принадлежности, обозначающие одно и то же лицо; важно при этом отметить, что притяжательное имя прилагательное не усиливается и не уточняется другим определением, а родительный падеж уточняется указательным местоимением, ср.:

Посылаетъ къ *невѣстину* отцу и къ матере говорить,

прежнихъ же людей, чтобъ они ему тоѣ невѣсту показали; а какъ тѣ посланые люди... говорить о томъ учнутъ, и *отецъ* или *мать тоѣ невѣсты* скажуть, что они дочь свою показать ради. Котош., 149.

Родительный принадлежности иногда мог употребляться для обозначения не лица, а предмета и явления, которому принадлежит предмет, указанный управляющим именем существительным, например:

Царь совѣтуетъ съ патриархомъ, и съ митрополиты и со архиепископы и съ епископы, и с -ыными болшихъ *монастырей властми*. Котош., 130. То есть самая истинная *Московского княжения печать*. Котош., 38. Да съ ними приѣзжать бити челом *тѣхъ городовъ чернцы, и попы* и *всякие люди*. Котош., 117.

В произведениях XVIII в., например в «Путешествии» Радищева, родительный принадлежности употреблялся уже более широко, например:

Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские *властителей права*. Хот. И так все *плоды земледетелей* мертвеют или паче не возраждаются. Там же. Вот как понимаю я действие великия души над *душами современников* и *потомков*. Сл. о Ломон. Смотри всегда на *сердца сограждан*. Хот.

Родительный принадлежности господствует и в современном русском языке. Ср. у Пушкина:

Удивлялись одному — *поместья Троекурова* были пощажены. Дубр. Дубровский узнал *голос Антона* и *Гриши*. Там же.

Само собой разумеется, что и прилагательные также употребляются для обозначения лица или предмета, которому принадлежит другой предмет.

§ 304. Уже в древнерусском языке при именительном падеже имен существительных, обозначающих меру, предел или границу материала, вещества, пространства, времени, действия и т. п., употреблялся родительный падеж для обозначения указанного материала, вещества, пространства, времени, действия и т. п.

Родительный падеж мог употребляться для обозначения времени, границы которого обозначены именительным падежом имени существительного, ср.: *Въ пятый час ночи* бысть знамение в лунѣ. Пск. I л., 39. Пришелъ ему *часъ смерти*. Котош., 4. А буде которые деловые люди прогуляют *половину дни*. Хоз. Мор., № 218.

В этом значении родительный падеж полностью сохраняется и в современном русском языке, ср.: *половина дня*, в *два часа ночи* и т. п. Возможны выражения *ночное время* и *время ночи, дневное время* и *время дня*.

Однако при наличии пределов времени обязателен родительный падеж, ср.: в два часа *дня, ночи.*

Родительный падеж употреблялся для обозначения материала или вещества, делимого по весу и числу, при именах существительных, обозначавших меру материала или вещества, указанного родительным падежом:

Се купи игуменъ Василей... *земли половину* на гори. Дв. гр. № 20. *Лоскут земли.* Там же, № 19.

В современном русском языке в указанной функции встречается только родительный падеж, ср.: *килограмм соли, пуд хлеба, два га земли.*

Родительный падеж употреблялся для обозначения действия, начало, конец или мера которого была выражена именительным падежом имени существительного, ср.: *начало княжения;* «Праздновали *день рождения* дочери его царской». Котош. 64. В этом значении употреблялись и имена прилагательные, ср.: *родильные дни, пожарное время* у Котошихина. Употребление имен прилагательных в этом значении постепенно отмирало, а употребление родительного падежа постепенно расширялось; в современном русском языке выражение «*родильный день* дочери» уже невозможно; обязательно выражение «день *рождения* дочери», ср. уже в Домострое: «Себя отвѣтъ дадите въ *день* страшнаго суда», 7, Яковл.

Родительный падеж употреблялся для обозначения места и территории, части или пределы которой обозначены управляющим именем существительным, ср.:

Путь изъ Варягъ въ Греки... по Днѣпру, и *верхъ Днѣпра* волокъ до Ловати. Лавр. л., 6. Дивъ кличеть *връху древа.* Сл. о полк. Иг., 67. А идут на *серину церкви мимо* амбаря. Дело Ник., № 36, 132.

В этом значении родительный падеж полностью сохраняется и в современном русском языке, ср.: *верховье Волги, середина двора* и т. п.

В древнерусском языке родительный падеж употреблялся при имени прилагательном *пълнъ,* ср.: *Пълнъ* ярости. Гр. Наз., Срезн. Родительный падеж при этом имени прилагательном употребляется и в современном русском языке, ср.: «Все (комнаты) были *полны народу.* Пушк., Пик. д.

§ 305. Развивается также прииименное употребление дательного падежа. Его употребление прежде всего распространяется при именах существительных, образованных от глаголов, требующих дательного адресата, ср.: *подарили брату — подарок брату; рассказал сыну — рассказ сыну; читал колхозникам газеты — читка колхозникам газет* и т. п.

Имеются отдельные фразеологические сочетания, в которых находим дательный падеж имени существительного, ср.: *в назидание потомству.*

Дательный употребляется при именах существительных, не образованных от глаголов, ср.: *Ни богу свеча, ни чёрту кочерга.* Пословица. *Так дарование без пользы свету вянет.* Крылов, Пруд и река.

§ 306. Дательный распространяется при именах прилагательных в функции сказуемого, если последнее содержит момент направленности выражаемого им содержания к объекту, ср.:

Хоть подрядов никаких не берем, а *приходу рады.* Гог., Женит. Он *чужой нам.* Вот недостаток, *общий* всем *нам.* Ср. у Тургенева: «Самовар *тебе готов*». Хорь и Калин.

Дательный падеж закрепился более или менее прочно при следующих именах прилагательных: *равен,* ср.: Две величины, порознь *равные третьей,* равны между собою; *рад,* ср.: «Ах, *Чацкий, я вам* очень *рада*». Гриб.; *подобен,* ср.: Иван Иванович был *подобен медведю; должен* ср.: Он был *должен товарищу; намерен* (с инфинитивом), ср., «*Я намерен вам* басню старую сказать». Крылов.

§ 307. Широкое распространение при именах получает и творительный падеж. Наряду с родительным он выступает в функции с у б ъ е к т а д е й с т в и я, выраженного именем существительным. В последнее время творительный действующего лица получает широкое распространение в научно-публицистических стилях при именах существительных, обозначающих такое действие, которое одновременно требует грамматических средств для раскрытия как субъекта, так и объекта действия, например: *развитие Лениным теории марксизма-ленинизма; развитие Лениным теории диалектического материализма; вручение сельсоветом актов на вечное пользование землею; принятие райкомом мер по ликвидации недостатков в области лесовывозки и* т. п.

Творительный падеж при именах существительных, обозначающих действие, может выражать о р у д и е д е й с т в и я, ср.: *окучивание картофеля мотыками; подкуп деньгами не удался.* «Всякие потрясения для него (этого дома), как удар *палкой* по луже грязи». Горьк., Мещ. «И она чувствовала его движение рта и сопение *носиком*». Толст., В и М.

Творительный падеж может употребляться в значении о б р а з а д е й с т в и я, указанного именем существительным, ср. *посадка картофеля рядами.*

Творительный падеж может употребляться для выражения о б ъ е к т а, который ограничивает действие, выраженное именем существительным, ср.: *потери убитыми и ранеными.*

Творительный падеж может употребляться для выражения предикативного признака, ср.: *назначение его командиром* не состоялось.

Творительный падеж может обозначать место или путь движения, указанного существительным, ср.: Я сей *дорогой* не ходок». Леск., Соб.

§ 308. При именах прилагательных творительный падеж употребляется главным образом для ограничения признака, указанного именем прилагательным, ср.: Египет *богат пшеном*, Италия *вином*. Даль. Я *рад* всей *душой*.

§ 309. Наряду с распространением падежных форм развиваются и предложные грамматические средства при именах. Для раскрытия в том или другом отношении действия, выраженного именем существительным, используются многочисленные предложные конструкции, сложившиеся как грамматические средства, обслуживающие глагол. Так, для обозначения места осуществления действия, выраженного именем существительным, используются разнообразные предложные конструкции, выработавшиеся в приглагольном употреблении, ср.: *землетрясение в Японии; наводнение в Англии; потепление на Украине; пребывание на воде; пребывание в земле* и т. п.; *движение мимо реки; пребывание возле горы, около горы; кружение около станции; приключение близ хутора; движение вокруг города; полоскание белья у реки; движение вдоль стены, вдоль реки; пребывание вне города; гуляние между деревьев; ссора между братьями.*

Для обозначения направления передвижения и места, куда направлено движение, используются предложные конструкции «*по* плюс дательный падеж», «*в* плюс винительный падеж» и др., ср.: *движение по железной дороге; хождение по железнодорожным путям запрещено; путь по Десне* и т. п.; *направление на Москву; движение в Москву; путь в Минск;* ср. в древнерусском языке:

Путь изъ Варягъ *въ Греки* и изъ Грекъ *по Днѣпру*... (и) *по Ловоти*. Лавр. л., 6.

Для обозначения места, откуда начинается движение, выраженное именем существительным, употребляются предложные конструкции «*от* плюс родительный падеж» и «*из* плюс родительный падеж», ср.: *поход из Москвы, движение от Воронежа до Москвы.* Та же конструкция употребляется при именах, обозначающих расстояние, ср.: *расстояние от Минска до Киева.*

Для обозначения предмета или явления, к которому направлено действие, стремление, влечение, выраженное именем существительным, употребляются конструкции «*к* плюс дательный падеж», ср.: *стремление к знаниям; движение к луч-*

шему; подготовка к экзаменам; ср. в древнерусском языке:

Наказание отца *къ сыну*. Дом., 7. В се же время пришла бѣ *вѣсть къ Ярославу* отъ Персдъславы о отни смерти. Лавр. л., 132. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и *стыдѣнье къ снохамъ* своимъ и *къ сестрамъ, къ матеремъ* и к *родителемъ* своимъ, *къ свекровемъ* и *къ деверемъ* велико *стыдѣнье* имѣху. Лавр. л., 12. И видя бы ... *тщанье* наше *къ нему*, прославилъ бы й. Там же, 128.

Для обозначения лица как источника действия, выраженного именем существительным, могла употребляться конструкция «*от* плюс родительный падеж», ср.: *наказ депутатам от избирателей; посылка от брата;* ср. в древнерусском языке:

Да буди *благословенье* на васъ первое *отъ Боги*, а второе *отъ Святыя Горы.* Лавр. л., 154. И узрять вси концы земля *спасенье от Бога* нашего. Там же, 97. Аще ли (не) съхранимъ... да имѣемъ *клятву отъ Бога,* въ негоже вѣруемъ. Там же, 71.

§ 310. Для обозначения предмета или лица, являющегося источником происхождения другого лица или предмета, употребляется конструкция «*от* плюс родительный падеж или «*из* плюс родительный падеж», ср.: *представитель из Ленинграда.* В древнерусском языке в этой функции мог употребляться предлог *от,* ср.:

И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь, *отъ града Любча.* Лавр. л., 152.

Выражение «плоть *от плоти* и кость *от кости*» засвидетельствовано уже в древнерусских памятниках, ср.:

Се *кость отъ кости* моея, а *плоть отъ плоти* моея, си наречеся жена. Лавр. л., 86.

§ 311. Для обозначения размеров предмета, указанного именем существительным, уже в древнерусском языке употреблялась конструкция «*в* плюс винительный падеж», например:

Створи ковчегъ *въ долготу* локотъ 300, а въ ширину 80, а възвышие 30 локоть. Лавр. л., 88. И есть *въ высоту* (и въ ширину локоть 5433 локти). Там же, 4.

Этот оборот употребляется и в современном русском языке, ср.: *дом в ширину и в длину 5 метров.*

§ 312. Для обозначения определенного количества предметов, сопровождающих другой предмет, или определенного количества частей предмета в древнерусском языке употреблялась конструкция «*о* плюс местный падеж», например:

Об одиномь оцѣ. Никон. Панд., сл. 7, Срезн. Посреди же городка того церковь велика създана о *трехъ олтарехъ.* Дан. иг., Срезн. Князь Андрѣй Юрьевичь заложи *церковь объ единомъ връсѣ.* Воскр. л., 67. Во Африки же два дѣтища родистася; единъ *о 4 ногахъ,* а другый *о двою главу. Ник.*,

л., 211. Живяше ту вгнездевся змии великъ, страшенъ, *о двою главу,* едину имея змиеву, а другую главу волову. Ист. Каз. цар., сп. Солов., 11.

Изредка такое словоупотребление встречается в современном литературном языке: квартира *о пяти комнатах.*

Ср. у Даля: *храм о трех главах* (= с тремя главами), *печи о глухих дверках* (= с глухими дверками).

Так как наряду с конструкцией «*о* плюс местный падеж» в том же значении употреблялась и конструкция «*с* плюс творительный падеж», то оба эти средства оказались во взаимоисключающей позиции; оттесненной в область диалектного бытования оказалась конструкция «*о* плюс местный падеж».

§ 313. Для обозначения совокупности предметов или лиц в древнерусском языке употреблялся родительный падеж при именах *кто, что, который* и т. п., которые обозначали лицо или предмет, выделенный из совокупности, указанной родительным падежом, ср.: *кто нас пришелъ — кто из нас пришел.* Наряду с родительным падежом употреблялись две предложные конструкции «*от* плюс родительный падеж» и «*из* плюс родительный падеж».

Примеры с конструкцией «*от* плюс родительный падеж»:

Да не прельстять тебе *нѣции отъ еретикъ,* но вѣруй, сице глаголя. Лавр. л., 109. Видѣвъ же *первый отъ ангелъ*, старѣйшина чину ангелску, по мысли въ собѣ, рек. Там же, 85. И *прочии отъ братья* его обратятся на сыны Израилевы. Там же 98. Посла *единого отъ братьѣ* ко Изяславу князю. Там же, 155. И преже *бо никто же отъ прадедъ* его (кн. Ивана Васильевича) словяще въ Руси царь и никто же не смеяша *отъ нихъ* поставитися царемъ и зватися новымъ тѣмъименемъ: Ист. Каз. цар., сп. Солов., 43.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в указанном значении употреблялась еще в памятниках XVII в., например:

И во *един от дней* той кур прискорбел. Кур. лис., 201. Взяша же некую часть имения *ото отец* своих. Ярыж., 91. *Некто от француэжских дворян.* Ист. Ал. рос., 168. И ни *едина от них* падет без воли отца моего. Авв., Пис. семье, 325.

Примеры с конструкцией «*из* плюс родительный падеж»:

А въ 40 гри(венъ) ему заплатити *ис дружины* свою часть. П. Р., Тр., 104. *Которыи* бы *из вас* был цесарем. Рим. д.

В современном русском языке сохранилась только конструкция «*из* плюс родительный падеж», ср.: *он пришел на собрание одним из первых; кто из вас идет на дежурство*

Обстоятельства, которые способствовали закреплению оборота «*из* плюс родительный падеж» в рассматриваемом значении, нуждаются в дополнительных исследованиях.

§ 314. Предложные конструкции употребляются при именах существительных для обозначения самых разнообразных объектных отношений, например: *повязка на рану*, ср. в древнерусском языке:

Хребетъ мой дахъ *на раны*, а ланитѣ мои *на заушенье*. Лавр. л., 98—99.

Другие конструкции: *наступление на врага; удар о землю; удар в землю; удар по лицу; разговор о деньгах; забота о жене; поездка без брата; налог с крестьянина; сбор по рублю; надежда на сына; вражда с братом; беседа с товарищем; клевета на честного человека; борьба против врагов; стрельба по врагу.*

§ 315. Предложные конструкции в орудийном значении: *поездка на лошадях; пахота на волах; драка с кинжалом в руках; стрельба по врагу из ружья.*

§ 316. Предложные конструкции используются при именах для обозначения цели, например: *подарок на память; учебник для домашних занятий; просьба за товарища; отправка вещей в окраску.*

§ 317. Предложные конструкции используются при именах для обозначения времени действия, указанного именем существительным, например: *поездка на день; работа за день; пребывание до вечера; уход с утра; работа с утра до вечера.*

§ 318. Предложные конструкции используются при именах для обозначения п р и ч и н ы действия, указанного именем существительным, например: *отставание от товарищей по болезни; обвал здания из-за ветхости; награда за доблестный труд; увольнение за склочничество; утомление от бессонных ночей; страх по привычке* и т. п.

§ 319. Предложные конструкции используются при именах прилагательных в функции сказуемого; эти предложные конструкции имеют самые разнообразные значения. Они могут обозначать:

а) объект-адресат: *неравнодушна к нему; подозрителен к врагу; внимателен к жене; жаден к свету; зол на всех;*

б) соответствие: *он похож на брата;*

в) предел: *сыт по горло;*

г) время: *нужен на неделю;*

д) степень качества: *доволен сверх ожидания;*

е) источник качества; *загорелый от солнца; черный от гари; красный от холода;*

ж) ограничение качества: *видный из себя; красив с лица; неосторожен на язык; способен на все.*

Таким образом, сложившиеся в приглагольном употреблении грамматические средства все более распространяются и в приименном употреблении.

Грамматические средства общения в прииментом употреблении еще плохо изучены; в дальнейших исследованиях необходимо определить, применительно к разным эпохам развития языка, состав имен существительных, требующих новых грамматических средств для раскрытия своего содержания, состав значений, для выражения которых эти средства используются, и самый инвентарь грамматических средств, используемых в прииментом употреблении.

Глава XIV

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 320. Сложносочиненное предложение, как элемент особого качества, характеризуется следующими свойствами:

1. В одном сложносочиненном предложении может объединяться ряд предложений; в таком случае одно объединенное предложение представляет собой ряд предложений, однородных по отношению к категории времени и модальности. Причем количество однородных предложений как однородных членов одного сложносочиненного предложения структурно-грамматически не ограничено, ср.: *И ножи стучат, и посуда звенит, и масло шипит.*

2. В одном сложносочиненном предложении могут объединяться два предложения. В таком случае одно сложное предложение представляет собой объединение двух высказываний, ср.: *Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал.* Лерм. Предложения, неоднородные по отношению к моменту времени, объединяются в одно сложносочиненное предложение на основе парных отношений. Это значит, что одно такое сложносочиненное предложение может включать в свой состав только два члена, ср.: *Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка.* Лерм.

Сложноподчиненное предложение, как элемент особого качества, характеризуется следующими свойствами:

1. Главное и придаточное предложения объединяются только на основе парных отношений.

2. Придаточное предложение соотносится с словесной формой главного предложения, взятой отдельно или в сочетании

с другими зависящими от нее словесными формами, и обслуживает ее; в этом заключается грамматическое назначение придаточного предложения. Придаточное предложение может содержать в своем составе относительное или союзное слово, которое имеет назначение связывать его с отдельной словесной формой главного предложения, ср.: *Сын приехал к отцу, которого он не видел уже пять лет.* Словесная форма *которого* относит придаточное предложение (*которого он не видел уже пять лет*) к словесной форме *отцу* главного предложения (*сын приехал к отцу*); при этом придаточное предложение обслуживает отдельную форму *отцу* как ее определение.

Придаточное предложение может обслуживать словесную форму в ее сочетании с другими зависимыми от нее словесными формами, ср.: *От правого берега к белому камню протянули канат, чтобы можно было за него держаться.* Баб. Придаточное предложение *чтобы можно было за него держаться* относится к глаголу *протянули* и раскрывает цель действия, выраженного этим глаголом. Однако содержание действия, выраженного глаголом *протянули,* непонятно вне его сочетания с прямым дополнением, выраженным именем существительным *канат.* В данном случае придаточное предложение обслуживает словесную форму, стоящую во главе словосочетания.

§ 321. Древнерусский язык унаследовал отдельные формы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Однако рядом со связью сочинения и подчинения в древнерусском пережиточно сохранялась такая связь, которая получила название цепного нанизывания предложений. Она заключается в том, что в грамматическую связь однородного следования вступают неоднородные предложения.

В древнерусском языке предложения, объединенные связью однородного следования, могли быть разнородными по отношению к категории времени, модальности и лица. В грамматическую связь однородного следования могли вступать предложения, неоднородные по отношению к моменту времени, например:

Преставися в Руси Всеволод мѣсяца июля. и сѣде на столѣ его брат Игорь. и сѣде 2 недѣлѣ. Комис. сп. I Новг. л., 107.

В этом тексте объединены три предложения. Они не являются однородными частями одного сложного предложения, так как разные события, являющиеся предметом отдельных высказываний, совершаются разновременно и, следовательно, не объединены одинаковым отношением к одному времени. Но все эти неоднородные по отношению к моменту времени предложения объединяются грамматическою связью многочленного однородного следования в качестве однородных частей единой повествовательной цепи,

Продолжим начатый выше текст:

Негодоваху его людие (т. е. вознегодовали на него, Игоря, люди) *и* въздаша людие вѣсть къ Изяславу Мьстиславицю въ Переяславлю *и* приде с вои и бишася *и* поможе богь Изяславу *и* сѣде Изяславъ на столѣ *и* Игоря самого яша въ пятой день по побоищи и порубиша й.

В этом тексте объединяются шесть неоднородных предложений в одну грамматическую связь однородного следования. Грамматическим средством объединения является союз *и* (подчеркнутый в тех местах, в каких он присоединяет одно предложение к другому). Каждое отдельное предложение, отмеченное союзом *и*, представляет собой отдельное высказывание. Каждое следующее друг за другом предложение имеет неоднородное отношение к одному времени: разные события, являющиеся предметом отдельных высказываний, осуществляются последовательно одно за другим и поэтому не объединены одинаковым отношением к одному времени. В грамматическую связь однородного следования могли вступать предложения, неоднородные по отношению к их модальности[1], ср.:

(Господи, Царю-человеколюбче!) дай свою милость великую, приведи неверных к вере, *да знали бы святое Твое великое милосердие и силу божию и имя твое святое.* Пересветов, 82.

В этом контексте выделенные слова представляют собой предложение, сказуемое которого выражено сослагательной формой глагола, а предшествующие два предложения в той же функции имеют повелительную форму глагола. Все эти три предложения объединены грамматическою связью однородного следования, хотя в отношении модальности однородными являются только два первых предложения, а второе по своей модальности не является однородным с первыми двумя.

В грамматическую связь однородного следования могли вступать предложения, неоднородные по отношению к лицу субъекта, ср.:

(Господи, боже мой!) Приими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, от чюжею руку, *да омыю грѣхы вся своею кровью и избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражии.* П. В. Л. по Лавр. сп. 136.

В этом контексте имеются четыре предложения; в каждом из них сказуемое выражено повелительною формою глагола.

---

[1] Модальность предложения определяется целью высказывания: повествовательное предложение содержит высказывание о действительности, вопросительное предложение содержит вопрос, требующий ответа; побудительное предложение содержит побуждение, требующее исполнения действия, и т. п.

в первых двух — формою второго лица *(приими, дажь)*, в последних двух — формою первого лица *(да омыю, да избуду)*; все они объединяются связью однородного следования; однако первые два предложения по характеру лица субъекта не однородны с последними двумя.

В грамматическую связь однородного следования могли включаться предложения, неоднородные по отношению к лицу и модальности, ср.:

(И посла къ деревляномъ рькущи сице): «Се уже иду к вамъ, *да* пристройте меды многи въ градѣ иде же убисте мужа моего, *да* поплачюся надъ гробомъ его, и сотворю трызну мужю своему». П. В. Л. по Лавр. сп., 41.

В этом тексте объединяются на правах однородных частей три неоднородных в разных отношениях предложения. Первое предложение *(се уже иду к вам)* — повествовательное с субъектом первого лица. Второе предложение *(да пристройте меды...)* — побудительное с субъектом второго лица; оно присоединяется к первому посредством союза *да*. Третье предложение *(да поплачюся надъ гробомъ...)* обозначает намерение субъекта и имеет первое лицо; сказуемое этого предложения выражено формой повелительного наклонения, образованной частицей *да* и изъявительною формою глагола первого лица; в этом предложении *да* не союз, а частица; оно присоединяется к предшествующему предложению без посредства союза.

§ 322. В науке о сложном предложении выделена проблема сочинения и подчинения и высказано положение о том, что подчинение развивается из сочинения как исходной формы речи и за счет сочинения. Это распространенное учение о происхождении подчинения из сочинения объединяет в одном понятии два противоположных явления: сочинение и грамматическую связь однородного следования неоднородных предложений. На этом основании выводится умозаключение о происхождении подчинения из сочинения.

Наблюдения показывают, что подчинение вычленяется из грамматической связи однородного следования путем парного объединения предложений, причем в функции придаточного обычно закрепляется предложение, имеющее косвенную модальность, т. е. выражающие вопрос, повеление или пожелание.

На известной ступени развития языка, в условиях примитивной культуры, когда единственной формой общения людей был устный диалог, грамматическая связь однородного следования разнородных предложений еще могла удовлетворять потребности взаимопонимания людей. Но с развитием культуры и разнообразных форм общения грамматическая связь однородного следования неоднородных предложений уже не удовлетворяла потребностей взаимопонимания.

Грамматическая связь однородного следования неоднородных предложений не выражала сложных и расчлененных связей между определенными предложениями, следующими друг за другом. Потребность иметь сложные предложения приводила к тому, что простые предложения с косвенным (не повествовательным) модальным планом втягивались в более тесную связь с другими предложениями; утрачивая свой прежний косвенный модальный план, они становились на службу к другому предложению или сами становились главными, при которых повествовательные предложения выступали в роли придаточных. Ср.:

Сии же многы пожары бывають грѣхъ ради нашихъ, *да ся быхомъ покаяли от злобъ своихъ*. Комис. сп. 1 Новг. л., 371.

Во втором подчеркнутом предложении сказуемое выражено сослагательною формою глагола и обозначает пожелание, а в первом предложении — повествовательною формою глагола. Предложение с косвенным модальным планом начинает соотноситься с глаголом повествовательного предложения, получает значение средства для выражения цели действия, выраженного глаголом этого предложения; тем самым оно переходит на позицию придаточного предложения цели.

Сложное предложение «За ними же Поляки не погнашя, не оставишя ихъ, да разоряютъ христианство», РИБ, т. XIII, стр. 1188, представляет собой объединение трех предложений, все они имеют в данном контексте повествовательный модальный план. Но последнее предложение «да разоряютъ христианство» по происхождению является побудительным предложением. В данном контексте оно не сохраняет побудительного значения. Если бы мы допустили, что это предложение в данном случае имеет побудительное значение, то мы должны были бы истолковать его как выражение прямой речи. В таком случае оно представляло бы самостоятельное предложение со значением «пусть разоряють христианство». Но в изложении отсутствует лицо, чьею прямой речью могло бы быть рассматриваемое предложение. Следовательно, мы не можем признать это предложение выражением прямой речи, тем самым должны признать его повествовательным предложением. Но в этой позиции оно утрачивает значение самостоятельного предложения и не может быть осмыслено иначе как придаточное цели в соответствии с современным «чтобы разоряли христиан». Такой же характер имеют отношения и между следующими двумя предложениями: «Царь Феодоръ Ивановичъ далъ ему... во удѣлъ градъ, зовомый Углечь, да пребывает тамо во всемъ пространствии», РИБ, т. XII, стр. 900. Первое предложение является повествовательным. Второе предложение по струк-

туре является побудительным. Но в данном контексте оно не имеет побудительного характера. Оно могло бы иметь побудительный характер только в том случае, если бы оно было выражением прямой речи Феодора. Такой характер второе предложение могло бы иметь в следующем контексте: «Я (царь Феодоръ) далъ ему во удѣл градъ, зовомый Углечь. Да (пусть) пребываетъ тамо во всемъ пространствии».

Но в данном контексте царь Феодор не выступает в качестве говорящего лица. Второе предложение не может быть выражением прямой речи; следовательно, оно не может иметь побудительного характера и не может быть самостоятельным; оно может иметь только повествовательный характер и быть придаточным предложением цели. В предложении «Повелѣ на всехъ путяхъ... стражие крѣпки поставити... да никто же не пропущенъ будеть», РИБ, т. XIII, стр. 902, оборот «да никто же не пропущенъ будеть» можно было бы считать побудительным предложением, если бы была возможность истолковать его как выражение прямой речи. Но такой возможности контекст не представляет. В таком случае этот оборот может иметь только повествовательную модальность и быть только придаточным цели, в соответствии с которым в современном русском языке употребляется оборот «чтобы никто не был пропущен».

Предложения с частицей *да* в русском языке сохранились только в отдельных случаях, но в функции придаточных цели они не закрепились. В сербском же языке предложения такого характера закрепились в позиции придаточных предложений и являются нормальным способом выражения придаточных цели.

Сложноподчиненные предложения складывались главным образом путем парного объединения предложений повествовательного и косвенного модальных планов или предложений косвенных модальных планов.

В сложноподчиненных предложениях типа *Я не знаю, куда он пошел, где он был, что он делал* придаточные предложения представляют собой по происхождению вопросительные предложения, которые приняли на себя функцию изъяснения глагола предшествовавшего повествовательного предложения и тем самым перешли на позицию придаточного предложения. В этих придаточных предложениях союзные слова представляют собой по происхождению вопросительные наречия и местоимения. В сложноподчиненных предложениях типа *Не ходи на работу, если ты заболел* придаточное предложение также представляет собой по происхождению вопросительное предложение, которое получило функцию обозначения условия, при котором возможно или невозможно действие, выраженное гла-

голом повествовательного предложения. Союз *если* происходит из вопросительной формы *есть ли.*

Конструкции с модальным планом прямой речи могут переходить на позиции повествовательных придаточных объекта речи, ср.: *Я спрашиваю вас: «Что вам пишет брат?» — Я спрашиваю вас, что вам пишет брат.*[1].

Тот факт, что союзные слова придаточных предложений не возникали из сочинительных союзов, доказывает, что подчинительная связь не возникала из сочинительной связи, что сложноподчиненные предложения не возникали из сложносочиненных предложений. Проф. Л. П. Якубинский, отстаивающий теорию о происхождении подчинения из сочинения, сам признает, что подчинительные союзы образовались не из сочинительных союзов. Он пишет: «Сравнивая между собою русские сочинительные и подчинительные союзы, мы убеждаемся, что объяснение сочинительных союзов вроде *и, но, да* представляет значительные трудности и требует специального монографического исследования; в то же время объяснение подчинительных союзов вроде *что, чтобы, так как, потому что, который, когда, если* и др. не представляет никаких затруднений: это в большинстве случаев вчерашние местоименные наречия и их комбинации между собою или с частицами»[2].

Из этого следует, что подчинительные союзы по своему происхождению не связаны с сочинительными союзами. Чем же объяснить тот факт, что в функции придаточных обычно использовались предложения, имеющие косвенную модальность? Это объясняется тем, что предложения с косвенною модальностью содержат в себе такую семантику, которая делает возможным свободное использование их в качестве придаточных. Так, предложение, обозначающее пожелание, легко может принимать на себя функцию выражения цели действия, обозначенного глаголом предшествующего предложения, ср.:

(О Владычице богородице!) Отънми от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего». П. В. Л. по Лавр. л., 155.

В этом тексте два предложения. В первом пожелание выражено по отношению ко второму лицу, во втором — по отношению к первому лицу — «пусть не возношуся я...» Это значение второго предложения служит мотивом его использования

---

[1] А. И. Молотков. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий. Рукопись, канд. диссертация, 11.

[2] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 266.

для изъяснения цели действия, выраженного глаголом предшествующего предложения — «чтобы не возносился я...»

Переход данного предложения с позиции самостоятельного предложения, выражающего пожелание, адресованное первому лицу, на позицию придаточного предложения для раскрытия назначения и цели действия глагола первого предложения *(отъими гордость)*, адресованной первому лицу, понятен и мотивирован.

Предложения этого типа закрепляются в положении придаточных целей по мере того, как новый оттенок цели, наслаивавшийся первоначально на основное значение повеления или пожелания, становится основным назначением предложения. Вместе с этим происходит закрепление частицы, служившей для образования повелительного наклонения, в роли союзного слова. Однако в русском языке процесс закрепления предложения с формами *да* плюс личная форма глагола изъявительного наклонения в позиции придаточных цели не был успешным; эти образования отошли к средствам высокого слога и сохранили свою первоначальную модальность, ср. у Пушкина: «Когда-нибудь монах трудолюбивый ... правдивые сказания перепишет, *да* ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу».

В русском языке в функции придаточных цели закрепились предложения с формою «*бы* плюс причастие на *-лъ*», которые в самостоятельном употреблении также выражали пожелание, ср.:

(Князь же Юрьи пришедъ отъ Выбора, и поиде на Низъ) и много моли новгородцовъ, да бы проводилѣ. Комис. сп. Новг. 1 л., 339, л. 198 об.

Последнее предложение первоначально выражало пожелание третьим лицам — «да проводили бы они его». От этого значения понятен переход рассматриваемого предложения с самостоятельной позиции на позицию выражения цели действия глагола другого предложения, адресованной третьим лицам — «дабы проводили его».

Форма *бы*, представлявшая собой аорист от глагола *быть*, в сочетании с предшествующей частицей *да* образовала союз цели *дабы*. Таким образом, форма *бы*, являющаяся показателем сослагательного наклонения глагола, выражавшего пожелание, получает в сочетании с частицей *да* союзное назначение с того времени, с какого предложение с этой формой глагола получает изъявительную модальность на позиции придаточного цели.

Таким образом, для того, чтобы форма, выражающая косвенную модальность, получила союзное назначение, достаточно того, чтобы предложение с косвенною модальностью получило

повествовательную модальность при обслуживании члена другого предложения.

В современном русском языке имеются целые серии таких отношений, при которых одно и то же предложение в одной позиции имеет косвенную, а в другой позиции — повествовательную модальность; в связи с этим одна и та же словесная форма в одном случае имеет модальное, а во втором случае — союзное значение, ср.: *Я спросил: «Куда он ушел?»* и *Я не знал, куда он ушел; Я спросил: «Что ты делал?»* и *Я не знал, что ты делал; Я спросил: «Был ли ты в театре?»* и *Я не знаю, был ли ты в театре* и т. п.

В первом ряду предложений словесные формы *куда, что* являются вопросительным наречием, или вопросительным местоимением, а *ли* — вопросительной частицей, во втором ряду предложений те же формы имеют союзное назначение.

Таким образом, причина преимущественного использования в древнерусском языке предложений с косвенною модальностью в позиции придаточных предложений заключается в том, что переход этих предложений на указанную позицию ясно мотивирован в смысловом отношении и не встречает препятствий со стороны системного характера языка: одна и та же структурная система может в одних условиях функционировать как придаточное предложение с повествовательною модальностью, а в других условиях как самостоятельное предложение с косвенною модальностью.

Предложения с повествовательною модальностью не могут быть с такою же свободою одновременно использованы в системе языка в самостоятельной позиции и в позиции придаточного предложения.

Самостоятельные предложения, имеющие повествовательную модальность, могут перейти на позицию придаточных только при особых условиях. Предложения с относительными местоимениями *и-же*, ꙗ *-же*, ѥ *-же* засвидетельствованы в древнейших памятниках в качестве придаточных. Причем местоимения *и-же*, ꙗ *-же*, ѥ *-же* получили с течением времени атрибутивно-относительную функцию, а в функции грамматического предмета с относительным значением стали постепенно закрепляться местоимения *он, она, оно*. Это создавало условия, при которых два предложения могли объединиться в одно сложноподчиненное предложение, причем то предложение, которое имело в своем составе атрибутивно-относительное местоимение *и*, ꙗ ѥ, усиленное частицей *же*, становилось придаточным определительным, ср.: «Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестися самъ и люди своя». П. В. Л., 128. Предложение с местоимением *и-же* было бы самостоятельным, если бы форма *и-же* осмыслялась как грамматический

предмет в соответствии с современным *он*. В этом случае указанное предложение можно было бы понять как «Он крестися сам и люди своя». Но по мере того, как форма *и-же* утрачивала значение грамматического предмета и приобретала атрибутивно-относительное значение, все предложение, в составе которого она находилась, закреплялось в качестве придаточного, получившего смысл «который крестися сам и люди своя».

В косвенных же падежах местоимение *и* сохраняло значение грамматического предмета; такие предложения не могли осмысляться в качестве придаточных, ср.: «Подле пруда маленка колотивка, *в ней* жерновы на ходу». Хоз. Мор I, 18.

Предложения «Ленинград — большой город. Он расположен на берегу Финского залива» не образуют и не могут образовать одного сложноподчиненного предложения, пока существует такое соотношение элементов языковой системы, при котором местоимение *он* функционирует как грамматический предмет с относительным значением, а не как грамматическое определение, относящееся к имени существительному другого предложения.

Повествовательные предложения могут перейти на позиции придаточного и в тех случаях, когда между союзным словом и соответствующим наречием сложилась явно выраженная омонимия.

Предложение с формою *только* может быть самостоятельным, например: *И только небо осветилось*, и придаточным, например: *И только небо осветилось, все шумно вдруг зашевелилось*. Лерм. В первом случае форма *только* имеет выделительное значение: засветилось *только* небо, а все остальное оставалось во мраке. Во втором случае форма *только* имеет значение времени и синонимична с формою *когда*.

Предложение с формою *раз* также может быть и самостоятельным (*Раз в крещенский вечерок девушки гадали*. Жуков.) и придаточным (*Нерв у него цел, раз он может шевелить пальцами*. Некр). Это возможно потому, что в этих двух случаях форма *раз* омонимична.

Таким образом, повествовательные предложения могут перейти на позицию придаточных только при исключительных условиях.

Сложносочиненные предложения оформлялись главным образом на базе грамматической связи однородного следования предложений повествовательного характера. Эта связь была нерасчлененной и не выражала всех тех отношений, которые выражаются в современном русском языке разветвленной системой сложносочиненных предложений.

Ряд союзов употреблялся в функции показателей однородного следования данного предложения за предшествующим

однородным или неоднородным предложением. Тем самым такой союз выступал в роли показателя зачина предложения. В роли показателя зачина предложения и следования его за предшествующим предложением употреблялись союзы *а, и, да,* а также частица *же,* например:

А кто бяше въбеглъ въ камяныя божнице съ товары, а ту изгорѣша и сами съ товары; а въ Варязьскои божници изгорѣ товаръ весь варязьскый бещисла, а церквии съгорѣ 15. Новг. I л., Син. сп., 88. Индеяны же не едят никоторого мяса... а свиней же у них вельми много; а едят же днем дважды, а ночи не едять, а вина не пьют ни сыты; а с бесермени не пиють ни ядять. А ества же их плоха, а один с одним ни пиет ни яст, ни с женою; а ядят брынець, да киричи с маслом, всею рукою правою, а левою не приметься ни за что, а ножа не держать, а лъжици не знають, а на дорозе кто же себе варит кашу, а у всякого по горньцу. Хожд. Аф. Никит. А у суднаго дела сидели все добрыя люди: дьяк был сом з большим усом, судной список писал вьюн, а доброи человек был карась, а печятал рак глазун левою клещею, и у печяти сидел вьюн переславскои да сиг ростовскои, а справил стерлядь своим долгим носом. Ерш., 150. Иде Володимиръ на Радимицѣ, и бѣ у него воевода Волчии Хвостъ, и посла предъ собою Володимиръ Волъчиа Хвоста; и срѣте Радимичи и рѣцѣ Пищани и побѣди Влъчии Хвостъ Радимичѣ. Комис. сп. I Новг. л., 47. И жил я с женою своею Соломидою любезно и советно, и она по такой любви просилась у меня ко всем святым на Кулишки богу молится, и я по такому совету и любви ея отпустил богу молится, и она от меня пошла, с моего двора сошла, а туда не дошла, а домои не пришла, и я по такому совету и любви ея пошел искать, еи не нашел, а сам и двора отстал по чюжей стороне волочусь. Азб. гол., 26.

Дальнейшее развитие заключалось в отмирании грамматической связи однородного следования неоднородных повествовательных предложений и в закреплении разных типов парных связей предложений.

Необходимость установить парные отношения между неоднородными, следующими друг за другом, предложениями требует устранения многочленной грамматической связи однородного следования одного повествовательного предложения за другим: потребности нового обрекают на отмирание эту грамматическую связь; на смену ей приходит парная связь предложений, в которой находят оформление определенные отношения между определенными предложениями.

Обособляются в отдельный вид связи однородные предложения, которые сохраняют возможность многочленного объединения, ср.:

(Святополк с сыном, Давидъ с сыном, Володимиръ с сыном). И оболичишаяся во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. П. В. Л. по Лавр. л. 191.

В этом тексте объединены в одно сложносочиненное предложение три однородных предложения.

Выделяются сложносочиненные предложения на основе парной связи двух предложений, представляющих отдельные высказывания, ср.:

Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ. П. В. Л. по Лавр. л., 76. Падаху людье мнози и удавиша кони человѣци. Там же, 53. Преставился Ярославъ и сѣде Изяславъ Кыевѣ на столѣ. Син. сп. Новг. I л., л. 3 об.

Ряды неоднородных повествовательных предложений, объединенных связью однородного следования, могли иметь многочисленные звенья, представлявшие собой стыки двух предложений.

Так как вычленение сложносочиненных предложений, объединявших разные высказывания, происходило на основе парных отношений, то оформление и закрепление одной пары с одним звеном связи приводило к отмиранию связи в тех звеньях, которые не могли быть, сообразно с передаваемым содержанием, использованы. Возьмем следующий текст:

И исполчишася Русь и бысть сѣча велика и одолѣ Святославъ и бѣжаша грьци и поиде Святославъ ко граду... П. В. Л. по Лавр. л., 50.

Представленная в этом тексте многочисленная цепь однородного следования неоднородных предложений содержит ряд звеньев, но только некоторые из них могут быть использованы для образования пар.

Членение рассматриваемого текста на пары может быть разным. Разные пары, образующие собой разные сложносочиненные предложения, в соответствии с однородною цепью следования, выражают разные оттенки, которые не могут быть выражены грамматическою связью однородного следования неоднородных предложений, ср.:

Исполчишася Русь, и бысть сѣча велика. Одолѣ Святославъ, и бѣжаша грьци. Святославъ поиде ко граду.

Или:

Исполчишася Русь. Бысть сѣча велика и одолѣ Святославъ. Бежаша грьци, и поиде Святославъ ко граду.

Вариантов вычленения парных сложносочиненных предложений, которые выдвигались на смену старым многочисленным связям, может быть много. Они способны выражать и доносить до собеседника более тонкие оттенки мыслей, которые не в состоянии передать многочленная грамматическая связь однородного следования неоднородных предложений. Замена этой

грамматической связи любыми парами предложений, каждая из которых образует одно сложносочиненное предложение, не будет адекватна по оттенкам выражаемых мыслей. Во всякой новой замене будут новые оттенки содержания. По именно в этом обнаруживается превосходство парных сложносочиненных предложений по сравнению с многочленной грамматической связью однородного следования неоднородных предложений.

Рассматриваемый вид парной связи предложений получил название сочинительной связи.

Оформлялись разные виды противительной связи предложений на основе парных отношений, ср.:

Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу наряжю. П. В. Л. по Лавр. л., 172. Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази». Там же, 39.

Эта парная связь предложений также выделялась из многочленной связи однородного следования неоднородных в каком-либо отношении предложений, ср.:

Орел птица царь надо всѣми птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ зверми, а ты, княже, надъ переславцы. Дан. Зат., Чуд. сп. л., 134, 66.

Приведенный текст содержит четыре предложения, объединенные грамматической связью однородного следования. Союзом зачина и следования является *а*. На месте этой связи в дальнейшей истории русского языка выступают разные виды сложносочиненных предложений, объединенных на основе парных отношений, например:

1. Орел царь над всеми птицами, а осетр над рыбами, лев над зверями, а ты, князь, над переяславцами.

2. Орел царь над всеми птицами, осетр над рыбами, лев над зверями, а ты, князь, над переяславцами.

Эти новые виды связи предложений в одном сложносочиненном предложении тесно связаны с многочленною грамматическою связью однородного следования неоднородных предложений, оформлявшейся союзом *а*.

Так оформляются парные структуры сложносочиненных предложений, которые приходят на смену многочленной грамматической связи однородного следования неоднородных предложений повествовательного модального плана.

Таким образом, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения являются элементом нового качества в историческом развитии русского языка. Формы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений равно необходимы в современном русском языке. Сочинение и подчинение представляют собой равно развивающиеся направления совершенствования сложного предложения.

§ 323. В древнерусском языке сочинительная связь простых предложений в одном сложном предложении могла выражаться разными союзами, в том числе союзом *и*, например:

Кто въ Киевѣ нача первѣе княжит и откуду Руская земля стала есть. П. В. Л., введ., Срезн.

Особенно распространено было употребление союза *и* при присоединении глагольного предложения к причастному предложению, например:

(П)о Ярославѣ же пакы съвъкупивъшеся сынове его... и мужи ихъ... *и* отложиша убиение за голову. П. Р., Син. сп., 123. И ходихомъ за Супои; и ѣдучи къ Прилуку городу, *и* срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи. Поуч. Вл. Мон., Срезн.

Союз *и* обычно соединяет предложения, которые выражают события, осуществляющиеся одновременно или следующие одно за другим:

Приде князь Ярослав въ Новъгородъ, *и ради* быша новгородци. Новг. I л., Син. сп., л. 94 об. Прѣставися Ярославъ, *и* сѣде Изяславъ Кыевѣ на столѣ. Там же, 3. Епископъ и купьце и слы новгородьскыя не пущаху из Руси, *и* они не хотяху иного князя, развѣ Святопълка. Там же, л. 22 об.

В древнерусском языке в сочинительной функции употреблялся также и союз *да*, например:

Сторожи ночьнии бяху пришли, а днѣвнии бяху не пошли; *да* наѣхаша на товары без вѣсти, новъгородци же побегоша съ вѣчя въ товары. Новг. I л., Син. сп., л. 87 об. Суть гради их и до сего дне, *да* то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь. П. В. Л., Срезн. Идохъ къ нишимъ. *да* не приимаху мене. Жит. Анд. Юрод., Срезн. А к слоном вяжуть к рылу да к зубом великия мечи по кендарю, *да* оболочать их в доспех булатный, да на них учинены городкы. Хожд. Аф. Никит.

В последующей истории языка употребление союза *да* в сочинительной функции постепенно отмирало. В современном русском литературном языке случаи употребления союза *да* в указанной функции весьма редки, например:

Гремят тарелки и приборы, *да* рюмок раздается звон. Пушк. Я там чуть не умер с голода, *да* еще вдобавок меня хотели утопить. Лерм. Жаль братца, *да* лететь охота велика. Крылов.

Союз *да* в современном русском языке приобрел разговорно-бытовой оттенок, в то время как в древнем русском языке он лишен был этого экспрессивного момента.

Кроме союзов *и* и *да* в соединительной функции употреблялся и союз *а*. С. П. Обнорский высказал мысль о том, что союз *а* в сочинительной функции, отмеченный им в «Русской правде», представляет собою отражение влияния западносла-

вянских языков. И действительно, чешский и польский языки в сочинительной функции употребляют союз *а*, ср.: mova a pismo.

Однако мнение С. П. Обнорского не представляется убедительным, так как союз *а* в соединительной функции встречается в самых разнообразных памятниках древнего периода, а также в современном белорусском языке.

Союз *а* в сочинительной функции широко представлен в «Русской Правде»; примеры извлечены из Академического и Троицкого списков:

Аще утнеть мечемъ, *а* не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду. Ак. сп., 70 Аще ли челядинъ съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, *а* его за три дни не выведуть, *а* познають и въ третии день, то изымати ему свои челядинъ, *а* 3 гривнѣ за обиду. Ак. сп., 70. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо портъ, *а* познаеть въ своемь миру, то взяти ему свое, *а* 3 гривнѣ за обиду. Ак. сп., 71. Тр., 106. А челядинъ скрыеться, *а* закличють и на торгу, *а* за 3 дни не выведуть его, *а* познаеть и третии день, то свои челядинъ поняти, *а* оному платити 3 гри(вны) продажи. Тр., 107. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, *а* головника не ищють, то виревную платити, въ чьеи же верви голова лежить, то 80 гри(венъ). Тр., 104

Употребление союза *а* в соединительной функции встречается и в «Слове о полку Игореве»:

Княземъ слава *а* дружинѣ. Аминь. 76. Уныша бо градомъ забралы, *а* веселие пониче. 70.

Употребление союза *а* в функции соединения двух предложений, образующих одно сложное предложение, находим в Лаврентьевской летописи:

(Въ) хрестеянехъ того нѣсть закона, *а* ты самъ вѣси. Лавр. л., 60. Се кость отъ кости моея, *а* плоть отъ плоти моея, си наречеся жена. Там же, 86. Аще не створимъ мира со царемъ, *а* увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; *а* Руска земля далеча, *а* Печенѣзи с нами ратьни, *а* кто ны поможеть? Там же, 70.

В других списках летописи находим многочисленные случаи замены союза *а* в соединительной функции союзом *и*, например:

И увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, (и) похорони вои во лодьяхъ, *а* другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. Лавр. л., 22. В Тр. сп. «и». Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, *а* Володимеръ стояше. Там же, 107. В сп. Радз. и Ак. «и». Си отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, *а* не Глѣба посла; а блюдися его повелику. Там же, 137. В Радз. сп. «и» вместо

«а на». И оттолѣ почася Печерскии манастырь, имьже бѣша жили черньци преже въ Печерѣ, *а* отъ того прозвася Печерскыи манастырь. В Радз. и Ак. сп.: «и».

В той же функции союз *а* находим в Синодальном списке I Новгородской летописи, например:

Томь же лѣтѣ погорѣ Търговыи полъ, от ручья Плътьницьнаго до конця Хълма, якоже и преже бяше погорѣлъ; *а* церквии цстьныхъ 10 съгорѣ, августа въ 4. Новг. I л., Син. сп., 15. Томь же лѣтѣ бысть громъ страшьнъ маия въ 20, на святого Фалѣя: съгорѣ церкы святыя Троиця, *а* 2 человѣка мертва быста. Там же, 100. И ту створися зло велико: убиша посадника Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича... и много добрыхъ бояръ, *а* иныхъ черныхъ людии бещисла. Там же, л. 144 об.

В последующей истории языка употребление союза *а* в сочинительной функции постепенно отмирало. В современном русском литературном языке союз *а* в сочинительной функции не употребляется.

Белорусский язык в редких случаях и теперь сохраняет такое употребление союза *а*, например:

Быў слесар лугански
А сталь ён каваў
І песни — вяснянкі
Пра волю спяваў Сб. Двенадцать песен.

2. Сложносочиненные предложения с противительной связью

§ 324. В древнерусском языке противительная связь предложений выражалась разными и притом более многочисленными союзами, чем в современном русском языке.

В качестве противительных употреблялись союзы *а, но, да, ано, ан, ино, ин* и *и*.

Главная функция союза *и* сочинительная, но союз *и* в древнерусском языке мог употребляться и в противительной функции; примеры такого употребления союза *и* находим в Лаврентьевской летописи:

Земля наша крещена, *и* нѣсть у насъ учителя. Лавр. л., 25. Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, *и* я вы что велю, створите. Там же, 125.

В ряде случаев в Радзивилловском и Академическом списках летописи союз *и* в противительной функции заменяется союзом *а*, например:

И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има. и привязати я къ упругу. и пусти предъ собою (въ) лодьѣ. и самъ по нихъ иде. Лавр. л., 60. В сп. Радз. и Ак.: «а».

В последующей истории языка употребление союза *и* в про-

тивительной функции постепенно отмирало; в современном русском литературном языке союз *и* в противительной функции уже не встречается.

Другим противительным союзом в древнерусском языке был *а*, например:

Лѣность... еже умѣеть то забудеть. *а* его же не умѣеть. *а* тому ся не (па)учить. Поуч. Вл. Мон., Срезн.

Союз *а* в противительной функции обычен и в современном русском языке, например:

Они проснулись, *а* мы спать собираемся. Тург. Мне встретились на болоте мужчина и женщина. Он шел с косой, *а* она с граблями. Приш.

Союз *нъ* *(но)* был обычным распространенным противительным союзом в древне-русском языке, например:

Не бяше мира межи ими..., *нъ* рать большю въздвигнут. Новг. I л., 6703 г., Срезн. Еще унъ сыи верстою, *но* совершенъ умомъ. Пск. I л., 6915 г., Срезн. То Ярославъ былъ уставилъ и убити, *нъ* сынове его уставиша по отци на куны. Син. сп. П. Р., 131.

Союз *но* в противительной функции употребляется и в современном русском языке, например:

Солнце село, *но* в лесу еще светло. Тург. Я лежал как бы в забытьи, *но* сои не смыкал глаз моих. Дост.

В древнерусском языке в противительной функции употреблялся и союз *да*, например:

Святии бо по вѣрѣ умроша, *да* живи суть о Христѣ. Феод. Печ. отв. (Из. Паис. сб.), Срезн.

Союз *да* в противительной функции употребляется и в современном языке; но в союзе *да* в современном языке сочетается грамматический момент противительности с экспрессивностью народно-разговорной речи, например:

Хотели его ребята тогда убить, *да* старики не дали. Чех.

В древнерусском языке в противительной функции употреблялись и союзы *ано, ан, ино, ин.*

Примеры с союзом *ано:*

Мы залгали псы бесермена, а сказывали — всего много нашего товару, *ано* нет ничего на нашу землю, все товары белой, на Бесерьмьнскую землю. Хожд. Аф. Никит. Ярославъ... измавъ я (Новгородьцѣ) вся посла исковавъ по своимъ городомъ... и приде весть въ Новъгородъ. бяше же Новгородьцевъ мало. *ино* тамо изымано вячьшие муж. а мьньшее они розидошася. а иное помьрло голодомъ. Новг. I л., 6723 г., Срезн.

Примеры с союзом *ан:*

А чьи судьи на третии не поѣдутъ или на кого третии помолвитъ, *анъ* взятого не отдастъ. то правому отняти. Дог. гр. Дм. Ив., 1375 г., Срезн.

Примеры с союзом *ин:*

Моленой боран отлучился, *ин* гулящий прилучился. Сб. XVII в. Бусл., Ист. хрест., 142.

Примеры с союзом *ино:*

Нагъ тлѣнных ризъ сего мира, *ино* пакы одѣянъ бысть одежею нетлѣнною. Похв. Онуф. Мин. чет., июнь, 179, Срези. А у жены дитя родится, *ино* бабить мужь. Хожд. Аф. Никит.

В последующей истории русского языка союзы *ано, ан, ин, ино,* вышли из употребления в противительной функции.

Таким образом, из множества союзов, употреблявшихся в древнерусском языке в сочинительной и противительной функциях, в истории русского языка были выделены, отобраны и отшлифованы для выражения сочинительных отношений между предложениями союзы *и, да,* а для выражения противительных отношений — союзы *а, но, да.*

3. Сложносочиненные предложения с разделительной связью

§ 325. В древнерусском языке разделительная связь предложений также выражалась разнообразными союзами.

В функции разделительных союзов употреблялись указательные слова *то... то,* вопросительная частица *ли,* которая, кроме того, представлена в разделительном союзе *или.* В той же функции употреблялись союзы *любо, либо.*

Сложные предложения с вопросительной частицей *ли* в роли разделительного союза:

Кую похвалу створимъ достоину твоего блаженьства, *ли* кому уподоблю сего праведника? Кир. Тур., Сл. о снят., Срезн.

Сложные предложения с разделительным союзом *или:*

Или будеть кровавъ, *или* синь надъраженъ, то не искати ему видока человѣку тому. П. Р., Ак. сп., 70. Аще будеть нога цѣла *или* начьнеть храмати, тогда чада смирять. Там же, 70.

Сложные предложения с разделительным союзом *любо:*

Любо ими (Давыда), *любо* прожени й П. В. Л., 6605 г., Срезн. Хощу главу свою приложити, а *любо* испити шеломомь Дону. Сл. о полк. Иг., 66.

Сложные предложения с разделительным союзом *то... то* (выражает раздельную поочередность):

А Меликтучаръ... бьется съ Кафары, 20 лѣтъ есть, *то* его побиють, *то* онъ побиваеть ихъ многажды. Хожд. Аф. Никит., Срезн.

В последующей истории языка союзы *ли, любо* для связи предложений в разделительной функции вышли из употребления.

Современный русский язык закрепил в качестве разделительных союзы *или, то... то, не то... не то.*

Или (иль): Иль чума меня подцепит, *иль* мороз окостенит, *иль* мне в лоб шлагбаум влепит непроворный инвалид. Пушк. Лишь изредка олень пугливый через пустыню пробежит, *или* коней табун игривый молчание дали возмутит. Лерм.

То... то: То скрипнет дверь, *то* тихо отворится калитка, *то* сгорбленная фигура плетется от дома к дому по огородам. Корол. *То* как зверь она (буря) завоет, *то* заплачет, как дитя Пушк.

Не то... не то: Не то кому подали лошадей, *не то* кто новый приехал. Данилев.

Вопросительная частица *ли* в функции разделительного союза может быть отмечена в составе однородных членов, например:

Не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву *ли*, в Волоколамск, в Калугу *ли*. Пушк.

В современном русском языке в разделительной функции употребляется и союз *либо... либо:*

Либо пан, *либо* пропал (поговорка). *Либо* грудь в крестах, *либо* голова в кустах (поговорка). *Либо* ткать, *либо* прясть, *либо* песенки петь. Даль.

Сложноподчиненные предложения с придаточными приглагольными предложениями

§ 326. Придаточными приглагольными называем такие предложения, которые раскрывают содержание глагола как члена главного предложения. Глагол допускает раскрытие своего содержания со стороны времени, места, цели, причины, следствия, условия осуществления действия, способа осуществления действия, а также объекта и субъекта действия.

Сообразно с этим сложноподчиненные предложения с придаточными приглагольными предложениями распадаются на следующие группы в зависимости от характера раскрытия придаточным предложением глагола главного предложения:

1) придаточные предложения, раскрывающие время осуществления действия, выраженного глаголом как членом главного предложения;

2) придаточные предложения, раскрывающие место осуществления действия, выраженного глаголом как членом главного предложения;

3) придаточные предложения, раскрывающие причину действия, выраженного глаголом как членом главного предложения;

4) придаточные предложения, раскрывающие цель действия, выраженного глаголом как членом главного предложения:

5) придаточные предложения, раскрывающие следствие действия, выраженного глаголом как членом главного предложения;

6) придаточные предложения, раскрывающие условия, при которых возможно действие, выраженное глаголом как членом главного предложения;

7) придаточные предложения, раскрывающие объект или субъект действия, выраженного глаголом как членом главного предложения;

8) придаточные предложения, раскрывающие способ или образ осуществления действия, выраженного глаголом как членом главного предложения.

1. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени

§ 327. В роли придаточных времени выступали предложения разных модальных планов.

Так, на позицию придаточных времени выдвигались повествовательные предложения, содержащие наречия, указывающие минимальность чего-либо; таковы наречия *только, едва.* Эти наречия постепенно становятся союзами по мере того, как предложения, в составе которых они находятся, закрепляются в роли придаточных.

В качестве союза наречие *только* не получило в древнерусском языке широкого распространения, например:

А *толко* будет заклад или запись, ино волно искати по записи. Пск. суд. гр., 14. И *толко* похочеш с нами доброе приязни и в докончание быти или в перемирье, и ты б был по тому, како есмо ныне послом своим приказали, к дворянину своему и наместнику Муромскому Остафью Михайловичу Пушкину с товарыщы. Ив. Гроз., Посл. польск. кор. Ст. Баторию, 237.

В современном русском языке наречие *только* продолжает оставаться наречием, но может быть использовано и в качестве союза. Это значит, что процесс закрепления наречия *только* в роли союза не завершился.

Наречие *едва* широко использовалось в роли временного союза в древнерусских памятниках. В то же время оно продолжало употребляться и как наречие, ср.:

И быша кладезь много въ саду томъ, и всѣ выгорѣша; и собрашася тогда нѣкиихъ 12 человѣк, и *едва* обрѣтоша тѣ человѣци кладезь великъ зѣло, и тамо тѣ человѣци въ томъ кладезѣ избыша отъ огня. Новг. II л., 147.

В качестве союза оно употреблялось для выражения быстрого следования действия, выраженного глаголом главного предложения, за действием, выраженным глаголом придаточ-

ного предложения. Союз *едва* употреблялся, главным образом, в памятниках не церковного содержания:

Овда же установи людье Ростиславъ и одаривъ многыми дарми и води я́ къ хресту, а самъ иде съ Всеволодомъ и съ Володаремъ и съ всею братьею на Рогъволода къ Дрьютьску. Ип. л., 82. И *едва* отдохнувъ от великого того плача и рыдания, и нача совокупляти воинство свое и учреди ихъ. Пов. о прих. Батыя на Рязань в 1237 г.

В современном русском литературном языке союз *едва* является употребительным во всех жанрах речи.

На позицию придаточных времени выдвигались предложения с вопросительными наречиями количества *елма, сколько, донележе, пока, отнележе, с каких пор;* эти наречия становились союзами.

Придаточные времени с союзом *елма* в древних памятниках встречались редко:

Елма же бес правды погнаша и, ороужие извлекоша грѣшницы, напрягоша луки своя стрѣляти нища и оубога, и заклати правы серцемъ. Жит. Ст. Пермск., л. 678 об. *Елма* же царь распусти силу Татарьскую по земли Руской воевати княжение великое, ови изшедше къ Володимерю и много людей посѣкоша и въ полонъ поведоша, а инии полци ходиша къ Звенигороду и къ Юрьеву. Новг. IV л., 89.

В памятниках XVII в. и более позднего времени этот союз не засвидетельствован.

Придаточные времени с союзом *донележе* обозначали предел времени, до которого продолжалось действие, выраженное глаголом главного предложения. Союз *донележе* считается церковно-славянским, однако он употреблялся в памятниках разных жанров древнерусской письменности:

И *донележе* стоитъ миръ, не наводи на ны напасти искушениа, ни предай насъ въ рукы чуждиихъ. Иллар. Молитв. от земли Рус., 78. Ащели явиться въ ту о 8 дении, да не разрѣшиться, донелѣже очиститься. Вопрош. Кирика, 183. Мы же своего чина не храняще в мале поседим поникши, и потом возведем брови, таже и горло, и пием, *донеле же* в смех и детем будем. Ив. Гроз. Посл. в Кир.-Белоз. мон., 183. А се урочи городнику: закладаюче городьня, куна взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на недѣлю 7 хлѣбовъ, 7 уброковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, имати же ему *донелѣ* городъ сърубять. П. Р., Син. сп., 132.

В XVII в. союз *донележе* выходит из употребления.

В том же значении употреблялись придаточные времени с союзом *дондеже.* Они были широко распространены в памятниках письменности церковного содержания, летописях и т. п.

В летописях:

А онъ про то не бързо отрядивъ его, нъ посади и въ Печерьстѣмь монастыри, *дондеже* Гюрги придеть. Новг. I л., Син. сп., 26. И стояше знамение то, *дондеже* и похорониша его у церкви святаго Михаила. Новг. II л., 124.

В поучениях и словах:

Не приима емъ въ причащаньие *дондеже* престануть отъ грѣхъ. Поуч. арх. Луки къ братии, 10. Того ради и артусный хлѣбъ отъ Пасхы и донынѣ въ церкви священенъ бысть, и днесь на иерейскыхъ врьсѣхъ ломится за опрѣснокы..., *дондеже* и Чрьмное море проидошя. Кир. Тур. Сл. в Нов. нед. по Пас., 20. Аше бо кто не крещенъ, таковою болѣзнью одержимъ, не прияти его къ святому крещению, *дондеже* болѣзнь престанетъ отъ него, тако же и о святомъ причащении. Митр. Кипр. иг. Афанас., 261.

Придаточные времени с союзом *дондеже* широко употреблялись и в других древнерусских памятниках. В более позднее время, например в произведениях XVII в., этот союз уже встречался редко; он вышел из употребления вместе с исчезновением тех стилей, которые он характеризовал.

Придаточные времени с союзом *отнележе* обозначали предел времени, после которого начиналось действие, выраженное глаголом главного предложения. Союз *отнележе* считается церковнославянским.

Примеры с этим союзом немногочисленны, употребляется он в основном в памятниках церковно-книжного содержания, высокого слога:

А *отнелѣ же* поставленъ быхъ на великий степень святительства, въ лѣто 6917, мѣсяца сентевриа въ 1 день, индикта вторый, и оттуду бо преходящу лѣту шестьтысящному девятьсотному тридесять девятому, индикту девятому, и *отнелѣ же* толикимъ лѣтомъ прешедшимъ, аще кто будетъ на мя тайно пороптал, или явно изрекъ, аще князь, аще епископъ, или отъ священническаго и иноческаго чина кто, или велможа, мужь и жена, или отъ клирикъ кто и всѣхъ мирских, елици исповѣдаша ми, приаше прощение и разрѣшение. Дух. завещ. митр. Фотия, 147.

В памятниках XVII в. отмечаются единичные случаи употребления этого союза.

На позицию придаточных времени выдвигались вопросительные предложения с вопросительными наречиями места *докуда, докамест, покамест;* в связи с закреплением предложений в роли придаточных времени вопросительные наречия места становились временными союзами. Придаточные времени с наречиями места *докуда* обозначали предел времени, до которого продолжалось действие, выраженное глаголом главного пред-

ложения; союз *докуда, докудова* употреблялся главным образом в памятниках делового письма:

А *докудова* вас бог помилует, свободит от бед, и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин. и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибылняе. Дух. гр. Ив. Вас. IV, 5, 446.

В том же значении употреблялись придаточные времени с вопросительным наречием места *докамест*. Форма *докамест* представляет собой слияние трех слов: предлога *до*, вопросительного местоимения *как* (ср. *кая*) и имени существительного *мѣста; докамест* из *до + ка + мѣстъ*.

Придаточные времени с союзом *докамест* встречались сравнительно редко:

И бысть Афофоний митрополитъ и не погребенъ одинадцать недѣль, того для что, по государеву указу, *докамѣстъ* не приѣхалъ Псковский архиепископъ Макарий. Новг. II л., 189.

Союз *докамест* встречается в памятниках деловой письменности XVII в., в произведениях, близких к народной речи [1].

В современных говорах чаще употребляется союз *покамест*, чем *докамест*.

На позицию придаточных времени выдвигались предложения с вопросительным наречием образа действия *яко*; придаточные времени с союзом *яко* имели широкое распространение в древнерусских памятниках.

В летописях:

Яко налегоша силою и выломиша двьри и вълѣзоша на нь, и ту и насунуша рогатинами, и ту сконьця животъ свои. Новг. I л., 34. И *яко* свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладезю, и почерпоша сыты, и почаша ясти самые первое, потомъ же Печенѣзи. Лавр. л. Но пакы рече, *иако* день честѣнъ иесть на то въ великыи четверг, тъгда отимай. Вопрош. Кирика, 28. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣятся ему, и прозрить, *яко* придеть день его. Поуч. Вл. Мон., 122, Лет. Нест.

В повестях, житиях, хождениях:

И *яко* же присце в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Пов. о Петре и Февронии, 236. Я *яко* начаша чести 6-ю паремию, тотъ же епископъ прииде къ дверемъ гробнымъ и не видѣ ничтоже. Хожд. иг. Дан., 134.

В произведениях Курбского:

И в то время дивно бѣ, *яко* Богъ руку помощи подалъ отдохнути землѣ христианской, образом: тогда убо, тогда, глаголю, прииде къ нему единъ мужъ. Ист. о вел. кн. Москов., 1, 6

---

[1] Э. И. Каратаева. Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII века (докторская диссертация).

Союз *яко* встречается и в других древнерусских памятниках. В памятниках XVII в. он уже не имел широкого распространения. В современном русском литературном языке он не употребляется.

Уже в древнерусском языке союз *яко* воспринимался как принадлежность высокого стиля; однако было бы неправильным считать его древнеболгарским по происхождению.

В этом отношении со всею определенностью высказывался А. Потебня: «Что *яко* и как союз изъяснительный есть слово столь же русское, как и *како* (и *оже, чьто*), это для меня явствует не только из множества случаев его употребления в летописях, но и из того, что бр. и млр. говоры кроме разве переходных, вовсе не знают *как,* а знают только *як* как наречие и союз...» [1].

В более поздних памятниках получили отражение в положении придаточных времени предложения с вопросительным наречием *как;* наиболее часто они встречаются в повествовательной цепи, объединенной союзами зачина и следования. Союзом зачина и следования может быть *и*, за которым в придаточном времени следует союз *как:*

И как к тебе ся моя грамота придет, а будет так, как мне говорил Иван, да Федор, да Григорий Остафьев, и ты бы Корнило в их оброшной Можаровской ухожен и в росчищую землю отнюдь не вступался. Хоз. Мор., I, 13.

Такая связь предложений имела место и при других союзах в придаточном времени, ср.:

И Бова взем хлебец да бросил выжлецу, а другой другому. *И сколь скоро* выжлецы хлебцы съели, и скоряя тово их разорвало по макову зерну. Про Бову, 8.

Придаточное времени с союзом *как* может начинаться союзом *а*, а главное предложение присоединяется союзом *и*:

А *как* научимся пива пити, *и* не мотчи ся и лишити. Ярыж., 63.

Такой способ объединения предложений мы находим и при других союзах в придаточном времени, например:

А когда лучитца быти у Московского государства с-ыными государствы войнѣ, и для воинского времяни во всякихъ городѣхъ у монастырей и у дворянъ устроены осадные дворы. Котош., 128. *А докуды...* яз Парфеней жив буду, и мне тое половина пожни Бочихи с Архангелом по половинам ставити архимандриту с братьею половина, а Парфенью — другая половина. Ак. Велико-Устюж. мон., 155. *А покаместа* он, Ларион Татарин, побудет в селе Булышове, и ево Лариона поить и кормить по дворовому. Хоз. Мор., I, № 40.

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888 г., стр. 430.

Главное предложение может присоединяться другими союзами, например союзом *а*:

А когда он изволит спать, *а* ставлеником прикажет баню топить. Поп. Сав., 236.

Союзом *да*:

А *как* убиеши сына своего, *да* случитца тебе акы некоему торговому человеку. Ист. семи мудрецов, 45.

В современном русском литературном языке придаточные времени с союзом *как* при определенных стилистических условиях также употребительны; однако союзы зачина и следования в этих предложениях уже не встречаются.

Наиболее многочисленны случаи перехода на позицию придаточных времени вопросительных предложений с вопросительными наречиями времени *егда, внегда, когда, коли, поколь* и др. Поскольку эти предложения, функционируя в качестве придаточных, утрачивают вопросительную модальность, постольку вопросительные наречия становятся союзами.

Придаточные времени с союзом *егда* обозначали общую соотносительность действия или состояния, выраженного придаточным предложением, с действием или состоянием, выраженным главным предложением. Уточнение этих отношений выражается формами вида.

Придаточные времени с союзом *егда* имели самое широкое распространение в древнерусских памятниках; они встречались в памятниках, отражающих те или другие литературные стили; однако в деловых грамотах, «Русской Правде» придаточные времени с союзом *егда* не отмечены. Это указывает на то, что союз *егда* воспринимался в древней Руси как церковнославянский, книжный.

Егда ся падеть, и не разбьеться, яко господь подъемлеть руку его. Поуч. Вл. Мон., 154. *Егда* же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть. П. В. Л. по Лавр. л., 138. *Егда же* изби бояръ и повелѣ паломници тѣ пустити, а порты повелѣ даяти паломникамъ избитых бояръ, река имъ. Лавр. л., 206. Но *егда* веселишися многими брашны, а мене помяни, сухъ хлѣбъ ядуща. Сл. Д. Зат. XX, 15, Заруб. *Егда же* отдоися и укрѣпѣ, явися благодать Божия спасения всѣмъ человѣкомъ. Иллар. Зак. благ., 61. *Егда жъ* въ нашу отчизну, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ Крымский царь, и мы тогда васъ послахомъ противу его. Посл. Ив. Вас. к Курб., 184.

В памятниках XVII в. сфера употребления союза *егда* сужается, он закрепляется в основном в памятниках торжественного стиля. Постепенно союз *егда* выходит из употребления вместе с торжественным стилем. В современном русском литературном языке союз *егда* неизвестен совсем.

В памятниках древнерусской письменности встречаются придаточные времени с союзом *внегда*:

Вънегда же будеть литургиа пѣти, часы братиа въ притворѣ поютъ, и апостолъ и еуангелье таможе чтется. Митр. Кипр. иг. Афанас., 253. *Внегда* стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Поуч. Вл. Мон., 123, Лет. Нест.

Широкого распространения придаточные времени с союзом *внегда* не имели.

На позицию придаточных времени выдвигались предложения с вопросительным наречием *когда*; с утратой вопросительной модальности предложения наречие *когда* становилось союзом. Его значение совпадало с значением союза *егда*. В древнейших памятниках русской письменности он употребляется редко; однако он представлен, хотя и единичными примерами, в самых разнообразных жанрах, преимущественно в формах прямой речи.

В летописях:

Татарове же взяша градъ Резань, того же мѣсяца въ 21 день. отъеха прочь въ той годъ, *когда* рать оступила градъ. Лавр. л., 222. Рече же имъ Ольга яко «Азъ мьстила уже обиду мужа своего, *когда* придоша Киеву, второе и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему». П. В. Л., 42. И наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, «*когда* тя позову», и тако въ мирѣ разидошася кождо въсвояси. Ип. л., 8.

В словах, посланиях и поучениях:

Въ мытарьство: злопоминание, елико зло поминахомъ *когда*, глаголющи: не забуду ти ни до смерти. Кир. Тур. Сл., 95. Самъ же убо сей Исидоръ во своих ему *когда* грамотах, идѣже посылаа, писааше, нарицаа себе легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища. Посл. в. кн. Вас. Вас. констант. патр. Митрофану, 533.

В «Домострое» и грамотах:

Аще *когда* преочистивъ себя духовне, въ чистеи совѣсти коснутися и съ молитвою и молениемъ цѣловати животворящии крестъ и святыя, честныя образы и чудотворныя и многоцѣлебныя мощи; по молении прекрестяся поцѣловати духъ въ себѣ удержавъ. Дом., 9 И нам против тебя ему не помогать; и в те годы, *когда* мы ради тебя ему не помогали, Витовту это не нравилось, что мы ему против тебя не помогаем. Дог. гр. Пскова с Ливон. орд., № 334, 1417 г.

В произведениях XVII в. союз *когда* получает более широкое распространение. В современном русском литературном языке этот союз занимает господствующее положение.

На позицию придаточных времени выдвигались предложения с вопросительным наречием *коли*, которое в связи с этим

становилось союзом. Союз *коли* был распространен главным образом в памятниках деловой письменности:

Стмоу же георгиеви велѣлъ есмь бити въ ие на обѣдѣ *коли* игоуменъ обѣдаеть. Мстисл. гр. Или что будет в моеи очине тог(о) полону, *коли* былѣ рат(ь) отца моег(о), великог(о) к(н)язя Дмитрея Иванович(а), на Скорнищевѣ у города, и тот мои полон отпустити. Гр. в. кн. Вас. Дмитр. в. кн. ряз. Фед. Ольгов., 54.

В договорных грамотах:

А *коли* будеть Новугороду розмирье с Нѣмчи или с Литвою или с ыное сторонъ, пособляти ти княже, по Новъгородъ бес хитросты. Дог. гр. Новг. с тверск. в. кн. Мих. Александр., 30.

В откупных грамотах:

А купилъ тогды, *коли* былъ князь велики Василеи Васильевичь в Великомъ Новъгороде. Откуп. гр. Якима Гуреева и Матв. Петрова у намест. Гр. Вас. в Обонежье, 149.

В рядных грамотах:

А *коли* архимандритъ приѣдѣ на подъѣздъ, стояти ему на стану 2 ночи. Рядная крест. Робиченской вол. с Юрьев. мон., 174.

В уставных грамотах:

А въ лодиахъ, или на возѣхъ *коли* поѣдутъ, и намѣсници устюжские и вологодские ихъ не уимаютъ. Устав. гр. в. кн. Вас. Дмит. Двин. земле, 145.

В судных грамотах:

А *коли* будет с кем суд о земли о полнеи, или о воде, а будет на тои земли двор или нив розстрадни а стражег и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосед человек на 4 или на 5. Псков. судн. гр., 9.

В духовных грамотах:

А *коли* придет дань или ямъ, и княгини моя дастъ съ тѣх волостей и съ селъ по разочту. Дух. гр. 1-я в. кн. Вас. Дмит., 55.

Употребление союза *коли* можно отметить и в летописях, особенно в прямой речи и контекстах, лишенных церковно-книжного содержания:

Рекуще: отець ваю добрь былъ, *коли* княжилъ у насъ. Лавр. л., 157. Но реклъ ми есь былъ, въ Ляхохъ *коли* есмь былѣ съ Телебугою и со Алгуемъ, а братъ мой Левъ туго же и сыновець ми Юрьи, ты же, господине мой брат мой, прислалъ ко мнѣ, тако река. Ип. л., 215.

Союз *коли* встречается в художественных произведениях:

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ. Сл. о полк. Иг., 72. *Коли* пожреть синиця орла, коли камение в(ъ)сплавлет по водѣ, и коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, тогды безумныи уму научится. Молен. Д. Зат., XXXI, 24, Заруб.

В памятниках XVII в. союз *коли* отмечается в повествованиях, близких народной речи.

В современном русском литературном языке этот союз в придаточных времени почти не встречается: однако в народных говорах он продолжает употребляться.

В белорусском и украинском языках он представлен и в литературе.

Наречие *коли, коль* в союзной функции употреблялось в сочетании с приставкой *по-*; наречие засвидетельствовано в форме *поколѣ*. Этот союз употреблялся главным образом в памятниках деловой письменности; придаточные с союзом *поколѣ* обозначают предел времени, до которого осуществляется действие, выраженное глаголом главного предложения:

А великому князю Витовту в вотчину мою, великого князя Ивана Володимеровича, въ воды и въ земьли, не вступатися, и *поколѣ* рубеж Проньскые земли моее и в вотчинѣ моеи. Доконч. кн. Прон. Ив. Влад. с в. кн. лит. Витовтом, 69. А зѣло любяше его, *поколѣ* въ монастырѣ оном. Курб., Ист. в. кн. Москов., VIII, 108.

В современном русском литературном языке этот союз не употребляется.

В той же функции употребляется и союз *поки*. В памятниках древнерусской письменности союз *поки* не имел широкого распространения. Он отмечен в сочинениях Курбского, например:

Они жъ абие сице рѣша, глаголюще: *Поки* рече, юртъ стояша и мѣсто главное, идѣже престолъ царевъ былъ, потыяжъ до смерти браняхомся за царя и отечество. Курб., Ист. в. кн. Москов., II, 27. Аки бы реклъ: «не возмоглъ есмя васъ мучити, *поки* Казань стояла сама въ собѣ. Там же, III, 31.

В памятниках деловой письменности XVII в. получает распространение союз *пока* в соответствии с *поки*. В современном русском языке союз *пока* часто употреблялся в сочетании с отрицанием *не: он стоял под крышей, « пока не» прошел дождь.*

2. *Сложноподчиненные предложения с придаточными причины*

§ 328. Сложноподчиненные с придаточными причины возникали главным образом путем объединения предложений повествовательного модального плана. Однако в отдельных случаях в функции придаточных причины могли выступать предложения косвенного модального плана.

На позицию придаточных причины могли передвигаться предложения, которые выражали вопрос по признаку образа

действия; такое использование имели предложения, содержавшие в своем составе вопросительное наречие *яко*. Они принимали на себя функцию причины действия, выраженного глаголом другого предложения; вопросительное наречие *яко* становилось в таких случаях причинным союзом; в древнерусских памятниках союз *яко* употреблялся весьма широко для связи придаточных предложений причины с главным предложением:

Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем, *яко* аз рабъ твои и сын рабы твоя. Сл. Д. Зат., IX, 54, Заруб. Азъ бо не хощю тяжкы дани, взложити, *яко* же муж мои. П. В. Л., 61.

Союз *яко* широко употреблялся в той же функции и в памятниках XVII в., например:

Весь обнажися, не имея на себе одеяния ризнаго, вопиющи к полатем, но и тия глаголют: отиди прочь, *яко* и без тебе много голянских валяются зде. Ярыж., 80.

Союз *яко* находим и в произведениях XVIII в.:

Да уничтожит закон, *яко* же (= так как) нарушение оного повелевает. Рад., Пут., 89. Хотя уже и довольна ваша милость отъ насъ и сам не оставишь доброго случая, однакож не могъ оставить сего, *яко* (= так как) у насъ есть ведомость. Письма и бум. Петра Вел., 2, 64.

Союз *яко* сохранялся в наших памятниках как показатель книжности слога, в особенности в памятниках XVII—XVIII вв.

На позицию придаточных причины могли передвигаться предложения, которые выражали вопрос по отношению к объекту; такое использование имели предложения, имевшие в своем составе вопросительное местоимение *что*. Они принимали на себя функцию причины действия, выраженного глаголом предыдущего предложения; вопросительное местоимение *что*, утрачивая вопросительное значение, становилось союзом.

Употребление союза *что* для выражения причинных отношений между придаточным и главным предложением отмечено в памятниках XVII в.:

И на-розно, государь, ехать не похотели, *что* (= так как) иные были, государь, в разъезде, многия были, государь, на Кошире. Хоз. Мор., № 107. И сном крѣпким спал, что уже нощь; и нача думати — с чѣм ему показаться, *что* (= так как) добычи никакой не получил. Ист. Вас. Кор., 113.

Такие примеры употребления союза *что* находим в фольклоре: «мутно на душе, что (= от того что) нет пива в ковше». Сим., Сб. пословиц XVII в.

Повествовательные предложения, которые приобретали значение придаточных причины, находились с другим предложением в разной смысловой связи.

На позицию придаточных предложений причины могли передвигаться предложения, которые с другим предложением находились в изъяснительной связи; такую связь имели предложения, содержавшие в своем составе слово *ибо*.

В древнерусских памятниках предложения со словом *ибо* могли выступать в роли придаточного причины по отношению к другому предложению; слово *ибо* в таком случае переходило на позицию причинного союза, например:

Тѣмже и глаголаше Давидъ аще во истину право глаголете правду судите сынове человѣчьстии *ибо* въ сердци беззаконуете на земли. Сказ. о Бор. и Гл., Срезн., 53.

Союз *ибо* широко продолжал употребляться в памятниках XVIII в., например:

Однакожъ зело пасатца надлежитъ, *ибо* многие ведомости от шведов есть, что намерены оные жечь через лазутчиков. Пис. Петра 1, 2, 171. Каково было моей души положение, мой друг, сам отгадывай, *ибо* ты меня знаешь. Рад., Пут., 17.

Продолжали употреблять союз *ибо* в причинном значении и писатели начала XIX в., например:

Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, *ибо* со мной был чугунный чайник. Лерм.

Но уже в 70 гг. XIX в. союз *ибо* стал употребляться менее интенсивно. Составитель русского толкового словаря В. Даль отмечал, что союз *ибо* ныне мало употребителен. Вместо: *не дам, ибо ты не заслужил* говорят: *не дам, потому что ты не заслужил*. В. Даль высказывает мысль о том, что нет никакой разумной причины избегать ясной и короткой частицы *ибо*.

В современном русском языке союз *ибо* используется весьма интенсивно, особенно в публицистических жанрах.

На позицию придаточных причины могли переходить предложения, объединенные с другим предложением относительной связью. Такую связь, как известно, выражали в древнерусском языке союзы *оже* и *яже*.

Союз *оже* часто употреблялся для связи условного придаточного предложения с главным, но он встречается и в функции союза, связывающего придаточные предложения причины с главным, например:

Недостоинъ есть сталъ, *оже* (= так как) не блгснъ есть отъ великаго сбора. Новг. I л., 6657 г., Срезн. Мьртвьци... отъ пьсъ изедаемы, *оже* не можаху погрѣсти. Там же, 6738 г., Срезн.

Однако в причинном значении этот союз не получил сколько-нибудь широкого распространения в структуре сложного предложения.

Более часто употреблялся союз *яже*:

Велика, гсди, млсть твоя на нас, яже (= так как) та угодья створилъ еси. Лавр. л., л. 79 об.

На позицию придаточных причины могли переходить предложения, выражавшие причину того действия, которое обозначалось глаголом другого предложения. Предложения, которые выступали в значении придаточных причины, содержали член предложения, выраженный указательным местоимением. Как член предложения оно имело причинное значение, как часть речи оно указывало на предыдущее предложение. В такой роли указательные местоимения выступали в форме творительного падежа без предлогов и в форме разных косвенных падежей с предлогами.

Творительный падеж местоимений *тъгъ, то* в древнерусском языке нередко употреблялся для обозначения причины действия, выраженного глаголом того же предложения, например:

Намъ бо достоить за нь бога молити, понеже тѣмь (= благодаря этому) бога познахомъ. П. В. Л., 89.

В таких предложениях творительный падеж указательного местоимения *тѣмь* в своей причинной функции относится к глаголу того же предложения, а в своей указательной функции относится к предыдущему предложению.

Творительный падеж *тѣмь* постольку является членом предложения, поскольку он сохраняет причинное значение, относящееся к действию, выраженному глаголом того же предложения; в отдельных случаях творительный падеж указательного местоимения *тъгъ, то (тѣмь)* утрачивал причинное значение, сохраняя указательное значение; в таком случае все предложение с указательным местоимением *тѣмь* принимало на себя функцию причины действия, выраженного глаголом того предложения, на которое указывало указательное местоимение *тѣмь*; в связи с этим форма *тѣмь* утрачивала значение члена предложения и становилась причинным союзом, т. е. словом, соединяющим предложение, служащее для выражения причины действия, представленного в другом предложении, например:

Оконьчавъ же, достойну хвалу и славу богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику Анъдроникову. *Тѣм же* (= так как) словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ. П. В. Л., 23.

Местоимение *тѣмь* в союзной функции не получило широкого распространения. В творительном падеже с причинным

значением могло выступать и указательное местоимение *и*. Когда местоимение *и* в творительном падеже утрачивало значение члена предложения, оно в сочетании с частицей *же* получало союзное значение и тем самым превращалось в причинный союз.

В древнерусских памятниках союз *имьже* не получил широкого распространения. И. И. Срезневский в «Материалах для древнерусского словаря» примеров с этим союзом не дает. Приведем примеры:

Оттолѣ почаша Печерскыи манастырь. *имьже* (= так как) бѣша жили черньци преже в печерѣ. Лавр. л., л. 53 об. Не бяшеть бо ему изъбѣжати въ день. и въ нощь, *имьже* сторожевѣ стережахуть его, но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заходъ солнца. Лавр. л.

В дальнейшей истории сложноподчиненного предложения союз *имьже* не играл серьезной роли.

Причинное значение могли иметь указательные местоимения в винительном падеже в сочетании с предлогом *по* и *за*. Утрачивая значение члена предложения, они получали союзное значение; таково происхождение союзов *понеже, поне, занеже, зане, заиже.*

Союз *понеже* в древнерусских памятниках употреблялся наиболее широко для связи придаточных предложений причины с главным предложением, например:

Богату мужу лицѣ цвѣтетъ, *понеже* (= так как) веселие всегда в дому его; а убогу мужу лице дряхло, *понеже* печаль есть всегда в дому его. Сл. Д. Зат., VIII, 103, Заруб. Всякъ человѣкъ о чужеи бѣде хитръ и мудръ, а о своеи не можетъ смыслити, *понеже* человѣку печаль умъ отражаетъ. Там же, XXIII, 106, Заруб.

Союз *понеже* как показатель книжного слога встречается и в произведениях XVIII в.:

Оставить человек тысячу или меньше с добрым полковником, *понеже* (= так как) опасения быть не откуда. Пис. Петра I, 2, 170. Тогда неприятель побежал тотчас в лесъ, которого наши гнали до самогу лѣсу, где зѣло много порубили, *понеже* солдаты брать живьем не хотели. Там же, 210.

Союз *зане* и его разновидности *занеже* и *занежь* относительно реже употреблялись в памятниках письменности, чем союз *понеже.*

Тогда же на полъчищи Концакъ получися по свата Игоря, *зане* (= так как) бяшеть раненъ. Киев. л., 75. Хрест. Гудзия. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече Переяславль, *зане* переяславу отрокъ тъ. П. В. Л., 67, Хрест. Гудзия. Мужи отни похвалу ему даша велику, *зане* мужьскы створи. Сузд. л., Лавр. сп., 325.

Союз *зане* встречается и в памятниках более позднего времени:

Всяк ее от себе прочь отгоняет, *зане* обоняние зело воняет. Орач., 108. Но о сем нечто много усумневаюся,... *зане* ты тои ко мне милости не покажеши и о имени своем мне не скажеши. Кур. лис., 206.

Наряду с союзом *зане* употреблялся его вариант союз *занеже:*

Святу сего Бориса и Глеба у себе держаше, *занеже* (= так как) единаче дѣтеска бѣста. Сказ. Бор. и Гл., 7. Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, и на чужемъ градѣ отчина ему, и мнози друзи у себе имѣетъ; а убогъ мужъ и во своеи власти ненавидимъ есть, *зане же* риза его не свѣтла, и рѣчь его не честна. Сл. Д. Зат., VIII, 103, Заруб.

Одним из вариантов союза *занеже* является союз *заиже*; этот союз встречается весьма редко:

Только мне в Володимире быти не возможно, *заиже* патриархи бываю(т) при ц(а)ре всегда. Слав. рук. б. Син. биб., № 703. Шпеков, прил., 141. Булахов., Ист. коммент., 313.

Все перечисленные выше союзы, засвидетельствованные памятниками русского языка, постепенно отмирали. Одни из этих союзов, например *заиже,* не имели значения в развитии сложноподчиненного предложения с придаточными причины, другие из них, например *понеже,* употреблялись в названных предложениях весьма интенсивно в течение многих веков. Однако позже и эти союзы вышли из употребления.

Причинное значение могли иметь указательные местоимения в дательном падеже в сочетании с предлогом *по*; таково происхождение сочетания *по тому.* К этому сочетанию присоединялось посредством союза *что* предложение, изъяснявшее содержание, на которое указывало местоимение. Впоследствии сочетание *потому что* вычленяется как причинный союз; его широкое распространение по памятникам относится к XVII в., например:

Стану ево всячески караулить, хоть три дни и три ночи, *потому что* мы кушать их охочи. Кур. лис., 207. Се подленно знать невозможно *потому что* многие ранены тяжелыми ранами. Пис. Петра I, 2, 212. Намерен ли он ту крепость на способный договор здать, *потому что* у него со всех сторон путь отнят. Там же, 100.

Союз *потому что* для присоединения придаточных предложений причины употребляется и в современном русском языке.

Падежные формы указательных местоимений в сочетании с предлогами могли иметь значение цели. Такое значение имел творительный падеж местоимения *тот, то* с предлогом *за (за тем),* родительный падеж того же местоимения с предлогами

для (*для того*) и *ради* (*ради того*). К этим сочетаниям присоединялись посредством союза *что* или *как* предложения, изъяснявшие содержание, на которое указывало местоимение. Эти предложения могли получать причинное значение; сочетания *затем что, для того что, ради того что* стали вычленяться как причинные союзы. Широкое распространение этих союзов по памятникам относится к XVII и XVIII вв.

Союз *затем что* встречается главным образом в памятниках XVIII в.:

Мы старались движение крови в нем возобновить, *за тем что* он был еще тепл. Ломон., Пис. к Шувал. И у Лешковскова, государь, у нижнева пруда сваи не биты *за тем, что* земля мерзлая. Хоз. Мор., I, № 52.

Союз *для того что*:

Аще кто тя во храм свои водворит, и таковым псом весь храм свои осмрадит, *для того* господа близ врат псов берегут, *что* они господина домы стерегут. Каляз. челоб., 108. Что я нынѣ к Вашему Превосходительству пишу за чудо почитайте *для того, что* мертвые не пишут. Ломон., Пис. к Шувал. Я люблю женщин *для того, что* оне соответственное имеют сложение моей нежности. Рад., Пут.

Ср. у Крылова:

Он никогда не намеревался быть политиком, но не *для того, чтоб* не доставало ему ума. Похв. речь дед.

Союз *для того как*:

И покинуты они были на Саратове, *для того как* вор шел вверх, а они заболели. Мас. Раз., III, № 44, Булахов., Ист. коммент.

Союз *ради того что*:

Не завидуя никому на свете щастию, *ради тово, что* они в своем звании благополучны. Новиков, Трутень.

Ни один из причинных союзов, возникших на базе целевых конструкций, не закрепился в системе языка и не сохранился в современном русском языке.

Таким образом, для обозначения причинных отношений между придаточным и главным предложением втягивались разные грамматические средства, которые первоначально выступали в качестве членов предложения и обозначали вопрос, изъяснение, причину, цель. Утрачивая эти свои первоначальные свойства, рассматриваемые грамматические средства получали союзную функцию связи придаточного предложения причины с главным предложением. Многие из этих средств не выдержали испытания времени и отсеялись за ненадобностью; только немногие из них сохранились в современном русском литературном языке; таков причинный союз *потому что*.

3. *Сложноподчиненные предложения с придаточными цели*

§ 329. Сложноподчиненные предложения с придаточными цели возникали путем объединения предложений разного модального плана.

В древнерусском языке имелись сложноподчиненные предложения, состоявшие из предложений, из которых одно, главное, по происхождению является повествовательным, а другое, придаточное, по происхождению является вопросительным; в вопросительном предложении затемняется значение вопроса, больше оттеняется значение желания, намерения; все это предложение втягивается в систему повествовательного изложения, вопросительное предложение начинает служить для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, и тем самым приобретает повествовательный модальный план; вопросительное слово предложения, утратившего свою вопросительную модальность, становится союзом, связывающим главное и придаточное предложение.

Рассмотрим отдельные типы вопросительных предложений, втянутых в систему сложного предложения в качестве придаточных предложений цели.

Для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, использовались вопросительные предложения с вопросительным словом *яко* в сочетании с *бы*; в данном случае вопросительный модальный план относился к обстоятельственному значению; форма, обозначающая вопрос в отношении обстоятельства действия, принимает на себя функцию формы, объясняющей цель действия, например:

Да те ж наши изменники возмутили народ, *якобы* и нас убити. Посл. Ив. Гроз. Курб., 13, Булахов., Ист. коммент., 317. А то, давши им власне якназлость причину, в гишпанскую на тое звабил их краину, бы в твоем панстве стался замешанина, *якобы* под час той могл своего сына на панстве посадити. Рус. драм. произв., 1, 44.

В рассматриваемых придаточных предложениях, как видно из содержания нижеприводимых текстов, значение цели наслаивается на значение вопроса с оттенком предположения, например:

Посылаеть юньшаго брата царева Димитрия царевича и с матерью его на Углечь лестию, *якобы* власть даруя ему княжити тамо. Пов. кн. Сем. Шаховск. Просила брата обвить шолком ево руки, *якобы* толко посмотреть для куризети, как немсжно такому в силах славному королевичю сию безделицу перервать. Ист. кор. Ар., 103.

Предложения с вопросительным словом *как бы, како бы*, ставшим союзом:

И многия составы сотворяли и умышляли, *како бы* его опоить злым зелиемъ и неповинно смерти предать, чтобъ никому то дѣло было свѣдомо, кромѣ ихъ. Сказ. о ц. Ф. И., 765. И начинаетъ по городу стрѣляти и всяческими домышленьми досягати, *какъ бы* ему градъ той одолѣти. Пов. кн. Ив. Мих.

Ср. в современном русском литературном языке: *Смотри, «как бы»* (= чтобы) *он не простудился*. Однако в предложении *Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела* целевого значения нет.

Для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, использовались предложения с вопросительным местоимением *что* в творительном падеже в сочетании с частицей *бы*; в данном случае вопросительный модальный план относится к орудийному значению, выраженному творительным падежом, например:

Умыслили написать на того боярина и на иныхъ трехъ воровские листы, *чѣмъ бы* ихъ известь и учинить въ Москвѣ смуту для грабежу домовъ. Котош., 101.

В этом придаточном предложении значение цели наслаивается на значение вопроса по отношению к орудию действия.

Для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, использовались вопросительные предложения с вопросительным словом *что*, которое в связи с этим становилось союзом.

Вопросительный модальный план относился к объекту действия. В предложении «мыслишь, *что* творити» вопросительное местоимение *что* — объект действия, выраженного глаголом *мыслишь* и инфинитивом *творити*; при определенных глаголах повествовательного предложения в следующем за последним вопросительном предложении на значение вопроса может наслаиваться значение цели; это значит, что вопросительные предложения, в которых вопросительный модальный план относится к объекту, являвшемуся одновременно объектом действия двух глагольных форм, принадлежащих повествовательному и вопросительному предложениям, могли втягиваться в повествовательный план изложения и получать функцию предложения, которое служит для объяснения цели действия, выраженного другим предложением.

Первоначально вопросительное местоимение *что* употреблялось в качестве союза без формы *бы*, например:

Что плюс инфинитив: Крест к нему целоваша, *что* его не выпустити. Пск. II л., Срезн. Не думалѣ есме на брата своего на Луку, *что* его убити. Новг. I л., 6850 г., Срезн. Не

честь мне будет, не хвала *что* сонного убити: сонный человек аки мертвый. Ер. Лаз.

Что плюс глагол прошедшего времени (форма на *-лъ*): А весь народ был у них подкован на цепях, боясь того, *что* на вылазках вышед, его ***не взяли.*** II ред. Азов. сид., 52.

Однако уже в ранних памятниках древнерусской письменности мы находим местоимение *что* в сочетании с *бы* плюс причастие прошедшего времени на *-лъ,* например:

Дали есмя жалованные грамоты Рускимъ митрополитомъ..., тако молвячи, *что бъ* есте и послѣднии цари по тому жъ пути *пожаловали* поповъ и чернцовъ. Ярл. Менг. Тим., 1267 г., Срезн. А пишу вамъ се слово того дѣля, *что бы не перестала* память родителии нашихъ и наша. Дух. Сим., 1353 г., Срезн.

В этих предложениях форма *чтобы* является союзом, который представляет собой слияние вопросительного местоимения *что* и формы аориста 3-го лица ед. числа *бы* от глагола *быть*; *что* + *бы* → *чтобы.*

Таким образом, для присоединения придаточного предложения цели к главному в древнерусском языке союз *что* употреблялся как в соединении с формами аориста от глагола *быть,* так и самостоятельно, без присоединения к нему форм аориста от глагола *быть.* В последующей истории языка *что* как форма союза цели постепенно отмирала и вытеснялась формой *чтобы.*

Процесс движения в сторону возобладания союза *чтобы* над союзом *что* можно проследить путем сравнения, например, разных редакций «Исторической повести об Азовском сидении» [1].

В первом варианте этой повести мы находим употребление формы *что* в качестве союза цели, например:

И послали войсковые грамоты по той столповой рекѣ в верхъ и по рѣчкамъ казачьих юртов атамановъ и казаков верховым, *что* были есте готовы итти под славны Азов взят. 53.

Во втором варианте на месте союза *что* находим союз *чтобы:*

И по той рекѣ Дону по всѣм городкамъ... и по юртам послали атаманы казаки во(й)сковые грамоты и по заполным рѣчкам к атаманом и х казакомъ въ верхъ по рекѣ по Дону, *чтоб* збирались и готовились итти под славный град Азовъ без мешкоты. 64.

Во II ред. «Поэтической повести об Азовском сидении»

---

[1] Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.), ред. А. Орлов. М., Синод. типограф., 1906.

находим придаточное предложение цели, которое присоединяется к главному с помощью *что*:

А весь наряд был у них подкован на чепях, бояс того, *что* на вылосках вышед ево не взяли. 130.

В V ред. той же повести вместо союза *что* находим союз *чтоб:*

А весь снаряд у них был окаван на чепях, бояс того, *чтоб* мы на вылазках вышед у них не взяли. 173.

В III и в I ред. в этом примере засвидетельствован союз *чтобы:*

А весь наряд был прикован на чепях. боясь того *чтоб* мы на выласках, вышед, у них того снаряду не отбили и в город бы их не взяли. I ред., 97. А снаряд у них был вес на цепях окован к станкамъ, бояс того, *чтобы* мы казаки на выласках у них бусорман не отбили. III ред., 186.

В «Документальной повести об Азовском сидении» 1715 г. этот же пример встречается в следующем виде:

А у пушек де ядры в два пуда и в полтора, а прикованы были все на чепях для того, *чтобы* из Азова казаки на выласках тех пушек не взяли. 85—86.

Для обозначения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, использовались предложения с повелительной формой глагола, т. е. предложения с повелительным модальным планом. Таким образом, в древнерусском языке предложения с повелительной формой глагола могли принимать на себя функцию придаточного предложения цели при другом, главном предложении. При этом форма повелительного наклонения примыкает к предыдущему предложению непосредственно, т. е. без посредства союзов. Это значит, что грамматическая связь следования предложения с повелительной формой в сказуемом за другим предложением переосмысляется так, что первое предложение принимает на себя функцию цели того действия, которое выражено во втором предложении.

Глаголы повелительного наклонения в 3-ем лице имели, как известно, формы, которые образовывались путем сочетаний частиц *ать, да, даже* с формой 3-го лица ед. и мн. числа глагола изъявительного наклонения.

Примеры с частицей *ать:*

То есмь все далъ своей княгине *ать* молить бога, а душу мою поминаеть до своего живота. Дух. в. кн. Сем. Ив., Булахов., Ист. коммент., 252.

Примеры с частицей *да* встречаются в ряде произведений.

В «Повѣсти князя Ивана Михайловича Котырева-Ростовского» [1]:

[1] Русская историческая библиотека, т. 13. СПБ, 1909.

И народы же купно и единомышленно воздвигоша гласы свои, *да* царствуетъ на Москвѣ Борисъ. Сами же предашася въ руцѣ королевские и цѣловаша крестъ сыну его Владиславу, *да* восприиметъ Руский скифетръ и царствуетъ надъ ними.

В драматических произведениях[1]:

Молю тогда, *да* казнь надъ тѣмъ убогимъ человѣкомъ не вершится, зане, яко зримо самому ти есть, не полного обрѣтается разума. 1, 162. Возьмите его, и поведите отъ очей моихъ и сохраните его, *да* никое честное око вящи на него не взираетъ. 1, 116. Се в знамя принесохомъ дѣтинныя главы, *да* дѣтище твоея не терзаетъ славы. 1, 387.

В «Сказании Авраамия Палицына»[2]:

За ними же Поляки не погнашя, но оставишя ихъ, *да* разоряютъ христианство. 1188. Великого убо царя Феодора брата его Димитрия Ивановича не единоматерня отдѣлишя на Углечь, всѣхъ началнѣйшихъ вельможъ совѣтомъ, *да* въ своемъ пространьствии съ материю си пребываетъ. 970.

В «Житии царевича Димитрия»[3]:

И повелѣ на всѣхъ путѣхъ..., стражие крѣпки поставити и страхомъ великимъ и грозою запретити, *да* никто же пропущенъ будетъ и извѣститъ царю о семъ. 902. Братъ его царь Феодоръ Ивановичь далъ ему и съ рождьшею его материю во удѣлъ градъ зовомый Углечь, *да* пребываетъ тамо во своемъ пространствии, и бысть тако. 900.

Употребление повелительных форм с частицей *да* в качестве придаточных предложений цели находим у Ломоносова: «Яви сию щедроту с нами, *да* превзойдет его летами наследник имени и дел».

Ср. у Гоголя: «Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол на славу, *да* поклоняются потомки и *да* имеют место, где возносить умиленные молитвы свои» (из письма В. А. Жуковскому, 10 сент. 1831 г. Н. В. Гоголь, О литературе, 32).

Предложения с повелительным наклонением глагола 2-го лица выступали также в функции придаточных предложений цели, например:

И отдадутъ тому господину назадъ въ слуги: ***не бей*** челомъ и не затевай на господина своего ложно. Котош., 120. А кого не сыщутъ, и за такихъ бѣглыхъ людей емлютъ иныхъ

---

[1] Русские драматические произведения, 1672—1725 гг., собраны Тихоновым Н., СПБ, 1874.

[2] Русская историческая библиотека, т. 13.

[3] Памятники смутного времени. Рус. истор. библиотека, т. 13.

людей, да на нихъ же бываетъ положена пеня великая, для того: *отпущай* на службу добрыхъ людей вѣрныхъ и ничѣмъ бы былъ нескуденъ, и того для и инымъ неповадно будетъ съ службъ бѣгать. Котош., 132.

Частица *да* из 3-го лица глаголов повелительного наклонения, где она служит для образования формы наклонения, может переноситься в предложение с глаголом 2-го лица изъявительного наклонения. Такая конструкция придаточного предложения встречается при глаголах волеизъявления в главном предложении, и потому это придаточное по исходному значению имеет характер объектного предложения, например:

Молю тя прилежно, *да пойдеши* со мною въ домъ мой пользы ради града сего и о неприятельскихъ промыслѣхъ нѣчто тайно межъ собою поговорити. Рус. драм. произв., I, 160. Сия словеса патриярхъ Московский и боляре и весь домъ царский, по совѣту всеа Росийския державы, нами послами приказываютъ и твоего благородия просятъ и молятъ, *да сотвориши* полезная намъ, и дашь сына своего на Московское государство. Пов. кн. Ив. Мих.

Форма повелительного наклонения 2-го лица и в современном языке может выполнять функцию придаточного предложения цели, например: *смотри «не упади»;* но в 3-ем лице глагола мы уже имеем не повелительное наклонение, а прошедшее время изъявительного наклонения, например: *смотри, «чтобы он не упал».*

Таким образом, оборот «дал княгине все, *ать* поминает мою душу», т. е. «пусть поминает — чтобы поминали мою душу», представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным предложением цели, в функции которого выступает форма глагола 3-го лица повелительного наклонения. Это сложноподчиненное предложение представляет собой простое переосмысление грамматической связи следования двух предложений, ставшее возможным потому, что значение повеления, выраженное данным глаголом, оказалось совместимым со значением цели такого действия, которое выражено глаголом другого предложения.

Результатом использования предложений с повелительными формами глагола для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, было образование целевого союза *дабы* из *да* плюс *бы.* Форма *дабы,* закрепившись в функции целевого союза, начинает употребляться не только с формами прошедшего времени, но и с формами настоящего времени, а также с инфинитивом. Форма *да* также, поскольку она отрывалась от формы 3-го лица глаголов, могла вступить в сочетание, например, с инфинитивом, становясь, таким образом, союзом цели, ср.:

Посли ми, боже, помощника вскорѣ, *да* мя *проводитъ* (= чтобы меня проводить) стезями на поле! Рус. др. произв., II, 469.

См. в «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича»:

И повелѣ царя Бориса жену и сына казнить и злой смерти предать, а дщерь его повелѣлъ до себя блюсти, *да насладится* красоты ея. Р. И. Б., 13, 807.

В «Повѣсти како восхитил царс. прест. Б. Годун.» этот же пример имеем с союзом *дабы:*

А дщерь повелѣ в живыхъ оставити, *дабы* ему лѣпоты ея насладитися, еще и бысть. Р. И. Б., 13, 159.

Так возникает союз *дабы;* он образуется из частицы *да* и формы 3-го лица аориста глагола *быть*: *да* + *бы* → *дабы.* Союз *дабы* сочетался не только с инфинитивом, но и с формами на *-лъ.*

Первоначально частица *да* употреблялась с разными формами аориста *быть.* Частица *да* плюс форма 3-го лица ед. числа *бы:*

И въ огнь възърже и въ водѫ, *да* бы погубилъ й. Мр. IX, 22 т. ж., Срезн., I. Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую его же грѣха, *да бы* и Бъ простилъ, занеже много хсьянъ изгублено быс. П. В. Л., 6602 г., Срезн., I.

Частица *да* плюс форма 3-го лица мн. числа *быша:*

И отъ того (добытка моего) всѣмъ подавахъ вѣдущимъ... *да быша* мнѣ указали все добрѣ. Дан. иг. Срезн., I.

Впоследствии произошло слияние частицы *да* и *бы.* Однако употребление формы аориста 3-го лица множ. числа от глагола *быть* имело место вплоть до XVII в. Так, в «Повести князя Семена Ивановича Шаховского» находим:

Посылаеть совѣтникамъ своя руцѣ готовы имуще на беззаконие, и повелѣваетъ имъ славныя домы в царствующем градѣ Москвѣ запалити огнемъ, *да быша* людие о своихъ напастѣхъ имѣли попечение.

В «Повести князя Ивана Михайловича Катирева-Ростовского» тот же пример засвидетельствован с союзом *дабы:*

Той же Борисъ... повелѣ имъ многия славныя домы въ царствующемъ градѣ запалити, *дабы* люди о своихъ напастѣхъ попечение имѣли. 565.

Союз *дабы* был употребителен и у писателей XIX в., например:

Друзей поссорить молодых... иль помириться их заставить, *дабы* позавтракать втроем. Пушк.

В современном русском литературном языке союз *дабы* употребляется главным образом в публицистических стилях.

В древних памятниках можно отметить употребление частицы *да* в сочетании с частицей *же* для присоединения

предложения, объясняющего цель действия, выраженного повествовательным предложением, например:

Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псом на снедение, *да же* граждане оплачют ево согрешение. И сами три дни прилежне стужали об нем, *да же* отпустится ему в день века. Авв., Жит., 83. Булахов., Ист. коммент., 316.

Однако этот союз не закрепился в системе языка.

Для пояснения и затем обозначения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, в древнерусском языке использовались предложения с глагольной формой *бы*+ *-лъ* с значением желания.

В древнерусском языке причастия на *-лъ*, сочетаясь с личными формами аориста глагола *быть* могли выражать значение желательности, например:

Абы Богъ далъ вы *быста уладилася* съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а ·(= *и*, соединит. союз) *быста* вы *сѣдѣла* въ Киевѣ. Ип. л., 46. А *пили бы* есте бережно, не допьяна. А. З. Р., I, 308.

Употребление формы *-лъ* + *бы* для выражения пожелания сохраняется и в современном языке, например: *«сходил бы» ты к брату, «вышла бы» ты погулять* и т. п.

Предложения с формой *-лъ* + *бы* в сказуемом, выражавшие значение пожелания, следуя за другим предложением, могли принимать на себя функцию цели действия, выраженного глаголом этого предложения; на желательное значение наслаивается целевое значение. Тем самым такие предложения становились придаточными по отношению к другому предложению и образовывали вместе с последним одно сложноподчиненное предложение.

Второе предложение могло присоединяться к первому посредством союзов следования *а, аж,* а также посредством союза *что*.

Примеры с союзом *а:*

Не дошедшимъ же имъ города Сохачева, и думахуть о взятьи его, *абы* (вм. *а быша*) (= чтобы) въ землю глубоко не входилѣ. Ип. л., 209.

Примеры с союзом *аж:*

И всемь темь кто на устоко моря ходить *аж бы нальзлъ* (= чтобы нашел) правду, то написати, как то держати руси с латинскимь языкомь и латинскому языку с русию то держати. Гр. 1229 г. Того боггъ не дай, *аж бы* промьжю нами бои былъ. Там же.

Примеры с союзом *что:*

Посылахуть в Новогород из Тръжку, *что быша* Новгородци всели на коня в Торжек. Новг. I л., 80.

Первоначально причастия на *-лъ* в сочетании с разными формами аориста от глагола *быть* образовали сказуемое придаточного предложения, присоединяемого к главному посредством союза *что*.

Форма 3-го лица ед. числа *бы* плюс причастие на *-лъ:*

А псковичи ему много быша челомъ, что *бы ся осталъ,* и он поѣхалъ въ Литву, а псковского челобитья не прият. Пск. I л., 6968 г.

Форма 3-го лица мн. числа *быша* плюс причастие на *-лъ:*

Игорь... погънаше опять къ полкомъ того дѣля, что *быша познали* князя и *возворотилася быша*. Ип. л., 6693 г., Срезн.

Форма 1-го лица мн. числа *быхмо* плюс причастие на *-лъ:*

А намъ у тыи часы вѣсть давати, што *быхмо пособляли.* Закл. польск. кор. Влад. 1388 г., Срезн.

Но уже в древних памятниках русского письма формы аориста *бы, быхмо, быша* и др. утрачивали значение глагола. Это имело следствием утрату согласования форм аориста в лице и числе с подлежащим, например:

Аже *бы лиха хотѣлъ,* то что бы ми годно, то же бы створилъ. Ип. л., 16.

В этом примере аорист *бы* во 2-м, 3-м лице ед. числа, а подлежащее в 1-м лице ед. числа (*я*).

Утрачивались также другие формы аориста от глагола *быть,* кроме формы *бы,* которая превращается в частицу.

При форме *бы,* которая утратила значение глагола и превратилась в частицу, стали употребляться формы настоящего времени *еси, есте* в качестве показателя субъекта, например:

А что еси (ты)... отнялъ... Заволочье... а того *бы еси* (ты)... *ступился.* Новг. I л., 98.

Тот факт, что при форме *бы,* которая по происхождению является аористом 2-го, 3-го лица ед. числа, употребляется форма настоящего времени *еси,* является доказательством того, что эта форма *(бы)* утратила свойства глагола и стала частицей.

В современном русском языке имеются два способа выражения главного члена придаточных предложений цели. Если в главном и придаточном предложениях один и тот же субъект, то в придаточном предложении цели употребляется инфинитив, например: *пошел в театр, чтобы прослушать новую оперу.*

Если в главном и придаточном предложениях разные субъекты, то в придаточном предложении цели употребляется глагол прошедшего времени, например: *просил его, чтобы он купил книгу.*

В древнерусском языке форма *бы* + *-лъ* употреблялась в придаточных предложениях цели в обоих случаях, т. е. и

тогда, когда сложноподчиненное предложение было односубъектным, и тогда, когда оно было разносубъектным. В памятниках XVII в. форма *бы* + *-лъ* в односубъектных сложноподчиненных предложениях употреблялась уже сравнительно редко.

Примеры односубъектного сложноподчиненного предложения с формой *бы* + *-лъ* в качестве сказуемого придаточных предложений:

И всемъ темъ, кто на устоко моря ходить, аж *бы налезлъ* (= чтобы найти) правду, то напсати, како то держати руси. Гр. 1229 г. Говорилъ тотъ великой варваръ и кровопитецъ, чтобъ ты великой Темиръ-Аксакъ, своимъ подданнымъ уставилъ заповѣдь и берегся отъ него вельми, потому что онъ къ тому народился, *чтобъ* онъ кому *подлегъ* в подданство. Баязет и Там., I, 213.

Ср. у писателей XVIII в.:

И больше в том одном рачения имел, *чтоб* силою стекла болезни *одолел*. Ломон., О пользе стекла. Но ждал ли новых я хлопот, *чтоб был обманут*. Гриб. (теперь предпочтительнее «чтобы быть обманутым»). Позволь, *чтоб* перед тобой *открыл* я («позволь перед тобой открыть...») притчею простою, что размышления мне внушили. Крылов. Голоса такого не имею, *чтоб* Феба я достойно *величал* («чтобы Феба достойно величать»). Бусл., Ист. коммент., § 272.

В последующей истории языка эта конструкция вышла из употребления.

Примеры разносубъектных, сложноподчиненных предложений с формой *бы* + *-лъ* в качестве сказуемого придаточных предложений:

Что ты меня во всех словах своих обманываеш, *чтобы* я к тебе *слес,* а ты *бы* меня *съела.* Кур. лис., 198. Поповъ и дьяконовъ, и служебниковъ соборныхъ церквей и иныхъ, кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день, а инымъ ѣсть и пить даютъ въ домы; Да имъ же даютъ денги, *что* они за ихъ государское здоровье *молили* Бога. Котош., 13. И всѣмь подаваша совторицею *чтоб* ни о чемь *не печалились,* и *не скорбѣли* по домѣхъ своихъ и о имѣни своемь *не тужили, чтобъ не было* въ томъ молвы и мятежа. Сказ. о ц. Ф. И., 781.

Конструкции этого типа сохранились и в современном русском языке.

Для обозначения цели действия мог употребляться инфинитив. Инфинитив обозначал цель глагольного действия, присоединяясь к глаголу непосредственно, например:

Оглядашася *видѣти* (= чтобы видеть) сотворшую се. Остр. ев. Мр., V, 12. Раздвиже земля уста свои *прияти* кровь брата твоего (= чтобы принять кровь брата твоего) Ип. л., 499.

То се ты со мною цѣловалъ крестъ *ходити* нама по одиной думѣ обѣма (= чтобы ходить нам обоим по единой думе). Лавр. л., 207 (458). Ср. у Державина: «Зияет время славу *стерть*».

Инфинитив мог сочетаться с глаголом посредством соединительных слов. Слова, соединяющие инфинитив с глаголом, возникли двумя путями: путем преобразования предложений с вопросительным модальным планом в придаточные предложения повествовательного плана и путем привнесения готового союза в данную конструкцию из другой, в которой указанный союз уже ранее сложился и оформился.

В таких предложениях как *мыслилъ чьто творити* объединены одним модальным планом генетически два предложения с первоначально разными модальными планами: повествовательное *есмь мыслилъ* и вопросительное *что творити*. В образовавшемся одномодальном сложноподчиненном предложении из двух разномодальных предложений местоимение с вопросительным модальным планом превращается в союзное слово повествовательного сложноподчиненного предложения, присоединяющее придаточное повествовательное предложение, возникшее из самостоятельного вопросительного предложения, к главному повествовательному предложению.

В древнерусском языке для соединения инфинитива цели с глаголом употреблялись союзы разного происхождения со стороны их первоначальной модальности. За недостатком места мы опускаем вопрос о происхождении этих союзов; отметим только их состав: *оже, еже, а, аже, абы, что, чтобы.*

Союз *оже* плюс инфинитив:

Отверзенѣ бо ему бѣста отъ бога очи сердечнѣи, *оже пещися* (= чтобы печься) церковными вещьми и клирикы. Лавр. л., 173 (391).

Союз *еже* плюс инфинитив:

Азъ того хощю *еже* за Христа *пострадати*. Воскр. л., 154.

Союз *а* плюс инфинитив:

А умолви съ нимъ мужемъ своимъ (= посредством мужа своего), *а* переже весны доспѣвъ *сѣдѣти* (= условились, чтобы сидеть) и *воеватися* со Олговичи, *а вѣсти* отъ тебе ждати правоѣ. Ип. л., 149 (469).

Союз *аже* плюс инфинитив:

Како еси былъ умовилъ съ братомъ своим Рюрикомъ *аже совокупитися* у Чернигова всимъ (= чтобы соединиться у Чернигова). Там же.

Союз *абы* плюс инфинитив:

Пристави къ нимъ Олга... *абы* како *довести* полкъ цѣлъ. Ип. л., 127. Се рекоша... *абы* имъ како *прогнати* его. Там же, 137.

Союз *что* плюс инфинитив:

Крестъ къ нему цѣловаша, *что* его *не выдати* (= целовал крест, чтобы не выдать). Пск. II л., П. С. Р. Л., V, 12. И стал царь Домать кручиноветь: а не на то де онъ приехалъ ко мне въ царство, *что* ему *служить*, но на то онъ приѣхалъ, *что* ему царствомъ *завладети* моимъ (= не для того приехал, чтобы служить, а чтобы овладеть царством). Ск. Ер. Лаз. П. С. Р. Л., I, 92.

В последнем примере дательный падеж местоимения *ему* можно было бы считать за выражение особого агента инфинитивного действия и признать, что данное употребление объектно; но дело в том, что дательный падеж при инфинитиве обозначает того же агента, который предполагается и глаголом. Употребление дательного падежа, пожалуй, обостряет момент безличности в выражении «что (= чтобы) ему служить», «что (= чтобы) ему царством овладеть», но не предопределяет объектное сочетание инфинитива с глаголом; это сочетание остается субъектным.

Употребление союза *что* для связи инфинитива с глаголом засвидетельствовано в фольклорных записях: «Вам спасибо... что пришли... *что спровадить* мою волю бажоную на чужу дальню озноубу сторонушку». Рыб., IV, 110.

Союз *что* в функции союза цели мог сочетаться с причастием на *-лъ* от глагола *быть*:

А и умыслѣ его злодѣйской таковъ былъ: послѣ смерти того вора взято въ его хоромѣхъ листъ утверженной того ростриги Гришки съ воеводою Сандомирскимъ, *что было* ему *отдавати* воеводѣ Сандомирскому, да его дочери и ихъ роду, городы Новгородъ и Псковъ съ пригороды и со всѣми людми и съ уѣзды. Ин. сказ., 75. И крестъ ему тотъ воръ на томъ на всемъ цѣловалъ, *что было* ему то все *здѣлати*, что въ томъ листу писано. Там же, 76.

В древнерусских памятниках более позднего времени инфинитив цели присоединяется к глаголу посредством союза *чтобы*. При этом инфинитив цели и глагол, с которым он сочетается посредством союза, могли иметь общий субъект действия. В таких предложениях производителем глагольного действия и инфинитивного действия является один и тот же предмет, например:

И о вѣрѣ де съ нимъ съ Сандомирскимъ тотъ воръ говорилъ, *чтобы* ему по своему обѣщанию *учинити*... Римская вера и костелы поставити. Ин. сказ., 76. Та смотрилщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываючи еѣ разуму и рѣчи, и высматриваетъ въ лицо и въ очи и въ примѣты, *чтобъ сказать*, приѣхавъ къ жениху, какова она есть. Котош., 150. Верши и посылай въ Царьградъ для вѣстей,

чтобы провѣдать у нихъ, есть ли еще не хотятъ Байцета почитать и до ногъ его припадать. Баязет и Там., I, 209.

Эти конструкции сохранились и в современном языке.

Инфинитив цели и глагол, с которым он сочетается посредством союза, могли иметь разные субъекты. В таких предложениях производителем глагольного действия является один предмет, а производителем инфинитивного действия является другой предмет; такое употребление инфинитива было явлением, отмирающим уже в XVII в. Приведем примеры:

И попу, которому жениха съ невѣстою венчати, даетца отъ патриарха и отъ властей писмо за печатью, *чтобъ* ему венчати жениха съ невѣстою, провѣдавъ подлинно, чтобъ съ невѣстою женихъ были не въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ, ни въ кресномъ братствѣ и не шестаго и не седмаго колѣна въ свойствѣ. Котош., 154. Помолися о мнѣ, *чтобъ* мнѣ съ тобою вкупѣ *умереть*. Сказ. о ц. Ф. И., 769. На место (пропоицу садиш и место ему одуваеш), *чтоб* ему *сесть*, седалища *не изгрязнити*. Ярыж., 73. А иных домои отпускает и рукописание на них взимает, *чтоб* им опять к Москве *прииолсти*, а попу Саве винца *привести*. Поп. Сав., 235. Даждь намъ о семъ совѣтъ, *чтобы* еще *отняти* у Литовскихъ людей туры и своему воинству помощь и отраду *сотворити*. Сказ. Авр. Пал., 1075. И то повелѣваю, *чтобъ ясти* ей то, что съ собою принесла есть. Рус. драм. произ., 180.

Эти конструкции в последующей истории языка вышли из употребления.

Придаточное инфинитивное предложение цели могло относиться к безличным подчиняющим предложениям с инфинитивом в главном члене:

И наставляю, как кому жити требно, *чтоб* всякому з душею *внити* в небо. Кур. лис., 205. Говорилъ тотъ ростригa наодинѣ со княземъ Констянтиномъ Вешневецкимъ, а они были туто же: время де мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, *чтобы* государство свое *утвердити* и вѣра костеломъ Римская *распространити*. Ин. сказ., 77.

Таким образом, в древнерусском языке и форма прошедшего времени глагола и форма инфинитива соответствующего глагола могли употребляться как в односубъектных, так и в разносубъектных сложноподчиненных предложениях с придаточными цели. Это значит, что в одном и том же односубъектном сложноподчиненном предложении придаточное цели могло иметь в сказуемом и глагол прошедшего времени (*голоса такого не имею, чтоб Феба я достойно величал*) и инфинитив (*голоса такого не имею, чтоб Феба достойно величать*). С другой стороны, в одном и том же разносубъектном сложноподчиненном предложении придаточное цели могло иметь в сказуемом также глагол прошедшего времени (*писал*

ему, чтобы он был непоколебим) и инфинитив *(писал ему, чтоб ему быть непоколебиму).*

В последующей истории русского языка в односубъектных предложениях был закреплен инфинитив *(пошел, чтобы купить),* а в разносубъектных предложениях был закреплен глагол прошедшего времени *(он просил, чтобы вы купили книгу).*

4. Сложноподчиненные предложения с придаточными следствия

§ 330. Придаточные следствия присоединились к главному предложению посредством разных союзов.

Придаточные следствия с союзом *ино*:

На утро пришел ино мне бог дал шесть язей да две щуки, *ино* (= так что) во всех людях дивно, потому никто ничего не может добыть. Авв., Жит., 113.

Придаточные следствия с союзом *индо* (употребление *индо* в значении союза следствия отмечено в памятниках XVIII в):

Как хватит себя лбом о притолку, *индо* пригнуло дядю к пахвям потылецев. Фонв., Недор.

Ср. у Пушкина в «Сказке о мертвой царевне»: «Смотрит в поле, *инда* очи разболелись, глядючи с белой зори до ночи».

Придаточные следствия с союзом *яко*:

И пришед во свою избу, плакався пред образом господним, *яко* (= так что) и очи опухли. Авв., Жит., 73. Егда же кого убьют... сечаху во многие бердыши мертвое тело ругательно, и пресекше с костьми в малейшия частицы *яко* (= так что) отнюдь не возможно знать, что человеки то были. Сильв. Медв., Запис. 14, I.

Посредством союза *яко* в древнерусском языке могли присоединяться к главному предложению придаточные следствия, сказуемое которых было выражено инфинитивом:

Бысть въ тъ день мъгла велика, *яко не видити* до конець копья. Ип. л., 73. Гониша ихъ бьюче... *яко же не мочи* ни коневи ступити трупиемъ. Новг. I л., 60.

Придаточные следствия с союзом *иже:*

Наполни до вьрха (скудельницу мертвыми трупами), *иже* (= так что) бысть въ ней числомъ 3000 и 30. Новг. I л., 46.

Придаточные следствия с союзом *еже*:

Цесарь же видев сие еже сын ему истину изъяви, зело возярис *еже* (= так что) и зрение его во очех переменние. Ист. семи мудрецов, 103.

Придаточные следствия с союзом *что*:

И хочетца мне жить, как и добрыя люди живуг, толко меня нагота и босота очень одолела, *что* (= так что) и с ног долой

свалило, и живот мой весь истощился, ходя по чужим сторонам. Азб. гол., 22. Братья любимыя! Испийте вина: силу бо дает, внутрь укрепляет, *что* (= так что) и смерти не убоятися. Юдифь, 149.

Союзы *ино, яко, иже, еже, индо, что* в последующей истории языка вышли из употребления.

Придаточные следствия с союзом *так что* (в современном русском языке это наиболее распространенный союз следствия; он выделился и употреблялся уже в памятниках XVII в.):

Шла та королевна от костела в ризах коштовных со златом приправленных тогда солнечныя луча отражаючись от злата ударилис ей в лице и процвете лице ее, *так что* подобна была видению ангельскому и человеческому. Рим. д., 6. Против 5-го числа (декабрь) в ночи была с моря великая погода, *так что* от работы отбила. Поход. жур., 1707 г., 14.

Ср. в современном русском языке: «Снег был глубокий, его много еще подвалило в конце марта, но он растаял быстро, как по волшебству, *так что* в начале апреля уже шумели скворцы и летали в саду желтые бабочки». Чехов.

При наличии отрицания в главном предложении придаточное следствия может подчиняться с помощью союза *чтобы*: «Я же притом и не танцую, *чтобы* мог вредить каким-нибудь неосторожным движением». Гог.

В ряде случаев придаточные следствия присоединяются к главному посредством образований, возникших из предложных сочетаний с указательным местоимением *тот*, или вопросительным местоимением *что*, например:

Таков ти родителской гнев, — они еѣ заочно бранят и клеплут, *оттого* она при смерти лѣжит. Фр. Скоб., 67. И насыпало того пепла во всем городе больше нижней под человеческая и престрашная была духота, *отчего* слабые люди почали было болеть. Пут. на Мальту Б. П. Шеремет. 1876 г.

Союз *оттого* возник из предложной конструкции «*от* плюс *того* плюс существительное в родительном падеже» в причинной функции, например:

На море морское волнение и великие погоды были и *от того волнения* были больны многое время. Стат. сп. Вас. Лихачева, 587. Егда бывают ветры и те течения горы переносят с места на место, и *от того песка* проезжим людям великий страх бывает. Космограф. 1670 г., 164.

5. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия и уступления

§ 331. Во многих случаях сложные предложения, содержащие условие или уступление, еще продолжали в древнерусском

языке облекаться в грамматическую форму простого следования одного предложения за другим, без добавочных грамматических средств выражения указанных отношений.

Грамматическая связь зачина следования выражалась теми же союзами *и* или *а* без специальных союзов зависимости условного и главного предложения; причем каждое из предложений могло начинаться союзом *и*:

И восхощет нам, великим князем бити челом наша отчина Великий Новгород, *и* они знают, как бити челом. Никон. л., 179. Дали в монастырь по душе его д. Еремеевская Мальсагово, *и* те деревни архимандриту з братьею полюбятся в монастырь, *и* мне князю Данили... на те деревни дать крепость архимандриту. Гр. 1527 г., Влад. сб., 128.

В первом предложении может быть союз *а*, во втором — *и*:

А станется татба войску или разбой или нашед что да к шатру не несет и не отведет, *и* на таковые люди... обыск царев живет накрепко. Никон. л., 107. *А* доведуть на кого татбу... и будет ведомой лихой, *и* боярину того велеть казнити. Судеб. 1497 г., § 8.

В древнерусском языке широко употреблялись сложные предложения с придаточными условия или уступления, которые содержат уже специальные союзы и которые продолжают еще объединяться другими союзами по принципу грамматической связи следования предложений. Выражением зачина первого предложения обычно является союз *а* или *и*, выражением следования второго предложения обычно является союз *и*. В зависимости от соотношения союзов зачина и следования в простых предложениях сложные предложения можно разделить на две группы.

Выражением зачина и следования двух простых предложений, образующих одно сложное, является союз *и*: формула грамматической связи следования: *и* + союз условия или уступления + *и*:

И *аще* у кого отрыгнет скорбь, *и* я также сотворю, *и* бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию. Авв., Жит. *И будет* словеса моя не сбудетца, *и* ты меня вели злою смертью казнить. Про Бову, 3. *И ежели* бъ кто самъ поѣхалъ, а после его осталися сродственники, *и* ихъ бы пытали, не вѣдали ль они мысли сродственника своего. Котош., 53.

Выражением зачина первого предложения является союз *а*, выражением зачина и следования второго предложения является союз *и*; формула грамматической связи следования: *а* + союз условия или уступления + *и*:

А ежели торговой человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ самымъ обычаемъ, *и* на него положатъ на всякой годъ податей болши. Котош, 155. А *естьли* убережете, и вас

милостиво пожалую, *а* сокольников также пожалую. Пис. ц. Ал. Мих., 2. *А если бы* нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, *и* мы колокола отвязали, да в Кашин на вино променяли. Каляз. челоб., 120.

Оформление специальных союзов, объединивших придаточные условные предложения и придаточные уступительные предложения с главным предложением делает ненужными союзы грамматической связи следования, и они постепенно отмирают.

На позиции придаточных предложений условия могли передвигаться предложения, объединенные с предшествующим предложением указательною связью; такую связь с предшествующим предложением имели те предложения, которые содержали в своем составе указательные местоимения *и, я, е*; на основе этих местоимений возникли союзы *иже, яже, еже*. Эти союзы представляют собою слияние указательных местоимений *и* (мужской род), *ја* (женский род) и *је* (средний род) и частицы *же*.

Предложения с союзами *иже, яже, еже* могли выступать в функции придаточных условия.

Придаточные условия с союзом *иже:*

Иже кто хощет спастися, тот сего да хранися: аще сего (сохра)нишися, то и царствия небеснаго не лишишися. Ром. в стих., 58.

В нижеследующем примере сплетаются союз *иже* и союз *аще:*

Иже аще кто кланяется зверю и иконе его и приемлет начертание на челе своем, или на руце своей, и той имать пити от вина ярости божия... и будет мучен огнем и жупелом пред ангелы святыми. Авв., Посл. сиб. бр., 872.

Подобное словоупотребление может свидетельствовать о недостаточной семантической яркости каждого этого союза в отдельности. Как союзы, не свойственные живому языку XVII в., они употреблялись в качестве показателей книжности слога. Соединение *иже аще* в рассматриваемом тексте и представляет собою выражение линии на возвышение слога.

Придаточные условия с союзом *еже:*

Еже кто бремя зачат, то и родит. Сим. Пол.

Если форму *оже* рассматривать в качестве фонетического варианта формы *еже,* то сюда можно было бы отнести придаточные условия с союзом *оже:*

Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривенъ. П. Р., сп. Ак.

В последующей истории русского языка придаточные условия с союзами *иже, еже, оже* вышли из употребления.

В функции придаточных условия могли выступать предложения с союзами *аще, аче, аже.*

Союз *аще* господствовал в памятниках высоких литературных стилей: в проповедях деятелей церкви, в житийной литературе, в летописях. Фонетический облик союза *аще* (с звуком *щ*) указывает на то, что он церковнославянского происхождения. В памятниках высокого стиля этот союз широко употреблялся и в XVII в., например:

Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским, аще зарежут, и ты причти мя с Захариею пророком. Авв., Жит., 76. *Аще* ли правду рекл есть, тогда и мзда ему добра будет, нам же злоключение; аще ли ложную речь извещал... тогда и злосчастие на него да будет. Сим. Пол., Юдифь, 116.

В памятниках делового стиля, а также в фольклоре этот союз встречался редко.

В произведениях XVIII в. союз *аще* мало употреблялся. Сумароков в своей «Эпистоле о русском языке» признает этот союз неупотребительным.

На позицию придаточных условия передвигались предложения, содержавшие в функции сказуемого форму *буду* + *-лъ*. В связи с этим личные формы вспомогательного глагола *буду* стали переосмысляться в условный союз. Последний сначала утрачивал согласуемость в числе с формою прошедшего времени на «*-лъ*», а затем стал употребляться в сочетании не только с формой на «*-лъ*», но и с другими глагольными формами, например:

а) с формою будущего времени:

А будет ему и порутчиком его того покраденного заплатить будет нечем, их исцу иск отдати головою до искупу. Улож. Ал. Мих.

б) с формами настоящего времени:

А будетъ отъ кого боярина и всякого чину человѣка люди воруютъ и бѣгаютъ, и смуты чинятъ, и тѣмъ людемъ указъ въ томъ же Приказѣ, по Уложенію. Котош., 113.

Глагол *будет*, переосмыслившись в союз, получает возможность употребляться в форме единственного числа при множественном числе глагола, например:

А будет я Федор и жена моя Марфа против сей записи на него Степана *станем бить челом* государю царю..., и ему Степану взять на мене Федоре и на жене моей Марфе против сей заряду сто рублев денег. А. Ю., Поступная, 267.

Союз *будет* может употребляться в форме 3-го лица при формах других лиц глаголов, например:

А будет не продадите мне общего рабича, и вам из моего царства живым не выехать. Про Бову, 11.

Союз *будет* использовался для присоединения условных придаточных предложений к главному преимущественно в деловой письменности.

Вариантом союза *будет* являтся союз *буде*. Он еще более широко использовался в памятниках письменности XVII в., например:

И вы, бога ради, порассудите: *буде* грехотворно я учинил, и вы меня простите; а *буде* церковному преданию не противно, ино и так ладно. Авв., Жит., 108. А *буде* ты, госпожа моя лисица, пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить у митрополита, поставлю и я тебя в чин просвирнической. Кур. лис., 197.

Союз *буде* известен народному языку. В. И. Даль в «Толковом словаре» называет этот союз и приводит примеры: *буде любишь, так скажи, а не любишь, откажи.*

Словарь современного русского языка под ред. Д. Н. Ушакова также отмечает этот союз, но квалифицирует его в качестве устарелого канцеляризма: *«буде» позволят обстоятельства.*

На позицию придаточных условия передвигались предложения вопросительного модального плана. Союз *если* происходит из вопросительной формы *есть ли*. Это дает основание рассматривать элемент *ли* в условных союзах как вопросительную частицу, а условное придаточное предложение как вопросительное по своему происхождению.

В сочинениях Вл. Мономаха С. П. Обнорский отметил следующие союзы условных придаточных предложений:

Союз *а ли* в обусловливающем составе, соотносительный элемент состава *а то* в обусловленном составе:

А ли хочеши тою убити, *а то* ти еста. Вл. Мон., 525—526 [1].

Союз *а ли* в обусловливающем составе, соотносительный элемент *да то* в обусловливаемом составе:

А ли ти лихое, *да то* ти сѣдить. Вл. Мон., 522—523.

Некоторые условные союзы содержат вопросительную частицу *ли*. Таков союз *ежели* (из *есть* + *же* + *ли*?), например:

Ежели кто содержит еѣ тайно, чтоб обявили. Фр. Скоб., 65.

Фонетическим вариантом этого союза была форма *ежель*.

Вопросительную частицу *ли* находим в сочетании с союзом *аже: ажели*, ср.:

Аже ли без наказания приобщаетеся ему, то... не сынове есте. Авв., Жит., 90.

Фонетическими вариантами этого союза можно рассматривать формы *ажьли*, ср.:

---

[1] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшей поры, стр. 66—67.

Ажелиб ты не дал (возников и корену) — и мнѣ б того не учинит(ь). Фр. Скоб., 65. Купче, ведома тебѣ буди: отгодаи мне три загатки, *ашели* отгадаешь, — аз тебѣ повелю во своем царьстве торговать всякими товары, *ашели* не отгадаешь, и ты пребуди со м(н)ою в моеи вере. Сказ. о трех царей, 296.

Союз *ежели* широко употребляется в народных говорах.

Придаточные условия с союзом *если* также являются по своему происхождению предложениями вопросительного модального плана. Союз *если* образовался путем слияния глагольной формы *есть* с вопросительной частицей *ли* [1].

В памятниках XVII в. продолжали употребляться формы *есть, есть бы, есть ли* в функции условного союза. Полагаем, что формы *есть, есть бы* без вопросительной частицы имели вопросительную интонацию, которая выражала первоначальное значение вопроса.

Придаточные условия с союзом *есть:*

А есть тебе мила шея твоя, и ты поедь до Тира. Рим. д., 9.

Придаточные условия с союзом *есть бы*:

А есть де *бы* кто к нему подкинул, и он де бы челобитье свое записал. Кал., I, 1680 г. Булахов., Ист. коммент.

Ср. в песнях: «*Есть бы* кто тебе сына жива привел, того чем бы ты пожаловал». Рыбн., Песни., I., 120.

Придаточные условия с союзом *есть ли*:

Есть ли, государь, он, поп Иродион, исправил то духом кротости, ино было не надобно во многие слухи вносит. Авв., Челоб. (вторая) Ал. Мих., 752. А *естли* сведают, и я сведаю, и вам быть кажненным, а *ест ли* убережеть ево так как и добра ему зделаете, и я вас пожалую так, чего зачяла света такой милости не видали. Гр. ц. Ал. Мих. Кирил.-Белозер. мон., 244.

Из формы *есть ли* возникает форма *если,* которая получила распространение уже в памятниках XVII в:

И *если* отдает кто в тот дом сына своего для наук, тот повинен за него платить. Пут. П. Толстого, кн. II, 47.

В современном русском языке *если* является наиболее употребительным союзом условных придаточных предложений.

На позиции придаточных условия передвигались вопросительные предложения вопросительного модального плана с вопросительными наречиями *когда, когда бы, егда, как, как бы, кабы, коли*; в связи с этим вопросительные наречия переосмысливаются в условные союзные слова.

---

[1] См. Ф. Буслаев. Историческая грамматика, § 271; Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис, 287; В. А. Богородицкий. Курс общей грамматики, 234; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий, 247; Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, 67.

Придаточные условия с союзом *когда бы*:

Когда бы вино то в горло свое влил, тогда бы не надобно было сию нужду терпети. Сим. Пол., Юдифь, 185.

Придаточные условия с союзом *егда*:

Егда что сблужу, тогда мне наказание живет: дух томит мя, еле отдохну. Авв., Посл. сиб. брат, 878.

Придаточные предложения с союзом *как, как бы*:

А *какъ* ихъ отпустятъ домовь, и они бъ ... ѣхали назадъ потомужъ тихо и смирно, какъ и туды ѣдутъ сперва. Котош., 51. *А как бы* не спрашивали, я бы и молчал больше. Авв., Послан. отцу Ионе, 896.

Придаточные условия с союзом *кабы*:

Кабы яз проведа государя Бову на тридесятом царстве, на тридесятой земле, — и яз бы и там к нему упала. Про Бову.

Придаточные условия с союзом *коли*:

Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне так любо: ты царствуй многа лета, а я мучюся многа лета, и пойдем вместе в домы своя вечныя. Авв., Чел. (V) Ал. Мих., 294. Да что бог примет, и я снем, а *коли* нет что и так добро. Авв., Посл. к вер., 810.

Ср.: *Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.* Поговорка.

В XVII в. союз *коли* не употреблялся в памятниках высокого слога, например у Симеона Полоцкого, в «Ином сказании» и т. п.

Рассмотренные формы придаточных условия обычно восходят к предложениям косвенного модального плана, главным образом вопросительным. В позиции главных предложений закреплялись предложения повествовательного модального плана. Однако в отдельных случаях мы можем наблюдать факт закрепления в позиции главных — предложений повелительного модального плана; такие формы сложноподчиненных предложений с придаточными условиями мы находим в договорах русских с греками.

Из договора Олега:

Аще кто убьеть или хрестьанина Русинъ, или хрестьянинъ Русина, *да умреть,* идѣже... сотворить убийство. Аще ли убежить сотворивый убийство, да еще есть домовить, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, *да возметь* ближний убьенаго.

Из договора Игоря:

Аше убьеть хрестеянинъ Русина, или Русинъ хрестеянина, *да держимъ* будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, *да убьють* й. Аще ли ускочить створивый убой и убежить, аще будеть имовитъ, *да возмуть* имѣнье его ближьнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ и ускочить же, *да ищють* его,

дондеже обрящется; аще ли обрящется, *да убьенъ будеть»*[1].

Сочетание *да возмуть* во фразе *аще будет имовитъ, да возмуть именье его* представляет собою по исходному положению форму повелительного наклонения. Буквальный состав этой конструкции таков: «Если (убийца) будет богат, пусть возьмут его имущество».

На позиции главных предложений в составе сложноподчиненных с придаточными условия в древнерусском языке выдвигались инфинитивные предложения долженствования, ср.:

Оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ. П. Р., Ак. сп., 70. А оже уведеть чужь холопъ любо робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ. П. Р., Ак. сп., 72. Ажь убьеть мужь мужа, то мьстити брату брата. Син. сп. П. Р., 123.

6. Сложноподчиненные предложения с придаточными объекта

§ 332. Придаточными объекта называем такие предложения, которые обозначают объект действия глагола главного предложения; придаточные объекта употребляются при глаголах говорения, мышления, познания и чувства.

При глаголах мышления и умственного восприятия, а также при глаголах чувства и чувственного восприятия объект первоначально обозначался конструкцией со вторым винительным падежом, т. е. грамматическими средствами простого предложения. Во втором винительном при указанных глаголах употреблялись и причастия. По словам Овсянико-Куликовского, «в старинном языке в большом ходу были обороты такого типа: *сжалиси пославъ* — буквально «пожалел (себѣ — си) пославший», но это значило: «пожалел, что послал»; *мниться имѣя*— буквально «мнит (думает себе, воображает) имеющий», а значило это: «думает (воображает себе), что имеет»[2].

Конструкции со вторым винительным причастий действительного залога в значении объекта при глаголах мышления и умственного восприятия, чувства и чувственного восприятия были представлены в разных древнерусских памятниках. Мы находим их при глаголах:

Видѣти: Заутра же *видѣвше* людье князя *бѣжавша* възвратишася Кыеву. Лавр. л., 168. *Видѣ* Петра *ѣдуща* и поругася ему. Ип. л., 72. *Зрѣти: Узрѣ* Василко Торчина *остря* ножь. Лавр. л., 88. *Слышати: Слышавъ узворотившихъся,* иде

---

[1] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 295.

[2] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2, испр и дополн. СПб., 1912, стр. 95—96.

Изяславъ у Вятичь. Ип. л., 87. Изяславъ же *слыша* Гюргя *пришедша* (= что Гюргий пришел). Там же, 43. *Чюти: Почютиша* Ярополка *идуча*. Там же, 13. *Вѣдати: Увѣда* Всеволодъ Ярополка *умерша*, а Вячьславъ сѣдить въ Киевѣ. Там же, 15. *Мьнѣти:* Печенѣзи же *мнѣша* князя *пришедша*, побѣгоша разно отъ града. Лавр. л., 65. *Сожалѣти:* (Данило)... *сожалиси* отъславъ сына си Льва и воѣ. Ип. л., 190 (т. е. пожалел, что отослал сына).

Второй винительный причастий действительного залога при глаголах чувственного восприятия засвидетельствован и в памятниках XVII в., например:

Видѣвже гостинник юношу *сѣтующа* и *скорбяща* зѣло. Грудц., 25. *Увидела* брата своего подле себя *спяща*. Ист. кор. Ар., 98. Разбойники же, его зѣло *видя плачущаго*. Ист. Вас. Кор., 113—114. И *видитъ* ее необычно *плачущу*, что и ему было небѣзсожаления. Ел., 253. *Видев* же ея кур *плачущуся* умилися, и самому зрящу на ню велми прослезися. Кур. лис., 219. Тамо *зрим* прах земной на высоту *возметающь*. Авв., Пис. Сим., 340.

Ср. у Радищева:

Сие побудило одного из его товарищей ему последовать, дабы подать ему помощь, если он *увидит* его *изнемогающа* в достижении берега. Пут., Чудово.

Очень часто причастия действительного залога с функцией объекта при рассматриваемых глаголах присоединялись к последним посредством относительных слов. Причастие в таком случае имело тот же объект, что и глагол, к которому оно относилось.

Единство подлежащего глагола-сказуемого и причастия обусловливало единство предложения, несмотря на наличие глагола и причастия, соединяемого с ним посредством относительного слова.

Причастия действительного залога могли присоединяться к глаголу посредством вопросительного местоимения, которое одновременно указывало на объект действия, выраженного глаголом и причастием. Вопросительное местоимение стоит в винительном падеже:

О оканьнии! *не вѣсте ся что творяще*, се бо творите невѣдиньемъ. Ип. л., 33.

Здесь глагол *не вѣстеся* — средний, а не действительный *(вѣдати)*. *Не вѣстеся, что творяще* — «не имеете (вы) понимания того, относительно чего являетесь (вы) творящими», посовременному — «не знаете, что делаете», т. е. «не знаете (вы), что творящие (вы)»; тот же глагол *вѣдать* встречается в указанной функции и без частички *-ся*, т. е. как глагол действительный.

«Самъ бо *вѣдѣаше, что хотя* сътворити». Остр. ев., Ион, VI, 6 — «сам знал то, относительно чего ты являешься желающим что-то сделать», по-современному — «сам знал, что хотел (т. е. хочешь вм. *хотя*) сотворить», т. е. «сам знал, что хотящий».

Овсянико-Куликовский приводит пример из Остромирова евангелия: «Не вѣдять бо ся, чьто творяште...» Но уже в Зографском евангении, говорит Овсянико-Куликовский, находим новый оборот (т. е. оборот не архаический, нового типа) — с придаточным предложением «не вѣдятъ бо ся, чьто творятъ...» [1].

Вопросительное местоимение стоит в других косвенных падежах без предлога:

Не вѣста ѥя, *чесо просяща*. Остр. ев. Мрк. X, 38 [не знали (они двое) чего просящие (они двое)]. Още добро творити, вѣжься, *кому творя*, яко послѣди обличите зоболу свою. Изб. 1073 г. [знай (ты) кому делающий (ты)].

Причастия действительного залога могли присоединяться к глаголу посредством вопросительного наречия места:

Не вѣдяху бо *камо бѣжаще*. Ип. л., 156 («не знали куда бежащие»).

Конструкции со вторым винительным причастий действительного залога, а также причастные обороты при глаголах восприятия, мышления и чувства представляли собою элементы старого качества и постепенно отмирали. Элементом нового качества при этих глаголах были придаточные предложения.

На позицию придаточных объекта при глаголах восприятия, мышления и чувства выдвигались предложения с указательными местоимениями, которые принимали на себя функцию союзов. В древних памятниках отмечено такое употребление союза *оже*.

При глаголах м ы ш л е н и я и п о з н а н и я:

И *уввѣдавъ* Изяславъ, *оже* на нь хотять ратью пойти. Ип. л., 84. *Увѣдавъ* же Изяславъ, *оже* послалъ опять Гюрги Суждалю. Там же, 81. Всеволодъ же не хотѣ учинити волѣ ихъ и послѣдѣ *съдумавъ оже* ему безъ нихъ нелзѣ быти. Там же, 17.

При глаголах в о с п р и я т и я:

Изяславъ же *слышавъ, оже* Богъ поялъ брата его. Ип. л., 74. Святославъ же Олговичь *слышавъ, оже* Гюрги съ Вячеславомъ и съ Изяславомъ удалилъся. Там же, 65. Наутрѣи же день Изяславъ *видивъ, оже* Днѣпръ казится. Ип. л., 37. Володимеръ же то *видѣвъ, оже* Киане бѣжать. Там же, 51.

---

[1] Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Синтаксис русского языка, изд. 2, испр. и дополн. СПб., 1912, стр. 96.

В последующей истории языка эти предложения с указательным местоимением в роли союзов не закрепились в качестве придаточных объекта.

На позицию придаточных объекта при глаголах восприятия, мышления, чувства выдвигались предложения с вопросительными наречиями образа действия *яко, како, какъ,* которые принимали на себя функцию союза.

При глаголах мышления:

Мы бо вѣдаемъ милосердие Ярополче, *яко* не радуется кровипролитью. Ип. л., 15. Володимеръ же *мня, яко* къ нему идуть, и ста... передъ городомъ. Там же, 20. Патриарх же... нача *помышляти* в себе, *како* устроити на престоле Русския митрополии патриарха. Пов. чест. ж. ц. и в. кн. Ф. И., 15.

При глаголах восприятия:

Слышав же великий самодержец, *яко* беззаконный царь со всем своим богомерзким войском... оттоидоша... Жит. ц. и в. кн. Ф. И., 14. Борис же то *слышав, яко* ничто ево не вреди, и оскорбеся о том зело. Новый л., 40.

При глаголах чувства:

Злодеи *ужасашася, яко* един с четырмя боряшееся. Новый л., 66.

Вопросительные предложения образа действия могут употребляться в функции придаточных объекта и в современном русском языке; ср.: *Он не знал, как поступить; Он понимал, как плохо поступил его товарищ.*

На позиции придаточных объекта при глаголах мышления, чувства и восприятия выдвигались предложения с вопросительным местоимением *что,* которое принимало на себя функцию союза. Придаточные объекта с союзом *что* представлены в более поздних памятниках, главным образом XVII в.

При глаголах мышления и знания:

Ведает, что быть ему в патриархах. Авв., Жит., 79. И сами *знаете, что* доброе дело. Там же, 98. А я, госпожа моя лисица, *ведаю* и сам то, *что* аз недостоин птицам небесным и зверем земным ясти. Кур. лис., 196. Царь же Борис радение держаше о чюжих землях, а того *не ведяше, что* будет над своим государством. Новый л., 57. Воевода Иван Татев не ведя того, что в ратных людех измены. Новый л., 62. И та сестра ево о том весма *думает, что* брат ее повелел сказать. Фр. Скоб., 372. Атаман *чаяше, что* от паши азовского выкуп дочери и служащим будет. Азов. взят., 86.

При глаголах чувства:

Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла. Поп. Сав., 237. Царь же в недоумении бысть и зело *опечалился, что* силы потерял много, а города Азова взяти не мог. Азов. взят., 105. Борис же поиде из хором вон и *рад бысть*

велми, *что* проклятое желание свое исполнит. Сказ. о ц. Ф. И., 790.

При глаголах восприятия:

Вси *видимъ* по мѣсту, *што* ны богъ явить. Ип. л., 58. И *видеша* жены их, *что* казаки оружие помешаху и между собою прощаются. Азов. взят, 110. И от их уст *слышали, что* всех чудотворцов, верующих в Христа и чюдеся творящих, похулили. Львов. л., 542. Во граде же в Ростове *слышаху* вси, *что* идут к ним Переславцы с литовскими людьми. Новый л., 83.

Вопросительные предложения с вопросительным местоимением *что*, передвинутые на позиции придаточных объекта при глаголах мышления и чувства, умственного и чувственного восприятия, закрепились в этой функции.

Придаточные объекта в современном русском языке присоединяются к главному, содержащему указанные выше глаголы, посредством союза *что*, восходящего к вопросительному местоимению в вопросительных предложениях.

При глаголах говорения в главном предложении придаточное предложение обозначает речь того или другого лица.

Речь лица может быть прямой и косвенной; прямой речи присуща своя особая модальность и интонация; она объединяется с окружающим повествовательным контекстом в порядке грамматической связи следования без помощи союзов. Прямая речь осуществляется или самим говорящим лицом, ср. *Я сказал: «Я приду».* Она может осуществляться и другим лицом; в таком случае прямая речь говорящего лица буквально, в точности осуществляется другим лицом, ср. *Ты сказал: «Я приду».*

Косвенная речь не обладает своей особой модальностью; она имеет повествовательную модальность, как и речь передающего лица; косвенная речь представляет собою придаточное предложение объекта и присоединяется к главному предложению посредством союзов; косвенная речь может произноситься как самим говорящим лицом, так и другим лицом; в обоих случаях речь говорящего лица не осуществляется, а передается, излагается.

Итак, с предложениями, содержащими глаголы говорения, может быть связана или прямая речь, которая не представляет собою придаточного предложения, или косвенная речь, которая представляет собою придаточное предложение при глаголе говорения другого предложения.

Первоначально речь лица преимущественно имела форму прямой речи. Древнерусские памятники пестрят частым чередованием авторской речи и прямой речи в рассказе передающего лица, например:

И наидоша я́ Козарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите намъ дань». Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ (своимъ), и рѣша имъ: «се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «откуду?» ... Они же рѣша: «что суть въдали?» Они же показаша мечь. (И) рѣша старци Козарьстии:: «не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною (остромь), рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ». Лавр. л., 16.

Кроме того, речь лица могла передаваться и в авторской речи передающего лица в форме конструкций со вторым винительным при глаголах говорения, например:

Идущу же ему, *повѣдаша ему отца умерша* а брата старѣйшаго Святополка сѣдша на столѣ отчи. Бор. Гл., Срезн. Тогда бо *глаголахуть тму бывшюю* въ Галичи, яко и звѣзды видити, середѣ дни солнцю померькшю. Ип. л., 135.

В последующей истории языка передача речи лица в форме прямой речи сохранилась только в условиях диалогической речи или при цитировании, а в форме конструкций со вторым винительным полностью вышла из употребления.

Придаточные предложения объекта речи возникали разными путями.

На позицию придаточного предложения объекта речи могла выдвигаться прямая речь с сохранением ее модальности и соотношения лиц с лицами авторского контекста передающего лица; прямая речь вводилась в авторский контекст передающего лица посредством союзов.

Примеры из древнейших памятников:

Приидоша Болгаре..., глаголюще, *яко* «ты князь еси мудръ и смысленъ». Новг. I л., Комис. сп., л. 47 об. Приидоша Нѣмци из Рима, глаголюще, *яко* «приидохомъ послани от папежа». Там же, л. 47 об. Петръ Грабя... пришедъ ко Ярополку... жалѣяся на Болеслава, глаголя: «*яко* озлоби мя велми король и вся имѣния моя пограби». Ип. л., 294. Данилови же рекшу, яко «не добро намъ стояти сдѣ близъ воюющихъ насъ иноплеменьниковъ». Там же, 178.

Такой способ передачи речи лица находим и при эквивалентах глаголов вроде «пришла весть», «послал», «послал с вестью», «целовал крест к ним» и т. п., например:

Вѣсть прииде к нему, *яко* «отец ти умерлъ». Новг. I л., Комис. сп., л. 75 об. И присла въ Новъгородъ, *яко* «не хоцю у васъ княжити». Новг. I л., Син. сп., 67, 5. И цѣлова къ нимъ хрестъ, «*яко* иду уже Суждалю». Ип. л., 66. Выиде князь... из Новагорода на Лукы, и присла въ Новъгородъ, *яко* «не хоцю у васъ княжити». Новг. I л., Комис. сп., 34.

Использование форм прямой речи с сохранением ее модальности и привнесением союзов имело место и в памятниках XVI—XVII вв.

Примеры с союзом *яко*:

В смехотворение глаголаше старцом, *яко* «царь буду на Москве». Новый л., 59. Они же противу ему отвещеваше, *яко* «государю совершение сего дни замок Пскова за щитом возмем». Хрест. по ист. СССР, 348. К нему же приложишася Крымцы и Нагаи и хотяху брань составити с Русью, казанцы же все не хотяху, глаголюще, *яко* «мы немощны есмя ныне». Казан. л., 70.

Примеры с союзом *что*:

Он же им обещевашеся, *что* «отнюдь мысли никакие не ведал над Московским государством, а под Новгород, хотя отец мой придет с литовскими людьми, и я стану битися». Новый л., 110. Татара же сказаша, *что* «мы из града Азова едем для звериного промыслу». Азов. взят., 86. Казаки же не могоша терпети муки, сказали, *что* «были мы на острову, услышали твое пришествие, отогнали пять тысящ лошадей на остров». Там же, 99.

В последующей истории языка такой способ передачи прямой речи не закрепился.

Придаточные объекта речи возникали также по аналогии с придаточными при глаголах мышления, познания и чувства в составе главного предложения. Следовательно, при глаголах говорения в главном предложении придаточные объекта речи во многих случаях распространялись на месте элементов старого качества как готовые конструкции, сложившиеся при других условиях.

Придаточные объекта речи в древнерусском языке могли вводиться в сложное предложение посредством разных союзов.

Придаточные объекта речи, вводимые посредством союза *оже*:

И повѣда (Изяслав) ему (Игорю) колодникъ, *оже* Кобякъ и Концакъ шлѣ къ Переяславлю. Ип. л., 107. И пожалишаси велми Ростиславичи, *оже* ихъ лишаеть Руськой земли. Там же, 108.

Придаточные объекта речи, вводимые посредством союза *яко*:

Инии тако молвяхуть, *яко* съ отравы бѣ ему смерть. Ип. л., 91. И повѣдаша Володимиру, *яко* поверженъ есть на Торговищи. Там же, 34. А въ 23 того мѣсяця пополошишася людье: сългаша бо, *яко* Святопълкъ у города съ пльсковици. Новг. I л., Син. сп., л. 19 об.

Придаточные объекта речи, вводимые посредством союза *како*:

И повѣда ему (Изяслав), *како* ся съ королемъ видилъ вѣ здоровьи, и како Богъ пособилъ има побѣдити Володимира Галичьскаго. Ип. л., 69. А все ти скажуть твои мужи и братъ твой Мьстилавъ, *како* ны Богъ помоглъ Там же, 58.

Союзы *яко, како, оже* постепенно уступали место союзу *что.* В памятниках XVII в. этот союз уже занимал господствующее положение:

Егда же собралися турки и придоша к царю поведаша *ему, что* полоняники нощию уйдоша. Азов. взят., 109. Турки же придоша к царю и про казаков сказаша, *что* Азова здать не хотят. Там же, 93. И сказаша Стародубцам, *что* царь Дмитрей присла их наперед себя. Новый л., 76.

К числу глаголов говорения относятся: *писать, объявить, советовать, приказать, наказать* (в смысле напутствовать).

При глаголе *писать:*

А того же месяца *писал...* Данило Адашев, *что* он посылал в Ругодив сказати. Львов. л., 593. *Писал* еси, *что* яз разтленен разумом. Переп. Курб. с Ив. Гроз., 260.

При глаголе *объявить:*

...И скоро о смерти его царю *объявилъ,* что тотъ его братъ, играя съ младенцами своими, убился самъ. Котош., 2. И как пришла сестра ко Фролу Скобееву и *об(ъ)явила* ему, *что* «приехала мамка от столничьеи дочери Аннушки». Фр. Скоб., 60.

При глаголе *возвестить:*

Митрополит Ростовский *возвести* царю Борису, *что* сий чернец самому сатане сосуд есть. Новый л., 59. И воеводы государю *возвестили, что* путь их близко той бани каменной. Львов. л., 522.

При глаголе *приказать* в смысле «сказать»:

Приказал князь великый Иван к Петру воеводе, *что* его жаловати хочет. Львов. л., 425. *Приказал* князь великый ко князю и к мурзам, *что* их хочет с собою в дружбе дрьжати. Там же, 425.

При глаголе *советовать:*

Еще же и *советовал* с вами о том, *что* Казанские цари и все казанские люди... нам изменяют и христианство расхищают. Львов. л., 534.

При глаголе *наказать:*

И Елисавет королевна отпущаючи Федора с ним *наказала, что* приказала о всем к нам с тобою своим послом. Пам. дипл. сн. Р., 169.

Придаточные объекта речи могли употребляться при эквивалентах глаголов говорения типа «пришла весть», «бѣ весть», «крест целовать», «послать с вестью», «послать с изветом», «правду дать (на том)», «правду учинить», «хвалу издать»,

«бить челом (о том)», «грамоту послать», «грамоту дать», «записи написать» и т. п.

При сочетании *бѣ вѣсть, бысть вѣсть:*

И *бѣ Вячеславу вѣсть, оже* Изяславъ Давыдовичь пришелъ на Днѣпръ. Ип. л., 74. Гюрги оборотя полкы своя пойде прочь, *бѣ* бо ему *вѣсть, оже* идеть въ помочь ему сватъ Володимеръ изъ Галича. Там же, 62. И ту *бысть* ему *вѣсть* отъ брата Ростислава, *оже уже* Ростиславъ идеть. Там же, 35.

При сочетании *приде весть:*

И *приде вѣсть* Мьстиславу, *оже* Глѣбъ бродиться на сю сторону съ Половци. Ип. л., 101. И *прииде вѣсть* къ Володимиру..., *оже* Игоря убили. Там же, 35.

При сочетании *послали с вѣстью*:

И воеводы *послали* царю и великому князю *с вестью, что* царь Крымской идет на его украйну. Львов. л., 561. Посылали в Ругодив *с изветом, что* через опасную грамоту стреляют и раздор делают. Там же, 592.

При сочетании *крест целовать:*

Вы *еста* ко мнѣ *хрестъ цѣловала* на томъ, *оже* вы брата Игоря не искати (что вы не будете искать...). Ип. л., 38. Яз ему *целовал крест на том, что* ми ему и сыну его добра хотети во всем. Львов. л., 422.

При подчиняющих глаголах, имеющих значение волеизъявления, например *приказать, заказать* в значении «просить», уже в памятниках XVI—XVII вв. придаточные объекта речи подчинялись с помощью союза *чтобы:*

Ты *упрямился, чтоб* все пристани а опроче Анлинских людей не торговал никто. Пам. дипл. сн. Р., 124. Да *говорил* посол бояром, *чтоб* бояре известили государю. Там же, 118. Смирной же *просил, чтоб* тово вора ему показали. Новый л., 61. Дети боярские *говорили* ему, *чтоб* князь поехал в Дмитров. Львов. л., 421.

Эти придаточные предложения по основному и первичному значению при указанных глаголах являются объектными, но по своему добавочному и вторичному значению они являются целевыми.

Сложноподчиненные предложения с придаточными прииенными предложениями

§ 333. Придаточными прииенными называем такие предложения, которые раскрывают содержание имени как члена главного предложения.

Субстантивные имена, т. е. имена существительные, субстантивированные имена прилагательные и местоимения допу-

скают раскрытие своего содержания как предметы определения.

Атрибутивные имена допускают раскрытие своего содержания со стороны степени осуществления качества.

Ввиду этого различаем придаточные определительные и придаточные степени качества. Первые раскрывают содержание грамматического предмета как члена главного предложения. Вторые раскрывают содержание грамматического атрибута как члена главного предложения.

1. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными

§ 334. На положении придаточных определительных выдвигались предложения разной модальности, в том числе повествовательной.

Два следующих друг за другом повествовательных предложения могут находиться в таких отношениях, когда последнее предложение относится к субстантивному имени другого предложения и служит для его определения. Такие предложения могли объединяться по общему смыслу. Одно предложение по характеру смысловой связи служит определением субстантивного члена другого предложения, например:

У моря русских людей наехала станица соболиная, *рыбу промышляет*. Авв., Жит., 110.

Структурно оно является однородным элементом по отношению к другим повествовательным предложениям, расположенным в ряду следования или перечисления; такой ряд предложений еще не образует одного сложноподчиненного предложения, например:

Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет. Авв., Жит., 93.

Если в подобную цепь однородного следования повествовательных предложений будет включено предложение с глаголом и управляемыми словами на правах однородного элемента с другими элементами этой повествовательной цепи, оно приобретает определительные функции по отношению к предшествующему имени, однако такое предложение еще не является придаточным, ср.:

Да дворовой человек Ивашко Василев, сидит по указу боярыни Анны Ильиничны у земских, *живет в своем дворовом строении*. Хоз. Мор. Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от

патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чепи кинули в темную полатку, *ушла в землю,* и сидел три дни, ни ел, ни пил. Авв., Жит., 81.

Предложения с определительной функцией, примыкая постпозитивно к субстантивному члену другого предложения, могли не содержать его в собственной структуре. При этом определяемый член, входящий в состав предыдущего предложения, мог находиться в разных смысловых отношениях со своим определяемым предложением.

Определяемый член одного предложения мог быть одновременно и субъектом другого, по функции определительного предложения, например:

В пруде рыба: щуки, лещи, язи, платица, караси и всякая мелкая рыба, *заходит из Оки-реки полою весенею водою.* Хоз. Мор.,[1] 25. Да к тому же селу Реброву мельница на реке на Чолсме наливная, *мелет большим колесом.* Там же. Быстль же у того царя два сына: царевичь Алексѣй Михайловичь... вторый же Димитрии, с младенческихъ лѣтъ, велми былъ жестокъ, *уродился нравомъ прадѣда своего,* первого Московского царя. Котош., 4.

Определяемый член предложения мог быть одновременно объектом следующего однородного предложения, например:

В Тобольске была у меня девица, *Анною звали,* дочь моя духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Авв., Жит., 151. У меня ж был на Москве бешаной, — *Филиппом звали,* — как я из Сибири выехал. Там же, 146.

Предложение с определительной функцией, примыкая постпозитивно к определяемому члену другого предложения, могло заключать его также и в собственной структуре, это подчеркивает однородность следующих друг за другом предложений, ср.:

А сѣно закупаютъ въ городѣхъ и по деревнямъ на царские денги, *а берутъ тѣ денги исъ Приказу Болшие Казны.* Котош., 83. А какъ придутъ къ той церкве, гдѣ погребаются цари, блиско царского двора, *именуетца та церковь Михаила Архангела,* дьяконы и попы останутся у церкви, а власти... идутъ въ церковь. Котош., 20.

Определяемый член предложения, который находился в составе следующего однородного предложения, мог принимать, кроме именительного падежа, форму любого косвенного падежа, например:

---

[1] Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII в., стр. 4 (кандидатская диссертация).

В селе Киструсе церковь во имя Воскресения Христова, *у тое церкви два предела,* предел Покрова Пресвятые Богородицы, другой — Алексея человека Божия. Опис. кн., 15.

В той же переписной книге докладная выписка написана *и под тою выпиской* Великого Государя *указ* за прописью думного дьяка Михаила Волошенинова. Вып. из пер. кн. сыск. дел, 47 [1].

В последующей истории языка постепенно отмирало использование одного из однородных предложений повествовательной цепи в роли определительного предложения к субстантивному члену другого, предшествующего повествовательного предложения.

На позицию придаточных определительных выдвигались предложения с указательными местоимениями *и, ја, је,* которые в сочетании с частицей *же* принимали на себя функцию союза. Союз *иже, еже, яже,* представляющий собой форму именительного и винительного падежа, широко употреблялся в древнерусских памятниках, например в летописях:

Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ, *иже* тогда бѣ, Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, ...Феодосий же игуменъ Печерьскый, Софроний святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ..., (и) преложиша я́ в новую церковь, *юже* сдѣла Изяславъ, *яже* стоить и нынѣ. Лавр. л., 176. В лѣто 6406. Идоша Угри мимо Киевъ горою, *еже* ся зоветь нынѣ Угорьское, (и) пришедъше къ Днѣпру сташа вежами. Там же, 24. Се есть новый Костянтинъ великого Рима, *иже* крестися самъ и люди своя. Там же, 128.

Этот союз, как показатель книжного слога, сохранялся и в более поздних памятниках, в том числе в памятниках XVII в., например:

А за такие ваши послуги, *еже* выше рѣхомъ, достонни есте были многихъ опалъ и казнеи. Переп. Курб. с Ив. Гроз., 83. Како же исчести таковыя бѣдне страдания многая, *яже* въ юности пострадахъ? Там же, 58. Егда заблудная звезда, *еже* есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Авв., Жит., 66.

В современном русском языке этот союз уже не употребляется, но ср. у Ленина со специально стилистическим заданием: «Но демократия вовсе не есть предел, *его же* не прейдешн,

---

[1] Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII в. Кандидатская диссертация, стр. 51.

а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму» [1].

В памятниках засвидетельствованы формы и других косвенных падежей тех же местоимений. Причем, если формы винительного и именительного падежа *иже, яже, еже* утратили свои местоименные свойства и стали чистыми союзами, то формы других косвенных падежей без предлогов и с предлогами еще сохраняли местоименную природу; тем самым предложения с этими формами местоимений сохраняли еще свойство самостоятельных предложений, используемых только в позиции придаточных определительных, например:

Повѣжь ми, кая ти есть вина... *имь же* тако плачешис. Жит. Ниф., Срезн. Смерть страшна есть тѣмъ, *имже* со животомъ всѣ угасаютъ, а не тѣм, которымъ слава умрети не можетъ. Переп. Курб. с Ив. Гроз., 139, 140. Литовских людей гнали до Менска побили и языков взяли 15 человек да знамя белое, *на нем* клеймо, да два барабана. Пис. р. гос., 37. Подле пруда маленка колотивка, *в ней* жериовы на ходу. Хоз. Мор., I, 18.

В русском языке употребление местоимений в роли относительного слова мы находим у Радищева, например:

Они благую в человеке производят тревогу, *без нее же* уснул бы он в бездействии... Предузнанная гибель... отравляет утехи, *ими же* наслаждался бы, если скончая их не предузнал.

В функции придаточных определительных использовались предложения с вопросительным наречием образа действия *яко*; тем самым это наречие приобретало союзное значение, например:

Се же слышавъ папежь Римский, похули тѣхъ, иже ропьщуть на книги Словеньския, река: «да ся исполнить книжное слово, *яко* въсхвалять (его) вси языци». Лавр. л., 27.

Союз *яко* употреблялся для присоединения придаточного определительного предложения к главному и в памятниках XVII в., например:

Не знаеши ли сего лукавого старца, *яко* многих погубляет. О гр. зл.

В современном русском языке этот союз также не употребляется.

На позицию придаточных определительных выдвигались предложения с вопросительными формами *кой, кая, кое,* а также *каковъ, какова,* которые приобретали союзное значение.

Придаточные определения с союзными словами *кой, кая, кое*:

Аще бы по твоему достоинству, и ты бъ недругу нашему не уѣхалъ, а в такомъ дѣле, *въ коемъ* бы нашемъ граде избылъ

---

[1] В. И. Ленин Соч., т. 25, стр. 443

еси, и утекания тебѣ сотворити было невозможно. Переп. Курб. с Ив. Гроз., 83.

Ср. у Радищева:

Я зрел пред собой единого знаменитого по словесам военачальника, *коего* я отличными почтил знаками моего благоволения. Пут.

Ср. у Ломоносова:

И ты в женах благословенна, *через кою* храбрый Алексей нам дал Монарха несравненна.

Как признак архаизации слога относительное слово *кой* в косвенных падежах может употребляться и в современном языке, ср.:

Раздельный акт, *в коем* с точностью определяются, какие угодья его двум дочерям предоставляются. Тург.

Придаточные определения с союзным словом *каковъ, какова.*

И ты б ехал на Белоозеро и приехал взял у воеводы кн. Офонасья Козловского запись, *каковая* к нему от нас послана по Разряду. Акты XVIII в. А велено имъ дѣла дѣлать по наказомъ, *каковы* даются имъ тѣхъ городовъ отъ бояръ. Котош., VIII, 125.

Относительное местоимение *каковой* в местоименной форме может употребляться и в современном языке для сообщения речи колорита канцелярского слога, например:

Берестов отвечал с таким же усердием, *с каковым* цепной медведь кланяется господам по приказанию своего вожатого. Пушк. Ср.: «Со снятием копии, каковая при сем препровождается.» Слов. под ред. Ушак.

На позицию придаточных определительных[1] выдвигались предложения с вопросительным местоимением *что*. Определительные предложения с вопросительным местоимением *что* могли употребляться препозитивно и постпозитивно. Препозитивное употребление:

А *что* на дъщькахъ, а то кнзю оставиша. Новг. I л., Син. сп., 148. А *что* еси изымали мужи ваших, и тѣми ся разменимъ. Там же, 259.

Постпозитивное употребление:

Всего, *что* вашего нелюбия до мене, того лишаюся. Там же, 298. Да в Корожской волости починок, *что* была пустошь Окинфеево, а в нем крестьян два двора. Хоз. Мор., 104.

---

[1] В дальнейшем изложении термин «определительные предложения» используется в широком значении: имеется в виду атрибутивный признак, относимый не только к именам существительным, но и к субстантивированным местоимениям. Применение этого термина не исключает принятую в учебниках классификацию придаточных предложений по функции соотносительного слова (указательного местоимения) в главном предложении.

Препозитивное употребление определительных предложений с вопросительным местоимением *что* сохранялось до XVII в. включительно, например:

И *что* после всех отдаточных крестьян останется сено, и то сено написать в теже книги, порознь же по статьям. Хоз. Мор. I, 100. А *что,* государь, писана от послов отписка о другом деле... и те, государь, отписки, мы слушали и ближным бояром чести велели. Пис. р. гос., 70. А *что* он наперед того дал на себя кабалу при первом своем боярине в бегах, и та кабала не в кабалу. Улож., 164.

В последующей истории языка препозитивное употребление определительных предложений с местоимением *что* постепенно отсеивалось и в современном языке оно неизвестно.

Постпозитивное употребление определительных предложений с вопросительным местоимением *что* в роли союзного слова имело широкое распространение в русском языке вплоть до XVIII в. Памятники XVII в. сохранили многочисленные примеры таких определительных предложений.

Определительные постпозитивные предложения могли повторять определяемое слово из состава главного предложения, например:

И нынѣ, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных *именех, что* есть богу присносущные *имена* истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Авв., Жит., 64.

Определительные предложения этого типа употреблялись редко уже в XVII в.

Придаточные определительные постпозитивные предложения с местоимением *что,* относящимся к определяемому имени из состава главного предложения, были более употребительны. При этом, если сказуемое определительного предложения было выражено причастием страдательного залога, то оно согласовалось в роде и числе с определяемым словом, например:

В то же время нечестивой полской король велику и злую ярость воздвиже на православное христианство: наруша крестное цѣлование и мирное *постановление, что было утверждено* с царем Василием, пришед под Смоленск, и многие грады и села разорил. Пам. ист. см. вр., Гр. кн. Пожарск. к вычег., 93. А того де взял он тридцать рублев сверх тех денег, что к Поздею *отвезены* и на Москве плачены. Хоз. Мор., I, 142.

Однако возможны нарушения согласования сказуемого в роде, например:

А села Замятина и села Кузьмина Усаду велеть крестьяном вести мой *запас, что* у них *готовлено,* как ониваживали преже при Михайле Данилове. Хоз. Мор., I, 105.

Если сказуемое определительного предложения было выражено глаголом, а определяемое слово выражало субъект глагольного действия этого предложения, то его сказуемое согласовалось в числе с определяемым словом, например:

Конюшей *Борисъ Годуновъ, что былъ царемъ,* умыслилъ себѣ достать царство чрезъ убиение царевича Димитрия. Котош., 82. Да как дорога станет, и вам бы крестьяном, *хлеб* мой, *что стоит* на волоку, перевести весь в Павловское. Хоз. Мор., I, 95.

Если сказуемое определительного предложения было выражено глаголом, а определяемое слово выражало объект глагольного действия этого предложения, то его сказуемое может не согласоваться в числе с определяемым словом, так как оно согласуется с наличным или предполагаемым субъектом, например:

Хорош был и Афонасьюшко — миленькой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, *что отступники* на Москве в огне *испекли,* и яко хлеб сладок принесеся святей троице. Авв. Жит., 129.

Постпозитивные определительные предложения с местоимением *что* изредка встречаются и в современном языке. Однако стилистически они носят отпечаток некоторой устарелости или простонародности, например:

Вот подарок тебе, *что* давно посулил. А. В. Кольц. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, *что* при въезде. Пушк.

На позицию придаточных определительных выдвигались предложения с вопросительным местоимением *кто*; по мере закрепления этих предложений в роли придаточных определительных вопросительное местоимение *кто* приобретало союзное значение. Придаточные определительные предложения с вопросительным местоимением *кто* в роли союза в древнерусском языке употреблялись препозитивно и постпозитивно относительно того имени, которое это определение поясняет.

Препозитивные придаточные предложения с местоимением *кто* раскрывают содержание и объем того понятия, которое обозначено указательным местоимением в составе главного предложения, например:

А *кто* за ябедою ганяетца, тот скоро от нея погибаетца. Поп Сав., 236. *Кто* друга съедает, тот сам пропадает. Там же. А *кто* кого убьет без земского приговору, и того самого казнити смертью. Пам. ист. см. вр., Приг. Ляп. опол., 69.

Рассматриваемые определительные предложения могли относиться к личным местоимениям в главном предложении, например:

А *кого* на смотре не объявитца, бываетъ *имъ* жестокое наказание батоги. Котош., VII, 91.

Предложения с вопросительным местоимением *кто* переходили на положение определительных предложений с позиции грамматической связи следования, о чем свидетельствует наличие зачина и следования в рассматриваемых предложениях; союзами зачина и следования были *а...и* или *и...и,* например:

А *кто бъ* что надъ такимъ отсыла́нымъ челрвѣкомъ что учинилъ, какого злого бесчестья и увѣчья, *и тому бъ человѣку* самому указъ былъ противъ того вдвое, потому что онъ обесчеститъ не того, кого къ нему отошлютъ, истинно бутто самого царя. Котош., IV, 44. И *кто* будетъ былъ на разбое и учинил убийство..., *и такихъ злочинцовъ* въ празники и в-ыные дни пытаютъ. Там же, VII, 114.

Определяемый член в следующем предложении может быть выражен субстантивированным местоимением, например:

А кто винен будет, из которого чину нибудь, и казни будет достоин в Государских и в земских дѣлѣх, *того* по винѣ его казнити. Пам. ист. см. вр., Дог. зап., 55. А *кто* кого учнетъ поносити, а себя высити, и про то сыщется, *и тому* отъ царя быти въ великой опалѣ и въ наказании. Котош., I., 6.

Определяемый член в следующем предложении может быть выражен сочетанием местоимения с именем существительным, например:

А *кто* мнѣ учнет о каком лихѣ говорити на них Государей, и мнѣ того человѣка не слушати, и зелья лихого и коренья у того человѣка не имати, и поимав того человѣка сказати про него государю или его ближнем людем; а будет за которыми мѣрами поимать не лучится, и мнѣ про того человѣка тотчас сказати Государю. Пам. ист. см. вр., Гр. ц. Вас. Ив. *А у кого* нѣт, и исъ царскихъ земель дать нѣчего, *и тѣ люди* дожидаются выморочныхъ помѣстей, после кого останетца за роздачею. Котош., 97.

В препозитивном употреблении рассматриваемые предложения могли соединять в себе значения определения и условия, например:

А кто будетъ судья возметъ посулъ и дѣло учнетъ дѣлать по посуломъ, а про то сыщется, и о такихъ судьяхъ о наказании подлинно писано в Уложенной книге. Котош., 117. *А будетъ кто* помещики или вотчиники старые дороги потопят прудами... и тем помещикам и вотчиником... учинить на своей земле... новые дороги. Улож., 23.

В последующей истории союзы зачина и следования в рассматриваемых предложениях вышли из употребления; определительные предложения с вопросительным местоимением *кто* и предложение, содержавшее определяемый член, закрепились

в качестве придаточного и главного в одном сложноподчиненном предложении.

В современном русском языке придаточные предложения с местоимением *кто* употребляются главным образом при наличии субстантивированного указательного местоимения в главном предложении, например *кто много жил, тот много видел; кто уйдет последним, тот должен погасить свет* и т. п.

Ср. у Радищева:

Кто чего не разумеет, *тот* в то да не мешается. Пут. *Кто* нового не видал, *тот* и поношенному рад. Даль.

В главном предложении может отсутствовать субстантивированное указательное местоимение, например: «*Кто* не имеет огня в груди, пусть идет в свой привычный угол». Горьк.

Придаточные препозитивные с местоимением *кто* не соотносительны с именем существительным в главном предложении, иначе говоря, они могут определять только наличный или предполагаемый субстантивированный местоименный член в главном предложении.

Постпозитивные предложения с вопросительным местоимением *кто* в роли союзного слова в древнем русском языке могли относиться к именам существительным и раскрывать их содержание. Имена существительные в главном предложении могли иметь при себе указательные местоимения, например:

А у кого свѣдаю скопы, или злое которое умышление и совѣт, на государя своего царя и Великого князя Василья Ивановича всея Руссии какое лихое умышление, и *с тѣми людми, кто* будет в том скопе и во всяком злом умышлѣньѣ, и мнѣ за него Государя своего стояти и съ измѣнники их битися до смерти. Памят. ист. см. вр., Гр. ц. Вас. Ив. И будегъ сыщутъ, что послана, а *тотъ человѣкъ, съ кѣмъ* послана, не отнесъ, для себя, или... уронитъ въ грязь, ...и тому человѣку, кто такъ учинитъ, бываетъ наказание. Котош., 78.

Имена существительные в главном предложении могли не иметь при себе указательных местоимений, например:

А ѣдутъ Крымские послы *съ приставы, кто* ихъ принимаетъ на рубежѣ, на свой Крымской дворъ. Котош., 19. А въ палачи на Москвѣ и въ городѣхъ ставятся всякого чину *люди, кто* похочетъ. Там же, 114.

В древнерусском языке постпозитивные предложения с вопросительным местоимением *кто* могли относиться к указательным местоимениям главного предложения и раскрывать их содержание, например:

И *того, кто* на нихъ сказывалъ, учнутъ пытати... Котош., 30. А *тому, кто* выменяетъ вотчину на помѣстье, продати и заложити тоѣ вотчины неволно. Там же, 95.

В последующей истории языка постпозитивные предложения с вопросительным местоимением *кто* были утрачены в тех случаях, в каких они относились к именам существительным в главном предложении, и сохранились в тех случаях, в каких они относились к субстантивированным местоимениям, например:

Но мучитель скоро отмстил за Лабиения *тому, кто* исходатайствовал сожжения его сочинений. Рад., Пут. Сию достойную кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорам *всех, до кого* слух о сем деле доходил. Там же.

Ср.:

Я *тот, кого* никто не любит. Лерм., Дем. Смеется *тот, кто* смеется последним.

Постпозитивные предложения с местоимением *кто* могут относиться к предполагаемому местоимению в главном предложении, например: «Блажен, *кто* смолоду был молод». Пушк.

На позицию придаточных определения выдвигались предложения с вопросительным местоимением *который.* Славянское слово *который* находится в родстве с санскритским словом katráh, с литовским katras, имеющими вопросительное значение «который из двух». В славянских языках вопросительное местоимение *который* утратило значение выделения из двух и получило значение выделения из множества, например: *«Которая» книга тебе больше нравится?* (какая из многих); *Не мог припомнить, «в котором» здании находился клуб* (в котором из многих) и т. п. Предложения с вопросительным местоимением *который,* выступая в определительной функции, приобретали значение выделения одного явления из массы других подобных явлений, например:

А *которые* жылые записи в холопье приказе в книгах будут не записаны и по тем записям исцомь отказывать. Улож., 150.

Предложения с вопросительным местоимением *который* могли занимать любое место в следующих друг за другом предложениях. Грамматическая связь следования в таких случаях обычно выражалась союзами зачина и следования *а...и.* В недрах этой связи предложение с вопросительным местоимением *который* приобрело определительную функцию по отношению к субстантивному члену другого, соседнего предложения. Предложения, принявшие на себя атрибутивную функцию, могли употребляться:

1) препозитивно:

А которая шерсть не годитца в сукна, и тое шерсть велеть переделать в войлоки и в подхомутники. Хоз. Мор., II, 172;

2) постпозитивно:

А свой царской указъ бояромъ, и околничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людемъ, велѣлъ сказати при многихъ людехъ:

чтобъ они къ тому дни, *въ которой* день у него будетъ радость въ томъ чину, кому гдѣ указано быть, были готовы без мѣстъ, не по роду и не по чиномъ. Котош., 6.

Препозитивное определительное предложение, относясь к определяемому имени в другом предложении, одновременно содержало это имя и в собственной структуре.

Определительное препозитивное предложение с начальным вопросительным местоимением *который* и последующее предложение с определяемым именем объединяются посредством зачинающих союзов *а...и*, из которых первый (*а*) стоит перед словом *который*, а второй (*и*) — перед указательным местоимением, относящимся к определяемому слову, например:

А которые, господа, денги были в Нижнем в сборѣ великих доходов, *и тѣ* денги розданы дворяном и дѣтем боярским и всяким ратным людем. Пам. ист. см. вр., Гр. кн. Пожарск. к вычег., 96. *А которыхъ* великихъ дѣлъ видати и дѣлати имъ не указано, *и о такихъ* дѣлахъ велено имъ писати къ Москве. Котош., VIII, 125. А *на которыхъ* они людей скажутъ и станы свои укажутъ, *и тѣхъ* людей... поставятъ съ очей на очи. Там же, 115.

Во втором предложении, следующем за определяющим предложением, определяемое имя может отсутствовать; в таком случае указательное местоимение субстантивируется и выступает в роли заместителя имени, например:

А которые, г., окольные люди на майдан золы привезут, *и те*, г., сказывают, что бутто твои государевы крестьяне тем окольным людем на майдан золы возить не велят. Хоз. Мор., II, 8. *А которых* монастырей в лѣствицѣ не написано, *и тѣмь* по суду класть за бесчестье: архимандритом по десяти рублев, игуменом по осми рублев. Улож., 33. *А которые* прижиты до закону, *и тѣмъ* помѣстей и вотчинъ и животовъ никакихъ не дѣлятъ и не даютъ ничего. Котош., 96. *А которые* дворяне и дѣти боярские разных городов посланы с Москвы с послы под Смоленск, и оны засожены в Литвѣ, а у них остались жены и дѣти, *и у тѣх* помѣстей не отнимать, а велѣти владѣти женам и их дѣтям, а у которых жон и дѣтей нѣт, и тѣ помѣстья и вотчины отписать и доходы с них всякие сбирать в Дворец. Пам. ист. см. вр., Приг. Ляп. ополч., 61.

В функции заместителя определяемого имени во втором предложении могут употребляться и личные местоимения, например:

А которые бояре царю свойственные по царицѣ, *и они* въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, что породою не высоки. Котош., 47. *А которые*, г., крестьяня одинокие и

безконные, *и они,* г., не поспевают дров рубить и возить и золы жечь. Хоз. Мор., II, 83.

Препозитивное определительное предложение нередко содержало в себе дополнительный оттенок условного значения; это значит, что препозитивное предложение совмещало в себе значение определения и условия, причем значение условия является вторичным по отношению к значению определения, например:

А которой человѣкъ... скажетъ неправду, утаитъ многое, что ему доведетца дать столко и столко,... а товарыщи его торговые люди или крестьяне, вѣдая его торговлю и промыслы, скажутъ и положатъ на него что доведетца съ него взяти столко числомъ: и по тому ихъ приговору съ него и возмутъ. Котош., IX, 136. *А которого* боярина, или околничего и думного и ближнего человѣка дочь, дѣвица или вдова, понадобитца царицѣ или царевнамъ, для житья взяти къ себѣ въ домъ, и имъ то волно, кромѣ самыхъ болшихъ бояръ дочерей. Там же, 35.

Препозитивное употребление определительных предложений с вопросительным местоимением *который* в роли союзного слова постепенно отсеивалось и в современном русском языке неизвестно.

Иная была судьба предложений с вопросительным местоимением *который* в постпозитивном употреблении. В этом положении некоторые их типы, получив значение придаточных определительных, закрепились в этой роли и функционируют в современном русском языке. Постпозитивные определительные предложения с местоимением *который* различались в зависимости от характера употребления определяемого имени в другом предложении.

Постпозитивное определительное предложение могло заключать в своем составе тот же член предложения, который уточняется этим предложением в составе первого, препозитивного, предложения. Местоимение *который* сочетается с именем в составе постпозитивного определительного предложения, а все предложение продолжает оставаться структурно самостоятельным, например:

А съ тѣмъ родомъ тотъ родъ, *на которой родъ* учнутъ бити челомъ, бывали они на службахъ и въ посылкахъ безъ спору. Котош., 43. И для покупки товаровъ продаютъ исъ тое казны серебряные сосуды всякого чину людемъ, *которые сосуды* присылаются въ дарѣхъ изъ окрестныхъ государствъ. Там же, 72. Да виж, господа, прислали к нам на Рязань цѣловальную запись, *по которой записи* вы меж собою крест цѣловали, и нам бы по той записи також крест цѣловати. Пам. ист. см. вр., Гр. из Ряз. от Пр. Ляп. в Н. Новг., 61.

Постпозитивные предложения этого типа продолжали употребляться и в памятниках более позднего времени, например:

Василея же в том малом суднѣ принесло к нѣкоему малому острову, *на который остров* вышед, нача горко плакати о своем несчастии. Ист. Вас. Кор., 124.

Постпозитивное определительное предложение могло не заключать в своем составе тот же член предложения, который оно уточняет в первом, препозитивном предложении.

Местоимение *который*, не сочетаясь с последующим именем в составе постпозитивного предложения, вступает в связь с тем же самым именем в составе первого, препозитивного, предложения. Тем самым постпозитивное определительное предложение становится придаточным предложением к первому, а это последнее — главным по отношению к первому.

Местоимение *который*, утрачивая вопросительную модальность и сохраняя значение выделения или ограничения, приобретает добавочную, именно относительную, функцию. Примеры такого употребления постпозитивных предложений ограничения находим уже в «Повести временных лет» и в других древнерусских памятниках:

Но се Кий княжаше в родѣ своемь; (и) приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ (есть) отъ царя, *при которомь* приходивъ цари. Лавр. л., 9. Узреша иныи полчищь свинью великую, *которая* бяше вразилася в возникы Новогородьскыѣ Новг. I л., 6776 г. А немци и Чюдь, *котории* были в городке, овии сгорѣша, а инии метахуся с города. Пск I л., 6856 г.

Придаточные определения с союзным словом *который* получили широкое распространение в памятниках XVII в.:

Есть по тѣхъ и иные чины, *которые* служать при царскомъ дворѣ. Котош., 27. И отъ Федора родился Михайло Феодоровичъ, *которой* былъ царемъ. Там же, 4. А под Москвою, господа промышленника и побарателя по Христовѣ вѣрѣ, *которой* стоял за православную крестьянскую вѣру и за дом пречистыя Богородицы против полских и литовских воров, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили. Пам. ист. см. вр., Отп. каз. к перм., 79. И собнраютъ печатные пошлины зъ грамотъ и с-ыныхъ дѣлъ, *которые* посылаются, по челобитью всякихъ чиновъ людей, въ городы и въ дворцовые села и волости. Котош., 89. В то же время родился сын мой Прокопей, *которой* сидит с матерью в земле закопан. Авв., Жит., 75.

Придаточные постпозитивные предложения с местоимением *который* продолжали употребляться и в последующей истории языка, например:

В избе нашел я проезжающего, *который*, сидя за длинным столом, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы

ему поскорее велел дать лошадей. Рад., Пут. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, и по желанию своему, истец, *против которого* ответчик ничего сказать не смеет. Там же.

По мере развития и закрепления придаточных определительных предложений этого типа происходило отмирание постпозитивных определительных предложений, которые связывались с предшествующим предложением посредством союзов зачина и следования *а...и* и которые, относясь к именам из состава предшествующего предложения, содержали его еще и в собственной структуре. Следовательно, отмирали конструкции типа: *А прислали нам запись «и по которой» записи мы крест целовали.* Развивались и побеждали конструкции: *Прислали нам запись, «по которой» мы крест целовали.*

В главных предложениях перед определяемым именем, значение которого подлежит ограничению в придаточном предложении, развивается употребление относительного местоимения, которое получает функцию ограничителя, т. е. коррелята ограничительного предложения. Ограничитель-коррелят в составе главного предложения соотносителен с местоимением *который* в составе придаточного предложения, например:

А укрутя, новобрачную покроютъ покровомъ *тѣмъ же, которымъ* были закрыты, а на томъ покрове вышитъ крестъ, а венецъ дѣвичей бываетъ снятъ и отданъ въ сохранение. Котош., 9. А *тѣх* воров, *которые* стоят в Коломенском и в иных мѣстѣх, бояре и дворяне и всякие служилые люди Государя молят беспрестанно и бьют челом, чтоб государь их пожаловал. Пам. ист. см. вр., Гр. митр. Фил., 121. Всѣ *тѣ* имѣния, *которые* приобрѣли себѣ бояре, воеводы, дворяне, будут оставаться за ними. Пам. ист. см. вр., Дог. новг. со шв. воен., 76.

Придаточные определительные предложения с местоимением *который* могли относиться и к указательным местоимениям в главном предложении, например:

А про городы, к Московскому государству належачие, как *тые, в которых* теперь польские и литовские люди, яко *тые, которые* нынѣ за вором, с нами бояры гетман приговорил, что Великому Государю Жигимонту Королю и сыну его Государю Владиславу Королевичу городы со всѣм, как были до нынѣшния смуты, к Московскому Государству очистить. Пам. ист. см. вр., Дог. зап., 56.

Как видно из примера, указательные местоимения в главном предложении предполагают имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы.

В современном русском языке постпозитивные предложения с местоимением *который* являются наиболее распростра

ненным видом придаточных, относящихся к именам существительным в главном предложении.

Однако возможно отнесение определительного придаточного предложения с местоимением *который* и к указательному местоимению в главном предложении, например: «Я тот, *которому* внимала ты в полуночной тишине». Лерм.

Таким образом, в современном русском языке получили наибольшее распространение придаточные определительные предложения с относительными словами *кто* и *который* в качестве союзных слов. Первые — употребляются препозитивно и постпозитивно и раскрывают содержание субстантивированного местоимения, как члена главного предложения; вторые — употребляются только постпозитивно и раскрывают содержание по преимуществу имен существительных в главном предложении.

Определительные предложения с союзом *что* являются признаком просторечия, а с союзами *каковой, коего* являются признаком архаизирующего или канцелярского слога.

2. *Сложноподчиненные предложения с придаточными степени качества*

§ 335. Придаточные предложения степени качества, присоединяемые к главному с помощью вопросительных форм *какой, каков,* раскрывают содержание атрибутивных форм *такой, таков* в главном предложении посредством сравнения степени его качества со степенью качества, выражаемого придаточным предложением; форма *такой* характеризует степень качества имени прилагательного положительной степени.

А дорога *такова худа, какой* мы от роду не видали. Пис. Ал. Мих., 16.

Придаточные предложения степени качества, присоединяемые к главному с помощью союза *что,* раскрывают содержание местоименного наречия *так* или его эквивалентов посредством сравнения степени его качества с действием, выражаемым придаточным предложением; местоименное наречие *так* характеризует степень качества имени прилагательного положительной степени.

В главном предложении раскрывается содержание слова *так:*

Княжна... Люцаля... почела играть и плясать, и то *так слично* и *так слушно, что* все оставили королевское брашно, дивовались ее красоте. Рим. д., 18.

В главном предложении раскрывается содержание слова *такой:*

И тое казну ценят гости с товарищи, которые сами соболми торгуют, *такою дорогою* ценою, что на деньги и на

товары продажа бывает небольшая. Пам. Нерч. тамож. голове. Ак. ист. V, 471. И во многих палатах Венецких жителей тем градом выбили окончины и в садех всякий плод с дерев сбили и деревья поломало, и *такая* была *великая* туча, *что* невозможно было ничего видеть властно как ночи осенней. Пут. П. Толст., I, 359.

Объединение придаточных предложений степени качества с главным посредством союза *что* сохраняется и в современном языке; например: *Он был такой высокий, что не мог пройти в дверь; Он был так поглощен чтением, что не заметил как наступила ночь; Болезнь была столь запущена, что необходимо было хирургическое вмешательство.*

Союз *что,* в отличие от форм *каков, какой,* при присоединении придаточных предложений степени качества к главному имеет только одну функцию — функцию союза. В предложении *Он так сильно любил свое дело, что продолжал заниматься им не только днем, но и вечером* слово *что* никакой иной функции, кроме союзной, не имеет.

При форме сравнительной степени имени прилагательного и наречия в сказуемом главного предложения указателем степени качества является местоимение *тем,* к которому относится придаточное степени качества, присоединяемое к главному посредством союза *чем,* например: *Чем темнее ночь, тем ярче звезды; Чем дальше в лес, тем больше дров.*

В древнерусском языке придаточные степени качества объединялись с главным предложением посредством ряда союзов.

Союз *неже*:

Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, *нѣже* зла жена поняти. Сл. Д. Зат., Ак, сп., XXXVIII, Заруб.

Союз *ниже*:

Лѣпше бы ми смерть, *ниже* Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, *ниже* продолженъ животъ в нищети. Там же, Ак. сп., XI, Заруб.

Союз *нежели*:

Луче ны есть умрети у Царяграда, *нежели* с срамом отъити. Новг. I л., 6712 г.

Союз *нижели*:

Лѣпше есть камень долоти, *нижели* зла жена учити. Сл. Д. Заточ., Ак. сп., XLII, Заруб.

В современном русском языке из всех этих союзов сохранился только союз *нежели,* который несет в себе колорит книжности и архаичности:

Правда, я благоразумнее, *нежели* кажусь. Пушк.

Вопросы, связанные с изучением истории происхождения и развития других типов придаточных предложений, требуют дальнейшего исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А

Авв. — Протопоп Аввакум.

Авв., Всем гор. — Книга всем нашим горемыкам миленьким.

Авв., Жит. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия. «Academia», 1934. Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. I. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, изд. постоянной историко-археографической комиссией АН СССР, Л., 1927.

Авв., Кн. Бес. — Книга Бесед.

Авв., Кн. Толк. — Книга Толкований.

Авв., О бож. и тв. — Из статьи «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека».

Авв., Отцу — Письмо к «отцу и брату, другу и советнику».

Авв., Пис. М. Фед. — Письма к Маремьяне Федоровне.

Авв., Пис. Мор. — Письма боярыне Ф. П. Морозовой.

Авв., Пис. семье — Письма к семье.

Авв., Пис. Сим. — Письма к Симеону.

Авв., Помор. — Письмо к «отцам» поморским.

Авв., Посл. к вер. — Послание к верным.

Авв., Раб. — Послание к рабам бога вышняго.

Авв., Сл. на без. — Из «Слова на безобразника и отступника неосвященного».

Авв., I чел. Ал. Мих. — Первая челобитная царю Алексею Михайловичу.

Авв., чел. Фед. Ал. — Челобитная царю Федору Алексеевичу.

Авв., IV чел. Ал. Мих. — Четвертая челобитная царю Алексею Михайловичу.

Азб. — гол. — Азбука о голом и небогатом человеке. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937.

Азов. сид. — Повесть об Азовском сидении. Исторические и поэтические повести об Азове. Ред. А. Орлова, Синодальная типография, М., 1906. **См.** также Хрест. Гудзия.

Азов взят. — Историческая повесть об Азовском взятии. Там же.

А. З. Р. — Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, III, 1848.

Ак. Велико-Устюж. мон. — В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжинского Михаило-Архангельского монастыря, ч. I, 1514—1697. В. Устюг, 1912, ч. II, 1585—1746. В. Устюг, 1913.

Ак. до юрид. быта. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. археографической комиссией под ред. члена комиссии Н. Калачева. СПБ, т. I 1857, т. II 1864, т. III, 1884.

Ак. ист. — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. V, СПБ, 1842.

Ак. Моск. Гос. — Акты Московского государств. Изд. АН под ред. Н. А. Попова, т. II, Разрядный приказ. Московский стол, СПБ, 1894.

Ак. сп. — Академический список.

Ал. бож. чел. — Житие Алексея человека божия. Памятник древнерусской письменности. Изд. Перетц.

Ар. Сух. — Арсений Суханов. Проскинитарий. Прения с греками. Изд. Н. И. Ивановским. Православный палестинский сборник, т. VII, вып. 3., СПБ, 1889.

Артик. воин. — Артикул воинский. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, в. 1.

Археогр. 1 сп. — Археографический I список.

Асс. — Ассиманиев Кодекс.

Атила — История о Атыли короли угорском. Издано А. Н. Весселовским. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. II. Славяно-романский отдел. Сборник отделения русского языка и словесности ИАН., т. XLIV, № 3, СПБ, 1888.

Афан. Рус. сказ. — А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. I—IV. М., 1913.

А. Ю. — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, СПБ, 1838.

Б

Баб., Кав. Зол. зв. — С. П. Бабаевский. Кавалер Золотой звезды.

Бажов, Малах. шкат. — П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка.

Барс. Прич. — Е. В. Барсов. Причитания северного края, ч. I—II, М., 1872—1882.

Баязет и Там. — Баязет и Тамерлан. Русские драматические произведения 1672—1725. Собр. Н. Тихонравовым, т. I, СПБ, 1874.

Белоз. ск. Сокол. — Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы, М., 1915.

Библ. кн. XVI в. — Библейские книги. Имп. Публ. библ., ныне Ленинградская публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.

Богд., Душ. — И. Ф. Богданович. Душенька.

Больш. чертеж — Из книги глаголемой Большой чертеж. Новое издание: К. Н. Сербина, Книга большому чертежу, АН СССР, М. — Л., 1950.

Булахов., Ист. коммент. — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, 1950.

Бусл., Хрест. — Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861.

Бусл., Ист. гр. — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, изд. 5, М., 1881.

Бяд. Набл. — З. Бядуля. Набліженне.

В

Варенц. Сб. рус. дух. стих. — В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов, СПБ, 1860.

Вел. зерц. — Великое зерцало притчей и прилогов. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVIII вв., 1952.

Вклад. гр. кн. Сим. Юр. Глуш. — Вкладная грамота Бохтюнского кн Симеона Юрьевича Глушицкому монастырю на речку Варжу, около половины XV в., А. Ю. № 120.

Вопр. Феогн. — Вопросы Сарайского епископа Феогноста, предложенные Константинопольскому собору 1276 г. по кормчей XVI в. Р И. Б., тт. XVII и XIII.

Вопр. филос. — журн. «Вопросы философии».

Воскр. л. — Воскресенская летопись. Изд. П. С. Р. Л., т. VII, 1856.

Вр. Ив. Тим. — Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, пер. и коммент. под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, М. — Л., 1951.

Вят. Зелен. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губ. Записки Русского Географического общества по отделению этнографии, XLII, Птр., 1915.

Г

Герц. Б. и д. — А. И. Герцен. Былое и думы.

Герц., Кто вин. — А. И. Герцен. Кто виноват?

Гвидон — История о княжати Кгвидоне. Сборник отделения русского языка и словесности. Изд. АН, т. XLIV, № 3, СПБ, 1888.

Гладк., Цем. — Ф. Гладков. Цемент.

Гоголь, Женит. — Н. В. Гоголь. Женитьба.

Гоголь, Мерт. д. — Н. В. Гоголь. Мертвые души.

Гоголь, О литерат. — Н. В. Гоголь. О литературе. Избранные письма, ГИХЛ, М., 1952.

Гоголь, Ревиз. — Н. В. Гоголь. Ревизор.

Гонч., Слуги ст. вр. — И. А. Гончаров. Слуги старого времени.

Гонч., Зл. Пр. — А. Гончар. Злата Прага.

Горб., Смотр. и згов. — Н. Ф. Горбунов. Смотрины и сговор.

Горьк., В людях — М. Горький. В людях.

Горьк., Дело Артам. — М. Горький. Дело Артамоновых

Горьк., Детство — М. Горький. Детство.

Горьк., Мещ. — М. Горький. Мещане.

Горьк., Мои универ. — М. Горький. Мои университеты.

Горьк., Жизнь Кл. Самг. — М. Горький. Жизнь Клима Самгина.

Гр. — Грамота.

Гр. 1130 г. — Грамота вел. кн. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г., Срезн.

Гр. 1438 г. — Жалованная грамота Свидригайла. Западно-русский памятник 1438 г.

Гр. Бог. XIII — См. Миклошич, Ср. мор. сл. яз.

Гр. Вел. Нов. и Пск. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С. Н. Валка, АН СССР, М. — Л., 1949.

Гр. в. кн. Вас. Дмитр. в. кн. ряз. Фед. Ольгов. — Грамоты в. кн. Василия Дмитриевича в. кн. Федору Ольговичу. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., АН СССР, М. — Л., 1950.

Гр. Владисл. 1387 г. — Грамота Владислава, короля Польского, кн. Скиригайлу о землях, входящих в его волость, Срезн.

Гр. Дм. Ольгерд. — Грамота Киевского князя Дмитрия Ольгердовича о верности польскому королю Владиславу 1388 г., Срезн.

Гр. Звениг. кн. Андр. Вас. — Грамота Звенигородского кн. Андрея Васильевича Дионисию, иг. Сторожевского мон., о пошлинах с монастырских сел. Ак. Ист., т. I, № 100.

Грибачев, Сов. Арм. — Н. М. Грибачев. Советской Армии.

Гриб. — А. С. Грибоедов.

Гриб., Гор. от ума. — А. С. Грибоедов. Горе от ума

Гр. Наз. — Творения Григория Назианзина., Срезн.

Гр. кн. Всев. Юр. мон. 1136 — Две грамоты Новгородского князя Всеволода Юрьеву мон. до 1136 г., Срезн.

Гр. митр. Кипр. Псков. — Грамота митрополита Киприяна во Псков, 1395 г., Р. И. Б., т. VI, № 27, 28.

Грос., Нар. бес. — В. Гроссман. Народ бессмертен.

Гр. Риж. — Грамота Рижан к Витебскому кн. Михаилу Константиновичу об обидах, около 1300 г., Срезн.

Грудц. — Повесть зело пречюдна и удивлению достойна, иже бысть грех ради наших гонение Российского государства на христианы от безбожного еретика Гришки Отрепьева розстриги, иже содеяся во граде Казани некоего купца Фомы Грудцына, о сыне ево Савве. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПБ, 1905.

Гр. ц. Ал. Мих. Кирил.-Белозер. мон. — Собрание писем ц. Алексея Михайловича с приложением уложения скольничья пути. Изд. П. Бардженева. М., 1856.

Д

Даль, Посл. — В. Даль. Пословицы русского народа. СПб., 1862.

Дан. — Книга пророка Даниила., Срезн.

Дан. иг. — Странник Даниила игумена., Срезн.

Дв. гр. — Двинские грамоты XV в. Изд. А. А. Шахматовым, СПБ, 1903.

Дело Ник. — Дело о патриархе Никоне. Изд. Археографической комиссии, СПБ, 1897.

Держ. — Н. Г. Державин.

Дмитр., Взгл. на м. ж. — И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

Дог. гр. Вас. Дм. — Договорная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича с дядею Владимиром Андреевичем. Сб. гр., т. I, № 35, см. Срезн.

Дог. гр. в. кн. Вас. Дм. с Андр. Дм. — Договорная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича с кн. Андреем Дмитриевичем и кн. Петром Дмитриевичем 1405 г., Сб. гр., т. I, № 37.

Дог. гр. в. к. Вас. Дм. с Фед. Ольг. Ряз. — Договорная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича и других князей с вел. кн. Рязанским Федором Ольговичем 1402 г. Сб. гр., т. I, № 36.

Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г. — Договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. Тверским Михаилом Ярославичем 1375 г. Сб. гр., т. I, № 28.

Дог. гр. Дм. Ив. — Договорные грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича. Сб. гр., т. I, № 28, 29, 31, 33.

Дог. гр. Дм. с вел. кн. Тв. Мих. Алек. — Договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. Тверским Михаилом Алексеевичем 1368 г. Сб. гр., т. I, № 28.

Дог. гр. Новг. с кн. Вас. Вас. — Договорная грамота Новгорода с вел. кн. Василием Васильевичем и Иваном Васильевичем 1456 г., Срезн.

Дог. гр. Новг. с в. кн. Мих. Яр. — Договорная грамота Новгорода с вел. кн. Михаилом Ярославичем. Сб. гр., т. I, № 12, 13.

Дог. гр. Новг. с Твер. кн. Бор. Ал. — Договорная грамота Новгорода с пел кн. Тверским Борисом Александровичем; писана между 1426 и 1461 гг. Сб. гр., т. I, № 18.

Дог. гр. Новг. с Твер. в. кн. Мих. Александр. — Договорная грамота Новгорода с Тверским в. к. Михаилом Александровичем. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М. — Л., 1949.

Дог. гр. Пскова с Ливон. орд. — Договорная грамота Пскова с Ливонским орденом о десятилетнем мире. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М. — Л., 1949.

Дог. гр. с вел. кн. Яр. Яр. — Договорные грамоты Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем. Сб. гр., т. I, № 1, 3.

Дог. гр. в. кн. Мих. Яр. с Новг. — Договорные грамоты кн. Тверского Михаила Ярославича и Новгорода 1301—1302 г., Срезн.

Дог. гр. Юр. с Мих. Яр. и Новг. — Договорная грамота вел. кн. Юрия с вел. кн. Михаилом Ярославичем Тверским и с Новгородом. Сб. гр., т. I, № 14.

Доконч. в. кн. Ряз. Ив. Фед. с в. кн. Литов. Витовтом — Докончание в. кн. Рязанского Ивана Федоровича с великим князем литовским Витовтом. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М. — Л., 1950, № 25.

Докონч. кн. Прон. Ив. Влад. с в. кн. лит. Витовтом — Докончание вел. кн. Пронского Ивана Владимировича с вел. кн. Литовским Витовтом. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М. — Л., 1950, № 25.

Дом. Яковл. — Домострой, изд. В. А. Яковлев, изд. II, Одесса, 1887.

Дом. — Домострой, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПБ, 1867.

Дост. Прест. и наказ. — Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание.

Др.-рус. — древнерусский.

Др.-рус. ст. — «Древние русские стихотворения», А. Ф. Якубович; см. также «Древние российские стихотворения», под ред. К. Ф. Калайдовича, 1818.

Дух. Алекс. Белеут. — Духовная грамота Александра Белеутова 1472 г., сп. XVI в., изд. А. Ю., № 10, Срезн.

Дух. кн. Сем. Ив. — Духовная в. кн. Семена Ивановича 1353 г. Изд. «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, № 24, Срезн.

Дух. гр. 1-я в. кн. Вас. Дмит. — Первая духовная грамота в. кн. Василия Дмитриевича 1406 г. Изд. «Собр. госуд. грам.», т. I, № 39.

Дух гр. Ив. Вас. IV — Духовная грамота Ивана Васильевича. Изд. в «Собрании государственных грамот и договоров».

Дух. завещ. митр. Фотия — Духовное завещание митрополита Фотия. Полное собрание русских летописей, т. VI, СПБ, 1853.

Дух. и дог. грам. кн. вел. и удел. — Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Ред. С. В. Бахрушин, М., 1909.

Дух. Новг. и Дв. — Духовные Новгородцев и Двинян, Срезн.

Дух. Новг. — Духовная Новгородца Остафия около 1396 г., Срезн.

Е

Ев. 1317 — Книга Евангельских чтений 1317 г. Имп. Академии Наук.

Еван. — Евангелие.

Ев. Мф. — Евангелие от Матфея.

Е. К. — Евангелие Калиста. Западнорусский памятник.

Ел. — История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв, СПБ, 1905.

Ер. Лаз. — Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Лазаревиче. Летопись русской литературы и древности. Изд. Н. Тихонравовым, т. II, М., 1859.

Ерш. — Повесть о Ерше Ершовиче. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М. — Л., 1937.

Ефр. Корм. — Кормчая книга Ефремовская, написанная около 1100 г., Срезн.

Ж

Жал. гр. в. кн. Дм. Ив. 1374 — Жалованная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича Евсевку Новогоржцу, до 1374 г., Срезн.

Жал. гр. Ив. Вас. Судим. — Жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Костромскому наместнику боярину Судимонту, писанная около 1499 г. Ак. Ист., т. I, № 110.

Жал. гр. Ив. Дан. ок. 1329 — Жалованная грамота вел. кн. Ивана Даниловича Печерским охотникам и сокольникам 1329 г., Срезн.

Жал. гр. кн. Твер. 1365 — Жалованная грамота князей из рода Михаила Ярославича Тверского Тверскому Отрочу мон. до 1365 г., Срезн.

Жал. гр. Под. кн. — Жалованная грамота Подольского кн. Александра Кориатовича Смотрицкому мон., Срезн.

Жит. Андр. Юрод. — Житие Андрея Юродивого по нескольким спискам XV и XVI вв., Срезн.

Жит. Конст. Фил. — Житие Константина Философа по рукописи Моск. Дух. Акад. XV в. № 19, Срезн.

Жит. Ниф. — Житие Нифонта, Срезн.

Жит Порф., Мин. чет., февр. — Житие преп. Порфирия еп. Газкийского, из февральской книги Минеи четии по сп. XV в. Моск. Дух. Акад., Срезн.

Жит. Ст. Пермск. — Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археогр. Комис., СПБ, 1897.

Жит. Феод. — Житие Феодора, Срезн.

Жит. Феод. Студ. — Житие преп. Федора, игумена Студийского, Срезн.

Жит. ц. и в. кн. Ф. Ив. — Повесть о честном житии царя и вел. кн. Федора Ивановича. Полное собрание русских летописей, т. XIV, СПБ, 1811.

Жуков. — В. А. Жуковский.

З

Задон. — Задонщина. С. К. Шамбинаго. Сказание о мамаевом побоище. М., 1908.

Закл. польск. кор. Влад. 1388, Срезн. — Закладная грамота Польского короля Владислава Ягелла Молдавскому воеводе Петру. А. З. Р., т. I, № 8, Срезн.

Зап. В. А. Нащок. — В. А. Нащокин. Отрывки из «Записок». С. П. Обнорский и С. Г Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. 2. Учпедгиз, 1948.

Злат. цепь, XIV в. Бусл. Хр. — Книги глаголемыи «Златая чепь», Срезн.

Златостр. — Златоструй, Срезн.

Зогр. Ио. — Зографское Евангелие, от Иоана.

И

Иак. Бор. и Гл. — «Сказание страстотерпьцю Бориса и Глеба» черноризца Иакова по сильвестровскому списку XIV в., Срезн.

Иак. Посл. Дм. д. — см. Срезн.

Ив. Гроз. Посл. в Кир.-Белоз. мон. — Изд. Послания Ивана Грозного, АН СССР, М. — Л., 1951.

Ив. Гроз. Посл. польск. кор. Ст. Баторию. — Изд. Послания Ивана Грозного, АН СССР, М. — Л., 1951.

Ив. Гроз., 1 посл. Курб. — Послание царя Ивана Васильевича к князю Андрею Курбскому.

Иез. — Толкование на книгу прор. Иезикииля, по сп. XIV в., скопированному с рукописи Упыря Лихого 1047 г., Срезн.

Изб. 1073 г. — Изборник 1073 г.

Из зап. Потеб. — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены. Изд. 2, Харьков, 1888. Его же. III. Об изменении значения и заменах существительного. Харьков, 1899. Его же. IV. Глагол, местоимение, числительное, предлог. М. — Л., 1941.

Иллар. Зак. благ. — Илларион, Митрополит Киевский. О Законе и благодати. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, СПБ, 1894—1896.

Иллар. Молитв. от земли Рус. — Илларион, Митрополит Киевский. Молитва к богу от всей земли Русской. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, СПБ, 1894—1896.

Ин. сказ. — Так называемое Иное сказание. Извлечено из XIII т. «Русской Исторической библиотеки», СПБ, 1907.

Иоряс — журнал «Известия отделения русского языка и словесности». См. Указатель авторов и их статей, напечатанных в Иоряс с 1896 г. по 1927 г., тт. I — XXXII, Л., 1928.

Ио. — Евангелие от Иоанна.

Ио. Злат. — Поучение Иоанна Златоустаго, Срезн.

Ион. — Книга пророка Ионы. Срезн.

Ип. л. — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т. II, 1843.

Ип. л., т. II, в. I. — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т. II, в. I, изд. 3, 1923.

Ипол. Антихр. — «Иполита епископа сказания о Христосе и о антихристе», по рукописи Чудова монастыря XII в., Срезн.

Исаковск. — М. Исаковский.

Ист. Ал. рос. — История о Александре российском дворянине. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ, 1905.

Ист. Вас. Кор. — История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ, 1905.

Ист. Каз. цар., сп. Солов. — История о Казанском царстве. Полное собрание русских летописей., т. XIX, СПБ, 1903.

Ист. кор. Ар. — История королевича Архилабона. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII в., СПБ, 1905.

Ист. семи мудрецов — Изд. ОЛДП, вып. I, СПБ, 1878.

Ист. Яроп. — История о Ярополе цесаре. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ. 1905.

К

Каз. — Э. Казакевич. Весна на Одере.

Каз., Зв. — Э. Казакевич. Звезда.

Казан. л. — Казанский летописец. П. С. Р. Л., т. XIX, 1903.

Кал. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографической комиссией под ред. Калачова, СПБ, т. I, 1857; т. II, 1864; т. III, 1884.

Каляз. челоб. — Калязинская челобитная. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М. — Л., 1937.

Кант. — А. Д. Кантемир. Цит. по «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, ч. II, вып. II.

Кап., Яб. — В. В. Капнист. Ябеда.

Карамз. Нат. бояр. дочь — Н. М. Карамзин. Наталья, боярская дочь.

Карамз. Пис. рус. пут. — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника.

Кат., За вл. сов. — В. Катаев. За власть советов.

Кат.-Рост. — Летописная книга, приписываемая кн. И. М. Катыреву-Ростовскому. Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. Р. И. Б., т. XIII, изд. 3. Л., 1925.

К. Дан. Никит. Р. — «Сборник Кирши Данилова». Никите Романовичу дано село Преображенское. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. II, 1948.

Клоц. — Клоцов Кодекс. Сборник поучений, похвальных слов. Составлен на древнецерковнославянском языке.

Кн. Курб. — Князь Андрей Курбский.

Княжн. — Я. Б. Княжнин.

Козл., В Крым. подп. — Козлов. В крымском подполье.

Комис. сп. — Комиссионный список.

Комис. сп. I Новг. л. — Комиссионный список I Новгородской летописи, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, АН СССР, М — Л., 1950.

Конст. Болг. Поуч. — Сборник воскресных поучений, извлеченных Константином, пресв. Болгарским, из творений Иоанна Златоустаго, Срезн.

Корм. Моск. Дух. Ак. — Кормчая книга библиотеки Московской Духовной Академии, № 54, Срезн.

Корол. — В. Г. Короленко.

Космограф. 1670 г. — Космография 1670 г. Изд. Общества любителей древней письменности. СПБ, 1878—1881.

Котош. — Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. IV, СПБ. 1906.

Крап. — К. Крапива (белорусский писатель).

Кратк. курс. — Краткий курс истории ВКП(б).

Крестоцеловал. запись кн. Воротынского кор. польск. и в. кн. литов. Казимиру — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М. — Л., 1950.

Кр. ред. — Краткая редакция.

Крыл. — И. А. Крылов.

Крыл., Огор. и Филос. — И. А. Крылов. Огородник и Философ.

Крыл., Под. и Паук — И. А. Крылов. Подагра и Паук.

Крыл., Почта духов. — И. А. Крылов. Почта духов.

Крыл., Форт. и Нищ. — И. А. Крылов. Фортуна и Нищий.

К. Ст. — Дневник Новогрудского подсудка Федора Евлашевского. Изд. Киевская старина, 1886, Январь.

Купч. Кирил. мон. — Купчая иг. Кириллова мон. Касснона 1448—1468 гг. А. Ю., № 73; купчая Кириллова мон. 1544 г. А. Ю., № 81; купчая Кириллова мон. 1568 г. А. Ю., № 85.

Кур. лис. — Повесть о куре и лисице. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М. — Л., 1937.

Куранты 1665 — «Переводы с печатных листов от курантов», 1665 г. «Чтения Общ. истор. и древн. Росс.», 1880, «Летоп. занятий Археогр. Комисс.», вып. IV

Курб. Ист. в. кн. Москов. — А. Курбский. История о вел. кн. Московском. Переписка кн. А. М. Курбского с царем Иоанном Васильевичем Грозным. Русская классная библиотека. Изд. под редакцией Чудинова, СПБ, 1902, вып. XXVIII.

Кюрик по сп. XII в. — Въпрашание Кюрикова (Кюрьякова), еже въпраша Епископа Новгородского Анфонта и инъх. Калайдович. Памятник российской словесности XII в., М., 1821. См. Р. И. Б., т. VI.

Л

Лавр. л. — Повесть временных лет по Лаврентиевскому списку. Изд. Императ. Археогр. Комиссии, СПБ, 1910.

Лавр. л., в. I. — П. С. Р. Л., т. I, Лаврентьевская летопись, вып. I. Повесть временных лет, изд. 2, Л., 1926.

Лекс. рос. — В. Н. Татищев. Лексикон российской гисторической, географической, политической и гражданской. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. II, Учпедгиз, 1948.

Леон., Соть — Л. Леонов. Соть.

Лерм., Кав. пл. — М. Ю. Лермонтов. Кавказский пленник.

Лерм., Дем. — М. Ю. Лермонтов. Демон.

Лерм., Герой н. в. — М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.

Лерм., Кн. Мери — М. Ю. Лермонтов. Княжна Мери.

Леск., Соб. — Н. С. Лесков. Соборяне.

Лет. Археогр. — список Археографического общества Изд. П. С. Р. Л.,
Лет. Крас. — список графа Красинскаго
Лет. Супр. — Супрасльский список
Лет. Увар. — Уваровский список

} т. XVII, Западно-русские летописи, СПБ, 1907.

Лет. Нест. — Летопись Нестора (текст летописи по Лаврентьевскому списку), 3 изд. И. Глазунова, СПБ, 1912.

Лечеб. — Лечебник, как лечить иноземцев. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М. — Л., 1937.

Лет. Переасл. Суздал. — Летописец Переяславля Суздальского. Изд. М. Оболенского, М., 1851.

Лк. — Евангелие от Луки.

Л. М. — Литовская Метрика. Собрание западнорусских актов.

Ломон. — М. В. Ломоносов.

Ломон., Благ. имп., 1750 — М. В. Ломоносов. Ода, в которой ея Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость в Сарском селе августа 27 дня 1750 г.

Ломон., Анакр. — М. В Ломоносов. Разговор с Анакреоном.

Ломон., На вз. Хотина. — М. В. Ломоносов. Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина, 1739 г.

Ломон., На день восш. Ек. — М. В. Ломоносов. Торжественная ея Императорскому Величеству Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне на преславное ее восшествие на всероссийский императорский престол июня 28 дня 1762 г.

Ломон., На день рожд. Анны — М. В. Ломоносов. Ея Императорскому Величеству Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне Самодержице Всероссийской на пресветлый и торжественный праздник рождения ея Величества и для всенародного рождения Государыни Великой княжны Анны Петровны декабря 18 дня 1757 г.

Ломон., На рожд. Павла — М. В. Ломоносов. Ода (на рождение его императорского величества государя великого князя Павла Петровича. Сентября 20, 1754 года).

Ломон., На приб. Ел. — М. В. Ломоносов. Ода на прибытие ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации.

Ломон., Ода Ек. 1764 г. — М В. Ломоносов. Ода на новый 1764 год ея Величеству Государыне Императрице Екатерине второй.

Ломон., О пользе книг црк. в Рос. яз. — М. В. Ломоносов. О пользе книг церковных в Российском языке.

Ломон., Петр. В. — М. В. Ломоносов. Петр Великий. Героическая поэма.

Ломон., Прелож. пс. 103.— М. В. Ломоносов. Преложение псалма 103.

Ломон., Рос. грам. — М. В. Ломоносов. Российская грамматика. Соч., т III, СПБ, 1896; Соч., т VII, АН СССР, 1952.

Ломон., Там. и Сел. — М. В. Ломоносов. Тамира и Селим (трагедия).

Ломон., Утрен. разм. — М. В. Ломоносов. Утреннее размышление о божием величестве.

Львов. л. — Львовская летопись. П. С. Р. Л., т. XX, СПБ, 1914.

Лыньк. — М. Лыньков (белорусский писатель).

М

Майк., Ел. — В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх.

Мал., От. вс. серд. — Е. Мальцев. От всего сердца.

Мам.-Сиб., Миллионы — Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы.

Мар. — Мариинский Кодекс. Евангелие.

Мар. Лук. — Мариинский Кодекс. Евангелие от Луки.

Мар. Мр. — Мариинский Кодекс. Евангелие от Марка.

Мат. Б. — Материалы для изучения белорусских говоров.

А. Матвеев, Зап. кн. — А. А. Матвеев. «1702 генваря в 25 д. записная книга всяким ведомостям, что с каких известий с приезду своего в Гравенагу сего же генваря... писал к великому государю к Москве только своею рукою...» (1700—1702 гг.). Отрывки в «Исторической Хрестоматии» Галахова, I, «Русская литература XVIII в.» Алферова и Грузинского.

Мат. для ист. делопр. помест. приказа по Волог. у. в XVII в. — Материалы для истории делопроизводства поместнаго приказа по Вологодск. уезду в XVII в., собр. В. Н. Стражевым.

Мат. и док. по ист. СССР — Материалы и документы по истории СССР, вып. 5, М., 1941.

Мат. пут. Ив. Петлина — Материалы, относящиеся к путешествию в Монголию и Китай Ивана Петлина в 1618 г. Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай Сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. Иоряс, 1913, т. XVIII, кн. 4.

Мат. Раз. — Материалы для истории возмущения Ст. Разина. Собр. А. Поповым, М., 1857.

Маяк., Хор. — В. Маяковский. Хорошо.

М. Грек — Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной Академии, ч. III, Казань.

Миклошич. Ср. мор. сл. яз. — Ф. Миклошич. Сравнительная морфология славянских языков, 1889.

Микл., IV — F. Miklosich. Vergleichende syntax der slavischen Sprachen, Wien, 1883.

Мин. 1097 г. — Минея 1097 г.

Мир. гр. Новг. — Мирная грамота Новгородцев с Немцами при кн. Ярославе Владимировиче 1199 г., Срезн.

Митр. Иллар. Сл. о законе и благ. — Илларион Митрополит Киевский. О законе и благодати. Похвала Владимиру Святому. Молитва

к богу от всей русской земли. Памятники древне-учительной литературы. СПБ, 1894—1896 г.

Митр. Кипр. иг. Афанас. — Ответы Митрополита Киприяна игумену Афанасию. Р. И. Б., т. 6.

Моск. акты, Докл. воев. — Акты Московского государства, изданные Имп. Акад. наук. Под ред. Н. А. Попова, т. 1—3, СПБ, 1890 — 1901.

Моск. Дух. акад. — Московская духовная академия.

Мр. — Евангелие от Марка.

Мстисл. гр. ок. 1130 — Грамота в. кн. Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 г. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I.

Н

Некр., В окоп. Стал. — В. Некрасов. В окопах Сталинграда.

Нест., Бор. Гл. — Чтение о жизни и о погублении блаженного страстотерпца Бориса и Глеба, Черноризца Нестора, Срезн.

Нест., Жит. Феод. — Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, написанное черноризцем Нестером до 1093 г., Срезн.

Ник. — Г. Н. Николаева. Жатва.

Никиф. м. Посл. — Послание Никифора, митр. Киевского к вел. кн. Володимиру, сыну Всеволожю, Срезн.

Никон. л. — Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. П. С. Р. Л., т. IX, СПБ, 1862.

Никон. Панд. — Пандекты Никона Черногорца, Срезн.

Нов. акты см. вр. — Акты Подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. Новые акты смутного времени, М, 1911.

Новый л. — Новый летописец. П. С. Р. Л., т. XIX, СПБ, 1914.

Новг. разр. гр. XV в. — Шесть Новгородских разрядных XV в. А. Ю № 257, Срезн.

Новг. I л. — Новгородская I летопись старшего и младшего изводов, АН СССР, М — Л., 1950.

Новг. II л. — П. С. Р. Л., т. II, Новгородская II летопись.

Новг. III л. — П. С. Р. Л., т. III, Новгородская III летопись.

Новг. IV л. — П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV летопись.

Новг. куп. — Новгородские купчие XIV—XV вв. А. Ю., № 71, Срезн.

О

Обол. сп. — Список Оболенского.

О гр. зл. — Повесть о горе и злочастии, как горе злочастие довело молотца во иноческий чин. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ, 1905.

Овс.-Кул., Синт. рус. яз. — Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПБ, 1912.

Опис. кн. — Книги земельных владений (описные книги). Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, АН СССР, ч. I, 1940; ч. II, 1945.

Орач. — О орачах, которые в черницах. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М. — Л., 1937.

Остр. ев. — Остромирово Евангелие.

Остр., Бедн. не пор. — А. Н. Островский. Бедность не порок.

Отв. гр. Кирил. мон. — Отводная Кириллову мон. на деревню Петроковскую 1448—1468, А. Ю., № 139, Срезн.

Откуп. гр. Якима и Матв. Петрова у намест. Гр. Вас. в Обонежье — Откупная грамота Якима Гуреева и Матвея Петрова у наместника Григория Васильевича на суд в Обонежье. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М. — Л., 1949.

П

Павл., Степ. сол. — П. Павленко. Степное солнце.

Пан. — В. Панова. Спутники, 1947; Кружилиха, 1950.

Паис. сб. — Паисиевский сборник конца XIV или начала XV в., Срезн.

Пам. Нерч. тамож. голове. Ак. ист. — См. Ак. ист.

Пам. ист. Вел. Новг. — Памятник истории Великого Новгорода, ред. С. В. Бахрушина, М., 1909.

Пам. дипл. сн. Р. — Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Сборник русского исторического общества, т. XXXVIII, СПБ, 1888.

Пам. ист. см. вр. — Памятник истории смутного времени. Р. И. Б., т. XIII, СПБ, 1909.

Панд. Ант. — Пандект Антиоха, Срезн.

Панф., Бруски — Ф. Панферов. Бруски.

Пат. Печ. — Патерик Печерский, Срезн.

П. В. Л. по Лавр. л. — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи, 1377 г., изд. АН СССР, М. — Л., 1950.

Перв., Честь смол. — А. Первенцев. Честь смолоду.

Перем. гр. в кн. Моск. Ив. Вас. с Ал. в. кн. Лит., 1494 г. — Лист перемирный вел. кн. Московского Ивана Васильевича с вел. кн. Литовским Александром 1494 г., Срезн.

Перем. гр. кор. Ал. с в. кн. Ив. Вас. — Перемирная грамота короля Польского Александра с вел. кн. Московским Иваном Васильевичем 1503 г., Срезн.

Переп. Курб. с Гроз. — Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. Изд. импер. Археогр. комиссии, Пг., 1914.

Пересв. 1 чел. — В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., 1908, кн. 1.

Переяс. сп. — Переяславский список.

Писем. Тыс. душ — А. Ф. Писемский. Тысяча душ.

Писем. Ипох. — А. Ф. Писемский. Ипохондрик.

Письма и бум. Петра Вел. — Письма и бумаги императора Петра Великого, СПБ, 1887 г. и сл.

Пис. дочери Бор. Год. Ксении — См. Булахов., Ист. коммент.

Пис. р. гос. — Письма русских государей и других особ царского семейства. Изд. Археогр. ком., т. I, М., 1848.

Письмо Т. к Т. — Письмо В. Н. Татищева к В. К. Тредиаковскому. С. П. Обнорский и С. Г Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. I.

Пис. ц. Ал. Мих. — Письма царя Алексея Михайловича. Собр. писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бортенев, М., 1856.

Пов. кн. Ив. Мих. — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, Памятники смутного времени, РИБ., т. XIII, М., 1909. Ред. Яковлева.

Пов. кн. Сем. Шаховск. — Повести князя Семена Ивановича Шаховского, Памятники смутного времени, РИБ., т. XIII, М., 1909. Ред. Яковлева.

Пов. о Валтас. — Повесть о Валтасаре Кралевиче како служа некоему царю. Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть 1423 г

Пов. о Петре и Февронии — Повесть о Петре и Февронии. Труды отдела древнерусской литературы, АН СССР, М. — Л., 1947, т. 7.

Пов. о прих. Батыя на Рязань в 1237 г. — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ, 1867.

Пов. о 3-х кор. — Повесть о трех королях-волхвах. Памятники древней письменности, 1903, № 150, изд. Перетц.

Пов. чест. ж. ц. и в. кн. Ф. И. — Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича. П. С. Р. Л., т. XIV, СПБ, 1911.

Погод. сп. — Погодинский список.

Подвыс., Сл. обл. арх. нар. — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, 1885.

Помял., Мещ. сч. — Н Г. Помяловский. Мещанское счастье.

Помял., Очер. бурсы — Н. Г Помяловский. Очерки бурсы.

Пов. Сав. — Повесть о попе Савве. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М. — Л., 1937

Посл. Вас. о рае. Хр. Бусл. — См. Бусл. Хрест.

Посл. в. кн. Вас. Вас. констант. патр. Митрофану. — Послание великого князя Василія Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану объ отступлении отъ православия митрополита Исидора, съ требованием согласия на поставление другаго митрополита, по избранию и рукоположению русскихъ епископовъ. Р И. Б., т. VI.

Посл. Гроз., Бусл. Хрест. — См. Бусл. Хрест.

Посл. Ив. Вас. к Курб. — Послания Ивана Грозного, АН СССР, М. — Л., 1951.

Посл. кор. пол. Ст. Баторию. — Послания Ивана Грозного, АН СССР, М. — Л., 1951.

Посош., О скуд.; О ратн. повед. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве; О ратном поведении — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951.

Поуч. арх. Луки к братии — Поучение архиепископа Луки к братии. Памятники древнерусской церковноучительной литературы, СПБ, 1894—1896.

Поуч. Вл. Мон. — Поучение Владимира Мономаха. Повесть временных лет, АН СССР, М. — Л., ч. I, 1950. Летопись Нестора, Русск. классич. б-а., ред. Чудинова, СПБ, 1912.

Похв. Онуф. Мин. чет. — Слово похвальное преп. Онуфрию Великому из Минеи четии июньской по сп. XV—XVI в. Москов. синод. библ., № 89—205, Срезн.

Поход. жур. 1707 г. — Походный журнал 1707 г., СПБ, 1854.

Прав. гр. 1491 г. — Правая грамота Савво-Сторожевскому мон. до 1491 г. А. Ю., № 7, Срезн.

П. Р. — Правда Русская, т. I, АН СССР, М. — Л., 1940.

Прав. гр. Кир. мон. ок. 1490 г. — Правая грамота Кириллову мон. около 1490 г., А. Ю., № 6, Срезн.

Прам. Мял. — Прамова Мялешки. Труды Белорусского государственного университета, 1927, № 16.

Про Бову — Сказания про храброго витязя, про Бову королевича. — Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв., 1952. Б. Н. Дунаев. Библиотека старорусских повестей.

Псалт. — Псалтырь.

Пск. л., Бусл., Хрест. — Псковская летопись, см. Бусл., Хрест.

Пск. 1-я л. — Псковские летописи. Вып. 1, подготовил к печати А. Насонов, М. — Л., 1941. Указаны списки.

Псков. суди. гр. — И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, М., 1951. См. также изд. Археогр. комис. под наблюдением И. Д. Чечуриина, СПБ, 1814.

П. С. Р. Л. — Полное собрание русских летописей.

Пут. в св. з. Лукьян. — Путешествие в святую землю Священника Лукьянова (1711 г.). Русский Архив, вып. 1, 1863.

Пут. на Мальту Б. П. Шеремет. — Путешествие в Мальтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметьева, 1697—1699. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. X, СПБ, 1871.

Пут. П. Толст. — Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу царского указа от 7205 г. января 11 дня, 1697 г. и 1698 г. Изд. Русский Архив, 1888, кн. 1, 2.

Пушк. — А. С. Пушкин.

Пушк., Арап Петр. Вел. — А. С. Пушкин. Арап Петра Великого.

Пушк., Барыш.-крест. — А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка.

Пушк., Бахч. фонт. — А. С. Пушкин. Бахчисарайский фонтан.

Пушк., Бор. Год. — А. С. Пушкин. Борис Годунов.

Пушк., Дубров. — А. С. Пушкин. Дубровский.

Пушк., Егип. ночи — А. С. Пушкин. Египетские ночи.

Пушк., Евг. Он. — А. С. Пушкин. Евгений Онегин.

Пушк., Кап. д. — А. С. Пушкин. Капитанская дочка.

Пушк., Пов. Белк. — А. С. Пушкин. Повести Белкина.

Пушк., Ник. д. — А. С. Пушкин. Пиковая дама.

Пушк., Рус. и Люд. — А. С. Пушкин. Руслан и Людмила.

Пушк., Стан. смотр. — А. С. Пушкин. Станционный смотритель.

Пчел. — Пчела Моск. Синодальной библ. № 579, Срезн.

Р

Р. А. — Радзивилловский и Академические списки «Повести временных лет».

Рад. прол. — См. Миклошич. Ср. морф. сл. яз.

Рад., Пут. — А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I, М. — Л., 1938.

Рад., Брон. — Бронницы, см. Рад., Пут.

Рад., Выдроп. — Выдропуск, см. Рад., Пут.

Рад., Город. — Городня, см. Рад., Пут.

Рад., Зайц. — Зайцово, см. Рад., Пут.

Рад., Крест. — Крестьцы, см. Рад., Пут.

Рад., Новг. — Новгород, см. Рад., Пут.

Рад., Подб. — Подберы, см. Рад., Пут.

Рад., Сл. о Ломон. — Слово о Ломоносове, см. Рад., Пут.

Рад., Спас. пол. — Спасская полесть, см. Рад., Пут.

Рад., Тосна — см. Рад., Пут.

Рад., Торж. — Торжок, см. Рад., Пут.

Рад., Хот. — Хотилов, см. Рад., Пут.

Рад., Чер. гр. — Черная грязь, см. Рад., Пут.

Рад., Чудово — см. Рад., Пут.

Рад., Яжелб. — Яжелбицы, см. Рад., Пут.

Радз. сп. — Радзивилловский список «Повести временных лет».

Разг. — В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. II. Учпедгиз, 1948.

Разр. — Книги разрядные, изданные II отделением собственною его Императорского Величества канцеляриею, т. I, II, 1853.

Ред. — Редакция.

Р. И. Б. — Издание «Русская историческая библиотека».

Рим. д. — Истории из римских деяний, изд. ОЛДП, 5 и 33, вып. 2, СПБ, 1878.

Р. Л. А. — К. Е. Напьерский. Русско-Ливонские акты, 1868.

Розыск. дела — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археогр. комиссии, т. I — 1884, т. II — 1885, т. III — 1888, т. V — 1893.

Ром. Белор. сб. — Е. Г. Романов. Белорусский сборник, вып. I—IX, Киев, Вильно, 1891—1903.

Ром., Неопубл. сб., в. Дубоука. — Е. Г. Романов. Неопубликованный сборник, хранившийся в АН БССР. Погиб во время Вел. Отеч. войны.

Ром. в стих. — Отрывок романа в стихах. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., 1905.

Рус. драм. произв. — Русские драматические произведения, СПБ, т. I — 1874, II — 1874.

Рус. повести — В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., 1905.

Рус. сат. пов., ред. Адр.-Перетц — В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., 1927.

Русск. хрон. Микл. — см. Микл. IV.

Р. Ф. В. — Журнал «Русский Филологический Вестник». См. Р. Ф. В. Указатели 1879—1913. I — LXX, Варшава, 1913.

Рыбак. — А. Рыбаков. Водители, Мол. Гвард., 1951.

Ряз. корм. 1284 — Кормчая книга Рязанская 1284 г. Импер. публ. библ., Срезн.

Рядная крст. Робичинской вол. с Юрьев. мон. — Рядная крестьян Робичинской волости с Юрьевским монастырем о повинностях и дарах. Грамоты великого Новгорода и Пскова, АН СССР, М. — Л., 1949.

Рыбн. — Песни, собр. П. Н. Рыбниковым, ч. I, Народные былины, старины и побывальщины, М., 1861.

С

Савв. — Саввина книга. Изд. В. Щепкина, 1903.

Сб. XVI в. Позн. — Сборник XVI в. (около 1580 г.), П.С.Р.Л., т. XVII.

Сб. XVII в. — см. Бусл., Хрест.

Сбор. Кирш. — Сборник Кирши Данилова, СПБ, 1901.

Собр. гр. — Собрание государственных грамот и договоров, т. I, II, III, IV, V, изд. I, 1813.

Сб. XV в. Публ. б. — Сборник XV в., хранящийся в Публичной библиотеке.

Свед. и зам. — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. I, СПБ, 1867; т. II, СПБ, 1876; т. III, СПБ, 1879; т. IV, СПБ, 1880.

Сев. ск., Онч. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. Записки русского географического общества по отделению этнографии, т. XXXIII, СПБ, 1908.

Сераф., Жел. поток. — А. С. Серафимович. Железный поток.

Сем., Ал. ух. — Т. Семушкин. Алитет уходит в горы.

Сильв. Медв., Запис. — Сильвестр Медведев. Записки русских людей. События времен Петра Великого, СПБ, 1841.

Сим. — К. Симонов. Товарищи по оружию, Новый мир, 1952, № 10—12.

Сим., Сб. пословиц XVII в. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий. Собр. и подготовил к печати П. Симони, I—II, СПБ, 1899 (сб. ОРЯС, т. 66, № 7).

Сим. Пол., Избр. соч. — Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, АН СССР. 1952.

Сим. Пол., Юдифь — Симеон Полоцкий. Иудифь. Н. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. I, СПБ, 1874.

Сим. Пол., Ком. о блуд. сыне — Симеон Полоцкий. Комедия о блудном сыне.

Син. сп. — Синодальный список.

Син. сп. I Новг. л. — Синодальный список I Новгородской летописи. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. АН СССР, М—Л., 1950.

Сказ. Авр. Пал. — Авраамий Палицын. Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря.

Сказ. Бор. Гл. — И. И. Срезневский. Сказание о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский сп. XIV в., СПБ, 1860.

Сказ. Вас. — Сказание о царе Василье Констентиновиче по имени града Костентина. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ, 1905.

Сказ. Мам. поб. — Сказание о Мамаевом побоище, Изд. О. Л. Д. П., с предисловием К. С. Шамбинаго, 1907.

Сказ. о Гришке — Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени, Р. И. Б., т. XIII, изд. 2, СПБ, 1909.

Сказ. о трех цареи — Сказание о трех цареи и о царе Несмеяне и царе Борзомысле Дмитриевиче. В. В. Сипопский. Русские повести XVII—XVIII вв., 1905.

Сказ. о ц. Ф. И. — Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича, Р. И. Б., т. XIII, изд. 2, СПБ, 1909.

Слав. рук. б. Син. биб. — № 703, Шпеков, прил., 141, Булаховск., Коммент. — см. Булахов. Ист. коммент.

Сл. Д. Зат. — Слово Даниила Заточника. 1) Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII в. и их переделкам, Л., 1932 (Указаны римск. цифры); 2) По всем известным спискам. СПБ, 1889.

Слепцов, Отр. из дор. зам. — В. А. Слепцов. Отрывок из дорожных заметок.

Слепцов, На жел. дор. — В. А. Слепцов. На железной дороге.

Слепцов, Сц. в больн. — В. А. Слепцов. Сцены в больнице.

Сл. и дело государевы — Новомбергский. Слово и дело государевы. т. I (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.), М., 1911; т. II (1690—1763 гг.), Томск, 1909.

Сл. о полк. Иг. — Слово о полку Игореве. А. С. Орлов Слово о полку Игореве, АН СССР, М., 1946.

Сл. под ред. Д. Н. Ушакова — Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, т. I—IV.

См. гр. 1229 г. — Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229 г. Изд. в «Русско-Ливонских актах» К. Е. Напьерского, 1868.

Сп. Радз. — Список Радзивилловский.

Сп. Тр., Радз., Моск. дух. ак. — Списки Троицкий, Радзивилловский и Московской духовной академии.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словари древнерусского языка по письменным памятникам, т. I — 1893, т. II — 1902, т. III — 1912.

Срезн. Пам. юс. п. — И. И. Срезневский. Памятники юсового письма, СПБ, 1868.

Срезн. Пам. рус. п. — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2, СПБ, 1882.

Ср. морф. сл. яз. — Ф. Миклошич. Сравнительная морфологии славянских языков, 1889.

Стат. 1529 — Литовский статут 1529 г. Временник императорского московского общества истории и древностей Российских, кн. 18, М., 1864.

Стат. сп. Вас. Лихачева — Статейный список посланников Василея Лихачева и дьякона Ивана Фомина бытности их во Флоренции с благодарением за учиненное бывшим в Венеции Российским посланникам Чемоданову и Постникову... Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными, т. X (с 1580 г. по 1699 г.), СПБ, 1871.

Стеф. Новг. — Странник Стефана Новгородца, написанный после 1347 г. Сказан. рус. нар., т. VIII, стр. 51—56, Срезн.

Сув. — Уменье побеждать. Деяния и заветы А. В. Суворова, 1796 г. См. также Свердлгиз, 1942.

Судеб. 1497 г. — Судебник вел. кн. Ивана Васильевича, 1497 г. в списке XVI в. Ак. Ист., т. I, № 105, Срезн.

Сузд. л., сп. Ак. — Суздальская летопись по Академическому списку, П.С.Р.Л., т. I, вып. II, изд. II, Л., АН СССР, 1928.

Сузд. л., сп. Лавр. — Суздальская летопись, по Лаврентьевскому списку, П. С. Р. Л., т. I, вып. III, изд. II, Л., АН СССР, 1927.

Сумар. — А. П. Сумароков.

Супр. рук. — Супрасльская рукопись. Памятник старославянского языка XI в., изд. Северьяновым в «Памятниках старославянского языка», т. II, вып. 1, СПБ, 1904.

Сух.-Коб., Свадьб. Креч. — А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского.

Т

Тат. Ист. Рос. — В. Н. Татищев. История Российская. С. П. Обнорский и С. Г Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. II. Учпедгиз, 1948.

Твардов., Вас. Теркин — А. Т. Твардовский. Василий Теркин.

Твер. л. — Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Составлен в 1534 г. П. С. Р. Л., т. XV.

Тихан. сп. — Тихановский список Пск. 1 л.

Тихон. Пам. отреч. рус. лит. — Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, СПБ, 1863.

Толк. Псал. XII в. — Толковая псалтырь, Срезн.

Толст., Вл. тьмы — Л. Н. Толстой. Власть тьмы.

Толст., В. и М. — Л. Н. Толстой. Война и мир.

Тред. — В. К. Тредьяковский.

Тред., Езда в ост. любви — В. К. Тредьяковский. Езда во остров любви.

Тредьяк., Телемах. — В. К. Тредьяковский. Телемахида.

Тристан — Почннается повесть о витязах с книг сэрбъских, а звоаша о славном рыцары Трысчапе, о Анцэлоте и о Бове и инших многих витязях добрах. Сборник отделения русского языка и словесности ИАН, т. XLIV, № 3, СПБ, 1888.

Троиц. л. — Троицкая летопись, Срезн. См. М. Ф. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция летописи, АН СССР, М. — Л., 1950.

Тр. сп. — Троицкий список.

Трут. — «Трутень», журнал XVIII в. Новикова

Тург. — И. С. Тургенев.

Тург., Вешн. воды. — И. С. Тургенев. Вешние воды.

Тург., Двор. гн. — И. С. Тургенев. Дворянское гнездо.

Тург., Ерм. и мельн. — И. С. Тургенев. Ермолай и мельничиха.

Тург., Зап. ох. — И. С. Тургенев. Записки охотника.

Тург., Накануне — И. С. Тургенев. Накануне.

Тург., Однод. Овсян. — И. С. Тургенев. Однодворец Овсянников.

Тург., Холост. — И. С. Тургенев. Холостяк.

Тург., Уезд. лек. — И. С. Тургенев. Уездный лекарь.

Тург., Хорь и Калин. — И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч.

Тютч. — Ф. И. Тютчев.

У

Улож. — Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г. «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится...» изд. 10-е, СПБ, 1820.

Уряд. Сокольн. пути, 165, 104. — Урядник Сокольничья пути. Бусл., Хрест., стр. 313—325.

Устав. гр. в. кн. Вас. Дмит. Двин. земле — Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича Двинской земле. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, ред. С. М. Валка, АН СССР, М. — Л., 1949.

Уст. гр. Сузд. арх. Дион. ок. 1382 г. Срезн. маг. — Уставная грамота Суздальского арх. Дионисия Снетогорскому мон. около 1382 г. Р. И. Б., т. VI, № 24, Ак. Ист., т. I, № 5, Срезн.

Уст. гр. дв., 1397 г. — Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича Двинянам 1397 г. А. Арх. экс., т. I, № 13, Срезн.

Устав монаст. — Монастырский устав Софийской библиотеки, см. Др. пам., изд. I, стр. 184—185, Срезн.

Уст. св. — Устюжинский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной, АН СССР, М. — Л., 1950.

Уч. зап. Ленингр. П. И. — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Фад., Мол. гвард. — А. Фадеев. Молодая гвардия.

Фад. — А. Фадеев. Разгром.

Фад., Посл. из Уд. — А. Фадеев. Последний из Удеге.

Федин, Гор. и годы — К. Федин. Города и годы.

Феод. Печ. — Преподобный Феодосий Печерский и его поучения. Памятники древнерусской церковноучительной литературы, СПБ, 1894—1896.

Фил. зап. — журнал «Филологические записки». Указатель за 1860—1872 гг. в Ф. З. 1872 г., IV. Указатель за 1873—1880 гг. в Ф. З. 1880 г., VI. Указатель за 1860—1886 гг., Воронеж, 1888 г. Указатель за 1887—1899 гг. в Ф. З. 1900 г., IV—V, Воронеж, 1900.

Фонв. — Д. И. Фонвизин.

Фр. Скоб. — История о российском дворянине Фроле Скобееве. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ, 1905.

Х

Хожд. Аф. Ник. — Хождение Афанасия Никитина, П. С. Р. Л., т. VI, ср. новейшее издание под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, 1948.

Хожд. иг. Дан. — Житие и хождение Даниила русскыя земли игумена 1106—1107 гг. Православный Палестинский сборник, т. I, вып. 3, т. III, вып. 9., СПБ, 1885.

Хожд. Ионы в Иерус. (374) — Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьяка Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. Изд. О. Л. Р. П., 1882.

Хоз. Мор. — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, АН СССР, ч. I, Л., 1933, ч. II, 1945.

Хлеб. л., 6795 г. — Хлебниковская летопись, 6795. Срезн., т. II, в. I—II.

Хрест. Гудзия — Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древнерусской литературе, Учпедгиз, 1952.

Хрест., Обн. и Барх. — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. ч. I, Л., 1938, М.— Л., 1951., ч. II, вып. I, М., 1948, ч. II, вып. II, М., 1950.

Хрест. по ист. СССР — Хрестоматия по истории СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVII в. Составили: В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, Д. Е. Сыроечковский, изд. 3-е, М., 1949.

Ц

Царь. Орк. — Сказание о трех царех Оркадии и о царе Несмеяне Гордом и о царе Борзосмысле Дмитревиче. В. В. Сиповский. Русские повести XVII — XVIII вв., СПБ, 1905.

Церк. уст. Яр. — Церковный устав вел. кн. Ярослава по сп. XV в. из сборника Кирило-Белозерского монастыря, Срезн.

Черн., Что дел. — Н. Г. Чернышевский. Что делать?

Чехов, Юбил. — А. П. Чехов. Юбилей.

Чис. — Книга чисел — пятая из книг пятикнижья Моисеева.

Чис. XIII, 30 по сп. XIV в. — Книга чисел по списку Троицко-Сергиевой лавры XIV в. См. Свед. и зам., т. IV.

Чуд. сп. — Чудовский список.

Чулк. Приг. повар. — М. Д. Чулков. Пригожская повариха.

Ш

Шахмат., Синт. — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941.

Шахмат., Иссл. о Дв. гр. — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3, СПБ, 1903.

Шем. Суд. — Повесть о Шемякином суде.

Шейн, Р. н. п. — П. В. Шейн. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, ч. I, М., 1870.

Шол. Подн. цел. — М. Шолохов. Поднятая целина.

Э

Эренб., Пад. Парижа — Илья Эренбург. Падение Парижа.

Ю

Юл. Лаз. — Повесть о Юлиании Лазаревской: «Месяца января во 2-ой день преставления святые и праведные матере Иулиании Лазаревския. Списано сыном ея Каллистратом, пореклу дружиною Осорьиным». См. Хр. Гудзия.

Юр. ев. 1119 г. — Юрьевское евангелие после 1119 г., Срезн.

Я

Яков., Хол. Моск. г-ве — А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. АН СССР, М.. 1943.

Я. Кол. — Якуб Колас (белорусский писатель).

Якушк. П. — П. Якушкин. Путевые письма из Новгородской и Псковской губ., СПБ, 1860.

Ярл. Менг. Тим. — Ярлык хана Менгу Тимура 1267 г. Сб. гр., т. II, № 2., Срезн.

Ярлык хана Узбека — Ярлык хана Узбека митр. Петру 1315 г. Сб. гр., т. II, № 7.

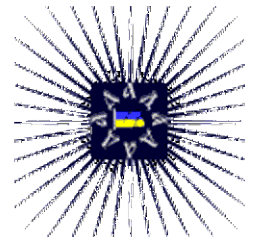
Ярыж. — Праздник кабацких ярыжек. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., М.—Л., 1937.

Яр. цес. — История о Ярополе цесаревиче. В. В. Сиповский. Русские повести XVII — XVIII вв., СПБ, 1905.

Яр. Яр. — История о Ярополе Ярополевиче бысть тако. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПБ, 1905.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XIII. РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ОБСЛУЖИВАЮЩИХ ИМЯ 137



Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета

Ломтев Тимофей Петрович

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Д. Э. Розенталь.* Технич. редактор *Г. И. Георгиева*

Сдано в набор 13/IX 1955 г. Подписано в печать 31/X 1956 г. Т-10155. Изд. № 407. Формат 60×92/16. Печ. л. 37,25. Бум. л. 18,62. Уч. изд. л. 39,4. Тираж 15 000. Заказ 1278. Цена 14 р. 80 к.

Издательство Московского университета. Москва, Ленинские горы.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 4-я тип. им. Евг. Соколовой. Ленинград. Измайловский пр., 29.